VISIT…

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО...

1941-1945

ПУБЛИЦИСТИКА И ОЧЕРКИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

/АПНЛ
БИБЛИОТЕЧКА
VAPN/

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

...•

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО.

1941—1945

ПУБЛИЦИСТИКА
И ОЧЕРКИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

В двух томах

Издание второе

Издательство
Агентства печати Новости
Москва, 1984

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО...

Том 2

1943-1945

Сквозь время – везде и всегда –
Мучительно помним про это.
Пришла в сорок первом беда
И лишь в сорок пятом победа.

ББК 63.3(2)722
0-80

Составитель и автор послесловия
С. КРАСИЛЬЩИК

Предисловие Э.
ГЕНРИ

Рецензент
кандидат филологических наук
Л. Лазарев

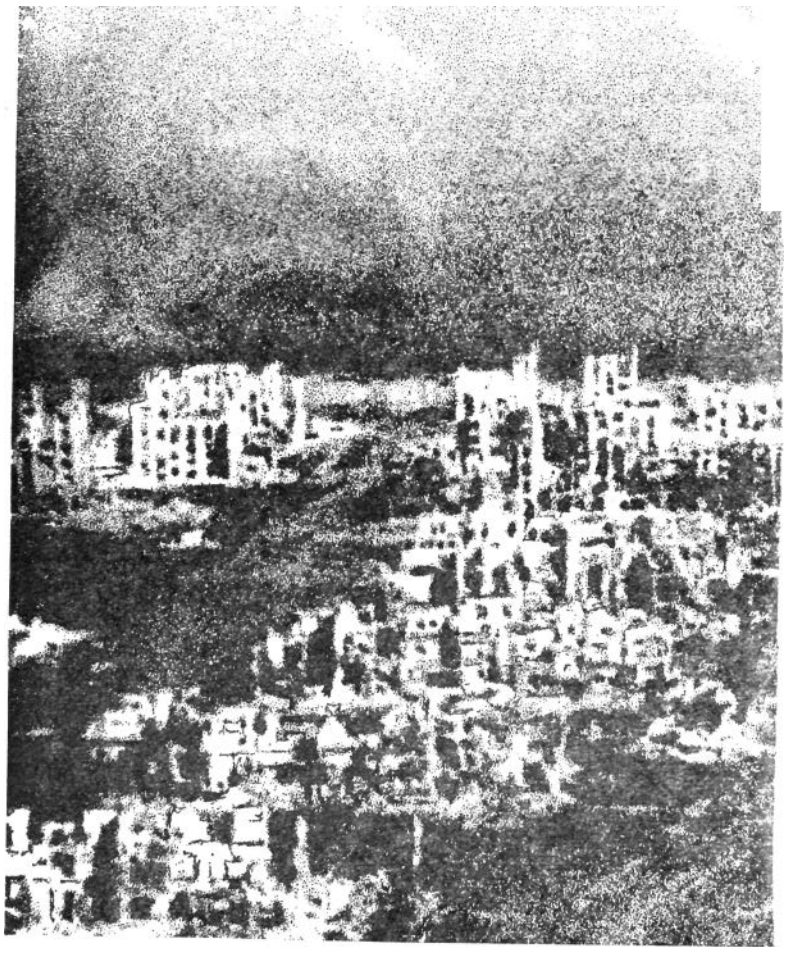
От Советского Информбюро... 1941—1945. В 0-80 2-х т.Т. 2. Сост. С. Красильщик. — 2-е изд. — М.: АПН, 1984.—478 с., ил. —(Б-чка АПН).
100000 экз.

Во второй том сборника включены статьи и очерки известных советских писателей и публицистов, написанные в1943—1945гг., которые показывают, как ковалась победа в Великой Отечественной войне, каких жертв и героических усилий потребовала она от всего советского народа. В сборнике представлены фотографии военных лет.

О 4702010000-02^ Без объявл ББК
«3.3(2)722
067 (02)—84

© Издательство Агентства печати Новости, **1982**

1943



И вспять покатилась орда. Мы
снова весь путь повторяли. Мы
брали назад города, Мы
близких навеки теряли.

Константин Ваншенкин

**На днях наши войска, расположенные
южнее Ладожского озера, перешли
в наступление против немецко-фашистских войск,
блокировавших г. Ленинград...
Прорвав долговременную укрепленную
полосу противника глубиной до 14 километров
и форсировав реку Нева, наши войска
в течение семи дней напряженных боев,
преодолевая исключительно упорное
сопротивление противника, заняли:
г. Шлиссельбург, крупные укрепленные пункты
Марьино, Московская Дубровка, Липка, рабочие поселки
№№ 1, 2, 3, 4. 5, 6, 7, 8,
станцию Синявино и станцию Подгорная.
Таким образом, после семидневных боев
войска Волховского и Ленинградского фронтов
18 января соединились и тем самым
прорвали блокаду Ленинграда.**

**Из сообщения Совинформбюро
"В последний час" 18 января 1943 г.**

БИТВА НА НЕВЕ

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ

Ночь на 12 января... По заснеженным дорогам идут и идут войска, исчезая во мраке, в лесах. Движутся автоколонны. Дальнобойные батареи заняли фронт от Ладожского озера до Ленинграда. Жерла устремлены на Шлиссельбург, на Московскую Дубровку, на Синявино. Мерцают кое-где огоньки. Мчатся с последними распоряжениями офицеры

связи. Балтийским морякам-артиллеристам приказ о наступлении был объявлен рано утром. Темно, холодно. При скупом свете керосинки сверкают только молодые горячие глаза. Краткое вступление... "Город Ленина ждет. Он вправе требовать такого удара, чтобы немецкую блокаду к чертям сорвать и дух немецкий вообще выветрить из окрестностей".

На артиллеристов ложится задача очень большого значения. Сложные инженерные узлы, вся эта сеть немецких дотов, дзотов, траншей, укреплений, карьеров, батарей, затянутая вокруг Ленинграда, должна быть пробита! Артиллеристы-балтийцы выделяют сотни своих моряков и в ряды гвардейской пехоты. На аэродромах готовятся летчики. Балтика в историческом бою будет биться везде, и биться с таким напором, что он в памяти людской останется.

Дивизии на исходных рубежах. Все тихо, незримо. Сотни и сотни орудий, расставленных скрытно и умело, ждут. Утро. Глаза всех впились в стрелку часов. Ну, ну? .. 9 часов 30 минут, и загрохотали орудия. Артиллерия - "бог войны". Весьма свирепый и могучий бог, ничего не скажешь. Это металлургия Ленинграда, металлургия страны объясняла Гитлеру, что такое война против СССР.

Били многие калибры. От малых тявкалок до пушек-гигантов, снаряды которых покрепче авиабомб весом в тонну.

Дымом стало заволакивать горизонт. Наблюдатели впились в эту бурую стену, сквозь которую пробивались огни разрывов. Гул, гул, сплошной гул, а порой выбрасывало черные гейзеры дыма.

Орудия накалились. Пузырилась краска. Потом она стала гореть. Орудия были белого маскировочного цвета, - они стали бурыми, черными. От них волнами несло горячий воздух. Артиллеристы работали, не прекращая и не снижая темпов. Через руки проходили сотни пудов металла, сотни бросков, толчков, резких напряжений всех мышц. Люди обливались потом на морозе, сбрасывали ватники, бушлаты. Показались знакомые тельняшки и крепкие мускулы.

Стоял сложный смешанный гул, треск и грохот. В него вторгался львиный рык пушек. Немцы отвечали. Местами от обработки артиллерии чернел снег.

Бомбардировщики и штурмовики конвейером ныряли, пикировали прямо на немецкие позиции. Всеми овладела горячка боя. Сносились целые немецкие узлы сопротивления. На некоторых участках ошеломленные, оглохшие фрицы побежали спасаться во вторую линию. Артиллеристы добрались и туда…

В назначенный час двинулась пехота. Исходной точкой был на нашем участке знаменитый рубеж балтийских моряков на Неве: здесь все бойцы за редкую отвагу поголовно орденоносцы. Здесь в знак упорства, в знак неукротимости духа еще осенью моряки, взяв немецкий опорный узел, воткнули в глубину окопа русскую винтовку и на штык ее - матросскую тельняшку, полосатую, бело-синюю. Всю зиму немцы хотели сбить моряков с этого рубежа. Не смогли.

Теперь на этом участке и начался удар. Как шли, если бы вы видели, как шли ленинградские полки! По льду, среди разрывов - полыньи вокруг - лица, обращенные прямо к врагу, - и по морозу, в голубеющее небо клич: "За Ленинград!" Штыком и гранатой по сопротивляющимся фрицам!

Артиллеристы армии и артиллеристы-балтийцы перенесли огонь в глубину. Раскаленный металлический вал покатился дальше.

Бой в современной войне не решается одним броском. Завязалась борьба. Невские селения, электростанции, торфяные разъезды, склады - все было превращено немцами в крепостные сооружения, в фортификации разных видов.

На батареях переходили к методической стрельбе, потом вновь применяли огневые налеты. Так били орудия балтийских артиллеристов Тарасова, Потехина, Жука, Барбакадзе, Лезотова, Симакина и других. Всех не назовешь. Работали все - больные, раненые, девушки-связистки, писари. Никто в стороне быть не мог. Это за Ленинград! За всех родных, близких, столько перестрадавших... Все, что было в силах человеческих, сделано было в этом напряженнейшем долгом бою. Ночь сменилась утром. Стоял 17-градусный мороз. Утомленные непрерывной тревогой и стрельбой, люди не отдыхали. Ленинград - честные, доблестные рабочие и работницы, инженеры и техники оборонных заводов - давал нам новый боезапас. Его выгружали по ночам у батарей. Мы не^знали нужды в снарядах.

Бой длился сутки за сутками. Разрушались и истреблялись немецкие узлы один за другим, десяток за вторым, за третьим. Долгими ночами висели желтые мертвенные

ракеты над лесами Невы. С озера в штурмовые атаки пошли храбрецы-лыжники. Немецкая оборона дала ряд трещин. Она стала разваливаться на куски.

Бойцы Ленинграда с упорством неописуемым двигались вперед и вперед. Артиллеристы продолжали свою работу.

С Невы везли раненых стрелков - героев штурмового удара. Один майор спросил: "Где моряки?" Расцеловал их, закопченных, утомленных и радостных: "Ну, черти, и огонь вы дали! Ну и дали!"

Наблюдательные пункты сообщали новость за новостью. Наши штурмуют Шлиссельбург. Взято много опорных пунктов. Гонят пленных.

Огонь переносился все дальше. Впереди, по железнодорожным веткам, уже шли саперы, железнодорожные рабочие. Немцы огрызались, по ночам подтягивая железнодорожные батареи. Их засыпали огнем и выметали с их позиций. Вспыхивали новые пожары в немецком тылу. По ночам над нашими головами, почти задевая за телеграфные столбы, пролетали наши ночники-бомбардировщики - держать немцев, не давать им ни минуты передышки. К станциям в ближнем немецком тылу подвозили резервы. Их накрывали сразу форсированными артиллерийскими ударами. И в снегах оставались сотни трупов.

Артиллеристы Балтики во много раз перекрыли в этой битве уставные нормативы.

Бой принимал все больший размах. Из роты в роту, с батареи на батарею бежал слух: "Пробились, соединились!"

О, много еще мы будем говорить об этой битве. Но это потом. Сейчас бой продолжается. В радости своей ленинградцы обращают первую мысль свою к фррнту. Чем они сегодня помогли ему? Чем его порадовали? Чем отдарить бойцов, которые идут сквозь болота и леса, по пояс в снегу, под огнем?

Поможем фронту всем, что только мы можем сделать. Будем громить, опрокидывать врага. Гнать его, гнать до края могилы, впихнуть туда поглубже, утрамбовать, засыпать, утрамбовать еще и еще. Ненависти, воли и силы у Ленинграда хватит! Мы сполна за все рассчитаемся с Гитлером. Расчет уже начат!

20 января 1943 года

Сегодня, 2 февраля,
войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. Наши войска сломили сопротивление противника, окруженного севернее Сталинграда, и вынудили его сложить оружие.
Раздавлен последний очаг сопротивления противника в районе Сталинграда.
2 февраля 1943 года историческое сражение под Сталинградом закончилось полной победой наших войск.

Из сообщения Соеинформбюро
"В последний час* 2 февраля 1943 г.

ОТВЕТ СТАЛИНГРАДА

Евгений КРИГЕР

Когда-нибудь в далеком будущем историки снова и снова вернутся к изучению поразительного явления в области военного искусства - обороне Сталинграда в 1942 году. Они ничего не смогут понять, если не примут в расчет один фактор, не поддающийся графическому изображению на картах и схемах.

В те дни советская страна находилась под угрозой небывалой, зловещей. Немцы под Сталинградом, в самом Сталинграде, немцы на горных перевалах Кавказа, в калмыцких степях, на подступах к нефти, немцы рвутся к Астрахани, заносят окровавленный меч над великой русской рекой, грозят перерубить гигантскую, питающую фронт артерию - Волгу. У всех на сердце великое слово: Сталинград. И в нем для миллионов людей и тревога, и гордость, и боль, и суровая прочная слава - на века, для потомков.

Изучая карту сталинградской обороны, будущие военные исследователи увидят, что все преимущества были на стороне гитлеровской армии. Множество сухопутных дорог для подвоза войск и боеприпасов к линии фронта

(в то время как у защитников города одна переправа - через Волгу), обширная территория для маневра (у нас же позиции узкой полосой вытянуты вдоль берега Волги, втиснуты в каменную тесноту города и на многих участках расположены ниже немецких позиций). И, наконец, появление под стенами города колоссальных сухопутных и воздушных сил против немногочисленного в первые дни сталинградского гарнизона.

Все это вместе взятое покажет историкам, что в подобных случаях защитить город было немыслимо и самый факт успешной обороны в течение многих месяцев противоречит обычному представлению о человеческих возможностях.

И ничего не поймут добросовестные и точные исследователи, если забудут о самом важном факторе - о свойствах русских людей, о нравственной силе советского человека.

В Сталинграде, как и всюду, на всех фронтах, ядро армии, ядро обороны составляли люди, родившиеся после Октября и воспитанные революцией, подвигами партии и народа. Многие из них, зарывшись с винтовками *в* разрушенный немецкими бомбами камень, помнили железные ночи Тракторостроя, Магнитки, Кузнецка, бураны в степи, ледяной ветер, от которого дыхание застывало во рту и кожа трескалась на руках, помнили оркестры, игравшие марши в буранах, труд комсомольцев-бетонщиков, арматурщиков, гнавших бетон днем и ночью, чтобы заводы были построены к сроку на Волге, на Урале, в Сибири.

Сталинград - город нашей молодости. Молодые заводы, молодые сады на левом берегу Волги, новые школы и институты, новые улицы. Я видел юношей и стариков, плакавших при виде горящего города, в котором многое было создано их руками.

Нож войны гитлеровцы вонзили в живое тело города. Молодой танкист, бывший учитель, рассказывал мне: он видел девочку, заваленную грудой камней на третьем этаже здания. Ее нельзя было вытащить. При малейшей попытке высвободить ее камень задавил бы девочку насмерть. Учитель видел хирурга, приступившего к чудовищной операции. Чтобы спасти девочке жизнь, нужно было отсечь ей зажатую камнем ногу. У девочки уже не было сил кричать: несколько часов она висела над дымящейся улицей. Внезапно хирург прервал операцию: немцы добили ребенка осколком.

Среди развалин, взывающих о мщении, в оцепенении города, раздавленного войной, в пламени и в дыму вдруг возникает детский хоровод. Взявшись за руки, дети танцуют. Это немыслимо. Тот, кто видел это, вздрагивал, будто глаза его поразила острая, резкая боль. Но это каменный хоровод - чудом сохранившаяся, исцарапанная осколками, опаленная пожарищем скульптурная группа: дети танцуют. Все, что осталось от площади. Этого я не забуду.

Таким мы видели Сталинград не одну ночь и не один день. Пламя войны терзало его многие недели, и уже не хватало в сердце горечи, чтобы до конца осознать нечеловеческую муку людей Сталинграда. И боль становилась злобой, сухой и едкой, как порох, брошенный на обнаженную рану. И самые простые, обыкновенные люди становились тогда солдатами невиданной обороны.

Много степных дорог вело с запада к городу, в район немецкой осады. Неделями, месяцами Гитлер гнал по этим дорогам войска, машины, снаряды, резервы, а у защитников Сталинграда была одна переправа, единственный путь к городу - через Волгу, в дыму, под бомбами и снарядами, под пулеметным огнем. Но одна русская переправа стоила многих немецких дорог. Город держался. По вздыбленной взрывами реке к нему пробирались волжские бар^<и с резервами, с боеприпасами, люди на берегу выстраивались в цепь, в реве и грохоте бомбардировок перебрасывались с руки мины, снаряды до самой линии боя, где люди срослись с камнем, и камень стал тверже, гнулись и ломались об него зубья вражеской военной машины.

Защитники Сталинграда, начиная от волжских лодочников на переправе до командиров дивизий и армий, дрались там, где драться было уже невозможно, стояли там, где выстоять было немыслимо, сражались в грудах камня, размолотого немецкими бомбами, изгрызенного немецкими танками, обращенного в пыль немецкими машинами и снарядами. Они решили, что не уйдут, хотя бы на их головы свалился весь ад войны, и они не ушли.

Гитлеровские военные обозреватели называли это "бессмысленной храбростью русских". Гитлеровцы считали, что Сталинград более не может обороняться. На узкие

кварталы города они сбрасывали не только бомбы, они сбрасывали листовки, обращенные к гвардейцам генерала Родимцева, к солдатам генерала Чуйкова, и в листовках изображали схему их окружения грандиозными силами немцев и убеждали, что сопротивление бесполезно, нужно прекратить борьбу, сохранить себе жизнь и сдаться.

Солдаты знали своих генералов. Они понимали, что немцы хотят посеять в лагере осажденных эпидемию страха. Солдаты топтали листовки ногами и снова бросались в атаку.

Тогда немцы решили довершить свой удар новым штурмом. Они начали штурмовать волю, психику, нравственную силу защитников города.

В небе ни на минуту не умолкал вой фашистских самолетов. Бомбардировщики появлялись с первыми лучами солнца и уходили только с темнотой. В один из самых трудных дней обороны они сбросили на узкий участок шириной в полтора километра две тысячи тонн бомб. Это - 1850 самолето-вылетов, 1850 ударов парового молота по хрупкому камню, в котором - люди. Взять измором нервы русского человека, долбить и долбить, ибо даже капля воды, падая непрестанно в течение многих и многих часов, может пробить человеческий череп и добраться до мозга.

Вслед за бомбардировкой гитлеровцы вводили в проломы свои танки, и перемолотый бомбами камень хрустел под стальными гусеницами, как во время пытки хрустят на дыбе человеческие кости.

Не было еще сражения, которое длилось бы непрерывно из часа в час, из минуты в минуту, неделями, месяцами. Такое сражение выдержали защитники волжского города.

В августе у германских генералов не было и тени сомнения в том, что Сталинград скоро, через несколько дней, будет немецким. Но еще в ноябре корреспондент "Берлинер берзенцайтунг" писал угрюмо:

"Борьба мирового значения, происходящая вокруг Сталинграда, оказалась огромным, решающим сражением. Участникам борьбы за Сталинград известны лишь ее отдельные ужасные детали, они не могут оценить ее во всем объеме и предвидеть ее конец. Если среди многих тысяч найдется Гойя, то пусть кисть его когда-либо изобразит потомкам все ужасы этой уличной борьбы. У тех, кто переживет сражение, перенапрягая все свои чувства, этот ад останется навсегда в памяти, как если бы он был выжжен каленым железом. Только позднее будут зарегистрированы характерные признаки этой войны, не имеющей прецедентов в истории войн, и будет создано тактическое учение об уличной борьбе, которая нигде еще не происходила в таких масштабах, с участием всех средств технической войны и в течение такого продолжительного времени. Впервые в истории современный город удерживается войсками вплоть до разрушения последней стены. Брюссель и Париж капитулировали. Даже Варшава согласилась на капитуляцию. Но этот противник не жалеет собственный город и не сдается, несмотря на тяжелые условия обороны".

Так писал гитлеровский корреспондент.

Фашистам хотелось бы, чтобы, "жалея собственный город", русские отдали его на растерзание фашизму. Но русские действительно жалели свой город, и они спасали его, они отстояли его, хотя, согласно "классической" военной теории, это невероятно, чудовищно.

Бой шел вплотную, как рукопашная схватка, где люди хватают друг друга за горло и душат. Но рукопашная схватка длится в окопе минутами, здесь она продолжалась месяцами. Бой шел в подвалах, на лестничных клетках, в оврагах, на высоких курганах, на крышах домов, в садах, во дворах - тесно было войне в Сталинграде. Люди вросли в камень, слились с городом в одно целое, и камни города стали живыми. В них слышались шорохи, человеческое дыхание, стук закладываемой обоймы.

Удержать Сталинград невозможно, но советские воины Сталинград удержали.

Как объяснить это?

Я помню слова начальника штаба 62-й армии, которую возглавлял генерал-лейтенант Чуйков. Начальник штаба работал в землянке, вырытой на самом берегу Волги. Он кашлял так, что больно было смотреть на него. Я думал, что он болен, и пожалел его, и сказал ему об этом, и он рассмеялся. Через полчаса я тоже стал кашлять, и тогда уже полковник пожалел меня и улыбнулся, и я понял, что кашель вызывается взрывными газами от немецких снарядов и бомб.

Начальник штаба трудился невозмутимо и обстоятельно, как в московском своем кабинете, приказания по телефону отдавал вполголоса, давая тем самым понять своим подчиненным, что все в порядке, обстановка для работы нормальная. И в тот день я запомнил его слова:

- Если бы три недели назад мне сказали, что и сегодня мы будем в Сталинграде, я бы не поверил. Прижатые к Волге, без возможности маневра, с одной переправой...

Нет, не поверил бы.

В то утро, когда происходил этот разговор, гитлеровцы бросили на поселок завода "Красный Октябрь" 130 танков с пехотой и автоматчиками. Бой развернулся в полутора километрах от землянки, в которой беседовал со мной полковник. Он продолжал:

- Кто может гарантировать, что через двадцать минут здесь не появятся немецкие танки и всем нам придется карабкаться на эти прибрежные кручи, чтобы выскочить, если до этого нас не прихлопнут? Это не только возможно, более чем вероятно. Тем не менее этого не будет.

Я спросил:

- Вы уверены, что вам удастся продержаться?

Глядя на меня воспаленными от бессонницы глазами, полковник быстро ответил:

- Теперь да.

- Но ведь теперь вам труднее в тысячу раз, чем прежде,' чем неделю, месяц назад.

- Да. Но теперь-то мы и узнали как следует наших солдат. Никто из них не хочет ни уходить, ни сдаваться. И они не уйдут, они верят в победу.

- Здесь?

- Да, - ответил полковник, - именно в этом положении и стоит верить в победу.

- Вы надеетесь на чудо? - спросил я.

Полковник усмехнулся.

- В советском военном лексиконе такого понятия нет. Мы надеемся на себя.

Вот что поражало всегда в Сталинграде. У солдат обороны даже в самые страшные дни не было чувства обреченности. Если немцы снова и снова переходили в наступление, - чем им ответить? Атакой! Так они действовали.

Когда-нибудь наши потомки увидят в обновленном солнечном городе бережно охраняемые руины домов, где держались гвардейцы генерал-майора Родимцева, бросаясь в атаку в тот час, когда немцы уже считали их мертвыми. Взводами они гнали немецкие роты, батальонами гнали немецкие дивизии, и городские кварталы, овраги, высоты трижды переходили из рук в руки. Гитлеровцы считали это бессмысленной храбростью русских. Смысл русской храбрости открылся врагам, когда их погнали от Сталинграда. Красноармейцы умели смотреть дальше и видеть больше, чем теоретики в фашистских штабах. Они знали, что рано или поздно их поведут в наступление. Это придавало им силы и в обороне.

Я ни разу не видел среди сталинградских бойцов людей с печатью уныния на лице, хотя были моменты, когда пасть духом могли бы самые сильные. Сами же гитлеровцы, несмотря на преимущества своего положения, вопили, что попали в ад. Теперь этот ад в памяти любых агрессоров действительно "останется навсегда, как если бы он был выжжен каленым железом".

Я помню день, когда народы мира - в Европе и за океаном - услышали сообщение, потрясшее умы, опрокинувшее обычное представление о возможном и невозможном, затмившее все, что знали в истории войн о доблести солдат и мудрости полководцев.

Русские под Сталинградом перешли в наступление.

Далеким наблюдателям это казалось невероятным. Считалось, что даже оборона Сталинграда есть чудо и советские войска, державшие подступы к Волге, пережили тот предел сверхмерного напряжения, за которым силы человеческие исчерпываются. Большего от человека, самого отважного, самого стойкого, ждать нельзя. И вот, прижатые к Волге, окруженные, стиснутые со всех сторон дивизии Сталинградского фронта в полном взаимодействии с другими войсками Красной Армии переходят от обороны к решительному наступлению, берут гитлеровцев в кольцо, грозят раздавить всю армию фельдмаршала фон Паулюса.

Кто мог думать тогда, что внезапным и точно рассчитанным ударом советские войска выгнут стальную дугу немецкого окружения и муки Сталинграда превратят в победу Сталинграда, зажмут вражескую армию в тисках

тройного окружения, заставят гитлеровцев зарыться в землю, голодать, питаться кониной и, наконец, предъявив предложение о капитуляции, получив отказ, начнут планомерное уничтожение всех германских войск в районе измученного Сталинграда.

В те тяжелые дни, осенью 1942 года, это казалось настолько невероятным, как если бы залитая лавой Помпея восстала из огненной своей гробницы и в страшной жажде возмездия поглотила Везувий.

С первого дня обороны советские солдаты верили, что рано или поздно их поведут в наступление. Вот почему не было видно угрюмых людей в Сталинграде, в дымящихся расщелинах между камнями, где и дышать почти немыслимо, а люди там дрались; на прибрежном песке, где оборонялись бойцы генерала Родимцева, хотя песок не может быть крепостью; на переправе, где лодочники и капитаны стали солдатами невиданной битвы; в толще города, где рушились стены домов и камни становились щебнем и пылью, а советские люди оставались стоять против десятков и сотен танков противника.

Четверть века, прожитая с ленинской истиной в сердцах миллионов людей, стала и здесь гранитом на берегах русской Волги. Доблестная мысль снова, как год назад под Москвой, взлетела над войсками зовом к наступлению и победе. Когда не советские, а фашистские армии стали гибнуть под Сталинградом, выяснилось, что именно на этом участке фронта разыгралась решительная борьба не только между советскими и немецкими солдатами, но между гитлеровским генеральным штабом и генеральным штабом Красной Армии. И советский генеральный штаб победил. Победила железная выдержка. В самые страшные для всей страны дни подготовлялся в полной тайне неожиданный и роковой для немцев удар. Это - победа советской военной мысли, советского плана войны. Это - победа ленинской партии, ее стратегического гения, ее веры в народ, ее несгибаемой воли к победе.

Настал час, когда сквозь бешеный рев берлинского радио, предвещавшего близость триумфального для гитлеровской Германии конца войны, сквозь тревожную перекличку радиостанций Европы и Америки, вопрошавших о судьбе Сталинграда, сквозь грохот пушек германской осадной артиллерии, над душераздирающим гулом волжской битвы прозвучало:

- Вперед!

И гитлеровцы, окружавшие Сталинград, сами стали трижды окруженными, и гитлеровские генералы попали в плен вместе со своими голодными, оборванными, ошалевшими от страха солдатами, и страх от берегов Волги проник в далекую Германию, просочился во все немецкие дома, сковал оловянные сердца фашистских "фюреров", маленьких и больших, и самое острое жало вонзил в сердце бесноватого Гитлера.

Сталинград стал страшен Гитлеру, потому что Гитлер считал его преддверием к полной своей победе над советской страной и был убежден, что нет таких сил, которые способны были бы помочь русским в обороне волжского города.

Военные обозреватели многих стран предвещали неминуемое падение Сталинграда. Там, за океаном, мало кто мог думать, что десятки немецких дивизий завоют от страха, спасаясь от встречного штурма, зароются в землю, падут духом, потеряют волю к сопротивлению, увидев, как измученный, окровавленный город всей своей нетленной человеческой силой поднимается навстречу убийцам и заносит над ними тяжелый меч возмездия.

Окруженным под Сталинградом гитлеровским армиям предъявляется ультиматум о сдаче. В назначенный ультиматумом час, секунда в секунду, повинуясь едва заметному движению часовой стрелки, сотни советских батарей открывают огонь, сотни советских бомбардировщиков, истребителей, штурмовиков занимают фронт в небе, главенствуют.

На советской суше и в советском небе у Волги осуществляется доблестное "Вперед!". Это - ноябрь 1942 года. Поднятые из-под земли руки: гитлеровских солдат вытаскивают за шиворот из подвалов. Просунутые через проломы в стенах белые флаги: гитлеровские генералы сдаются в плен вместе со своими штабами. Монокли еще блестят у них под бровями, но в глазах свет потух.

Пленный фельдмаршал фон Паулюс предъявляет свои документы.

Кончено.

Гитлеровцы хотели победно промаршировать через Волгу. Мы помним, как они прошли через Волгу - одинокая, колченогая фигура пленного в соломенных чунях плетется по льду.

Тишина.

Мир, пораженный стойкостью Сталинграда, ждал объяснения того, что казалось чудом. Люди, сотворившие чудо, ответили всему человечеству:

- Это наша вола наша вера в победу.

Февраль 1943 года

12 февраля на Кубани наши войска в результате решительной атаки овладели городом Краснодар...

Из сообщения Совинформбюро
12 февраля 1943 г.

КРАСНОДАР

Константин СИМОНОВ

Когда дымный рассвет поднимается над опаленным, дымящимся городом и на задворках еще стучат автоматы, и то там, то тут сухо щелкают винтовочные выстрелы, а на восточной окраине города, на булыжной мостовой, толпятся женщины, дети и неведомо откуда добытый букет цветов падает в первую въезжающую в город легковую машину, - должно быть все это, вместе взятое, и называется счастьем.

Да, горят дома, и невероятно изуродованные камни и железо громоздятся кругом, и нет дома, в котором не плакали бы о покойнике, но все-таки, что бы ни было, сегодняшний рассвет в Краснодаре - это счастье, трудное, прошедшее через смерть и горе военное счастье.

Счастье всегда приходит неожиданно. Так оно пришло к нам и здесь, среди пожаров и канонады, среди всех трагических случайностей войны, к которым как бы ни привыкали люди, до конца привыкнуть они все равно никогда не смогут.

Уже неделю в городе было слышно, к"ак бьют орудия, и хоть всю эту неделю они были примерно на одинаковом отдалении, но, подобно тому, как надежда сменялась опасениями и снова надеждой, - канонада казалась то очень близкой, то отдаленной, то снова близкой. Люди спали не раздеваясь. Изо дня в день, из ночи в ночь немцы, готовясь к неизбежному падению города, поджигали квартал за кварталом, и женщины с детьми на руках, среди огня, гонимые, переходили из дома в дом, из улицы в улицу, и казалось, что этому не будет конца, и хотелось шептать: "Когда же?" и кричать: "Скорей!"

Весь вечер в станице Пашковской и в предместье заливались пулеметы. Это было уже совсем близко, а все-таки и верилось и не верилось. Среди ночи в первые дома стали стучать и на вопрос: "Кто?" отвечали: "Мы" - одно короткое слово, к которому ничего не надо прибавлять, а люди плакали и боялись верить, и открывали двери дрожащими руками, и целовали незнакомых бойцов в колючие щеки, и, словно еще стараясь на ощупь проверить, - правда ли все это, осторожно трогали пальцами грубое сукно солдатских шинелей.

Я приехал в город на рассвете, а сейчас ночь, но за весь этот день мне так и не удалось ни с кем поговорить связно, основательно, до конца. Сегодня здесь все волнуются, все перебивают друг друга, все говорят обрывками фраз, вспоминают, забывают и снова вспоминают, и вдруг среди речи плачут и опять торопятся говорить, скорее говорить о самом главном, а самое главное, пожалуй, и не выговоришь словами, потому что это счастье. Счастье лучше слушается сердцем, чем выговаривается.

На окраине еще стреляют, и орудия бьют где-то близко, рядом, но кажется, что весь город вышел из домов, пощаженных пожаром; женщины суют бойцам в руки свертки с табаком и домашние, еще теплые пышки, выносят на дорогу крынки молока, потчуют проходящих солдат всем, что еще осталось в сожженном и ограбленном городе. Одни кричат "ура", другие говорят какие-то ласковые, первые приходящие на память слова, третьи не в силах говорить - просто машут, машут руками.

Мосты взорваны. Чтобы добраться до центра города, мы долго крутимся между железнодорожными путями и наконец выезжаем на центральные улицы. Немцы готовились к неизбежному падению города, но последний удар войск генерала Рослого был все-таки неожиданным своей стремительностью. Впереди них горел и взрывался город, и весь этот день они, линию за линией, прорывали немецкую оборону с поспешностью людей, спасающих от огня и гибели свое родное гнездо. Части полковника Богдановича за последние сутки в непрерывном бою прошли больше двадцати пяти километров. Смертельно усталые, они ворвались на окраину, но здесь та неведомая сила, какая в такие минуты рождается в сердцах русских людей, окрылила их, и они пронеслись через город, на плечах отступающих немцев, одним дыханием, одним порывом. На асфальте центральной улицы города - Красной, - опрокинувшись навзничь, лежат мертвые немцы, убитые час назад в последнем уличном бою. Вокруг них толпятся люди, мимо них безжалостно и спокойно проходят даже дети. Может быть, когда-то эти люди не могли равнодушно смотреть на кровь и страшились вида мертвого тела, но сейчас они спокойно смотрят на поверженных врагов, и я читаю в их глазах то простое, солдатское, чувство, которое за последние полтора года стало привычкой в армии. Они не жалеют, не содрогаются. Они считают: еще один убитый немец, еще один, еще два, - должно быть, так и надо, так и справедливо.

В поисках местной типографии мы выезжаем на одну из тихих, обойденных пожаром улиц. Где-то в конце ее слышатся звуки перестрелки, потом все стихает. Мы останавливаемся у ворот, чтобы спросить, куда ехать. Мой спутник на секунду вылезает из машины. Стоящая у ворот старая женщина подходит к нему, внимательно смотрит и вдруг, обняв, по-старинному, трижды неторопливо целует его.

- Сынок, сынок - говорит она, - не помнишь, сынок, а?

Я в первую секунду думаю, что, может быть, правда - это его мать, но нет: оказывается, он просто ночевал в их дворе в последний день, еще тогда, при наших, когда мы оставляли Краснодар.

- Вернулся, сынок, - говорит она. - Здоровый.

И хотя теперь я уже точно знаю, что он не ее сын, а случайный военный постоялец, но по интонации ее голоса, по тому, как она произносит это слово сынок , мне снова кажется, что он все-таки ее сын.

По мостовой, прямо к нашей машине, задыхаясь, бежит простоволосая, в сбившемся платке, женщина.

- Поедемте, - говорит она. - Там у нас во дворе немцы ранили командира, вот прямо сюда, - и она тычет себя в грудь выше сердца. - Поедемте, мы перевязываем его сейчас, но кровь так и бежит.

Через минуту въезжаем во двор, где у стены лежит один мертвый немец, а второй, застреленный, торчит в странной позе наверху, свесившись из слухового окна чердака.

- Он в него стрелял, вот этот, - говорит женщина, показывая на того, который свесился из чердачного окна, - а один побежал туда, задворками, за ним два бойца побежали. .. Вы зайдите в квартиру, - кровь из него, бедного, так и бьет.

Мы заходим. На белоснежной хозяйской постели, между сбитых в сторону, залитых темной кровью, кружевных подушек, в разорванной гимнастерке лежит сержант. Грудь его наспех перевязана бинтами, сквозь которые все шире и шире проступает кровавое пятно. Раненый - без сознания, ему очень плохо. Вокруг него молча столпились женщины, и такое сострадание на их лицах, такое неукротимое желание все отдать ему, всем помочь, что мне кажется, он должен выжить силой этой материнской любви, этого желания.

Сын женщины, приютившей раненого, став на подножку машины, доезжает с нами до городской больницы и тут, соскочив, бежит во все лопатки по тропинке, ведущей к хирургическому отделению. Сейчас он там разыщет хирурга, разыщет во что бы .то ни стало, и, если тому будет даже шестьдесят лет, он побежит к раненому, задыхаясь и все-таки не отставая от мальчика.

В саду за больницей нас встречает человек, который в первую секунду кажется мне стариком. Он обут в опорки, сквозь черную рваную гимнастерку просвечивает грязное тело. Голова у него седая, он все время трясется и дергается, одна рука у него висит как плеть, и он с трудом двигается, волоча распухшую, страшную, обожженную ногу. Слезы текут по его лицу, он даже не пробует их стереть, - оче-

видно, давно перестал их замечать. Дрожа и выговаривая слова с таким трудом, что мы едва их понимаем, он спрашивает, как ему дойти до коменданта. Мы долго пытаемся не то чтобы успокоить его, но хотя бы унять дрожь сотрясающегося его тела. Наконец он с трудом овладевает собой настолько, чтобы связно сказать, что с ним произошло. Он военнопленный, он раненый, - вот эта рука у него совсем перебита. Он был на ссыпке в том конце города, где несколько сараев, раньше там ссыпали пшеницу, а в последнее время там был лагерь для военнопленных. Позавчера немцы зажгли его, и там почти все сгорели. Когда стенка обрушилась, он пополз через обломки. Ему придавило ногу, он долго не мог выползти, и она обгорела. Но он все-таки выполз. Он узнал, что сегодня, вот только сейчас, пришли наши. Он почти не может идти, но ничего, он все равно дойдет до коменданта, он расскажет, что они сделали с пленными, вот они. И он рукой, которая на эту секунду становится твердой, показывает в ту сторону, где за садом громоздится огромное кладбище свезенных сюда немцами и скопом подожженных машин. "Они", - тычет он пальцем в сторону машин. И я чувствую, как он ненавидит не только самих немцев, но и все ими порожденное, все это серое, черное, обгорелое подлое немецкое железо.

К середине дня количество пленных в самом Краснодаре переваливает за четвертую сотню. Они уже не помещаются в тесном подвале дома напротив горящего почтамта, куда их начали собирать с утра. Длинной цепочкой, одного за другим, их выводят из подвала. Они, спотыкаясь и хмурясь, поднимаются наверх по каменным ступенькам. Когда они идут по улице, люди, стоящие вдоль тротуаров тесной толпой, молча заглядывают в их лица. Стоит долгое угрожающее молчание, и вдруг среди этого общего молчания седой коренастый старик громко, на всю улицу говорит:

- Ну, что вы на них смотрите? Не нагляделись еще за шесть месяцев? Есть на что смотреть!

И, очевидно, большая человеческая правда есть в этих словах старика, потому что один за другим люди начинают отворачиваться от пленных немцев. И они идут дальше через по-прежнему враждебную , но уже почти равнодушную к ним улицу.

Да, нагляделись. Слишком нагляделись за эти шесть месяцев на них и на совершенное ими. И еще продолжаем глядеть, потому что все еще горит город, еще с треском рушатся пылающие бревна перекрытий, и вдоль всех центральных улиц тянутся ряды то взорванных, то обугленных домов, и тротуары завалены битым стеклом, камнями, кусками перегоревшей жести. Даже городской парк - один из лучших парков юга - вырублен под корень. Даже самые маленькие каменные дома сожжены и разломаны. Каждый угол в городе - это своя трагедия, свои муки, свой ужас. Угол улиц Воровского и Шаумяна - виселица. На фонарном столбе - семнадцатилетний мальчик с дощечкой на груди: "Я распространял ложные слухи". Следующий угол - Красной и Ленина - еще один повешенный, еще одна дощечка: "Я не подчинялся приказам немецкого командования". Следующий угол - на столбе женщина: "Я отравила двух немцев". А дальше - развалины бывшего родильного дома, где, так же, как и на ссыпке, немцы три дня назад собрали раненых военнопленных и сожгли. Немецкие автоматчики стояли на углу, не давая ни выскочить из дома, ни подойти к нему. Женщины обежали дом задними дворами, проломали дыру в заборе и все-таки вытащили несколько десятков полуобгоревших раненых. Две или три из них поплатились за это жизнью: они были застрелены тут же у забора заметившими их немцами.

Краснодар - столица Кубани, один из старейших русских городов на Кавказе. Когда немцы входили *в* город и совали детям в руки грошовые шоколадки, четыре кинооператора с четырех разных углов снимали это. Потом немцы, разломав несколько заборов и домов, раздавали женщинам эти краденые доски на топливо. Женщинам нечем было обогреть своих детей, и они брали доски. Четыре кинооператора с четырех разных углов снимали это. Немцы входили шумно и торжественно. Они входили в Краснодар, желая сделать вид, что эта столица Кубани и при них останется столицей Кубани. Они забыли только одно, - что русский город никогда не станет немецким городом, сколько бы дощечек с названиями они ни переменили на углах улиц и сколько бы портретов Гитлера с надписью "освободитель" они ни расклеили на заборах. Они вынули из нафталина двух дряхлых белогвардейцев, грызущихся между собой из-за того, кому из них предстоит владеть заказанной в Берлине

гетманской булавой. Они открыли сбор в "фонд зимней помощи", собрали со всей Кубани семьдесят две тысячи рублей и в течение шести месяцев изо дня в день вербовали "кубанскую армию", которая в конце концов оказалась неполнокомплектной сотней. Они выдавали хлеб и сто пятьдесят рублей в месяц семьям иуд, пошедших служить в германскую армию, но за эти тридцать сребреников, несмотря на все старания, со всей Кубани не набралось и ста предателей. Люди голодали, пухли от голода, но не сдавались, умирали, но не предавали родину. И тогда вместо ворованных досок появились плети, вместо шоколада - виселицы, вместо кинооператоров - дополнительные отряды гестапо. Немцы сначала украсили улицы кубанской столицы виселицами, а потом сожгли эти улицы, взорвали дома, сделали все, чтобы хоть чем-то отомстить русскому народу за его непоколебимость.

Уже ночь. Пулеметов не слышно, все дальше, все глуше бьет артиллерия. Войска уходят на запад, к Таманскому полуострову, - туда, где, отчаянно огрызаясь, дерутся последние на Кубани немцы, где дыбом стоят их разбитые машины, где теснятся, давя друг на друга, на дорогах обозы, где на берегу пролива, ругаясь и дерясь из-за мест *в* лодках и на катерах, проклинают все на свете осатаневшие немецкие солдаты.

А на тихих ночных улицах Краснодара, над воротами домов, то там, то здесь трепещут маленькие полотнища наших красных флагов. Они маленькие потому, что прятать этот кумач - значило рисковать жизнью, и его рвали на небольшие кусочки, его засовывали в белье, под матрацы, в шкапы. Но едва-едва засинел рассвет и первые отряды наших войск пошли через город, кусочки кумача, заботливыми руками прикрепленные на самодельные палки, уже вились над горящими, дымными, многострадальными, но свободными улицами города.

И, должно быть, только тот, кто испытал на себе все, что пережили находившиеся здесь эти полгода, поймет, что такое красный цвет этого обрывка кумача, висящего над воротами его сожженного дома. Это больше, чем радость, - это счастье.

Гитлеровцы разграбили и разрушили город (Новороссийск. - Ред.). Целые улицы превращены в развалины. Фашистские палачи замучили, расстреляли и повесили тысячи мирных советских граждан.

Из сообщения Совинформбюро 11 апреля 1943 г.

ЗУБКОВСКАЯ БАТАРЕЯ

Леонид СОБОЛЕВ

Итак, наконец, вот он - Новороссийск...

Я покинул его почти год тому назад, когда никто не мог и подумать, что наступит день, когда эта третья база Черноморского флота окажется в руках фашистской армии. Я видел его полным силы. Отсюда уходили корабли и транспорты в помощь Севастополю, куда Новороссийск отправлял и войска, и "огурчики", и провиант, и нас, литераторов. Его улицы и дома я видел тогда в спокойствии полнейшем и в душевной заботе о Севастополе. И сколько посылок безымянным бойцам морских полков и Приморской армии от безымянных новороссийцев перевезли в Севастополь "оказии"!.. Для них, севастопольцев, Новороссийск тогда, в марте 1942 года, был некоей мечтой безмятежности, без-бомбежности, покоя, отсутствия ежеминутной смерти.

И вот он - передо мной.

Я разглядываю смутные его очертания в линзы стереотрубы с батареи Зубкова, расположенной на высокой горе, которая так и называется Высокой. Батарея эта чудом существует на этой высоте, отлично известной немцам, - известной настолько, что вся земля тут изрыта воронками от крупных снарядов, а деревья и кусты посечены осколками, вызывая в памяти одесскую Ильичевскую посадку осиповского полка или севастопольский дубнячок Третьего морского полка. Этой батарее фашисты не дают покоя, уж больно она им досаждает. Две недели назад она со штурманской точностью, минута в минуту по времени и метр в метр по дистанции, поддерживала куниковский десант.

высаженный в самый город, который гитлеровцы считали захваченным надолго, если не навсегда...

А почему и не навсегда?

Ведь это - уже Кавказ, за ним - Персия, а там уже Индия и господство на всем материке Евразии...

Но неожиданным образом "адольфяне" - это новое словечко я подхватил здесь - застряли в черноморском флотском городе надолго. Выяснилось, что Цемесская бухта непроходима ни по побережью, ни по воде. Обнаружился какой-то "девятый километр", а на нем - разбитый железнодорожный вагон.

Казалось бы, пустяк в громадной войне - вагон. Но он вырос в некий символ. Застряли тут гитлеровцы. Бьются, бьются, а пройти не могут, хоть брось. И не пройдут. Вот так и сидят тут они, бывшие завоеватели Европы, со страхом оглядываясь на черные от трупов снега под Сталинградом. Сидят и ждут у моря погоды. А погода на море для них оказалась неблагоприятная.

В ночь на четвертое февраля на побережье Новороссийска (которому фашистская газетка уже придумывала новое имя: "Адольфштадт" или "Кауказузсиг" - "Кавказская победа") внезапно высадился десант черноморских моряков. С помощью десятиминутного точного и обильного огня зубковской батареи они овладели крохотным участком берега возле мыса с романтическим названием мыс Любви. Вернее было бы именовать его "мыс Смерти", потому что за несколько дней до этого была попытка высадить разведчиков, и этот лирический мыс дал такой пулеметный, автоматный и орудийный огонь, который никак не соответствовал его наименованию.

На этот раз высадка была произведена в другом месте. Первый бросок флотского десанта под командованием майора Цезаря Куникова закрепился в немецких береговых траншеях, проник в кварталы Станички - и крошечная Малая земля, маленькая-премаленькая, величиной в сотни квадратных метров, была отнята у проклятых фашистов. За ночь на нее были переброшены новые десантные силы, и вот они уже проникли в другие кварталы, захватили Станичку и осели в ней крепко, по-флотски: всерьез и надолго.

Десант в Станичку был лишь частью большого плана. В другом, далеком отсюда месте побережья должны были высадиться основные силы, которым была поставлена задача освобождения Новороссийска, важного стратегического пункта обороны Кавказа. Но случилось так - чего в войне не бывает! - что демонстративная высадка, которая должна была только отвлечь внимание противника, превратилась в главнейшую.

Кто же осуществил эту высадку? Кто же перебросил первый героический отряд на весьма укрепленный берег и потом переправлял на него все новые и новые сотни бойцов?

Черноморская морская сила. Но на этот раз в поразительном качестве: не было тут ни гигантских линкоров, ни красавцев крейсеров, ни быстрых эсминцев, ни таинственных подлодок,-в Цемесской бухте нет для них ни глубин, ни простора.

Сделали это маленькие корабли с большой морской душой. Сделали это СК и ПК (сторожевые и пограничные катера), РТЩ и КТЩ (рейдовые и катерные тральщики), "кимки" и "зисёнки" (катера морские или с моторами ЗИС), мотоботы, рыбачьи сейнеры (которые в свое время ловили в Черном море тюльку-сельдь), самоходные баржи и даже просто двадцативесельные баркасы, которых брали на буксир их разношерстные товарищи. Эта москитная флотилия совершила первый опасный рейс к сильно укрепленному берегу и под огнем высадила на него первый десант, а затем до утра перевозила подкрепления, боезапас, провизию, показав такое мужество и выдержку, какие стали потом нормой поведения в Цемесской бухте всего этого "Тюлькиного флота" - так добродушный и ласковый краснофлотский юмор окрестил это удивительное сборище водоплавающих храбрых малюток...

В линзы стереотрубы я вижу некое ничто: плоский рельеф разрушенных домов, щемящее душу несуществование города. Но я знаю, что где-то в подвалах, в землянках, в окопах - не вообразишь даже, где и в чем, - существует, дерется, ужасает и побеждает врага могущественной силы силища: флотская, морсовфлотская, краснофлотская силища - добровольцы с боевых кораблей, бойцы из одесской и севастопольской морской пехоты, большевики, партийные и непартийные, комсомольцы горячего сердца, советские мужчины, - все, в ком яростно рвется к подвигу неуемная морская душа...

Я медленно провожу волшебный взгляд стереотрубы

вдоль берега бухты. Вот тот сгоревший танк, о котором мне успели рассказать: его убило прямой наводкой то орудие, рядом с каким я стою... Знакомый пирс... Возле него из воды торчат мачты - лежит на боку полузатопленный транспорт. Это - "Украина", которая спасла столько человеческих жизней в осажденных Одессе и Севастополе. А за ней нашел вечный покой *в* родной черноморской воде дорогой моему сердцу лидер "Ташкент". Видеть его я не могу. Я только знаю, что он здесь.

Над кварталами Станички стали прорастать бурые разрывы крупных мин. Тотчас зубковская батарея приходит в свое опасное для врага действие. Двухминутный огонь. Запылал домик. От него отъехали три машины. Снаряд упал возле них, и две остались рядом с костром, переняв на себя языки пламени.

На Станичку начался налет - семь "юнкерсов". От Мысхако до цементного завода мечется в небе окаянная стая, то и дело опуская хищные клювы в стремительном пикировании. Тогда из земли встает очередной желто-черный столб. Вокруг самолетов возникают цветные облачка зенитных разрывов. Один из "юнкерсов" вдруг выпускает длинный черный хвост дыма и идет на посадку. Это тем более неожиданно, что около него не было ни одного цветного пушка - он был ниже их, ближе к земле. Тут его и сразила автоматная очередь. Автоматная!.. Он потянул в сторону, дымя и пылая, и наконец врезался в склон горы и долго еще горел там.

Я думаю о том, какой же нравственной силой наделены эти люди, которые находятся сейчас на крохотном кусочке отвоеванной советской земли, бьются там в полной уверенности, что дождутся в своих разбитых кварталах прихода победы.

Здесь, в Станичке, чье имя войдет в историю, я вижу тот же бессмертный огонь, какой видел я в Одессе и в Севастополе. Этот огонь - безмерная любовь к своей стране и безмерная ненависть к врагу. Он маленький еще, этот огонек, вспыхнувший две недели тому назад в Станичке. Но будет время, когда он встанет огненным столбом и сольется с тем ураганом беспощадного, всесжигающего пламени, которое испепелит последние остатки осквернившей нашу землю военной силы проклятого -фашизма.

На Западном фронте наши войска продолжали вести наступательные бои.

Из сообщения Совинформбюро 24 марта 1943 г.

ДОРОГИ ИДУТ НА ЗАПАД

Лев СЛАВИН

Дорога на фронт разделяется на несколько неравных частей. Первый отрезок ее, что начинается у Москвы и летит сверкающей стрелой на запад, никогда не был занят немцами и сохранил все великолепие мирного времени. Зеркальной гладкости асфальт, цветущие деревни по сторонам, кирпичные аллеи заводских корпусов, щегольские коттеджи санаториев, яблоневые сады, дачные автобусные станции. Забывшись на минуту, можно вообразить, что путешествуешь в обильном и счастливом мирном времени.

Потом въезжаешь на вторую часть этой дороги. Она пролегает по земле, откуда немцы были выгнаны еще прошлой зимой. Здесь видна могучая восстановительная сила советского народа. Раны залечены, хоть рубцы и остались. Сорванный асфальт заменен отлично укатанным гравием, местами булыжником. Развалины убраны, многие дома восстановлены. Сверкают новые кровли. Дети идут в школы. Дымят заводские трубы. Погоняя сытых лошадей, колхозники везут продукты в город.

Вдруг машина делает прыжок, переходя с гравия на обнаженную землю. И так без перехода начинается третья часть дороги, освобождаемая от немцев в эти дни.

Граница между этим отрезком и предыдущим обозначается линией фронта, передвинувшейся на запад, - поваленные, растоптанные колья с колючей проволокой, разбросанные противотанковые "ежи" и "пауки", извилистые нити опустелых окопов.

А по бокам - пустыня современной войны. Временами машина взлетает на пригорок, и открываются широкие го-

ризонты. Но, насколько хватает глаз, видна все та же ужасающая пустыня, которую оставляют после себя немцы. Слышен только гул военных машин, да в поредевшем лесу поют птицы. На всем протяжении пути по освобожденной Смоленщине, некогда столь густо застроенной, я встретил в колхозах не более десятка уцелевших домов. По исковерканной дороге идут женщины, волоча за собой тележки с жалким скарбом. На месте изб своих они находят только неясные пятна на снегу. Все сровняли с землей фашистские палачи!

Уходя, немцы старались поставить возможно больше препятствий на пути наступления наших войск. Дорога эта славилась своими превосходными мостами. Сейчас на их месте - железобетонный хаос. Рядом - свежие бревенчатые мостики, быстро и прочно наведенные нашими саперами.

Дорога истыкана продолговатыми дырками, откуда извлечены мины. Вот они, обезвреженные, лежат грудами за обочиной. Кое-где торчат шесты с надписью, наскоро набросанной заботливой рукой сапера: "Здесь мины". Мы стараемся ехать по накатанным колеям.

Вдоль дороги валяются немецкие боевые машины. Вот куча обгорелого металлического хлама - то, что некогда было тяжелым танком. Толстая броня его скомкана, как бумага. Исковерканные пушки. Офицерский автобус, оттянутый в сторону, чтобы не мешать движению. Он лежит на боку дверцей в землю. "Как же из него вышли немцы?" - интересуется проходящий мимо боец. "Так и ушли: в землю", - отвечает другой. Могилы, березовые кресты, на них - немецкие каски. Новенький, только что сколоченный барак с вывеской: "Пункт отогрева". Озябшие автоматчики забегают туда погреться горячим чаем. Рядом со своими шлангами и бочками располагается пункт заправки горючим. Полуразрушенные дзоты. Вороны взлетают над раздутым трупом лошади. Кости, черепа. А над всем высокое звучное небо.

У перекрестка валяется немецкий самолет. Обгорелые лохмотья дюраля, свернувшиеся от нестерпимого жара. Мотор с вывалившимися поршнями. Мальчуган лет двенадцати, с грустным лицом, с котомкой за плечами задумчиво смотрит на него. Внезапно охваченный мальчишеской страстью к сувенирам, он тянется к полуразбитому альтиметру виднеющемуся в обломках кабины, и вдруг с отвращением отшатывается: из кабины торчит обугленная нога в нерусском сапоге.

- Чего грустишь, мальчуган? - кричит кавалерист в помятой каске, тут же остановивший коня.

- Что вы меня в армию не берете, - угрюмо отвечает мальчик, - оттого я грущу.

- Вырастешь, возьмем, - отвечает кавалерист и трогает коня.

- Да! Покуда я вырасту, вы всю немецкую сволоту сами перебьете, - отвечает мальчуган и с жадностью смотрит вслед машинам.

Вот шагает группа автоматчиков. Слышны разрывы снарядов. Автоматчики идут с оружием наперевес. Посреди них знаменосец Никитин. В руках у него аккуратно закутанное в чехол знамя полка. Никитин крепко сжимает древко. Это люди из взвода командира Ткаченко. Им приказано принести знамя туда, к переднему краю, где сражается часть.

Все ближе район боевых действий. Временами снаряды разрываются совсем недалеко. Взлетающие комья земли ударяют бойцов.

И вдруг снаряд ударил близко. Полетели осколки. Никитин упал. Кровь потекла по снегу. Знаменосец лежал, не выпуская древка из рук. Он умирал. Автоматчик Краснощекое поднял пробитое знамя и пошел вперед своей развалистой походкой сибирского охотника. Автоматчики двинулись за ним, по-прежнему окружая знамя. Они прошли сквозь огонь и доставили знамя в часть.

Здесь пролегает четвертый отрезок дороги. Он идет сквозь места, где сражаются. Все покрыто талым мартовским снегом. Иные воронки полны водой, мутной, глинистой. Весенний тревожный воздух полон пронзительной сырости. Меж деревьев торчат опустелые фрицевские шалаши с оконными отверстиями. Из них несет всей вонью войны. Регулировщики на перекрестках становятся строже. Особенно придирчивы девушки-регулировщицы. Одна из них, в тулупе, с винтовкой, с косами, выбивающимися из-под каски, долго вглядывалась в наш пропуск.

- Гербовая печать должна быть, - строго сказала она.

Бах! Невдалеке разорвалась мина. Мы вскочили в окопчик. Еще мина. Жужжали иззубренные осколки. А девушка, стоя

в щели, тыкала пальцем в пропуск и назидательно говорила:
- А у вас печать обыкновенная, а не гербовая. Это непорядок.

Современная война поставила саперов в авангарде армии. Саперы впереди. Они возрождают к жизни дороги, взорванные немцами. В освобождаемых населенных пунктах первыми проникают они в подвалы и чердаки домов и по еле слышному тиканью часового механизма находят и разряжают вражеские мины замедленного действия. Они прокладывают пути сквозь поля и леса, утыканные фугасами и минами. Они делают это, проявляя поразительную самоотверженность, ловкость и быстроту. Гвардейцы-саперы подразделения лейтенанта Полякова в течение одного дня обезвредили двести мин. Саперы стали героями армии.

Пятый отрезок дороги пролегает сквозь места, еще занятые противником, пронизывая далекие вражеские тылы. Бойцы наши проникают и туда.

Недавно наши войска брали деревню Л. Немцы отступили к ней, предварительно они подожгли соседнее село. Главную свою оборону немцы организовали на дороге, уверенные, что по ней-то мы и будем наступать.

Командир наших наступавших подразделений предпочел обходной маневр. Понадобился проводник через лес. Им вызвался быть житель подожженного села старик Иван Борунов.

Он совсем уже было собрался идти, как вдруг оглянулся и замер в молчании.

- Ну, что же вы? - сказал командир.

Борунов помолчал и сказал глуховато:

- Идти сейчас надо? Или можно погодить малость?

- Идти нужно немедленно, - нетерпеливо сказал командир, - или вы передумали?

Старик помолчал еще немного, потом повернул лицо свое, озаренное пожаром, и решительно сказал:

- Пошли.

Лесными тропами он вывел подразделение наше в тыл деревни. Стремительным натиском бойцы овладели деревней, не понеся потерь.

- Почему вы тогда спросили меня, - сказал командир, -
надо ли идти немедленно?

- А видишь ли, какая вещь,- задумчиво сказал Борунов, - я как раз увидел, что пожар, стало быть, перекинулся
на мою избенку. Там у меня добро, конечно. Но как надо немедленно, ничего, пущай горит. После победы новое наживу.

Командир обнял старика и повел бойцов дальше, на запад.

Эта великая фронтовая дорога имеет еще одну трассу. Она не видна. Но летчики знают ее хорошо. Она пролегает в небе.

Капитан Вдовин - дважды орденоносец. В авиации он уже двенадцать лет. Твердое лицо его словно обточено ветром поднебесных высот. Он воюет с первого дня войны. Опытный разведчик и бомбардировщик, он ни разу в жизни - ни в этой войне, ни в финской кампании - не был подбит, не имел ни одной аварии, ни одной вынужденной посадки, ни одной царапины. В мирное время вы могли любоваться точностью его полетов над Москвой, так как с 1934 года он - неизменный участник авиационных парадов над Красной площадью и незабвенных тушинских празднеств.

Он осторожен и неустрашим. Не имея шансов на победу, он не кинется в атаку, но от навязанного боя никогда не уклонится. Искусная техника пилотирования позволяет ему выходить из жесточайшего заградительного огня почти без пробоин. Не раз бывал он атакован вражескими истребителями. Однажды шел он в составе двенадцати самолетов. На группу эту налетели двадцать немецких истребителей. Наши самолеты открыли мощный огонь. Немцы налетали и сзади, и сверху и не могли сломать строя наших самолетов. Отбиваясь от атаки, Вдовин и другие одновременно заходили на цель, хорошо отбомбились, сбили два немецких истребителя и без потерь, тем же строем ромба, вернулись домой.

Летчики летают по-разному. Один резвится, как жонглер, другой работает в небе, как дровосек. Можно найти летчиков более эффектного стиля, чем Вдовин. Но нельзя

представить себе боевой работы более методичной, более точной, более равномерной и в результате более успешной, чем работа типичного русского воина капитана Вдовина.

Он летает во всех условиях, в любую погоду, при любой облачности.

Повседневность боевой работы сделала для Вдовина его собственный героизм неприметным, заурядным.

Поэтому он рассказывает о своих делах очень сдержанно, самыми будничными словами:

- Очереденку дал хорошую.
- Провосьмерил район.
- Полет был довольно насыщенный.

И он улыбается какому-то своему невысказанному воспоминанию, и на твердом, темном лице его сияют ясные голубые глаза.

Во Вдовине та неуставаемость, та тягучая медленная сила, которая есть в спокойствии русской природы, в ровности русского характера, в протяжности русских песен, в стойкости русского солдата.

Каждый раз, подымаясь, он летит не на подвиг, а на работу. И каждый раз, возвращаясь, он прилетает с победой.

Это так естественно. Ведь он знает свое небо, небо Западного фронта, так же хорошо, как лесник свои лесные тропы или как путевой сторож свой участок дороги. Потому что в небе тоже есть дороги, и они тоже ведут с востока на запад.

29 марта 1943 года

ТАК НАДО

Вера ИНБЕР

Помню, в осенний вечер сорок первого года мы возвращались из филармонии, с концерта. Небольшая группка людей, мы долго ждали трамвая. Темный, темный город окружал нас. Смутно, как отяжелевшее облако, намечался купол Исаакия.

Внезапно где-то слева порозовело небо, алые отблески упали на клубящиеся тучи. "Луна", - радостно прозвучал в темноте женский голос.

"Луна ли?" - раздумчиво спросил мужской. "Обязательно она", - подтвердил старческий. И вдруг все голоса одновременно воскликнули: "Зарево!" И горестно умолкли.

Это была война. Это были немцы. Мысль не мирилась с этим, душа не принимала. Как? Мы только что слушали Чайковского. Как хороши были скрипки. Мы ждем трамвая.

Придя домой, мы сядем к столу, пододвинем лампу, раскроем книгу. А война уже рядом. Уже немцы жгут окрестности города. Нестерпимо все это было!

Но настанет день - и события потекут в обратном порядке. Еще будут на улицах бойницы, а уже будут сняты с окон синие шторы. Еще будут замаскированы боевые корабли, а уже первая яхточка, доверчиво трепеща парусами, пойдет навстречу морю. Но сначала надо добиться этого. Для того чтобы засветились окна, надо много еще сбить немецких "юнкерсов" и "мессершмиттов". Много усилий для этого надо приложить нашим прожектористам и зенитчикам, нашей истребительной авиации.

Для того чтобы яхточка распростерла крылья, нужно разминировать балтийские воды, отодрать от берегов приросших к ним немцев. Много еще предстоит трудной, грозной военной работы.

Я столько видела в Ленинграде трагического, трогательного, жестокого и человечного, что не знаю - хватит ли жизни, чтобы описать все это.

Я пережила там первые бомбежки, когда горели продовольственные склады. Ленинградцы молча глядели на зловещий жирный дым и говорили: "Это горит масло. Это горит сахар". Окутанный этими черными клубами, в море пламени шел на Ленинград голод. Позднее - люди бережно собирали возле сгоревших складов землю, пропитанную сахаром и маслом, кипятили ее, фильтровали, извлекая оттуда крупицы сахара, золотники жира.

В Ленинграде я видела первые артиллерийские обстрелы. В те дни в городе происходила внутренняя, "трамвайная", эвакуация. Из более опасных, "фронтовых", районов людей эвакуировали в менее опасные, "тыловые". В трамваях везли

колыбельки с грудными детьми, стариков и старух. Везли мелкую домашнюю утварь, книги, иногда вазон с цветами, иногда клетку с птицей, все, что дорого сердцу по воспоминаниям.

Через два-три дня такая эвакуация сделалась бесполезной. Все районы стали одинаково опасными, все были в сфере огня, все были фронтовыми.

Зимой сорок второго года я видела, как две женщины, еле стоящие на ногах от утомления и голода, впрягшись в салазки, везли третью женщину с мертвым ребенком на руках.

Вдруг они остановились и сказали двум другим, незнакомым женщинам: "Нам пора на работу. На завод. А вы отвезите ее домой, вот адрес". И те молча впряглись в салазки и повлекли их дальше. В другой раз, в свежий весенний день, девушки вели на веревках баллон для аэростата. Ветер с моря, казалось, вот-вот вырвет из девичьих рук огромную махину. Проходивший мимо балтийский моряк сказал с добродушным лукавством: "Девушки, ох девушки. Оторвет вас, пожалуй, от мостовой и унесет куда глаза глядят".

Стройная девушка, борясь с ветром и отводя плечом бившие ей в глаза кудри, ответила твердо: "Не оторвет. Нас от нашей земли никто не оторвет".

Моряк остановился: "За такой ответ, девушка, хочу пожать вашу руку".

- Не могу, - ответила та. - Сейчас обе руки заняты. Вот победим - тогда...

Мне иногда задают вопрос: "Каковы условия писательской работы в Ленинграде?" В ответ на это и я задаю вопрос: "А зачем непременно условия? Можно писать и без условий, если это нужно".

В связи с этим мне вспоминаются два небольших эпизода. Первый произошел на фронте, на командном пункте артиллерийского дивизиона. Вся жизнь здесь протекала под землей, в блиндажах и землянках. Под землей мы провели литературное выступление, мы беседовали с бойцами, встретились с военфельдшером и врачом, завтракали у командира, слушали радио, побывали в редакции дивизионной газеты.

При входе в одну из землянок нам сказали: "Осторожнее входите. Здесь темновато, электричества нет".

Мы вошли. Со свету мы сначала не увидели ничего. Слышно было только чье-то мирное дыхание и похрустывание, кротко светились зеленовато-рубиновые огоньки. Милый запах сухого сена наполнял землянку.

Это была подземная конюшня. Здесь стояли три дивизионные лошадки, славные боевые коньки. Здесь их укрывали от опасностей, кормили их, ухаживали за ними. Силой обстоятельств кони свыклись со своим помещением, хотя, вероятно, наверное даже, порой и томились. Красноармеец-конюх ласково трепал их по шее, приговаривая: "Что делать, так надо. Война!"

Второй эпизод произошел на несколько месяцев раньше, в самом Ленинграде. С обеих сторон Аничкова моста стояли знаменитые бронзовые кони работы скульптора Клодта. Обнаженные юноши держали их под уздцы.

Когда начались в Ленинграде бомбежки и обстрелы, все наиболее ценные памятники на улицах и площадях были тщательно обложены мешками с песком и обшиты деревянными щитами. Что касается бронзовых коней с Аничкова моста, их укрыли где-то под землей. К постаментам вплотную подвезли площадки грузовиков, осторожно перегрузили на них коней и юношей. И увезли и тех и других от бомб и снарядов.

Мысленно я следую за ними, и воображение рисует мне надежные сводчатые подвалы старинной кладки. Там, в темноте, стоят бронзовые кони, глухо бьют копытами о древний камень, томясь по простору, к которому они привыкли на мосту. А юноши гладят их гривы, говоря: "Что делать, так надо. Война!"

Я вспомнила обо всем этом потому, что у нас, у поэтов, как известно, тоже есть свой конь. Имя ему - Пегас. Это волшебный крылатый конь, порожденный античным воображением тысячелетия назад, но вечно юный.

Это символ окрыленных замыслов, смелого полета мысли, широкого кругозора, этого "конька" нельзя держать в укрытии. Если ему и нужны иногда землянки и подвалы, то только для того, чтобы точнее описать их. Но укрываться там он не может. Не имеет права.

На фронте ли, в тылу - но он обязан быть там, где бьется пульс страны, где происходят решающие события, где идет борьба с врагом, где в тяжких трудах, грозных битвах добывается победа.

Если нашему коню иногда трудно, мы треплем его по гриве, говоря: "Что делать, так надо. Война!"

13 апреля 1943 года

Западнее Гжатска наши войска продолжали наступление и заняли несколько десятков населенных пунктов.

Из сообщения **Совинформбюро**
9 марта 1943 г.

ТРИ КИЛОМЕТРА НА ЗАПАД

Оскар КУРГАНОВ

До опорного пункта осталось три километра. Это Косухин знал хорошо. Он измерил путь к деревне Силки, где укрепились немцы, изучил лесок, лощину за ним, два холмика, поле, покрытое талым снегом. Вот еще речонка - приток Угры, - ее придется перейти за лесом: там отлогий берег. Может быть, тогда дорога к деревне удлинится, но по прямой здесь - рукой подать! Шесть сантиметров на карте, три километра на местности. Косухин представлял теперь тот клочок земли, который ему надо было преодолеть, чтобы приблизиться к деревне. Склонившись над картой и освещая ее уже желтеющим накалом фонаря, Косухин видел не тонкие, едва заметные линии, не зеленые и серые пятна, а все, что таилось за ними, - тракт, минированный и непроходимый, лес, на опушке которого лежали сваленные снарядами ели, узкие просеки, бугры у реки, тропу и лощину - по ней можно идти даже под огнем врага. Нелегко далось Косухину это точное знание местности - весь вечер он ползал с саперами, стараясь при свете луны разглядеть подступы к деревне. Он вернулся мокрый, весь в грязи, вздрагивая от напряжения и усталости.

Батальон уже отдыхал.

Впрочем, можно ли было назвать это отдыхом? Люди спали в траншеях, вырытых в снегу, у потрескивающих костров, прикрытых плащ-палатками. Нет ни времени, ни возможности сооружать теплые землянки или блиндажи, а деревни уничтожены огнем, снарядами, отступающим врагом.

Два дня и две ночи, не задерживаясь, то пробираясь лесом, то проползая по заснеженным полям, то шагая по колено в талой воде, с боями наступал, двигался на запад батальон Косухина. Кони выбивались из сил, они то и дело проваливались в снег, их приходилось поднимать. Автомобили и орудия застревали в грязи уже начинающейся распутицы - моторы закипали и глохли, - тогда им помогали люди. Они упирались руками и плечами в кузова, цеплялись за спицы колес орудийных лафетов, подталкивали или тянули их за собой, взявшись за веревку, и делали все это, не расставаясь ни с вещевым мешком, ни с винтовкой, ни с патронами. Только они, эти простые советские люди, казалось, не ощущали усталости. Они выдерживали и в воде, и в снегу, и в почерневшей жиже лесных дорог. Людям на войне, да еще во время наступления, не полагалось уставать, и они оказывались сильнее, выносливее - и коней, и автомашин, и танков.

Люди падали, лишь сраженные пулей или осколком, истекая кровью.

В эту ночь капитан Косухин остановился только потому, что предстоял упорный бой, а нужно было осмотреться, прощупать вражеские позиции, обдумать все до мельчайших деталей.

Еще днем Косухин послал трех саперов разминировать кустарник и лес, по которым должен был пройти батальон. Тимофей Ковальчук, Николай Марченко и Василий Дрозд ушли, спрятав банки с мясными консервами.

- Вернемся - будет закуска, - улыбнулся Дрозд и
взглянул на Косухина, как бы определяя, понял ли капитан его намек.

- Ладно, там видно будет, - ответил Косухин.

Они ушли с деловитой неторопливостью знающих свое

дело людей. Вернее, не ушли, а поползли. Немцы держали под минометным и пулеметным обстрелом дорогу и поляны - надо было пробиться сквозь завесу огня. Может быть, в те дни, когда они только становились воинами, тоскливый и смертный вой приближающихся мин задержал бы их. Теперь же саперы знали, где прятаться от осколков, когда зарыться в снег, как обмануть смерть. Они вернулись к вечеру, но Дрозд лежал на спине Ковальчука ничком, свесив руки, а ног у него не было.

- Как его? - тихо спросил Косухин.

- Не уберегся, товарищ капитан, - ответил Марченко почему-то виноватым тоном, - на мину наткнулся... Теперь к лесу можно идти...

Повар принес ему котелок с кашей, но Марченко неохотно потянулся за ней. Он прилег на снег, наблюдая за врачом, который склонился над смертельно раненным Дроздом. Косухин открыл свою флягу и предложил Марченко:

- Хочешь?

Марченко покачал головой и ответил:

- Теперь бы, товарищ капитан, куда-нибудь на пол... И ночи на три...

Но изба, пол, три ночи - это казалось несбыточной мечтой. А все-таки людям надо отдохнуть, и Косухин уложил всех в снежных траншеях у занавешенных палатками костров. После ужина бойцы заснули сидя, прижавшись друг к другу. Лечь нельзя было, потому что оттаявший снег образовал в траншее лужи. Усталые люди спали крепким солдатским сном, забыв о нестихающем минометном обстреле, о промокших шинелях, о холоде и даже о. тех трех километрах, которые им утром надо преодолеть, чтобы выбить врага из деревни Силки. Не мог о них забыть только капитан Косухин. Он сидел на патронном ящике в снежном окопе, сняв сапоги и спрятав окоченевшие ноги под шинель.

Уже восьмой десяток километров шел он со своим батальоном по смоленской земле. В те дни, когда немцы поспешно отступали под ударами наших войск, бросая насиженные гнезда под Гжатском и Сычевкой, Косухин должен был не отрываясь преследовать их. Теперь они усиливали сопротивление и, подтянув танки, пехоту и артиллерию, переходили в контратаки. Вновь гул ожесточенных сражений сотрясал Смоленщину. Каждый километр советской земли приходилось отбивать. Вот теперь враг укрепился в Силках. Еще утром полковник напомнил Косухину:

- Не забывайте, что Силки - опорный пункт. Но деревню надо взять...

Может быть, в деревне этой уже не осталось ни одного дома, но драться за нее нужно, - там, в лесу или в пещерах, вырытых в горе, таятся люди, полуголодные и исстрадавшиеся, - они ждут его, Косухина. Он с начала наступления ощущал невидимую связь с ними, чувствовал на себе их полный надежды взгляд.

Усмехнувшись, Косухин отложил карту и потянулся за котелком с остывшей кашей.

- Вернусь домой, меня спросят, где ты, Вася, воевал - под Сталинградом или под Харьковом... А я скажу: под Силками... Да, деревню надо взять...

Но хотя Косухин понимал, что Силки - это не Сталинград, не Харьков и даже не Дорогобуж, путь к которому идет через Силки, в ту знаменательную ночь деревня эта представлялась ему важным центром, а три километра, отделившие его от опорного пункта, - целью жизни. Больше ни о чем он не мог думать. Не успев задремать, он уже просыпался, надевал сапоги и поднимался по крутой тропе из снежного окопа в лес. Косухин был еще молодым человеком, но уже испытал всю горечь войны. Здесь вот, на Днепре, а потом и на Угре, он начинал драться с врагом в 1941 году. Тогда он еще был лейтенантом, только вступающим на суровый путь воина. Может быть, именно в этом лесу бомбили его немцы, а он лежал в смертной тоске. Он уже хотел встать, но кто-то прошептал: "Вот, вот на нас!" И Косухин вновь припал к земле. Он прижимался к влажной траве, и мир в то мгновение был мал и охвачен пламенем. Но потом, устыдившись своей слабости, он вскочил. Вдали уже стоял, прислонившись к ели, молодой старшина - Костя Воронов. Он целился в самолет, хотя был ранен. Кровь стекала по лицу Воронова, но он не замечал ее. А когда стих гул бомбардировщиков, он бессильно сполз к земле, цепляясь ремнями за сучья. Косухин нес Воронова весь день и всю ночь. "Мы еще вернемся сюда, верно, Костя?" - спрашивал Косухин, а Воронов только отвечал: "Конечно!" Должно быть, они шли правильным путем все эти восемнадцать месяцев войны, если[1] встретились в дни воз-

вращения на запад. Воронов уже стал лейтенантом и вел за собой вторую роту, или, как ее называли, косухинскую. Воронов гордился ее традициями и не уставал повторять бойцам излюбленную'истину Косухина; "Спать, есть, ходить и отдыхать вас научила мать родная, а я вас должен научить не спать, не есть сутками, не отдыхать неделями, ползать, стрелять, бить врага..." Это была простая солдатская мудрость, подсказанная жизнью и опытом. Теперь и Косухин, и Воронов, и те люди, которых они вели в наступление, были уже более выносливыми, крепкими и умелыми воинами. Косухин не стал бы прятаться от бомбардировщиков, не поддался бы даже временно гнетущему чувству страха... Он уже понял, что в наступательном бою нужны не только храбрость, но и ум, и тактические знания... И теперь, обдумав весь ход предстоящей операции, он с внутренним спокойствием ждал рассвета.

Тем временем к опушке леса подтягивались наша артиллерия и танки. Они должны будут подавить укрепления на холмах у деревни Силки. В глубоком снегу прокладывали себе дорогу ездовые. Им приходилось самим впрягаться и тащить за собой застревавшие пушки, санки-лодочки со снарядами. Всю ночь не прекращался кропотливый, напряженный, неутомимый труд войны.

В четыре часа утра проснулись пехотинцы. Они вздрагивали от холода и талой воды, проникшей за ворот, под шинели и полушубки. Они снимали ботинки, согревали портянки у тлеющего огня и вновь завертывали их, потом мяли и скручивали шинели, влажные с ночи, а теперь затвердевшие от предутреннего холодка. С иронической усмешкой относились они ко всем тяготам войны - это было их жизнью, бытом, и они свыклись с ним. Все-таки им удалось отдохнуть и поспать. Теперь и ноги сами пойдут, и в плечах не такая усталость. Да, хорошо вздремнули, хоть в снегу, на ветках, сквозь которые просачивалась вода, но все же это сон, а не поход. Может быть, как о несбыточной мечте они думают теперь о сухой избе, кровати или даже о теплом блиндаже. Вот появился повар с термосами, и люди застывшими и непослушными пальцами вытаскивают котелки и ложки. Теперь можно согреться и подкрепиться. Где-то в лесу, взвизгивая, рвутся мины и снаряды. Никто не обращает на это внимания, - люди удивились бы даже, если бы вдруг наступила тишина, - на фронте ее труднее и нервознее переносят, чем самый яростный гул орудий.

На рассвете батальон Косухина начал наступать на деревню Силки, с боем отвоевывал те три километра, которые отделяли его от деревни.

Опушка леса, накануне разминированная Ковальчуком, Марченко и Дроздом, была исходной позицией для наступления. Воронова с его бойцами Косухин послал к лощине; они должны были подобраться к реке, пройти по льду или вброд и ударить во фланг немцам. Лейтенант Токарев с автоматчиками тоже ушел в обход по узкой проселочной дороге. Сам же Косухин готовился к штурму с фронта. Немцы сосредоточат силы на флангах против Воронова и Токарева, и тогда Косухин с артиллерией и пулеметами подавит врага огнем и стремительностью атаки.

Пока Воронов и Токарев двигались, Косухин лежал в мокром снегу. Вот они, эти шесть сантиметров на карте, три километра на местности: их измерил шагами разведчик Сергей Щукин. Он утверждал - до лесочка тысяча шагов, не больше, до берега - еще восемьсот. Но это по прямой, а сейчас на дороге и в лощине люди не шагают, а ползут, они только подталкивают свое непослушное и отяжелевшее тело-путь теперь измеряется локтями. Щукин видит, как Марченко ощупывает провод, взрыватель, вытаскивает мину за миной... Вслед за ним ползут люди в белых халатах, цепляясь за затвердевшую с утра колею, за снежные сугробы, за примерзшую дощечку, кем-то брошенную на дороге. На широкой и привольной смоленской земле люди могут двигаться только по узкому следу, проложенному саперами. Вот кто-то соскользнул в кювет и взорвался на мине, но нельзя задерживаться... Вот у дороги, там, вдали, уже падают вражеские мины и снаряды. Они поднимают снег, смешанный с землей. Но надо двигаться вперед. Люди задыхаются, глотают снег, на мгновение припадая к сугробу. Небольшой вещевой мешок кажется в этот час самой тяжелой ношей в мире, винтовка, к которой пехотинцы настолько привыкли, что она порой кажется естественным продолжением руки, теперь давит на спину... На дороге брошен котелок, какой-то измятый картуз, кнутовище, противогаз. Токарев передает по цепи: "Ничего не трогать, ничего не трогать!" Может быть, за ними таится смерть.

Вот они какие длинные и трудные, тысяча шагов Щукина! До кустов и редкого леска еще далеко, а время идет, и пальцы сводит в суставах. Наша артиллерия уже открыла сильный огонь по немецким укреплениям. Теперь надо торопиться. Токарев поднимает своих бойцов, они бегут по полю, проваливаясь в снег, с трудом вытаскивая ноги, туда, к лесу. Группа немецких автоматчиков, отстреливаясь, отходит к реке. Токарев идет за ними по пятам. На левом фланге слышен пулеметный огонь - это, должно быть, Воронов уже приблизился к реке. Токарев обходит лес вдоль опушки. Бойцы едва поспевают за длинноногим и проворным лейтенантом. Немецкие автоматчики бегут к реке, но падают под нашим пулеметным огнем. Токарев пробирается к камышам. Здесь надо будет перейти на тот берег.

Косухин, следивший за движением Токарева и Воронова, начал наступление по полю, по прямой, к деревне. Саперы и разведчики уже проложили путь. Но не так-то легко протащить орудия по снегу. Кони прыгают из стороны в сторону, рвутся в постромках, но не могут вытащить застрявшие колеса. Люди помогают им, подталкивают, упираются в спицы, скользят, падают, вновь поднимаются. Косухин подбадривает их:

- Надо только добраться до леса, там легче будет... Уже совсем близко.., Вперед!

У леса взрывается мина. Падают смертельно раненные правильный и заряжающий. Теперь в каждой секунде судьба боя. Нельзя медлить. Пехотинцы режут ремни и подтаскивают орудие к холмику у леса. Немцы переносят огонь на фланги - против Токарева и Воронова. Надо этим воспользоваться Отсюда можно бить по вражеским укреплениям прямой наводкой. Косухин представлял в это мгновение всю сложность и напряженность пути, который приходится преодолевать бойцам Токарева и Воронова. Им придется двигаться под огнем. Но иного выхода нет - в крови и муках рождается победа. Косухин знал своих людей -они не дрогнут.

Уже солнце близилось к зениту, а Косухин прошел лишь два километра. Но самое трудное еще впереди - с бугра он увидел луг, огороды за рекой и торчащие, обгорелые трубы деревни. Еще один километр, и он - там, в опорном пункте. Но никогда он еще не представлял себе с такой остротой, что в километре - тысяча метров, и, кто знает, может быть, еще придется метры считать на сантиметры.

Косухин видит вдали людей, которых он воспитывал, учил, готовип к наступательным боям. Они не обманули его надежд. С непреодолимой стремительностью шли они под огнем к реке. Кое-где им приходилось ползти. Вот они встали на лед. Деое - это были Щукин и Марченко - побежали к тому берегу и провалились. Тонкий, уже оттаявший ледок не выдержал; неужели не удастся подтянуть и переправить орудия? Но Щукин и Марченко уже ломают лед. Должно быть, они попали в мелководье. За ними устремляются и пулеметчики, и минометчики. Они несут на головах диски, ленты и ящики с минами и идут по грудь в ледяной воде. Вражеская артиллерия помогает им взламывать лед - осколки вырывают людей из двигающейся цепи. Зеленоватый ледок багровеет от крови.

Косухин выждал, пока наши орудия приготовятся к бою, и тоже начал двигаться к реке. Он уже знал: можно идти вброд. У берега люди останавливаются, на какую-то долю секунды их охватывает нерешительность. Не так-то просто прыгать в ледяную воду, а потом бежать по лугу и огородам в мокрых сапогах, ватниках и шинелях. Косухин сам взламывает лед. Вода проникает в сапоги, холод пронизывает все тело, Косухин поднимает полы полушубка, придерживает их одной рукой. Бойцы обгоняют его, прокладывают ему дорогу. Ноги едва передвигаются, задевают камни на дне, Косухин идет ощупью, как слепец. "Только бы не упасть, только бы не упасть", - думает он. Вот и берег, скользкий, крутой. Косухин карабкается вверх, цепляясь за камыш.

Теперь надо пройти луг, огороды - и все! "Хорошо бы снять сапоги, можно пропасть..." Уже ползут люди по заснеженному лугу. Косухину не приходится их подбадривать. Всех охватило нетерпение - поскорее туда, к деревне. Два сантиметра на карте, один километр на местности!

Косухин высылает саперов обследовать луг. Тем временем мокрые, продрогшие, поеживающиеся от холода люди готовятся к решительной атаке. Немцы направляют и сюда

свой огонь. Но он уже менее точный и несосредоточенный. Очевидно, враг не может определить - откуда наносится главный удар. Он предпринимает контратаку. Автоматчики при поддержке танков идут на Косухина. Наша артиллерия обрушивает на движущиеся чудовища снаряд за снарядом. Три танка воспламеняются, но шесть ползут по лугу, к берегу. Косухин выдвигает бронебойщиков. Они вступают в поединок с танками, а пулеметчики отражают контратаку немецких автоматчиков. Начинается наступление на деревню с трех сторон. Немцы вынуждены одновременно обороняться и от Воронова, и от Косухина, и от Токарева.

Уже пройден луг. Воронов прорвался с фланга к окраинам деревни, если только выжженное место с обгорелыми трубами, напоминающими памятники, можно назвать деревней. Косухину еще нужно пройти огороды. Всего двести метров, но они показались самыми тяжелыми в этот день. Враг держал под пулеметным и минометным огнем узкий разминированный проход. Теперь, казалось, надо проползти под снегом, слившись с землей. Каждый преодоленный шаг мог быть приравнен к подвигу. Но люди на войне так шагают день и ночь. Наша артиллерия уничтожает вражеские огневые гнезда. Немцы отступают. И им уже перерезает путь рота Воронова. Косухин поднимается и ведет своих людей в село. Последние двадцать метров они бегут. Огонь стихает, но в снегу еще притаились мины. Кто-то из передних оступился и взорвался. Теперь Косухин двигается с величайшей осторожностью. День клонится к концу, на снегу лежат, запрокинув головы, мертвые гитлеровцы.

Косухин встретился наконец с Вороновым и Токаревым и обнял их. Все трое задыхались от усталости и возбуждения.

Вот они - Силки.

Трудный и мучительный день, переправа вброд через леденящую реку, кровь и героическая смерть павших в бою, огонь и холод, напряжение и усталость, величие духа и благородство подвига - все, все уложилось в сухом, сдержанном и коротком донесении капитана Косухина: "Заняли населенный пункт Силки". Потом он подумал и добавил: "Продвинулись на три километра на запад".

Корней **ЧУКОВСКИЙ**

На прибрежной лужайке рядами стоят трубачи. Их невероятно длинные трубы, воздетые к синему небу, ревут настойчиво и страстно, созывая окрестных колхозников.

И услышав их громкий призыв, десять тысяч величавых красавцев идут и идут без конца к плоским берегам Карадарьи.

Моему непривычному глазу все это зрелище кажется роскошно поставленной оперой. Так ярки под солнцем Азии лиловые, желтые, синие, малиновые одежды этих смуглых и статных красавцев. Так музыкально движутся их пестрые толпы вдоль узких арыков по хлопковым полям. Так великолепна декорация, на фоне которой происходит этот грандиозный спектакль: белая как сахар, веселая арка, повисшая над мощной плотиной Большого Ферганского канала.

Канал этот, созданный узбекским народом года три или четыре назад, превратил Ферганскую долину в одно из плодороднейших мест на земле. К каналу прилегают три района - Андижанский, Алтынкульский, Избаскентский, - и изо всех этих районов стекаются сюда, как на праздник, десять тысяч стахановцев узбекских полей.

Их колхозные знамена сверкают, как факелы. А когда на прибрежье въезжают большие арбы с женщинами, которые с необыкновенным изяществом усаживаются вместе со своими детьми на широких разноцветных коврах, хочется долго аплодировать им, как аплодируют театральные зрители талантливой и пышной постановке.

Но вскоре оказывается, что зрители - не мы, а они.

Мы, маленькая кучка рабочих, да два-три интеллигента, приехавшие из узбекской столицы сюда, в Андижан, стоим перед этой лилово-оранжевой и ало-бирюзовой толпой. У нас непрезентабельный вид перед лицом этих нарядных красавцев в экзотических тюрбанах и халатах.

В смущении взбираемся мы на высокую плотину канала

и с высоты этой необычайной трибуны обращаемся к разноцветной толпе с несколькими словами привета.

В первые минуты нам по-прежнему кажется, будто эти люди - чужие, но не проходит и четверти часа, как вся плотина сотрясается от восторженных криков, и мы видим тысячи черных, по-восточному сверкающих глаз, тепло и сочувственно глядящих на нас.

И как громко стучат эти люди громадными своими ладонями, когда перед ними встает на плотине тоненький, как хворостинка, 15-летний Муратов, издали похожий на ребенка, и к удивлению всех обнаруживается, что он не простой мальчуган, а мастер оборонного завода, руководитель целой бригады рабочих, что в его бригаде есть люди вчетверо старше его, что ему не раз и не два приходилось работать без смены по двое, по трое суток, что он в самом первом ряду тех знатных людей завода, благодаря патриотизму которых завод уже несколько месяцев кряду блистательно перевыполняет все нормы.

- Мой отец, уходя на фронт, приказал мне: работай по-фронтовому, - полудетским голосом кричит он с трибуны, - и я честно выполняю отцовский наказ. Моя бригада так и зовется: фронтовая бригада...

Потом выступает стахановка того же завода, потом еще двое-трое рабочих, и, хотя большинство из них - ораторы далеко не блестящие, их краткие и незатейливые речи принимаются с такой горячностью, что вскоре становится ясно: эта большая толпа молчаливых и внешне спокойных людей, которые на первых порах показались нам такими чужими, эта народная масса далеких глубин Средней Азии всеми своими помыслами, всеми желаниями связана с нами.

Это становится особенно ясно, когда из их рядов начинают выходить друг за другом девушки, юноши, старики и старухи и без дальних околичностей называют полновесные цифры.

Цифры эти означают количество тонн овощей и плодов, которые каждый колхоз обязуется немедленно, завтра же -послать в подарок рабочим оборонных заводов Ташкента - "для того чтобы не слабели от недоедания их руки, кующие победу над нашим общим врагом", как выразилась колхозница Алкасим Иралиева, мать фронтовика, вырабатывающая в колхозе "Кзыл Батыр" трехдневную норму в день.

Долго длится это соревнование в щедрости. Честолюбие каждого заключается в том, чтобы названная им цифра была возможно крупнее. Не нужно думать, что горы зерна, овощей и плодов, предлагаемые ташкентским рабочим, дались колхозникам даром. Правда, сказочно богата земля их полей, но она дает свой урожай лишь тому, кто трудится на ней не щадя своих сил. Поливная система хозяйства требует огромной - и притом непрерывной - работы.

Тотчас по окончании митинга в ту же ночь к Андижану по извилистым дорогам и улицам со всех концов стали съезжаться арбы, нагруженные яблоками, рисом, пшеницей, луком, капустой, картофелем. Колхозники трудились всю ночь и все утро без устали, таская в вагоны эту тяжелую кладь.

Всю ночь не уходил я с вокзала, увлеченный этим поэтическим трудом. Лошади, верблюды, ишаки, грузовые машины, факелы, восточная сутолока, восточные крики, - и на другой день мы, кучка рабочих и два-три интеллигента, везем ташкентским рабочим, большинство которых эвакуированы из Москвы, богатые дары от их братьев.

Конечно, эти дары не первые и не последние. Раньше всего каждый колхозник счел своим патриотическим долгом сверх всяких обязательных поставок послать обильные дары Красной Армии. Во вторую очередь много было подарено ими детям прифронтовой полосы, в том числе и детям Ленинграда. Теперь они шлют подарки рабочим и интеллигенции больших городов, трудящимся во имя победы над Гитлером.

И все это знаменует собою три дружбы, на которых стоит весь Советский Союз: дружбу разноплеменных народов СССР (в данном случае дружбу узбеков и русских), дружбу тыла и фронта, дружбу деревни и города. Три дружбы, о которые разбивается вдребезги вся дьявольская злоба фашистов.

16 апреля 1943 года

УРАЛЬЦЫ

Федор ПАНФЕРОВ

1 .

В широкие, открытые ворота дуют страшные, пронизывающие сквозняки. Но вот мы прошли метров десять - пятнадцать, и обдало таким жаром, что, кажется, сейчас вспыхнет одежда, облупится лицо. Жар хватает со всех сторон - и снизу и с боков, а главное - откуда-то сверху. И мы невольно поднимаем глаза. Наверху, почти под переплетами крыши, движется огромный кран. Захватив двумя пальцами раскаленную многотонную болванку, он тащит ее. Звенят предупреждающие звонки. Они звенят повсюду, то тут, то там, нагоняя на свежего человека тревогу. Но люди спокойны, ловко и быстро железными крюками переворачивают металл, укладывая его в вагонетки.

- Вы что, малость растерялись, друг мой? - засмеялся партийный работник Николай Александрович и, взяв меня за руку, повел по лесенке. - Главное вот здесь.

Не успели мы еще подняться по лесенке, как опять пахнуло таким жаром, что глаза невольно зажмурились, а по лицу забегали колючие мурашки. Секунда, две, три. Открываю глаза.

Передо мной - бушующие вулканы. Расплавленный металл кипит там, внутри печей, стенки печей будто покрыты ползучим серебром. Он воюет там, этот расплавленный металл. Воюет, как великан, которому мало места, которому нужны просторы. И кажется: сейчас этот великан вырвется на волю и зальет все и всех своим всесжигающим пламенем.

Но люди у печей, вооруженные длинными ломами, в синих очках, потные и обжаренные огнем, широко открывают жерла печей.

- Снимают шлак, - проговорил Николай Александрович. - Вы видите переднего сталевара - это бригадир. На него и падает главный огонь. Смотрите; как они работают. Ни одного слова. Все на движении. Вон бригадир повернул руку, и все двинулись за этой рукой. Кивок головой влево, и крюк пошел влево.

- Да-з. Это очень красиво, - вырвалось у меня.

- Смотрите, сейчас будут выпускать сталь.

Кран легко поднес огромнейший черный ковш - тонн на шестьдесят стали. И вот в него хлынул металл. Он вырвался, как из-под земли, фыркая, разбрасывая во все стороны огненные брызги.

Вскоре мы попали к электропечам. Они стояли в ряд - десять печей. Две печи не работали. Я спросил, почему они бездействуют.

- Не хватает электроэнергии. Урал, видимо, не ждал, что его так тряхнут в этом году. На электроэнергию, на нефть, на уголь сейчас такой спрос, как на хлеб...

- Что же предпринимает Урал?

- Строятся новые электростанции.

Мы видели блюминг. Раскаленная стальная болванка, попав сюда, словно превращается в игрушку. Рычаги толкают ее по роликам, и вот она попадает на обжимы. .. Минуты через две болванка уже превращена в длинный брус. И брус этот, как мыло, разрезают на части ножи.

Но что бы мы ни смотрели, внимание снова обращалось к мартенщикам - к этим людям бушующего огня. Николай Александрович проговорил:

- Эти люди ни на фронте не сдадут, ни здесь. Закалились.

2.

Директор часового завода Иван Иванович напоминает главу семейства, который очень доволен своими ребятами. Про самые тяжелые времена и то говорит с усмешкой:

- Ну, приехали мы сюда. В спешке, конечно. То не захватили, другое не захватили и стояли вот так же, как эта "эмка", - показывает он на легковую машину у подъезда, без мотора, без фар и без колес. - А тут еще людей нет. Приехало человек триста, а надо очень много. Где взять людей? Да ведь людей-то каких! Мы ведь не сапожные колодки работаем!

Что делать? Пошли к школьникам. Летчиков, мол, вы любите? Любим, кричат. Та-ак. А танкистов любите? Любим,

кричат. Ну, вот, тогда айдате к нам, учиться будем. И повалили. Честное слово, повалили.

Но уже и без честного слова директора было ясно, что в цехах главным образом работают подростки.

Директор подошел к девушке. Она маленькая, золотоголовая. Лицо все обсыпано веснушками - веснушки на носу, на щеках и даже на подбородке. Это ей очень идет, но она-то, видимо, от этого страдает. Как только мы подошли к ней, она ладошкой прикрыла лицо.

- Ах, дочка, дочка! Молодчина ты у меня. Как, программу выполняешь?

Девушка вспыхнула, опустила глаза и еле слышно:

- Выполняю, Иван Иванович.

- А ты громче, громче об этом говори. О славе ведь говоришь, о хорошем деле. На весь цех крикни: программу, мол, выполнила!

- Вот когда перевыполнять буду, тогда и крикну, - еще
тише говорит девушка

Она этим даже как-то озадачила директора. Он чуточку постоял около нее молча, затем подхватил:

- Ой, молодчина! - И продолжал: - Да они у нас тут
все такие. Есть, кто всей семьей работает. Например, Чесалкины. Мать, дочки, сыновья. А хотите, я вам покажу наши знаменитые автоматы? О-о-о! Это чудо-машины.

И вот мы в новом цехе. Тут в ряд стоят станки. Их очень много, но сами они будто игрушечные.

- Вот на этот, на этот подивитесь, - говорит директор
и подводит к одному из автоматов. - Смотрите, какой он
сердитый.

И в самом деле, станок работает как-то сердито, напоминая щенка, которому впервые попала в зубы кость, и он грызет ее, ворчит, боясь, как бы у него эту кость не отняли.

- Здорово! Что он делает?

- Деталь для камней, - отвечает паренек у станка.

- А ну, покажи эту деталь, - просит директор и громко
хохочет.

Паренек что-то несет на кончике пальца. Показывает:

- Вот, - говорит он весьма серьезно, - деталь. - Но и
сам он не видит этой детали, на пальце у него какая-то черненькая крошка.

- Это надо под лупой. Под лупой. - И директор дает
лупу.

Мы смотрим через лупу. Действительно, какой-то ободок.

- Для чего он?

- Для камней. Мы же вырабатываем часы - часы для
танков, для самолетов, для кораблей. Вот камешки и вста
вляются в эти ободки. Посмотрите, какие часы.

Директор пригласил в помещение, открыл шкаф. Оттуда повеяло холодом, и там мы увидели заиндевевшие, посеребревшие часы для самолетов, для танков.

- Морозом испытываем. А тут вот жарой.

Второй шкаф был полон нестерпимым жаром.

- А это вот, - директор осторожно взял в руки
огромные
круглые часы, - это морской хронометр. Вот какие штуки
мы тут делаем.

3.

Все время, пока мы были на часовом заводе, Николай Александрович молчал. Молчал он и потом, когда пересекли на машине город, выбрались на снежную равнину и вскоре очутились в сосновом лесу. Освещенный фарами лес казался богатырским…

Наконец машина остановилась у новых ворот. Николай Александрович, выбираясь из машины, вдруг заметно заволновался.

- Тут туляки… - пробормотал он, заметив мой удивленный взгляд.

Где-то совсем недалеко от нас раздалась пулеметная очередь. Затем вторая, третья. В другой стороне, тоже неподалеку, загрохотали пушки.

- Что это?

- Испытание. Так вот и день и ночь, - ответил Николай Александрович, входя в помещение, залитое электрическим светом. По всему было видно, что здание построено совсем недавно: потолки еще светились золотистыми сосновыми переплетами. Это сборочный цех. Тут было неожиданно тихо. Только слышно, как за барьером, в соседнем цехе,

урчат, шипят, царапают станки, оттачивая нужные детали.

- Как здесь просто все, - замечаю я.

- Просто? - Он покачал головой. - Нет. Очень сложно.

Ну, например, пулемет. Он дает шестьсот выстрелов в минуту - это значит, шестьсот раз в минуту все детали приходят в движение. Да еще в какое движение! Вы понимаете, какие должны быть детали? Ведь это то же самое, что часы, но гораздо серьезней. И вот какая-нибудь деталь на испытании заела... Тогда шарь по всему заводу - кто и где сплоховал. Иногда у всех инженеров головы вспухнут. Это и понятно, есть рабочие-то еще неопытные. На десяток туляков - сотня новых, здешних, месяцев десять назад пришли на завод.

- И как работают?

- Хорошо! Вы поговорите вон с тем рабочим. Фамилия его Лезаров. С ним недавно случилось такое: надо было обработать одну деталь, такую, без которой мог бы остановиться весь завод. Сменщик его заболел. И Лезаров не ушел от станка. Он стоял день, потом второй. Начали пухнуть ноги. Тогда он разулся и стал на пол босыми ногами... А своего-таки добился.

Я подошел к станку, за которым работал Лезаров. Он высокий, широкий в плечах, но с лица худ.

- Устаете? - спросил я и тут же понял, что вопрос мой наивен.

- А то как же! - просто ответил Лезаров. - Как не уставать? Конечно, устаем. Да ведь теперь по-другому-то и нельзя работать: война. Наши братья, поди-ка, на фронте устают. А мы-то что ж, по курортам, что ль, будем ездить? - Он глубоко вздохнул и еще сказал: - В этом, брат, и есть святая обязанность наша - работай не покладая рук. Будете в столице, так и передайте: работают, мол, на далеком-то Урале. Народ работает... И крепко работает. Вот что.

Вместе с туляками работаем, с москвичами, с ленинградцами, с харьковчанами, с киевлянами...

- Вот они какие у нас, - уже входя в здание парткома, проговорил Николай Александрович.

30 апреля 1943 года

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОЗЕРПИНЫ

Илья ЭРЕНБУРГ

Есть в самой сущности весны нечто бесконечно близкое нам, нашему строю чувств, тому делу, за которое мы боремся и умираем. Я говорю о первом глубоком волнении при виде травы на поле, изрытом снарядами, или птицы, прилетевшей в лес, изуродованный минами.

Каким бы строгим испытаньям
Бы ни были подчинены, -Что
устоит перед дыханьем И
первой встречею весны!

Вдумываясь в природу этого волнения, видишь, что нас потрясает торжество жизни, преодолевающей холод, тлен, лед. Человечество издавна связывало приход весны с прекрасными мифами о возрождении жизни. Задолго до того, как в римских катакомбах первые христиане ранней весной шептали друг другу о воскресении из мертвых, в Греции люди праздновали возвращение юной и прекрасной Прозерпины. Согласно мифу, Прозерпину похитил владыка Аида, господин преисподней Плутон. Но весной заплаканная, бледная Прозерпина подымалась из тьмы, из холода, из небытия. Ее не могли удержать все стражи ада. Она подымалась, как трава, как жизнь.

Я думаю о Прозерпине, глядя на карту Европы: ее похитил маленький человечек, с лицом приказчика и с сердцем хорька, честолюбец, ставший тюремщиком мира. Глядя на пепелище Вязьмы, разговаривая с грустными тенями Курска, можно понять, в какое подземное царство заключена Прозерпина-Европа.

Небольшой кусок земли среди морей - такова она на карте, но это - концентрат человеческой воли, сгусток мыслей и чувств. Сколько нужно было веков, гения, борьбы, крови, пота, слез, чтобы создать ее такой, какой она была в те доисторические дни, когда Гитлер в мюнхенской пивнушке мечтал о "новом порядке"! На Вальхерене день и ночь рыбаки укрепляли плотины, отстаивая остров от моря.

Голландия была страной, отвоеванной у стихии: море увели в каналы, и весной на полях цвели пестрые тюльпаны. Маяковский в своих путевых записках отметил трудолюбие Франции. Ее лозы казались мудрыми академиками. Возле Тромзе в короткое полярное лето на крохотном кусочке земли, среди скал, сторож маяка заботливо выращивал цветы юга. Датчане в особые книжки заносили не только вес, но и настроение каждой коровы. Гончар Андалузии превращал ком глины в античную вазу; а словацкие крестьянки вышивали, как сказочные феи. На огромных заводах изготовлялись часы, которые не должны были отстать в год больше чем на три секунды. Ученые страстно разглядывали атом. Прозерпина не знала, что дурной живописец мечтает о "новом порядке". Она не знала, что плут Розенберг уже готовит трактаты о "мистике крови". Она слышала, как чванливые и жадные бюргеры Германии твердили о "жизненном пространстве", но она не хотела понять, что "жизненное пространство" - это она, Прозерпина, Европа.

Нет описания ада, которое могло бы сравниться с жизнью похищенной немцами Европы. Терцины Данте кажутся идиллией. Разрушены города, вытоптаны виноградники, сожжены книги, развращены и заражены девушки, миллионы задушены голодом. Мы пригляделись к немецким зверствам. Но нельзя цифрами, статистикой передать глубину человеческого страдания. Мы говорим или читаем: "тысячи", "миллионы", и мы не можем себе представить, что каждый в этих замученных немцами миллионах был ребенком, с которым нянчилась мать, что он рос, играл, влюблялся, шептал нежные слова, работал, мечтал о счастье. "Зона пустыни" - так немцы называют уничтоженную ими Смоленщину. Но зона пустыни куда больше: это вся захваченная немцами Европа. Зона пустыни охватывает не только территорию - сердца: люди опустошены годами рабства, они растеряли память, нормы морали, человеческие чувства. Бедная Прозерпина, дитя Эллады, парижская искусница, она теперь стирает белье господина фельдфебеля!..

Вот уже тысячу дней и ночей, как пленная Прозерпина-Европа пытается вырваться из мира тьмы. Никогда борьба не была такой напряженной, как в эти предвесенние дни. Из Белоруссии ветер занес искры в Савойю. Отчаянно дерутся партизаны Югославии. Каждый день то в Голландии, то в Чехии, то в Греции, то в Польше мужественные люди убивают тюремщиков. Немцев еще много, их слишком много - от Атлантики до Кубани, от Петсамо до Бизерты. Но с каким вдохновением встречает Европа смерть каждого из них, даже самого маленького, ничтожного фрица, заблудившегося среди гор Эпира или уснувшего в украинской хате. Европа хочет жить, а путь к жизни идет по немецким трупам. Прежде Европа открывала звездные туманности, писала октавы, выращивала орхидеи. Теперь Европа воодушевлена одним: умерщвлением немцев. Равны подвиги сурового русского солдата, в разведке убившего врага, и маленькой мастерицы из Страсбурга, казненной немцами за то, что она кухонным ножом зарезала, как борова, непрошенного поклонника в чине фельдфебеля.

Первое Мая - праздник братства. Горькими кажутся эти слова, когда видишь мир, по воле отвратительного маньяка залитый кровью, когда слово "уничтожены" или "истреблены" ласкает слух каждого честного человека как прекраснейшее из всех слов. Все же мы можем сказать, что братство народов живо, оно стало горше, горше и глубже: в нем теперь такая общность судьбы, такая связанность чувств, что без переводчика понимают друг друга летчик-француз из эскадрильи "Нормандия" и водитель-украинец. Народы объединились в ненависти к Германии, в привязанности к родному клочку земли и к общей родине, Европе. Корни этого братства уходят глубоко в ночь, в преисподнюю, где томится Прозерпина. Общее горе всегда сближает. Для солдата, сражающегося в суровой Карелии, понятна жизнь француза или англичанина, который идет на штурм Туниса. Мы всегда любили и почитали древнюю Прагу. Кровь чехов, пролившаяся на украинской земле, еще сильнее скрепила наше братство. Сегодня с особенной гордостью мы говорим о мужестве польских партизан, которые отстаивают свою родину от захватчиков.

Прозерпина чувствует, что ее похититель теряет голову. Нерадостной кажется эта весна Германии. О, конечно, у Гитлера еще и огромная территория, и снаряжение, и сильная армия. У него нет одного: перспектив. Он еще может наступать, но теперь даже самые доверчивые немцы шушукаются: что им даст такое наступление, кроме крестов - сначала железных, а потом деревянных?

Долго немцы думали, что война - это нечто экспортное, что воюют они, немцы, но воюют далеко от родных мест. Четырехтонные бомбы крошат немецкие города. Немки теперь увидели воочию, что война летает. Африканский вариант войны близится к концу. Юг Европы всполошился. Вполне возможно, что немкам вскоре предстоит еще одно открытие: война не только летает, она и плавает. Она даже ходит пешком, и впереди тот неизбежный день, когда война, рожденная Германией, придет к своей матери - на немецкие поля.

Будущий историк разделит историю гитлеровской Германии на два периода: до и после Сталинграда. Конец шестой армии заставил даже бесноватого фюрера призадуматься. Можно воевать без идеалов, нельзя воевать без людей. После Сталинграда германская армия поредела. Лакеи Гитлера под благовидными или неблаговидными предлогами спешат убраться восвояси. Мало кому хочется разделить судьбу румынских кавалеристов в Сталинграде. Гитлер прячет на минуту кнут и показывает пряник. Конечно, это заменитель пряника - меда у Гитлера нет. Зато фюрер способен извлекать из себя медоточивые речи. Он больше не настаивает на "жизненном пространстве". Он даже забыл О почтенных трудах Розенберга. Гитлер теперь говорит о "равноценности наций", о "единстве Европы". Он прикидывается другом и защитником злосчастной Прозерпины. Тюрьма переименована в крепость. Немецкие доты на берегах поруганной Франции называются "европейским валом". Волк защищает овчарню. Хорек ратует за неприкосновенность курятника. Люди, убившие писателя Ванчуру, уничтожившие памятник Мицкевичу, разгромившие Сорбонну, прикидываются хранителями европейской культуры.

Однако Европа слишком стара, чтоб ее можно было заговорить, как деревенскую дурочку. Когда Гитлер до Сталинграда рычал, многие его пугались. Когда Гитлер после Сталинграда стал сюсюкать, над ним все смеются. Кто поверит в "равноценность наций" Гитлера? Тысячу дней и тысячу ночей немцы грабили, оскорбляли, опустошали Европу. О каком "единстве" может говорить палач? О единстве веревки и повешенного? О единстве Штюльпнагеля и заложников? Да и трудно немцам перемениться хотя бы на час, хотя бы по приказу фюрера. Недавно англичане взяли в плен итальянского генерала Маннерини, который заявил, что ему пришлось сдаться, так как немцы, удирая, отказались предоставить итальянскому генералу место в машине. Такова практика "равноценности наций".

Прозерпина не согласилась признать в тюремщике супруга. Если есть в Европе люди, которые верят или делают вид, что верят речам Гитлера, мы вправе к ним относиться не как к обманутым, но как к обманщикам: все это те же "бургомистры" и "старосты". Пушечное мясо Гитлеру пришлось набирать силой. Он мобилизовал эльзасцев и лотарингцев - может быть, самых самоотверженных сынов Франции. Он заменил старых немецких рабочих украинскими, французскими, норвежскими рабами. Он наскреб новью дивизии. После похода за пушечным мясом он мечтает о новом походе - пушечного мяса.

Ярость немецкого контрнаступления в марте, ожесточенность, с которой Роммель защищает последний огрызок Африки, показывает, что силы Гитлера не исчерпаны. Безнадежность не способна остановить немецких тупиц. Нам предстоят суровые битвы. Большие ратные дела предстоят и нашим союзникам. Прозерпина знает, что еще не одна рана будет нанесена ей владыкой Аида. Для нее еще не пришла весна, и трагически звучат трели птиц в Булонском лесу Парижа, трагически выглядят цветы на пепелище Лидице.

Эта весна, столь ранняя, столь яркая, нам не в весну, май нам не в май: мы чувствуем всю полноту человеческого горя, принесенного на нашу землю немцами. Думая о близких, мы смотрим на запад: путь к родному гнезду для сибиряка или для волжанина идет через Смоленск, через Новгород, через Киев. Глядя на хлеба, которые всходят, мы думаем: кто будет убирать? Мы или немцы? Кто будет есть хлеб Украины? Наши жены или ненасытные немки? Кто будет жить: Прозерпина или ее похититель?

Настанет день, когда Прозерпина подымется на землю из царства ночи. Богиня весны, она выйдет не с цветами, но с винтовкой: она тоже сражается - ночью на темных улицах европейских городов, в лесах, в горах, на заводах. Прозерпину никто не выпустит добровольно. Она сама себя освободит - не мольбой, не молчанием - оружием.

1 мал 1943 года

ПИСЬМО АМЕРИКАНСКИМ ДРУЗЬЯМ

Михаил ШОЛОХОВ

Вот скоро уже два года, как мы ведем войну - войну жестокую и тяжелую. О том, что нам удалось остановить и отбросить врага, вы знаете. Вы, может быть, недостаточно знаете, с какими трудностями для каждого из нас связана эта война. А мне хотелось бы, чтобы наши друзья знали об этом.

В качестве военного корреспондента я был на Южном, Юго-Западном и Западном фронтах. Сейчас я пишу роман "Они сражались за Родину". В нем я хочу показать тяжесть борьбы людей за свою свободу. Пока же роман недописан, я хочу обратиться к вам не как писатель, а просто как гражданин союзной вам страны.

В судьбу каждого из нас война вошла всей тяжестью, какую несет с собой попытка одной нации начисто уничтожить, поглотить другую. События фронта, события тотальной войны в жизни каждого из нас уже оставили свой нестираемый след. Я потерял свою семидесятилетнюю мать, убитую бомбой, брошенной с немецкого самолета, когда немцы бомбили станицу, не имевшую никакого стратегического значения, осуществляя свой разбойничий расчет: они попросту хотели разогнать население, чтобы люди не могли увести в степи скот от надвигавшейся немецкой армии. Мой дом, библиотека сожжены немецкими минами. Я потерял уже многих друзей - и по профессии, и моих земляков -на срронте. Долгое время я был в разлуке с семьей. Мой сын тяжело заболел за это время, и я не имел возможности помочь семье. Но ведь в конце концов это личные беды, личное горе каждого из нас. Из этих тяжестей складывается всенародное, общее бедствие, которое терпят люди с приходом в их жизнь войны. Личное наше горе не может заслонить от нас мучений нашего народа, о которых ни один писатель, ни один художник не сумели еще рассказать миру.

Ведь надо помнить, что огромные пространства нашей земли, сотни тысяч жизней наших людей захвачены врагом, самым жестоким из тех, что знала история. Предания древности рассказывали нам о кровопролитных нашествиях гуннов, монголов и других диких племен. Все это бледнеет перед тем, что творят немецкие фашисты в войне с нами. Я видел своими глазами дочиста сожженные станции, хутора моих земляков - героев моих книг, видел сирот, видел людей, лишенных крова и счастья, страшно изуродованные трупы, тысячи искалеченных жизней. Все это принесли в нашу страну гитлеровцы по приказу своего одержимого манией крови вождя. Эту же судьбу гитлеризм готовит всем странам мира -и вашей стране, и вашему дому, и вашей жизни.

Мы хотим, чтобы вы трезво взглянули вперед. Мы очень ценим вашу дружескую бескорыстную помощь. Мы знаем и ценим меру ваших усилий, трудностей, которые связаны с производством и особенно с доставкой ваших грузов в нашу страну. Я сам видел ваши грузовики в донских степях, ваши прекрасные самолеты *в* схватках с теми, которые бомбили наши станицы. Нет человека у нас, который не ощущал бы вашей дружеской поддержки.

Но я хочу обратиться к вам очень прямо, так, как нас научила говорить война. Наша страна, наш народ изранены войной. Схватка еще лишь разгорается. И мы хотим видеть наших друзей бок о бок с нами в бою. Мы зовем вас в бой. Мы предлагаем вам не просто дружбу наших народов, а дружбу солдат.

Если территория не позволит нам драться в буквальном смысле слова рядом, мы хотим знать, что в спину врагу, вторгнувшемуся в нашу землю, обращены мощные удары ваших армий.

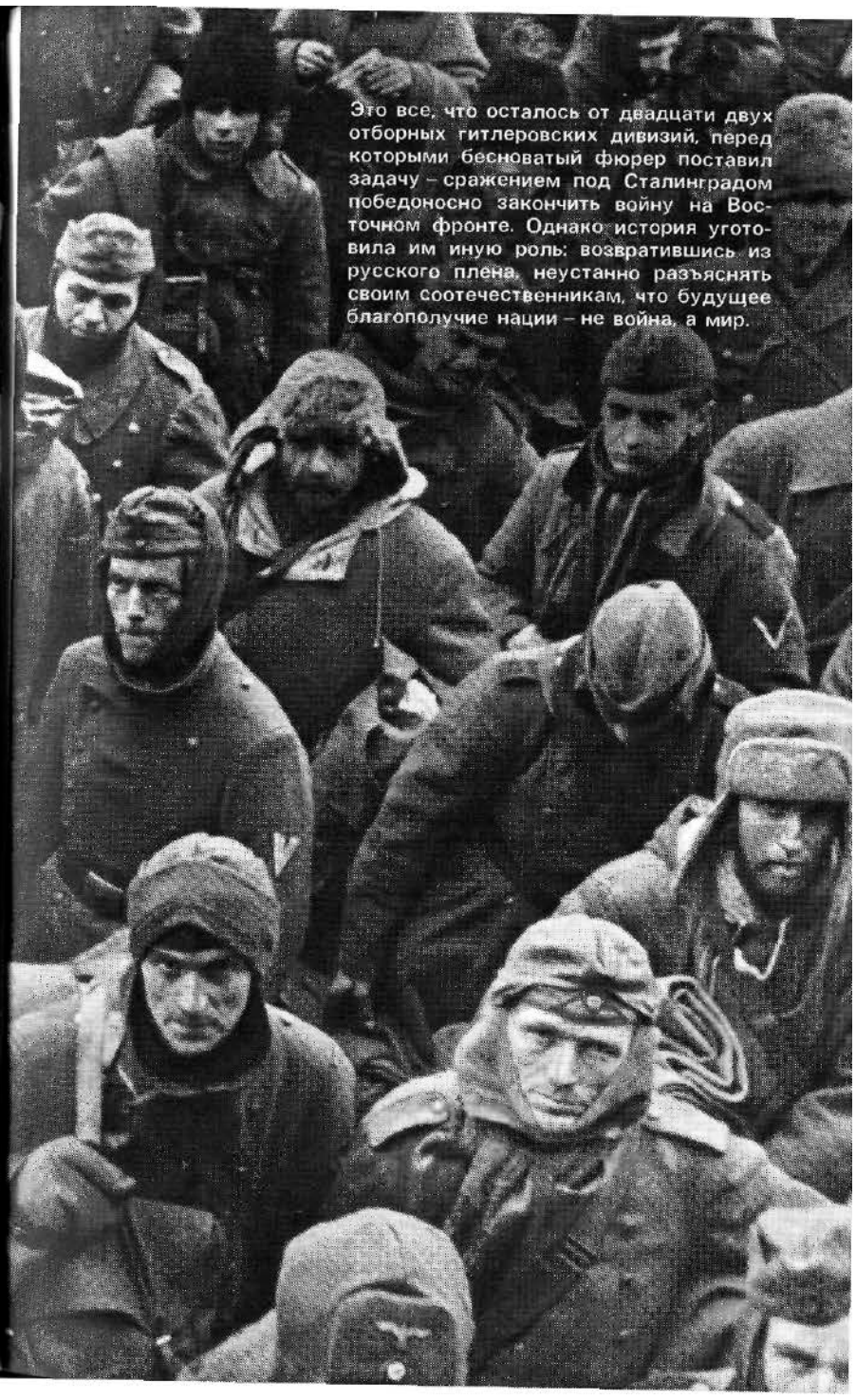
Мы знаем огромный эффект бомбардировки вашей авиацией промышленных центров нашего общего врага. Но война - тогда война, когда в ней участвуют все силы. Враг перед нами коварный, сильный и ненавидящий наш и ваш народы насмерть. Нельзя из этой войны выйти, не запачкав рук. Она требует пота и крови. Иначе она возьмет их втрое больше. Последствия колебаний могут быть непоправимы. Вы еще не видели крови ваших близких на пороге вашего дома. Я видел это, и потому я имею право говорить с вами так прямо.

1943 год

.. .Теперь, в мае 1943 года,
Вами вместе с г. Черчиллем
принимается решение,
откладывающее
англо-американское вторжение
в Западную Европу на весну 1944 года.
То есть - открытие второго фронта
в Западной Европе, уже отложенное
с 1942 года на 1943 год,
вновь откладывается,
на этот раз на весну 1944 года.
Это Ваше решение создает
исключительные трудности
для Советского Союза,
уже два года ведущего войну
с главными силами Германии
и ее сателлитов с крайним
напряжением всех своих сил,
и предоставляет советскую армию,
сражающуюся не только за свою страну,
но и за своих союзников,
своим собственным силам,
почти в единоборстве
с еще очень сильным
и опасным врагом.

Из личного и секретного послания премьера И. В. Сталина президенту г. Рузвельту, отправленного 11 июня 1943 г.

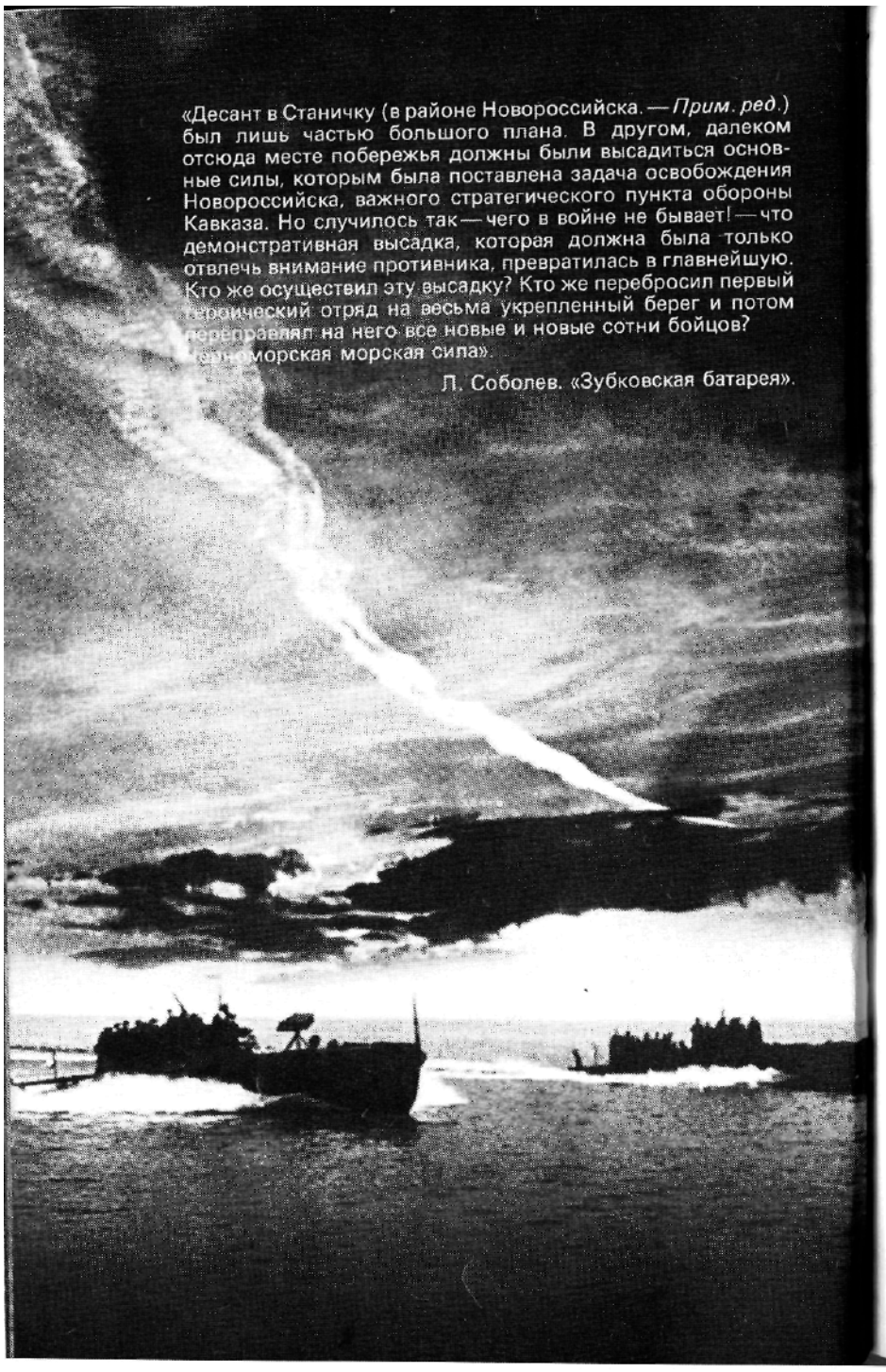
Каска со свастикой в когтях геральдического орла, олицетворявшего гитлеровский рейх, не спасла от советских пуль и снарядов и потому оказалась в груде металлического лома, годного лишь на переплавку.



Это все, что осталось от двадцати двух отборных гитлеровских дивизий, перед которыми бесноватый фюрер поставил задачу – сражением под Сталинградом победоносно закончить войну на Восточном фронте. Однако история уготовила им иную роль: возвратившись из русского плена, неустанно разъяснять своим соотечественникам, что будущее благополучие нации – не война, а мир.

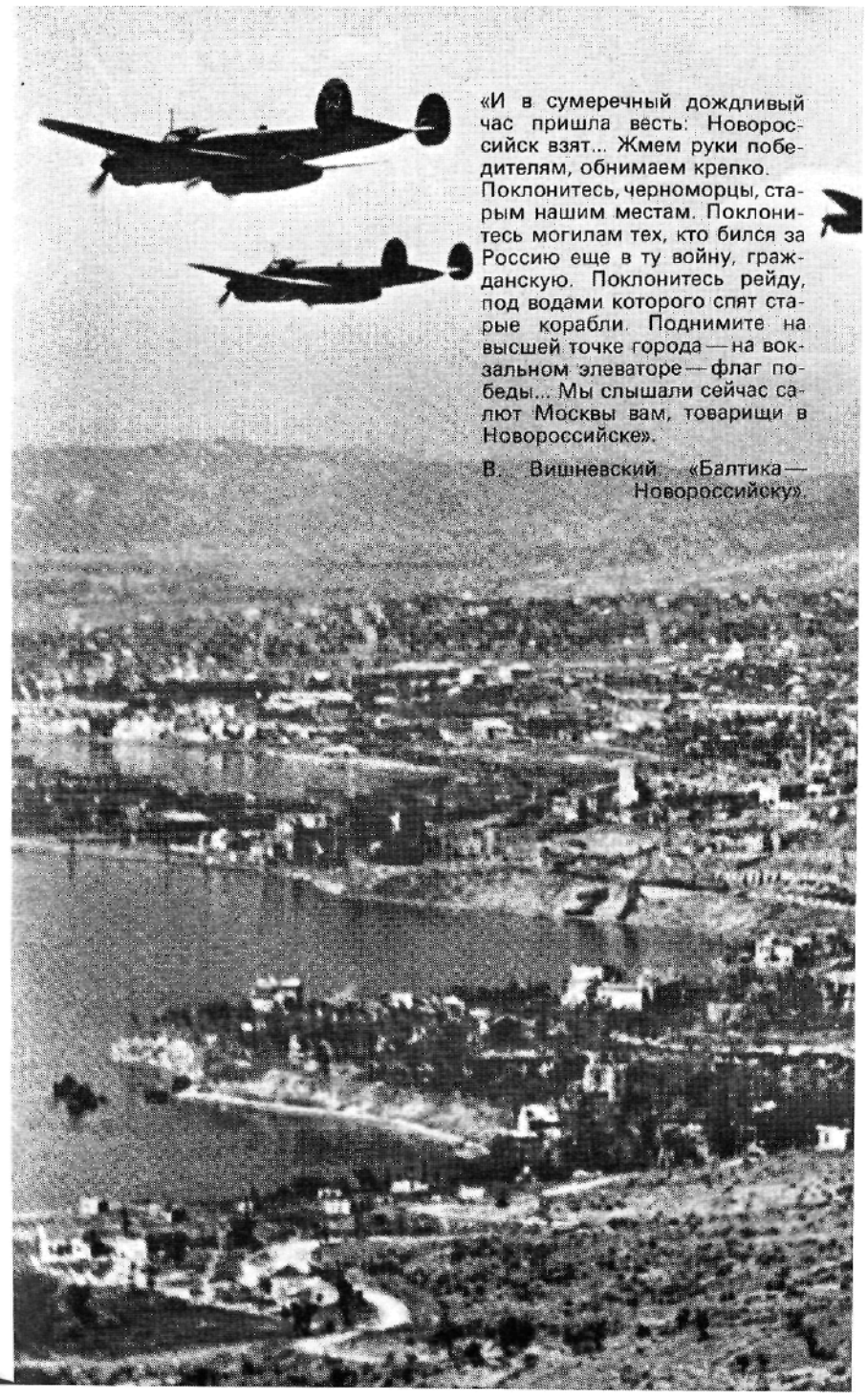
Оборона Ленинграда – это оборона города, который Гитлер приказал "сровнять с землей". Но это и драматическая поэма о победе жизни над смертью, апофеоз могуществу человеческого духа, легенда, ставшая былью. Ее всепобеждающую силу можно ощутить, вслушиваясь в величественные аккорды Седьмой, Ленинградской, симфонии Дмитрия Шостаковича. Исполненная в осажденном Ленинграде, когда гул литавр нередко сливался с грохотом канонады, она стала как бы продолжением той героической "Дороги жизни", которая питала ленинградцев в дни самых тяжелых испытаний.

Гитлеровцам не удалось покорить город Ленина. Он выстоял потому, что сердца миллионов советских людей бились в едином ритме с сердцами ленинградцев. И когда в январе 1943 года в результате встречных ударов Ленинградского и Волховского фронтов блокада была прорвана, вся страна праздновала победу защитников великого города на Неве. А еще через год блокада Ленинграда была окончательно ликвидирована.



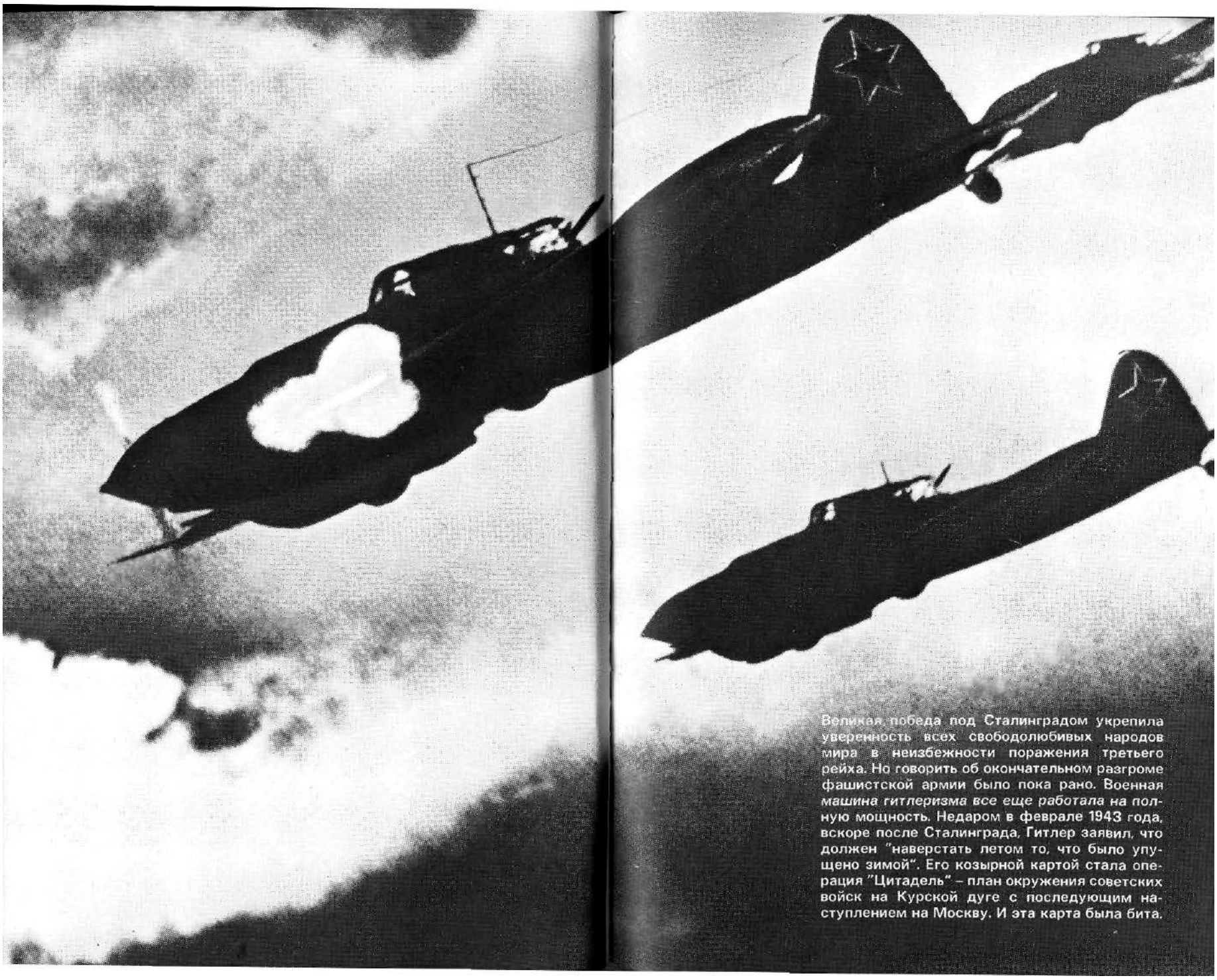
«Десант в Станичку (в районе Новороссийска. — *Прим. ред.*) был лишь частью большого плана. В другом, далеком отсюда месте побережья должны были высадиться основные силы, которым была поставлена задача освобождения Новороссийска, важного стратегического пункта обороны Кавказа. Но случилось так — чего в войне не бывает! — что демонстративная высадка, которая должна была только отвлечь внимание противника, превратилась в главнейшую. Кто же осуществил эту высадку? Кто же перебросил первый героический отряд на весьма укрепленный берег и потом переправлял на него все новые и новые сотни бойцов? Черноморская морская сила».

Л. Соболев. «Зубковская батарея».



«И в сумеречный дождливый час пришла весть: Новороссийск взят... Жмем руки победителям, обнимаем крепко. Поклонитесь, черноморцы, старым нашим местам. Поклонитесь могилам тех, кто бился за Россию еще в ту войну, гражданскую. Поклонитесь рейду, под водами которого спят старые корабли. Поднимите на высшей точке города — на вокзальном элеваторе — флаг победы... Мы слышали сейчас салют Москвы вам, товарищи в Новороссийске».

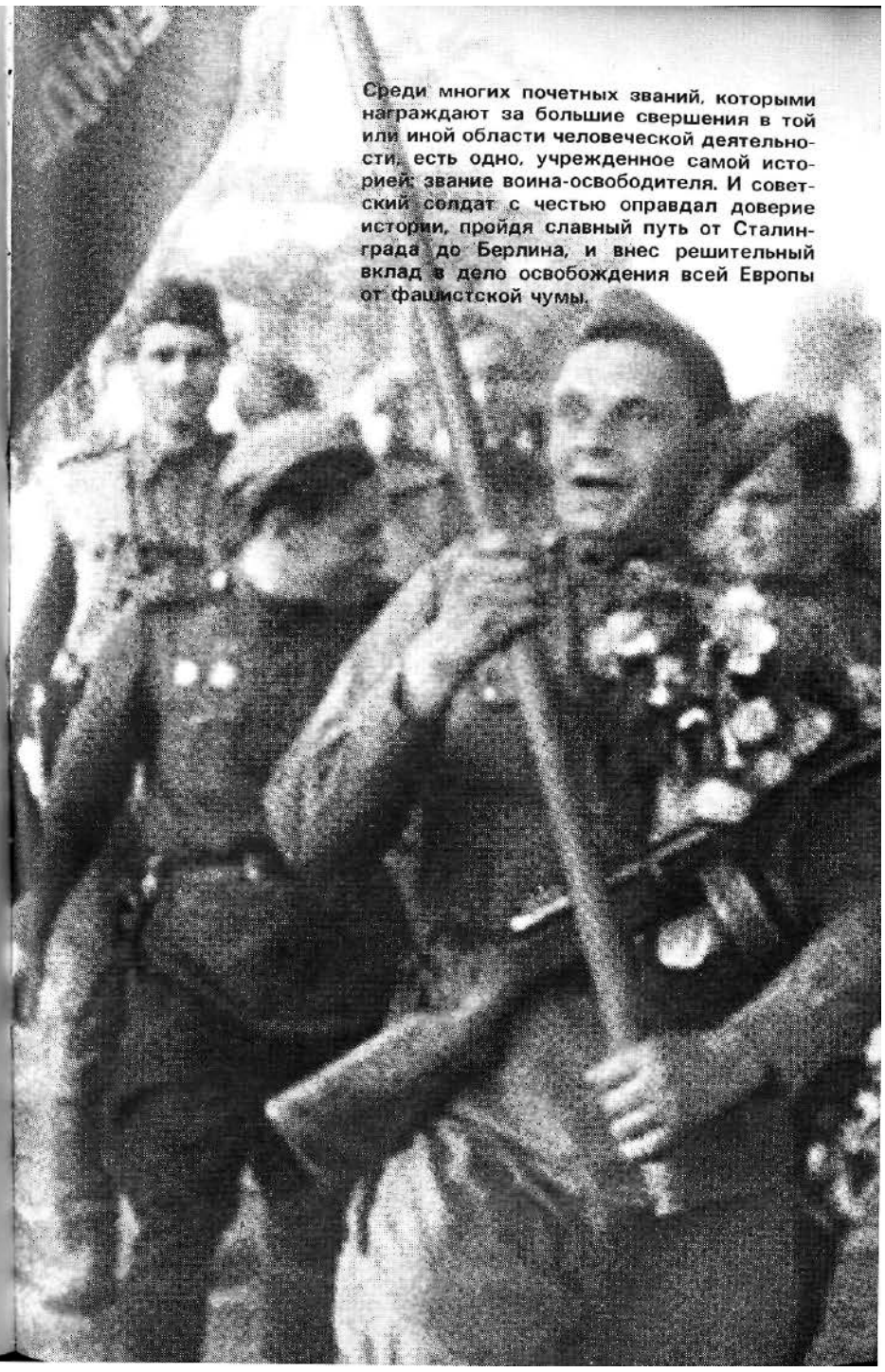
В. Вишневский. «Балтика — Новороссийску».



Великая победа под Сталинградом укрепила уверенность всех свободолюбивых народов мира в неизбежности поражения третьего рейха. Но говорить об окончательном разгроме фашистской армии было пока рано. Военная *машина гитлеризма все еще работала на полную* мощность. Недаром в феврале 1943 года, вскоре после Сталинграда, Гитлер заявил, что должен "наверстать летом то, что было упущено зимой". Его козырной картой стала операция "Цитадель" – план окружения советских войск на Курской дуге с последующим наступлением на Москву. И эта карта была бита.

Прямо из цехов немецких военных заводов сплошным потоком на фронт шла новая боевая техника – "тигры", "пантеры" и "фердинанды". И хотя германское командование считало, что их броня непробиваема для советских снарядов, "тигры" горели как факелы под ударами нашей артиллерии и штурмовиков.

Хотя германский генштаб сосредоточил на Курской дуге огромные силы, операция "Цитадель" окончилась полным крахом. Красная Армия прочно взяла стратегическую инициативу в свои руки и не упустила ее уже до самого конца войны. Немецким солдатам больше не на что было надеяться.



Среди многих почетных званий, которыми награждают за большие свершения в той или иной области человеческой деятельности, есть одно, учрежденное самой историей: звание воина-освободителя. И советский солдат с честью оправдал доверие истории, пройдя славный путь от Сталинграда до Берлина, и внес решительный вклад в дело освобождения всей Европы от фашистской чумы.

Победа на Курской дуге стала прелюдией к окончательной победе над фашизмом. Дни гитлеровского рейха были сочтены, и, хотя дней этих еще оставалось немало, спасти немецкую армию могло только чудо. Но чуда не произошло. Красная Армия наступала. И в честь освобождения Орла и Белгорода московское небо озарилось залпами артиллерийского салюта. С того памятного дня 5 августа 1943 года и до окончательного разгрома фашистской Германии и империалистической Японии свыше трехсот раз гремели праздничные салюты.

От Советского Информбюро

В полосе среднего течения Днепра наши войска успешно форсировали ДНЕ и захватили плацдармы в трех местах: севернее КИЕВА, южнее города ПЕРЕЯСЛА юго-восточнее КРЕМЕНЧУГА. Немцы ведут против наших, переправившихся ч Днепр, войск ожесточённые контратаки, которые отбиваются с большими для т тивника потерями. Наши войска шаг за шагом расширяют плацдармы.

На отдельных участках Западного фронта небольшие группы нашей пехоты вели разведывательные поиски. Разведчиками уничтожено до 200 солдат противника и захвачены пленные.

Из сообщения **Совинформбюро 29 июня 1943 г.**

ОХОТНИКИ ЗА "ЯЗЫКАМИ"

Евгений **ГАБРИЛОВИЧ**

В полукилометре от переднего окопа, в блиндаже, собирается группа человек в пятнадцать, которая пойдет сегодня ночью в разведку, на захват пленных. Лейтенант Семен Яковлев, юноша двадцати лет, до войны студент Института истории и философии, готовившийся стать историком, поведет группу: он уже год на войне и испытан в подобного рода делах.

Негромкий говор. Бойцы осматривают свои пистолеты-пулеметы, пробуют действие затворов, переключателей, защелок магазинов. Тихий смех в углу - это состязаются в остроумии сержант Мельканов и боец Нюбин - два известных в полку остряка.

Двадцать два ноль-ноль. Все готово. Бойцы под командованием Яковлева выходят из блиндажа.

Сильный дождь. Тихо. Только изредка посвистывает пуля да хлопает вдруг где-то совсем близко одинокая мина. Бойцы идут по ходу сообщения к переднему краю. Несколько человек несут доски и маты. Из передового дзота Яковлев докладывает по телефону командиру полка о готовности разведчиков и получает разрешение выступить.

Яковлев присаживается в окопе на корточки., закуривает последнюю папиросу и, поеживаясь от сырости, затягивается. Потом, не докурив до половины, он гасит папиросу и быстрым, сильным движением поднимается на бруствер. Бойцы следуют за ним.

Прямой спуск по обрыву довольно крут, но разведчики идут пологим кружным путем, маскируясь кустами, вполурост. Без помехи подходят они к речонке и залегают на берегу, всматриваясь и выжидая.

Короткая летняя ночь только еще начинается. Дождь как бы смыл краски заката, вокруг влажный мрак, неясно озаряемый вспышками ракет по всему переднему краю обороны врага. Яковлев подает условный знак рукой, трое бойцов - саперы - поднимаются, переходят реку и сразу же растворяются в темноте: их задача - проверить и, если нужно, расчистить путь. Остальные продолжают лежать. Дождь барабанит по их спинам. Лежит и Яковлев. Он лежит на животе. Дождь понемногу просачивается сквозь его шинель, гимнастерку, рубашку. Вот уже и мокро между лопатками. Очень хочется закурить - кажется, что крохотный огонек папиросы уймет неприятное ощущение этого мокрого холода.

В окулярах бинокля показывается неясная тень. Это сапер: путь проверен. Яковлев, проскользнув между кустами, пересекает речушку. Бойцы - за ним. Едва последний из них переходит речку, как раздается дробь пулемета. Разведчики припадают к прибрежной тине. Пулемет затихает, потом начинает бить снова.

- Психует! - говорит Яковлеву лежащий с ним рядом сержант Мельканов.

Им обоим хорошо известна эта тактика немецких часовых. Сидя в дзоте, немецкий часовой время от времени начинает бить из пулемета - пусть, мол, противник, ежели он приблизился, думает, что его обнаружили. Неопытные разведчики, заслышав эту стрельбу, решают:

- До немца еще далеко, а нас уже обнаружили. Беда!

А опытные залегают и ждут.

Отряд лежит и ждет. На дробь первого дзота откликается другой дзот, потом третий. Начинает вдруг бить миномет. Сеня Яковлез лежит в тине. Ему всего двадцать лет, но это уже двадцать седьмая его боевая разведка. Первое время он волновался, писал перед каждым походом в разведку письма родным и любимой, прощался с товарищами. Потом привык. А храбрость, которая дается привычкой, - самая стойкая храбрость.

Двадцатилетний лейтенант спокоен. Он терпеливо ждет конца этой никчемной стрельбы, поворачиваясь с живота на бок и снова на живот. Беспокоит его одно: дождь начинает затихать. Из-за туч на миг показывается луна, потом опять скрывается. Но все же становится как будто светлей. Это плохо. Надо подойти к немцам, покуда дождь совсем не перестанет. А немцы, как нарочно, бьют и бьют из пулеметов. Яковлев сердито поглядывает на небо: да, дождь кончается, это точно.

Все же дождь еще моросит, когда стрельба наконец затихает и когда по знаку лейтенанта группа снова пускается в путь.

Минные поля позади, начинаются спиральные проволочные заграждения. Два мокрых усатых саперика встречают здесь отряд - они уже перебросили через заграждения доски и маты, и бойцы быстро переползают на другую сторону. Потом так же ползком начинают взбираться вверх. Однако, когда до вершины холма остается метров тридцать, дождь затихает окончательно, полная луна вырывается на волю, и вся местность становится ясно видной, как на ладони.

Теперь лежи и жди - ни вперед, ни назад, словно в ловушке! Группа залегает в кустах надолго. Снова Яковлев сердито поглядывает на небо - не подойдет ли какая-нибудь заблудшая тучка. Но тучки нет, безраздельно царит луна, Яковлев морщится, поудобнее устраивается в грязи и замирает.

Он очень терпелив, этот юный лейтенант. Было время -и совсем еще недавнее, до войны, - когда Сзня не мог усидеть спокойно на месте и десяти минут. Теперь он может лежать без движения час, другой, третий...

Сеня лежит и ждет. Он знает, чего ждет: ночь коротка, перед рассветом после дождя должен подняться сильный туман над рекой. Этого тумана и ждет лейтенант. Проходит час, второй, слышно, как переговариваются и перекликаются немецкие часовые. Снова и снова принимаются бить пулеметы и опять затихают. Яковлез поглядывает на звезды - дело идет к утру. Испарина начинает ползти по земле, все курится вокруг - травинки, ветки, цветы. Проходит еще полчаса, туман заволакивает и небо, и луну, и землю. Пора, надо спешить! Лейтенант встает и быстро карабкается наверх, едва заметный в тумане даже ближайшему к нему бойцу. Бойцы бесшумно следуют гуськом друг за другом.

Объект нападения отряда - одиноко стоящая на холме изба, превращенная немцами в дзот. Туман все гуще и гуще, уже не видно и в двух шагах. Яковлев теряет ориентировку, залегает минуты на три, внимательно вглядываясь и вслушиваясь, потом, определив что-то в тумане, поднимается и решительно устремляется вперед. Вот и контуры хижины. Часовой шагает у крыльца, словно плывет в туманном мареве. Яковлев вынимает нож, подползает к стене избы. Выждав удобный момент, он делает точный бросок и ударяет часового ножом. Второй взмах ножа - это удар сержанта Мельканова. Часовой мертв.

Теперь гарнизон дзота в мышеловке. Нельзя медлить ни секунды: туман очень густ, но долго ли он продержится?

Одна часть группы окружает дзот, другая, поменьше, подкрадывается к дверям избы. В такой туман хорошо бы грохнуть дзот гранатами. Но дело не в гранатах - надо взять пленных.

Яковлев долго прислушивается возле дверей, прежде чем войти в сени. Нет, в сенях ни звука Яковлев легонько сбрасывает сквозь щель ножом щеколду и входит в сени. Едва заметный глухой скрип, но он услышан, и кто-то отзывается из дзота коротким окриком, видимо окликает часового. Яковлев мычит в ответ что-то быстрое и неясное, нащупывает дверь в избу, рывком распахивает ее, и вся группа с автоматами наперевес входит в дзот.

Ранний рассветный час - время, когда затихает на короткий срок перестрелка, когда так хорошо дремлется в этой минутной, неверной фронтовой тишине. Трое немцев спят на нарах, в белье. Один дремлет, сидя у пулемета.

Пятый не дремлет - он тоже сидит у пулемета и подбивает молотком подошву на сапоге, который держит в руках.

Этот, пятый, сразу вскакивает и хватается за автомат, но автомат тут же выбивают у него из рук. Вот немец уже на земле связан, рот его крепко стянут тряпкой. Одновременно так же бесшумно сбивают на землю и связывают второго, дремавшего у пулемета. Не проходит и трех минут, как всех пятерых с завязанными руками, с повязками на губах выволакивают из дзота.

Туман все еще густ, но свет прибывает с каждой секундой, скоро взойдет солнце. Бойцы, взвалив на плечи пленных, начинают спускаться вниз. Трое из пленных покорны, но двое бьются, пытаются вырваться, крикнуть. С ними много хлопот.

На полдороге до речки одному из них удается сорвать повязку со рта о плечо несущего бойца, и немец начинает кричать во все горло. Ему тут же затыкают снова рот, но крик услышан, взвивается ракета, и со всей немецкой линии на холме начинают бить пулеметы. Пули свистят над головами. Вот падает раненый Нюбин. Его подхватывают и несут. А туман рассеивается, вокруг становится все светлей и светлей, видимо, будет ясное, погожее утро. В последних обрывках тумана разведчики переправляются по матам через проволоку и достигают реки.

Под сильным обстрелом, неся пленных и раненых на плечах, группа переходит реку и залегает в кустах. Ясное утро, видимость превосходная - взобраться наверх до ночи нельзя.

И вот двадцать часов лежат разведчики на берегу, зарывшись в землю. Немцы бьют пулеметами и минометами. Наши минометы и артиллерия открывают сверху, с холма, сильный ответный огонь.

Яковлев сидит в старом окопчике, оставшемся здесь от прежних боев. Рядом с ним пленный - тот самый, что начал кричать. Он и сейчас бьется на дне окопчика и пытается сорвать повязку со рта. Потом затихает.

Время тянется бесконечно. Жаркий июньский полдень, солнце даже через фуражку печет голову. Яковлев снимает шинель, расстегивает ворот гимнастерки. Скорей бы вечер! Есть уже не хочется, в ногах и руках неприятная слабость.

Проходит еще полчаса. Перестрелка совсем утихает. Яковлев завозился, расправляя затекшие члены, непроизвольно приподнялся над окопчиком и тут же почувствовал резкий толчок в руку повыше локтя. Танен", - сразу подумал он и опустился на дно своей земляной норы.

Горячая струя, так непохожая на ту утреннюю холодную дождевую влагу, покатилась по руке. Гимнастерка на рукаве сразу побурела.

Вызвать кого-нибудь на помощь нельзя - всякого, кто попытается вылезти из окопчика, тут же подстрелят. Яковлев здоровой, правой, рукой вынул из сумкц индивидуальный пакет, разорвал его, подрезал ножом рукав гимнастерки и, стараясь не глядеть на рану, перевязал ее, пытаясь стянуть руку как можно туже. Бинт немедленно заалел. И немец, взглянув на повязку, довольно и зло улыбнулся.

Неукротимое бешенство поднялось в груди Яковлева. Он видел, что немец наслаждается его болью. "Ах, скотина!" - в гневе подумал он. И он небрежно улыбнулся, как если бы рука не причиняла ему ни боли, ни беспокойства, вынул из кармана папиросу и закурил. Немец ждет его слабости, его стонов, может быть, ждет, что он, Яковлев, обратится к нему за помощью, и тогда он, немец, откажет ему в этой помощи. Нет, не будет ни слабости, ни стонов! Курить совсем не хотелось, кружилась голова, поташнивало, но он курил и стряхивал пепел равнодушно и спокойно, как ни в чем не бывало. Боль становилась все острее, а он курил и улыбался, будто мысли его были легки и беззаботны.

А вечер медлил, солнце словно приросло к верхушкам деревьев. Губы пересохли, все поплыло куда-то вправо, потом влево. Силы Яковлева слабели, ноги подкашивались, боль становилась все нестерпимей. Несколько раз Яковлев впадал в беспамятство, но напряжение мускулов было столь велико, что тело продолжало оставаться все в том же положении даже тогда, когда мозг переставал контролировать его движения.

И юноша-воин победил: немец-враг не увидел его слабости, не насладился его болью, не порадовался стонам советского, русского офицера. Спустилась ночная темнота, но Яковлев нашел в себе силы выждать, пока она максимально сгустится.

и только тогда подал знак к выступлению. Он увидел, как по его знаку над земляными норами в темноте показались головы его бойцов. Он тоже вылез наружу, здоровей рукой схватил немца за шиворот, приподнял его над окопчиком и бросил на землю. Тут же от этого напряжения он почувствовал такую страшную боль в руке, что опустился на траву. Чья-то голова наклонилась над ним, и знакомый, родной тревожный голос сержанта Мелькаиова произнес:

- Что с вами, товарищ лейтенант?

- Я ранен, - сказал Яковлев, - я вот уже семь часов как
ранен.

29 июня 1943 года

ИХ НАСТУПЛЕНИЕ

Илья ЭРЕНБУРГ

Вот что сообщали вчера немцы:

"Советское наступление между Орлом и Курском провалилось".

"Советские части попытались проникнуть в наше расположение, но их атаки отбиты".

"Наступление наших войск не является большим наступлением".

"Началось крупное наступление наших войск".

"В основном наши части удерживают все свои позиции".

Гитлер задал фрицам головоломку: они читают на той же полосе газеты самые разноречивые сообщения. Радио-Берлин бормочет: "Мы обороняемся". Радио-Донау кричит: "Мы наступаем". Радио-Рим ликует: "Мы прорвали вражескую оборону". Радио-Будапешт вздыхает: "Русским не удалось нас опрокинуть".

Между тем фрицы, которые не читают газет и не слушают радио, а покорно гибнут у Белгорода, великолепно знают, что Гитлер приказал им наступать. Если в районе Орла немцы не продвинулись вперед, то это не потому, что радио-Берлин твердит об обороне, а потому, что Красная Армия отбила атаки фрицев.

5 июля немецким разведывательным самолетам было поручено "следить за отходом русских". В тот самый день Гитлер клялся, что немцы не наступают. Немецкие "рамы" действительно не обнаружили никакого отхода русских. Почему? Да потому, что 5 июля Красная Армия отразила неистовые атаки немцев.

Гитлер боится сказать немцам правду: он боится, что немцы вспомнят "поход на Индию", гекатомбы фрицев у Моздока, на Дону, в Сталинграде. Гитлеру нужно наступать, он знает, что для Германии оборона равносильна смерти. Но Гитлер не смеет сказать немцам, что он начал в России третье наступление. На этот раз Гитлер наступает втихомолку, как вор.

Наши части на Белгородском и Орловско-Курском направлениях ведут суровые бои. Гитлер бросает одну танковую дивизию за другой. Он хочет, чтобы немцы забыли Сталинград и Тунис. Он торопится: его подгоняет западный ветер. Он торопит своих солдат: живее, на восток! Но фрицы видят перед собой советские укрепления. Но фрицы видят перед собой советских бойцов.

Мы знаем, как выросло мастерство Красной Армии. Мы знаем, что у нас теперь плеяда прославленных командиров и много бывалых солдат. Мы знаем, что образами Красной Армии вдохновляются офицеры и солдаты союзных стран. В 1941 году вооруженный, но неопытный народ отбивал мощные атаки врага. В 1943 году атаки немцев отражает самая сильная армия мира: наша.

Если немцы несколько продвинулись на том или ином участке, они заплатили за каждый метр земли жизнями своих солдат и судьбой своей техники. Отбивая атаки врага, изнуряя его, нанося ему раны. Красная Армия не только обороняет рубежи, она готовится к наступлению. Зимний огонь, огонь Касторного и Миллерова, горит в сердцах наших бойцов.

Наступление немцев у Белгорода - это отчаянная попытка грандиозной вылазки. Гитлер хочет ослабить нас. Он хочет вклиниться в нашу страну. Но Красная Армия покажет фрицам, что всему свое время. Немцы наступают и думают при этом об обороне. Мы обороняемся и думаем при этом о наступлении.

11 июля 1943 года

Нашими войсками на Орловско-Курском и Белгородском направлениях за день боев подбито и уничтожено 122 немецких танка.

Из оперативной сводки Совинформбюро
12 июля 1943 г.

КЛАДБИЩЕ ТАНКОВ

Евгений **ВОРОБЬЕВ**

Когда порыв ветра колышет травы, к аромату полевых цветов примешиваются запахи горелого тряпья, мяса, пороха, резины, обожженной земли и трупный смрад.

Поле, от синеющей на севере дубравы до ярко-зеленой березовой рощи и до серебряной излучины речки, покрыто унылым, бурым ковром сорняков: пашня одичала. Будто какой-то злой сеятель нарочно засеял ее бурьяном, лебедой, осотом, чертополохом.

В последний раз эта орловская земля видела землепашца весной 1941 года. С тех пор землю пололи саперы, ее перепахивали снарядами, минами, бомбами, ее засеивали осколками и пулями, но она не чувствовала прикосновения плуга, эта орловская земля, истосковавшаяся по тяжелому семенному зерну. Она слышала моторы танков и бронетранспортеров, но давным-давно не слышала мирного пыхтения трудолюбивого трактора.

Жители деревни Никитинка - за ее околицей начинается это одичавшее поле - забыли вкус и запах хлеба. Они стряпали лепешки из толченых головок клевера, ели хлеб из лебеды, собирали колосья дикого овса, ржи, пшеницы.

Сколько несжатых полос осталось на этих плодородных полях осенью 1941 года! На следующее лето здесь росла рожь-падалица, а ныне ее окончательно заглушило бурное цветение сорняков, которые земля взрастила с напрасной и горькой щедростью. Земля у деревни Никитинка не знает деления на желтые, черные, иссиня-зеленые квадраты и полосы - верный признак многополья, радующий глаз хлебопашца. Забыт кружащий голову запах свежего сена. Луга стояли нетронутые и в те дни, на которые некогда приходилась страдная пора сенокоса.

Но пусть заброшены луга, пашни и огороды - природа в этих местах по-прежнему великолепна в своей извечной красоте, она бесконечно мила и дорога русскому человеку. Крутые овраги, поросшие кустарником, дубравы, речки, неторопливо текущие по сочным лугам, перелески, березовые рощи - вот он, полный очарования, неумирающий орловский пейзаж, который благодаря Тургеневу стал классическим русским пейзажем. Недалеко от этих мест, а может быть, по той самой дубраве, синеющей к северу от деревни, по тому оврагу, по той рощице бродил с ягдташем и собакой Иван Сергеевич Тургенев. Отсюда родом Хорь и Калиныч, Касьян с Красивой Мечи и ребята с Бежина луга, все знакомцы, попутчики и компаньоны Тургенева в его охотничьих скитаниях…

Еще сегодня утром на поле гремел жестокий бой. Десятки немецких танков ступали по этой траве тяжелой железной походкой и вели огонь с места и с ходу. Они пытались остановить продвижение наших полков.

Но наступающие обрушили на врага все средства борьбы с танками - от авиабомб до зажигательных бутылок, и безымянный холм возле деревни Никитинка, южнее реки Жиздры, стал просторным и обширным кладбищем для немецких танков. Здесь была разгромлена пятая танковая дивизия немцев.

"О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?.."

Нетрудно угадать, какая сила могла перевернуть вверх тормашками тяжелый танк 619 и швырнуть его на край глубокой воронки. Конечно, это работа могучей бомбы, ударившей рядом с танком.

У танка 624 башня вместе с орудием оторвана от стального туловища и отброшена в сторону. Орудие ткнулось в землю с такой силой, что пламегасителя совсем не видно. Очевидно, в танк угодил снаряд, произошел взрыв, и силой этого взрыва танк разорвало, как картонную коробку.

Танк 616, несомненно, стал добычей бронебойщиков, его бортовой броне - две небольшие дырки, следы пуль противотанкового ружья. Танк долго крутился на одной гусенице и вспахал ею глубокую борозду. По всей вероятности, вначале танк 616 был подбит, а уже затем подожжен, .рышка верхнего люка открыта, и через край его све-

сился по пояс убитый танкист. Чья-то меткая пуля настигла его, когда он хотел выпрыгнуть из горящей машины.

Другой танкист валяется на траве. Как все здешние мертвецы, он в черной куртке с розовым кантом на погонах и на петлицах, с серебряными черепами - форма немецких танкистов. Куртка надета на один рукав, она наполовину сгорела. Судя по всему, танкист пытался сорвать с себя горящую одежду и не успел этого сделать.

В его солдатскую книжку с чисто немецкой пунктуальностью занесены всевозможные сведения. Курт Мауэр, командир машины 616, пятой танковой дивизии. Рост 171 сантиметр. Глаза серые. Волосы темно-русые. Жалованье за июнь 1943 года получено. В лазарете был дважды. Кровь группы "А". Противогаз третьего размера. Отправил из России семь посылок. Шлем четвертого размера. Женат. Родился в 1914 году в Мюнхене.

Ну а где и когда Курт Маузр окончил свое существование, было ясно еще до того, как я взял в руки пожелтевшую от огня, обугленную с угла солдатскую книжку.

Соседний танк 626 лежит на боку, один борт изрядно помят, он хранит следы страшного удара. Кто же опрокинул набок эту железную махину? Воронки поблизости нет, значит, - не бомба. Вмятая внутрь бортовая броня окончательно убеждает в мысли, что здесь имел место танковый таран.

Танк 722 сгорел дотла, насколько может сгореть танк. Мы прилежно обследуем его бронированную шкуру, покрытую сажей и окалиной, и не можем найти ни одной пробоины от снаряда, от бронебойной пули. Но вскоре загадку удается разгадать: по соседству с танком на обугленном дерне поблескивают осколки разбитой бутылки.

Поблизости - свежий могильный холмик. Мы подходим и снимаем каски. На табличке, прикрепленной к шесту, воткнутому в холмик, написано чернильным карандашом: "Пал смертью храбрых в неравном бою против фашистских танков гвардии лейтенант Рассказов М. И. Героически вел своих бойцов в бой за Родину, не давал врагу передышки. Слава герою!"

На могильном холмике - осиротевшая каска героя и триплекс, вынутый из смотровой щели немецкого танка. Тяжелый брусок стекла в латунной оправе хранит следы пуль. Пули не пробили толстенного стекла, но покрыли его густой сеткой морщин и трещин, сделали стекло незрячим. Может быть, сам Рассказов вел огонь по смотровой щели танка, подожженного зажигательной бутылкой? Немецкий триплекс положен на могилу как знак доблести пехотинца, который вышел на поединок с танком, поджег и ослепил его.

Так постепенно, шаг за шагом, нам удается установить, кто усеял мертвыми костями это поле.

Линия фронта ушла за этот день на юго-запад, и здесь, на видавшем виды холме, царит строгая кладбищенская тишина.

На площади в несколько квадратных километров можно насчитать свыше трех десятков немецких танков, преимущественно типа T-IV.

Внимание привлекает огромный "тигр".

Подобно "тигру", большинство танков вокруг сгорело. Обугленные трупы машин, кажется, еще сохранили зной пожара. Трава вокруг них выгорела до корней, обнажив черную землю, удобренную свежей золой. Из нутра танков несет мертвечиной - они стали могилами экипажей.

Но попадаются машины (613, 621, 723, 627) в полном порядке. Гусеничные траки отполированы землей до блеска, как лемеха плуга в дни пахоты; сталь еще не успела потускнеть. Танки полны нерасстрелянных снарядов и пулеметных лент, в баках - бензин, аккумуляторы заряжены. Эти целехонькие танки брошены экипажами.

Трофеи - машины, оружие, боеприпасы - могут многое рассказать тому, кто хочет и умеет их слушать. В иных случаях показания пленных танков даже ценнее сведений, которые дают на допросе пленные танкисты: машины, по крайней мере, не лгут, не виляют, ничего не скрывают и не заискивают угодливо и мерзко...

Все немецкие танки выкрашены под цвет лета. Все они пятнистой серо-зеленой окраски, которая хорошо прячет машину в кустарнике, на фоне леса, за пригорком, в высокой траве. Это совсем новенькие танки. Немцы готовили их

эему наступлению на Орловско-Курской дуге, но уничтожены эти танки нашими частями южнее реки Жиздры севернее железной дороги Орел-Карачев-Брянск

Еще несколько дней назад пятая танковая немецкая див R стояла в районе Орла. Но удар гвардейских дивизий

генерала Багрэмяна во фланг орловско-курской группировки немцев заставил их снять дивизию с направления предполагавшегося главного удара и бросить танки на защиту своего левого фланга…

Невольно приходят на память немецкие танки, которые я впервые увидел летом 1941 года на Смоленщине. Вымазанные зловещей черной краской, с кричащими белыми крестами на башнях, с номерами, огромными, как на афише, танки перли напролом, уверенные в своей неуязвимости и безнаказанности.

Немецкие танки лета 1943 года сильно изменили свои повадки и свою внешность. Они тщательно камуфлированы под цвет летнего пейзажа. Белые кресты помельчали, присмирели, цифры тоже стали менее заметными - как бы не нарушить маскировки, не попасться на глаза нашему бронебойщику, наблюдателю батареи, штурману бомбардировщика, наводчику орудия, бьющего из засады.

Залезаю в танк 613. Экипаж бросил машину из-за неисправного мотора. Внутренние стенки танка, механизмы, пушка окрашены в нежно-кремовый цвет - в такой цвет красят детские кроватки. Цвет этот кажется крайне неуместным внутри танка Меня интересует возраст этой машины, его можно установить без труда по заводской табличке - июнь 1943. Видимо, фашисты очень нуждаются в танках и велики их потери, если прямо от заводских ворот гонят их сюда, на орловскую землю.

Никогда раньше немецкие танки не таскали на себе столько запасных траков и катков, как сейчас. На брюхе танка 613 восемь новеньких катков, еще не бывших в работе. Этой боязливой запасливости научили фашистов наши бойцы, метко бьющие по гусеницам, по ходовой части.

Углы новых машин перекрашены в черный цвет. Дело в том, что сверху они представляются летчику квадратами, а если перекрасить углы, они теряют свою характерную конфигурацию и могут ввести в заблуждение даже опытного воздушного разведчика.

Некоторые танки (616, 722, 621, 703) несут на себе дополнительные бронещиты. Броня опоясывает башни, прикрывает моторы и даже гусеницы. К этой осторожности вынудили фашистов наши артиллеристы, бронебойщики.

Немецкие конструкторы усилили бронезащиту танков Т-М1г Т-IV, но, как показывает обследование, стальные заплаты на броне не спасают положения.

Попадаются машины, у которых броня покрыта шершавой огнеупорной обмазкой из асбеста - немцы все больше боятся наших термитных снарядов.

Мы уходим с кладбища немецких танков, и радостное ощущение добытого превосходства над врагом не покидает нас. Наши бойцы и офицеры встречают сегодня фашистские танки спокойно и деловито, бьют их уверенно и умело.

В сущности говоря, здесь, на холме близ деревни Никитинка, нечаянно открылась маленькая выставка трофеев, хотя сюда и не нужно покупать входных билетов, здесь нет экскурсоводов и не продают газированную воду.

Пройдет время, вездесущая ржавчина покроет и стальные лохмотья, и невредимую броню, и внутренности машин. Трупный запах перестанет мешать аромату полевых цветов. Истоптанная трава распрямит свои стебли, примется расти в свежих черных воронках. На могиле гвардии лейтенанта М.И.Рассказова встанет траурный обелиск, увенчанный звездочкой.

А немецкие танки, пока не пойдут в лом, будут стоять здесь памятником доблести и воинского мастерства наших "охотников": они не позволили "тиграм" разгуливать по орловской земле.

Июль 1943 года

НИКОДИМ МАКСИМОВ

Андрей ПЛАТОНОВ

Максимов шел с поста на отдых. Их часть отвели во второй эшелон, и теперь бойцы расположились на временное жительство в людной деревне.

В одной избе плакали дети сразу в три голоса, и мать-крестьянка, измученная своим многодетством, шумела на них:

- А ну, замолчите, а то сейчас всех в Германию отправлю - вон немец за вами летит!

Дети приумолкли. Никодим Максимов улыбнулся: стоял-стоял свет и достоялся, люди государствами детей пугают.

Максимов вошел в свою избу, в которой он был на постое.

Полуденное солнце вышло из-за дыма горящего леса и осветило через окно теплым светом внутреннее убранство русской избы: печь, стол и две лавки, красный угол, большое изображение Ленина, затем картинки над сундуком на бревенчатой тесаной стене - портреты петербургских красавиц девятнадцатого века, страницу из детского журнала со стихотворением "Корова Прова", несколько желтых фотографий родных и знакомых старого крестьянина - хозяина избы, - житейскую обыденную утварь возле печи, - это было обыкновенное жилище, в котором рождались, проводили детство и проживали жизнь в старину почти все русские крестьяне. Все здесь было знакомо, просто, но мило и привычно сердцу.

Максимов снял с себя солдатскую оснастку, разулся, сел и вздохнул, радуя покоем уставшее тело.

В избу постепенно набирались красноармейцы разных подразделений, хотя на постое в этой избе стоял всего один человек - Никодим Максимов. Они здоровались с хозяином и молча сидели некоторое время, поглядывая на старого крестьянина, на ясный свет неба в окне, медленно осматривая внутренность избы. Видимо, тут им было хорошо, в них оживало здесь тихое чувство своего оставленного дома, отца и матери, всего прошлого. Эта изба, пропахшая хлебом и семейством, воскрешала в них ощущение родного жилища и они внимательно разглядывали старика, может быть угадывая в нем схожесть с отцом, и тем утешали себя. Потом, вздохнув и погасив цигарки, они прощались и уходили, но приходили другие, придумывая иногда ложные пустяки, чтобы видно было, что они явились не зря, а с причиной.

Старый крестьянин хорошо понимал душевное расположение красноармейцев, и он приглашал каждого сидеть и курить, пока им еще не вышло время идти на занятия или в бой.

Хозяин смотрел на своих гостей красноармейцев с гордостью и тайной завистью, которую он укрощал в себе тем, что он и сам непременно был бы бойцом, будь он помоложе.

- Эх, будь бы я теперь при силе, я воевал бы с жадностью, - высказался старик. - Кто сейчас не солдат, тот и
не человек... Хоть ты со штыком ходи, хоть в кузнице балдой бей, а действуй в одно. Так оно и быть должно, а то как же иначе! Земле не пропадать, а народу не помирать. ..

- Народу не помирать, - согласился Максимов и тихо добавил: - А трудно, папаша, бывает нашему брату, который солдат...

Иван Ефимович с уважением уставился на Максимова - человека уже пожилого на вид, но не от возраста, а от великих тягот войны.

- Да то, нешто не трудно! Разве к тому привыкнешь - надо ведь от самого себя отказаться да в огонь идти?

- Привыкнешь, Иван Ефимович, - сказал Максимов. - Я
вот два года на войне и привык, а сперва тоже - все, бывало, сердце по дому плачет...

- Да как же ему не плакать, ведь и ты небось человек, а дома у тебя семейство, - оправдал Максимова Иван Ефимович

- Нет, - сказал Максимов. - Кто на войне домашней то
скою живет, тот не солдат. Солдат начинается с думы об отечестве.

Иван Ефимович удивился и обрадовался этим словам.

- И то! - воскликнул он. - Вот ведь правда твоя: одно
слово, а что оно значит! Где, стало быть, обо всем народе и отечестве есть дума такая, оттуда солдат начинается... Где ж ты сообразил правду такую или услыхал, что ль, от кого ее?,.

- На войне, Иван Ефимович, ученье скорое бывает... Я ведь не особый какой человек, а так - живу и думаю...

- На кухню, что ль, за обедом пойдешь иль дома варить чего будешь? - спросил Иван Ефимович.

- Давай дома кашу погуще сварим - у нас крупа есть,
сала положим, поедим да отдохнем, а то завтра на передовую нужно, там части замена будет, наш черед немцев держать...

- Должно, здорово они на нас прут? ..

- Да что ж они прут! Прут, а в нас упираются и на месте стоят. Немецкое время прошло, Иван Ефимович. Со седи наши уж вперед на него пошли, и мы, должно, на него тронемся,

- Ну, дай бог.

Поевши, хозяин и красноармеец легли на отдых. С фронта, как равномерные и равнодушные удары волны о береговой камень, шла пушечная канонада, и созревающий хлеб за окном избы кланялся колосом от сотрясения земли.

В ночь Никодим Максимов встал с лавки и-стал снаряжаться, чтобы идти в роту. Старик помогал ему собраться в темноте и все спрашивал: "Ну, как ты себя чувствуешь-то? Не боязно тебе уходить-то?"

- Нет, - говорил Максимов, - не пойду а так тебе боязно
тут будет... Прощай, отец!

Перед рассветом подразделение, в котором служил Максимов, заняло свое место в окопах на переднем крае, а бывшие здесь бойцы отошли на отдых в резерв. Максимов огляделся в рассвете: ему всегда нужно было сначала освоиться с местом, породниться с ним, точно он желал заручиться сочувствием всех окружающих предметов, чтобы они были ему в помощь.

Наша первая линия окопов проходила поясом поперек отлогой высоты, а впереди окопов земля опускалась в долину, занятую маломерным кустарником, в котором были луговые поляны с клеверными травами, что узнал Максимов по их сладкому, дремотному запаху, доходившему сюда с низовой сыростью; далее земля подымалась опять на высоту, поросшую рожью и уязвленную щербиной глубокого оврага. Там уже, прямо по водоразделу, проходила немецкая линия, обороняемая частоколом с проволокой. Это был курский край - степь и медленная волнистая земля, заросшая по своим влажным впадинам, орошенным малыми реками, перелесками и благоухающим разнотравьем.

Красноармейцы, пока было тихо, занимались своим хозяйством: подшивали ослабевшие пуговицы, перебирали и перекладывали вещи в мешках, убирая их поудобнее на сохранение, читали сызнова старые письма, чтобы получше понять их, осматривали обувь и рассуждали о ее ремонте.

Сосед Максимова слева, Семен Жигунов, тщательно выбривал концами ножниц волосы из ушей у сержанта Николая Шостко и сообщал сержанту сведения о пчелах; у Жигунова был такой план, чтобы после войны, наравне с сахароварением, развить пчеловодство до полного изобилия, потому что мед есть волшебная, исцелительная пища для нашего народа, которому нужно будет поправляться после войны для здоровой, счастливой жизни.

У Максимова не было дела, у него все было в исправности, поэтому он стал рассматривать муравьиную жизнь в земле, видя в этой жизни тоже важное дело.

Командир роты прошел по окопу и сказал бойцам:

- Задачу вы знаете?

Командир поговорил с бойцами и прошел далее.

Позади послышалось глубокое гудение, словно зазвучал древний голос из каменных недр.

- Это наша авиация! - сказал Жигунов. - Давай сюда, птица небесная... Сколько там вас - штук десять-то прилетит иль нет?

Вначале прилетело девять бомбардировщиков. Они сразу с трепещущим свистом крыльев пали с неба на немецкую сторону и, вонзив бомбы в землю, ушли вверх, взревев покорными, работящими моторами. Вослед первым девяти самолетам прилетело еще восемь раз по девять. Черная горячая пыль взошла высоко к небу на немецкой стороне, и там стало темно.

Пыль с немецкой высоты постепенно опускалась в долину, и заметно было, как из пыльной тучи выпадали вниз более крупные, сухие комочки грунта, что походило на редкие капли дождя, но дождя, в котором нельзя освежиться и можно задохнуться.

Немцы стали отвечать артиллерийским огнем по нашей стороне; однако сразу же после ухода самолетов из ближних тылов наша артиллерия начала работать на сокрушение немецких рубежей, так что на русской стороне осыпалась земля с окопных отвесов и живые трещины пошли по цельному месту. Ничего не стало слышно, и вовсе сумрачно было впереди от рушащейся земли.

Максимов поглядел на ближних людей. Лица их уже были покрыты пылью, но солдаты были довольны.

- Гляди, что народ наш в тылах наработал! - крикнул
Жигунов Максимову. - Видал, сколько теперь самолетов
и орудий! Теперь и воевать не трудно!

В окоп бросились из воздуха два воробья и трясогузка; они если на дно и прижались к земле, не пугаясь людей.

Тогда Максимов увидел на скате немецкого холма их пехоту. Хоть мы и в мешке, а кому легче - скоро увидим.

Максимову это положение понравилось потому, что оно было умным и смелым.

-Ничего, товарищи бойцы, - улыбнулся командир. - Окружение - зто не стена. А если и стена, то мы сделаем из нее решето. Мы научились теперь это делать, вы сами знаете…

- Теперь воевать спокойно можно, - сказал Максимов. - Теперь у нас оружия много и понятие есть...

После полуночи в окопы тихо, один по одному, вошли еще две роты, и в земле стало тесно. Подремав немного, люди пробудились от неприятельского огня. Противник бил тяжелыми снарядами и уже рыхлил землю прямо возле линии окопов. Майор, общий командир всего трехротного отряда, приказал оставить рубеж и, выйдя осторожно вперед, залечь в низовом кустарнике и изготовиться там к штурму немецкой высоты; проволоки на той высоте теперь уже не было, ее размолотила наша артиллерия.

Максимов заодно со всеми пополз из окопов книзу, мимо охладелых немецких солдат. Пылью, комьями земли и жаром обдало Максимова от близкого разрыва снаряда. Он поскорее пополз дальше, а потом приподнялся и побежал в кустарник.

- Стой, обожди, ты кто? - глухо прошептал ему кто-
то с темной земли, совсем теперь невидимой после слепящих разрывов.

- Я Максимов, а ты?

- Лейтенант Махотин... Ты помоги мне маленько...

Максимов склонился к человеку и узнал в нем командира своей роты.

- Что с вами, товарищ лейтенант?

- Ранен, должно быть, осколком, стыну весь, убери меня с поля, пусть бойцы меня не видят - им в атаку скоро
идти… Найди пойди майора… Одни руки действуют у
меня, подняться никак не могу.,.

Максимов нашел майора уже внизу, в кустарнике, и доложил ему. Майор послал с Максимовым санитара и приказал им вынести лейтенанта с поля и найти для него безопасное убежище.

Вскорости Максимов и санитар принесли лейтенанта в ту деревню, где еще вчера гостил Максимов у доброго старика

Иван Ефимович не спал; от больших лет и войны он спал теперь вовсе мало.

Старый человек заплакал при виде раненого молодого лейтенанта и стал стелить для него мягкую постель.

- Немецкие танки тут проходили? - спросил
лейтенант.

- Да, гудели недалече, из пушек били - чума их знает, -
ответил Иван Ефимович.

Санитар осмотрел свои перевязки на теле лейтенанта и, уложивши раненого удобно в постель, ушел за врачом.

- Трудно вам, товарищ лейтенант? - спросил Максимов. - Усните, а я постерегу вас от немцев…

Лейтенант грустно поглядел на Максимова побледневшими, обессилевшими глазами.

- Мне не трудно, - сказал он тихо.

Лейтенанту стало легче при близких людях, и он сказал им:

- Мне не трудно, я вытерплю - и опять на войну…

Махотин закрыл глаза от слабости и умолк на время, потом их открыл и отыскал взором Максимова:

- Ступай обратно в роту!

- А как же вас оставить одного, товарищ лейтенант? ..
Тут немцы бродят, а вы ослабли.

- Иди, я тебе сказал. Ты там нужен, а мы здесь с дедушкой сами обороняться будем...

- Да ведь раз дело такое, то придется, - сказал Иван
Ефимович.

- Пойди сюда, товарищ Максимов! - произнес лейтенант. - Мы давно с тобой служим, ты живой, ты здоровый,
ты опять будешь сегодня в бою...

Максимов наклонился к постели и осторожно, вытерев сначала губы, поцеловал командира в лоб. А потом он взял винтовку и ушел из иэбы вперед, в свою роту.

Июль 1943 года

**5 августа наши войска
после ожесточенных уличных базе
овладели городом и железнодорожным
узлом Орел. Северо-западнее,
южнее и юго-западнее Орла наши войска
за день боев заняли свыше
30 населенных пунктов.**

Из оперативной сводки Совинформбюро 5 августа **1943 г.**

ОРЕЛ

Василий ГРОССМАН

Сегодня войска Красной Армии вошли в Орел. К рассвету замолкли очереди автоматов, треск винтовочных выстрелов, тяжелый, слитный гул артиллерийского огня перенесся с западной окраины города вновь на простор несжатых полей, на шоссейные и грейдерные дороги. С каждым часом грохот битвы становился приглушенней. Солнце взошло над городом. Среди дыма еще не погасших пожаров, среди неосевшей пыли, поднятой высоко в небо взрывами, по мостовым, покрытым битьм кирпичом и осколками стекла, шли наши войска.

Шли люди в пыльных сапогах, в выгоревших гимнастерках, с лицами, темными от злого августовского солнца, люди, которые много недель, в зной, в проливные дожди, сквозь огонь и смерть, шаг за шагом прорывая проволоку, разрушая траншеи, неотступно и неуклонно шли к Орлу с севера и с востока, с юга и с юго-востока. В пять часов утра по городу прошло управление стрелковой дивизии полковника Кустова. Впереди несли знамя первого полка майора Плотникова. Командиры шли такие же запыленные, как бойцы, в простреленных и продранных осколками гимнастерках. Сурово выглядел этот первый парад в дыму пожарищ, в пыли взрывов, в высоком тумане, застилавшем небо над разрушенными кварталами города

И сотни людей выходили из подворотен, выползали из подвалов, бежали навстречу идущим под красным знаменем командирам и красноармейцам.

Откуда появилось столько цветов в эти минуты - ведь так суров был город в час окончания боя? Казалось, вдруг расцвели они среди изуродованных немцами улиц и дворов - и дети, женщины бросали цветы к ногам шагавших красноармейцев. Как всегда, навеки незабываема и для тех, кого встречали, и для жителей освобожденного Орла эта первая минута, этот первый радостный крик встречи, встречи, которую уже пережили тысячи наших сел, десятки освобожденных городов. Должно быть, великая справедливость судьбы в том, что счастье, гордость этой встречи всегда выпадали на долю тех передовых бойцов, которые вынесли на себе главную тяжесть боев, и тех, кто пережил всю тяжесть немецкого гнета. Они - матери, жены, сестры и дети красноармейцев и командиров, двадцать месяцев не знавшие о судьбе своих близких, они - братья и отцы угнанных в Германию девушек и молодых женщин, они -родственники замученных *в* гестапо и в германских концентрационных лагерях советских людей, - первыми бросаются, еще под взрывы гранат и выстрелы, навстречу нашим бойцам.

И, глядя на грязные, потные, запыленные лица красноармейцев, плачут слезами радости, произносят перехваченным от волнения голосом скупые слова:

- Пришли… вернулись… хорошие наши.

Это они перевязывали раны бойцам, это они убирали и обмывали убитых в бою пехотинцев и танкистов и приносили венки, чтобы украсить их могилы на площади Первого мая. И это они, старухи и старики, плакали над заколоченными гробами восемнадцати танкистов. Велика, торжественна и вовеки нерушима связь и судьба всех советских людей, и оттого так горьки были слезы орловских женщин над мертвыми телами танкистов. В эту горькую и торжественную минуту были они им сыновьями, мужьями, братьями.

Мы приехали в Орел днем 5 августа - по Московскому шоссе. Мы проехали по ожившей, веселой и деловитой Туле, мимо Плавска и Черни; и чем дальше, тем свежей выглядели раны, нанесенные немцами нашей земле.

Развалины мценских домов поросли травой, голубое небо глядит сквозь пустые глазницы окон и сорванные крыши. Почти все деревни между Мценском и Орлом сожжены, развалины изб еще дымятся. Старики и дети копаются

в кучах кирпича, ищут уцелевшие вещи - чугуны, сковороды, смятые огнем железные кровати, швейные машины. Какая горькая и какая знакомая картина!

У железнодорожного переезда прибита свежеобтесанная белая доска с надписью "Орел". Железнодорожные пути взорваны немцами, рельсы, развороченные силой взрыва, искривились, изогнулись. Милый орловский вокзал, так хорошо знакомый многим москвичам, - взорван, дымятся разрушенные здания железнодорожных мастерских. Истерзанная силой взрыва сталь валяется на земле, на мостовой.

С холма хорошо виден весь город, та страшная работа, которую перед уходом вели немцы, работа палачей, казнивших огнем и взрывчаткой красивейшие здания и сооружения Орла. Взорван мост через Оку, соединявший центр города. Ленинскую улицу, с вокзалом, его массивные пролеты тяжело рухнули в воду. Взорвано белое здание почты и телеграфа, зияет пустыми глазницами театр, взорван Педагогический институт и белое здание городской больницы, пряди проводов свисают на мостовые, погромыхивают сорванные взрывами вывески и листы кровельной жести. Дети стоят возле сожженных школ, и мальчик с худеньким, серьезным личиком говорит мне:

- Немцы врали, что любят детей, а сожгли все школы.

Эту разбойничью работу немцы проводили методически и планомерно, по приказу генерал-разбойника Моделя, в течение пяти суток. Но, пожалуй, еще страшней разрушений, произведенных ими, выглядят уцелевшие следы их пребывания в Орле - названия улиц на немецком языке, вывески над солдатскими и офицерскими увеселительными заведениями, объявления, приклеенные к стенам, жирный знак свастики, нарисованный масляной краской в комнате офицерской столовой, худой, с тощей шеей имперский орел, прилепленный к стенам некоторых зданий. На каждой улице можно видеть вывески комиссионных магазинов "Скупка... скупка... скупка..."

Через эти комиссионные магазины немцы выкачивали у населения Орла мебель, картины, платья, меха, обувь, носильные вещи. И эти десятки, сотни вывесок над комиссионными магазинами свидетельствуют ярче многих рассказов о характере разбойничьей экономики, установленной оккупантами.

Но не только на стенах домов и на табличках, повешенных на углах улиц, оставили немцы следы своего растленного пребывания. Есть некоторые люди, которым стыдно сейчас смотреть открыто и прямо в глаза нашим красноармейцам, люди слабой, податливой души, работавшие на немцев, своей услужливой молчаливостью старавшиеся если не выслужиться, то по крайней мере не вызывать их гнева. И теперь этим людям страшно и стыдно.

Несколько часов ездили и ходили мы по улицам Орла, разговаривали с женщинами, с детьми, стариками. Они рассказывали о нищенских голодных нормах питания, которым немцы обрекли рабочих, - двести граммов хлеба в день и сто граммов соли в месяц, о том, как вчера немцы взорвали здание, где находились сорок тяжело раненных военнопленных красноармейцев, о грубой, наглой германизации, которую пытались проводить они в школах, о подлой черносотенной газетке, издававшейся ими.

Пыль стоит над городом, ее поднимают тяжелые танки и орудия, со скрежетом и грохотом идущие по улицам, ее поднимают тысячи красноармейских сапог. Запах гари стоит в воздухе, голубой молочный дымок поднимается над догорающими пожарищами. Осколки стекла и битый кирпич поскрипывают под ногами. Сквозь выбитые стекла глядят увядшие от жары пожаров комнатные растения и цветы. Но удивительное, странное дело!

Немцы хотели разрушить город, а он выглядит так радостно, молодо, как вряд ли когда-нибудь выглядел. Люди смеются, возбужденно разговаривают, дети кричат "УР[3]" проезжающим машинам, вокруг красноармейцев собираются группы женщин, мужчин, стариков, все рассказывают быстро, оживленно, - и кажется, что каждый красноармеец, стоящий возле дома или сидящий на ступеньках и живо, горячо разговаривающий с жителями, - это брат, сын, вернувшийся в родной дом после долгой разлуки. Первый день - день начала жизни! Над многими домами уже вывешены красные флаги, ветер расправляет их складки. Всего шесть-семь часов тому назад были здесь немцы, а в городе уже чувствуется первый удар пульса ожившей советской жизни.

Привезена громкоговорительная установка На площади слышен "Интернационал", на стенах расклеиваются плакаты

и воззвания, жителям раздают листовки. На всех углах стоят румяные девушки-регулировщицы, лихо машут красными и желтыми флажками. Пройдет еще день-два, и Орел начнет оживать, работать, учиться, станет в славный строй наших городов и сел, ведущих победоносную борьбу с фашизмом.

И в этот первый, беспокойный и радостный день, когда под удаляющийся грохот канонады, среди пыли и дыма вновь стал советским, русским Орел, мне вспомнился Орел, который я видел ровно двадцать два месяца тому назад, в тот октябрьский день 1941 года, когда в него ворвались немецкие танки, шедшие по Кромскому шоссе. Мне вспомнилась последняя ночь в Орле - больная, страшная ночь: гуденье уходящих машин, плач женщин, бегущих следом за отходящими войсками, скорбные лица людей, полные тревоги и муки, вопросы, которые мне задавали. Вспомнилось последнее утро Орла, когда, казалось, весь он плакал и метался, охваченный страшной, смертной тревогой.

Город стоял тогда во всей своей красоте, без единого выбитого стекла, без единого разрушенного здания. Но являл он собой вид обреченности и смерти. Эта обреченность была во всем. Город плакал весь, словно навеки расставался человек с самым дорогим и близким, что было у него в жизни. И чем нарядней выглядел он тогда, чем ярче блистало осеннее солнце в это последнее советское утро в бесчисленных стеклах домов, тем беэысходней была тоска в глазах людей, понявших и знавших, что вечером в Орле будут немцы. И, вспомнив то горе, ту тревогу, то страшное смятение, в котором был город, я как-то по-особенному ощутил святое счастье сегодняшней встречи разоренного и опоганенного немцами Орла с великой страной, с великой армией.

Я понял, почему плакали женщины, обнимая красноармейцев, и, протягивая им детей своих, просили поцеловать отцовским поцелуем малышей. И, слушая речь полковника-танкиста, стоявшего на пыльном боевом танке над телами убитых в бою за Орел офицеров и красноармейцев, прислушиваясь к тому, как его отрывистые слова прощания послушно и гулко повторяли сгоревшие дома, как бы оживая и подчиняясь живой силе, которую несут в сердцах своих наши красноармейцы и командиры, я видел и понимал: эта сегодняшняя встреча и то горькое расставание в октябрьское утро 1941 года - едины, связаны между собой. Это проявление верной любви народа. Она сильней всего на свете. Сильней смерти!

5 *августа 1943 года*

... 5 августа наши наступающие войска после упорных боев овладели городом Белгород.

Из оперативной сводки **Совинформбюро**
5 августа **1943 г.**

НАПРАВЛЕНИЯ

Юрий ЖУКОВ

Как быстро, как стремительно развиваются события! Право же, военным корреспондентам становится все труднее за ними угнаться…

Только вчера мы описывали важнейшее событие - как наши вооруженные силы, ломая долговременную оборону гитлеровцев в районе Томаровки, прорвали фронт, открывая тем самым путь к решению важнейших наступательных операций. В первый же день наши части продвинулись вперед на десять километров, а сегодня танковые части, вошедшие в прорыв, умчались далеко вперед.

Но пока развертывалась эта операция, рядом был нанесен новый мощный удар. Рано утром нам рекомендовали ехать в Белгород. "В Белгород?" - переспросил я, не веря своим ушам. "Да, в Белгород, - сказал улыбаясь штабной офицер. - Пока вы туда доедете, наши войска, по-видимому, уже вступят в город..." И мы помчались на нашем видавшем виды вездеходе по пыльным, ухабистым проселкам на Белгород, в обход Томаровки, в которой все еще ожесточенно оборонялись зажатые в клещи гитлеровцы.

Дорога была новая, незнакомая, и мы долго блуждали, лавируя среди минных полей, к счастью, гитлеровцы бежали столь стремительно, что не успели снять установленные ими для сведения собственных солдат таблички с коротким, но многозначительным словом "Minen" - "Мины". Наконец, во второй половине дня, вырвавшись к железной дороге, мы помчались вдоль нее на юг, туда, откуда доносился грохот канонады. Впереди белели меловые холмы.

Куда нам двигаться? Выручило старое фронтовое правило: езжай туда, где стреляют, - обязательно найдешь того, кто тебе нужен. Так и получилось. В цехе полуразбитого артиллерией и авиацией мелового завода мы встретили боевого сталинградского генерала Труфанова, который вел отсюда наблюдение за ходом боя. Еще немного погодя мы добрались до командного пункта командира гвардейского полка подполковника Прошунина, рослого богатыря со шрамом от ранения на лбу и с серебряной суворовской звездой на груди.

Гвардейцам была поручена архитрудная, но почетнейшая задача: лобовым ударом вдоль узкой полоски железной дороги, справа и слева от которой расстилаются топкие болота, ворваться на станцию Белгород, поднять над ней красный флаг, тем самым покончить с Белгородским направлением и открыть новое - Харьковское направление. Кому, как не гвардейцам, решать эту задачу? Ведь 89-я гвардейская дивизия, в которую входит полк Прошунина, имеет большой опыт уличных боеа. Она дралась на улицах Гомеля, Тима, Коротояка, прошлой зимой участвовала в сражении за Харьков - брала штурмом район тракторного завода, и вот теперь снова движется на Харьков...

Загремела артиллерийская подготовка. Над позициями гитлеровцев встали тучи пыли. Гвардейцы поднялись и пошли в атаку. Одновременно пошли на штурм и другие полки 89-й гвардейской и 305-й стрелковой дивизий. Это был жестокий и кровопролитный бой...

Советские войска брали Белгород вторично. В прошлом году он уже был освобожден нами, однако нынешней весной гитлеровцы, предприняв сильное контрнаступление, при поддержке авиации и танков потеснили наши части, и им пришлось вновь покинуть город.

Гитлеровцы пытались тогда продвинуться на Курск, но были остановлены на Северном Донце, и все их старания возобновить наступление терпели крах. Тогда они возвели вокруг Белгорода мощные оборонительные сооружения и, превратив его в важнейший опорный пункт, начали готовиться к большой летней операции на Курской дуге.

Когда их июльское наступление на Обоянь потерпело провал, гитлеровцы перешли к обороне. Они рассчитывали, что Белгород будет неприступен, тем более что подходы к нему с севера чрезвычайно трудны - в руках у них были высоты Меловых гор, а нашим войскам наступать надо было по болотистым низинам, которые были заранее пристреляны немецкой артиллерией...

Но и на этот раз расчеты гитлеровского генерального штаба провалились: немецкие генералы не учли, что силы Красной Армии неизмеримо возросли и что наступательный порыв наших солдат сейчас очень высок. Бойцы Красной Армии шли в наступление на Белгород с сознанием, что они берут реванш над гитлеровцами, и у всех было одно горячее желание: как можно быстрее вступить в город...

Выдающуюся роль в боях за Белгород сыграла наша авиация. Ушли в прошлое те страшные времена, когда самолеты Геринга безраздельно властвовали в небе. Теперь небо принадлежит нашей авиации. Бомбардировщики, штурмовики, истребители непрерывно висели над позициями противника, засыпая их бомбами всех калибров, расстреливая из пушек и пулеметов. Атаки с воздуха сочетались и координировались с убийственным огнем нашей артиллерии. Мощный вал огня и стали смешал с землей полосу долговременной гитлеровской обороны, сооружавшейся на протяжении многих месяцев, и наши танки и пехота двинулись в атаку.

Когда наши части вплотную продвинулись к Белгороду, гитлеровское командование поспешно перебросило сюда на выручку своему гарнизону свежие авиационные части. С Южного фронта сюда направили лучших летчиков-истребителей. На полевых аэродромах поспешно размещались и бомбардировочные части. В тот момэнт, когда полк Прошунина уже шел в решающую атаку, пробиваясь вдоль железной дороги к вокзалу, пятьдесят немецких бомбардировщиков "Юнкерс-87" ринулись в атаку, стремясь прижать гвардейцев к земле и уничтожить их.

Но было уже поздно... Бомбардировщиков встретила завеса огня, поставленная вовремя доставленной сюда нашей зенитной артиллерией. На них бросились наши истребители, и они поспешно вышли из боя. А в это время гвардейцы с криками "ура" уже ворвались в город, завязывая уличные бои.

С передовой группой первого батальона полка, которым командует Прошунин, шли заместитель командира по политчасти гвардии капитан Водопьянов и агитатор гвардии старший лейтенант Гурмазз. Они ворвались в здание, где до войны помещался городской Совет, и подняли над ним красный флаг. Это воодушевило всех солдат, и они еще дружнее атаковали гитлеровцев.

Отлично показал себя учебный батальон под командованием гвардии капитана Рябцева. Вырвавшись вперед, курсанты атаковали и разгромили гитлеровский штаб. Были убиты два немецких офицера, семнадцать унтер-офицеров и двести солдат. Шестьдесят гитлеровцев были захвачены в плен. Взяты большие трофеи. В учебном батальоне, как сказал мне Прошунин, нет ни одного человека, который не убил бы двух-трех гитлеровцев...

Отличился в этих боях взвод, которым командовал гвардии младший лейтенант Циперзон. Отрезав путь отступления немецкой роте, Циперзон со своими бойцами смело атаковал ее. Шестьдесят гитлеровцев были убиты, одиннадцать взяты в плен. Затем взвод атаковал две автомашины, битком набитые гитлеровцами, - они пытались вырваться из Белгорода и уйти на Харьков. И здесь было уничтожено семнадцать гитлеровцев. В этом бою Циперзон геройски погиб.

И вот уже перед нами полуразрушенный Белгородский вокзал, так хорошо знакомый всем, кому приходилось в мирные годы ездить поездом на крымские или кавказские курорты. Мы все помним, какой это был чистенький, аккуратный вокзал, какой порядок царил в его залах, как гостеприимно встречали пассажиров в его буфете...

Сейчас все здесь мертво. Трещит под ногами битое стекло. Тянет гарью и пороховым дымом. Лежат на перроне еще не убранные трупы. Среди скрученных взрывами рельс зияют свежие воронки. За вокзалом горят дома, подожженные отступающими фашистами.

Гул канонады быстро откатывается на юг. Наступающая тишина как-то особенно подчеркивает значимость происходящего момента. Вот уже над полуразрушенным вокзалом кто-то поднял красный флаг. Занимают свои посты воинские караулы - завтра, наверное, они передадут вокзал железнодорожникам, а те начнут готовить станцию к приему поездов. Вдруг сквозь дым и гарь доносится медвяный аромат - цветут липы, уцелевшие в этом страшном военном аду.

Угнетает безлюдье. Город почти пуст. На стене вокзала я читаю объявление, расклеенное фашистской комендатурой еще неделю назад. Это приказ:

" 1

Город Белгород эвакуируется. Население будет отправлено в тыл.

2

Начало эвакуации - 29 июля 1943 года утром.

3

Все приказания должны быть беспрекословно исполнены.

За неисполнение приказа виновные будут наказаны".

Неподалеку - указатель дороги, установленный немцами. Такая простая, обыденная и вместе с тем волнующая сегодня надпись; "Харьков - 80 километров". Восемьдесят километров! Завтра в сводке Совинформбюро мы прочтем: "На Харьковском направлении завязались бои..." Нет больше Белгородского, есть уже Харьковское направление, и мы верим: придет - уже скоро придет! - день, когда и это направление исчезнет из сводок, а на смену ему придут другие. И так будет до тех пор, пока в один прекрасный день мы не прочтем: "На Берлинском направлении наши части перешли в наступление и..."

Но я, кажется, размечтался. Пока что мы в Белгороде, старом русском городе, стоящем на подступах к украинской земле, которая ждет не дождется своих освободителей. Впереди - долгая и трудная военная страда. И гвардейцы полка, которые пришли сюда с боями из-под самого Сталинграда, не собираются здесь давать себе передышку. Когда я разыскал сегодня в городе подполковника Прошунина, штаб которого разместился в маленьком домике на тихой окраинной уличке, он уже был занят подготовкой к новой операции.

- В общем, - сказал он, - все мои батальоны дрались хорошо, так и запишите. Были, конечно, разные красивые боевые эпизоды, не худо бы о них рассказать, но давайте лучше условимся так: встретимся в Харькове на площади Дзержинского у здания обкома партии в девять утра в день взятия города Там и поговорим! Идет?..

И он протянул мне свою широкую крепкую ладонь. Мы обменялись крепким рукопожатием. Эта уверенность в своих силах, уверенность в том, что теперь уже скоро мы сможем встретиться на главной площади второй столицы Украины, по улицам которой пока еще разгуливают гитлеровцы, лучше всяких отвлеченных рассуждений говорила о том, как силен сегодня боевой дух наших войск.

Сейчас, когда я дописываю эти строки, в разбитое окно пустого заброшенного дома, где мы обосновались на час, доносятся звуки военного марша. Батальон гвардейцев марширует по мостовой, сопровождая развевающееся на ветру знамя 89-й гвардейской дивизии. Гвардейцы уже покидают город, двигаясь дальше на юг...

5 *августа* ***7943 года***

23 августа наши войска в результате ожесточенных боев сломили сопротивление противника и штурмом овладели городом Харьков.

Из оперативной сводки Совинформбюро
23 августа 1943 г.

РУССКАЯ СИЛА

Алексей **ТОЛСТОЙ**

Военные и штатские, фронт и тыл с затаенным волнением ждали немецкого летнего наступления. Мы хорошо приготовились к нему, но все же проверка на деле - есть проверка на деле.

С волнением, думается мне, и немцы ожидали своего наступления. Начальство, конечно, говорило, что, мол, "еще одно усилие, и Красная Армия будет побеждена" и прочее, что в таких случаях у них полагается. Но каждый немец понимал, что это - последний крупный ход в игре быть или не быть...

Нельзя считать, что немецкая армия стала уж так слаба к своему третьему летнему наступлению. Нет, она не намного стала слабее. Серьезность положения придавала ей особенное ожесточение. Она стала осмотрительнее, привыкла к русским условиям. У них были приготовлены новинки, разные "фердинанды", "тигры", модернизированные истребители и другая пакость, ее дивизии были полностью укомплектованы - правда, "тотальными" солдатами...

Итак, произошла проверка на деле. Бешеный натиск решающего всю судьбу войны немецкого наступления был подобен удару кулаком о каменную стену. Немезида - по-русски судьба - сложила из трех пальцев дулю Гитлеру под самый нос: выкуси-ка! Выяснилось, что русские искусней и сильней немцев, и не потому не удалось врагу июльское наступление, что немецкая армия оказалась слаба, но потому именно, что Красная Армия оказалась сильна. Какие угодно неожиданности готовы были встретить немцы в лето 1943 годэ, но не такое соотношение сил!

Непреоборимая мощь и упорство русской армии в обороне выяснились с 5 по 17 июля, а после 17 июля выяснилось превосходящее искусство русской армии в наступлении. Нацистам пришлось перейти к обороне, затем - без передышки - к отступлению, затем - со скрежетом зубовным -пережить потерю Орла - этой кинжальной, наиважнейшей для них позиции, протянутой к сердцу России, - потерять Белгород, предмостные укрепления Харькова и наконец, в потоках крови растратив убитыми, ранеными и пленными миллион солдат и офицеров, под немыслимый грохот русской артиллерии и авиации, - контратакуя, контратакуя, контратакуя, потерять Харьков. Черт возьми!

В небывало сложной борьбе за Орел, Белгород, Харьков Красная Армия уверенно предъявила немцам высокое искусство ведения маневренной войны. Здесь немцам впору учиться у русских. Но - поздно! Красная Армия торопит мировые события. На ее знаменах горит солнце отныне великого августа, теперь - все возможно для Красной Армии, невозможного нет. Еще валяются по полям и дорогам

десятки тысяч обугленных, растерзанных, простреленных проклятых нацистских насильников, еще дымятся пожарища, еще не отбуксированы в тыл бесчисленные военные машины врага, а уже битва за Харьков стала классическим образцом маневренных операций в условиях сверхмощно и глубоко укрепленного района. Маневр стал русским военным искусством!

Когда-то, в давние времена, русские были непобедимы в осаде. Величественные примеры тому: осада Стефаном Баторием Пскова, окончившаяся для поляков конфузней, и осада в Смутное время поляками Троице-Сергиезой лавры, также окончившаяся для врагов наших конфузней. Нынче в осаду хочет сесть немец, а мы не даем ему живым уцепиться за землю. (Мертвым - пожалуйста. - цепляйся). Наша артиллерия сильнее немецкой, подвижна и маневренна наравне с танком, наша авиация - ужасна для немцев. Немецкие инженеры еще не выдумали таких укреплений, которые бы выдержали удары нашей артиллерии. Ее огненный вал тяжело катится на запад. Наши войска просачиваются, прорываются в тылы врага, окружают, нападают со всех сторон, расчленяют фронт, опережают немца и в скорости передвижения, и в скорости соображения. В основе всего этого прежде всего лежат русский талант, русская отвага и разбуженная русская ярость. Горд и храбр русский человек. Слава ему. Слава освободителю Харькова.

25 августа ***1943 года***

Константин СИМОНОВ

На Кубани стояли дождливые осенние дни. Дороги, по которым прокатилось, проехало неисчислимое количество колес, стали почти непроходимыми, машины то буксовали в грязи, то с треском подпрыгивали на кочках и колдобинах. Армия отступала, шли бои, но немецкие танковые колонны каждый день прорывались в тыл, то на одну, то на другую дорогу, и обозы, тыловые учреждения, госпитали каждый день меняли свои места, откочевывали все глубже и глубже на юг.

В пять часов вечера на передовых, у разбитого снарядом сарая, остановилась старенькая санитарная летучка - дребезжащая расшатанная машина с дырявым брезентовым верхом. Из летучки вылезла ее хозяйка - военфельдшер Мзруся, которую, впрочем, никто в дивизии по имени не называл, а все звали Малышкой, потому, должно быть, что она и в самом деле была настоящая малышка - семнадцатилетняя курносая девчонка с тонким, детским голосом и руками и ногами такими маленькими, что, казалось, на них во всей армии не подберешь подходящей пары перчаток или сапог.

Малышка соскочила с машины и, как всегда торопливо и отчетливо, стараясь придать своему хорошенькому лицу строгое выражение, спросила:

- Ну, где раненые?

Санитар, отодвинув разбитую створку двери, повел Малышку внутрь сарая. Там, на грязной соломе, лежали семь тяжелораненых. Малышка вошла, посмотрела, сказала: "Ну, вот, сейчас я вас отвезу", - и потом еще что-то ласковое, что она всегда говорила раненым, а в это время ее привычный взгляд незаметно скользил с одного раненого на другого. Лица у всех были бледные, солома местами промокла от крови. Трое лежали с перебитыми ногами, трое были ранены в живот и в грудь, один в голову. Малышка физически, всем телом вспомнила ту дорогу, которую она только сейчас проделала из медсанбата, - двадцать километров страшных рытвин и ухабов, - и представила себе опять эти толчки и падения уже не на своем теле, а вот на этих кровоточащих, израненных телах, лежавших перед ней на земле. При этой мысли она даже поморщилась, словно от боли, но сейчас же вспомнила свои обязанности, как она их понимала, и на ее лицо вернулась обычная добрая улыбка, с которой она вот уже полгода вытаскивала из огня раненых, перевязывала их, увозила в тыл.

Сначала они с санитаром перенесли тех, кто был ранен в ноги, - их положили в кузов впереди, ближе к кабине. Потом перетащили еще троих. Теперь в летучке уже не оставалось места, и седьмого некуда было положить. Он полусидел у стенки сарая и то открывал глаза, то снова

закрывал их, словно впадая в забытье. Малышка в последний раз -вошла в сарай. Этого седьмого раненого приходилось оставить до следующей летучки. Но, когда она вошла и сделала шаг к нему, с тем чтобы сказать ему об этом^ он, видимо, понял это так, как будто его сейчас тоже возьмут, и неуловимым движением, пытаясь приподняться, потянулся навстречу. Малышка встретила его взгляд - мучительный, терпеливый, такой ожидающий, что, несмотря ни на что, казалось невозможным оставить его здесь.

- Вы можете сидеть в кабине, а? - спросила она. - Сидя
ехать можете?

- Могу, - сказал раненый и снова закрыл глаза.

Малышка вдвоем с санитаром вывела его из сарая, просунув свою голову ему под мышку, дотащила его до машины и усадила в кабине на свое место.

- А вы, товарищ военфельдшер? - спросил шофер.

И раненый, почувствовав в этих словах шофера упрек себе, тоже тихо спросил:

- А вы где?

- А я на крыле, - сказала Малышка весело.

- Свалитесь, - угрюмо заметил шофер.

- Не свалюсь, - ответила Малышка и в доказательство этого, немедленно захлопнув за раненым дверцу, легла на крыло, вытянув ноги на подножку и крепко схватившись одной рукой за кабину, а другой за край крыла.

- Товарищ военфельдшер... - начал снова шофер.

Но Малышка крикнула, чтобы он ехал, тем строгим, не допускающим возражений голосом, который появлялся у нее тогда, когда дело касалось раненых и когда не понимали, что она, Малышка, лучше кого бы то ни было знает, что нужно делать для того, чтобы раненым было лучше.

Летучка тронулась. Сегодня с полудня дождь перестал, и дороги с чуть подсохшей грязью были особенно скользкие. На рытвинах летучка, как утка, переваливалась с боку на бок, вылетала из колеи и подпрыгивала с треском, который болью отдавался в ушах Малышки. Она чувствовала, как в этот момент в кузове раненых приподнимало и ударяло о дно машины. Два или три раза она сама чуть не свалилась на ухабах, но, уцепившись за крыло и все-таки удержавшись, сама себе улыбалась той улыбкой, которая у нее всегда появлялась после пережитой опасности.

К хуторку, где располагался санбат, подъехали уже перед самой темнотой. Малышка, соскочив с крыла, подбежала к знакомой хате, но около хаты, к ее удивлению, не было ни одной машины, не было заметно обычной суеты. Она вошла в хату: там было пусто. В следующей было тоже пусто. Только хозяйка безучастно стояла у кровати, перевертывая то на одну, то на другую сторону промокший от крови тюфяк.

- Уехали? - спросила Малышка.

- Да, - сказала хозяйка. - Вот уже час, как уехали. Со
общение какое-то к ним пришло: они все сложили быстро и уехали.

Малышка вернулась к своей летучке и, откинув брезент, заглянула внутрь кузова.

- Что, выгружаемся, сестрица? - спросил усатый казак, раненный в голову и в лицо и перевязанный так, что из-под, бинтов торчали только одни его лохматые седые усы.

- Нет, милый, - ответила Малышка. - Нет, пока не вы
гружаемся. Уехал отсюда медсанбат. Мы прямо в госпиталь поедем.

- А далеко это, сестрица? - спросил раненный в живот, лежавший навзничь, и застонал.

- А ты зря языком не болтай, - сердито сказал ему усатый. - Сколько будет, столько и поедем.

И Малышка поняла, что усатый рассердился не на вопрос "далеко ли", а на то, что раненый стонет при ней, при Малышке. У нее дрожали руки не от холода, а от усталости, от того, что всю дорогу приходилось так крепко цепляться за крыло, чтобы не упасть.

- Замерзли, сестрица? - спросил усатый.

- Нет, - сказала Малышка.

- А то мы потеснимся, садитесь к нам в кузов.

- Нет, - сказала Малышка. - Я ничего... Поедем поско
рей.

Она снова легла иа крыло, и машина двинулась. Было уже совсем темно. До госпиталя осталось еще двадцать километров. Дорога становилась все хуже и хуже. Где-то далеко слева виднелись вспышки орудийных выстрелов. Мотор два раза глох, шофер вылезал и, чертыхаясь, возился с карбюратором. Малышка не слезала с крыла во время остановок: ей казалось, что вот так, как сейчас, она продер-

жится, а если слезет, то ее онемевшие пальцы не смогут снова ухватиться за крыло. По ее расчетам, машина уже проехала километров пятнадцать, когда начался дождь. Ветер бил навстречу, и дождь валил сплошной косой стеной, заливая лицо и глаза. Крыло стало скользким, и ей много раз казалось, что вот-вот она свалится.

Наконец они добрались до села. Когда шофер выключил мотор, Малышке почудилось что-то недоброе в той тишине, которая стояла в селе. Она соскочила с машины и, по колено проваливаясь в грязь, побежала к дому, где она как-то была у начальника госпиталя. Около дома стояла доверху груженная полуторка, у которой возились двое красноармейцев, пытаясь еще что-то втиснуть в кузов.

- Здесь госпиталь? - спросила Малышка.

- Был здесь, - сказал красноармеец. - Уехал два часа назад. Вот последние медикаменты грузим.

- И никого, кроме вас, нет? - спросила Малышка.

- Никого.

- А куда уехали?

Красноармеец назвал село, отстоящее на сорок километров отсюда.

- Никого тут? Ни врача ни одного, никого? - еще раз спросила Малышка.

- Нет. Вот нас задержали тут, чтобы направляли мы, кто будет приезжать.

Малышка побрела к летучке. Пять минут назад ей казалось, что вот-вот сейчас все это кончится, сейчас они приедут. Еще вот пригорок, еще поворот, еще несколько домоэ - и раненые будут уже в госпитале. А теперь еще сорок километров, - еще столько же, сколько они проехали.

Она подошла к летучке, посветила внутрь фонариком и произнесла:

- Товарищи…

- Что, сестрица? - сказал старый казак тоном, в котором чувствовалось, что он понимает, что придется ехать дальше.

- Уехал госпиталь, - сказала Малышка упавшим голосом. - Еще сорок километров до него ехать. Ну, как вы? Ничего вам, а? Потерпите?

В ответ послышался стон. Теперь застонали сразу двое. На этот раз усатый не прикрикнул на них. Видимо, он почувствовал, что стонут оттого, что нет уже больше сил человеческих.

- Дотерпим, - сказал он. - Дотерпим. Ты откуда сама-то, дочка?

- Из-под Каменской, - сказала Малышка.

- Значит, песни казачьи знаешь?

- Знаю, - сказала Малышка, удивленная этим вопросом, который, казалось ей, не имел никакого отношения к тому, дотерпят они или не дотерпят.

-"Скакал казак через долину, через манджурские края…" знаешь песню? - спросил усатый.

- Знаю.

- Ну вот, ты вези нас, а мы ее петь будем, пока не довезешь. Чтобы стонов этих самых не слыхать было, песни играть будем. Поняла? А ты нам тоже подпевай.

- Хорошо, - сказала девушка.

Она легла на крыло, машина тронулась, и сквозь всплески воды и грязи и гудение мотора она услышала, как в кузове сначала один, потом два, потом три голоса затянули песню:

Скакал казак через долину,
Через манджурские края.
Скакал он, всадник одинокий,
Блестит колечко на руке...

Дорога становилась просто страшной. Машина подпрыгивала на каждом шагу. Казалось, что вот-вот она сейчас перевернется в какую-нибудь яму. Дождь превратился в ливень, перед фарами летела сплошная стена воды. Но в кузове продолжали петь:

Она дарила, говорила.
Что через год буду твоя.
.. Вот год прошел. Казак стрелою
В село родное поскакал...

Незаметно для себя она начала подпевать. И когда она запела тоже, то почувствовала, что, наверное, им в кузове в самом деле легче оттого, что они поют, и, наверное, если кто-нибудь и стонет, то другие не слышат.

Через десять километров машина стала. Шофер снова начал прочищать карбюратор. Малышка слезла с крыла и заглянула в кузов. Теперь, когда мотор не шумел, песня казалась особенно громкой и сильной. Ее выводили во весь

голос, старательно, - так, словно ничего другого, кроме песни, не было в эту минуту на свете.

Навстречу шла ему старушка И
стала речи говорить...

- заводил усатый хриплым и сильным голосом.

- Тебе казачка изменила.
Другому счастье
отдала...

- подтягивали все остальные.

Малышка снова засветила свой фонарик. Луч света скользнул по лицам певших. У одного стояли в глазах слезы.

- Загаси, чего на нас смотреть, - сказал усатый. - Давай
лучше подтягивай.

Заглушая стоны, песня звучала все сильнее и сильнее, покрывая шум барабанившего по мокрому брезенту дождя.

- Поехали! - крикнул
шофер.

Машина тронулась.

Глубокой ночью, когда на окраине станицы санитары вместе с Малышкой подошли к летучке, чтобы наконец выгрузить раненых, из кузова все еще лилась песня... Ее затягивали снова и снова. Голоса стали тише, двое или трое совсем молчали, должно быть, потеряв сознание, но остальные пели:

Напрасно ты, казак, стремишься,
Напрасно мучаешь коня. Казак
свернул коня налево.
Во чисто поле поскакал...

- До свидания, сестрица, - сказал усатый, когда его осторожно клали на носилки. - Значит, под Каменской живешь? После войны приеду сына за тебя сватать.

Он был весь мокрый, даже усы, намоченные дождем, по-запорожски обвисли вниз. Но в последний момент Малышке показалось, что его забинтованное лицо улыбнулось озорной, почти мальчишеской улыбкой.

Она заснула не раздеваясь в приемном покое, присев на корточках на полу у печки. Ей снилось, что по долине скачет казак, а она едет в своей летучке и никак не может догнать его, а летучка подпрыгивает, и Малышка вздрагивала во сне.

- Замучилась, бедная, - сказал проходивший врач.

Вдвоем с санитаром они стащили с нее промокшие сапоги и, положив под нее одну шинель, накрыли ее другой.

А шофер, который был настоящим шофером, и, уже приехав, все-таки не мог успокоиться, не узнав, что такое с проклятым карбюратором, сидел в хате вместе с шоферами, исправлял карбюратор и говорил:

- Восемьдесят километров проехали. Ну, Малышка, ясно, - она и черта заставит ехать, если для раненых
нужно, - одним словом, - сестра милосердия,

1943 год

2 сентября 1943 года

Илья ОРЕНБУРГ

Год назад шли бои на улицах Сталинграда. Немцы карабкались на вершины Кавказа. Вероятно, самому Гитлеру это мнится бесконечно давним. Я уже не говорю о сентябре 1941 года, когда немцы каждый день брали какой-нибудь город. Тогда Москва вечером слушала лай зениток и знакомые слова "воздушная тревога", а Берлин упивался "экстренными сообщениями". Все переменилось: берлинцам - зенитки и разрывы бомб, москвичам - сообщения о победах и орудийные салюты.

Чужестранец может спросить: почему же русские так часто говорят о необходимости активизации военных действий на западе? Если они освободили огромные территории от Владикавказа до Таганрога, от Сталинграда до Глухова, они могут освободить и оставшиеся под немецким гнетом области. Я постараюсь ответить на этот вопрос. Я буду говорить не о суждениях государственных деятелей: они сами говорят, когда считают это нужным. Я буду рупором среднего человека: лейтенанта Красной Армии, инженера, учительницы, механика, старика агронома, студентки.

Чем достигнуты наши победы? Самопожертвованием народа и каждого отдельного человека. Я не говорю, что

на войне излишен счет. Холодный рассудок, проверяющий чувства, необходим, даже в бою. Но одной арифметикой нельзя выиграть войну, тем более что у войны своя арифметика. Недаром народы часто называют свои победы "чудом": "чудо на Марне", "чудо под Москвой". Это не чудеса - это законы войны, которая требует и рассудка и безрассудства Я спрашиваю лейтенанта Комарова: "За что орден?.." Он отвечает: "Четыре танка, два "тигра", Он говорит об этом, как если бы речь шла о куропатках. Одной арифметикой ничего не объяснишь, и если можно цифрой передать толщину брони "тигра", то не поддается учету другое: тоска, гнев, мужество Комарова.

Во время "странной войны" в различных "кафе де коммере" французские доморощенные стратеги подсчитывали, какой перевес в тяжелой артиллерии будет у союзников к весне 1941 года. Весна 1940 года показала тщету этих упражнений. В июне этого года некоторые немецкие генералы, подсчитывая свои танки и самоходные пушки, намечали этапы ликвидации курского выступа. Если имеются за океаном люди, которые подсчитывают, сколько самолетов, транспортов и пушек будет у союзников в 1945 году, мы можем только горько усмехнуться.

Наши победы связаны с жертвами. Я говорю не только о потерях на фронте - о жертвах всего народа. Если некоторые чужестранцы склонны объяснить нашу военную жизнь каким-то особым долготерпением русского народа или спецификой нашего быта, они заблуждаются. Студентки, изучавшие Лопе де Вега или Ронсара, пасут в Казахстане скот. Им это так .же трудно, как трудно было бы студенткам Кембриджа заняться овцами Австралии. Москвичи, до войны не державшие ничего в своей руке, кроме карандаша или иголки, рубят лес, работают в шахтах. Это не вспышка энтузиазма: фейерверки не длятся двадцать шесть месяцев. Это - "ничего не поделаешь - нужно"... Вовсе не легко подросткам работать на заводе. Они предпочли бы играть в мяч или читать Жюля Верна. Вовсе не сладко сибирской крестьянке, проводив на фронт сыновей, расставаться с мужем. Но здесь объяснение пути, пройденного Красной Армией.

Не раз иностранцы описывали положение нашей страны Может быть, некоторые его видели в слишком темных тонах. другие-в слишком светлых. Я не стану сейчас спорить о деталях. У нас нет голода, но у нас есть дети, которые не видят сахара; помимо мировых проблем, у нас многие заняты проблемой, как залатать единственную пару ботинок, - у нас много лишений. Они связаны с количеством немецких дивизий, находящихся на нашем фронте, и с несколько абстрактной, чересчур логичной и поэтому алогичной медлительностью других членов антигитлеровской коалиции.

французы, чехи, голландцы, бельгийцы, датчане, норвежцы легко поймут нас. Вот уже свыше двух лет, как огромная часть Советского Союза находится под пятой немцев. Гитлеровцы установили своеобразную иерархию каторги: они обращаются с французами хуже, чем с норвежцами, с русскими хуже, чем с французами. Что должен чувствовать танкист или моряк, уроженец Украины, понимая, что его семью нзмцы убили или угнали в Германию на каторжные работы, или - в лучшем случае - обрекли на голодное и позорное прозябание?

Сейчас молоденькие девушки отстраивают Сталинград. Это учительницы, студентки, служащие. Они не были каменщиками. У них на пальцах нет кожи - сошла. Они кладут в день до пяти тысяч кирпичей. Они живут в землянках, где ютились солдаты. Легко ли это? При этом они читают в газете, что, отступая, немцы жгут города. Сожгли Орел. Сожгли Карачев. Сожгли Жиздру...

Я привез с фронта печатный листок: приказ германского командования о принудительной эвакуации целого района Приказ на двух языках: русском и немецком. В приказе сказано: "Каждый должен тотчас отправляться со своей семьей, скотом и движимым имуществом в западном направлении". Указывается маршрут, затем следует: "Отправляться только в западном направлении. Кто будет следовать в восточном направлении, будет расстрелян". Это значит, что немцы угоняют на запад сотни тысяч людей с детьми, со стариками. Гитлеру нужны рабочие руки, чтобы рыть укрепления на Днепре и дальше - на Немане, на Висле. Я прошу представить себе размеры трагедии: полк Красной Армии, который, продвинувшись на восемнадцать километров вперед, нашел пепел вместо деревень и десяток обезумевших женщин, спрятавшихся в лесу.

В Таганроге Красная Армия нашла и дома и жителей: немцев оттуда выбили внезапно: они не успели ни сжечь город, ни угнать людей. Это удача. Немцы ее учли, они становятся осторожней; они начинают жечь впрок, угонять жителей заранее. Вот одна из причин великого нетерпения нашего народа: от сроков зависит судьба страны, судьба миллионов людей, будущее.

Мне привелось прочесть в одной заграничной газете такое толкование нашего нетерпения: мы несем большие жертвы и поэтому обижены, что у наших союзников мало жертв. Нет, наш народ не кровожаден и не злобен. Мы вовсе не хотим, чтобы другому было тяжело, потому что нам тяжело. Мы только хотим скорее покончить с кошмаром России и с кошмаром Европы. Разве можно утешить украинца сознанием, что и французу не легче? Каждый из нзс рад, что англичане не испытали вторжения гитлеровцев. Беда не в том, что у наших союзников малые жертвы - это не беда, а радость, беда в том, что Красная Армия должна одна сражаться против всей германской машины. Сейчас - в дни самых напряженных сражений - это может быть сказано буквально: после окончания сицилийской кампании ни один немецкий солдат не сражается ни с кем, кроме как с русскими. Я не говорю при этом о мужестве оккупированных стран: мы его знаем и ценим. Мы знаем, что часть немецких дивизий - увы, относительно малая - удерживается безоружными народами: французами, югославами, поляками, норвежцами, датчанами. Но где подлинный отрыв немецких сил, находящихся на востоке? Его мы не видим, и этим объясняются чувства нашего народа.

Когда мы говорим или пишем о том, что второй фронт необходим, какие-то чудаки или клеветники начинают уверять, будто мы тем самым поворачиваемся к Гитлеру. Нет, наша ненависть к фашизму глубока. Между нами и гитлеровцами море крови, горы пепла. Хорошо, если мирные обыватели какого-нибудь заокеанского штата, которые за воскресным ростбифом говорят о безоговорочной капитуляции Германии, будут так ненавидеть Гитлера, как ненавидят его солдаты Красной Армии. Вся страсть наша в одном: покончить с "новым порядком" Гитлера. А с ним теперь можно покончить: мы молча выполнили самую трудную **часть** работы - мы расшатали, ослабили германскую армию.

Нужно общее усилие всех союзников, чтобы повалить Гитлера. А желтью листья в садах напоминают нам, что листопад не за горами...

Наши войска, наступающие вдоль побережья Азовсжсго моря, сломили упорное сопротивление противника и овладели городом **и портом ГЛариуполь.**

Из оперативкой сводки Совинформбгоро
10 сентября 1943 г.

Борис ГОРБАТОВ

Этот город когда-то считался самым веселым в Донбассе. Приморский, зеленый, вечно смеющийся, вечно поющий Мариуполь. Заводы и виноградники. Домашнее, уютное Азовское море. Портовые парни, черноглазые быстрые девчата, веселая комсомолия Азовстали. Да, это был хороший, веселый город. Последний раз я был здесь два года назад. Здесь еще пели, немного тревожно и грустно, - но пели. Город еще не знал своей судьбы.

Догорают пожары в Мариуполе... К нашей машине подходит оборванный, черный, бородатый человек. Всклокоченная, почти седая борода. Остатки зубов во рту. Он смотрит на нас влажными, сияющими глазами.

- Я комсомолец.

С ужасом гляжу я в его старческое лицо. Он грустно улыбается.

- Гестапо, лагеря, два года под гитлеровцами...

Два года... А словно века. Состарились люди, состарился город. Обветшали здания. Бурьяном заросли трамвайные пути. Под воздействием фашистской "культуры" одичали люди.

Город принадлежал солдатам. Главная улица называлась улицей германской армии. Лучшие кинотеатры служили

только солдатам - "Солдатенкино". Русских туда не пускали. Солдатские публичные дома располагались в школах и клубах. Школы были закрыты. На садовых скамейках, в скверах красовалась надпись по-русски и по-немецки: "Только для немецких солдат".

Для русских людей Мариуполя были подневольные, каторжные работы, лагеря, тюрьмы. Для непокорных - могила в противотанковом рву. Вероятно, немного найдется в городе людей, не перепоротых гитлеровцами. Били все-от солдата до главного коменданта, били за все - за слово, за жест, за взгляд. За популярную в Донбассе песню "Позор девушкам, гуляющим с гитлеровцами" карали особо сурово.

И все-таки Мариуполь верил, что увидит лучшие времена, дождется своих избавителей. По рукам ходили наши листовки. Летчики сбрасывали их над городом и окрестными селами. Иногда ветер относил их в степь, и тогда из города на поиски листовок отправлялись целые экспедиции. Находили. Приносили, спрятав на груди. Читали друг другу. Дожидались, пока постояльцы, немецкие офицеры, отлучатся с квартиры, и жадно бросались к их радиоприемникам. Ловили Москву. Однажды старик Андрей Удовиченко услышал по радио голос своего сына Святослава, красного офицера. Старик расплакался от счастья. Потом он часто рассказывал о сыне людям.

О "тиграх" гитлеровцы писали в своих газетах как о непобедимых машинах. Мариупольцы с удовольствием разглядывали пробоины на "тиграх" и восхищались: "Аккуратная работа!" - и ждали страстно, неистово, самозабвенно прихода наших войск. Подымались на курганы, прислушивались: не слышно ли артиллерии. Вглядывались в море: не видно ли десанта с кубанского берега. И твердили друг другу: скоро, теперь скоро…

Объявления городской управы заклинали: "Мариуполь далек от фронта" и умоляли жителей не верить слухам.

А народ принимал свои меры. Он знал, что грозит ему: уходя из города, оккупанты будут угонять мужчин с собою.

Семья Кочеджи заранее вырыла себе туннель в горе. Здесь скрывались они и соседи. Выходили только по ночам -на огороды и по воду. У кого пещер не было, прятались в кукурузнике, *в* камышах, некоторые даже в речках, в воде. Город опустел. Только дети да старухи еще ютились кое-где в подвалах, дрожали от страха и жарко молились о скорейшем приходе Красной Армии.

Тогда-то оккупанты и выпустили на улицы беззащитного города своих "факельщиков".

Описать это почти невозможно. Три дня над городом, словно черная туча, стоял дым. По улицам метались пьяные солдаты, поджигатели. Врывались в дома, выплескивали на комоды, постели, шкафы бензин, зажигали и бросались дальше. Женщины падали на колени, умоляли пощадить их жилье, протягивали грудных детей. Враги хватали ребенка и швыряли в огонь. Шипело человеческое мясо, полузадушенные люди выбегали из дома под пули автоматчиков. Мать Галины Ренской начала было спасать свой домишко - ее пристрелил гитлеровец. По всему городу металось черное пламя, в огне и дыму с хохотом и свистом, как дикари у костра, носились, приплясывая, пьяные, бесноватые, одержимые демонами разрушения фашисты.

Нет, это не солдаты. Это дикари, пляшущие у костра, каннибалы, пьянеющие от запаха жареного человеческого мяса. Люди, лишенные самых элементарных зачатков цивилизации, не знающие ни жалости, ни чести, ни воинского долга.

Из кукурузников, из камышей, из пещер возвращаются в город люди. Врагам не удалось их угнать. С тощим узелком идет меж развалинами Ольга Володина. Узелок - вот все, что осталось у нее. Восьмилетняя девочка несет штору с алым бантом, ищет мать. Около полусожженных кроватей на пепелище возятся люди. Кто-то разгребает золу. Мужчина с ожесточенными, сухими глазами рубит обгорелые бревна. Он хочет сколотить пока хоть конуру.

В парке, на заводе имени Ильича в первый раз за два года гремит радио. Только что закончился митинг. Сейчас будут выступать приехавшие в Мариуполь артисты армейского ансамбля. Народ нетерпеливо ждет. Он еще не верит, что это возможно.

Этот город снова будет самым веселым в Донбассе.

Сентябрь** 1943 **года

БЕССМЕРТИЕ

Александр ФАДЕЕВ

"Я, вступая в ряды "Молодой гвардии", перед пицом своих друзей по оружию, перед лицом своей родной, многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь:

беспрекословно выполнять любое задание, данное мне старшим товарищем;

хранить в глубочайшей тайне все, что касается моей работы в "Молодой гвардии"!

- Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть тридцати шахтеров-героев. И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам ее без минуты колебания.

Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей.

Кровь за кровь! Смерть за смерть!"

Эту клятву на верность Родине и борьбу до последнего вздоха за ее освобождение от гитлеровских захватчиков дали члены подпольной комсомольской организации "Молодая гвардия" в городе Краснодоне, Ворошиловградской области. Они давали ее осенью 1942 года, стоя друг против друга в маленькой горенке, когда пронзительный осенний ветер завывал над порабощенной и опустошенной землей Донбасса. Маленький городок лежал, затаившись во тьме, в горняцких домах стояли фашисты, одни продажные шкуры-полицейские да заплечных дел мастера из гестапо в эту темную ночь обшаривали квартиры граждан и зверствовали в своих застенках.

Старшему из тех, кто давал клятву, было девятнадцать лет, а главному организатору и вдохновителю Олегу Кошевому - шестнадцать.

Сурова и неприютна открытая донецкая степь, особенно поздней осенью или зимой, под леденящим ветром, когда смерзается комьями черная земля. Но это наша кровная Советская земля, заселенная могучим и славным угольным племенем, дающая энергию, свет и тепло нашей великой Родине. За свободу этой земли в гражданскую войну сражались лучшие ее сыны во главе с Климом Ворошиловым и Александром Пархоменко. Она породила прекрасное стахановское движение. Советский человек глубоко проник в недра донецкой земли, и по неприютному лицу ее выросли мощные заводы - гордость нашей технической мысли, залитые светом социалистические города, наши школы, клубы, театры, где расцветал и раскрывался во всю свою духовную силу великий советский человек. И вот эту землю топтал враг. Он шел по ней, как смерч, как чума, ввергая во тьму города, превращая школы, больницы, клубы, детские ясли в казармы для постоя солдат, в конюшни, в застенки гестапо.

Огонь, веревка, пуля и топор - эти страшные орудия смерти стали постоянными спутниками жизни советских людей. Советские люди были обречены на мучения, немыслимые с точки зрения человеческого разума и совести. Достаточно сказать, что в городском парке города Краснодона фашисты живьем зарыли в землю тридцать шахтеров за отказ явиться на регистрацию на "биржу труда". Когда город был освобожден Красной Армией и начал отрывать погибших, они так и стояли в земле: сначала обнажились головы, потом плечи, туловища, руки.

Ни в чем не повинные люди вынуждены были уходить из родных мест, скрываться. Рушились семьи. "Я распрощалась с папой, и слезы ручьями потекли из глаз, - рассказывает Валя Борц - член организации "Молодая гвардия", - Какой-то неведомый голос, казалось, шептал: "Ты его видишь в последний раз". Он пошел, а я стояла до тех пор, пока он не скрылся из виду. Сегодня еще этот человек имел семью, угол, приют, детей, а теперь он, как бездомная собака, должен скитаться. А сколько замучено, расстреляно!"

Молодежь, всякими способами уклонявшуюся от регистрации, хватали насильно и угоняли на рабский труд в Германию. Поистине душераздирающие сцены можно было видеть в эти дни на улицах городка. Грубые окрики и брань полицейских сливались с рыданием отцов

и матерей, от которых насильно отрывали дочерей и сыновей.

И страшным ядом лжи, распространяемой гнусными фашистскими газетенками и листовками о падении Москвы и Ленинграда, о гибели советского строя, стремился враг разложить душу советских людей.

Это была наша молодежь - та самая, которая растет, воспитывается в советской школе, пионерскими отрядами, комсомольскими организациями. Враг стремился истребить в ней дух свободы, радость творчества и труда, привитые советским строем. И в ответ на это юный советский человек гордо поднял свою голову.

Вольная советская песня! Она сроднилась с советской молодежью, она всегда звенит в душе ее.

"Один раз идем мы с Володей в Свердловку к дедушке. Было совсем тепло. Летают над головами самолеты. Идем степью. Никого кругом. Мы запели: "Спят курганы темные... Вышел в степь донецкую парень молодой". Потом Володя говорит:

- Я знаю, где наши войска находятся.

Он мне начал рассказывать сводку. Я бросилась к Володе и начала его обнимать".

Эти простые строки воспоминаний сестры Володи Осьмухина нельзя читать без волнения. Непосредственными руководителями "Молодой гвардии" были Кошевой Олег Васильевич, 1926 года рождения, член ВЛКСМ с 1940 года, Земнухов Иван Александрович, 1923 года рождения, член ВЛКСМ с 1941 года. Вскоре патриоты привлекают в свои ряды новых членов организации - Ивана Туркенича, Степана Сафонова, Любу Шевцову, Ульяну Громову, Анатолия Попова, Николая Сумского, Володю Осьмухина, Валю Борц и других. Олег Кошевой был избран комиссаром. Командиром штаб утвердил Туркенича Ивана Васильевича, члена ВЛКСМ с 1940 года.

И эта молодежь, не ведавшая старого строя и, естественно, не проходившая опыта подполья, в течение нескольких месяцев срывает все мероприятия фашистских поработителей и вдохновляет на сопротивление врагу население города Краснодона и окружающих поселков - Изварина, Первомайки, Семейкина, где создаются ответвления организации. Организация разрастается до семидесяти человек, потом насчитывает уже свыше ста - детей шахтеров, крестьян и служащих.

"Молодая гвардия" сотнями и тысячами распространяет листовки - на базарах, в кино, в клубе. Листовки обнаруживаются на здании полиции, даже в карманах полицейских. "Молодая гвардия" устанавливает четыре радиоприемника и ежедневно информирует население о сводках Информбюро.

В условиях подполья происходит прием в ряды комсомола новых членов, на руки выдаются временные удостоверения, принимаются членские взносы. По мере приближения советских войск готовится вооруженное восстание и самыми различными путями добывается оружие.

В это же время ударные группы проводят диверсионные и террористические акты.

8 ночь с 7 на 8 ноября группа Ивана Туркенича повесила
двух полицейских. На груди повешенных оставили плакаты: "Такая участь ждет каждого продажного пса".

9 ноября группа Анатолия Попова на дороге Гундоровка - Герасимовка уничтожает легковую машину с тремя
высшими гитлеровскими офицерами.

15 ноября группа Виктора Петрова освобождает из концентрационного лагеря в хуторе Волчанске 75 бойцов и командиров Красной Армии.

В начале декабря группа Мошкова на дороге Краснодон - Свердловск сжигает три автомашины с бензином.

Через несколько дней после этой операции группа Тюленина совершает на дороге Краснодон - Ровеньки вооруженное нападение на охрану, которая гнала 500 голов скота, отобранного у жителей. Уничтожает охрану, скот разгоняет по степи.

Члены "Молодой гвардии", устроившиеся по заданию штаба в оккупационные учреждения и на предприятия, умелыми маневрами тормозят их работу. Сергей Левашов, работая шофером в гараже, выводит из строя одну за другой три машины. Юрий Виценовский устраивает на шахте несколько аварий.

В ночь с 5 на 6 декабря отважная тройка молодогвардейцев - Люба Шевцова, Сергей Тюленин и Виктор Лукьянченко проводят блестящую операцию по поджогу биржи труда. Уничтожением биржи труда со всеми документами

молодогвардейцы спасли несколько тысяч советских людей от угона в фашистскую Германию.

В ночь с 6 на 7 ноября члены организации вывешивают на зданиях школы, бывшего райпотребсоюза, больницы и на самом высоком дереве городского парка красные флаги. "Когда я увидела на школе флаг, - рассказывает жительница города Краснодона М. А. Литвинова, - незольная радость, гордость охватили меня. Разбудила детей и быстренько побежала через дорогу к Мухиной. Ее я застала стоящей в нижнем белье на подоконнике, слезы ручьями расползались по ее худым щекам. Она сказала: "Марья Алексеевна, ведь это сделано для нас, советских людей. О нас помнят, мы нашими не забыты".

Организация была раскрыта полицией потому, что она вовлекла в свои ряды слишком широкий круг молодежи, среди которой оказались и менее стойкие люди. Но во время страшных пыток, которым подвергли членов "Молодой гвардии" озверевшие враги, с невиданной силой раскрылся нравственный облик юных патриотов, облик такой духовной красоты, что он будет вдохновлять еще многие и многие поколения.

Олег Кошевой. Несмотря на свою молодость, это великолепный организатор. Мечтательность соединялась в нем с исключительной практичностью и деловитостью. Он был вдохновителем и инициатором ряда героических мероприятий. Высокий, широкоплечий, он весь дышал силой и здоровьем и не раз сам был участником смелых вылазок против врага. Будучи арестован, он бесил гестаповцев непоколебимым презрением к ним. Его жгли раскаленным железом, запускали в тело иголки, но стойкость и воля не покидали его. После каждого допроса в его волосах появлялись седые пряди. На казнь он шел совершенно седой.

Иван Земнухов - один из наиболее образованных, начитанных членов "Молодой гвардии", автор ряда замечательных листовок. Внешне нескладный, но сильный духом, он пользовался всеобщей любовью и авторитетом. Он славился как оратор, любил стихи и сам писал их (как, впрочем, писали их и Олег Кошевой, и многие другие члены "Молодой гвардии"). Иван Земнухов подвергался в застенках самым зверским пыткам и истязаниям. Его подвешивали в петле через специальный блок к потолку, отливали водой, когда он лишался чувств, и снова подвешивали. По три раза в день били плетьми из электрических проводов. Полиция упорно добивалась от него показаний, но не добилась ничего. 15 января он был вместе с другими товарищами сброшен в шурф шахты № 5.

Сергей Тюленин. Это маленький, подвижный, стремительный юноша-подросток, вспыльчивый, с задорным характером, смелый до отчаянности. Он участвовал во многих самых отчаянных предприятиях и лично уничтожил немало врагов. "Это был человек дела, - характеризуют его оставшиеся в живых товарищи. - Не любил хвастунов, болтунов и бездельников. Он говорил: "Ты лучше сделай, и о твоих делах пускай расскажут люди".

Сергей Тюленин был не только сам подвергнут жестоким пыткам, при нем пытали его старую мать. Но как и его товарищи, Сергей Тюленин был стоек до конца.

Вот как характеризует четвертого члена штаба "Молодой гвардии" - Ульяну Громову Мария Андреевна Борц, учительница из Краснодона: "Это была девушка высокого роста, стройная брюнетка с вьющимися волосами и красивыми чертами лица. Ее черные, пронизывающие глаза поражали своей серьезностью и умом... Это была серьезная, толковая, умная и развитая девушка. Она не горячилась, как другие, и не сыпала проклятий по адресу истязателей... "Они думают удержать свою власть посредством террора, - говорила она. - Глупые люди! Разве можно колесо истории повернуть назад..."

Девочки попросили ее прочесть "Демона". Она сказала: "С удовольствием! Я "Демона" люблю. Какое это замечательное произведение! Подумайте только, он восстал против самого бога!" В камере стало совсем темно. Она приятным, мелодичным голосом начала читать... Вдруг тишину вечерних сумерек пронизал дикий вопль. Громова перестала читать и сказала: "Начинается!" Стоны и крики все усиливались. В камере была гробовая тишина. Так продолжалось несколько минут. Громова, обращаясь *к* нам, твердым голосом прочла:

Сыны снегов, сыны славян.
Зачем вы .мужеством упали?
Зачем? Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали.

Ульяну Громову подвергли нечеловеческим пыткам. Ее подвешивали за волосы, вырезали ей на спине пятиконечную звезду, прижигали тело каленым железом и раны присыпали солью,'сажали на раскаленную плиту. Но и перед самой смертью она не пала духом и при помощи шифра "Молодой гвардии" выстукивала через стены ободряющие слова друзьям: "Ребята! Не падайте духом! Наши идут. Крепитесь. Час освобождения близок. Наши идут. Наши идут..."

Ее подруга Любовь Шевцова по заданию штаба работала в качестве разведчицы. Она установила связь с подпольщиками Ворошиловграда и ежемесячно по нескольку раз посещала этот город, проявляя исключительную находчивость и смелость. Одевшись в лучшее платье, изображая "ненавистницу" Советской власти, дочь крупного промышленника, она проникала в среду вражеских офицеров и похищала важные документы. Шевцову пытали дольше всех. Ничего не добившись, городская полиция отправила ее в уездное отделение жандармерии Ровенек. Там ей загоняли под ногти иголки, на спине вырезали звезду. Человек исключительной жизнерадостности и силы духа, она, возвращаясь в камеру после мучений, назло палачам пела песни. Однажды во время пыток, заслышав шум советского самолета, она вдруг засмеялась и сказала: "Наши голосок подают".

7 февраля 1943 года Люба Шевцова была расстреляна Так, до конца сдержав свою клятву, погибло большинство членов организации "Молодая гвардия", в живых осталось всего несколько человек. С любимой песней Владимира Ильича "Замучен тяжелой неволей" шли они на казнь.

"Молодая гвардия" - это не одиночное исключительное явление на территории, захваченной фашистскими оккупантами. Везде и повсюду борется гордый советский человек. И хотя члены боевой организации "Молодая гвардия" погибли в борьбе, они бессмертны, потому что их духовные черты есть черты нового советского человека, черты народа страны социализма.

Вечная память и слава юным молодогвардейцам - героическим сынам бессмертного советского народа!

75 сентября 1943 ***года***

"МАЛАЯ ЗЕМЛЯ"

Сергей БОРЗЕНКО

Несколько месяцев просидел красноармеец Иван Квасоля в одном окопе. Всю землю впереди, по бокам и позади его вдоль и поперек перепахали снаряды. Тысячекилограммовая бомба, упавшая рядом, засыпала все кругом глиной, похоронила под собой редкую зелень. Беспрерывные разрывы мин и пулеметные очереди помяли и скосили нежные кусты винограда, превратили их в жалкий, поломанный валежник.

Место, где Квасоля выкопал себе окоп, углубив для этого бомбовую воронку, было когда-то виноградным полем, на нем трудились люди, пели песни, лакомились сочными гроздьями винограда. Если посмотреть из окопа влево, видны белые камни - развалины винодельческого совхоза. Гитлеровцы ежедневно обстреливают эти камни, и от них подымается кверху белое удушливое облачко пыли.

Сколько ни всматривался Квасоля в окружавший его пейзаж, все было однообразным и желтым. Ни одной травинки, ни одного листка, никаких признаков жизни, даже муравьи перестали ползать по лиловой, опаленной жаром разрывов земле.

- Пустыня, - может быть в тысячный раз вздыхал Иван;

- Чудак, - тоже, наверное, в тысячный раз говорил ему его товарищ по окопу татарин Байязитов. - Пусты
ня свою красу имеет, над ней орлы в зените стоят, а здесь даже птицы не увидишь. Разлетелись, боятся выст
релов.

- Значит, говоришь, местность хуже пустыни.. .Пожалуй, твоя правда, - соглашался Квасоля. - Вот что враг делает
с природой, да и с человеком тоже... Раньше для меня земля запах имела, - разотру в пальцах грудочку, понюхаю и сразу на душе веселей, а сейчас... Все омерзительно пахнет кровью. Тяжело на душе, и только когда вижу уби того фашиста, становится легче.

Они жили в одном окопе неделю, месяц, полгода. Темными ночами вылезали из своей ямы и ползком пробирались

s лощину, находившуюся невдалеке, чтобы оправиться, сделать несколько шагов отекшими ногами. Каждый день снаряды все больше разворачивали почву, и нельзя уже было понять, чего здесь больше - ржавых осколков или земли.

Наступил август. Днем нестерпимо пекло солнце, ночью жалили комары и мошки. В единственном ручье, протекавшем в лощине, иссякла вода, и он вскоре совсем пересох, земля на дне его потрескалась от жары. Перед скопом, метров за двадцать, на солнцепеке лежали пять оккупантов, убитых Квасолей. Они лежали настолько близко, что у одного виднелись железные пуговицы, вытертые посредине, и страшное, полопавшееся, сползающее с костей лицо. Трупы разлагались, отравляя воздух зловонием, мешали жить. О, если бы можно было их убрать, засыпать землей, хоть один день не видеть этих гор копошившихся червей! Когда ветер дул с той стороны, где они лежали, у Квасоли кружилась голова и тошкота подступала к горлу. Но как только гитлеровцы под покровом ночной темноты пытались унести трупы, он открыл стрельбу и уложил двоих; они на второй день необыкновенно вздулись, источая смрад, еще больше отравляющий густой и горячий воздух.

Фашисты притаились невдалеке в своих траншеях. За ними приходилось следить неотрывно. Квасоля стрелял при каждом удобном случае. У него были свои счеты с ними. Из освобожденной зимой деревни ему написали о повешенной фашистами матери, о гибели жены и пятилетней дочки. Письмо, словно нож, вошло ему в сердце, он жестоко страдал, но не разорвал его, не выбросил, а носил с собой и ежедневно перечитывал, чувствуя каждый раз тупую боль, словно нож поворачивали в сердце.

У себя в колхозе он был признанный силач - копну ячменя за один раз поднимал на вилы, и сейчас ему хотелось со всей накопленной и не растраченной за долгие месяцы вынужденного "безделья" силой обрушиться на врагов, крошить их, убивать ударами кулака, головы, ног. Правда, он стрелял в противника, и выстрелы эти немного успокаивали его, но разве нужна для выстрела сила?

С каким удовольствием он трудился бы сейчас в степи от зари до зари, делал бы самую тяжелую черную работу! Он согласен спуститься в шахту долбить уголь, ломать камни, рубить лес. Квасоля потянулся в скопе так, что затрещали кости.

- Кажется, отдал бы полжизни за то, чтобы пройти километр, размять одубевшие ноги, - сказал он, тронув товарища за худенькое плечо.

Байязитов улыбнулся. Оказывается, сидеть на месте труднее, чем делать стокилометровые марши. Он посмотрел на товарища Молодой, нетерпеливый, не может утихомирить разгоряченную крозь.

Впереди упала мина, оглушительно хлопнула. Квасоля выглянул и ахнул. На глиняном бруствере их окопа колыхался красный цветок, неизвестно когда выросший здесь. Цепкий стебелек мака - цвета советского знамени - вызвал в памяти Квасоли радостные воспоминания мирной жизни. Вишневый сад. Он идет по песчаной дорожке с дочкой на руках, потом сажает ее на качели и легонько раскачивает. Жена зовет их на веранду пить чай с вареньем из крыжовника, и они бегут вдвоем наперегонки домой.

- Девочка у меня, - Квасоля заскрипел зубами. - Пять
лет ей было бы теперь, мать ей красное платьице сшила, я ее на руках носил, аленьким цветочком звал. И вот не пощадили, гады, убили. Что она им сделала?

Растроганный Байязитов вздохнул. У него тоже есть дочка - живая, учится в школе, но увидит ли он ее, вернется ли он к своей семье, в родной колхоз, к любимому труду? Он был конюхом, гонял на пастбища табун коней, объезжал непокорных жеребцов. Но его, природного наездника, судьба забросила не в кавалерию, а в пехоту.

- Вот ты говоришь - землю у себя дома нюхал, а знаешь
ли ты, как пахнет лошадь после бешеной скачки?

- Лошадь... Люблю лошадей. У нас в колхозе была
конеферма, лучшая в районе. - И Квасоля стал рассказывать о своем колхозе, расположенном на берегу Донца.

- Да, хорошая была жизнь, - сказал татарин.

- После войны должна быть еще лучше. Ведь мы вернемся, будем работать так, что руки будут гореть.

Цветок мака украшал тяжелую жизнь двух породнив-

шихся в окопе бойцов. Во время обстрелов они накрывали его железной каской, а когда огонь прекращался, снимали каску, чтобы алые лепестки нежились под солнечными лучами,

Ночью к ним приползал усатый старшина, приносил в зеленом термосе остывший обед и флягу мутной воды, двоим на сутки. Днем мучила нестерпимая жажда, сильнее той, которая донимала их на маршах, когда они шли по пыльным шляхам Украины, делая по пятьдесят километров в невыносимую жару. Но товарищи оставляли несколько глотков воды и вечером поливали любимый цветок. Както к маку подлетела пестрая бабочка, первая за полгода, и, порхая над окопом, так же, как цветок, напомнила о детях.

Однажды на рассвете Байязитов высунулся из окопа.

- Понюхаю, как цветок пахнет, - проговорил он.

- Да ведь маки не пахнут, - хотел сказать Квасоля, но
не успел: свистнула пуля, и солдат, вскрикнув на певучем своем языке, свалился на дно окопа.

- Ты ранен? - испуганно спросил Квасоля, поворачивая
его лицом к себе.

Бзйязитов был убит наповал. Квасоля долго смотрел ему в такое знакомое, покрывшееся восковой желтизной, окровавленное лицо, и вдруг с ужасом понял, что после гибели семьи у него не осталось никого, кроме этого преданного ему человека, делившего с ним все тяготы и невзгоды фронтовой жизни. И вот и этого молчаливого друга отняли у него враги. Не вернется в далекий край к седой матери ее ненаглядный сын. Напрасно она будет ждать его возвращения. И дети не дождутся своего отца и кормильца. За что его убили? Ненависть переполнила душу Квасоли.

Он остался один в окопе со своим цветком, и цветок стал ему еще дороже. И, странное дело, его, так же, как Байязитова, тянуло к цветку, хотелось понюхать его, прижаться к шелковым лепесткам воспаленными, обметанными лихорадкой губами.

Ночью приползли товарищи из взвода и закопали Байязитова в лощине в неглубокой солдатской могиле. Квасоля упал на неуютный холмик земли и заплакал. Впервые за время войны рыдания потрясли его здоровое, могучее тело. он плакал о разоренной земле, об убитых дочке и жене. Слезы, текущие из глаз, уносили из души его боль.

В полночь приполз старшина, принес воду и передал приказ - на рассвете, после того как в сторону противника взлетят три красные ракеты, подниматься и стремительно атаковать позиции фашистов. Узнав, что убит Байязитов, старшина сокрушенно вздохнул.

-Ну, раз так,-сказал он, переменив тон,-получай двойную порцию воды - за себя и за него, это, парень, не часто бывает, да не забудь отомстить за своего дружка.

Как всегда перед боем, Квасоля не спал. Видения прожитых лет сменялись одно другим. Вот с полными ведрами на коромысле навстречу идет красавица жена. Косы ее собраны в корону, и в ней, словно золотые шпильки, торчат соломинки - она уже успела вытопить печь соломой. Вот в подвязанной к потолку колыбели, в которой когда-то мать качала его, лежит его девочка, играя румяным, подвязанным на уровне лица яблоком. Вот начальник политотдела армии - полковник Брежнев - вручает ему партбилет и, поздравляя, говорит: "Будьте во всем, как Ленин". "Во всем -это значит и в бою", - думает Квасоля. Он вспоминает, что у него двойная порция воды и он сможет завтра провести день, не мучаясь от жажды и пить не три раза в день, как они делали с Байязитовым, а сколько угодно.

"Нет, это нехорошо - пить воду убитого", - решает он и, протянув руку, выливает половину содержимого фляги на цветок.

Через несколько минут в голову приходит удивительно -спокойная мысль, что и его могут убить во время атаки и его порция воды пропадет без пользы. Он вторично протягивает руку к цветку и выливает на него остатки влаги, оставив на дне фляжки несколько глотков, на всякий случай.

Время идет медленно. Красивые и чистые видения сменяются тяжелыми воспоминаниями, они жгут сердце, требуют мести. Скорей бы сигнал в атаку!

Надо чем-то заняться, отвлечься, успокоить себя. Квасоля достал из вещевого мешка пахнущую ржаным хлебом пару чистого белья, переоделся. Провел шершавой рукой

по колючей щеке, подумал, что хорошо бы перед боем побриться, но в темноте этого не сделаешь.

И вдруг темное небо прорезает ослепительная ракета и, будто надломившись в высоте, стремительно падает вниз. Немцы сразу же открывают минометный огонь по переднему краю. Мины невидимо шуршат в воздухе, словно стая пролетающих уток. Едкий дым затрудняет дыхание. Сухая земля сыплется на лицо и шею. Вторая ракета, роняя перья, летит над землей, словно жар-птица, осветив своим огнем убитого, повисшего на колючей проволоке. Трещат пулеметы. Рассыпая расплавленные брызги, взлетает третья ракета. Пора идти в атаку. Квасоля видит - никто не поднимается с соседних окопов, и чувствует, как холодный ужас прижимает его к сырой стене глиняной ямы. Ему становится страшно. Он тянется к каске, которой накрыт стебелек мака, поспешно двумя руками надевает каску на голову и при вспышке ракеты видит, как пуля срезает голову цветка.

- Хватит!

Враги отобрали у него последнюю радость. Квасоля не спеша поднимается из окопа, страшный и великолепный одновременно, перебрасывает винтовку из левой руки в правую, становится на ноги.

- За мной, товарищи! Пошли! Пошли! - крикнул он, не
думая о том, пойдут за ним или нет. Не спеша, экономя на бегу силы, на минуту задержав дыхание у разложившихся трупов, бросился в сторону врага. По грозному топоту, заглушившему свист пуль, понял - за ним следовала вся
рота, и на душе его стало радостно и светло, Ведь каждый боец думал о том, о чем думал сейчас он, - взять врага за горло.

Он первый вломился в траншею. Какой-то фашист выстрелил в него. Квасоля не слышал звука, но видел вспышку. Сильным ударом штыка он заколол врага и бросил через плечо, как копну ячменя. На втором гитлеровце сломался штык. Он прикончил его прикладом. О третьего раздробил приклад винтовки и затем, наслаждаясь своей силой, бил кулаками, крошил направо и налево, обливаясь своей и чужой кровью... Убивая, Квасоля мстип за Родину, за Байязитова, за жену, за дочку, за цветок, украсивший жизнь на войне и безжалостно сорванный оккупантами.

1943 год

16 сентября войска Северо-Кавказского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом после пятидневных ожесточенных боев овладели^ городом и портом Новороссийск.

Из оперативной сводки Совинформбюро 16 сентября 1943 г.

БАЛТИКА - НОВОРОССИЙСКУ

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ

Дважды на протяжении последних двадцати пяти лет пытались немцы утвердиться на Кавказском побережье и в крупнейшем порту этого побережья - Новороссийске.

Летом 1913 года немецкий нажим на побережье Кавказа был яростен. Немцам казалось, что они - "несмотря ни на что" - прорвутся к победе, подавят волю России, деморализуют ее защитников. Черноморский флот был заперт в Новороссийске. В Ростове и Батайске были немцы. В Закавказье были немцы.

Трудно было дышать черноморцам. Они были заблокированы. Германия хотела заполучить Новороссийск и Черноморский флот.

Не быть этому - решили черноморцы. Не быть этому -, сказала Россия. С сигналом - "погибаю, но не сдаюсь!" - ушли на дно корабли Черноморского флота.

Черноморцы пошли на сушу - кого куда судьба повела. Одних в Нижний Новгород и Царицын, других - в горы, третьих - в партизаны Украины: мстить за корабли, за новороссийскую трагедию.

Не заполучили тогда немцы Черноморского флота Только норд-осты выли над могилами кораблей.

Не сломили немцы упорства борцов России. И жалко было зрелище немецкого бегства с Черного моря в ноябре 1918 года...

Спустя двадцать пять лет немцы опять оказались на этих местах. Их тянет, видите ли. Юг. Они напоминали

друг другу: "Кенст ду дас панд, во ди цитронен блюэн?" - "Знаешь ли ты страну, где лимоны цветут?" Им опять нужен стал Кавказ.

И вот они споткнулись в Новороссийске. Здесь, за Стандартом, где был у нас в 1920 году морской штаб (отсюда и ходили моряки с Папаниным в тайные экспедиции в тыл Врангеля), у цементных заводов немцы были остановлены Тут встало новое племя-наши молодые черноморцы!

Немцы делали рывки. Они воспаленно рвались на Сухумское шоссе - туда к югу, к югу, к пальмам, к одуряющим ароматам магнолий, к лимонным рощам...

А из руин цементных заводов щелкали черноморские снайперы. А со скал у Кабардинки били черноморские батареи. А с моря били корабли Черноморского флота. Мы на Балтике знали: братья-черноморцы не подведут.

Немцы бросали в дело своих альпийских стрелков - горную гвардию. Не помогало. Немцы вспоминали наполеоновское замечание: "Гор не атакуют, за ними наблюдают и их обходят по равнинам". Они попробовали идти на равнины. На равнинах их встретила стена Северо-Кавказского фронта, бойцы Моздока. Выйти к пальмам, к морю, к несказанной красе Черного моря, к золотому руну - немцам не удалось... Напрасно ротные командиры поднимали альпийских стрелков: вот еще бросок, и за этими горами откроется море, счастье. Победа. Мировое могущество. Солнечное сияние и музыка до Берлина, куда повезут всех в отпуск немедленно на каких-нибудь ослепительных пассажирских пароходах.

А пули черноморской морской пехоты щелкали под вой норд-оста, а угрюмый зимний Новороссийск не признавал немцев. Ветер был зол, - он вагоны с рельсов сбрасывает, не то что немцев...

И вот грянул сентябрьский удар - за Новороссийск, за наши старые места, за Стандарт, за горы, за Станичку, за пристани, где столько было пережито, где столько было флотских прощаний и встреч!

Мы знали, что черноморцы начали большой бой. Мы знали, что пошли катера, пошли в дело морская пехота и боевые дивизии Северо-Кавказского фронта. "Бой уже на улицах". Мы знали: расстояние от Кронштадта до Новороссийска - не помеха. В каждый свой выстрел балтийцы вкладывали двойную силу - помочь вам. Победы вам, братья! И в сумеречный дождливый час пришла весть: Новороссийск взят. Истреблены альпийские горные дивизии, истреблена и пехота немцев и румын. Жмем руки победителям,

обнимаем крепко.

Поклонитесь, черноморцы, старым нашим местам. Поклонитесь могилам тех, кто бился за Россию еще в ту войну, гражданскую. Поклонитесь рейду, под водами которого спят старые корабли.

Поднимите на высшей точке города - на вокзальном элеваторе - флаг победы... Мы слышали сейчас салют Москвы вам, товарищи в Новороссийске. Мы как бы видели вспышки салютных залпов черноморских кораблей. Идет, братья, началась расплата за Севастополь!.. Придет расплата с немцами за все...

И верьте и ждите: вы услышите про Балтику!

77 сентября 1943 года

Войска Степного фронта, успешно форсировав реку Ворскла, после трехдневных упорных боев 23 сентября овладели областным центром Украины - городом Полтава.

Из оперативной сводки Со в информбюро 23 сентября 1943 г.

ВТОРАЯ ПОЛТАВСКАЯ

Борис ПОЛЕВОЙ

Исторические места под Полтавой, овеянные славой великой Полтавской битвы, в которой войска Петра I 234 года тому назад наголову разбили считавшуюся непобедимой шведскую

армию Карла XI!, снова стали плацдармом великого сражения. Здесь, в пойме реки Ворсклы, между высоких и пологих холмов, на которых укрепились немцы, как раз в тех местах, где героически сражались солдаты Петра I, завязался бой за Полтаву.

Путь Красной Армии преграждала широкая и полноводная река, весь западный берег которой немцы превратили в сплошной укрепленный район. Бой за Полтаву начался форсированием реки, на которую немцы делали свою последнюю ставку в попытке удержать за собой город.

Мы приехали на берег Ворсклы уже к вечеру, когда косые лучи заката озаряли окрестность, и Полтава, лежащая перед нами на холмах, предстала во всей своей чудесной и печальной красоте, затянутая траурными дымами огромных пожаров. Немцы жгли красавицу Полтаву.

Готовясь к атаке, наши части подтянулись лощинами к берегу Ворсклы, но каждая попытка подойти к реке вызывала бешеный артиллерийский огонь с той стороны. Немецкая артиллерия, выстроившаяся по западному берегу реки, била почти беспрерывно. "Тигры" и "фердинанды" - эти могучие и неуклюжие стальные махины - крейсировали вдоль берега и по прибрежным высотам, готовые каждую минуту сгруппироваться и сосредоточить свой огонь на первой же лодке, которая показалась бы на воде.

• На Ворсклу опускалась сырая и холодная ночь. По воде потянулся густой туман. Сначала он был клочковатый и еле заметный, потом он густел, поднялся выше прибрежных ветел и стал настолько плотным, что нельзя было увидеть своей собственной протянутой руки.

Вот этот-то туман и сумело прекрасно использовать командование Красной Армии. Был отдан приказ форсировать реку сразу с трех направлений. Бесшумно подошли к берегу огромные машины. Саперы молча, сохраняя полнейшую тишину, сняли с них огромные железные лодки и на руках осторожно спустили их в прибрежные камыши. Немецкие батареи услышали подозрительный шум и открыли беглый огонь. Саперы залегли и не отвечали. Потом, когда огонь стал стихать, они снова также молча принялись за свою работу.

С потушенными огнями едем мы на маленьком и юрком "виллисе" вдоль берега реки к другому участку, где наводится переправа. Здесь так же бесшумно, скользя в тумане, как сказочные духи, саперы составляют на воде из отдельных звеньев штурмовой мостик.

Тем временем к берегу подтягиваются артиллеристы. Туман густеет. Он так плотен, что чувствуется, как колеблются его влажные клубы.

- Здорово! Сама природа нам помогает, - говорит высокий и плечистый капитан Цветков, командир саперного батальона. В промокшей плащ-палатке он похож на древнего витязя.

Взвивается красная ракета, и вдруг весь восточный берег реки сотрясается от выстрелов. Это заговорила наша артиллерия. Сплошная стена разрывов встала над западным берегом и сейчас же тысячи людей под прикрытием этой стены молча бросились в железные лодки.

Лодки отчаливают от берега. Бойцы старательно гребут. Немецкая артиллерия беснуется. Мины визжат и разрываются над водой. Вода кипит от разрывов. Никогда со времен Сталинградской битвы не видел я такого яростного вражеского огня. Но саперы героически делают свое дело. Лодки уже коснулись того берега. Автоматчики, не дожидаясь, пока они причалят, прыгают в камыши, в воду. Тем временем в другом месте навели штурмовой мостик. Над рекой перекатывается старинный клич русских воинов "ура".

Тем временем уже сказываются результаты работы наших артиллерийских батарей. Немецкая артиллерия смолкает. Лишь изредка то тут, то там стреляют минометы. Лодки переносят на западный берег все новые и новью подразделения бойцов. В тумане их не видно, но слышно, как звуки "ура" и пулеметная стрельба переносятся все дальше и дальше в глубь немецкой обороны.

Два соединения, форсировав реку справа и слева, идут в обход Полтавы, затягивая железные клещи вокруг города. Ударная группа, форсировавшая Ворсклу у самого города, переносит бой в глубину улиц.

На резиновом челноке я переправляюсь через Ворсклу. Уже рассветает. Солнце поднялось из-за холмов, но туман еще не рассеялся и, хотя бой перенесен уже на западные

окраины города, кажется, что он идет где-то рядом на соседних улицах. Но немецкие снаряды рвутся редко. Это агония. Где-то за городом стягиваются гигантские клещи, и немцы, боясь окружения, стараются поскорее убраться.

Идем к центру города вместе с передовыми подразделениями. Люди сначала робко высматривают из-за подворотен и закрытых ставень, но, убедившись, что немцев уже нет, что пришли свои, родные, долгожданные, они выбегают из ворот и бросаются навстречу. Происходят незабываемые встречи. Женщины целуют бойцов, жмут им руки, смотрят на них и не могут наглядеться. Многие плачут. Целью стаи голодной, истощенной и оборванкой ребятни с ножками-палочками, с прозрачным цветом бледных немытых лиц сопровождают по тротуарам наши передовые части. Какая-то пожилая женщина дает мне огромный букет красных осенних астр:

- Спасибо, родные, за то, что прогнали проклятых.

Тут же на улицах наперебой жители рассказывают мне о том, как страшно жилось им при немцах, о тысячах полтавчан, угнанных в неволю, о том, как немецкие работорговцы по вечерам с собаками устраивали облавы на людей, а потом гуртами, как скот, гнали их в свою проклятую Германию.

У железнодорожной станции мы становимся свидетелями страшного зрелища. Догорает огромное здание взорванного депо. Сюда немцы перед отходом загнали несколько сот железнодорожников, отказавшихся уходить вместе с ними. Перед отходом они заперли двери здания, взорвали его и зажгли. И вот горит этот страшный костер, в котором погребены сотни мирных жителей.

На главной улице еще горит великолепное здание краеведческого музея. Полтавский музей считался одним из наиболее крупных в стране. Немцы разграбили его, увезли из него картины, старинные вещи, ценности, потом зажгли перед отступлением. Страшная подробность. На тротуаре перед музеем лежит восемь обгорелых трупов: шесть мужчин, молодая женщина и десятилетняя девочка. Мне поясняют, что эти люди пытались погасить здание музея, подожженное немецкими факельщиками, и разъяренные немцы бросили их в огонь живыми.

28 сентября 1943 ***года***

Войска Западного фронта. продолжая развивать наступление, успешно форсировали Днепр и после упорных боев 25 сентября штурмом овладели областным центром - городом Смоленск.

Из оперативной сводки Совинформбюро 25 сентября **1943 г.**

УТРО СМОЛЕНСКА

Евгений ВОРОБЬЕВ

Еще не отгремели раскаты батарей, еще не засыпаны окопы, прорытые поперек тротуаров и мостовых, еще горят пожары и чадное, дымное облако стоит над городом, еще лужи и уличная грязь присыпаны кирпичной пылью, штукатуркой взорванных домов.

На рассвете город казался вымершим. Но по мере того как наступало утро, откуда-то из погребов, с чердаков, из подземелий выбегали люди, бросались навстречу разведчикам и в радостном смятении пожимали им руки, и обнимали, и плакали, и говорили какие-то бессвязные, ласковые слова, которые можно услышать в жизни только от близких людей после долгой, горькой разлуки.

На невзрачной улочке, которая носит название Первый Смоленский ручей, у ворот дома № 11 стоит женщина, соседки зовут ее Тимофеевной. Перед нею - ведро, в руках - кружка. Мимо шагают бойцы батальона капитана Крючкова - они первыми вошли в город с его северо-восточной окраины.

Тимофеевна, простоволосая, с платком, упавшим на плечи, угощает бойцов:

- Не побрезгуйте водицей. Простите меня, грешную, больше потчевать нечем. Водичка вот...

Бойцы с задымленными лицами, усталые, с наслаждением пьют, кружка за кружкой, ключевую воду. Ведро быстро пустеет. Бойцы вытирают губы ладонями, на ходу бросают: "Спасибо, хозяюшка!" - и догоняют взвод...

Свыше двух лет длилась наша разлука с древним рус-

ским городом. Мы помним горький день в середине июля, когда фашистские танки ворвались в Смоленск по Крэененскому шоссе. Геббельс писал в тот день: "Смоленск - это взломанная дверь. Германская армия открыла путь в глубь России. Исход войны предрешен". Немцы называли город на свой манер - "Шмоленгс". Под городом обосновалась штаб-квартира Гитлера. Вспоминается фотография - Гитлер и Муссолини в Смоленске.

И вот, спустя два года, наши полки вернули Родине древний Смоленск, город русской славы, который когда-то каменной грудью своих стен встретил Наполеона, а два года назад оказал героическое сопротивление немцам.

Бойцы шагают мимо старинных церквей, мимо широких, заросших травой стен смоленского кремля, мимо башен, сложенных из замшелого ноздреватого камня.

Здравствуй, Смоленск, старший брат в семье многострадальных городов и деревень Смоленщины! Мы ждали, мы давно ждали встречи с тобой. Мы мечтали об этой встрече, когда входили в смоленские деревни, в Гжатск и Вязьму, Дорогобуж и Ельню.

Битва за Смоленск началась задолго до сегодняшнего дня в глухих деревеньках, на безымянных высотках и в лощинах, в перелесках и болотах.

Первыми проникли в заречную часть города разведчики капитана Ушакова и минеры. Сегодня минеры - самые надежные проводники, самые осведомленные провожатые для путешествия по городу.

С рассвета приступили к работе минеры 72-го Ярцевского отдельного инженерного батальона майора Мосензона. Его штаб расположился в церквушке на Малоленинградской улице, здесь открыт пункт "скорой саперной помощи". Все утро и день саперы наводили переправы и очищали город от мин.

Отступая, немцы взорвали или сожгли много домов - среди них почти все здания, которые по праву считались украшением города: Дом Советов, Дом штаба Белорусского военного округа, Дом печати. Дом Красной Армии.

Но некоторые большие здания были подозрительно целехоньки, и саперы капитана Савченко отправились на опаснейшую охоту за минами. Василий Петраков и Иван Кузнецов нашли в подвалах домов и в цехах льнокомбината больше двадцати авиационных бомб, каждая весом в четверть тонны, фашисты не успели использовать эти бомбы по прямому назначению и снарядили их как мины затяжного действия. На перекрестке дорог, около Базарной площади, извлекли мину замедленного действия. Она должна была взорваться через 21 сутки, - может быть, в ту минуту на улице будут безмятежно играть дети.

На обочинах Большой Советской и Ленинской улиц, в тихих аллеях городского сада, на бульваре Блонье, там, где липы и клены роняют свой невесомый осенний лист, лежат обезвреженные мины. Саперы еще обыскивают здание бывшей гимназии, где учились Пржевальский и Глинка.

Памятник Глинке стоит на бульваре, обсыпанный опавшей листвой. В руке у Глинки - дирижерская палочка. Решетка вокруг памятника воспроизводит нотную строку из партитуры "Ивана Сусанина", бессмертная мелодия отлита в чугуне.

Вдоль тротуаров бесконечной лентой тянется кинопленка. Нет, это не след рассеянного кинооператора, который бежал вдоль улицы, не замечая, что у него раскручивается коробка с кинопленкой. Немцы использовали пленку как зажигательный шнур к минам, заложенным в домах.

Подымаемся в город по Большой Советской улице. Бородатый горожанин с веселым ожесточением сдирает с угла дома вывеску - улица никогда больше не будет называться "Хауптштрассе", Жители выбрасывают на свалку всевозможные немецкие указатели, вывески, таблички.

От Дома Красной Армии остались только стены в черных языках копоти, с оголенным от штукатурки кирпичом. Нет даже междуэтажных перекрытий.

Капитан-артиллерист остановился напротив дома, долго стоял, потом сказал, ни к кому не обращаясь:

- Кто бы мог подумать! Еще сержантом сюда, в библиотеку, ходил. На четвертый этаж. Почти каждый день ходил. Сколько хороших книг прочел - и вот…

Капитан запрокинул голову и долго вглядывался вверх, будто там, на высоте четвертого этажа, над развалинами, могла каким-то чудом уцелеть библиотека.

Через пролом в стене капитан поднялся на кучу щебня, поросшего чахлой травой. Когда-то здесь был вестибюль. Вот отсюда, из этого угла, легкой поступью уходила вверх широкая нарядная лестница И сейчас над щебнем возвышалось несколько ступенек, но дальше - обрыв, пустота, лестница никуда не ведет. Небо над головой, небо в проломах стен, в окнах.

Теплый сентябрьский ветер разгуливает по дому и гремит обрывками карнизов. Будто какие-то невиданные птицы, силясь взлететь, топорщат там свои ржавью крылья.

Капитан внимательно посмотрел под ноги, ковырнул щебень носком порыжевшего сапога, - может, ему померещился знакомый корешок книги, чудом уцелевший от огня? Капитан горестно махнул рукой и торопливо зашагал вверх по улице. Выше на перекрестке висит пустой обод больших уличных часов - ни циферблата, ни механизма. На Ленинской улице догорает дом, и все переходят на другую сторону, спасаясь от знойной гари.

Возле дома, где находилась немецкая биржа труда, сидит группа подростков. На днях они совершили побег из колонны молодежи, которую гнали в Германию. Сегодня они могут впервые без опаски сидеть у дома, откуда начиналась дорога на каторгу.

У Никольских ворот прохожих останавливает свисток. Старший лейтенант милиции Виктор Курицын час назад впервые встал на пост. Он предупреждает свистками прохожих - подальше держитесь от того дома, он еще не разминирован! Сегодня в Смоленске это называется - "регулировать уличное движение".

На стене дома висит наш почтовый ящик. Он пустует уже больше двух лет: в последний раз почтальон выбрал из него письма 15 июля 1941 года. Привет тебе, старый знакомый - синий, заржавевший почтовый ящик! Нэ днях ты снова начнешь свою службу, как в былые годы.

С каждым часом на улицах Смоленска становится все оживленнее, многолюднее. Почти все пешеходы - с узлами, котомками, корзинками, сундучками. Некоторые катят ручные тележки с домашним скарбом. Дети помогают взрослыи. Все с багажом, точно мы где-то На привокзальной площади после прибытия поезда.

Жители бредут усталые, измученные, но бредут, подняв головы, глаза сияют. Они приветливо здороваются с каждым встречным бойцом. Сегодня город населен только счастливцами и удачниками,

Ольга Васильевна Смеляева возвращается домой из деревни Сенное. Девятнадцатилетний сын ее Дмитрий тащит тележку со скарбом.

- Понимаете? - говорит Ольга Васильевна вполголоса, чтобы сын не услышал. - По дороге уже приставал к двум лейтенантам. В Красную Армию торопится. Три старших брата там воюют.

Десятки тысяч подростков, юношей и девушек отбиты у немцев под Смоленском и освобождены. Среди них особенно много жителей города Ярцево и окрестных деревень. Придет час, когда части Красной Армии где-нибудь в Орше или Минске догонят и отобьют угнанных в рабство смолян…

По соседству с немецкой биржей труда обосновалась редакция продавшейся немцам газеты "Новый путь". В кабинете главного редактора господина К. Долгоненкова, убежавшего с фашистами, я нашел последний номер газеты.

В передовой "Против нелепиц" напечатано дословно следующее: "Им (паникерам) уже видится стремительное приближение большевиков, слышится спешное распоряжение об эвакуации даже таких стоящих вне угрозы городов, как, например, Смоленск. Город, в котором мы сейчас обитаем, находится вне опасности большевистского нападения. Линия германской активной обороны для противника совершенно непроницаема".

На столе у предателя Долгоненкова лежало редакторское перо, и оно казалось липким от лжи. Нужно было преодолеть чувство гадливости, чтобы прикоснуться к этому перу.

Воздух редакционных комнат кажется затхлым. Хочется поскорей на улицу…

Наступает темный вечер, но возбужденные лица жителей отчетливо видны при свете пожаров.

В городе становится тише, и слышно, как гремят скрученные обрывки кровли на сгоревших домах - словно кто-то ходит по крыше или шевелит кровельные листы беспокойной рукой.

Центр города и его заднепровскую часть связывает только паром Размером этот паром с широкие ворота, а водит паром, перебирая крепкими руками трос, сапер Александр Курочкин. Весь день он бродил с миноискателем, нашел больше десятка мин, а к ночи превратился в паромщика.

На пароме совсем светло. По соседству догорает подожженный немцами деревянный мост, а за ним виднеется рваный профиль изорванного каменного моста

Отступая, фашисты подожгли деревянный мост у обоих берегов и взорвали его посередине. Пламя-спускалось по сваям к самой воде, она плескалась внизу в трепещущих багровых пятнах. Река, когда огонь касался ее поверхности, тушила сваи, а до того казалось, что кто-то воткнул эти светильники прямо в воду. Сваи и стропила моста были подсвечены огнем, отсветы огня тревожно лежали на черной воде, и чудилось, что это струится кровь.

Под стать днепровской воде окрашена в багровый свет и стена смоленского кремля.

*25 сентября **1943 года***

НЕИЗВЕСТНОМУ АМЕРИКАНСКОМУ ДРУГУ

Письмо второе Леонид

ЛЕОНОВ

Мой добрый друг!

Здесь заключено публичное признание моего бессилия. Я никогда не создам этого рассказа. Скорбную мою повесть надо писать на меди: бумагу прожигали бы слова об этих двух безвестных женщинах. Я не знаю ни национальности их, ни имен. Вернее, я теряюсь, какие из семи тысяч я должен выбрать, чтобы не оскорбить памяти остальных членов этого страшного братства.

Ты без труда представишь себе этих двух героинь ненаписанной повести, мой неизвестный американский друг: пятилетнюю девочку и ее мать. Маленькая была совсем как твоя дочка, которую ты ласкал еще сегодня утром, отправляясь на работу. Ее мать также очень похожа на твою милую и красивую жену, только одета беднее и у нее очень усталое лицо, потому что жить в городе, занятом немецкой армией, несколько труднее, чем под безоблачным небом Америки. Они помещались в крохотном, с бальзаминами на окнах домике, у которого отстрелили снарядом угол в недавнем городском бою. Починить его было некому, так как отец, рядовой русский солдат, ушел со своим полком, чтобы где-то на далеком рубеже без сна и устали отбиваться от беды, грозящей всему цивилизованному человечеству.

Фронт был отодвинут в глубь страны, и грохот русских пушек, этот гневный голос родины, перестал быть слышен в тихом городке. Наступила великая тоска и в ней один предзимний, еще бесснежный денек. Мороз скрепил землю, подернув лужицы стрельчатым ледком. Всем нам в детстве одинаково нравилось ступать по этому хрусткому стеклышку и вслушиваться в веселую музыку зимы. Когда в одно бессолнечное утро девочка попросилась на улицу, мать одела ее потеплее и выпустила с наказом не отходить далеко от дома; сама она собралась тем временем заделать пробоину в стене.

Ставши у ворот, маленькая боязливо улыбалась всему, что видела. Она бессознательно хотела задобрить громадную недобрую тишину, обступившую городок. Никто не замечал присмиревшего ребенка: все были заняты своим делом. Порхали воробьи, и шумел за облаками самолет. Сменные немецкие караулы чеканно направлялись к своим постам. Изредка робкая снежинка падала из пасмурного неба, и, подставив ей ладонь, девочка следила, как та превращалась сперва в прозрачную капельку, потом - в ничто. У маленькой не было ее пестрых, любовно связанных бабушкой перчаток. Ночью случился обыск, а у немецкого солдата, приходившего за трофеями, видимо, имелась девочка такого же возраста в Германии.

Шум в конце улицы привлек внимание ребенка. Объемистый автобус с фальшивыми нарисованными окнами остановился невдалеке. Сняв рукавицы и подняв капот, шофер мирно копался в моторе. Шеренга немецких пехотинцев, как бы скучая и с примкнутыми штыками, двигалась сюда, и в центре полукольца плелись безоружные местные жители, человек сорок, с узелками, старые и малые. Некоторые

застегивались на ходу, потому что их внезапно выгнали из дому. Годных к войне между ними не было, грудных несли на руках. Это походило на невод, который по мелкой воде тянут рыбаки. Шествие приблизилось, впереди шли дети.

Все выглядело вполне обыденно. И хотя все понемножку о чем-то догадывались, никто не плакал из страха вызвать добавочную злобу у этих равнодушных солдат. Видимо, всем этим людям предстояло ехать куда-то во имя жизненных германских интересов, - и нашей маленькой в том числе! Ей очень нравилось ездить в автомобилях, хотя только раз в жизни она испытала это наслаждение. Установился обычай в нынешней России катать детей по первомайским улицам в грузовиках, разукрашенных цветами и флагами; обычно при этом дети пели тоненькими голосками. .. Кстати, девочка поискала глазами в кучке ребят свою подружку. Маленькая еще не знала, что ее, контуженную при занятии городка, закопали прошлым вечером в вишеннике, за соседским амбаром.

Скоро мертвая петля облавы захлестнула и домик с бальзаминами, возле которого стояла моя пятилетняя героиня. Комплект был набран, и раздалась команда. Козырнув, шофер обошел сзади и открыл высоко над колесами толстую двустворчатую дверь. Людей стали поочередно сажать внутрь фургона; слабым или неловким охотно помогали немецкие солдаты. Одна древняя русская старушка, не шибко доверяя машинам и прочим изобретениям антихриста, украдкой покрестилась при этом. Девочка удивилась не тому, что внутренность машины была обшита гладким металлом, - ее огорчило отсутствие окон, без которых ребенку немыслимо удовольствие прогулки. Она ничего не поняла и потом, когда худой и ужасно длинный солдат под руки, как русские носят самовар, понес ее к остальным, уже погруженным детям, она только улыбнулась ему на всякий случай, чтобы не уронил. В ту же минуту на крыльцо выскочила, с руками по локоть в глине, ее простоволосая мать.

Она вырвала ребенка и закричала, потому что видела накануне этот знаменитый автобус в работе. Она кричала, неистово распахнув рот, во всю силу материнской боли, и это очень удивительно, если не был слышен в Америке этот несказанный вопль. Она так кричала, что ни один из патрульных даже не посмел ударить ее прикладом, когда она рванулась и побежала с дочкой наугад, и запнулась, и упала, и лежала в чудовищной надежде, что ее почтут за мертвую или не заметят в суматохе. Но маленькая не знала, она силилась поднять мать за руку и все твердила: "Мамочка, ты не бойся... я поеду с тобой, мамочка". Она повторяла это и тогда, когда ее вторично понесли в цинковую коробку фургона. Но тогда вдруг заплакали и закричали все от жалости к маленькой, а громче всех - дети. Это был беспорядок, противный нацистскому духу, и, чтоб прекратить скандал в зародыше, в автобус поднялся хорошо выбритый ефрейтор с большим фабричным тюбиком, что хранился в его походной сумке. Одновременно в его правой руке появилась узкая, на тонком стержне, кисть, вроде тех, что употребляют для гуммиарабика. Из тюбика выползла черная змейка пасты, несколько густой, но, видимо, более удобной в перевозке. Протискиваясь в тесноте среди детей, военный смазывал этим лекарством против крика губы сразу затихавших ребят. Порой, для верности, он без промаха вводил свой помазок в ноздри ребенка, этот косец смерти, и, как скошенная трава, дети клонились и опускались к ногам обезумевших взрослых. Наверно, у него имелось специальное образование, так ловко он совершал свою черную процедуру. Крики затихли, и солдатам уже не составило труда отнести и вдвинуть на пол камеры, в этот людской штабель, потерявшую сознание мать.

Дверь закрыли на автоматический запор, шофер поднялся на сиденье и завел мотор, но машина не сразу отправилась на место назначения. Офицер стал закуривать, солдаты стояли "вольно". Все опять выглядело крайне мирно, ничто не нарушало тишины: ни шумливые краснодарские воробьи, ни - почему бы это? - даже треск выхлопной трубы. И хотя машина по-прежнему стояла на месте, время от времени как-то странно кренился кузов, точно самый металл содрогался от роли, предназначенной ему дьяволом. Когда папироска докурилась и прекратились эти судорожные колыхания, офицер дал знак, и машина поплыла по подмерзшим грязям за город. Там имелся глубокий противотанковый ров, куда германские

городские власти ежедневно сваливали свою продукцию. ., Теперь, после возвращения Красной Армии на временно покинутые места, эти длинные могилы раскопаны, и любители сильных ощущений могут осмотреть фотографии завоевательных успехов Гитлера.

Это краткое либретто темы, способной целые материки поднять в атаку, я безвозмездно дарю Голливуду. Даже в неумелых руках у него получится впечатляющий кинодокумент. Жаль, что его не успели поместить в той запаянной железной коробке с изделиями нашей цивилизации - посылке в века, что закопана под нью-йоркской Всемирной выставкой, чтобы потомки всесторонне ознакомились с действительностью их недавних предков. Хорошо было бы также показать этот боевик многочисленным союзным армиям, которые терпеливо, не первый год, ждут приказа о генеральном наступлении против главного изверга всех веков и поколений.

Конечно, встретятся неминуемые трудности при постановке. Вашей актрисе, Америка, трудно будет воспроизвести смертный крик матери, да и вряд ли пленка выдержит его. Режиссеру и зрителю покажутся экзотически невероятными как самый инвентарь происшествия, так и перечисленные мною вкратце детали. И хотя я вовсе не собирался писать корреспонденцию из ада, я полагаю необходимым, однако, перевести на англосаксонские наречия название этого невиданного транспортного средства, изобретенного в Германии для отправки в вечность: душегубка... Это дизельный закрытый восьмитонный грузовик, изнутри обшитый листами надежного металла, который невозможно ни прокусить, ни процарапать ногтями. Отработанные газы мотора нагнетаются в это герметически закупоренное пространство непосредственно через трубку с защитной от засорения решеткой. Горячая сгущенная окись углерода, СО, немедленно наполняет камеру и быстро поглощается гемоглобином крови заключенных там жертв. Отравление начинается с удушья и головокружения, - не стоит приводить остальных симптомов при смертельных случаях, а это приспособление создано специально для смерти. Это вряд ли и потребуется в проектируемом нами фильме. Впрочем, в классических немецких исследованиях по токсикологии Винца, Шмидеберга и Кункеля подробно разработана вся симптоматика этого дела.

Таким образом, достижения германской науки пригодились сегодня негодяям, которым Германия вверила свою национальную судьбу. И когда Геббельс вопит со своих радиостанций о немецкой культуре, он, видимо, требует от своих будущих жертв, чтобы они до последнего дыхания сохраняли почтительное изумление перед сверкающей аппаратурой палача. Рационализация человекоистребления и дешевизна его доведены до баснословного предела. Знаменитые яды истории: демонский напиток Борджиа или "лейстеровский насморк" елизаветинского министра, или изящная, как музыка Моцарта, отравз маркизы Бренвилье и самая бледная аква тофана, что продавалась в средние века в пузырьках с изображением святого Николая, - все это дорогостоящие забавы для мелкого, индивидуального пользования. Сама Локуста, которую тоже с запозданием догадались казнить только при Гальбе, почернела бы от профессиональной зависти к Гитлеру, который отбросы дизель-мотора, окись углерода, включил на вооружение германской армии.

Эта механическая колымага гибели, что путешествует по просторам оккупированных областей России, обслуживается специальным отрядом, зондеркомандой, из двухсот человек. Должность свою они исполняют не в патологическом исступлении боя, а спокойной рукой и с сознанием большого государственного поручения. У них ведется учетный журнал с точными графами, куда заносится как дата и способ уничтожения, так и пол, национальность, возраст и количество уничтоженных за сутки жертв. Не верится, что у этих черных бухгалтеров смерти тоже были мамы, которые ласкали их в детстве, и, пряча свои лица, достойные Гойи, просили у неба счастьишка для своих рычащих ублюдков... Обширный штат зондеркоманды вполне окупается размерами ее деятельности. И верно, при максимальной емкости кузова в восемьдесят живых единиц, при дозировке смертной порции в десять минут, дольше которой не выдерживает самый прочный молотобоец, плюс двадцать минут на обратный рейс, включая разгрузки, - а машина действует и на ходу! - пропускную способность одного такого автобуса можно довести до полутора тысяч покой-

ников в сутки. Таким образом, дивизион подобных агрегатов даже при умеренной, но бесперебойной работе может в месяц опустошить цветущую площадь с даухмиллионным населением.

Представь себе этих людей хозяевами земли, и содрогнись за своих любимых!

Народ мой словом и делом проклял этот подлейший замысел дьявола. Народу моему ясно, что, если бы не было пушек мира, следовало бы голыми руками расшвырять это бронированное гнездо убийц. И я люблю мать мою Россию за то, что ум и сердце ее не разъединены с ее волей и силой... за то, что, гордая своей правотой, она идет впереди всех народов на штурм пристанища зла Видишь ли ты ее, когда она без устали сокрушает обвившего ее ноги дракона? Кровь всемирного подвига катится по ее лицу, и кто в мире назовет мне лицо красивей? Вот почему сегодня Родина моя становится духовной родиной всех, кто верит в торжество правды на земле!

К вечным звездам люди всегда приходили через суровые испытания, но в такую бездну еще ни разу не заглядывал человек. Уже мы не замечаем ни весны, ни полдня. Реки расплавленной стали текут навстречу рекам крови. Никто не удивится, если хлеб, смолотый из завтрашнего урожая, окажется красным и горчей пороха на вкус. Самое железо корчится от боли на полях России, но не русский человек. При равных условиях, в библейские времена, Иезекиили с огненным обличеньем на устах нарождались в народе. Во все времена появлялись они и благовестили людям, эти колокола подлинного гуманизма. Ты помнишь Льва Толстого, который крикнул миру: "Не могу молчать!", или Золя с его пламенным "Обвиняю!", или Барбюса и Горького. Миллионноголосое эхо подхватывало их призыв, и подлая коммерция себялюбия уступала дорогу совести, и надолго становился чище воздух мира... Ты помнишь и чтишь русского человека, Федора Достоевского, чьи книги в раззолоченных ризах стоят на твоих книжных полках! Этот человек, нетерпеливо замахивался на самое Провидение, однажды заприметив слезинку обиженного ребенка. Что же сказали бы они теперь, эти непреклонные правдоносцы, зайдя в детские лазареты, где лежат наши маленькие, тельцем своим познавшие неустройство земли, пряча культяпки под одеялом, стыдясь за взрослых, не сумевших оберечь их от ярости громилы? Они подивились бы человеческой породе, в которой и горячечное пламя тысяч детских глаз не выплавило гневной набатной меди!

Каждый отец есть отец всех детей земли, и наоборот. Ты отвечаешь за ребенка, живущего на чужом материке. .. Вот правда, без усвоения которой никогда не выздороветь нашей планете. Остановить в размахе быструю и решительную руку убийцы - вот неотложный долг всех отцов на земле. Иначе к чему наши академии и могучие заводы, седины праведников и глубокомыслие государственных мудрецов? Или мы затем храним все это, чтоб пощекотать больное и осторожное тщеславье наше? Эта страшная язва Европы, фашизм, так же противоестественна на организме нашей цивилизации, как если бы чешуйчатый хвост пращура просунулся между фалдами профессорского сюртука. Можно ли смотреть на звезды из обсерваторий, пол которых затоплен кровью? Тогда признаемся в великой лжи всего, что с такой двуличной и надменной важностью человечество творило до сегодня. Может быть, и сами мы только размалеванные дикари в сравнении с теми красивыми и совершенными людьми, что завтра осудят моих современников за допущение на землю страшнейшей из болезней.

Нет, неправда это! Прекрасна жизнь, вопреки скверняющим ее злодеям. Прекрасны дети и женщины наши, сады и библиотеки, медом мудрости налитые до краев. Человек еще подымется во весь рост, и это будет содержанием поэм, более значительных, чем сказания о Давиде и Геракле. Народ мой верит в это, ценит локоть и близость друзей -и тех, что пойдут вместе с ним наказать дикаря в его логове, и тех, кто с опасностью для жизни подносит патроны к месту боя. И никакой клевете не разъединить этих соратников, благородных в своих исторических устремлениях и спаянных кровью совместного подвига. Их породнили пламена Варшавы и Белграда, руины Сталинграда и Ковентри. .. Термитным составом выжжены на пространствах Европы имена изобретателей тотальной войны. Когда один из них, перечислив преимущества ночных рейдов на мирные города, предупреждал народы, если бы они посмели ответить тем же оружием: Торе тому, кто проиграет тотальную

войну!" - в тот день подсудимый сам произнес себе приговор.

И вот он начинает приводиться в исполнение. Мы проникнуты нетерпеливым ожиданием победы. Самый колос старается расти быстрее, чтоб содействовать ее приближению. Цвет западных наций одевается в хаки. Железные ящеры, урча, сползают с конвейеров: уже им не хватает стойл на родных материках. Владыки океанов неторопливо сходят со стапелей во мглу ночи. Стаи железных птиц, более грозных, чем птицы Апокалипсиса, крылом к крылу покрывают равнины. И когда мысленно созерцаешь сумму стали, людей и резервов у свободолюбивых стран, глубоко веришь, что и горы не устоят перед натиском этого материализованного гнева.

Я не умею разгадать логику зреющего в недрах ваших генеральных штабов великого плана разрушения фашизма. Я простой человек, который пишет черным по белому для миллионов своего народа. Может быть, я не прав, но только мне всегда казалось, что злодей, который в цинковой коробке травит окисью углерода пятилетнюю девочку, заслуживает немедленного удара не в пятку, а в грудь и лицо. Конечно, все дороги ведут в Рим, все же кратчайшее расстояние между двумя точками есть прямая…

Итак, дело за вами, американские друзья! Честная дружба, которою отныне будет жить планета, создается сегодня - на полях совместного боя. Именно здесь познается величие характера и историческая поступь передовых наций.

Из затемненной Москвы я отчетливо вижу твое жилище и стол, за которым ты сидишь. Тебе подает ужин жена, и пятилетняя дочка на твоих коленях торопится поведать о событиях дня. Ночь движет стрелки на циферблате, и красивый, ярко освещенный город шумит за твоим окном.,. Покойной ночи, мой неизвестный американский друг! Поцелуй свою милую дочку и расскажи ей про русского солдата, который в эту самую ночь, сквозь смерть и грохот, в одиночку и по эвклидовой прямой, движется на запад-за^ всех маленьких в мире!

1943 год

. .Войска Западного фронта после двухдневных боев сломили сопротивление противника и овладели городом и крупным железнодорожным узлом Рославль.

Из оперативной сводки Совинформбюро 25 сентября **1943 г.**

ДЕВУШКА РОЗА

Андрей ПЛАТОНОВ

В рославльской тюрьме, сожженной фашистами вместе с узниками, на стенах казематов еще можно прочитать краткие надписи погибших людей. "17 августа день именин. Сижу в одиночке, голодный, 200 граммов хлеба и 1 литр баланды, вот тебе и пир богатый. 1927 года рождения. Семенов". Другой узник добавил к этому еще одно слово, обозначившее судьбу Семенова: "Расстрелян". В соседнем каземате заключенный обращался к своей матери:

Не плачь, моя милая мама, Не плачь,
не рыдай, не грусти. Одна ты
пробудешь недолго На этом
ужасном пути… Сижу за решеткой в
темнице сырой, И только лишь бог
один знает -К тебе мои мысли
несутся волной, И сердце слезой
заливает.

Он не подписал своего имени. Оно ему было уже не нужно, потому что он терял жизнь и уходил от нас в вечное забвение.

В углу того же каземата была надпись, нацарапанная, должно быть, ногтем: "Здесь сидел Злов". Это была самая краткая и скромная повесть человека: жил на свете и томился некий Злов, потом его расстреляли на хозяйственном дворе в рославльской тюрьме, облили труп бензином и сожгли, чтобы ничего не осталось от человека, кроме горсти известкового пепла от его костей, который бесследно смешается с землей и исчезнет в безыменном почвенном прахе.

Возле надписи Злова были начертаны слова неизвестной Розы: "Мне хочется остаться жить. Жизнь - это рай, а жить нельзя, я умру! Я Роза".

Она - Роза. Имя ее было написано острием булавки или ногтем на темно-синей краске стены; от сырости и старости в окраске появились очертания таинственных стран и морей - туманных стран свободы, в которые проникали отсюда своим воображением узники, всматриваясь в сумрак тюремной стены.

Кто же была эта узница Роза и где она теперь - здесь ли, на хозяйственном дворе тюрьмы, упала она без дыхания или судьба вновь ее благословила жить на свободе русской земли и опять она с нами - в раю жизни, как говорила о жизни сама Роза? И кто такой был Злов? Он ничего не сказал о себе и лишь отметился на тюремной стене, что жил такой на свете человек.

Следов существования Злова мы найти не сумели, но Роза и среди мучеников оказалась мученицей, поэтому судьба ее осталась в памяти у немногих спасшихся от гибели людей. Узники, которых выводили на двор для расстрела, утешали себя воспоминанием о Розе: она уже была однажды на расстреле, и после расстрела она пала на землю, но осталась живой; поверх ее тела положили трупы других павших людей, потом обложили мертвых соломой, облили бензином и предали умерших сожжению; Роза не была тогда мертва, две пули лишь неопасно повредили кожу на ее теле, и она, укрытая сверху мертвыми, не сотлела в огне, она убереглась и опамятовалась, а в сумрачное время ночи выбралась из-под мертвых и ушла на волю через развалины тюремной ограды, обрушенной авиабомбой. Но днем Розу опять взяли в городе фашисты и отвели в тюрьму. И она опять стала жить в заключении, вторично ожидая свою смерть.

Кто видел Розу, тот говорил, что она была красива собою и настолько хороша, словно ее нарочно выдумали тоскующие, грустные люди себе на радость и утешение. У Розы были тонкие, вьющиеся волосы темного цвета и большие младенческие серые глаза, освещенные изнутри доверчивой душой, а лицо у нее было милое, пухлое от тюрьмы и голода, но нежное и чистое. Сама же вся Роза была небольшая, однако крепкая, как мальчик, и умелая на руку, она могла шить платья и раньше работала электромонтером; только делать ей теперь нечего было, кроме как терпеть свою беду; ей сравнялось девятнадцать лет, и на вид она не казалась старше, потому что умела одолевать свое горе и не давала ему старить и калечить себя, - она хотела жить.

Второй раз ждала Роза своей смерти в рославльской тюрьме, но не дождалась ее: немцы помиловали Розу, они поняли, что если убить человека один раз, то более с ним нечего делать и властвовать над ним уже нельзя; без господства же немцу жить неинтересно и невыгодно, ему нужно, чтоб человек существовал при нем, но. существовал вполжизни, - чтоб ум у человека стал глупостью, а сердце билось не от радости, а от робости - из боязни умереть, когда велено жить.

Розу вызвали на допрос к следователю. Следователь был уверен, что она все знает о городе Рославле и о русской жизни, словно Роза была всею Советской властью. Роза всего не знала, а что знала, про то сказать не могла. Она пила у следователя мюнхенское пиво, ела подогретые сосиски и надевала новое платье. Так называл свое угощение следователь, обращаясь к своим подручным, которых заключенные называли "мастерами того света". Для Розы приносили пивную бутылку, наполненную песком, и били ее этой бутылкой по груди и животу, чтобы в ней замерло навсегда ее будущее материнство; потом Розу стегали гибкими железными прутьями, обжигающими тело до костей, и когда у нее заходилось дыхание, а сознание уже дремало, тогда Розу "одевали в новое платье": ее туго пеленали жестким черным электрическим проводом, утопив его в мышцы и меж ребер, так что кровь и прохладная предсмертная влага выступала наружу из тела узницы; потом Розу уносили обратно в одиночку и там оставляли на цементном полу; она всех утомляла - и следователя, и "мастеров того света".

Что же нужно было врагам делать дальше? Живая русская девчонка им не подчинялась; можно было бы ее мгновенно убить, но владеть мертвецами было бессмысленно.

Своею жизнью, равно и смертью, эта русская Роза подвергала сомнению и критике весь смысл войны, власти, господства и "новой организации" человечества. Такое вол-

шебство не может быть терпимо - разве бесцельно и напрасно легли в землю германские солдаты?

Немецкий военный следователь задумался в рославльской тюрьме. Над кем разрешено будет властвовать, когда германский народ останется жить в одиночестве на большом кладбище всех прочих народов?

Следователь утратил свое доброе деловое настроение и позвал к себе "скорого Ганса", прозванного скорым за мгновенную исполнительность. Иоганн Фохт прежде долго жил в Советском Союзе, он хорошо знал русский язык. Следователь велел "скорому Гансу" принести сначала водки, а затем спросил у него - как надо организовать человека, чтобы он не жил, но и не умер.

- Пустяк депо! - сразу понял и ответил Ганс.

Следователь выпил, настроение его стало легким, и он велел Гансу сходить к Розе в камеру и проверить -живая она или умерла.

Ганс сходил и вернулся. Он доложил, что Роза дышит, спит и во сне улыбается, и добавил свое мнение:

- А смеяться ей не полагается!..

Следователь согласился, что смеяться Розе не полагается, жить ей тоже не надо, но убивать ее также вредно, потому что будет убыток в живой рабочей силе и мало будет назидания для остального населения. Следователь считал, что нужно бы из Розы сделать постоянный живой пример для устрашения населения, образец ужасной муки для всех непокорных; мертвые же не могут нести такой полезной службы, они вызывают лишь сочувствие живых и склоняют их к бесстрашию.

- Полжизни ей надо дать! - сказал "скорый Ганс". - Я
из нее полудурку сделаю...

- Это что полудурка? - спросил следователь.

- Это я ее по темени, - показал себе на голову Ганс, -
я ее по материнскому родничку надавлю рукой, а в руку возьму предметы по потребности.

- Роза скончает жизнь, - сказал следователь.

- Отдышится, - убедительно произнес "скорый Ганс", -
я ее умелой рукой, я ее до смерти не допущу...

"Он будет фюрер малого масштаба", - подумал следователь о Гансе и велел ему действовать.

Наутро Розу выпустили из тюрьмы. Она вышла оттуда в нищем платье, обветшалом еще от первых, давних побоев, и босая, потому что башмаки ее пропали в тюремной кладовой. .. Была уже осень, но Роза не чувствовала осенней прохладной поры: она шла по Рославлю с блаженной робкой улыбкой на прекрасном открытом лице, но взор ее был смутный и равнодушный, и глаза ее сонно глядели на свет. Роза видела теперь все правильно, как и прежде, - она видела землю, дома и людей; только она не понимала, что это означает, и сердце ее было сдавлено неподвижным страхом перед каждым явлением.

Иногда Роза чувствовала, что она видит долгий сон, и в слабом, неуверенном воспоминании представляла другой мир, где все было ей понятно и не страшно. А сейчас она из боязни улыбалась всем людям и предметам, томимая своим онемевшим рассудком. Ей захотелось проснуться, она сделала резкое движение, она побежала, но сновидение шло вместе с нею и окостеневший разум ее не пробудился.

Роза вошла в чужой дом. Там была в горнице старая женщина, молившаяся на икону богоматери.

- А где Роза? - спросила Роза, она смутно желала уви деть самое себя живой и здоровой, не помня теперь, кто она сама.

- Какая тут тебе Роза? - сердито сказала старая хозяйка.

- Она Роза была, - с беспомощной кротостью произне сла Роза.

Старуха поглядела на гостью.

- Была, а теперь, стало быть, нету... У фашистов
спроси
твою Розу - там всему народу счет ведут, чтоб
меньше
его было.

- Ты сердитая, злая старуха! - здраво сказала Роза. -
Роза живая была, а потом она в поле ушла и скоро уж вернется.

Старуха всмотрелась в нищую гостью и попросила ее:

- А ну, сядь, посиди со мной, дочка.

Роза покорно осталась; старуха подошла к ней и опробовала одежду на Розе.

- Эх ты, побирушка! - сказала она и заплакала,
имея
свое, другое горе, а Роза ей только напомнила о нем.

Старуха раздела Розу, отмыла ее от тюремной грязи

и перевязала раны, а потом обрядила ее, как невесту, в свое старое девичье платье, обула ее в прюнелевые башмаки и накормила чем могла.

Роза ничему не обрадовалась и к вечеру ушла из дома доброй старухи. Она пошла к выходу из города Рославля, но не могла найти ему конца и без рассудка ходила по улицам.

Ночью патруль отвел Розу в комендатуру. В комендатуре осведомились о Розе и наутро освободили ее, сняв с нее красивое платье и прюнелевые башмаки; взамен же ей дали надеть ветошь, что была на одной арестованной. Дознаться, кто одел и обул Розу, в комендатуре не могли - Роза была безответна.

На следующую ночь Розу опять привели в комендатуру. Теперь она была в пальто, с теплым платком на голове и посвежела лицом от воздуха и питания. В городе явно баловали и любили Розу оставшиеся люди, как героическую истину, привлекающую внимание к себе все обездоленные, павшие надеждой сердца.

Сама Роза об этом ничего не ведала, она хотела лишь уйти из города вдаль, в голубое небо, начинавшееся, как она видела, недалеко за городом. Там было чисто и просторно, там далеко видно, и та Роза, которую она с трудом и тоскою вспоминала, та Роза ходит в том краю, там она догонит ее, возьмет ее за руку, и та Роза уведет ее отсюда туда, где она была прежде, где у нее никогда не болела голова и не томилось сердце в разлуке с теми, кто есть на свете, но кого она сейчас забыла и не может узнать.

Роза просила прохожих увести ее в поле, она не помнила туда дорогу, но прохожие в ответ вели ее к себе, угощали, успокаивали и укладывали отдыхать. Роза слушалась всех, она исполняла просьбу каждого человека, а потом опять просила, чтоб ее проводили за руку в чистое поле, где просторно и далеко видно, как на небе.

Один маленький мальчик послушался Розы; он взял ее за руку и вывел в поле, на шоссейную дорогу. Далее Роза пошла одна. Дойдя до контрольного поста на дороге, где стояли двое немецких часовых. Роза остановилась возле них.

- Скорый Ганс, ты опять меня убьешь? - спросила Роза.

- Полудурка! - по-русски сказал один немец, а другой
ударил ложем автомата Розу по спине.

Тогда Роза побежала от них прочь; она побежала в поле, заросшее бурьяном, и бежала долго. Немцы смотрели ей вслед и удивлялись, что так далеко ушла от них и все еще жива полудурка, - там был заминироаанный плац-дарм. Потом они увидели мгновенное сияние, свет гибели полудурки Розы.

1943 год

Наши войска успешно
форсировали **Днепр...**

Из оперативной сводки Совинформбюро
7 октября 1943 г.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА ДНЕПРЕ

Василий ГРОССМАН

1 .

Командир дивизии генерал Горишный встретил один из батальонов полка Борисова на подходе к Днепру. Генерал вышел из машины и громким, медленным и отчетливым голосом - этот голос слышали все бойцы - сказал комбату:

- Капитан Ионин, приказываю вам выйти на рубеж реки Днепр и занять оборону по берегу.

Ионин знал задачу до того, как генерал отдал этот приказ. Горишный знал, что Ионину задача известна. Но генерал нарочно торжественно, перед лицом красноармейцев, произнес слова, которые полны были величайшего смысла и значения для тех, кто шел в этот час по полям и лесам Украины.

И как только Горишный произнес слово "Днепр", точно тронуло ветром батальон. Люди, подняв винтовки, стали кричать "ура".

Первым вышел к Днепру батальон старшего лейтенанта Гаврилова. Быстрая, прозрачная вода бесшумно бежала вдоль песчаного берега. Белый, необычайно чистый песок зашуршал под ногами.

Дно Днепра было покрыто таким же чистым песком, и вода, бегущая у берега, казалась светло-желтой, а песок мягко светился под ней то голубоватым, то зеленым цветом.

Впереди лежал плоский песчаный остров, поросший лозой, дальше снова блестела полоса воды, а за ней в дымке вставал поросший темным лесом правый берег Днепра. Люди сошли к воде, начали мыть лица Многие становились на колени и пили днепровскую воду. И делали они это не потому, что им хотелось пить после долгого и мучительно утомительного перехода, а потому, что и умывание и питье днепровской воды - все приобрело в эти минуты значение торжественного символа.

Год тому назад дивизия генерала Горишного отражала первые атаки 6-й германской армии, предводительствуемой фельдмаршалом Паулюсом на великом волжском рубеже в Сталинграде. Бои шли у Мамаева кургана Таких боев не знал мир. То не были бои за Мамаев курган. То не были бои за один только Сталинград. То были бои за судьбу России. Думал ли кто-нибудь из тех, кто в сентябрьские дни 1942 года среди развалин Сталинграда на крутом берегу Волги, среди дыма и пламени, под вой немецких пикировщиков отражал зловещий натиск германских танковых и пехотных дивизий, что через год войска Красной Армии огромным победоносным фронтом, от Смоленска до Днепропетровска, выйдут к Днепру? Мечтали ли об этом сталинградцы?

И потому-то в торжественном и молитвенном волнении люди становились на колени и пили светлую днепровскую воду. Они были свидетелями и участниками величайшего торжества нашего народа. За спиной их лежали сотни километров дороги. Когда-нибудь расскажут об этом страдном пути - о метелях и вьюгах, о злых ветрах, об осенней распутице и холодных дождях, о страшном огне немецких минометов и орудий, о тяжелых самоходных пушках и танках "Т-6", нападавших из засад на передовые цепи советской пехоты.

Когда-нибудь расскажут о том, как в декабре 1941 года красноармейский ансамбль в темный морозный вечер пол перед бойцами песню:

Ой, Днипро, Днипро, ты течешь вдали И
вода твоя, как слеза...

Это было в глубоких воронежских снегах, и бойцы, слушавшие песню, и сами певцы плакали - такими далекими казались им Днепр, Украина. Людям, которые вышли к Днепру в осенний день 1943 года, не нужно было рассказывать и напоминать обо всем этом. Они несли все это в душе своей.

2.

Днем мы пришли на командный пункт командира стрелкового корпуса генерала Лазько. Генерал сидел в хате у открытого окна. Перед ним на столе лежала карта, расчерченная красным карандашом. Наша артиллерия, расположенная неподалеку, вела огонь через Днепр. При каждом выстреле стекла позвякивали. Где-то значительно впереди сухо раздавались редкие разрывы - это немец "кидал", как говорят красноармейцы, с того берега мины. Генералу докладывали и начальник штаба и командующий артиллерией. Человеку, работавшему раньше на заводе, могло бы показаться, что он снова попал в кабинет директора большого завода. Недаром принято называть у нас части и соединения 'хозяйствами".

"Хозяйство" Лазько - огромный и сложный организм. Нормальная деятельность и работа такого хозяйства определяется десятками условий. И о чем только не приходится думать, чтобы обеспечить все эти условия. Речь у генерала и двух полковников, докладывавших ему, шла о дорогах, о переправах, о мостах, о зенитных средствах, о горючем, о ремонтных базах, об отставших понтонах, о множестве видов боеприпасов, о продовольствии, о моральном состоянии бойцов, о плотах, о лодках. Говорили они негромко, просматривали донесения о подвезенных на огневые позиции минах для полковых и ротных пушек и для дивизионной артиллерии крупных калибров, о наличности боеприпасов на "допах" и о боеприпасах, находящихся

в пути. Они озабоченно совещались, отмечая на карте растянутые коммуникации; по которым шел подвоз. Десятки, пожалуй, не десятки, а сотни вопросов нужно было решить, увязать, чтобы стрелковый корпус, снабженный огромной, сложной и многообразной техникой, действовал во всю мощь своего огня, действовал с наибольшим эффектом и с наименьшими потерями.

Вот один из элементов нормального действия военного хозяйства - связь. Но, право же, работа московского узла связи, вероятно, не сложней работы какого-нибудь военного хозяйства, где необходимо беспрерывно а условиях вечного движения, внезапных изменений боевой обстановки, в условиях, когда опытный и хитрый враг делает все возможное, чтобы помешать нормальной работе, каждочасно и каждоминутно связывать роты, батальоны, полки и дивизии в единое, гармонично работающее целое. А ведь, кроме того, нужно поддерживать связь с "верхом", со средствами усиления, с танками, авиацией-с соседями справа и слева. Радио, телефон, телеграф, посыльные офицеры связи участвуют в этой работе. Если посмотреть на работу одного хотя бы элемента, осуществляющего связь в бою и в движении - к примеру, скажем, радиосвязи, - и учесть, сколько напряженного труда нужно затратить для ее нормальной работы - и в шифровании, и в сохранении в полевых и боевых условиях сложной аппаратуры, и в поддержке нужного напряжения, и в маскировке от рыщущего в воздухе немца, и если вспомнить, что это лишь один элемент многообразной связи, вспомнить, что сама связь - лишь одно из многочисленных слагаемых военного действия, можно представить себе всю сложность и напряженность работы руководителя современной войны. В нынешней войне участвует большая техника. Самолеты и пушки, гвардейские минометы ничуть не проще, чем самые сложные станки и аппараты современной промышленности. И ведь надо помнить, что военная работа идет вопреки сильному и опытному противнику, он днем и ночью применяет огромные усилия к тому, чтобы рвать коммуникации, разрушать мосты, сжигать и взрывать склады, уничтожать находящиеся на марше колонны, нарушать связь, подслушивать, врываться танками, авиацией, внезапными огневыми налетами в боевые порядки военного хозяйства.

Велик почет, созданный для наших генералов - командиров дивизий, корпусов и армий. Велики и почетны награды, которых удостоены они. Но велика, огромна, тяжела ответственность, легшая на их плечи. Ни на секунду, днем и ночью, не должны, не могут они забывать о ней. Это ответственность за успех боев, за скорейший и полный разгром врага, за очищение нашей земли от захватчиков. И одновременно это ответственность перед миллионами матерей, пославших на войну своих сыновей, это ответственность за святую кровь, ибо малейшая небрежность, неточность, малейшая неслаженность в работе военного хозяйства заставляет платить за них драгоценной, святой кровью бойцов.

Об этой тягчайшей ответственности за жизнь бойцов, ответственности перед матерями великой страны должны свято помнить все наши генералы и офицеры, не забывать ее ни на секунду, с достоинством и честью нести всю моральную тяжесть ее.

Может быть, потому так нахмурены, серьезны, озабочены были лица генерала и полковника, обсуждавших на командном пункте, в деревенской хате на берегу Днепра сложные и трудные вопросы переправы людей, пушек, продовольствия, боеприпасов, подтягивания растянувшихся тылов, баз и складов горючего.

В ходе войны, в ее решающие минуты играют огромное значение не только замысел и расчеты командиров, но и трезвая, четкая работа тылов и взаимодействие всех видов оружия... В решающие минуты войны великая доля успеха зависит от военного счастья, от жертвы, порыва, душевной силы, от кажущейся подчас безрассудной отваги, от умения внезапно использовать счастливый случай.

Когда вода заблестела в первых косых лучах, в тишине утра послышался со стороны Киева неясный, далекий шум, и боевое охранение, окопавшееся у самой воды, сообщило, что вверх по Днепру идет пароход. Командир батальона Гаврилин приказал красноармейцам залечь

и без приказания не открывать огня. Из-за излучины видна была пароходная труба. Пароход шел очень медленно, он тащил за собой груженую баржу, а течение в рукаве Днепра было сильным. На палубе в ранний час стоял лишь один человек, комбат в бинокль различил немецкие унтер-офицерские нашивки. Унтер-офицер тоже смотрел в бинокль, внимательно осматривал берег. Когда пароход вышел к тому месту, где залегли бойцы, Гаврилин приказал открыть огонь. Дружно застучали очереди из автоматов, оглушительно взорвали тишину утра выстрелы противотанковых ружей. Некоторые бойцы, вскочив на ноги, стали бросать в сторону парохода гранаты. С парохода открыли пулеметный огонь. Штурвальный резко повернул пароход, и он пристал к противоположному берегу. Переправившиеся на лодках бойцы роты лейтенанта Кондакова побежали к пароходу. Команда бросила пароход, спрыгнула на берег и скрылась.

И случилось так, что первым вбежавшим на пароход был младший лейтенант Дмитрий Яржин, до войны работавший машинистом на Волге. Среди бойцов его взвода оказался красноармеец Сухинин, до войны работавший штурвальным на речном пароходе. Через час батальон был переправлен на правый берег Днепра. Началась переправа дивизии. Во время одного из рейсов над пароходом пролетели несколько "мессеров", но заместитель командира полка Максимов приказал бойцам убраться с палубы, и "мессеры" прошли, приняв судно за свое. Правда, еще через некоторое время пароход подвергся налету немецкой авиации ^получив девяносто три пробоины, перестал жить. Но он сделал свое дело, этот пароход. На барже, которую он буксировал, груз состоял из бревен, досок, гвоздей. Сотни умелых верных рук застучали молотками и топорами, начали строить понтоны и плоты.

Мы знакомились с несколькими переправами через Днепр. Все они в первые часы и дни шли под знаком величайшего порыва, стихийного народного энтузиазма, всю великую тяжесть их рядовые и офицеры Красной Армии с охотой и радостью приняли на себя. Люди, не дожидаясь подхода понтонов и всех прочих табельных переправочных средств, достигнув берега Днепра, стремительно переправлялись через широкую и быструю воду на плотах, рыбачьих лодках, на самодельных понтонах, устроенных из бочек, покрытых досками, переправлялись под мощным огнем неприятельской артиллерии и минометов, под жестокими ударами немецких бомбардировщиков и истребителей. Были случаи, когда бойцы переправляли полковые пушки на воротах, когда группа красноармейцев переправилась через Днепр на плащ-палатках, набитых сеном.

Этот стихийный порыв во многом помог Красной Армии закрепить плацдармы на правом берегу Днепра. Когда мощные табельные средства подтянулись к Днепру, когда началось строительство мостов и наведение понтонов, когда двинулись танки и тяжелая артиллерия, когда могучие залпы зенитной артиллерии огненным плащом прикрыли переправы, а рев моторов наших истребителей с рассвета до заката стоял над Днепром, - в это время на правом берегу уже находилась наша пехота, вооруженная пулеметами, полковыми пушками, минометами. Она вела ожесточенные бои с немцами, спутав и смешав их расчеты организованно отразить наши попытки к переправе.

Так счастье, смелость, дерзость стали великим вкладом в решение сложнейшей задачи современной войны - форсировании Днепра, одной из самых больших рек нашего материка.

В этом синтезе, единстве дерзкого вдохновения и холодного расчета, в единстве партизанской удачи с могучей силой наших пушек, танков и самолетов, в единстве мудрой науки войны и вдохновенного безумства смелых и состоит одна из отличительных черт нашей Красной Армии.

Эта черта отсутствует в превосходно вымуштрованной, вооруженной техникой и опытом ремесленной армии немецких фашистов.

4.

Такие вечера часто бывают на Украине в осеннюю пору. Широкие, как на рисунках Доре, полупрозрачные лучи заходящего солнца освещали западный берег Днепра. Облака на горизонте светились, как огромные легкие фонари, полные

розовых нежных лучей. Далекий сосновый лес темнел под небом, полный мирной прелести и вечернего света. А на земле красное большое пламя вырывалось из черного беспокойного дыма, стоявшего над горящей деревней, и ослепительно вспыхивал прямой яркий блеск снарядных разрывов и пушечных выстрелов. На земле шла битва за Правобережье.

Темные немецкие самолеты низко пронеслись над прибрежной землей, и слышались каркающие, картавые очереди их пулеметов.

И удивительно, какая-то глубокая, полная внутреннего смысла связь была между этим прекрасным, светлым вечерним небом и адом, бушевавшим на земле. Грохот освободительной битвы гармонировал с благородной тишиной и покоем неба.

В этот вечер мы сидели на бревнах возле командного пункта командира гвардейской дивизии генерала Горишного. Капе генерала помещался в брошенном немцами дзоте. Массивные бревна пахли сосновой смолой.

Горишный рассказывал о ходе боя. Ожесточение битвы на правом берегу Днепра напоминало бои в Сталинграде. Десятки злых контратак предпринимали немцы. Самоходные пушки, огонь тяжелых минометов, артиллерия и авиация поддерживали немецкую пехоту, поднимавшуюся по многу раз на день в тщетном стремлении сбросить наших бойцов в Днепр. Многократно возникали гранатные бои, завязывались рукопашные схватки, в которых наши бойцы кололи немцев штыками, рубили лопатками. В медсанбаты поступают раненые с штыковыми и ножевыми ранами. Трудно было закапываться в первое время, когда бои шли на самой прибрежной полосе, - едва бойцы вырывали в песке окоп глубиной в полметра, как выступала вода и стены окопов заваливались. Теперь, когда шаг за шагом наши войска расширяют плацдарм, когда на правом берегу обосновалась не только пехота, но и мощная наша техника, когда под ногами бойцов твердая почва, когда за спиной уже не десятки и сотни метров, а километры пройденной по Правобережью земли, нет уже силы, способной отбросить нас обратно, нет силы, которая может помешать нашему движению вперед. Горишный подходит к телефону, находящемуся в неглубоком окопе, и разговаривает с командирами, ведущими бой.

И с ними он говорит таким же спокойным, несколько протяжным голосом украинца, каким беседует с нами. Многих командиров называет он по имени и отчеству, ведь людей дивизии связывает долгая боевая дружба. И, может быть, потому так спокойно звучит его негромкий голос здесь, на Днепре, что крепка и непоколебима его вера в людей, сражавшихся вместе с ним у Мамаева кургана и на заводе "Баррикады" на великом волжском рубеже.

Иногда Горишный прислушивается к хаосу звуков, на слух определяет, что происходит на поле боя, какой из его дивизионов открыл огонь, по какому из батальонов сделал огневой налет противник. Хаос боя не был для него хаосом, он уверенно разбирался в нем и читал его. В этот вечер, когда в высоком небе стояла ясная тишина, и на земле, в дыму, среди туч земли и песка, поднятых взрывом, шел бой, пролилось много крови сталинградцев. Донесли, что убита сотрудница медсанбата Галя Чабанная. Горишный и его заместитель, полковник Власенко, оба вскрикнули. Горишный сказал:

- Ах, ты, боже мой, когда после победы уезжали из Сталинграда, на остановках выбегали и в снег друг дружку бросали. И ее, помню, мы купали в снегу, и она смеялась так, что весь эшелон слышал. Никто во всей дивизии не смеялся громче и веселей.

Ранен был майор Максимов, заместитель командира полка. Это он обманул в первый день переправы немецких летчиков.

Пришел на командный пункт заместитель командира батальона старший лейтенант Сурков. Шесть ночей не спал он. Лицо его обросло бородой. Но не видно усталости в этом человеке, он весь еще охвачен страшным возбуждением боя. Может быть, через полчаса он уснет, положив под голову полевую сумку, и тогда уже не пробуй разбудить его. А сейчас глаза его блестят, голос звучит резко, возбужденно. Этот человек, бывший до войны учителем истории, словно несет в себе огонь днепровской битвы. Сурков рассказывает о немецких контратаках, о наших ударах, расска-

зывает, как откопал засыпанного в окопе посыльного, своего земляка, когда-то бывшего у него учеником в школе. Сурков учил его истории; сейчас они боевые участники событий, о которых будут через сто лет рассказывать школьникам.

А вечернее небо становилось все величавей, выше, все торжественней. И под этим небом на холодном днепровском песке лежала мертвая девушка, смеявшаяся громче всех в дивизии, пришедшей с далекой Волги.

10 октября 1943 года

В полосе среднего течения Днепра наши войска продолжали вести бои по расширению плацдармов на правом берегу реки в прежних районах и на отдельных участках добились серьезных успехов.

Из оперативной сводки Совинформбюро
12 октября 1943 г.

ДНЕПРОВСКАЯ

ЕГ 1_ I П1
oOiJ So

Леонид ПЕРВОМАЙСКИЙ

Ночью, преследуя противника, вышли к Днепру. Низко плыли облака. Тишина нарушалась только позвякиванием оружия, стуком котелков и лопаток, шуршанием тяжелых сапог на песке да сдержанным говором бойцов. Продвигались не спеша, спокойно, с какой-то особенной торжественностью, которая, впрочем, была легко объяснима...

Многие из людей, шагавших здесь в темноте, родились **на** берегах Днепра. Одни из них только что прошли через свои разрушенные села, видели родные хаты в дыму и огне, останавливались у колодцев, набитых человеческими телами, миновали истоптанные и выжженные поля. У других родной дом был еще впереди, за Днепром. Картина пройденного пути неотступно стояла у них перед глазами и толкала вперед. Они шли в торжественном и суровом молчании, как подобает солдатам, которые знают, что лучший разговор с врагом - на языке оружия. Для тех же, кто не был уроженцем здешних мест, торжественность минуты заключалась в том, что после тяжких военных трудов, преодолев с боями больше пятисот километров, они вышли к рубежу, достичь которого было счастьем их товарищей, а значит, и их счастьем.

Старью бойцы, стоявшие на Днепре еще в сорок первом, также молчали. Они многое вспоминали в эту ночь. Было то, что часто случается в жизни. Идешь к любимому человеку из великого отдаления, которое могло быть воплощено и в верстах, и во времени, и в чувстве, всей исстрадавшейся душой стремишься к нему и бесконечно думаешь о встрече, о тех словах, ласковых и нежных, которые нужно сказать. Но вот ты пришел, и радость встречи так велика, что никакие слова не в силах выразить ее; не высказать то, что ты пережил и передумал в разлуке, и ты стоишь молча, и только глаза говорят за тебя: посмотри, я долго шел к тебе, но вот я пришел...

Так думал лейтенант Орлянко, стоя в темноте на берегу Днепра. Завернувшись в плащ-палатку, он вздрагивал от ночной прохлады и сырости; на душе у него было светло, как в праздник.

Лодки отделились от берега и, бесшумно подталкиваемые баграми и веслами, поплыли. Вскоре они исчезли из виду, словно растаяли в ночной темноте. Бойцы и офицеры, оставшиеся на берегу ждать своей очереди, лежали на сыром песке и, слушая мерный плеск речной волны, вглядывались в эту темноту, как будто старались угадать, чем она встретит их в следующую минуту. Вскоре лодки вернулись и увезли на правый берег новых людей, которые бережно погрузили с собой пулеметы и ящики *с* патронами, противотанковые ружья и боеприпасы, гранаты, минометы и сухой паек в больших бумажных мешках.

Переправа под боком у противника проходила успешно. Время и место для нее были выбраны очень удачно. Все чувствовали это и радовались удаче, хотя, конечно, каждый

знал, что в любую минуту переправа может быть обнаружена, и тогда торжественность этой ночи превратится в кромешный ад, а ласковые воды Днепра закипят. Понимал это и лейтенант Орлянко. Он ходил по берегу, в нетерпении ожидая своей очереди переправляться, - у него все было наготове: и люди, и кабель на катушках, и все прочее, необходимое для связи. Оставалось только получить приказ и действовать.

К рассвету над рекой поднялся густой туман. Правый берег не был виден, да и здесь, на левом берегу, люди двигались, словно серые тени. На плотах через реку прошли легкие пушки. Орлянко знал, что сейчас его черед, и чувствовал себя уверенно: в тумане он надеялся переправиться без потерь. Но как раз в это время на правом берегу закипела перестрелка - переправившийся батальон капитана Безруких вступил в соприкосновение с врагом.

"Ну, теперь началось", - подумал Орлянко, шагая по берегу к связистам.

Прежде чем он успел отдать им приказание, начался обстрел реки и берега. Туман завыл и загрохотал, послышались крики, стоны раненых. Его людей не затронуло, они все были в сборе; катушки с кабелем лежали на песке, зеленые коробки полевых телефонов стояли тут же. Линия связи уже была протянута к самому берегу, теперь оставалось тянуть ее дальше, сидя в лодке и разматывая кабель с катушки... Все это было бы делом простым и несложным, но грузить кабель приходилось под огнем вражеских батарей, а плыть предстояло по реке, в которую то и дело шлепались снаряды и мины.

Лейтенант Орлянко приказал грузиться в лодки и, пока бойцы хлопотали у катушек и прочего имущества, снова оглядел берег, как бы соображая, что еще следует захватить с собой.

- Кабель-то нужно опускать на дно, иначе его сносить будет, - вдруг вспомнил Орлянко, и ему стало еще радостнее на душе от того, что не забыл этой важной необходимости.

- Готово? - крикнул Орлянко, в последний раз огляды
вая берег. - Отчаливай!..

Он прыгнул в лодку, старшина Нехорошее оттолкнул ее от берега и вскочил вслед за ним. Бойцы налегли на весла, и лодки стали медленно выходить на днепровский простор.

Двигались медленно, кабель раскручивался с катушки и погружался в воду, увлекаемый на дно грузилами. Днепр был здесь широк и приволен, кручи правого берега открывались вдалеке, по-осеннему пышные и яркие. Как ни старались гребцы, они приближались медленно, точно это было во сне, где все движения замедленны и потому особенно памятны.

С правого берега, укрытая где-то в складках высот, непрерывно стреляла артиллерия. Снаряды пролетали над лодками, но к их свисту относились с привычным спокойствием. Ясно было, что это не прицельный огонь; снаряды падали беспорядочно.

Но вот появились вражеские бомбардировщики. Всего их было двенадцать: они летели низко, распластав тяжелые крылья и ожесточенно гудя моторами. Зенитки с левого берега открыли по ним огонь, но самолеты упрямо летели к цели, бомбили каждую машину на подступах к Днепру и каждую лодку на реке.

- Выручай катушки, если что! - успел крикнуть Орлянко и в ту же минуту услышал адский гром. Его захлестнуло водой, перевернуло и потащило на дно, но он, напрягая все силы, толкнул головой воду и вынырнул.

Лодок не было. Людей тоже не хватало. Только четверо, тяжело противоборствуя взбушевавшейся волне, находились недалеко от него. Они плыли парами, держа между собой катушки с кабелем. Кабель разматывался, но грузил уже не было, его сносило течением, и это еще больше затруднило работу пловцов.

Орлянко подплыл к Нехорошеву и Гатуеву вовремя - кабель на катушке кончился. Все теперь понимали друг друга с полуслова. Гатуев, держа конец кабеля в зубах, отдыхал, лежа на спине. Нехорошее поплыл к Дроботу и Василенко, удерживавшим на воде тяжелую катушку с новым кабелем.

Втроем они добрались к Гатуеву и Орлянко. При помощи движений ног держась на воде, лейтенант стал наращивать кабель. Это стоило больших усилий, тем более что с самолетов их заметили и стали обстреливать. Гатуев был ранен

в правое плечо, кровь его окрасила днепровскую воду. Товарищи помогали ему, они плыли к правому берегу, поддерживая катушку и раненого, выбиваясь из сил, коченея в холодной воде.

В это время Орлянко был тоже ранен. Он почувствовал тяжесть во всем теле и, прежде чем связисты успели помочь ему, ушел под воду; понимал, что тонет, глаза его были открыты - он видел солнечный свет, падавший на дно реки сквозь зеленовато-желтую воду, но не мог сделать движения, не мог сопротивляться силе, тянувшей его на дно.

... Лейтенант Орлянко очнулся на берегу. Он увидел над собой раскрасневшееся усатое лицо Нехорошева, державшего его за руки. Угрюмый Василенко больно нажимал ему на живот. Затем они подхватили его, как ребенка, и подняли над телефонным аппаратом, у которого возился мокрый ефрейтор Дробот.

Была тишина. Снова было удивительное красноречивое молчание, в котором выражалась жизнь со всей силой и страстью. Над собой Орлянко видел чистое небо, на кручах свистели птицы, широкая полоса реки лежала перед ними, а у самого его тела, похожий на длинного оливкового ужа, уходил в воду кабель, который они протянули сюда...

13 октября 1943 года

ЧУДЕН ДНЕПР...

Евгений КРИГЕР

Белые песчаные дюны. Чернью, уже холодные бревна пожарища. Синяя вода. А за синей водой - город на высоких холмах. Стоит на минуту закрыть глаза, и памятью, мыслями, старой болью, не оставлявшей нас эти два года, как прижившийся в человеческом теле осколок, вспомнить Киев таким далеким, каким он был для нас в дни сражений на Волге, за Кубанью, за Доном, за Тереком, - и чудом кажется эта минута, когда снова открываешь глаза и видишь с левого днепровского берега милый наш Киев. В семье советских городов он был одним из самых красивых и самых счастливых братьев. Его оторвали от нас, и таким далеким он стал, что путь к нему измеряли всей землей, разделявшей нас, всей кровью этой земли, друзьями, погибшими в Приднепровье, ночными слезами о них, слезами, которые наутро сушил ветер боя.

И вот мы снова у Киева. Белый песок у Днепра, такой мягкий, легкий, что вспоминаются детство и игры в песке. Громада сражения передвинулась в обе стороны по Днепру и за Днепр ушла, а тут странная тишина тяжело нависла над городом, над лаврой, венчающей холм, над домами прибрежных кварталов, над рекой, посиневшей от холода. Все как во сне, все не верится встрече.

На том берегу, боясь выдать себя раньше времени, молчат немецкие батареи и пулеметные гнезда. На виду у них вцепились в песок, окопались, зарылись и ни за что не отступят назад наши пехотинцы на Трухановом остроае, где и зарыться-то некуда, все плоско и голо, песок и вода. Но перед Киевом даже песок стал крепче гранита для нашей пехоты. Ночью обманчивая тишина взрывается вражескими залпами. Стрельба с того берега сводит реку, как судорога. Осколки с воем гаснут в холодной воде, и залпы внезапно захлебываются. И опять тишина - тяжелая, грозная, чреватая бурей.

Покинем на время эти места, оставим предмостный поселок у Киева, сожженную Дарницу, мертвые Бровары, тлеющие дачи на белом песке среди сосен, гранитную дорогу на берегу со взорванным мостом. Окинем взглядом киевские холмы, зарево над Подолом, безмолвие камня. Мы еще вернемся сюда и будем на этих холмах, в милых осенних садах над Днепром, будем в Киеве. А теперь время быть на земле, куда передвинулся бой.

Переправы. Ночью, а если наберетесь смелости, то и днем вас приведут к новым мостам, обожженным фашистскими бомбами, проломанным и вновь восстановленным. Дерзость наших саперов сращивает днепровские бе-

рега. Их не разорвать теперь врагу. Бой перекинулся на Правобережье. Днепровская вода стала опорой штурма наших войск. Вода в местах переправы будет твердью, гранитом: здесь трудится советский сапер. Назад пути нет, никто не мыслит о нем.

Огневой вал артиллерии пылает на правом берегу, и войска идут на него, как на свет новой зари. Предутренний туман встает над землей в районе Киева, но это туман штурма, войны, это дымы артиллерии. Переправы питают бой патронами и снарядами, потоком штурмовых батальонов, боезапасом, полковыми обозами. Теперь переправа - это мост, скрепленный железными крючьями, выдерживающий тяжесть танков.

Первые переправы едва несли на себе человека. Ни дерева, ни железа, ни мостов, ни понтонов. Гитлеровцы считали Днепр неодолимой преградой. Они ошиблись. Наши солдаты, пробившиеся к Днепру, с ходу перенесли бой на воду, кинулись вплавь, сделали самую воду дорогой, плыли не только на баркасах, лодках, плотах, но и на дощатых воротах, притащенных из сожженных крестьянских усадеб, плыли на бочках, набитых соломой мешках, - на всем, что держит вода, за что человек может ухватиться рукой. И фашисты увидели, как Днепр рушится на них свинцовыми брызгами из клокочущей штурмом воды, взводами штурма, переплеснувшего первых бойцов на тот берег, первым залпом пехоты на песчаных отмелях Правобережья.

Первых наших бойцов бросила в воду не только инерция боя на предмостных укреплениях врага, не только знакомое солдатам упоение штурмом. Их повел в воду железный расчет командиров. Отвага и разум соединились в этом беспримерном броске с ходу, без отдыха, без передышки - за Днепр, на тот берег. Немецкие войска отходили к Днепру, стекались к немногочисленным днепровским мостам. В местах переправы фронт фашистского отступления принимал форму воронки: поток немецких дивизий в районе мостов, узкое горлышко переправы. Из этого горлышка гитлеровцам предстояло вновь растекаться по правому берегу, занимать оборону. Самый нужный, самый счастливый момент для наших штурмующих рот. Перебросить первых бойцов через Днепр, пока воронки вражеской переправы еще бурлят отступлением, пока поток дивизий еще не полностью разлился по сторонам и не застыл плотным фронтом на том берегу.

Так начиналось это сражение. И были ночи переправы, ночи героев. Вспомним о них теперь, когда через Днепр перекинулись крепкие наши мосты, когда переправы охраняются батареями зенитных орудий, когда не отдельные бойцы, а целые дивизии идут на ту сторону. А в первую ночь успех переправы решался на многих участках дерзостью одиночек, упорством мелких подразделений.

Дул сильный ветер, Днепр беспокойно шумел и метался во мгле. Давно не помнят в тех местах такой непогоды. Небо затянуло черными тучами, мгла встала стеной от земли до самого неба, глухого, беззвездного. А на том берегу были гитлеровцы, их пулеметы, их батареи, танки...

Вспомним это сегодня на крепких наших мостах через Днепр.

В батальоне капитана Саввы, в роте старшего лейтенанта Лещенко вызывались охотники. Одной только смелости мало, нужны хватка, цепкий хозяйственный ум, умелые, хитрые руки.

Старых мостов уже не было - их взорвали гитлеровцы. Бойцы искали лодок, и не было ни одной - их сожгли. Потом бойцы притащили откуда-то волоком две посудины. Еще две другие - дырявые, рассохшиеся - обнаружили где-то в сарае. К Днепру спешили мощные инженерные части, но первым бойцам не было времени ждать. Лодки они отыскали, но весел не оказалось; и весла сделали сами. Можно плыть!

- Погоди, - говорит кто-то, видно, человек прочной и основательной мысли. - Погоди, не все еще. Ведра ищите!

Вот что порою годится для боя - обыкновенные ведра. Лодки были худые, со щелями. Ведра понадобились, чтобы вычерпывать воду. А немцы били с того берега минометами и артиллерией, в грохоте канонады бойцы искали на пепелищах ведра. Ведра нашлись, и началась переправа - одна из многих в ту ночь.

Первые наши люди вошли в воду, оттолкнулись веслом и скрылись во мгле, в неизвестности. Так мало их было на этом участке, непомерно мало в первоначальном броске через Днепр, что четырех утлых лодчонок хватило на них.

На первой посудине сидел и греб вместе с бойцами старший сержант Нефедов, и еще был у них на той лодке станковый пулемет. На второй лодочке командовал сержант Новосильцев, с ним плыли другие бойцы этой группы, имея ручной пулемет. На последних двух посудинах разместились остальные солдаты.

Лодочки сразу глотнули воды, Днепр бил в них сильной волной. Ведра пошли в ход с первых взмахов веслом. Не успели проплыть и семидесяти метров, как лодки затяжелели, Днепр потянул их на дно. Волна швыряла лодчонки из стороны в сторону, в темноте не стало видно, где левый берег, где правый, ветер рвал пену клочьями. А четыре горстки бойцов, избитых бурей, делали много дел сразу: гребли, выплескивали ведрами воду за борт, искали, снова теряли и опять находили курс на тот берег; и сберегали оружие, чтобы не намокло и не отказало потом в самое нужное время.

Ветром лодки растаскивало далеко одну от другой, но нельзя было допустить, чтобы и без того малую группу бойцов разметало и чтобы потом гитлеровцы расправились с каждой горсткой наших бойцов в отдельности. И на это ушло больше всего сил - держать лодки по возможности вместе.

Путь через Днепр отнял у первых десантников полных два часа времени. У одних руки были в крови, у других спины свело - у тех, что два часа кряду качались с ведрами, как заведенные, вниз и вверх, вниз и вверх, да еще на коленях.

Так бойцы дотянули до правого берега.

Только тут и началось настоящее дело, хотя других свалила бы с ног одна только двухчасовая гребля в том ночном шквале. Был берег - темный, неизвестный. От самой воды он тянулся песчаной отмелью до кустарника, дальше вздымался крутыми холмами. В кустарнике сидели гитлеровцы с автоматами, а наверху нависли над отмелью дзоты и траншеи, начиненные вражескими вооруженными до зубов солдатами.

И против этого крутого и хорошо обороняемого берега вышла из воды горстка наших бойцов. Тут же, в песке, в двух шагах от воды стали они зарываться. В песке они дрались ночь, и еще день, и еще первые часы второй ночи, когда перебралась к ним вся рота Лещенко, и тогда стало легче.

Так было во многих местах на Днепре.

В ночной темноте нашим бойцам помогали чьи-то невидимые, неизвестные руки. Спустя четырнадцать часов боя, когда Новосильцев был ранен и нужно было его переправить, его переправили, но кто - неведомо до сих пор. Он был без сознания и не знает, не видел. Бойцы тоже не знают, бойцы держали оборону, держали переправу, у них не хватало времени выполнить вторую задачу - отправить назад четыре свои лодчонки для следующих бойцов. Когда потом подползли бойцы к берегу, лодчонки чьими-то руками были доставлены в нужное место, а с ними в беспамятстве раненый Новосильцев.

О таком ночном деле сразу родились легенды. Говорили еще о какой-то старушке, у которой оккупанты угнали дочерей и сынов в Берлин. В ту ночь она якобы пособляла бойцам. Работник армейской газеты искал потом старушку на всем берегу. Никого не нашел он. Но чьи-то руки, как бы там ни было, сделали нужное дело, лодочки оказались на левом берегу, а с ними спасен, доставлен к врачам Новосильцев.

Это - первая ночь переправы. Отряд Нефедова, двенадцать бойцов, зарывшись в песок, отразил тогда три вражеские контратаки. Когда через сутки началась четвертая, самая страшная, контратака, ее отбивала уже вовремя подоспевшая рота.

Штурм наш наращивался, за ротами шли полки и дивизии, и уже наводились большие мосты саперами. Днепр во многих местах переходил в руки Красной Армии. Бойцы майора Подсекайло втянулись в Правобережье, бились всю ночь и еще один день, и тогда в бессилии отвалились от них восемь волн немецкой контратаки. Это подразделение с боями протискивалось сквозь толщу немецкого фронта. В глубине они захватили пять вражеских пушек. Все пять были обложены минами. Мины убрали. Три пушки оказались исправными. Их повернули в сторону врага. Командир батальона капитан Чупай первым повел из тех пушек

А противник всей силой, согнанной из глубины, всеми дорогами, всеми резервами накапливал ответный удар. Тем ударом гитлеровцы собирались столкнуть наши роты обратно в воду, в Днепр, на дно, на гибель, на смерть.

Появились фашистские танки и бродячие, выскакивающие из-за холмов, стреляющие в упор "фердинанды". У наших бойцов не было за спиной иной опоры, кроме Днепра, ставшего в их сознании крепче гранитной стены. То, что слабому духом грозит смертью и гибелью, становится для сильных опорой. Днепр мог стать для иных гибелью. Он стал их победой.

Наша пехота выстояла. При восьмой немецкой контратаке впереди роты появился командир полка майор Грибовский. Он позвал за собой автоматчиков. Не оборачиваясь, майор побежал вперед, увязая в песке. И по тому же вязкому песку побежала за ним на высоты целая рота. И другие роты справа и слева шли от Днепра в таком же песке, увязая, падали и опять поднимались, а немцы били с холмов, но за русскими был Днепр, и он был - как стена.

Первая ночь. Кто забудет ее из бывших в бою? Кто забудет семерых солдат переправы, семерых гребцов, награжденных дважды в ту днепровскую ночь? Оказавшись на берегу, когда не оставалось ни минуты на передышку, семеро солдат отыскали рыбацкие лодки и гребли, гребли, пока не сделали сорок восемь рейсов под ураганным огнем. Семеро солдат переправили за ночь целое подразделение нашей пехоты - в бурю, во мгле, в дожде, слепившем глаза. На берегу все семеро помогали грузить ящики и мешки, патроны и снаряды, потом опять садились на весла; сорок восемь рейсов через вздыбленный снарядами Днепр!

Летучая молва распространилась по берегу, молва о семерых покорителях Днепра - так их прозвали. Медалями "За отвагу" их наградил сперва командир полка. В ту же ночь после одного из рейсов им вручил ордена Красной Звезды командир дивизии. Вот имена шестерых - Дмитрий Семенович Конак, Лев Евгеньевич Гроссман, Николай Михайлович Сокольников, Иван Владимирович Третьяков, Алексей Егорович Хроменков, Петр Константинович Трофименко. А седьмой солдат переправы - Баряк, имя Евгений, отчества бойцы не запомнили. В ту ночь он погиб. Он был ранен, но весел не оставил, продолжал грести, пригнал лодку к берегу и умер там *на* руках у товарищей. Евгений Баряк

—° -™ °Р-"0м

ДнеГп^авГСГ " ^ ""* «« " «*

Октябрь *7943 года*

1944
НА БЕРЛИН!

Четвертый год! Четвертый год войны Нам локти мажет желтой прусской глиной, И тысячи стволов наведены Указками дороги до Берлина.

Александр Твардовский

ПОБЕДА ЧЕЛОВЕКА

Илья ЭРЕНБУРГ

Кажется, нет народа на свете, который так бы любил театр, как наш. Может быть потому, что в жизни наши люди чуждаются всего театрального, им не по нраву аффект, они избегают поз и с прирожденным недоверием относятся к пафосу. Итальянец или испанец объясняются в любви, как будто они на сцене. Они произносят потрясающие монологи. Наши девушки, услышав такие речи, решили бы, что над ними смеются. Наши юноши ходили месяцы и думали, как бы обык новей ней, невзначай сказать любимой о своих чувствах. Часто наши ораторы говорят о великих подвигах, как о повседневных заботах. В русской природе стыдливость, издавна наш народ облекает в скромную будничную одежду большие чувства и большие дела.

Много незаметного героизма показал советский солдат. На далеком севере, среди камней и пурги, стоят бойцы. Немцы здесь пристрелялись к каждой ямке. Любое неосторожное движение - это гибель. В такой войне нет ничего потрясающего ум или сердце, но она требует от человека большой выдержки и большого мужества. Неприметен героизм саперов, санитаров, связистов... На сцене война - это выстрелы, знамена, исторические

фразы, труба горниста, мрамор победы. А война сложное и тяжелое дело - здесь и смерть, и сердечная тоска, и хозяйственная забота.

Мы увидели города и села, которые два года были в немецких руках. Навстречу Красной Армии выходят партизанские отряды. Они состоят из сильных и храбрых: это отбор лучших. Мы знаем про их подвиг. Мы знаем про дела "Молодой гвардии". В древние времена таких людей причислили бы к полубогам или к святым. Есть нечто исключительное в самой душевной структуре Зои Космодемьянской или Олега Кошевого. Но мы мало знаем о героизме людей, никак не рожденных для того, чтобы стать героями, о подвигах, которые рождались непроизвольно от простейших и в то же время прекраснейших добродетелей - от верности, от чести, от любви к родине, к соотечественникам, к правде.

Подлинные чувства проверяются в дни испытаний. Каждый школьник знает, что Советское государство - это общее достояние. Но вот настали годы суровой проверки. В городе Золотоноша была больница. В сентябре 1943 года немцы объявили: весь персонал должен эвакуироваться на запад, инструменты сдать немцам, а больницу сжечь. Обыкновенные люди - врачи, фельдшера, сестры, кладовщик, кухарка - начали необыкновенную войну. Они решили спрятать инструменты, скрыться от эвакуации и отстоять больницу. Они проделали ряд смелых и хитроумных операций. Заведующий больницей доктор Кучерявый, рискуя жизнью, на глазах у немцев вынес три ящика с инструментами. Врачи и служащие закопали эти ящики. Весь персонал скрылся от эвакуации. В городе шли уличные бои. Служащие больницы, убив двух поджигателей, отстояли часть больницы - терапевтическое отделение и кухню. Из огня вытащили операционные столы, и в тот же день золотоношская больница возродилась для новой жизни.

В другой больнице, в городе Гадяче врач Монбланов, вместе со всем персоналом, спас сотни жизней. В больнице лежали раненые офицеры Врач объявил их заразными больными, он искусственно поддерживал у этих "больных" температуру 40 градусов. Он снабдил их гражданским платьем и документами. Он ободрял их, передавая сводки Информбюро и повторяя: "Скоро наши вернутся". Он говорил это не только в августе 1943 года, он говорил это и в августе 1941 года. Монбланов, другие врачи, сестры, все они хорошо понимали, что их ждет, если немцы узнают о спасении офицеров. Но врачи и сестры Гадяча думали не о себе - о своих согражданах, о своем долге. Трудно быть героем один день в бою, еще труднее быть героем два года, среди врагов и предателей. А сколько у нас таких врачей, таких сиделок, таких мужчин и женщин, беззаветно преданных своей родине и своему делу!

28 августа 1941 года возле Люботина летчик Киреев выбросился на парашюте с горящего самолета. Он был тяжело ранен. Немцы видели, куда приземлился летчик. Видела это и Вера Григорьевна Сахно, уроженка города Вильно. Она спрятала Киреева в подвале. Пришли немцы, устроили обыск, грозили Вере Григорьевне расстрелом. Она молчала. Она выходила раненого летчика.

В Речице жила семья капитана Урецкого - жена и девятилетняя дочь Лариса. Когда немцы пришли за ними, Урецкая сказала: "Беги, Ларочка". Мать расстреляли, девочка в слезах бродила по городу. Ее приютила Елена Даниловна Богданова. Немцы узнали, что дочка капитана Урецкого скрывается в Речице. Они вызвали в гестапо Богданову, допрашивали, грозили виселицей. Елена Даниловна не выдала девочку.

Мы часто говорим о дружбе народов. Это великое чувство тоже подверглось страшной проверке. Тяжело раненный офицер морской пехоты Семен Мазур, по национальности еврей, убежал от немцев. Он скрывался в Таганроге. Его спрятала Клавдия Ефимовна Кравченко. Доктор Упрямцев лечил Мазура. Узнав, что раненый офицер - еврей, доктор снабдил его документами одного умершего больного. Доктор Упрямцев спас многих сограждан. В июле 1942 года немцы его расстреляли. На хуторе Красный Боец в Ставропольском крае скрывался от немцев еврей Клубок шестидесяти девяти лет от роду. Его прятали, рискуя своей жизнью, колхозники Семинихин, Авраменко, Савченко, Ма-

ксименко. Когда немцы в Харькове убили всех евреев - стариков, женщин, грудных детей, Марии Сокол удалось убежать с тракторного завода. Она нашла приют у Кирилла Арсентьевича Редько. Он скрывал евреев и жен украинских командиров и за это был повешен немцами. Нет, не чернилами - кровью лучших написаны слова о дружбе советских народов, и никаким темным силам мира не стереть этих слов!

В городе Сумы старая женщина спрятала бюст Ленина. Она вынесла его в тот день, когда пришла Красная Армия. Я не знаю имени этой героини. Но не скрою, с глубоким волнением глядел я на памятник, который пережил годы мрака. Не бронзу спасла неизвестная гражданка, но свое сердце и сердце России.

Мне могут сказать: почему вы рассказали об этих людях? Ведь много других, столь же честных и смелых. Да, очень много. Величие описанных мною подвигов именно в этом. Оставаясь будничными по форме, они полны такого духовного подъема, такой глубины, что благоговейно повторяешь каждое имя. Напрасно наши враги пытаются объяснить свои поражения одним превосходством, количественным или качественным, нашей материальной части. Кроме танков, имеются танкисты. Да и танки не растут в степи, их делают люди. С первого дня войны все мыслящие и чувствующие знали, что мы должны победить, потому что за нами высокие добродетели советского человека. Немцы взывали к самым низким инстинктам, они пытались спаивать, натравливали одних на других, поощряли кражи, лихоимство, доносы. Они нашли предателей, моральных уродов. Но все, что было основного в стране, ее почва и подпочва, совесть народа и совесть каждого отдельного гражданина восстали на захватчиков. Забудем на час о границах, возьмем в обнаженном виде человеческие ценности и, глядя на наши прекрасные победы, с полным правом скажем: это прежде всего победа человека.

8 января 1944 года

Войска Ленинградского фронта в первой половине января месяца перешли в наступление против немецко-фашистских войск, державших в осаде город Ленина... Войска Ленинградского фронта ударами из районов Пулково и Ораниенбаум прорвали сильно укрепленную, глубоко эшелонированную долговременную оборону немцев к юго-западу от Ленинграда.

Из сообщения **Совинформбюро**
22 февраля **1944 г.**

ПОБЕДА!

Николай ТИХОНОВ

1.

Когда ленинградцы встречали новый, сорок четвертый, год, они понимающе улыбались друг другу, говоря о новом счастье и новых успехах. Прежде всего они подразумевали под этим освобождение родного города от блокады и разгром немцев под Ленинградом. Затянувшаяся блокада с ее унылыми обстрелами, с ее печальными жертвами заставляла ленинградцев работать с какой-то исступленной энергией, готовя тот час, когда Ленинград подымется для решительного боя.

Час этот был неизвестен, но все знали, что он близок, все хотели этого, но в оживленной сутолоке, в рабочем упорстве каждого дня никто не говорил об этом открыто. Правда, январь месяц для Ленинграда полон особого значения, потому что в прошлом году он был ознаменован таким громадным событием, как прорыв блокады.

В январе сорок четвертого года картина города ничем не выдавала подготовки к новому удару по немцам. Усилившийся обстрел говорил о нервозности врага, о том, что он мечется в тревоге. Напрасно из Берлина кричали, что ленинградский вал немецкой обороны неприступен и можно слать спокойно, - немцы не спали.

Пленные, захваченные разведкой, показывали, что получен приказ, несмотря на глубоко эшелонированную сеть укреплений, еще усилить ее на переднем крае, выстроив на участке каждого батальона по два новых больших дзота, перегруппировать артиллерию.

2.

Пока в городе занимались уборкой свежевыпавшего снега, расчищали трамвайные пути, объявляли новые нормы соревнований заводских бригад, на фронте все зашевелилось. Все чувствовали, что что-то приближается.

И в учебных занятиях, и в беседах по текущему моменту ощущалось то сдержанное нетерпение, какое всегда рождается вокруг события, которого все ждут и о котором условились не говорить.

Генерал, приехавший с другого фронта, слушая доклад о немецких укреплениях, сказал просто:

- Да, это серьезная линия, это очень сильная, очень сложная линия. Вот мы ее и кончим!

Бронебойщик, поглядывая в сторону немецких окопов, на вопрос, какая разница между "тигром" и другими тяжелыми немецкими танками, ответил не сразу, а подумав и с уверенностью знатока: "Разница такая - "тигры" горят дольше!"

Но и военные и городские люди посматривали с опаской на погоду. Погоды не было. Вместо мороза расползалась какая-то слякоть. И незамерзшал Нева, и лужи на улицах, и мелкий тонкий лед на заливе заставляли людей хмуро морщиться и бормотать всякие неприятные слова насчет небесного хозяйства.

Наконец в сумрачных рощах за Ораниенбаумом, под Пулковской высотой, на предгородской равнине перед Пушкиным - всюду началось оживление. Были командиры и солдаты, командированные в город по служебным надобностям с той стороны залива, и они узнали, что им надо возвращаться немедленно в свои части.

Но, к их глубокому горю, залив представлял мешанину из снега и льда. По этой мешанине не шли мелкие суда, идти пешком - смертельная опасность.

И все-таки люди пошли. Они шли по льду, который качался под ногами, они торопились во что бы то ни стало добраться до того берега, где их товарищи уже готовились к бою. Пришлось вернуться с дороги. Залив не пропустил. Я видел одного командира. Он метался между Лисьим Носом и городом, не зная, что предпринять. Но он не мог оставаться в Ленинграде. Два с половиной года он дрался на своем бронепоезде, и мысль, что сейчас бронепоезд уйдет в бой без него, сводила его с ума. Таких, как он, смельчаков, бросившихся в опасный путь по заливу, было много. Какова была их радость, когда они узнали, что можно попасть к себе: кому по воздуху, кому на специальных судах. Они уезжали счастливые, они торопились в бой, как на праздник.

Это было всеобщее огромное воодушевление. Я видел молодого лейтенанта, который говорил восторженно: "Больше нас ничто не остановит. Я это чувствую всем сердцем и могу подтвердить чем хотите. Я лично буду драться так, что вы обо мне услышите!"

Возбуждение проникло на передовые. Артиллеристы и саперы, снайперы и танкисты - все готовились, все проверяли оружие и снаряжение, хотя и так все было проверено не раз. Генералы обошли весь передний край под минометным обстрелом. Единое чувство наступления охватило войска. Цельность этого большого чувства была удивительна. Больше нельзя терпеть немца под Ленинградом. Враг созрел для гибели. Но он не отдаст ни одной траншеи без упорного сопротивления. Сила встретит силу. Но сила ленинградцев должна побороть вражескую.

3.

Весь город был ошеломлен гигантским гулом, который, как смерч, проносился над Ленинградом. Много стрельбы слышали за осаду ленинградцы, но такого ошеломляющего, грозного, растущего грохота они еще не слышали. Некоторые пешеходы на улицах стали осторожно коситься по сторонам, ища, куда падают снаряды. Но снаряды не падали.

Тогда стало ясно - это стреляем мы, это наши снаряды подымают на воздух немецкие укрепления.

Весь город пришел в возбуждение. Люди поняли, что то, о чем они думали непрестанно, началось. А голос ленинградских орудий ширился по всей дуге фронта. Били орудия на передовой, били тяжелые орудия из глубины, били корабли, били форты, говорил Кронштадт.

Разрывы немецких снарядов, падавших на южные окраины города, не были страшны в этих волнах грохота, превращавшегося в бурю возмездия. Тонны металла разбивали немецкие доты, превращали в лом пушки, рвали на части пехоту, обрушивали блиндажи, сравнивали с землей траншеи. Куски разорванной проволоки взлетали к небу. Рвались мины на минных полях. Черные тучи дыма застилали горизонт.

Что чувствовали уцелевшие гитлеровцы, оглушенные и обезумевшие от ужаса, прижавшиеся к стенкам окопов и укрытий, нас не интересует. Но когда поднялась первая цепь наших автоматчиков, перед которыми еще клубились дымы наших разрывов, она, эта цепь, рванулась вперед с такой неудержимой силой, что немцы побежали перед нею. Автоматчики шли во весь рост.

- Красиво идут! - говорили про них наблюдатели.

Гвардейцы Симоняка поддержали свою гвардейскую славу. Воскрес дух героев прорыва блокады. Войска генерал-майора Трубачева, бравшие Шлиссельбург, бившие белофиннов на Вуоксе в свое время, войска генерал-майора Якутовича, генерал-майора Фадеева - все бывалые воины Ленинградского фронта начали историческую битву, разгром немецкой орды, которой уже не могли помочь никакие укрепления.

Артиллеристы получали приказы передвинуть позиции вперед, на юг, на три, на пять, на семь километров. Два с половиной года стояли иные орудия на одном и том же рубеже, передвигаясь только вдоль него, и, получив такой приказ, люди на руках переносили орудия, задыхаясь от гордости и радости.

Есть нечто заколдованное в том ничьем пространстве, которое годами лежало между позициями нашими и немецкими. На этой темной от воронок земле, среди минных полей и проволочных преград прокладывали себе путь только разведчики. Враг жил, именно жил, там у себя в блиндажах, точно он и впрямь решил больше не уходить отсюда. И в молчании этого настороженного, пристрелянного пространства, казалось, нельзя выпрямиться, нельзя идти как хочешь, нельзя преодолеть его одним стремительным ударом.

И вдруг это случилось. Сразу рухнула таинственность этого пространства и этих первых неприятельских окопов. В блиндажи врага полетели гранаты, и, когда атакующие оглянулись в пылу атаки, увидели пройденные три линии окопов. Четвертая линия окопов встретила атакующих нестройным огнем.

Опомнившись, немцы стали драться яростно, драться до конца. Да им и некуда было податься теперь. Удары сыпались на них со всех сторон. Уже зарево стало над Петергофом и Стрельной. Уже у Ропши появились наши танки. Уже Дудергофская гора встала перед нашими вплотную. И пошло разрастаться великое сражение под Ленинградом.

4.

Священные руины Петергофа, Павловска, Пушкина, Гатчины явились перед победоносными ленинградскими войсками, чтобы всей надрывающей душу трагичностью своих обвалов, пробоин, обожженных и разбитых стен звать к отмщению. Даже тот солдат и офицер, который никогда не видел их великолепия в мирной жизни, и тот не мог удержаться от волнения при виде того, во что обратили варвары наследие нашего прошлого.

Поваленные деревья вековых парков лежали, как мертвые великаны. Обрывки старинной парчи, бархата и шелка носил ветер над дымом пожарищ. Картины и фарфор, растоптанные сапогами гитлеровцев, лежали в грязи разбитых аллей. Статуи без голов валялись в кустарнике. Огонь пожирал остатки домов. Горело вокруг все, что могло гореть.

Пустыня, заваленная трупами, разбитыми пушками и машинами; пустыня, где возвышались груды щебня и мусора, присыпанные снежком; пустыня, где не было ни одного живого существа, окружала наших бойцов. В подвалах до-

мов, за пустыми стенами, зиявшими дырами, еще отсиживались смертники-фашисты, которые не успели бежать. Их кончали и шли дальше.

Кругом были немецкие доты, траншеи, блиндажи, пулеметные точки. Глубина обороны уже не пугала атакующих. Сколько бы километров ни тянулась эта чудовищная полоса, - все равно она была обречена.

День за днем развертывалась битва, уходя все дальше и дальше на юг. Немцы пробовали еще стрелять по городу, но это были последние разбойничьи выстрелы. Через часда тяжелые желтые дула замолкали навсегда. Через несколько дней они уже стояли на Дворцовой площади, и ленинградцы смотрели на эти чудовища, что терзали своими снарядами живое тело города. И вот они в плену, угрюмые, молчаливые, зловещие.

А в это время на другом фланге двинулись новые полки, загремела новая канонада. В этой страшной местности, что была ареной непрерывных сражений, среди незамерзших болот, среди торфяных ям и канав, повитых дымом торфяного пожара, начался штурм немецких укреплений. Было время, когда ленинградцы верили, что с падением неприступной Мги кончатся все бедствия блокады. Маленькая, затерянная в болотах станция стала символом борьбы за Ленинград. Совсем по-другому произошел прорыв блокады, но Мга завоевала себе навсегда мрачную известность упорностью и яростью боев. Тысячи немецких трупов утонули в ее болотах. Сотни тысяч снарядов резали болотные кустарники и кочки. Речушка Мойка, никому не известная, текла кровью в дни осенних боев этого года. На берегу нашей гордой Невы засели немцы, и даже после прорыва блокады их позиции от Арбузова до покрытого сотнями тысяч осколков маленького предместного редута на окраине села Ивановского разрезали наши войска, стоявшие по ту сторону реки Тосно и на северном берегу Мойки.

И вот пала Мга. Зашатались все доты по реке Тосно, и старый противотанковый ров за рекой увидел, как бегут немцы отсюда, где они зубами держались за каждый клочок земли. Мы узнаем позднее подробности этих боев, но теперь известно, что немцев нет больше на Неве, нет больше на всем пространстве от Шлиссельбурга до Тосно, нет их и дальше, а битва продолжается и уходит на запад, на юго-запад, на юг.

5.

Все дальше и дальше уходила битва от Ленинграда, и все глуше слышался грохот стрельбы и наконец исчез в отдалении. И тогда ленинградцы услышали радио, которое объявляло приказ войскам Ленинградского фронта. Это было 27 января. Этот день войдет в историю города, в историю народа, в историю Великой Отечественной войны, в историю мировой борьбы с фашизмом.

Город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника. В восемь часов вечера толпы ленинградцев вышли на улицы, на площади, на набережные. Кто передаст их состояние? Кто расскажет, что они переживали в эту минуту? Нет слов, чтобы изобразить их волнение. Все накопленное за годы испытаний, все пережитое воскресло и пронеслось перед ними, как ряд видений, страшных, невероятных, мрачных, грозных. И все это исчезло в ослепительном блеске ракет и громе исторического салюта. Триста двадцать четыре орудия ударили в честь великой победы, в честь великого города.

Люди плакали и смеялись от радости, люди смотрели сверкающими глазами, как в блеске салюта возникал из тьмы город всей своей непобедимой громадой. И шпиль Петропавловского собора, и форты старой крепости, набережные. Адмиралтейство, Исаакий, и корабли на Неве, Невский - все просторы города освещались молниями торжествующей радости.

"Мужественные и стойкие ленинградцы! - говорилось в приказе. - Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы. От имени войск Ленинградского фронта поздравляю вас со знаменательным днем великой победы под Ленинградом". И. стояли подписи тех, кто был впереди войск, бравших победу, - Говоров, Жданов, Кузнецов, Соловьев, Гусев.

Так оно и было! И с этого часа начинается другой период жизни города, когда историк берет перо и начинает писать по порядку всю историю законченной трагической эпопеи.

Она уже в прошлом, но это прошлое еще вчера дышало всем полымем борьбы, и еще всюду в городе свежие шрамы и следы этой битвы, не знавшей равных в истории.

Наступает тишина восстановления. Но а ушах еще отзвуки всех бесчисленных выстрелов, в глазах еще картины невиданных подвигов, в сердце горестные воспоминания, подымающие человека на новые труды, на новые подвиги во имя жизни, во имя дальнейшей борьбы, во имя окончательной победы.

27 января 1944 года! Никогда не забудут тебя ленинградцы. И каким бы ни был пасмурным этот зимний день над Невой, он всегда будет сияющим днем для жителей великого города.

6.

Сейчас вспоминается все с самого первого дня, когда разорваны были пути, связывавшие Ленинград со страной, и пароходам некуда было плыть, и поездам некуда было уходить.

Но сейчас радость не приходит одна. И волна нашего наступления возвращает нам эти пути один за другим. Уже свободна Северная дорога, и через Кириши-Мгу поезд может идти в Ленинград, и свободна Нева, можно готовиться к весенней навигации, можно плыть от Ладоги до залива, не думая об опасности и не боясь ничего. И наконец открывается путь, самое название которого наполняет торжеством сердце: Октябрьская железная дорога очищена от немецких захватчиков.

Она, эта дорога, еще изрыта взрывами, мосты лежат в обломках, станции в руинах, шпалы сброшены с насыпи, рельсы пошли на доты и надолбы, - но это ничего не значит. Есть свободный путь! Загудят паровозные голоса у стен, пахнущих свежим деревом, новые рельсы будут гнуться под тяжелыми составами и пассажирскими поездами, бегущими по старой, родной, прекрасной дороге от берегов реки Москвы, от Москоаского моря к берегам Невы, к берегам Балтики.

И ленинградцы воскресят свой славный экспресс -"Красная стрела". Русские люди возьмутся за восстановле-ние так же рьяно, как они брались за освобождение родной земли от заклятого врага

И будет исключительной силы событием для ленинградцев, когда они придут на Октябрьский вокзал встречать первый прямой поезд Москва-Ленинград. Сколько объятий, сколько восклицаний, сколько восторга и бесконечной радости.

Друзья обнимутся, как боевые товарищи. И по улицам, по которым никогда не проходил ни один враг, пройдут москвичи и ленинградцы, чтобы показать всему миру свое великое братство, проверенное страшными испытаниями, из которых они вышли победителями.

1944 год

ЛЕНИНГРАДКА

Константин ФЕДИН

Распространенное представление о русском характере, исполненном широты воображения, горячности, которая соединяется с мечтательностью и с пренебрежением внешними формами, -такое представление о русской натуре ленинградец дополнял и по виду даже опровергал устойчивостью вкусов, предпочтением строгих форм, дисциплиной, исполнительностью, почти педантизмом. Он, конечно, тоже был русской натурой, однако он доказывал, что рядом с широтою этой натуре свойственна целеустремленность, рядом с мечтательностью - самодисциплина, рядом с горячностью - постоянство привязанностей. Ленинградец расширял своею сущностью понятие о русском. Многого нельзя было бы уяснить в нашем характере без того, чем проявился он в петербургской, ленинградской культурно-исторической оправе.

Существо ленинградского патриотизма раскрылось в том, что он оказался глубоко русским и в то же время советским. Ленинград дал пример того, как бьется русский за землю отцов и как защищает советский человек родину своих революционных идей, свою новейшую историю. Строгий, дисциплинированный, суховатый, почти педантич-

ный, ленинградец в войне против фашистов показал себя горячей, кипучей, фантастической натурой. Страсть - вот что обнаружил ленинградец прежде всех своих иных качеств, - страсть человека, от природы лишенного способности покориться воле врага. Пройдя огонь испытаний, патриотизм Ленинграда не утратил особой ленинградской окраски, но раскрыл свою природу как одну из самых страстных черт русского характера - готовность на любые жертвы ради отчизны.

Мое свидание с Ленинградом подходило к концу, и я был рад, что в последний день пребывания там встретился с человеком, которого я мог бы назвать настоящим ленинградцем.

Это была молодая женщина, главный хранитель петергофских дворцов-музеев. Чуть-чуть посмеиваясь над собою и одновременно с пылким порывом, она рассказала мне о своем первом посещении Петергофа после того, как оттуда были изгнаны немцы.

Сначала ее никто не хотел брать туда, где только что было поле кровавого боя, - зачем? Кому охота брать на себя ответственность за какую-то судьбу, когда в военном деле за каждый шаг спрашивают ответа? Но в конце концов упорной, не отступающей ни перед чем женщине удается уговорить каких-то офицеров, что именно ей необходимо раньше всех приехать в Новый Петергоф и немедленно увидеть дворцы, которым она отдавала себя целиком, которые она любила больше, чем собственность, чем близких, чем самое себя. Ей говорят, что машина не пойдет в Петергоф, а направляется в Гатчину, куда отодвинулся фронт. Она отвечает, что по пути. Ее нельзя переубедить. Она ничего не хочет слышать. Она уже сидит в машине.

Ее довозят до развилки дорог Гатчина-Петергоф. Автомобиль уходит. Она остается одна в необъятном снежном поле, рябом от взрытой снарядами земли. Она оглядывается. Исковерканные грузовики, разбитая пушка, зарядные ящики колесами вверх. Вон лежит убитый немец лицом в грунт. Ветер шевелит отросшими волосами на его шаровидном затылке. Проходит машина, другая, третья - все на Гатчину. В Петергоф не едет никто: это - тыл, оказавшийся в стороне от главной дороги войны. Вчера он был центром сражения, сегодня он никому не нужен. Женщина идет пешком, считая

I

убитых немцев. Внезапно позади нее раздается грохот. Она видит - мчится танк. Она останавливает его, подняв руки. Танкист, выглянув из люка, долго не может понять, что ей нужно. Неужели она, одержимая, и правда надеется найти следы своего музея? Потом он говорит, что ему не по пути, он сейчас свернет в сторону. "А впрочем, залезай на танк!" Женщина взбирается на холодный, ледяной горб чудовища и, обняв замерзшими руками ствол орудия, трясется по рытвинам дорожной обочины. Этому счастью скоро приходит конец: танк сворачивает на проселок, танкист машет из люка черной кожаной рукавицей: "До свидания, смешная женщина, давай бог разыскать тебе твой музей!" Женщина идет пешком. Она уже перестала вести счет убитым, она не глядит на них. Непременно дойти засветло - вот ее цель. Ей везет: лошаденка, запряженная в сани, бойко выезжает из-за обгорелых домов поселка. Но надежда рушится так же быстро, как возникает: кучер, конечно, подвез бы женщину, но сани идут не в ту сторону, - это остатки имущества полевого госпиталя, который догоняет фронт. Надо маршировать дальше, обходя воронки, перелезая через траншеи.

- Эй-э! - кричит ей кучер. - А насчет мин соображаете? Тут кругом минные поля.

Она просто не думала о каких-то минных \ полях, она идет напрямик. Не возвращаться же назад, когда она уже отшагала километров двенадцать и впереди чернеет длинная прямая полоса петергофского парка.

И вот она у цели. Она стоит на площади перед Большим Петергофским дворцом. Она смотрит на дворец. Нет, это неверно: она стоит, закрыв лицо ладонями. Ветер бьет ее, поземка крутится вокруг ее ног. Она покачивается, не сходя с места. Потом, когда она отрывает от лица застывшие мокрые пальцы, она уже чувствует себя другим человеком. Все, что она знала о своем Петергофе, существовало только в ее памяти. Перед ней лежали руины, из которых возвышались стены, напомнившие что-то знакомое. Что можно сделать из этих дорогих камней? Что еще сохранилось в этих свалках щебня? Она бежит по парку в Нижний сад. Всюду она встречает разрушения: в голландских домиках Петра - Марли и Монплезир, в Эрмитаже и на месте былых фонтанов. Все кажется ей сном, и, как во сне, все начинает исчезать в темноте зимнего вечера.

Она не узнает парка: дорожки и аллеи под снегом, деревья обезличены ночью. Только теперь усталость сковывает ее по рукам и ногам. Она насилу тащится глубокими сугробами, помня одно - что надо идти в гору. И вдруг она слышит голоса из-под земли.

- Да, представьте, - смеется эта женщина, дойдя до неожиданного поворота рассказа, - представьте мое состояние: я в снегу по колено, кругом тьма, я боюсь шагнуть, потому что уже понимаю, что меня хранит чудо, и в этот миг под землей раздаются голоса. Я осмотрелась, вижу - светится щель. Подошла. Оказывается - землянка, блиндаж. И оттуда несется самый что ни на есть морской разговор. Я так обрадовалась! Отворила дверь.

Четверо балтийских матросов, на корточках, вокруг коптилки режутся в карты. Ну, конечно, вскочили они, видят - женщина. Проверили документы, разговорились. "Как же, - спрашивают, - вы уцелели, парк ведь не разминирован".- "А почем я знаю, как уцелела? Ведь вот разве я могла знать, что встречу наших балтийцев за картами?" - "Мы, - говорят, - из охранения сменились и вот отдыхаем". - "Ах, вы из охранения?" Подсела я с ними к коптилке и начала им рассказывать, как было в Петергофе до войны, какое преступление совершили враги, уничтожив наши памятники, и каким будет Петергоф, когда мы его восстановим.

- Восстановим? - перебил я.

- А вы думаете - нет? - воскликнула она. - Матросы ни
на минуту не усомнились, что восстановим. Мы целую ночь
проговорили с ними - как лучше взяться за восстановление.
И, знаете, они теперь мои самые верные помощники по охране дворцов. Они собирают в парке всякие пустяки, осколки, обломки…

- Вот такие осколки? - опять перебил я ее, взяв со стола
кусок позолоченной деревянной резьбы, который я подобрал в развалинах Екатерининского дворца в Пушкине.

Взглянув на меня испытующе и помолчав, она выговорила притихшим голосом:

- Самые вредные для нас, музейных работников, люди - это туристы. Зачем вы увезли обломок? На таких кусочках мы будем строить всю работу по реставрации. Я внушаю это сейчас всем и каждому. Мы, как пчелы, соберем наши дворцы из пыли. Мы возродим их из праха.

- Как только начнутся восстановительные работы, - сказал я, - я пошлю этот осколок по месту
принадлежности,
завернув его в вату.

Она опять поглядела на меня, точно испытывая - не шучу ли я, потом улыбнулась, поняв, что уколола меня словом "туристы".

- Мы немедленно возьмемся за восстановление. Конечно, это будет нелегко. Но вот я вам даю слово, что мы восстановим наш Петергоф так, что там не останется даже духа фашистского пребывания!..

Я пожал ей руку с восхищением и благодарностью. Я был убежден, что она дает слово не напрасно. Верность слову составляет нераздельную часть ленинградского патриотизма.

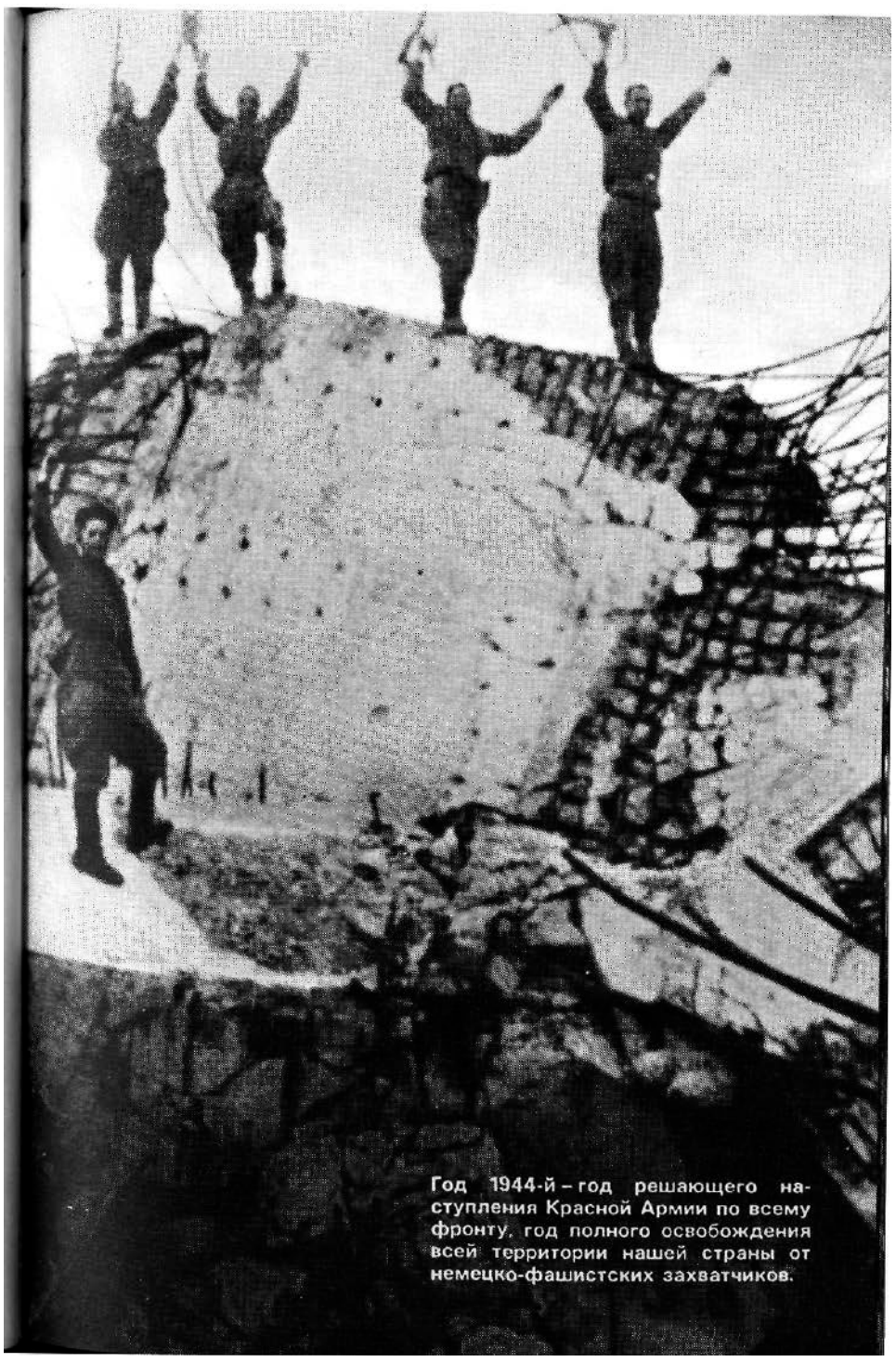
1944 год

ГРАМОТА ЛЕНИНГРАДУ

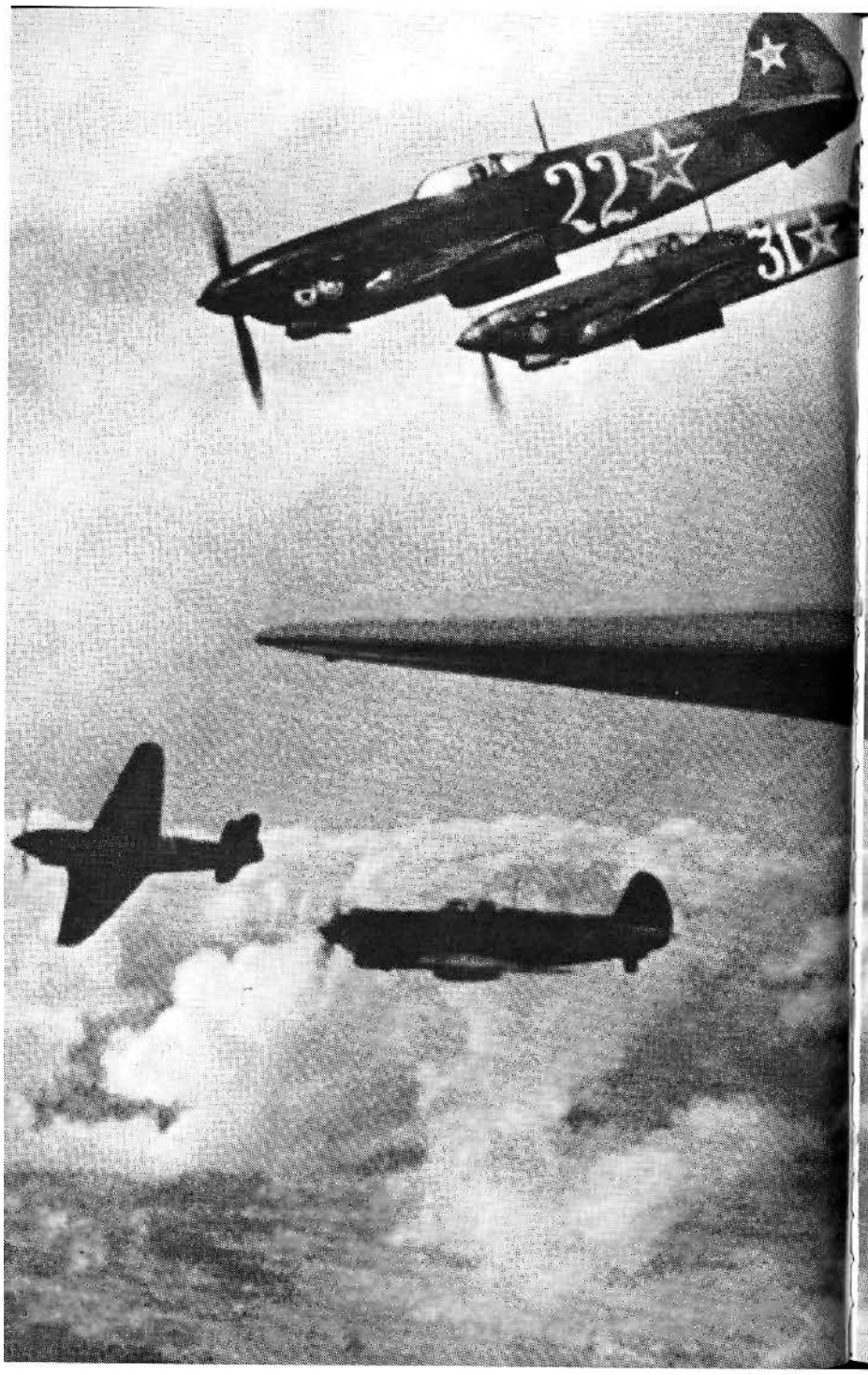
От имени народа
Соединенных Штатов Америки я вручаю
эту грамоту городу Ленинграду
в память о его доблестных воинах
и его верных мужчинах, женщинах
и детях, которые, будучи
изолированными захватчиком
от остальной части своего народа и,
несмотря на постоянные бомбардировки
и несказанные страдания от холода,
голода и болезней, успешно защищали
свой любимый город
в течение критического периода
с 8 сентября 1941 года
по 18 января 1943 года
и символизировали этим
неустрашимый дух народов
Союза Советских
Социалистических Республик
и всех народов мира,
сопротивляющихся силам агрессии.

Франклин Д. Рузвельт

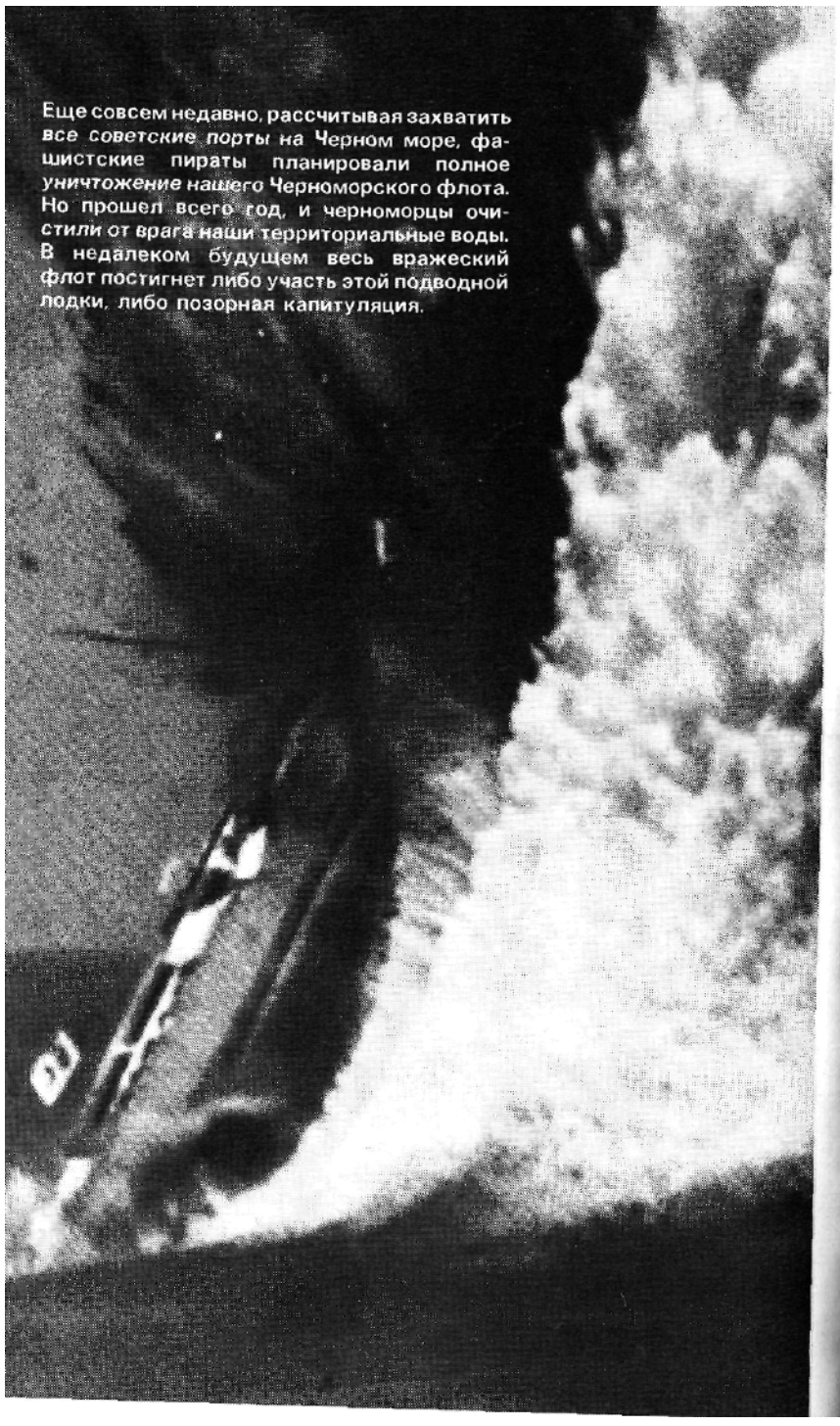
17 мая 1944 года
Вашингтон



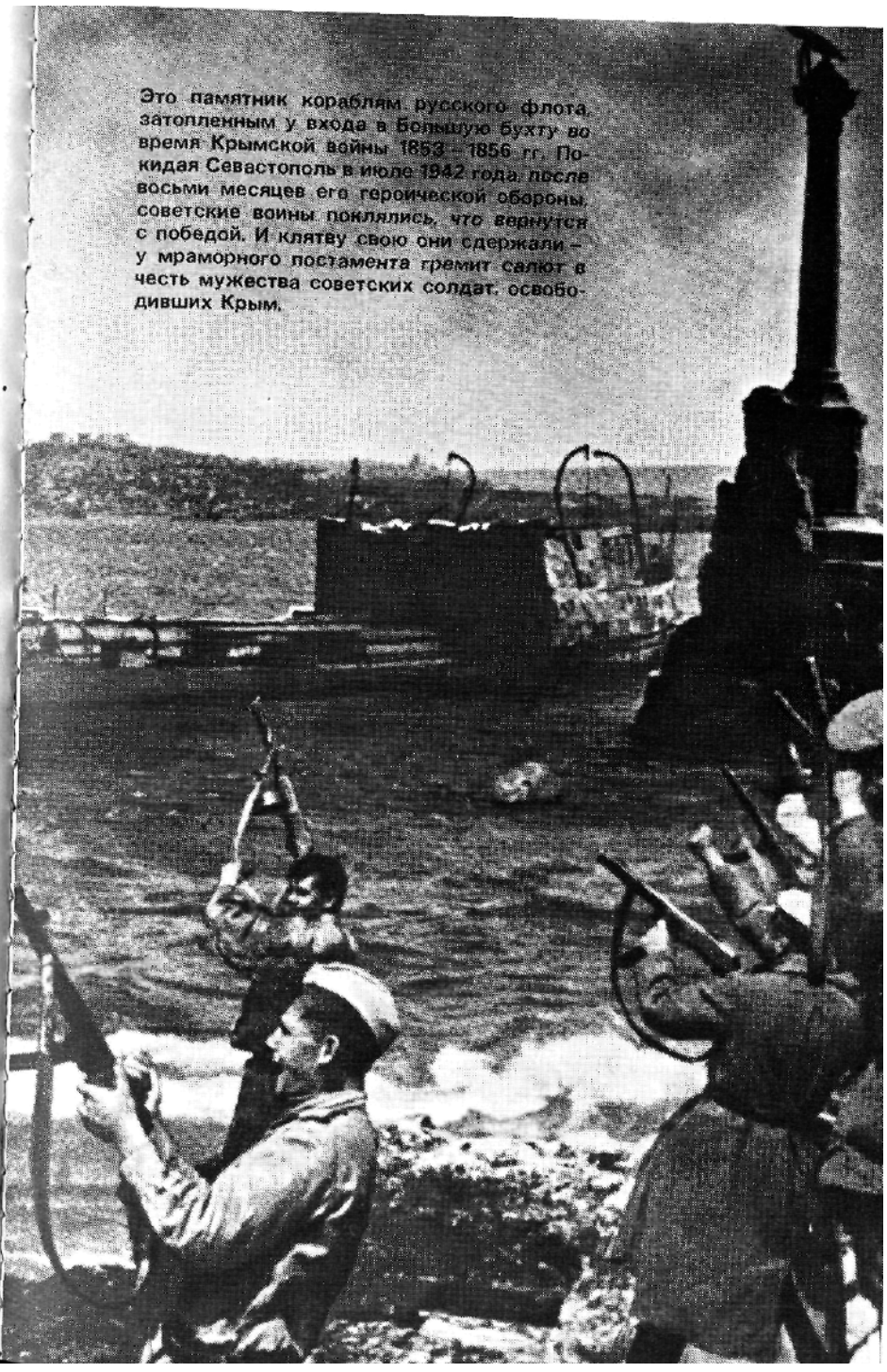
Год 1944-й – год решающего наступления Красной Армии по всему фронту, год полного освобождения всей территории нашей страны от немецко-фашистских захватчиков.



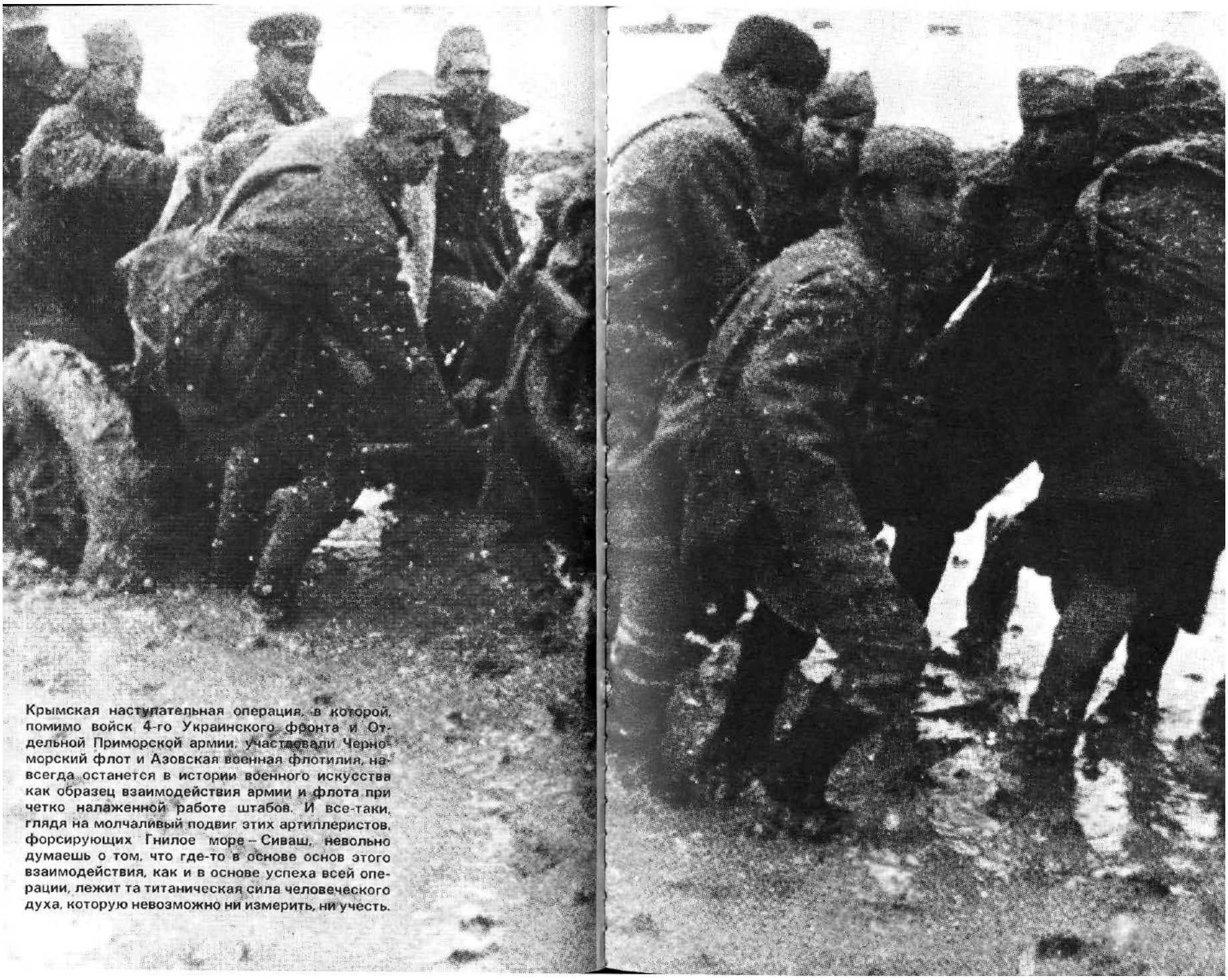
Давно прошли те времена, когда фашистские стервятники, пользуясь своим численным превосходством, почти безнаказанно бомбили наши мирные города и селения, расстреливали из пулеметов толпы беженцев. Теперь наша авиация прочно завоевала господство в воздухе и наносила сокрушительные удары по боевым порядкам и очагам сопротивления противника.



Еще совсем недавно, рассчитывая захватить все советские порты на Черном море, фашистские пираты планировали полное уничтожение нашего Черноморского флота. Но прошел всего год, и черноморцы очистили от врага наши территориальные воды. В недалеком будущем весь вражеский флот постигнет либо участь этой подводной лодки, либо позорная капитуляция.

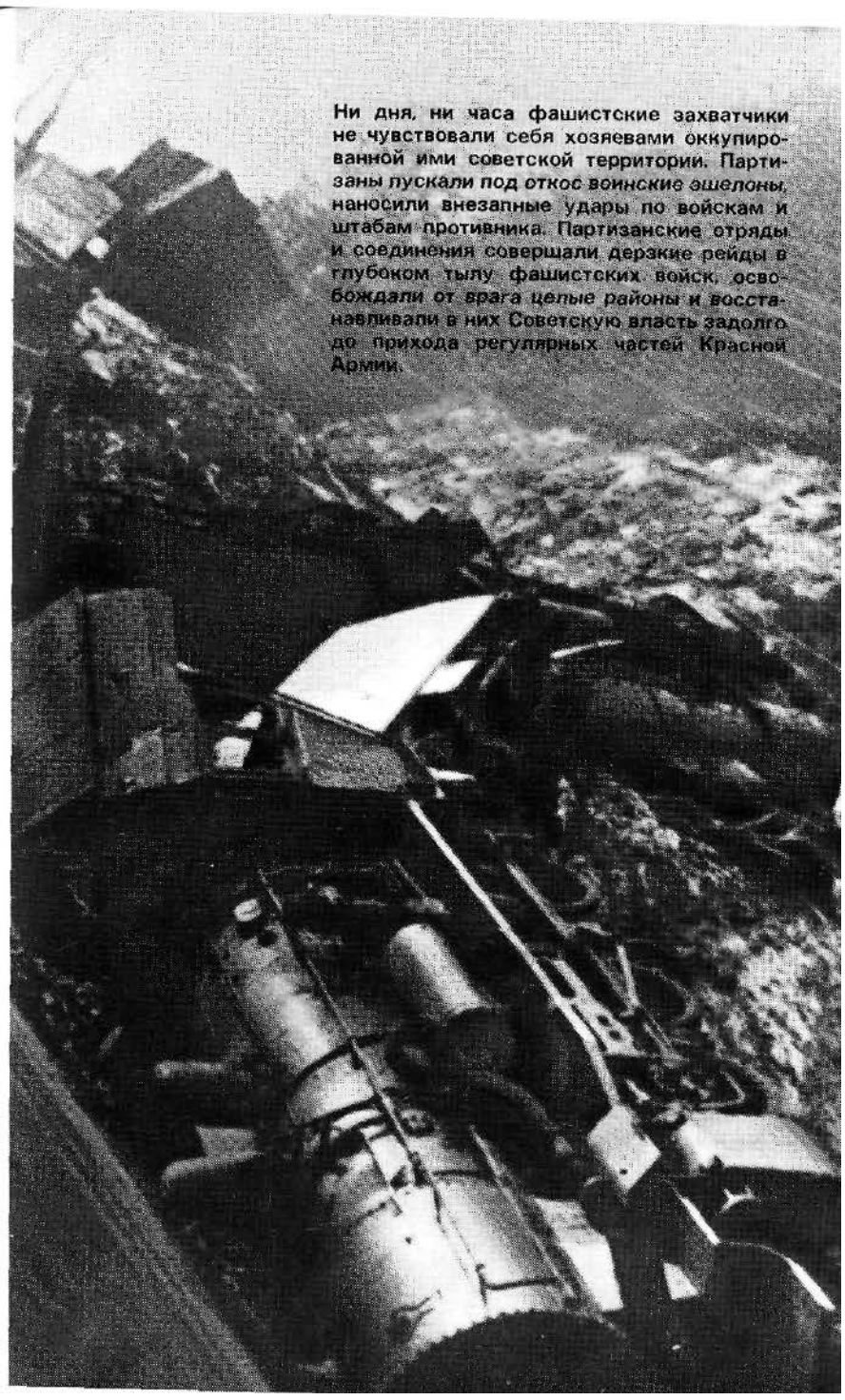


Это памятник кораблям русского флота, затопленным у входа в Большую бухту во время Крымской войны 1853 – 1856 гг. Покидая Севастополь в июле 1942 года, после восьми месяцев его героической обороны, советские воины поклялись, что вернутся с победой. И клятву свою они сдержали – у мраморного постамента гремит салют в честь мужества советских солдат, освободивших Крым.



Крымская наступательная операция, в которой, помимо войск 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии, участвовали Черноморский флот и Азовская военная флотилия, навсегда останется в истории военного искусства как образец взаимодействия армии и флота при четко налаженной работе штабов. И все-таки, глядя на молчаливый подвиг этих артиллеристов, форсирующих Гнилое море – Сиваш, невольно думаешь о том, что где-то в основе основ этого взаимодействия, как и в основе успеха всей операции, лежит та титаническая сила человеческого духа, которую невозможно ни измерить, ни учесть.

Когда заминирован каждый метр и пристрелян каждый клочок этой многострадальной земли, работа саперов – это не просто подвиг, а всегда игра со смертью.

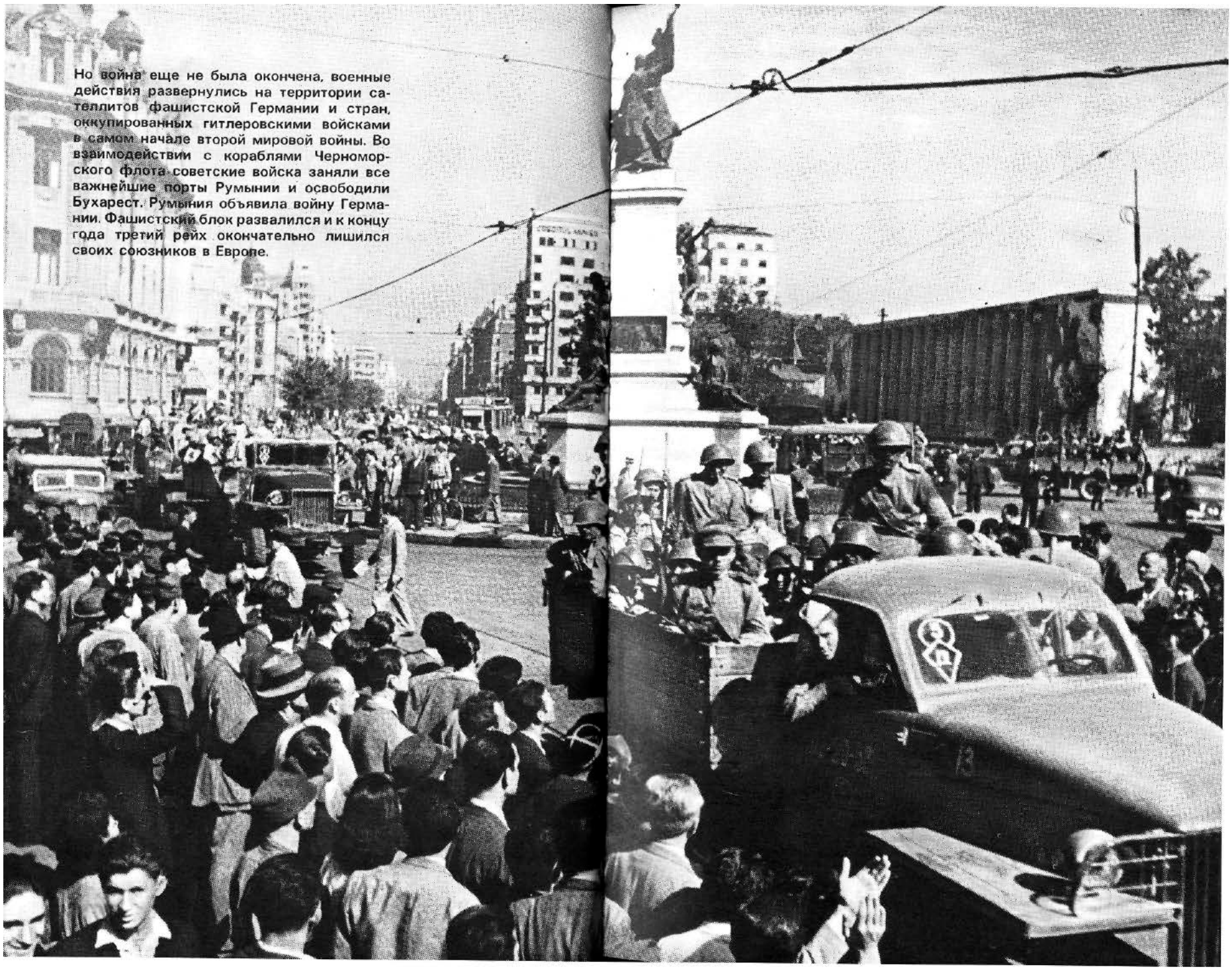


Ни дня, ни часа фашистские захватчики не чувствовали себя хозяевами оккупированной ими советской территории. Партизаны пускали под откос воинские эшелоны, наносили внезапные удары по войскам и штабам противника. Партизанские отряды и соединения совершали дерзкие рейды в глубоком тылу фашистских войск, освобождали от врага целые районы и восстанавливали в них Советскую власть задолго до прихода регулярных частей Красной Армии.

Под молниеносными ударами наших войск, оснащенных самой современной военной техникой, гитлеровские армии откатывались все дальше и дальше на запад, и вот настал долгожданный день...

▲ В конце июля советские войска совместно с частями 1-й Польской армии вышли к *Висле, очистив от врага значительную часть* Польши, и 14 сентября заняли предместье Варшавы – Прагу. Через четыре месяца, 17 января 1945 года, Варшава была освобождена. В жестоких боях за освобождение Польши пало свыше 600 тысяч советских воинов.

◀ Этого великого дня, дня освобождения всей территории нашей страны от фашистских оккупантов, ждали почти четыре года, бесконечно долгих, трудных и героических четыре года войны, самой страшной и опустошительной в истории человеческой цивилизации. И этот день наступил. Государственная граница СССР была полностью восстановлена на всем ее протяжении от Баренцева до Черного моря.



Но война еще не была окончена, военные действия развернулись на территории сателлитов фашистской Германии и стран, оккупированных гитлеровскими войсками в самом начале второй мировой войны. Во взаимодействии с кораблями Черноморского флота советские войска заняли все важнейшие порты Румынии и освободили Бухарест. Румыния объявила войну Германии. Фашистский блок развалился и к концу года третий рейх окончательно лишился своих союзников в Европе.

I B v' vvS "j • /, 1^' /"'•*•'iH'i ɔ~2ɜoɔ

Ш Ж 1 |'l:,r ~' . . "• ^Ш1

Несколько дней назад
войска 3-го Украинского фронта,
перейдя в наступление из районов
северо-восточнее Кривого Рога
и северо-восточнее Никополя, прорвали
сильно укрепленную оборону немцев,
продвинулись вперед за четыре дня
наступательных боев от 45 до 60 километров
и расширили прорыв до 170 километров по фронту.

Из оперативной сводки Совинформбюро
6 февраля 1944 г.

ЧУВСТВО ДВИЖЕНИЯ

Борис **ГОРБАТОВ**

В Кривом Роге люди, два с половиной года судорожно жившие под страшной властью оккупантов, сейчас дрожать перестали. Многие месяцы прожили они в тоске и страхе. Шахтеры прятались по шахтам. По ночам вылезали "на-гора", прислушивались к артиллерийскому грому. Он приближался, он нес им спасение. Они привыкли к шагам канонады-она шла к ним. На выручку. Они жадно ждали.

Артиллерийская гроза прошумела над городом, как спасительный дождь, и прокатилась дальше. На запад. Это - неотвратимое движение. И люди в городе это знают. Никто не спрашивает: неужто гитлеровцы вернутся? Они уже видели врагов, спасавшихся бегством. Видели и наши войска и нашу технику. Чувство победы стало всеобщим, решающим чувством.

Вместе с войсками пришли в город старые криворожцы-руководители. Председатель горсовета Зиненко приехал из далекого Мурманска. Родной город тянет. Родной город ждет хозяев и работников. Зиненко двигался вместе с войсками вслед за артиллерийским громом - это было движение домой, к труду. Вот он пришел. Недолгие объятия с земляками, и за работу. Темпы восстановления жизни в освобожденных городах теперь куда выше, чем в первые месяцы наступления, - мы научились и этому. Наступление строителей на разруху по-военному размерено часами. Каждый час приносит победу. Уже есть телефон. Сейчас будет радио на улицах. Скоро будет вода, свет, печеный хлеб. Это все крепости, и их берут с боя. Стосковавшиеся по труду люди работают жадно.

Из развалин своей редакции вытащил редактор Александр Криворог две печатные машины "американки". Наборщики разыскали шрифт в золе. Редакция ютится в уцелевшем сарае. Но первый номер газеты криворожцев уже вышел.

На шахту прибыл Алексей Семиволос. Он стосковался по родной криворожской руде. Богатая руда, такой нет в мире. Путь к ней лежит сейчас через развалины шахт, через море подземной воды.

Враг зверски разрушил шахты, заводы, поселки Криворожья. Но люди не плачут, не охают над руинами - они засучивают рукава. Можно разрушить дом - нельзя испепелить жизнь. Мы видели бульвар в Днепропетровске. Над черными деревьями, изуродованными снарядами, поднялись уже тонкие руки новых ветвей. Сок бежит по древесным жилам. Это великое движение. Это - жизнь.

На железной дороге уже стучат кувалды. Темпы восстановления дорог поразительны. Мы любим благодушно, насмешливо поругивать наш "расейский беспорядок" и бездорожье - мы и не заметили, как в огне войны выковался такой порядок на наших дорогах, до которого немцам далеко. Но раньше железной вползла в Кривой Рог ВАД - военно-автомобильная дорога - с ее бесчисленными указателями, дорожными лозунгами, усатыми регулировщиками, бензозаправочными пунктами и даже с офицерской гостиницей.

Дорога рвется через город на запад и на юго-запад. Регулировщик молодцевато салютует флажком танкистам. Все охвачено великим чувством движения. И это самое волнующее, что видишь здесь.

Движутся танки, орудия, обозы, забрызганные грязью грузовики везут боеприпасы, Идет пополнение. Оно идет хорошей дорогой - дорогой победы. Это не забудется в бою.

Дороги развезло. Оттепель. Туман. Грязь. И даже дождь в феврале. Грязь здесь густая, тягучая, мощная. Чернозем. Поля покрыты непрочным мокрым снегом и водой. Вода всюду. "По правилам" в такую непогодь наступать нельзя.

Но никто - ни командование, ни офицеры, ни бойцы не говорят себе: нельзя наступать в такую погоду. Напротив, все охвачено наступательным порывом. Великое чувство движения вошло уже в кровь и плоть советского солдата. На запад - это не только лозунг, не только клич, это - импульс. Это - приказ сердца. Тот, кто видел развалины Кривого Рога, тот, кто прошел от Волги до Ингульца, тот не может медлить. Он торопится. Он знает, как ждет освобождения родная земля. Он к ней идет.

Люди тащат орудие на себе по грязи. Если же свое орудие подтащить трудно, то можно и у немцев взять. И берут. Артиллеристы Лукьянчикова захватили немецкую пушку, выделили для нее новый расчет и бьют врага из его же орудия. Тысяча снарядов уже полетела на голову неприятеля. Теперь артиллеристы собираются еще прихватить у врага пушчонку.

Ни дождь, ни грязь не могут остановить наших пехотинцев. Здесь говорят даже, что туман и дождь - не помеха, а скорее подспорье. Туман для внезапного налета хорош, а по грязи врагу удирать труднее. Пользуясь туманом, разведчики ходят в лихие рейды. Группа сержанта Соколова прошла в тыл врага, напала на численно больший отряд гитлеровцев, девятнадцать убила, а офицера привела. Все чаще стали действовать наши подразделения ночью. Внезапными ночными налетами захватываются населенные пункты. По ночам же идет неутомимое преследование отступающих частей. Несмотря на непогодь, линия фронта все дальше отодвигается на запад и юго-запад.

Оккупантов тоже охватило чувство движения. Это движение рака, карабкающегося восвояси под корягу. Враг упирается, он не хочет уходить, он отчаянно сопротивляется, но глаза у него на затылке. Он смотрит назад.

В немецких письмах и дневниках один мотив: мы не знаем, сколько простоим здесь, но похоже на то, что очень недолго. Окончательно потеряв Днепр, они думают теперь О Южном Буге как об обетованной коряге. Они отчаянно дерутся на каждом промежуточном рубеже. Они цепляются. Но в то, что устоят здесь, больше не верят.

Фронт движется ... Несмотря ни на что - ни на грязь, ни на распутицу, ни на отчаянное сопротивление. Это движение - то более быстрое, то временно замедляющееся, но неотвратимое и ежедневное. На запад. К победе.

Март 1944 ***года***

Литовский партизанский отряд "Вильнюс" за десять дней пустил под откос пять воинских эшелонов противника. Движение поездов на этом участке было прервано на несколько дней. Другой отряд литовских партизан разгромил вражеский гарнизон, расположенный в крупном немецком **имении.**

Из оперативной сводки Совинформбюро 24 марта 1944 г.

МАРИЯ МЕЛЬНИКАЙТЕ

Антанас ВЕНЦЛОВА

Уже в первый день войны полыхали огнем литовские деревни и города, подожженные бомбами фашистских самолетов и артиллерийскими снарядами. Страшными массовыми убийствами ни в чем не повинных людей в Паланге, Каунасе, Вильнюсе, Укмерге и других местностях враги стремились сломить сопротивление литовского народа. Но литовцы, на протяжении двухсот лет упорно боро-

вшиеся с крестоносцами, были далеки от мысли подчиниться последышам псов-рыцарей - гитлеровским разбойникам.

Первые небольшие партизанские отряды в Литве начали действовать уже в самом начале войны. Под влиянием побед Красной Армии партизанское движение здесь выросло настолько, что для подавления его уже недостаточно обычных карательных отрядов. Оккупанты посылают против партизан регулярные войска, оснащенные артиллерией, танками и самолетами, сжигают деревни и истребляют жителей. Слава о подвигах партизан "Жальгириса", "Маргириса", "Вильнюса", "За Родину" и других отрядов разносится по всей Литве. Всевозрастающий фашистский террор, с одной стороны, а с другой - надежда на скорое освобождение приводят в ряды партизан сотни и тысячи новых борцов.

Среди этих тысяч в памяти литовского народа, как сверкающий алмаз, будет вечно сиять имя героической литовской девушки Марии Мельникайте.

Мария родилась в 1923 году в Восточной Литве, в одной из прекраснейших местностей края - Зарасай, в семье рабочего-слесаря. Она рано узнала нужду и горечь чужого хлеба.

Зимой Мария посещает начальную школу, а летом идет на работу к кулакам - пасет скот, нянчит чужих детей. Едва лишь успев выйти из детского возраста, за жалкие гроши она работает на конфетной фабрике упаковщицей. Только при Советской власти Мария, все время страстно стремившаяся к образованию, получает возможность учиться дальше. Она посещает вечерние курсы, много читает. Мария знает, что ей уже не придется пройти тяжелый жизненный путь ее матери, быть служанкой у богатеев. Она вступает в ряды комсомола, и перед глазами молодой работницы раскрываются красота и глубокий смысл новой жизни. Но ей недолго приходится радоваться своему счастью. Начинается война. Уже в самом начале военной бури ее родной город был превращен в груду пепла.

Вместе с другими не успевшими эвакуироваться юношами и девушками Мария уходит в подполье. Гитлеровские разбойники в Литве свирепствуют. Изо дня в день они расстреливают, вешают лучших сыновей и дочерей Литвы, охотятся за молодежью и угоняют ее на каторгу. Тюрьмы и концентрационные лагеря переполнены. Литва, которую Мария любит со всей страстностью своего двадцатилетнего сердца, залита кровью, превращена в дымящиеся развалины, среди которых вырастают все новые и новые могилы.

Мария начинает организовывать молодежь на борьбу с врагами. До Литвы долетают вести о разгроме фашистов под Москвой, а затем - и у Сталинграда. Сопротивление населения гитлеровцам все возрастает по мере того, как растет надежда на освобождение. Катятся под откос вражеские эшелоны, взлетают в воздух военные склады оккупантов. Партизаны неуловимы. И захватчики еще более усиливают террор против мирного населения.

Мария Мельникайте - одна из самых активных партизанок в Литве. Она возглавляет партизанский отряд. Своей отвагой, стойкостью, верой в победу вдохновляет молодых товарищей. А когда ее вместе с отрядом окружают фашисты у широкой, разлившейся в весеннем паводке реки, Мария призывает товарищей уйти от лютого врага, переплыть реку. Как всегда, первая подает пример - сбрасывает одежду, бросается в ледяную воду и, уцепившись за проплывавшее бревно, добирается до другого берега. Таким же образом спасают свою жизнь и другие.

Наступает роковой день - 8 июля 1943 года. Мельникайте вместе с пятью товарищами уходит на выполнение боевого задания. Карательные части, уже давно выслеживавшие отряд, нападают на его след. В роще каратели окружают маленькую группу партизан. Нет пути к отступлению - со всех сторон враги. И горсточка литовских партизан, воодушевляемая отважной девушкой, в течение целого дня ведет героическую борьбу с превосходящими их по численности силами. В неравной борьбе гибнут один за другим смертью храбрых все пятеро товарищей Марии. Мария еще жива. Она сражается до последнего патрона. От ее руки находят смерть семь фашистских палачей. Когда кончились патроны, Мельникайте отбросила автомат и метнула в подползавших врагов гранату, от которой погибло еще несколько гитлеровских бандитов. Увидев, что ей угрожает опасность попасть в руки врагов, тяжело раненная, обливающаяся кровью, Мария пытается взорвать себя, но не хватает сил выдернуть чеку гранаты.

Начинается последний акт жизни и борьбы героической партизанки. Мария Мельникайте - в когтях гестапо. Кто

такая, откуда она, кто ее товарищи, от кого получили оружие? Мария смело смотрит палачам в глаза. Она чувствует всю безысходность своего положения, но вместе с тем и величие своей борьбы и все моральное убожество подлых врагов. "Я не боюсь умереть, - спокойно отвечает она, - от меня' вы ничего не узнаете".

Долго продолжаются пытки. Кажется, что проходит целая вечность. Агенты гестапо переламывают ей пальцы, жгут ей ноги, вырезают груди. Мария, крепко стиснув зубы и полным ненависти взглядом окидывая своих палачей, до конца стойко прошла свой тернистый путь мучений. Услышав смертный приговор, Мельникайте сказала палачам:

- Я боролась и умираю за Советскую Литву! А вы зачем сюда пришли, что вы делаете в нашей Литве, фашистские псы?

И, все так же высоко подняв голову, Мария пошла на виселицу, поставленную на площади небольшого местечка Дукштас. Когда петля палача захлестнула ее девичью шею, героическая девушка, в последний раз бросив взгляд на родное небо и людей, которых согнали смотреть на казнь, воскликнула:

- Да здравствует Советская Литва!

Это было 13 июля 1943 года.

Навеки запомнили этот день жители Дукштаса. Этот день запомнил весь литовский народ.

Имя Героя Советского Союза Марии Мельникайте стало близким и родным всем советским людям.

*24 марта **1944 года***

ЛАГЕРЬ СМЕРТИ

Якуб КОЛАС

Безлесное моховое болото. Оно занимает гектаров 40-45. Снег еще полностью не растаял на неги, но между кочек уже проступают целые заводи. Неприветливо свисает над ним холодное мартовское небо, подернутое облаками. Сырой, пронизывающий ветер, обильный мокрый снегопад проносятся над болотом. Оттепель сменяется морозами. Болото находится в зоне двустороннего обстрела. Оно обнесено колючей проволокой и густо заминировано со всех сторон. В этот холодный ад согнали немецкие душегубы несколько десятков тысяч мирного белорусского населения, ограбленного в пути, голодного, плохо одетого и обутого.

Никогда в жизни я не встречал такого количества и в таком виде изможденных людей. Они поистине прошли крестный путь, путь невыразимых мук и невообразимого издевательства. Эти люди - жертвы гитлеровских палачей и убийц. Это - сыны и дочери белорусского народа, немощные старики, женщины и дети. Для них устроили немецкие изверги чудовищный лагерь смерти в районе местечка Аза-ричи Полесской области.

Нельзя без содрогания сердца слушать рассказы людей, побывавших в когтях немецких хищников и освобожденных из их неволи. Жители разных областей и районов Белоруссии - Гомельской, Могилевской и Полесской - рассказывают об одном и том же - о неслыханной жестокости, об издевательствах гитлеровских палачей. Рассказы их искренни, правдивы. В каждом их слове звучит глубокое страдание. Пережитое в пути к лагерю и в самом лагере глубоко вонзилось в психику страдальцев, наложило тяжелый отпечаток боли. Были случаи, когда люди не выдерживали ужасов нравственных и физических пыток и сходили с ума.

Четырнадцатилетняя Екатерина Хоменкова из деревни Фалевичи Рогачевского района рассказала:

- Осенью 1943 года, сразу же после покрова, немцы объявили новую мобилизацию мужчин и молодежи в Германию. Люди, кто как мог, стали уклоняться и прятаться. Обозленные немцы дотла сожгли четыре деревни, расположенные по соседству: Фалевичи, Толочки, Мортков, Волоки.

- В нашей деревне, - говорит Хоменкова, - немцы зверски убили 235 человек.

Из числа убитых она называет свыше пятидесяти имен, которые она помнит: Сущевская Анюта, Сущевский Леша, Антипов Клим, Антипова Маша, Антипова Надя, Антипов Женя, Хоменкова Мария, Хоменкова Ева и другие.

Люди гибли целыми семьями от мала до велика, от седых стариков до грудных младенцев, только-только

явившихся на свет. Людей жгли в домах, а прятавшихся в подвалах забрасывали гранатами. Чудом уцелевшие люди убегали в лес, но немцы настигали их, убивали или же сгоняли в лагерь.

Потрясающее впечатление оставляет рассказ шестидесятидвухлетней белорусской крестьянки Арины Игнатьевны Гавриленко. Она родом из деревни Толочки Рогачевского района. Она потеряла четырех детей - немцы сожгли их заживо.

- Все жители нашей деревни Толочки, 287 человек, по
гибли.' В огне сгорели: Красницкий Иван 50 лет, Гусев Петр
37 лет, Красницкая Александра 56 лет, Буслов Платон
37 лет, Красницкая Наталья 17 лет, Буслова Вера 30 лет,
вместе с нега погибли ее шестеро детей, Жуковская Надя
28 лет, Захарова Ольга 50 лет и ее две дочери: Фрося
20 лет и Маня 16 лет, и многие другие жители.

Вспоминая о своем пребывании в лагере, Арина Игнатьевна не может сдержать слез. Она не может без глубокого волнения говорить о страданиях народа, о детях, очутившихся в лагере. Немецкие изверги безжалостйо оторвали их от матерей, разлучили с ними. В лагере она увидела трехлетнего мальчика Евстафия Голубовского из Жлобина. Измученный, голодный ребенок, коченея от холода, бродит по лагерю, плачет и громко зовет: "Мама, мамочка, где ты? Я хочу кушать!" И он здесь не один, это осиротевшее маленькое существо. Их много. Они плотно прижались друг к дружке на холодной, обледенелой кочке, чтобы защититься от холода. Они уже не плачут, не ищут своих матерей. Они устали, обессилели, изголодались и больше не могут бороться за свою только что начавшуюся жизнь, жестоко обрываемую немецкими палачами.

- Сидят они, бедненькие, коченеют, пока смерть не при
дет к ним, - рассказывает Гавриленко, и слезы текут по
ее старческому изможденному лицу. Она, эта самоотвер
женная простая женщина, взяла мальчика Голубовского.

- Господи, - говорит в заключение Гавриленко, - если
бы вы видели, как фашисты издевались над людьми, как они избивали их, как они избивали нас, женщин! Никакие мольбы, никакие крики, ничто не помогало. Это не люди, это - звери... Нет, они хуже зверей.

О том, как сгоняли население в лагерь и какой путь пришлось ему пройти, рассказывает 19-летняя Людмила Пекорская, уроженка Жлобина:

- 12 марта 1944 года, под вечер, нас, уцелевших жителей города, заставили собраться в течение получаса. Кто не успевал и не выходил на улицу, немцы насильно выгоняли на улицу, а дома поджигали. Под угрозами расстрела, с окриками нас погнали на станцию Жлобин-Южная. Здесь отобрали молодых и куда-то увели их. Я оделась под старуху и поэтому вместе со стариками и детьми попала в эшелон. Эшелон был огромный. Сколько там было вагонов, я не считала, но на глаз их было не менее ста. В вагоны загнали не только жителей Жлобина, но и многих согнанных из близких и дальних деревень. Вогнав нас в теплушки, немцы наглухо закрыли двери и не выпускали никого, пока не приехали на место. Куда нас везут, мы не знали. В вагонах поднялся плач: плакали дети, плакали женщины. Старухи рвали на себе волосы. Страшно было. К вечеру 15 марта мы прибыли на станцию. Мне кажется, это была станция Рабкор. Нас выгрузили из эшелона. Большая часть вещей осталась в вагонах. Ночью нас куда-то погнали. Шли мы и утопали по колено в грязи, а немцы подгоняли нас: "Рус, шнель! Рус, скорее!" Почти сразу же на станции раздались выстрелы. Это немецкие конвоиры стреляли в отстающих. Шли очень долго. Многие матери, несшие грудных младенцев, уже не могли двигаться и падали на землю. Загнали нас за какую-то изгородь. Утром, когда начало светать, мы оглянулись и увидели, что находимся на болоте. Рядом с живыми мы увидели мертвых. Это были погибшие за ночь. Из первого лагеря нас погнали во второй.

Тяжелая была наша дорога. Мы выбивались из сил, а немцы подгоняли нас, ломали на нас палки, стреляли в нас. Вот идет женщина с тремя детьми. Один малыш не может идти дальше, отстает. Подходит немец и стреляет в него. Когда же мать и двое детей в ужасе останавливаются, солдат-зверь поочередно стреляет и в них. И таких случаев было много. Идут мать и сын Бондаревы. Худенький мальчик не выдержал этого пути и упал. Мать наклоняется над ним. Она хочет утешить его словом, ободрить. Но ни сын, ни мать уже не подымутся: немец-разбойник застрелил их. Из второго лагеря немцы погнали нас дальше, в деревню

Белосевичи. Люди измучились, изголодались. Издеваясь над нашим страданием, фашистские звери стали бросать в голодную толпу хлеб, норовя попасть в лицо. Мы находились под открытым небом. Слякоть сменилась морозом. Дров не давали. Разводить костры не разрешили. Воды не было. Воду пили из грязного болота. Люди замерзали, умирали от болезней. Немецкие солдаты и полицейские врывались в лагерь, сдирали сапоги и оставляли людей босыми. Снимали пальто, свитера. Тут же в лагерях бандиты насиловали женщин. Когда к ночи окоченевшие от холода люди стали разводить костры, немцы без предупреждения открыли стрельбу. Многих убили и ранили. Рядом со мной были ранены 9-летний Толя Чикилев и Виктор Мельников. Оба они из Жлобина. Вблизи меня в одну могилу были зарыты сорок женщин и детей, умерших в одну ночь. Тут же некоторые женщины рожали и умирали вместе с новорожденными.

Картину, нарисованную Людмилой Пекорской, подтверждает и дополняет другой житель Жлобина Петр Николаевич Гарташкин.

- В вагоне мы задыхались от недостатка воздуха, - говорит он. - Выходить нас не пускали, и воздух еще более отравлялся. Когда нас начали выгружать, то люди, умирая от жажды, кинулись искать воду. Немцы пускали в ход автоматы, расстреливали тех, кто на несколько шагов отделялся от колонны. За глоток воды люди отдавали все, что было самого ценного у них: кольца, деньги, часы. Умирающие от мук жажды люди руками раскапывали землю и высасывали из глины влагу. 56 лет я живу на свете, но о таких ужасах, что принесли нам немцы, не приходилось и слышать. Будь они прокляты, лютые немецкие гады! Я бы их всех своими руками передавил.

Все эти рассказы и показания целого ряда других лиц свидетельствуют об одном: злодеяния немецких извергов совершались по одному и тому же плану, исходящему от фашистских главарей. План этот - преднамеренное истребление белорусского народа, всей душой ненавидящего Гитлера...

Все многотысячное население лагеря - люди нетрудоспособные. Молодых и сильных немцы угнали на каторгу, и судьба их неизвестна...

Фашизм и злодеяние - неотделимые понятия. С тех пор как фашистская Германия занесла над миром кровавый топор войны, не перестает литься невинная кровь. Велико страдание народов, подвергшихся нападению разнузданных гитлеровских орд. Немцы дошли до последней черты чудовищного злодеяния. Они чувствуют приближение позорного своего конца, и в последние дни своего издыхания они особенно зверствуют. Вот почему свободолюбивые народы должны как можно скорее нанести последний удар в сердце фашистского зверя.

19 апреля 1944 года

СЫН НАРОДА

Андрей ПЛАТОНОВ

Генерал, бывший прежде начальником подполковника Простых, может быть, лучше других знал своего офицера. Он сказал о нем: "Это вдохновенный человек, как бывают вдохновенные музыканты и поэты: бой для него есть творчество и творение его - победа; но он допускает иногда излишний риск и расширяет, так сказать, толкование Устава, а когда укоряешь его, то он отвечает, что в нашем Уставе крупнее всего написано одно слово - "победа", а все остальные слова написаны более мелким шрифтом, - вот какой был у меня Иван Иннокентьевич, но он хорошо дерется, шут его возьми, прямо одно наслаждение, выругаешь его, а простишь; как будто иногда и неправильно бывает, а все верно - фашисты от него умирают или бегут!"

Я поехал в полк Ивана Простых. Подполковник жил в избушке на краю деревни у многодетной вдовы. У подполковника была та обычная, и все же редкая, наружность, которая напоминает вам, что вы где-то уже видели это лицо и вам чем-то близок и дорог этот человек, хотя ничего вспомнить о нем невозможно. Может быть, вы никогда и не встречали его и не могли его знать, и лишь тайное родственное влечение вашей души к незнакомцу и ваше чувство симпатии к нему рисует на чужом лице знакомые

черты... Подполковник на вид был человеком лет сорока, немного сумрачным, с темно-карими утонувшими подо лбом глазами, выражение которых не менялось от его настроения. Познакомившись, я спросил у него,, виделись ли мы когда-нибудь раньше. Он проницательно поглядел на меня и ответил, что - нет, он меня не помнит; правда, был у него один лейтенант, похожий на меня, но тот убит еще под Кромами... Моя дальнейшая жизнь в полку и знакомство с его командиром все более увеличивали мой интерес к этому офицеру. Есть люди, характер которых возможно приблизительно определить, и образ их делается сразу ясен. Но есть люди иные: вы уже знаете о таком человеке многое, однако они похожи на земное пространство - дойдя до одного горизонта, вы за ним видите следующий, еще более удаленный, и должны идти снова вперед... Такой человек в своем духовном образе подобен бесконечному русскому полю, и это свойство его означает, что вы встретились с развивающимся деятельным человеческим существом, беспрерывно рождающим себя заново в новом опыте жизни.

Гвардейский полк Ивана Иннокентьевича Простых квартировал в двух смежных деревнях, где много было разрушенных пустых жилищ. Командир установил обычай в полку, чтобы его люди всегда жили не в общих избах, совместно с населением, а отдельно. В нежилых или осиротевших местах это было просто: строились землянки и блиндажи и ставились палатки, а в населенных пунктах дело было труднее. В тех деревнях, где полк квартировал сейчас. Простых приказал красноармейцам отремонтировать или привести в годное для жилья состояние поврежденные избы и затем поселил в них своих бойцов. Однако на таких тыловых постоях подполковник совсем не желал, чтобы его солдаты жили с населением вовсе розно или чуждо. Он только хотел, чтобы его люди жили постоянно своим войсковым домом и чтобы их человеческое чувство удовлетворялось в задушевном боевом товариществе, в учении и службе, - в службе, усвоенной как страстный долг.

С населением солдаты Ивана Простых имели близость жизненного и серьезного значения. Сейчас, когда была пора весны, красноармейцы в свободное время копали в помощь хозяйкам огороды, ровняли навоз на грядках, чинили сельский инвентарь и убирали с проездов мусор от немецкого нашествия и мертвые остатки воины - колючую проволоку, снаряды и погоревшие машины, а девушки-санитарки брали в избы малых крестьянских детей, чтобы их матери спокойно работали в колхозном поле. Это вновь и вновь приучало людей, и красноармейцев и местных жителей, к простым житейским отношениям, к сознанию того, что все они - один народ и дело их родственно. Когда полк Ивана Простых пойдет вперед, позади себя он оставит устроен'ные жилища, возделанную землю и доброе чувство в крестьянских сердцах.

Я спросил однажды у командира, не устают ли его люди от таких сельских работ, ведь у них есть свои прямые обязанности, требующие всех сил.

- Что ж такое, что они устают! - сказал Простых. - Солдат с усталостью не считается. Да и потом у меня своя есть главная забота! - резко добавил он. - Своя забота! Я здесь не блаженных телят воспитываю, а людей подвига, людей, творящих смерть врагу! А здесь народ два с лишним года был зачумлен немцами, пусть теперь он вспомнит своих людей и полюбит их еще больше, чем любил прежде...

Подполковник обычно весь день проводил в поле на строевых занятиях и учебных стрельбах. От каждого бойца он требовал такой отработки своего оружия - пулемета, миномета, винтовки, автомата и штыка, - чтобы человек владел им, не напрягая сознания. "В бою действуйте своим оружием, как сердцем, без натуги, привычно и свободно, - говорит Простых своим солдатам, - а сознание держите незанятым, чтобы следить за неприятелем, понимать его действия и делать ему смерть. Если же кого жмет оружие, как непригнанный сапог, кто чувствует на себе автомат, как постороннее тело, тот еще не воин".

В долгих беседах с бойцами, в проверке их знаний, после сдачи зачетных стрельб Иван Иннокентьевич внушал всем подчиненным, особенно же новому пополнению, одну "народную философию оружия", как он сам это называл. Подполковник считал неправильным разделение техники на мирные орудия труда и на военные орудия истребления. Он говорил, что нашему народу спокон веков и доныне одинаково нужны и полезны для жизни как серп, плуг, трактор, станок или жнейка, так равно и копье, штык, автомат, пулемет и пушка. Командир полка здраво полагал.

что родственное соединение плуга и винтовки, станка и пулемета как равноценных орудий для поддержания жизни народов вернее всего зачнет в сердцах солдат любовь к оружию, а эта любовь явится лучшей матерью знания: тогда солдат охотно изучит оружие и умело будет владеть им в бою.

При мне он говорил в одной роте о кровном братстве рабочего, пахаря и бойца, плуга и винтовки.

- В мире есть злодейская сила, - сказал Простых сол
датам. - Крестьянин возделает землю, токарь на станке
создаст нужную вещь, но придет злодей, он убьет пахаря и рабочего, заберет себе их орудия труда - плуг и станок.
Что толку в плуге и станке, если у человека отымается его жизнь. Поэтому без винтовки и плуг и станок не нужны. Поэтому для защиты родной земли нужны мы, солдаты. Я вам говорил о труженике, которого может убить злодей. Но если даже пахарь или рабочий останется в живых, то к чему тот хлеб или те вещи, что он наработал, если хлеб его пожрет враг либо заберет себе созданные его трудом вещи и только умножит этим свои силы.

Бойцы с доверчивым изумлением слушали командира: понятные слова его глубоко западали им в сознание, и в сердцах их утверждалось чувство высокого человеческого достоинства, достоинства советского солдата, которому доверено сберечь человечество от убийства. Не знаю, так ли точно понимали они своего командира, но, вероятно, они понимали его лучше и непосредственнее меня.

Возвращаясь однажды с поля пешком, мы с подполковником шли деревенскими огородами. Иван Иннокентьевич негромким, обычным своим голосом говорил страстные слова о смысле деятельности офицера. Он говорил о постижении тайны боя: он верил, что есть рациональные законы, управляющие процессом боя; и тот, кто умеет открыть их, владеет искусством постоянно побеждать. Законы боя очень сложны, это ясно понимал подполковник Простых; но он верил в их полную доступность для человеческого разума, потому что проверка на практике подтвердила истинность его некоторых теоретических открытий.

- Нет более сложного и оживленного явления во всей действительности, чем бой, - с тихой уверенностью говорил Иван Иннокентьевич.

Я подумал было, что Иван Иннокентьевич является офицером-ученым, технологом войны, для которого война представляет как бы научно-исследовательскую работу, а победа - истину. У нас есть такие офицеры; они воюют с рассудительной страстью и совершают большие дела, но у них есть свои недостатки, и не всякое дело для них посильно; я видел, например, одного такого сосредоточенного офицера на берегу Десны - он ожидал, пока ему для переправы соберут понтон; сосед же его, офицер других душевных и профессиональных свойств, переправился в это время со всей своей частью через Десну на всем, что было легче воды.

- Но когда ты все понимаешь, - произнес Иван Иннокентьевич, - ты еще далеко не всем обладаешь. В бою так именно и бывает. А нужно обладать, нужно иметь власть над врагом, только тогда ты прав. Дело еще остается, стало быть, за твоей волей, за твоей верой в знамя, которому ты служишь... А вера в свое знамя, в правду своего народа -это первое начало солдата. Без этой веры победить нельзя.

Мое представление о подполковнике лишь как об офицере-технике было разрушено. Он снова возвысился предо мной силой своей постоянно действующей, творческой мысли.

Вечером того же дня полк Ивана Простых выступил вперед и к исходу ночи занял свой участок на переднем крае. Теперь можно было увидеть красноармейцев Ивана Иннокентьевича в настоящем деле и оценить их командира.

Подполковник получил вначале простую задачу: сдерживать контратакующего неприятеля. Мощное и обильное противотанковое вооружение полка делало эту задачу нетрудной и посильной. А раз так, то Иван Иннокентьевич размышлял сейчас лишь над тем, чтобы как можно экономней, в отношении крови своих людей, завершить бой. Он считал пехоту сильнейшим родом войск, потому что, сколь ни слаб огонь одного пехотинца, но каждым этим огнем управляет разум человека, и огонь его точен и губителен. Кроме того, пехота может бороться врукопашную, а это и венчает бой победой. Но главным искусством современной пехоты Иван Простых считал борьбу с танками. "Кто не умеет сжечь, изувечить танк, тот еще не со л да т-пехот и-

нец!" - говорил подполковник своим бойцам и старательно учил их технике сокрушения машин врага.

- Однако, - сказал мне, продолжая свою мысль, Иван Иннокентьевич, - можно знать свое оружие и все приемы, дабы наверняка остановить танк, и все же не суметь сделать это. Солдат должен иметь в себе внутреннее оружие - великую душу, сознающую свой долг, чтобы встретить несущуюся на него, бьющую в него огнем, стальную дробящую препятствия машину, - и ударить ее насмерть, сохраняя в себе разум и спокойствие, необходимые в бою. Это внутреннее оружие - душевное устройство - солдату дает лишь родина.

Перед боем люди не спали и занимались малыми, но необходимыми хозяйственными делами; они находились в том тихом, глубоком настроении духа, в котором пребывает человек накануне свершения важного жизненного дела. Красноармейцы чинили одежду, пригоняли обувь, чтобы нога ее не чувствовала, осматривали оружие и брили друг друга. Один боец хотел было переодеться в чистое белье, но его остановили. "Что ты, помирать, что ли, собрался, - обожди, боев еще много впереди, успеешь! - предупредили его более знающие солдаты. - Береги белье до победы: домой поедешь, тогда оно тебе сгодится".

Меж собой красноармейцы были дружны, и каждый охотно делал другому любую уступку и исполнял его желание. Солдаты знали по опыту, что скоро навсегда можно утратить того человека, которому ты сегодня отказал в чем-либо, и тогда, после гибели его, в тебе останется страдание совести, и ты будешь терзаться, что не помог тому, кто уже никогда не будет нуждаться в тебе и кто умер, чтобы ты мог жить.

Я пошел проведать Ивана Иннокентьевича. Он молча сидел в блиндаже, на командном пункте, вместе с начальником штаба полка. Подполковник был сосредоточен и молчалив. Может быть, нет более глубокой думы на земле, чем размышление командира перед сражением, в котором он должен скупиться на каждого своего солдата и быть щедрым на трупы врагов, - и в этом труде размышления, заранее переживающем бой, офицер испытывает все силы своей совести и своих способностей, словно судит их Страшным судом перед лицом своего незримого народа...

- Важно, Иван Иннокентьевич, найти для противника непривычные условия, - произнес начальник штаба,

- Я думаю о них, и мы их найдем, - сказал подполков ник. - Надо смутить его дух, потрясти его сердце. Все офи церы знают свое задание?

- Так точно. Все до одного. Я проверил.

Подполковник поднялся, точно в предчувствии, и мы все услышали залп немецких батарей.

- Сколько видно танков? - спросил командир.

- Двенадцать в ходу, - доложил начальник штаба.

Наши корпусные пушки начали издали рубить огнем артиллерийские батареи противника, и мы чувствовали по содроганию земли работу своих орудий. Подполковник позвонил в батальоны.

- Помните, - сказал он, - нам нужны сожженные, унич
тоженные танки, на ремонт не оставлять ни одного!..

Противотанковое ружье сержанта Евелина и молодого бойца Проскурякова находилось на правом фланге второго батальона, примерно в центре расположения полка.

Сержант смотрел вперед из окопа. На него неслись два немецких танка. Евелин знал по опыту и по верным словам командира полка одну тайну боя: нужно стерпеть противника, пусть он шумит огнем, нужно выждать свой момент, чтобы сразу ударить по врагу на его поражение. Самое трудное - терпеть спокойно и думать здраво. Ближний бой выгоднее дальнего.

Проскуряков был безмолвен возле сержанта, лишь лицо его исказила замершая судорога страха, как онемевший крик. Евелин понимал состояние молодого солдата, "Ничего, обвыкнется", - кратко решал он в уме.

Танк набегал на них. "Не пора еще!" - соображал Евелин. С правого фланга расположения полка ударили гвардейские минометы, и поднебесье сумрачного весеннего утра засветилось бегущими огнями, как нива в цветах, взволнованная ветром. Минометы били по охвостью танков, где шла немецкая пехота. "Пора!" - Евелин выстрелил из противотанкового ружья, и танк сейчас же свернул в сторону, а потом перестал дышать мотором и остановился.

Но уже другой танк с живой свежей мощью шел. на Евелина. Он выстрелил в него, однако танк продолжал движение, не почувствовав удара. Евелин взялся было за

гранату и тут же оставил ее, потому что нужда в ней миновала. Проскуряков бросил в ходовую часть машины одну за другой две гранаты. Потом он управился еще метнуть одну гранату по первому неподвижному танку, и Евелин заметил в этот момент бледное, точно светящееся лицо Проскурякова и его упоенное выражение.

К этому моменту десять танков из всей группы были подбиты. Подполковник тогда приказал выйти одной роте вперед, использовать броню немецких танков как естественное укрытие и встретить оттуда немецкую пехоту точным ближним огнем.

- Для них это будет неожиданно, что мы оседлали их же неостывшие машины, - сказал Иван Иннокентьевич.

Но рота, посланная подполковником, работала мало: она встретила лишь редкую цепь неуверенно идущих вперед немецких солдат и прижала их огнем замертво к земле.

Вслед за тем бой точно остановился на мгновение, перевел дыхание, и все вдруг переменилось. Наша артиллерия тяжелых и средних калибров с внезапностью порыва ветра участила, удесятерила силу огня. Ревущий поток снарядов, как движущийся, бегущий наэс, возник в небе над нашей пехотой, и далеко впереди нее встал вал сверкающего пламени и темная медленная туча праха над ним, - что было там живым, то умерщвлялось, что умерло - сокрушалось вторично. И тот вал, судя по блеску разрывов, медленно начал удаляться вперед, призывая за собой пешего солдата.

Красноармейцы, увидев рассвирепевшую, радостную мощь своего огня, поднялись все в рост и пошли в атаку, исполненные восторга веры в непобедимость, и закричали от счастья, от гордости.

Я спросил у подполковника, что теперь дальше будет, какое у него задание.

- Идти вперед, - сказал Иван Иннокентьевич и увлеченно
указал в сторону противника, обрабатываемого на его ру
бежах столь плотным огнем, что там уже более невозможно
было никакое живое дыхание. - Вот великое творчество
войны! Его создает высший офицер - наш народ, наш свя
щенный народ...

1944 год

ЗАДЕРЖАНО ДОСТАВКОЙ...

Константин **СИМОНОВ**

На этот раз вашему корреспонденту придется начать свою телеграмму с объяснения. События, о которых будет идти речь в этой и последующих статьях, происходили иногда несколько дней, а иногда месяц тому назад. Однако я не мог вам телеграфировать оттуда, где я был. Единственная причина тому - дороги. С них и начну.

Я утверждаю, что человек, не видевший этих дорог, здесь, на юге, этой весной, не может понять до конца, что это такое. Представьте себе старое шоссе, сложенное из пригнанных друг к другу огромных булыжников, застигнутое где-то в самой середине ремонта, когда рабочие выворотили все эти камни один за другим из грунта и так оставили тут же на месте, не успев ни убрать их, ни переложить. Это первое.

Второе. Представьте себе, что сверху на эти вывороченные камни налито полметра жидкой грязи, которой некуда стекать, потому что по обеим сторонам шоссе на одном с ним уровне стоит еще более глубокая грязь.

Третье. Представьте себе, что, если, ползая по такому шоссе на вездеходе, осатанев от вылезания, толкания машины, подкладывания под буксующие колеса бревен, соломы, что попало, вы вдруг бы захотели, плюнув на попытку проехать по такой дороге, выбраться на целину и двинуться по полю, то вас остановило бы от этого неосторожного намерения следующее зрелище: в пятнадцати метрах от дороги прямо из грязи торчит башня танка, не танк, а именно башня, потому что при ближайшем рассмотрении вы выясняете, что танк цел и не поврежден, он просто затонул в грязи. Добавлю к этому, что когда я наконец пришел, повторяю пришел, а не приехал, к знакомому еще с Халхин-Гола генералу, до которого я добирался, то он в ответ на мои ругательства по поводу дорог, распутицы и необходимости бросить машину и идти пешком только рассмеялся и ответил, что я просто-напросто следую

его собственному примеру: чтобы не отставать от своих передовых частей, он сам, бросив машину, последние двое суток тоже идет пешком.

И наконец, последнее, как это ни странно звучит, отрадное для глаз обстоятельство, связанное с отвратительным состоянием дорог: все они загромождены следами немецкого отступления. Мое воображение уже давно трудно удивить подобными вещами, и все-таки, попав сюда, я день за днем поражаюсь количеству брошенных немцами машин всех марок и систем - и боевых, и транспортных. Тут и пресловутые "тигры", и "пантеры", и сожженные и целые, и танки более старых типов, и самоходные пушки, и огромные бронетранспортеры, и маленькие транспортеры с одним ведущим колесом, похожие на мотоциклы, и огромные тупоносые, краденные во Франции грузовики "рено", и бесконечные "мерседесы" и "опели", штабные машины, рации, походные кухни, зенитные установки, дезинфекционные камеры - словом, все, что придумали и что использовали немцы в своих былых стремительных наступлениях. И что сейчас, разбитое, сожженное и просто-напросто брошенное, застряло в грязи этих дорог.

Местами посреди всего этого почти невозможно проехать. У мостов и на обрывах валяются сброшенные вниз с дороги горы разбитого железа, бывшего когда-то машинами. Их пришлось сталкивать с дороги в обе стороны, чтобы пройти и проехать, потому что местами они стояли, застряв на дорогах, в три и в четыре ряда.

На одной из этих дорог, вблизи от границы, я испытал мстительное чувство. По ней в сорок первом году отступала одна из наших легких танковых дивизий. Немцы замкнули ее тогда в кольцо, бросили на нее свою авиацию и тяжелые танки, и эта дивизия, которую мы не успели перевооружить к началу войны и которая целиком состояла из устаревших легких танков, целиком погибла на этой дороге.

Тогда, в сорок первом году, убрав с дорог все свои разбитые и сожженные машины, немцы оставили наши погибшие танки для обозрения на самом виду и даже местами для большего эффекта стащили эти маленькие исковерканные зеленые машины поближе друг к другу и целыми вереницами поставили их на самых заметных местах - на холмах и на поворотах дорог. Так они и простояли там до нынешней весны. И вот теперь, когда проезжаешь мимо всего этого и видишь тут же, поблизости от этих маленьких зеленых машин, заржавевших от трехлетних снегов и дождей, всю ту разбитую и брошенную немецкую технику, о которой я сказал, трудно не поддаться мстительному чувству!

Не знаю, может быть, тогда, в сорок первом году, никто не клялся здесь, над могилами наших погибших танкистов, отомстить за них. Наши солдаты вообще не расположены к клятвам и громким словам. Но я убежден, что молчаливые обещания свести счеты с немцами многие люди тогда, в сорок первом году, себе давали. И сейчас эти обещания выполняются здесь, на моих глазах. И даже не по библейскому закону - око за око и зуб за зуб, - а в более сокрушительной пропорции.

Маленькая подробность. Между шоссе и деревней, наполовину утонув в грязи, стоит гигантский немецкий транспортер, предназначенный для перевозки особо тяжелых, многотонных грузов. На транспортере сидит деревенский мальчишка лет десяти, выглядящий на этой машине букашкой. Держа в руках гаечный ключ, он с задумчивым видом рассматривает что-то в машине. "А вот и механик появился, - заметив это, без улыбки говорит шофер, с которым мы, медленно буксуя, проползаем по шоссе мимо мальчишки. - Уже занимается восстановительной работой".

Конечно, ё этой маленькой подробности нет ничего особенного. Но я еду мимо этого мальчишки и невольно думаю: сколько же тысяч громыхающих немецких машин пронеслось за эти почти три года мимо этого ребенка из погранничной деревни! Сколько немецких танков проскрежетало мимо него! Сколько самолетов проныло у него над головой! .. И вот он сидит с гаечным ключом на отныне беспомощной и нестрашной огромной машине и думает: какую бы гайку ему отвинтить с нее на предмет использования для стрельбы из рогатки? Очевидно так, потому что мальчишки в этом возрасте - вредители по призванию.

Все, что я написал вам о дорогах, конечно, лишь отрывочные наблюдения. И это не главное, о чем я хотел вам сказать. Главное - человек, идущий сейчас вперед по этим дорогам. Пехотинец, русский солдат.

Как бы ни приходилось мокнуть, дрогнуть и чертыхаться

на дорогах нашему брату - военному корреспонденту, все его жалобы на то, что ему чаще приходится тащить машину на себе, чем ехать на ней, в конце концов, просто смешны перед лицом того, что делает сейчас .самый обыкновенный рядовой пехотинец, один из миллионов, идущих по этим дорогам, иногда совершая именно в тех условиях, которые я вам уже описал, переходы по сорок километров в сутки. На шее у него автомат, за спиной полная выкладка. Он несет на себе все, что требуется солдату в пути. Человек проходит там, где не проходит машина, и в дополнение к тому, что он и без того нес на себе, несет на себе и то, что должно было ехать. Он идет в условиях, приближающихся к условиям жизни пещерного человека, порой по нескольку суток забывая о том, что такое огонь. Шинель уже месяц не высыхает на нем до конца. И он постоянно чувствует на плечах ее сырость. Во время марша ему часами негде сесть отдохнуть - кругом такая грязь, что в ней можно только тонуть по колено. Он иногда по суткам не видит горячей пищи, ибо порой вслед за ним не могут пройти не только машины, но и лошади с кухней. У него нет табаку, потому что табак тоже где-то застрял. На него каждые сутки в конденсированном виде сваливается такое количество испытаний, которые другому человеку не выпадут за всю его жизнь.

И конечно, - я до сих пор не упоминал об этом, - кроме того и прежде всего, он ежедневно и ожесточенно воюет, подвергая себя смертельной опасности.

Такова жизнь солдата в этом нашем весеннем наступлении.

Думаю, что любой из нас, предложи ему перенести все эти испытания в одиночку, ответил бы, что это невозможно, и не только ответил бы, но и действительно не смог бы ни физически, ни психологически всего этого вынести. Однако это выносят у нас сейчас миллионы людей, и выносят именно потому, что их миллионы. Чувство огромности и всеобщности испытаний вселяет в души самых разных людей небывалую до этого и неистребимую коллективную силу, которая может появиться у целого народа только на такой огромной настоящей войне, которая уже давно не похожа ни на батальные картины живописцев, ни на героические кинофильмы, ни даже на то, что мы пишем о ней, как бы мы ни старались написать всю правду.

Возвращаясь к тому, с чего я начал, позвольте считать все рассказанное мною достаточным объяснением того, почему эта корреспонденция, как, может быть, и последующие, как говорится, задержана доставкой по телеграфу...

Апрель 1944 года

Войска 3-го Украинского фронта сегодня, 28 марта, после упорных боев, штурмом овладели крупным областным и промышленным центром Украины городом Николаев -важным железнодорожным узлом, одним из крупнейших портов на Черном море и сильным опорным пунктом обороны немцев у устья Южного Буга.

Из оперативной сводки Совинформбюро
28 марта **1944 г.**

ВЕСНА НА ЮГЕ

Борис **ГОРБАТОВ**

Я не знаю, что это было, - мечта, вера, уверенность, знание. Но даже в самые горькие дни отступления мы ни на минуту не сомневались: мы вернемся. Мы вернемся к тебе, Одесса. Мы увидим твои лиманы, Николаев. Мы еще будем пригоршнями пить воду из Южного Буга.

Нет, я не обижу наше чувство. Слово "вера" к нему не подходит. Этого слова мало. Сила нашей правды - вот что жило всегда в нас. Грозная сила правды. Правда не могла не победить. Правда нашего дела.

Убежденно пели мы в те дни:

Нас опять Одесса встретит, как хозяев,
Звезды Черноморья будут нам сиять.
Славную Каховку, город Николаев, Эти дни
когда-нибудь мы будем вспоминать.

Эта песня родилась у нас на фронте в дни, когда мы отступали. Ее потом стали петь на всех фронтах, но она всегда оставалась песней южан по преимуществу. В промерзших блиндажах обороны на Миусе пели ее. По дорогам отступления на Дону и Кубани пели ее. В горящем Новороссийске вспоминали Николаев. Обороняя Туапсе, защищали Одессу и наше право прийти туда. И тут и там было Черное море. И тут и там были наши люди.

Казалось: невыносимо долог и тяжек путь от Туапсе до Одессы. На карту было трудно смотреть. Далеко. Но мы прошли этот путь. Мы его прошли.

Нас опять Одесса встретит, как хозяев. Уже сияют нам звезды Черноморья. Две недели тому назад, по пути в Херсон, пролетал я над мирной Каховкой. Песок пылал под багровыми лучами солнца, а мне казалось, что выступила кровь павших. Много крови было пролито там, но сейчас мирно струится дымок над хатами. Волы медленно тащат плуги. И радостно парит теплая освобожденная весенняя земля.

Мы прошли этот путь. Прошли со славой. Войска генерала Цветаева, штурмом взявшие Николаев, еще так недавно брали штурмом Сталине. Сейчас они идут дальше. Их не остановит ни враг, ни грязь. Кто прошел такой путь, тот остановиться не может.

В Николаеве я видел могилу. Над ней - деревянный памятник, знак и на нем надпись: "Гвардии старший лейтенант Георгий Алексеевич Антюхин. Он первый с группой разведчиков вошел в Николаев и пал смертью героя". Эта надпись сделана карандашом. Потом ее повторят золотыми буквами на мраморе. Вместо деревянного временного знака будет монумент величественный и важный. И так же, как сегодня, будут сидеть у могилы женщины-матери и плакать о неизвестном им, но дорогом сыне.

Много славных имен рождено для бессмертия в эту весну. Глядя на могилу героя, я думал, что рядом с памятником Антюхину надо ставить памятник капитану Феденко - богатырю, павшему в сорок первом году под Каховкой смертью, которой можно завидовать. Надо вспомнить одну славную дивизию, которая здесь, под Николаевом, у станции Грейгово, прорвала железное кольцо врага и дала дорогу нашей армии. Надо вспомнить знаменитую Иркутскую дивизию - здесь, в Николаеве, она впервые била танки Клейста. Много орденов украшают боевое дивизионное знамя Иркутской, много подвигов вписано в летописи. Слава героев наступления сорок четвертого года сливается со славой героев тяжелых боев сорок первого - сорок второго годов, и это - слава нашего оружия.

Сейчас на юге весна. Весна наступления. Весна освобождения. Сполз с полей снег, обнажились стосковавшиеся по сеятелю поля. Как снег, как грязь, исчезают с нашей земли оккупанты. Их дивизии тают. Трупами их солдат унаваживается почва. Безостановочно гонят врагов наши войска. К морю. В море. Это - возмездие. Начало возмездия. Я видел горы фашистских трупов в районе Шевченковских хуторов. Это место теперь в народе зовется просто: "Побоище".

Сейчас фашисты удирают к морю. Земля очищается навеки от вражеской парши. Возрождается жизнь. Теперь - не вслед за войсками, а вместе с войсками - идут строители, хозяйственники, советские и партийные работники. В Кривой Рог вместе с передовыми частями пришли шахтеры. В Апо-столово и Долгинцево - железнодорожники. В Николаев -инженеры-кораблестроители. Я встретил здесь Прасковью Дмитриевну Гнеденко. Она пропагандист Николаевского обкома партии. Эта женщина прошла с войсками весь путь от Днепра до родного города. Она форсировала Днепр на лодке. В Херсон пришла пешком из Берислава вместе с передовыми частями. Под Водопоем вместе с секретарем обкома Филипповым пережила всю ярость последних отчаянных немецких контратак. Николаев еще горел, когда туда пришли она и Филиппов. Было страшно смотреть на развалины. Показалось: нет больше города, родного города. Так всегда кажется в первые часы. Каждая утрата остра и невосполнима. Каждый сожженный дом дорог.

Но дым рассеялся, и среди пепелища и развалин обозначились уцелевшие здания и районы. Люди обрадовались им так, как не радовались вновь отстроенным. Закопченные, но целые, эти дома казались милее и прекраснее, чем были прежде. Уцелело чудесное здание Дворца пионеров, цел знаменитый николаевский элеватор, не сожжена Слободка. Здание Госбанка стоит нерушимо среди разрушенных домов. Эти и многие другие здания сохранились не потому, что

враг решил пощадить их. Если бы дать ему волю, он все бы сжег, обратил в пустыню. Во многих уцелевших зданиях мы видели выдолбленные оккупантами отверстия для закладывания тола. Все было подготовлено для взрыва, но поджигателей схватила за руки наша армия. Это Красная Армия спасла то, что уцелело. И, главное, спасла людей Николаева.

Врагу не удалось покорить жителей города Николаева. Они выходят сейчас из подвалов, убежищ. Они очень ослабли от голода. Я видел, как женщины везли своих мужей на тачках - двигаться сами они еще не могли.

- Вот выкопала, - сказала мне, гордо улыбаясь, женщина. - Он у меня закопанный был. Прятался.

Мужчина смущенно усмехается. Ему неловко, что его везет на тачке жена.

- Ослабел, - тихо сказал он. - Но ничего, отойду, еще повоюю.

Враги разрушили в Николаеве все, что сумели разрушить. Многое им удалось. Душу нашего человека разрушить они не смогли. Они взорвали электростанцию, и в городе сейчас нет электроэнергии. Но в людях освобожденного города аккумулированы такие огромные запасы человеческой деятельной творческой энергии, что можно горы своротить. Люди целы, значит, снова будут в Николаеве и верфи, и заводы, и школы, и театры. Люди стосковались по труду. Они приходят за работой сами. Их не надо агитировать, подымать, звать. Им надо только сказать, что делать.-Они готовы строить все: дороги, мосты, аэродромы. Они так много видели разрушений, что стройка будет праздником для них. Почти три года на их глазах фашисты разрушали все, что можно было разрушить. Враги ничего не построили на захваченной ими земле, они разрушали и грабили. Они увезли из Николаева в Германию трамвайные вагоны в первые же месяцы своего владычества. Два с половиной года в городе не было трамвая. Оккупанты пришли на нашу землю не за тем, чтобы она расцветала. Они привезли сюда "душегубки" и сифилис, а вывозили отсюда заводы, мясо, сало, хлеб. Они выколачивали из деревни хлеб кнутом, народ отвечал на кнут мужицкой лопатой и партизанским динамитом. Я видел, как в освобожденных селах колхозники первым делом брались за лопату: откапывали зарытый хлеб.

- Земля дала хлеб, земля и схоронила, - говорили они и хитро усмехались при этом. - Нет, никогда гитлеровцам не перемудрить мужика. Вот он, хлеб, к весне цел, не достался проклятому. Теперь его не к чему прятать. Наша земля, наша воля, наше будущее.

Пошли в ход лопаты и в Николаеве. Рабочие откапывают станки. Врачи сумели спасти и сберечь медицинский инвентарь и медикаменты. Научные сотрудники Исторического музея хотят открыть в ближайшие дни музей - все экспонаты его они сумели спрятать от оккупантов. Сейчас все, что спасено, сносится на заводы, в учреждения, в школы.

При мне в типографию наборщики принесли закопанный ими шрифт. Типография уцелела чудом, оккупанты не успели или в панике забыли ее разрушить. Целы машины цеха, наборные кассы. На валах ротации еще лежит последний номер поднемецкой газетки "Новая мысль". Я сдираю ее с валов и читаю: "Большевикам за эту зиму не удалось добиться существенных стратегических успехов".

Наборщики смеются над этими строчками вместе со мной. Они испытывают сегодня то же чувство, что и я, - чувство возвращения. Они не были в этой типографии с тех пор, как пришли фашисты. Я был здесь в последний день перед оставлением нашими войсками Николаева, в августе сорок первого года. Здесь выходила наша фронтовая газета. Наборщики помнят ее и ее работников. Они нетерпеливо спрашивают: ну что же, скоро газету будем печатать?

Скоро. Это можно твердо сказать. Жизнь возрождается в освобожденных городах со сказочной быстротой. Армия такими темпами гонит врага на запад, что освобожденный вчера город сегодня становится тыловым. Еще месяц назад в Кривом Роге на улицах запросто разрывались вражеские снаряды - сегодня это глубокий тыл. Вчера еще догорало зарево в Николаеве - сегодня женщины метлами и вениками подметают улицы, прихорашивают город. Мальчишки, чистильщики сапог, бойко стучат щетками о свои ящички.

Здесь все охвачено жаждой восстановления. Труд стал праздником, пуск каждого, даже небольшого предприятия - всеобщим торжеством. И это понятно. Тот, кто был здесь в те дни, когда еще догорали пожары, оценит, что это значит: первый рейс трамвая в Днепропетровске, первый кусок руды в Криворожье, первый паровоз на рельсах, первая

советская школа в Николаеве, первая колхозная пахота за Бугом.

Раны заживают. Кирпичи разрушенных домов складываются в штабеля - из них будут построены новые здания. Плуг перепахивает поле недавнего боя. Под стальным лемехом исчезают минные воронки. И в этом есть великое торжество труда. Ради этого мы и воюем - ради будущего.

Я спросил у николаевского юноши Виктора:

- Думали же вы о будущем, о своей судьбе все это время, что жили под властью фашистов?

Он горько, не по-детски усмехнулся:

- Какая же может быть судьба у советского юноши при оккупантах? Карьера? Будущность? Нет, не думал. Мы только ждали и верили, что наши вернутся. И боролись, как умели.

Мы ходили с ним долго по городу, и он читал мне свои стихи. Он был рад, что может их, наконец, читать. Ему восемнадцать лет, но на вид он гораздо старше. Горькая морщинка на переносице. И черные пушистые усики.

- А усики вам зачем, Виктор?

- Я теперь их сбрею, - смущенно, совсем по-детски обещает он.

Теперь усики можно сбрить. К юноше вернулась юность.

Когда мы отступали из Николаева, этим мальчикам еще не было шестнадцати лет. Весна их совершеннолетия совпала с весной освобождения. Им повезло. Теперь у них есть будущее. Но они не хотят его получить даром. Все они хотят воевать. Впрочем, этим чувством охвачены все мужчины в освобожденных районах. Они требуют оружия. Они просят бросить их немедленно в бой. У них есть счеты с оккупантами, счеты еще не сведены. Мы видели группы добровольцев у военкомата. Они пришли, не дожидаясь повесток. Они хотят драться и гнать врагов.

Гнать гитлеровцев в море - этим живет сейчас и народ, и армия Юга. В одесской степи день и ночь наши войска неотступно преследуют удирающих врагов.

- Ходко бежит фашист! - смеются солдаты. - Врет, от
смерти не убежит.

Возмездие настигает и разит врага и на земле и с воздуха. Не добьет красноармейская пуля - дорубит казацкая шашка. Гвардейцы-конники снова пошли в рейд. Их клинки уже свистят в одесской степи. Через бугские переправы сплошным потоком льются войска. В эти горячие дни напряженно работают все рода войск: саперы, понтонеры, летчики, службы тыла. Все движется на запад. К Одессе. Какой-то кучерявый боец на ходу растягивает меха трофейного аккордеона и напевает:

Нас опять Одесса встретит, как хозяев.
Звезды Черноморья будут нам сиять...

***Апрель 1944** года*

**8 течение 9 мая в Крыму
войска 4-го Украинского фронта
при поддержке массированных ударов авиации и
артиллерии продолжали наступательные бои
против немецко-фашистских войск в районе
Севастополя. Сломив упорное сопротивление
противника, наши войска ночью, несколько часов
тому назад, штурмом овладели крепостью и
важнейшей военно-морской базой на Черном
море -городом Севастополь.
Тем самым ликвидирован последний очаг
сопротивления в Крыму, и Крым полностью
очищен от немецко-фашистских захватчиков.**

**Из оперативной сводки Совинформбюро
9 мая 1944 г.**

ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ

Евгений КРИГЕР

Что такое Севастополь, штурм Севастополя? Может быть, в полной мере это поймут лишь наши потомки, перед которыми величие этого сражения предстанет, проясненное временем, видимое как бы с громадного расстояния. Но сегодня, когда мы так близки еще к горячему, обжигающему

пламени Севастополя, я вспомню прежде всего дорогу в горах после штурма, ночь, когда главное было уже позади, и сон пехотинцев на этой дороге.

Солдаты лежали в пыли, сжимая в руках винтовки, лежали там, где подкосил их сон, и фары автомобилей вырывали их из мглы, и автомобили останавливались, скрежеща тормозами.

Пехотинцы спали в пыли, на дороге. Шоферы готовы были наброситься на них с проклятиями, - ведь путь шоферов в бою тоже нелегкий, - но, взглянув на черное от усталости, запыленное, обожженное солнцем и боем лицо пехотинца, водители артиллерийских машин, тягачей, тракторов молча поднимали спящих с дороги и относили в сторону, за обочину, в безопасное место.

- Ты прости, брат, - со сна бормотал пехотинец. - Лег, где шел. Да постой, я сам... Ты оттуда, небось? С Севастополя? Мы его брали...

Сначала их принимали за раненых. Их сон был как обморок, но и во сне они были как в бою, а просыпаясь, искали врага. Они еще не понимали, что враг далеко, они сами гнали его с Мекензиевых высот, с Сапун-горы, из ущелий, ощерившихся пулеметными гнездами из пещер, видимых лишь там, где ищет тебя пуля врага, с высот, стерегущих Инкерманскую долину, - отовсюду, где огнем был закрыт путь к Севастополю и где командиры взводов, полков, дивизий не могли сдержать шедшую на приступ солдатскую ярость.

А когда главное было сделано, люди сваливались на дороге, и шоферы выносили их из-под колес за обочину.

Этих пехотинцев, застигнутых сном на дороге, мы вспомнили снова в ту минуту, когда каждый из нас мог свободно прийти на Графскую пристань, увидеть Южную бухту, через которую на ялике переправлялся когда-то артиллерист русской армии Лев Николаевич Толстой, взглянуть на Корабельную сторону, на обелиск братской могилы за Северной бухтой и сопоставить в воспламененном сознании два века севастопольских битв, две эры нашей славы.

Севастополь в наших руках.

В этот час я вспоминаю рассказ людей, стороживших в дни оккупации музей "Воронцовский дворец" в Алупке, на Южном берегу Крыма. На фризе, в нише "Альгамбра", сохранилась в этом дворце надпись на арабском языке: "И нет победителя, кроме бога". В 1941 году генералы Гитлера, взглянув на фриз, дополняли изречение словами: "Кроме бога и германской армии!" В апреле 1944 года они заговорили другое. Они качали головой, вздыхали и бормотали: "О, да. О, это верно. Да, да, один только бог".

Когда наши армии появились перед Перекопом, вырвались к Сивашу и заперли фашистов на полуострове, гитлеровские генералы бросили своим войскам лозунг:

"Не отдадим врагу солнечного Крыма!"

В этом проявилась вся тупость их ума и сердца. У них не хватило даже чувства юмора, чтобы понять, как нелепо, как смешно звучат эти слова в устах захватчика, вора.

После степных мелитопольских просторов война артиллерийским ураганом прорвалась сквозь узкое горло Перекопа, пронеслась моторной танковой бурей через весь Крымский полуостров и под Севастополем оказалась в тисках каменных гор и ущелий. Там, под Перекопом, наши солдаты прошли старую русскую школу Суворова. Перед ними были позиции неприступные. Такие же позиции они выстроили в своем тылу и учились их штурмовать. Каждый солдат опытом, школой, трудом постигал мысль своего генерала. Учились ночью и днем. Предвосхищали все уловки врага. Прощупывали в учебе все Уитрости его обороны, продумывали за него все, что может он нагромоздить на пути предстоящего штурма, и пятьдесят раз подряд захватывали ими же выстроенные пояса обороны, чтобы однажды врасплох и в настоящем бою отбить их на реальном поле сражения.

Немцев отбросили за Перекоп, за Сиваш. Их гнали через весь полуостров. Все рода войск дружили в этой атаке. Вместе с танкистами двигались офицеры авиации, чтобы в вихре танкового наступления тут же захватывать аэродромы, принимать на них свои самолеты и крыльями советской авиации сопутствовать неудержимому движению советских танков. И пехота на автомобилях и маршем поспевала за боевыми машинами Красной Армии.

И войска вошли в горы. Тут все изменилось мгновенно. Все навыки равнинной войны пришлось изменить. Не было

места для дальнего полета снаряда. Не было простора для танков. Скалы вздымались перед пехотой.

Сложность этой войны может понять тот, кто видел на подступах к Севастополю селение Черкез-Кермен. Оно втиснуло свои улочки и дома в каменные пещеры, недоступные ни авиационным бомбам, ни артиллерийским снарядам. На расстоянии пятисот метров это селение, закрытое скалами, невидимо, о существовании его трудно помыслить в нагромождении камня. И лишь оказавшись в узком ущелье, вы останавливаетесь, пораженные тем, что открывается взору.

Это как бы грандиозная раковина, вобравшая в себя двухэтажные дома, пристройки, огороды, заборы, маленькие площади для собраний на головокружительной высоте. И все это внутри камня, в расщелинах, в чреве вздыбленных гор. Горы делают войска слепыми. Каждый метр разведчик должен прощупывать собственным телом, за каждой скалой может таиться такая же раковина, изрыгающая огонь, насыщенная пулеметами, почти недоступная для атаки.

Нашим войскам пришлось прогрызать три пояса германской обороны, три обвода укреплений, во многом повторяющих советские укрепления 1941/42 года, которые дали тогда возможность держать Севастополь в течение восьми месяцев.

Сгоняя людей со всего Южного берега, гитлеровцы с первого месяца своего появления в Севастополе воздвигали новые и новые оборонительные сооружения, зарывались в землю, выдалбливали в горах глубокие норы. Представьте себе каменный лабиринт, разящий огнем из каждой щели, дополните это системой подземных казематов и катакомб, способных вместить целые дивизии и заводы, - это и есть участок фронта под Севастополем. Ночью он пламенел, клокотал багровым пламенем, будто десятки вулканов извергали потоки лавы.

Гитлеровцы набили сюда все запасы войск и вооружения, уцелевшие после разгрома на Перекопе и Сиваше. Я видел участок фронта за селением Мекензия, где на протяжении десяти километров враги установили двадцать четыре батареи одних только зенитных орудий. Но мы видели также, как, невзирая на это, наши самолеты штурмовой авиации день и ночь ныряли среди горных вершин, срывались в пике чуть не до дна узких ущелий и, чудом не расшибаясь о скалы, буквально вылизывали огнем пушек и пулеметов все расщелины и гнезда в горах. Бой шел в горах, в воздухе и на море. Морская авиация нагоняла и топила вдали от крымских берегов караваны вражеских транспортов и десантных барж, сновавших между Севастополем и портами Румынии. Битву такого невероятного напряжения, такой плотности огня, такого ожесточения можно было видеть только под Сталинградом.

Во всех трех ярусах штурма - на земле, на море и в воздухе - наши люди добились победы, и сегодня они в Севастополе.

Тишина Севастополя.

В нее трудно поверить после грохота горных сражений. Трудно поверить, что стоишь на берегу Южной бухты, и вода, просвеченная майским солнцем, черноморская вода, которую еще Нахимов учил нас любить, бьется волной в разбитые снарядами камни.

Только здесь понимаешь, что значит эта минута для советского человека.

Наутро после решительного штурма я видел, как на площади Третьего Интернационала плакали, обнимаясь и стыдясь этих слез, моряки Черноморского флота. Они снова здесь, в Севастополе.

Изрезанная осколками, чернеет на арке перед Графской пристанью цифра 1846 - год рождения Графской пристани. Тишина после боя, и лишь скрипит под ногами прах израненных взрывами зданий.

Улица Ленина. Здесь были фашисты, и потому не осталось ни жизни, ни людей, ни домов. Мертвые стены в дырах, провалившиеся крыши, обрушенные потолки, сожранные динамитом фасады, обезглавленные статуи в нишах - скрипит, скрипит под ногами прах Севастополя. Здесь были захватчики. Севастополь в дни обороны 1941/42 года стал даже для них воплощением русской доблести.

Они возненавидели этот город, они боялись его.

Пройдемте от Графской пристани к музею Крымской войны 1853-1856 годов. Одна из чугунных колонн перед зданием снята с постамента: немцы не успели ее утащить, бросили на камнях мостовой. Вход в здание завален обрушенным камнем. В дверях оборванная проволока: музей

собирались минировать. Лежат на камнях чугунные ядра Лестница. На ступенях обнаженные манекены, с них содраны мундиры солдат и матросов севастопольской обороны: фашисты умеют быть мародерами даже в музеях.

Проткнутый штыком портрет матроса "Потемкина". Изрезанный ножами портрет пластуна Петра Кошки. Главный зал музея: сквозь пробитые стены врывается ветер, свистит в снастях двух фрегатов. Немцы боялись нашего флота. Они сражались с ним здесь, в музее. Топорами, прикладами они сломали макеты русских фрегатов. Они разрушили дома, стоявшие рядом с музеем, взорвали здание, где в дни нахимовской обороны была гарнизонная церковь, пытались увезти нахимовские пушки. Теперь на страже стоит возле них наш танк, погнавший захватчиков из Севастополя в мае 1944 года

Центр Севастополя - каменная пустыня. На улице Ленина нет ни одного целого дома. Многие обитатели города ютились на окраинах, в погребах, в подвалах, в ямах. На берегу Южной бухты дымятся портовые здания, из-под воды виднеются палубы затопленных кораблей, торчат фермы плавучего крана, качаются на волнах брошенные немцами шлюпки; и вода в бухте тоже выглядит мертвой, безжизненной, будто ее отравили. Над нею холмы, где, лишенное крыши, высится здание панорамы севастопольской обороны, и дальше - обезглавленный памятник Тотлебену, Фашисты казнили даже память 'о великих людях России.

Оглушает эта тишина Севастополя после бегства врагов, после грохота взрывов, воя пожаров. Я помню, как, оглушенные, подавленные этой тишиной, упавшей на раскаленную пушечным пламенем землю внезапно, как сон или смерть, мы пробирались через груды щебня, камней, железа, дерева, стекла, кирпича на первую улицу города. Волнение сжимало горло, трудно было дышать; казалось, мы входим в склепы молчания, в каменную гробницу, где все бездыханно, где нет и не может быть жизни, где потрясенной душой можно провидеть лишь тени героев, поднявшихся от бастиона Нахимова и встречающих в час новой славы своих русских братьев, кровью вернувших родине наш сегодняшний Севастополь.

На эту окраину мы поднялись из Инкерманской долины и на первой стене, пробитой снарядами, нашли задымленную, запыленную табличку с надписью "Лабораторная" - въезд в город с южнобережного шоссе; и этот маленький кусок жести был для нас как реликвия, извлеченная из окаменевшей лавы сражения. И все было тихо, все молчало, и трудно было ждать в прахе испепеленных домов, чтобы хоть слабый звук жизни возник в склепе города.

И вдруг жизнь ворвалась вся сразу, всей веселой и неунывающей прелестью, надеждой и счастьем, когда мы увидели в дыму взметнувшиеся над развалинами качели. Да, это были качели, те самые, знакомые с детства, наспех прилаженные веревками к двум кипарисам. Вместо доски или лодочки была привязана цинковая лохань, тут же извлеченная из какого-то погреба, и два пехотинца и севастопольская девушка с ними, хозяйка лохани, взлетали, и падали, и снова взлетали... Еще ночью эти два пехотинца были в бою, в горах, под пулеметами противника, цеплялись за выступы скал, ползли к немецкому доту, и смерть ползла рядом с ними, дыша смрадом пороха, а девушка в эти часы лежала в подвале, оглушенная взрывами. Но так велика ненасытная жажда жить в наших людях, что после военной севастопольской страды, в первый же миг тишины, властно пробуждается в них тяга к простой, невинной радости существования.

В потоке машин, пушек, повозок, гремевших в каменном щебне, мы прошли по улице Ленина к Графской пристани, и нас обогнала группа черноморских матросов, взбудораженных, мокрых от долгого бега, увлеченных каким-то еще непонятным для нас желанием. Не оглядываясь по сторонам, заставляя сторониться всех шедших навстречу, они мигом пересекли Интернациональную площадь и как вкопанные остановились на выщербленных снарядами ступенях Графской пристани.

Молча смотрели они туда, где блеснула перед ними прежним, знакомым севастопольским светом вода Южной бухты. Так встречаются только с любимой или с братом, спасенным от гибели. Матросы смотрели и не могли насмотреться. Они шумно дышали. Они шарили глазами по берегу, обнимая взглядом причалы, пристани, серое здание холодильника в дальнем конце бухты. Корабельную сторону, за которой виден Малахов курган, палубы затопленных кораблей, морские казармы на том берегу, острый выступ

скалы в устье бухты, где высится нарядное здание морского госпиталя, торчащий из воды остов плавучего крана, брошенные на пристанях немецкие пушки, повозки, автомобили, вагоны, и снова, как завороженные, переводили взгляд на взлохмаченную ветром воду. Потом один из них хрипло выдохнул:

- Она! Она самая. Южная! Наша же, наша, товарищи!

И все разом встрепенулись, заметались по пристани, теребили друг друга, вцеплялись в прохожих, требуя, чтобы им дали хоть какой-нибудь красный лоскут, хотя бы платок или шарф.

Ничего красного не нашлось. Опережая друг друга, моряки побежали к старым колоннам, по которым любой узнает Графскую пристань. Обрывая бушлаты, они карабкались по колоннам, подсаживали друг друга, цеплялись руками за края свода и там, наверху, столпились тесной кучкой возле флагштока. Им нужен был флаг, флаг для севастопольской бухты. Но флага не было: матросы прорвались к бухте прямо из боя.

Они стояли растерянно, не зная, что делать. И вдруг одного осенило. Он скинул с себя черный бушлат, полетевший с арки на землю, снял через голову синюю форменку, тут же подхваченную ветром, и, оставаясь голым до пояса, сорвал с себя полосатую тельняшку - ту самую, матросскую, русскую флотскую тельняшку, которая ужасала немцев на подступах к Севастополю, когда моряки были твердыней обороны. Краснофлотец широко раскинул в обе стороны рукава, привязал их к веревке флагштока и поднял над пристанью, над бухтой, как флаг возвращения флота.

Матросская тельняшка взвилась в воздух, ветер бил в нее бурно, весело, и стоявшие на арке матросы выхватили из кобур свои пистолеты. Они стреляли вверх, где вспыхивали пухлые облачка зенитных разрывов. Это был матросский салют Севастополю.

Будет жить Севастополь!

С топором в руках, привычно перепрыгивая над водой со сваи на сваю, на звук салюта спешил усатый старик в капитанке с лакированным, потрескавшимся козырьком. Ухватка у него была моряцкая, взгляд острый, вид боцманский. Он поспешил к нам от водной станции дома Военно-Морского Флота, что стоит рядом с Графской пристанью в конце Южной бухты.

- Как выжил, старик? - говорили матросы, похлопывая его по плечу.

Это был действительно боцман, бывалый моряк, еще до войны отдавший свою флотскую выучку стариковской службе на водной станции Черноморского флота, Иосиф Емельянович Безродный, матрос с 1898 года, ходивший на кораблях во все страны света, служивший когда-то на балтийском крейсере "Джигит", потом на черноморской канонерской лодке "Уралец". Еще в ночь нашего штурма он пошел из дома к водной станции, где немцы разместили штаб морской полиции, и, пользуясь паникой, стал прибирать к рукам все, что можно было сохранить для нашего флота: снасти, шлюпки, весла, моторы. И на этом застиг его пистолетный матросский салют на Графской пристани. Задыхаясь от бега по сваям, он докладывал хриплым боцманским голосом:

- Выжил, упрятался, слава богу! Кой-чего сохранил от проклятых, жду, формально, начальства, чтобы сдать по реестру. Начальство, как полагаю, должно немедленно прибыть, хотя бы на самолетах, а может, обязательно придет на эскадренных миноносцах. Пока хозяйствую сам, гоню расхитителей, готовлю причал - вот с топором-то…

И вдруг басовитый, суровый, он расчувствовался, стал тереть глаза рукавом старенького пальто, вспомнил, как две недели назад с голодухи выехал с соседским мальчиком Витькой удить рыбу, и морской патруль оккупантов наскочил на него, и какая-то рыжая бестия нарочно ударила катером стариковскую лодку, и Витьку долго били до крови, и самого старика стукнули в ухо.

От старого боцмана мы узнали то, что в дни штурма всем нам хотелось узнать: как выглядел Севастополь в последние дни, что творилось в порту, когда советское наступление прижало фашистов к самой воде и они метались в смертной тоске на последнем куске суши, над водой, где тонули их пароходы и баржи, подбитые с воздуха.

Старик рассказал, как захватчики, начиная с 1 мая, совсем потеряли головы. На севастопольских улицах сталкивались и по многу часов не могли расцепиться колонны машин с беглецами, и погрузка, прерываемая бомбовыми ударами с воздуха, шла во всех бухтах, и все впустую, напрасно. Старик видел, как те же машины сыпали во весь дух то

к бывшей Царской пристани, то к причалам у Михайловской крепости на Северной стороне, то снова в Южную бухту, и не на что было грузиться, пароходы и баржи где-то тонули в пути, и враги кидались к дальним причалам, в Стрелецкую бухту, Камышевую, Круглую, Казачью. "Они были как скорпионы в огне", - сказал боцман.

Они ослепли от страха, они уже не видели, где друг и где враг. На Царскую пристань пришел пароход "Артадел", румынский, но и тогда все пошло у них вперекос: при посадке немцы передрались с румынами, не хотели пускать их, а румыны прямо тряслись от желания попасть на свой корабль. В ход пошли ножи и винтовки, подшибленные срывались с трапа в воду и орали там, и этот крик слышал весь Севастополь.

Старик рассказывал, и на его голос подошли к нам два человека: муж и жена, уцелевшие жители Севастополя. Муж представился: Василий Иванович Тарханов, бывший механик; жена - Федосея Порфирьевна. Как они уцелели, сами не знают, спасла их румынско-немецкая паника. Они из тех двухсот жителей Северной стороны, которых оккупанты хотели то ли увезти, то ли убить, утопить. Всех взяли в крепость, двое суток держали под стражей без пищи, потом отвезли на Царскую пристань. Там дым стоял коромыслом, советские снаряды уже рвались поблизости, фашисты прижимались к земле, береглись от осколков, и в последнюю минуту погрузка сорвалась. Тогда жителей Северной стороны потащили в Стрелецкую бухту. Но пароходов и барж там не было, и тогда их погнали в Камышевую бухту. Там тоже было пусто, и конвойные решили спасать свою шкуру... Две сотни русских людей с женами и детьми остались в живых, уцелели.

Страшная тишина Севастополя к концу дня, после штурма, стала наполняться первыми звуками жизни. Где-то стучали топоры пристанских стариков, чинивших взорванные мосты; где-то шел с песней батальон запыленной пехоты; где-то станционные люди собирались в колонну, шли разбирать на путях разбитые вражеские эшелоны; и заливчато пел на воде свисток торопливого катера; и с разбитой у холодильника пристани доносилось привычное, флотское:

- На шлюпке-е! С Корабельной вернетесь на Графскую, старшина будет ждать. Поня-ятно-о?

- Есть с Корабельной вернуться на Графскую! - репетуют со шлюпки, и в этих возгласах, напоминающих прежнюю жизнь Севастополя, уже не кажется мертвой вода в Южной бухте, и, не заглушаемый взрывами, слышен плеск синей волны на камнях. Две бомбовые пробоины, пришедшиеся в самый центр Графской пристани, уже зашиваются свежими досками, и в небе над бухтой спокойно рокочут моторы: самолеты берегут Севастополь.

Город медленно возвращается к жизни, надежно охраняемый на суше, на море и в воздухе.

И только на обратном пути к Симферополю, к самолету, очнувшись от воя железа, раздирающего последние ночи и дни, видишь на перевалах и в Инкерманской долине, и на Мекензиевых горах, за Сапун-горой, на берегах Бельбека и Черной, каким тяжким был труд штурмующего солдата, каждой пулей выжигавшего немцев из скал, каким напряжением разума далось наступление генералам, рушившим три пояса вражеской обороны в горах, какой слитной, единомыслящей, направленной в одну точку силой должны были продавливать немецкую сталь и бетон все рода наших войск, наступавших на Севастополь.

Только под Сталинградом я видел такую землю, как в Инкерманской долине. Здесь били русские пушки. Почва, трава, деревья, листья и камни - все, что окружало немецкие доты, приобрело тот неуловимый оттенок медленного горения, постепенного разрушения материи от неистовых вихрей, раскаленного воздуха, какой бывает лишь в районе грандиозных сражений.

Самый воздух в момент канонады стал здесь железным. Я видел дорогу в Инкерманской долине. Сверху немцы прикрыли ее сеткой: в открытую двигаться они не могли, дорога взята будто под крышу, под нею вражеские колонны прятались от нашей авиации. Авиация их нашла. В ущелье перед Северной бухтой есть высокая дамба - железнодорожная насыпь, поднятая на высоту гор, - и там, где пришелся по дамбе бомбовый удар из глубины неба, дамба разрушена до основания, а в зияющем черном провале, искривленные, измятые, исковерканные, лежат десятки вражеских платформ и вагонов.

Еще ближе к бухте останется для наших потомков зрелище грандиозное, как крушение мира. Здесь была гора,

сросшаяся из множества белых скал, а теперь этой горы не существует. Она распалась на отдельные скалы, треснула всей своей каменной толщей и рассыпалась, обрушилась космическим скальным обвалом на поезд, тащивший у подножия горы вагоны с германской пехотой. Здесь прошли советские самолеты.

Он свободен теперь, сторож черноморских просторов, город матросов, герой двух веков, отец русского флота, наш Севастополь.

Мой 1944 года

НА БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ

Вадим КОЖЕВНИКОВ

На каменном спуске севастопольского Приморского бульвара, у самого зеленого моря, опустив в воду босые натруженные, уставшие ноги, сидел запыленный боец. На разостланной шинели его - автомат, пустые расстрелянные диски. Трудно сказать, сколько лет этому солдату: брови его седы от пыли, лицо в сухих морщинах.

Небо над городом еще черно от нерастаявшей тучи дыма - дыхания недавней битвы. У причалов пристаней полузатопленные пробитые снарядами суда, на которых враг искал спасения в море. Возле причалов лежат трупы гитлеровцев, головы их в воде, и кажется, что они обезглавлены самой черноморской волной.

Но солдат не смотрит на изрешеченные посудины, не смотрит на вражеские трупы, - взор его устремлен в море, словно что-то необыкновенное видит он в его глубине.

- Отдыхаете?

Боец повернулся и тихо сказал:

- Вот, знаете, о чем я сейчас думаю... Пришел я сейчас к самому краешку нашей земли. А позади меня - огромное пространство, и все это пространство я со своей ротой с боями прошел. И были у нас такие крайности в боях. я так полагал, что выше сделанного человеческим силам совершить больше невозможно. То, как Сталинград отбили, навсегда меркой солдатского духа будет. На всю историю измерение. Я человек спокойный, воевал вдумчиво и с оглядкой, а вот на заводе тракторном здание вроде конторы было, так мы в нем с немцами дрались без календаря - то мы на верхнем этаже сутки, то они. Когда у меня автомат повредили, я куском доски бился, а когда на меня один фашист лег, я вцепился зубами в руку, которой он пистолет держал. Прикололи фашиста ребята, а я не могу зубы разжать, судорога меня всего свела.

Когда бои смолкли и наступила в городе тишина, вышли мы на вольный воздух, взглянули на разбитые камни города и вот вдруг эту тишину почувствовали. Только тогда дошло, что мы пережили, что сделали, против какой страшной силы выстояли. От тишины это до нас дошло.

Вот и сейчас от этой тишины я словно заново бой переживаю сегодняшний. Я вас, верно, разговором задерживаю, а рассказать хочется... Закурите трофейную. Верно, табак у них дрянь, копоть во рту одна... Так, если время вам позволяет, я еще доложу. Пришли мы к Сивашу. Это такое море, гнилое и ядовитое. Его вода словно кислотой обувь ест. Очень скверная, извините за грубое слово, вода. Не стынет она, как прочие воды, не мерзнет зимой, все без льда, - ну, яд, словом, и мороз не берет ее. По этой проклятой воде мы вброд под огнем шли в атаку. Тело болело в холоде, ну, хуже, чем от ранения, а шли под огнем, и кто раненый был - тоже шел; знал - упадет, добьет вода, -и только на берегу позволял себе упасть или помереть.

Столкнули мы фашистов с небольшого кусочка земли, и прозвали ее все "Малой землей". А земля эта была неприютная, сырая, даже холод ее не брал, вроде как больная земля, ее соль разъедала, потому она такая. Ну, бомбил он нас, навылет всю эту "Малую землю" простреливал. Страдали мы без воды очень. Гнилой-то ее много было, а вот глоток простой и сладкой, ну прямо дороже последней закрутки считался.

Соберемся в траншее на ротное партийное собрание - парторг вопрос: как, мол, настроение? Некоторые даже обижались: какое такое может быть настроение, когда мы и на Волге сражались! Я вам правду скажу, мы все очень

гордые считаемся. Так и на "Малой земле" мы все гордились и очень высоко свою марку ставили.

А когда мы с "Малой земли" по приказу командования на Крым ринулись, тут чего было - трудно описать. Какой-нибудь специальный человек - он бы выразил, а я не могу всего доложить. Одним словом, действовали с душой. А на душе одно было - изничтожить гадов, которые в Крыму, как гадюки под камнем, засели. Били в Джанкое, в Симферополе, в Бахчисарае и в прочих населенных пунктах. Но сберегли гады себе последнюю точку - вот этот город, где каждый камень совестливый боец целовать готов, потому здесь каждый камень знаменитый.

Мы с ходу позиции заняли у подножия гор. Неловкая позиция. Гитлеровцы на горах, горы эти пушками утыканы, камень весь изрыт, доты, дзоты, траншеи. Доты бетонные. Дзоты под навесными скалами. Траншеи в полный рост. Нам все это командир роты доложил, старший лейтенант Самошин, может, встречали, - три ордена. Спокойный человек, бесстрашный. Заявил он нам так: "Вот глядите, товарищи бойцы, на то, что нам предстоит сделать. Горы эти, конечно, неприступные. А самая главная из них - Сапун-гора, и взять ее - значит войти в Севастополь".

Мы, конечно, всякое видали, но после Сиваша гордости у нас еще прибавилось. А тут, у гор, мы без задора глядели на крутые скалы и знали, что пройти по ним живому все равно что сквозь чугунную струю, когда ее из летки выпускают. Знали, что восемь месяцев высоты эти держали наши люди дорогие, герои наши бессмертные. Ведь враг каждую щель, которую они нарыли, использовал да два года еще строил, население наше сгонял и оставшуюся артиллерию на эти горы со всего Крыма натащил. И опять же, ведь это горы! А мы все в степи дрались, на гладком пространстве. Скребло это все, честно скажу.

А надо командиру ответить. Встал Баранов. Есть такой у нас, очень аккуратный пулеметчик. Когда он тебя огнем прикрывает, идешь в атаку с полным спокойствием, словно отец за спиной стоит. Такое чувствовали все, когда Баранов у пулемета работал.

Выступил этот самый Баранов и сказал: "Я так думаю, товарищи. Те люди наши, которые до последней возможности своих сил Севастополь защищали, в мысли своей самой последней держали, что придут сюда несколько погодя снова советские люди - и такие придут, которые все могут. Они такую мысль держали потому, что свой народ знали, потому, что сами они были такими. Кто чего соображает - я за всех не знаю. Вот гляжу всем в глаза, и вы мне все в глаза глядите, я сейчас клятву скажу перед теми, которых сейчас нет".

Тут все вскочили и начали говорить без записи. Просто как-то от сердца получилось. И сказали мы: "Клянемся!" Я подробностей всех слов не помню. Знаете, такой момент был, сказал бы командир: "Вперед!" - пошли бы, куда хочешь пошли.

.. .И боец этот, сидевший у берега моря, зачерпнул горстью воду, солено-горькую воду, отпил ее, не заметив, что она горько-соленая, помолчал, затягиваясь папиросой так, что огонь ее полз, шипя, словно по бикфордову шнуру, и потом вдруг окрепшим голосом продолжал:

- Назначили штурм. Вышли мы на исходные. Рань такая, туман, утро тихое. Солнце чуть еще где-то теплится, тишина, дышать бы только и дышать. Ждем сигнала. Кто автомат трогает, гранаты заряжает. Лица у всех такие, ну, одним словом, понимаете: не всем солнце-то сегодня в полном свете увидеть, а жить-то сейчас, понимаете, как хочется. Сейчас особенно охота жить, когда мы столько земли своей прошли, и чует ведь праздник наш человек, чует всем сердцем: он ведь скоро придет, окончательный праздник... А впереди Сапун-гора, и льдинка в сердце входит. Льдинка эта всегда перед атакой в сердце входит и дыхание теснит. И глядим мы в небо, где так хорошо, и вроде оно садом пахнет. Такая привычка у каждого - на небушко взглянуть, словно сладкой воды отпить, когда все в груди стесняет перед атакой.

И тут, понимаете, вдруг словно оно загудело, все небо: сначала так, исподволь, а потом все гуще, словно туча какая-то каменная по нему катилась. Сидим мы в окопах, знаете, такие удивленные, и потом увидели, что это в небе так гудело. Я всякое видел, я в Сталинграде под немецкими самолетами, лицом в землю уткнувшись, по десять часов лежал. Я знаю, что такое самолеты. Но, поймите, товарищ, это же наши самолеты шли, и столько, сколько я их никогда не видел. Вот как с того времени встала черная туча над

немецкими укреплениями, так она еще, видите, до сего часа висит и все не расходится. Это не бомбежка была, это что-то такое невообразимое! А самолеты все идут и идут, конвейером идут. А мы глядим, как на горе камень переворачивается, трескается, раскалывается в пыль, и давно эта самая льдинка холодная под сердцем растаяла, горит сердце, и нет больше терпения ждать.

Командир говорит: "Спокойнее, ребята. Придет время - пойдете", - и на часы, которые у него на руке, смотрит.

А тут какие такие могут быть часы, когда вся душа горит! Сигнал был, но мы его не слышали, мы его почуяли, душой поняли и поднялись. Но не одни мы, дорогой товарищ, шли. Впереди нас каток катился, из огня каток. То артиллерия наша его выставила. Бежим, кричим и голоса своего не слышим. Осколки свистят, а мы на них внимания не держим, - это же наш огонь, к нему жмемся, словно он и ранить не имеет права.

Первые траншеи дрались долго. Гранатами мы бились. Пачку проволокой обвяжешь - и в блиндаж. Подносчики нам в мешках гранаты носили. Когда на вторые траншеи пошли, немец весь оставшийся огонь из уцелевших дотов и дзотов на нас бросил. Но мы пушки с собой тянули на руках в гору. Не знаю, может, четверку коней впрячь - и они бы через минуту из сил выбились, а мы от пушек руки не отрывали, откуда сила бралась! Если бы попросили просто так, для интереса, в другое время хоть метров на пятнадцать по такой крутизне орудие дотащить, - прямо доложу: нет к этому человеческой возможности. А тут ведь подняли до самой высоты, вон они и сейчас стоят там. Из этих пушек мы прямой наводкой чуть не впритык к дзоту били, гасили гнезда. Били, как ломом.

Третья линия у самого гребня высоты была. Нам тогда казалось, что мы бежали к ней тоже полным ходом, но вот теперь, на отдохнувшую голову, скажу: ползли мы, а кто на четвереньках, - ведь гора эта тысяча сто метров высоты, и на каждом метре бой. Под конец одурел враг. Дымом все поднято было, и камни, которые наша артиллерия на вершине горы вверх подняла, казалось нам тогда, висели в небе и упасть не могли, их взрывами все время вверх подбрасывало, словно они не камни, а вроде кустов перекати-поля (видели во время бурана в степи?).

Стали фашисты из окопов выскакивать, из дзотов, из каменных пещер, чтобы бежать. Но мы их достигали. Зубами прямо за камень хватались, на локтях ползли. Как вырвались на вершину Сапун-горы - не помню.

Не знали мы, что такое произошло. Только увидели - внизу лежит небо чистое, а там, впереди, какой-то город красоты необыкновенной и море зеленое. Не подумали мы, что это Севастополь, не решались так сразу подумать. Вот только после того, как флаги увидели на концах горы зазубренной, поняли, чего мы достигли. Эти флаги мы заранее на каждую роту подготовили и договорились: кто первый достигнет, тот на вершине горы имеет знаменитое право его поставить. И как увидели мы много флагов на гребне, поняли, что не одни мы, не одна наша рота, а много таких и что город этот, - не просто так показалось, - он и есть Севастополь!

И побежали мы к городу.

Ну, там еще бои были. На Английском кладбище сражались. Серьезно пришлось. Когда окраины города достигли, тут опять немножко остановились. В домах там гитлеровцы нам стали под ногами путаться, но для нас в домах драться - это же наше старое занятие, сталинградское. Накидали мы, как полагается, гранат фрмцам в форточку. Которых в переулках, на улицах достигли. Кто желал сдаться - тех миловали.

И когда потом стало вдруг нечего делать, оглянулись мы, и как-то нам всем чудно стало. Вроде как это мы и не мы, смотрим и даже радоваться не смеем.

"Спрашивают: "Ты жив, Васильчиков?"

Это моя фамилия - Васильчиков, Алексей Леонидович.

"Вроде как да", - отвечаю, а до самого не доходит, что жив.

Стали город смотреть. И все не верится, что это Севастополь. Кто на исторические места пошел, чтобы убедиться, а я вот сюда, к морю, думал к самому краю подойти, чтобы фактически убедиться. Я эту мысль берег, когда еще на исходных стояли, думал - к самому морю подойду и ногами туда стану. Ну вот, ноги помыл и сейчас думаю с вами вслух.

Я, может, сейчас немного не при себе - после боя все-таки. Говорю вам и знаю, что каждому слову нужно совесть

иметь, а я так без разбору и сыплю, хочу сдержаться и не могу. Может, самое главное, что у меня вот тут, в сердце, есть, я вам и не проговорил как следует. Но вы же сами гору видели, как наша сила истолкла ее всю в порошок. Ехали ведь через нее, по белой пыли у вас вижу, что ехали. Так объясните вы мне, - может, знаете, - где есть еще такое место, которое вот эти солдаты - они сейчас по улицам ходят, все на Севастополь удивляются - пройти не смогут?

Я вам и свой и ихний путь объяснил. Есть у меня такая вера, что нет теперь такого места на земле, чтобы мы его насквозь пройти не могли! И решил я сейчас так: как то самое главное, последнее место пройду, сяду на самом последнем краю, все припомню - где прошел, как прошел...

Васильчиков помолчал, снова закурил, поглядел на море, потом вытер полой шинели ноги, обулся, встал, поправил на плече ремень автомата и вдруг застенчиво попросил:

- Только вы про меня чего-нибудь особенного не подумайте. Я даже не в первых рядах шел, только иногда выскакивал. Вы бы других послушали, настоящих ребят, - есть у нас такие, - только разве они будут рассказывать! Это я так вот тут, для разговора, на ветерке посидел, ну вот, значит, и отдохнул. Счастливо оставаться!

Попрощавшись, Васильчиков поднялся по нагретому солнцем камню набережной и скоро скрылся из глаз в гуще идущих по севастопольской улице таких же, как он, опаленных, покрытых пылью бойцов.

1944 год

ДОЧЕРИ МОЛДАВИИ

Борис ПОЛЕВОЙ

Старшей из них 63 года. Она высокая, крепкая, хотя уже согбенная старостью, морщинистая женщина, крестьянка села Генерал-Поэтэш Федора Копунь. Весь свой век она прожила в родной деревне, никуда из нее не выезжая, здесь она вышла замуж, здесь вырастила 7 детей, здесь овдовела. Когда в 1941 году враги снова оккупировали Мол-

давию и по деревням началась кровавая страшная травля отдельных красноармейцев, выходивших из окружения и пробиравшихся за Днестр, ночью в избушку вдовы кто-то тихонько постучал. Это были два русских солдата, которые несли на носилках, сделанных из жердей и плащ-палаток, своего тяжело раненного командира старшего лейтенанта Василия Цыбина. Цыбин со своей ротой больше месяца держался в блиндажах на берегу Прута. Рота таяла, но держалась и не отходила, и только когда были израсходованы все боеприпасы, а сам командир тяжело ранен, остатки бойцов, взорвав пулеметы, вырвались из окружающего кольца и вынесли своего командира. Кто знает, как удалось им пронести его через всю Бессарабию, когда по дорогам сновали патрули, а по деревням устраивались настоящие облавы с собаками-ищейками, но только они донесли своего командира до самого Днестра. Тут он совсем занемог. Раны его загноились. Он начал агонизировать, а приходя в себя, приказывал бойцам застрелить его и самим продолжать путь. Вот тогда-то они и решились постучать в хату к Федоре Копунь.

Старая молдаванка без слов впустила русских солдат, и хотя они говорили на разных языках, они сразу поняли друг друга. Она показала им место за печью, где можно было незаметно положить раненого, она отдала ему свои перины, взбила для него свои подушки, а бойцам жестами показала за Днестр. Они поняли, что им нужно уходить на восток, догонять своих, и что командира своего они оставляют в верных руках.

Почти два месяца пролежал офицер в своем уголке за печкой. Старая молдаванка ходила за ним, как мать. Она кормила его лучшим, что было в доме. Она приводила к нему мудрых стариков, которые лечили его раны по особому, им одним известному способу. Она продала последнюю корову, чтобы купить для своего названного сына гражданскую одежду, когда он выздоровел и собрался в путь. И она плакала, как мать, проводив его темной и холодной осенней ночью до самого Днестра и сдав в руки знакомому рыбаку, который должен был незаметно перевезти его на ту сторону.

Так старая молдавская крестьянка совершила свой подвиг во имя Родины, совершенно не подозревая, что это

был подвиг. Ну, а остальное мне рассказал сам Василий Цыбин, ныне уже майор. С десятками приключений добрался он до линии фронта, перешел ее, отыскал свою часть, а когда враг под ударами Красной Армии побежал назад, майор со своим полком в обратном порядке повторил путь своего отступления. И когда полк его перешел через Днестр и в одно прекрасное утро в окно хатки на краю села Генерал-Поэтэш постучали, вышедшая на порог Федора Копунь едва узнала в рослом, загорелом человеке с поседевшими висками того самого худого юношу, которого качало ветром и которого она поддерживала за руку, когда он, оправившись от раны, учился ходить.

- Я не помню матери. Я потерял ее в раннем детстве. И, честное слово, я считаю эту старую молдаванку за свою настоящую мать, хотя до сих пор я ни одного слова не знаю по-молдавски, а она по-русски, - сказал мне майор Цыбин, рассказавший мне эту историю у себя в блиндаже за кружкой доброго молдавского вина.

Женьева Петреслу - дочь священника из города Сороки. Ее отец пользуется большим уважением среди прихожан. Женьева Давыдовна - молодая учительница, маленькая, очень хрупкая девушка, с тонким лицом, напоминающим лики ангелов старинного письма, с точеным носиком, с огромными стрельчатыми ресницами, из-за которых сверкают голубые, чистые детские глаза.

Перед отступлением из Сорок немецкая часть расположилась в школе, где она преподавала. Маленькая, уютная школа за один день была превращена в хлев. Во дворе немецкая солдатня устроила тир, где расстреливала в качестве мишеней портреты знаменитых русских писателей. Солдаты играли в футбол школьным глобусом, выпили весь спирт из демонстрационных препаратов; из книжек и наглядных пособий сложили во дворе костер и жарили на нем барана. Это были озверевшие дикари, и напрасно маленькая учительница и ее отец-священник пытались образумить их. Солдаты хохотали, бранились, отпускали в адрес девушки циничные шутки, а офицер выгнал их, сказав, что грязным молдавским обезьянам, не желающим воевать за великую Германию, грамота ни к чему.

Днем за горой по ущелью солдаты рыли укрепления, создавая сильную огневую позицию, своеобразную засаду. в которую должны были попасть части Красной Армии, как только они форсировали бы Днестр. Немцы безобразничали в школе, и дебоши их становились с каждой ночью все страшнее. Они ловили девушек, ночью из школы неслись их крики о помощи. Однажды, под утро, когда сломленные хмелем немцы спали в школе, во дворе появилась маленькая фигурка в темном платье. Она бесшумно что-то сделала сначала у одних, потом у других дверей, и вдруг ночь за Днестром осветилась белым пламенем. Это пылала занявшаяся сразу со всех сторон деревенская школа.

Утром часовые передовой части Красной Армии подобрали на берегу маленькую девушку, похожую на ребенка; она была в одном купальном костюме, а по реке гулял холодный мартовский ветер. Когда девушку по ее требованию повели к коменданту, она уже не могла идти и упала без сознания на руки бойцов. Ее привели в себя, и она рассказала о немецкой огневой позиции, которая строится за Днестром, и о плане заманить в ловушку передовые части Красной Армии.

Я видел эту девушку в ее родном городе несколько недель спустя после того, как она переплыла Днестр, чтобы предупредить советские части о грозящей им опасности. Была перемена. Она гуляла со своими учениками по чудесному саду старинного дома, где возобновила свою работу ее школа. Она принимала участие в детских играх, сама увлекаясь ими, как девочка

Я с уважением пожал маленькую ручку этой, пожалуй, единственной в мире учительницы, которая во имя культуры и цивилизации сожгла свою школу вместе с бандой гитлеровских зверей.

Ну, а третий рассказ мой - о самой маленькой молдавской героине - будет самый короткий и самый печальный. Я не видел самой героини, я не знаю ее имени, но я видел ее могилку на зеленой горке, недалеко от Прута у села Барамсуть, и танкисты, тесавшие на этой могилке оградку и памятник-обелиск, рассказали мне о ее подвиге.

Тут, у Прута, бои были особенно жестоки. Немцы ввели здесь в бой несколько новых, свежих, подтянутых с Балкан дивизий и бросили их навстречу наступавшим частям Красной Армии. Разведывательная группа из трех советских танков попала в окружение, была отрезана от своих; желая

ее уничтожить, немцы создали у дорог несколько противотанковых засад. Вот тут-то и подошла к танкистам эта маленькая, босая, черноволосая девчонка, в пестрой юбке и головном платке. Она знаками показала, что по дороге ехать нельзя, что в ложбине стоят немецкие пушки, и взялась вывести танки из засады.

Танкисты недоверчиво переглянулись: уж очень мал был проводник, но девочка взглядом и жестами умоляла верить ей.

Танкисты посадили девочку на броню танка, и, держась ручонками за люк, она показала им дорогу. На малом газу, с приглушенными моторами, танки выбрались из вражьего кольца. Но тут случилось непредвиденное; один танк увяз в болотце. Товарищи взяли его на буксир, немцы открыли их местонахождение и начали обстреливать танки. Танкисты спрятались вместе с девочкой в броню. Задраили башни и на всей скорости понеслись из кольца. Один немецкий снаряд настиг головной танк и, ранив башенного стрелка и девочку, зажег его. Два танка загородили пылающую машину. Танкисты спасли его экипаж и, усадив всех на свои машины, окончательно вырвались из вражеского кольца. Танки спаслись, но смертельно раненный ребенок умер на руках у танкистов, не успев назвать даже своего имени.

Вся танковая часть с воинскими почестями похоронила маленькое тельце на вершине пологой горы. Оркестр и салюты прощальных залпов проводили девочку в ее последний путь…

В этих моих историях не прикрашено ни одного слова.

3 июня 1944 года

ТРИ ГОДА

Илья **ЭРЕНБУРГ**

До войны мир плохо нас знал. Уже свирепствовала фашистская чума, а многие слепые демократы старались оградиться санитарными кордонами не от очагов заразы, а от страны, которая на пути социального прогресса опередила другие. Европе грозило великое затемнение, а дурные пастыри заслонялись от света. Я читал десятки книг, посвященных нашей стране и написанных иностранцами. В них было много живописных анекдотов и мало исторической перспективы. В них поражало отсутствие прозрения, потеря чувства пропорций. Иностранные туристы охотно останавливались на дорожных ухабах, на тесноте в московской квартире, на плохой обуви. Все это было правдой, и все вместе это было ложью: детали мешали авторам разглядеть целое. Они не увидели страну, которая сказочно росла, не поняли, что мы жили на лесах, что обуть двести миллионов труднее, чем обуть двести тысяч, не прислушивались к разговорам в тесной московской квартире, из которых они могли бы понять, что наш народ приобщился к знанию, что он стал хозяином государства. Снисходительно отмечая отсутствие того или иного предмета комфорта, они забывали, что по соседству с нами гитлеровская Германия и что мы должны думать об обороне.

За границей Россию изображали как "колосса на глиняных ногах". Три года тому назад это сравнение приводило немцев в экстаз, и оно заставляло некоторых американцев преждевременно нас оплакивать. Первые месяцы войны как бы подтверждали этот навет: издали люди не видели, что мы отступали, но не уступали, что в беде страна крепла, что заводы, перекочевав на восток, удесятерили продукцию и что солдаты, отходя, думали о наступлении. Теперь салюты Москвы говорят то, что оставалось непонятным чужестранцам, - у колосса крепкие ноги.

Казалось, мы должны были изнемочь после трех лет кровопролитной войны, но даже в самые блистательные эпохи, когда Вольтер льстил Екатерине или когда Наполеон пал под русскими пиками, даже тогда Россия не мнилась миру такой мощной, как теперь. Три года многое изменили. Мы были первыми солдатами Сопротивления, и мы будем первыми кузнецами победы.

Эта победа не далась нам даром. Мы ее оплатили кровью лучших. Мы во многом отказывали себе ради детей. Мы думали, что им суждено счастье. Им были суждены страшные бои. В поте лица своего мы строили страну. Мы гордились нашими городами. Наша жизнь была необжита, как новая квартира, она пахла известкой, клеем, олифой. Немецкий

танкист Гейнц Кальвой из дивизии "Мертвая голова" рассказывает: "Указывая на горящий дом, гауптшарфюрер Лютце кричал: "Этот замечательно горит! Так должно быть со всеми домами". Мы танцевали и пели вокруг горящих домов"... Да, они превратили в пепел труд поколения. Они назвали "зону пустыни" "высшим достижением немецкого военного гения".

Они отняли у нас реликвии. В Ясной Поляне они облюбовали дом, где жил Лев Толстой. Они устроили в нем конюшни. В музее Царского села они устроили вошебойку. Из золота новгородского Кремля они сделали стаканы и пепельницы.

Они украли у нас доверчивость, доброту. Они заставили мирнейших людей благословлять оружие. Мы стали мудрыми, и эта мудрость тяжела, как камень.

Я напомню: это было ровно три года тому назад. Вася с припухлым детским лицом терзался: что лучше - история или лингвистика? Председатель колхоза "Заветы Ильича" мечтал о премии на сельскохозяйственной выставке. В парке культуры ракеты чертили слова счастья. Молодой учитель Бобров шептал Оле: "Мы поедем с тобой в Крым". "К августу достроим поселок", - думал, засыпая, архитектор Чебуев. В пьесе "Машенька" старый профессор бормотал: "Где-то война, а мы трудимся", и ему аплодировали. Ревновали: она улыбнулась другому. Терзались: трудно снять дачу. Гадали: каким будет июль, погожим или дождливым? На следующее утро (это было в воскресенье) Москва проснулась беспечной, по-летнему растомленной. Мысли шли к сирени, к лесу, к отдыху.

А по дорогам Литвы уже неслись обезумевшие женщины, и кровь пограничников уже горела на зеленой траве. Раздался хрип радио: "Граждане..."

Они долго готовились. Они обдумали каждый шаг. Мюллер шел в Киев. Шульц шел в Ленинград. Квачке торопился в Москву. Их были миллионы, буйных и кичливых, они в нетерпении перебирали ногами, как застоявшиеся лошади. Профессора Иены, Марбурга, Гейдельберга, Бонна им читали лекции: о дворцах Петербурга, о свойствах русского чернозема, о древнем пути в Индию, об уральской руде. Они стояли в городах растерзанной Польши: студенты, скотоводы, пивовары, метафизики, колбасники, дуэлянты. воры, полицейские, сверхчеловеки, коммивояжеры, педерасты и бароны.

Среди них был Шрамке, который стащил в Париже восемь пар часов, Штольц, который изнасиловал пятнадцать полек, и Гайнц, который, взобравшись на Акрополь, отбил у Афродиты мраморный палец. У них были справочники: "Русские - низшая раса, созданная для повиновения". У них были слозарики: "Давай корову. Становись к стенке. Ложись со мной спать. Копай могилу". У них были компасы, чтобы не заблудиться в сибирской тайге. У них были карты, чтобы пройти напрямик в Иран. У них были мощные танки, пикирующие бомбардировщики, порхающие минометы и автомобили всей Европы. У них были оберфюреры, зондерфюреры, штурмбаннфюреры, ротенфюреры, штандартенфюреры, шарфюреры, штафельфюреры, группенфюреры, и у них был фюрер, ефрейтор, который плюнул на Европу с Эйфелевой башни. В самую короткую ночь года они ринулись на восток. Они стреляли из автоматов в детей. Они давили танками женщин. Они жгли города. Они плыли, ползли и летели.

Это было всего три года тому назад. Как давно это было! Защищая Ленинград, погиб председатель колхоза "Заветы Ильича". Учитель Бобров убит у Сталинграда. Его Оля - связистка, сейчас она в Румынии. Архитектор Чебуев - командир саперного батальона, он дважды был ранен и прославился при переправе через Днепр. Вася не стал ни лингвистом, ни историком, он - разведчик. Автора пьесы "Машенька" убила бомба Люди теперь гадают: каким будет июнь и где мы начнем наступать?

Чтобы глина стала кувшином, надо ее обжечь. Суда смолят и сталь остужают. Мы узнали закал. О зрелом гении говорят: "Он достиг детской простоты". Это неточно: есть простота начала и есть другая простота - мудрости. Между ними часто вся жизнь. Кто знает, как далеко мы шагнули за три года? На полях боя мы увидали то, чего не было в книгах. Жизнь оказалась проще и сложнее. Суровый солдат улыбнется ребенку или цветку, но сотни вздорных радостей и ничтожных горестей, три года тому назад волновавших его, теперь в нем вызывают пренебрежение. Он понял, что счастье не электрическая лампочка (повернешь - и вспыхнет), а та искра, которую высекают из кремня. Он теперь предпочитает чащу проложенным дорожкам. Он узнал, что слова условны, а

кровь вязка. О человеке говорят: возмужал. О народе мы скажем: возрос.

Есть связь между душевным опытом каждого фронтовика и знаменами гвардии: "Прицел меньше один", - говорит лейтенант, он вызывает огонь на себя. Он не ищет смерти и не боится ее, он понял, что смерть входит в жизнь наравне с цветами и девушками. Этот лейтенант не философствует -ему недосуг, он говорит о дистанциях, о почте, о щах. Но он и впрямь стал философом: он осознал жизнь.

У нас были до войны высокие идеи, богатейшая страна, таланты, возможности. Нам порой не хватало одного: опыта В каждом деле важен не только замысел, но и выполнение. В боях наш народ научился выполнять задуманное. Ведь если ошибется наводчик, если поспешит снайпер, если замешкается танкист, битва будет проиграна. Я знаю многих майоров, которые начали войну как рядовые. Важнее другое: рядовой 1944 года не прежний рядовой. На груди у нашего народа маршальская звезда. Вот почему армия, отступавшая летом 1941 года, теперь стучится в ворота Германии.

Из тех немцев, которые 22 июня 1941-го перешли нашу границу, не много осталось в живых. У ветеранов в голове коллекция географических названий. Где только они не побывали! Будь они туристами, они могли бы сказать: "Мы достигли своего". Но это не туристы, это завоеватели. Много ли им пользы от того, что они увидали горы Кавказа, пески Египта, Волгу и Днепр? А надписи на немецких крестах от Сталинграда до Байе и от Карелии до Ливии - это адрес-календарь вчерашней Германии. За спиной у них развалины немецких городов. О том ли они мечтали? Они шли в Индию, в Сибирь, и вот они на тех самых местах, где три года тому назад готовились к походу...

Они теперь говорят об обороне, значит, они потеряли войну. Англичане в 1940 году могли стойко ожидать вторжения: они знали, что защищают свой остров, свои права, свою свободу. Когда немцы дошли до Волги, мы не пали духом: мы защищали русскую землю и Советское государство. У немцев не может быть того высокого сознания, которое позволяет в беде сохранить бодрость. На Германию никто не нападал. Мы идем к ним как истцы и как судьи. Нельзя быть подвижником с отмычкой в кармане и с детской кровью на руках. Германия была сильна, пока она завоевывала, для набегов росли ее дети. Но напрасно Гитлер рассчитывает на душевную силу неудачливых налетчиков.

Год тому назад немцы еще не понимали всего значения Сталинграда. Они готовились к наступлению на Курскую дугу. Они думали отыграться "тиграми" и "пантерами". Это наступление длилось недолго, и оно было последним наступлением Германии. Теперь немцы угрюмо гадают: где им будет нанесен очередной удар? Наше наступление на Выборг и взятие его лишний раз напомнило, что пришла пора решающих штурмов.

Три года войны на нашем фронте подготовили операции союзников в Нормандии. Американские корреспонденты удивленно отмечают, что среди пленных немцев - подростки и пожилые. Это не потому, что немки двадцать пять лет тому назад не рожали сыновей. Это потому, что двадцатипятилетние немцы убиты в России. Теперь ничто не спасет Германию от окружения: ни "летающие снаряды", ни порхающие фон Папены. Котантенская операция подходит к концу, за ней последуют крупнейшие битвы. Французские партизаны терзают захватчиков. В Италии немцы начинают походить на итальянцев: по пленоспособности и бегоспособности. Все это только начало, но как это начало близко к концу!

Я не говорю, что развязка будет легкой. Перед нами не абстрактный немецкий народ, а вполне реальная многомиллионная банда убийц.., Перед нами фашисты, связанные круговой порукой. Они ищут лазейку. Они хотят сыграть вничью. Они мечтают отложить партию на двадцать лет. Они будут яростно отбиваться, и последние "четверть часа" будут тяжелыми. Но все равно мы будем в Берлине: это было предрешено 22 июня 1941 года, в тот самый час, когда немцы на нас напали.

Нас ведет туда справедливый гнев. Наша земля и прежде видала захватчиков. Петр пил за побежденных шведов. Русские, придя в Париж, ласкали детей наполеоновских солдат. Разве можно сравнить наци с шведами Карла или с французами Бонапарта? Обдуманно, спокойно, аккуратно немцы совершали свои бесчеловечные дела - чтобы освободить Россию от русских, чтобы показать свое расовое превосходство, чтобы развлечься. Простить можно живого человека, а не робота, не мастера "душегубок", не "банщиков" из тех бараков, где немцы газами убивают женщин. Можно простить за себя, не за детей. В Мариуполе 20 октября 1941 года немцы повели несколько тысяч жителей на казнь. Обреченным приказали раздеться.

Крохотный Впадя, не понимая, что его ждет, кричал: "Мама, мы будем купаться?" Кто посмеет простить за Владю?

В Симеизской обсерватории немцы устроили конюшню, и на площадке, где астрономы изучали ход светил, солдаты испражнялись.

Мы не хотим разбивать телескопы Иены IVfci не хотим жечь дом Гете. Мы не хотим мазать губы немецких детей синильной кислотой. Мы хотим одного: очистить мир от преступников. Мы хотим надеть на Германию смирительную рубашку. Мы хотим прийти к ним, чтобы никогда больше они не пришли к нам. Этим мы спасем не только русских детей и Советский Союз, но все человечество.

Три года страдает моя земля... Я не знаю, каким будет день, когда мы войдем в Берлин, - знойным, дождливым или студеным, но я знаю, что, проходя по унылым казарменным улицам немецкой столицы, каждый из нас вспомнит июньское утро, жизнь, рассеченную пополам. Надломив саблю над головой Германии, мы скажем: больше никогда!

20 июня 1944 года

На Бобруйском направлении наши войска, развивая охватывающие удары с востока и юга на Бобруйск, завершили окружение группировки противника, состоящей из пяти пехотных дивизий, в районе Бобруйска и юго-восточнее города.

Из оперативной сводки Совинформбюро
27 июня 1944 г.

БОБРУЙСКИЙ "КОТЕЛ"

Василий ГРОССМАН

1.

День и час наступления рождаются в великой тайне. Но, конечно, тысячи тысяч людей, вся Красная Армия, весь советский народ знали, что наступление будет и ждали его. Противник томительно ждал нашего наступления, готовился к нему, лихорадочно вслушиваясь в лукавую, заманивающую стрельбу наших пушек, вызывавших на ответный огонь немецкие батареи, скрытые в лесах, рощах, высокой зеленой ржи.

Да, немцы ждали и готовились к нашему наступлению.

Дивизии фельдмаршала фон Буша, собранные против армии одного лишь Рокоссовского, к часу удара числом своим не уступали дивизиям Рундштедта, подготовленным к отражению вторжения английских и американских войск во Францию. Но дивизии Буша превосходили европейские армии немцев своей выучкой и военным опытом. Эти отборные войска должны были отразить атаку армий 1-го Белорусского фронта. Фон Буш лично незадолго до нашего наступления объезжал дивизии и полки, призывая к стойкости солдат. С солдат была взята подписка, что они умрут, но не отступят ни на шаг. Им объявили, что отступавшие будут расстреляны, а семьи их в Германии репрессированы. Оборона на реке Друть уходила в глубину на многие километры. Шесть линий траншей, минные поля, проволока, артиллерия всех калибров - все было подготовлено для успешного отражения атаки. Немцы ждали удара. Офицер, захваченный нами в плен за несколько дней до начала наступления, рассказал, что единственной темой разговоров среди немецкого офицерства было предстоящее наступление советских войск. Шепотом поговаривали о громадном белорусском "котле". Гадали о направлении ударов. В армиях были отменены отпуска. В обороне были подготовлены новинки. Так, например, в предвидении нашей артиллерийской подготовки немцы, помимо мощных многонакатных блиндажей, устроили в траншеях специальные купола из гофрированного металла. Такой металлический колокол, сверху засыпанный песком, выдерживает удар снаряда среднего калибра и служит укрытием для пулемета и пулеметчика на время артиллерийской подготовки. Едва кончается огонь артиллерии, пулеметчик выскакивает со своим оружием по специальному лазу и ведет огонь. Такие пулеметы в некоторых траншеях находились друг от друга на расстоянии 10-15 метров. В предвидении того, что многие батареи засечены нашей артиллерийской разведкой, немцы установили новью, "немью", батареи пушек и минометов.ничем не выдававшие сво-

его присутствия в период затишья. Они были специально предназначены к ведению огня по нашей пехоте.

В чем же, рождается вопрос, тайна наступления, если все мы, и не только наши друзья, но и враги наши, ждали его?

Тайна наступления была в том, что немцы не знали дня его и часа, не знали направления главного и вспомогательных ударов.

Успех немецкого наступления в июне 1941 года был в значительной степени определен вероломной, бандитской внезапностью. Неуспех немецкого наступления в июле 1943 года в известной степени определялся тем, что мы знали об этом наступлении, ждали его и готовились к нему. Наша разведка установила не только день, но и час его. Немцам не удалось нанести удар в спину. Немецкое наступление, лишенное элемента бандитской внезапности, превратилось в отступление. Битва за Курск, начатая немцами, кончилась на Днепре. В этой битве немцы потеряли Украину. При встрече грудь с грудью немцы были разбиты. Ровно через три года после начала войны грохот артиллерийской канонады, перекатываясь по трем фронтам с севера на юг, известил мир, что началась битва за Белоруссию.

Нам не помогало, как немцам в июне 1941 года, вероломство. Повернувшись к врагу грудью, мы доказали в эти дни свое преимущество над ним, превосходство нашего оружия, превосходство нашего духа, нашего умения.

2.

Войска генерала Горбатова начали артиллерийскую подготовку в четыре часа утра. Дул порывистый холодный ветер рассвета. Воздух, избы в пустой деревне, деревья, земля, не по-летнему низкие облака казались серыми, словно весь мир в этот рассветный час был нарисован скучными водянистыми чернилами. На деревьях, торопя приход солнца, кричали птицы. Серый свет без солнца тревожил и пугал их. В это утро было две зари. Небо на западе осветилось мерцающим, сплошным и беспрерывным огнем, он спорил с огнем всходившего солнца. Святой огонь отечественной войны.

Тяжкие молоты артиллерии главного командования, рев дивизионных пушек, удары гаубиц, четкая и частая стрельба полковых пушек слились в единый потрясающий землю звук. Облака, поглощая огонь, начали светиться, точно и в самом деле взошло в небе еще одно солнце.

В грохот артиллерийской молотьбы ворвался свистящий звук, словно огромный паровоз выпускал пары, и в небо поднялись сотни огненных серпов и острием своим вонзились в немецкие траншеи, - то начали свою работу дивизионы гвардейских минометов... Кошка бежала по пустой улице деревни, она, видимо, кричала, но крик ее не был слышен. Листва белорусских кленов, дубов, тополей трепетала. В пустых избах вылетали стекла, рушились печи, хлопали двери и ставни.

На мгновение смолкла стрельба, но тишины не было - на деревьях дружно пели птицы. Они приветствовали солнце свободы, всходившее над Белоруссией.

Когда сторонний человек подъезжает к металлургическому заводу, то грохот разумного труда кажется ему хаосом, ревом моря. В этом сегодняшнем грохоте нашей артиллерии непосвященному человеку тоже могло почудиться бушевание стихии, хаос. Но то был грохот труда войны, труда столь же умного, сложного и большого, как труд тысяч инженеров, горновых, сталеваров, чертежников, прокатчиков, диспетчеров на металлургическом заводе. Сотни и тысячи часов кропотливой, напряженной работы предшествовали этому буйному пиршеству артиллерийского огня. Каждое из многих сотен орудий било по заранее разведанной и засеченной цели.

Огромный труд разведчиков, командиров полков и дивизионов, летчиков, топографов и штабных офицеров предшествовап шквапьному огню артиллерии. Он, этот разумный и кропотливый труд, направлял движение и удары огневого вала, и каждая из наших пушек била по пушке, по пулемету врага. И все же не весь огонь противника был подавлен во время артиллерийской подготовки. Несколько раз наша пехота поднималась в атаку и встречала огонь немецких пулеметов и минометов. Немцы отлично

понимали значение рубежа своей обороны, они дрались за него со страшным упорством, с бешенством отчаяния, с яростью самоубийц. Они выползали из-под гофрированных листов металла, устанавливали в полуразрушенных траншеях пулеметы; их "немые" орудия и пулеметы заговорили. В этой встрече грудь с грудью немцы напрягли все свои силы, достигли высшего потенциала своего оборонительного упорства. Это был бой без всяких скидок на "эластичность", мастером которой считался бывший командующий 9-й армией генерал Модель, "Модель эластичный". В нынешних боях 9-я армия должна была проявить всю свою стойкость.

Тяжело было наступать дивизиям Красной Армии по болотистой пойме Друти на высоты, занятые немцами, на тянущиеся на километры одна за другой траншеи... К середине дня в воздух поднялась наша авиация. Никогда не приходилось видеть мне такого количества самолетов. Огромный простор неба стал вдруг тесен, как становится тесной Красная площадь в дни майского праздника. Небо гудело - мерно рокотали пикирующие бомбардировщики, жесткими железными голосами гудели штурмовики, пронзительно взвывали моторы "яков" и "лагов". Луга и поля стали пятнистыми от плавных теней облаков и быстрых теней сотен самолетов, летевших между землей и солнцем. За линией фронта поднялась высокая черная стена: дым казался тяжелым и черным, как земля, а земля легко шла в небо, превращенная в дым. И в это время новый тяжкий звук вошел в оркестр битвы. Танковый корпус, тайно сосредоточенный в лесу, всем своим стальным телом пополз к месту нового сосредоточения, готовясь войти в прорыв вражеской обороны. Машины шли, замаскированные срубленными ветвями и стволами молодых березок и осин. Миллионы молодых зеленых листочков трепетали в воздухе, молодые лица танкистов глядели из люков. Готовясь к наступлению, на фронте обычно говорят: "будет свадьба", "будет праздник". И невольно думалось, глядя на сталь, увенчанную зеленью: вот он наступил, праздник, - суровый, дерзкий праздник войны.

Пришли минуты, когда грохот артиллерии, гул самолетов, рев танковых моторов слились в один потрясающий небо и землю гуд. И казалось - то поднялся Урал, до которого собирались дойти захватчики, поднялся и зашагал на запад, прогибая землю и небо. И ничего так не хотелось, как чудом перенести в этот час торжества силы нашего рабочего отечества тысячи тысяч великих, скромных тружеников, рабочих и инженеров, чьей бессонной работой, чьими золотыми, честными руками, чьим тяжелым потом созданы пушки, танки, самолеты Красной Армии. Их не было, они не могли быть здесь, но пусть знают они, что в эти грозные, кровавые дни приходилось слышать от многих и многих генералов, офицеров, красноармейцев-пехотинцев слова великой благодарности и великой любви, обращенные к нашим рабочим. Их труд, их пот сохранил много молодой крови, крови тех, кто шел вперед.

3.

Говорят, пехота - царица полей. В эти дни пехота была царицей не одних только полей, она царила в лесах, на болотах, на реках. Все роды оружия служат ей, но и она служит им всем. Велика сила моторов, брони, огня механизмов. Пушка борется с пушкой, осколки снарядов рвут колючую проволоку. Саперы прокладывают проходы в минных полях. Страшная это работа: в тридцати - пятидесяти метрах от траншей противника во время нашей артиллерийской подготовки ползком пробираться вперед, обезвреживать мины, резать проволоку. Здесь мы встретились со старыми сталинградцами-гуртьевцами, саперами майора Рывкина, мастера дела, в котором ошибиться можно лишь раз. Так же, как на заводе "Баррикады", ползал перед бруствером немецких окопов сухощавый старший сержант Ефим Ефимович Дудников - в руках ножницы, щуп, в брезентовой сумочке гранаты, на боку пистолет лучшего сапера Сталинграда легендарного Брысина, погибшего несколько месяцев тому назад. Этот пистолет был передан Дудникову командованием дивизии. Проходы в минных полях перед фронтом дивизии были сделаны столь тщательно, что за весь период прорыва вражеской обороны ни один человек не подорвался на вражеской мине. Полковая артиллерия и самоходные пушки, танки поддержки пехоты сопутствовали стрелкам во все время прорыва. Упорное, бешеное

сопротивление немцев, длившееся тридцать часов, было сломлено, и к полудню на второй день наши войска захватили все шесть линий немецких траншей. Сильны моторы и броня танков, сокрушительна сила артиллерийского огня. Сила моторов и пулеметного огня помогли пехоте. И пехотинец, демиург войны, идущий в тоненькой гимнастерочке по железным полям битвы, щедро оплатил ту помощь, что оказали ему при прорыве обороны врага. Он не остался в долгу ни перед артиллерией, ни перед танками, ни перед саперами.

Стрелковые полки, вырвавшись вперед, не знали ни дня, ни ночи. Их бессонное боевое движение не дало врагу закрепиться ни на одном из рубежей. Ни на Догбысне, ни на реке Оле, ни на Вири. Пехота указывала самоходным пушкам скрытые в зарослях "фердинанды". У саперов не стало работы по разминированию дорог и строительству мостов: столь стремительным был натиск пехоты, что немцы не успевали взрывать и минировать. Из-под одного большого моста было вытащено полторы тонны заранее заложенной немцами взрывчатки. Сотни мостов, мостиков, гатей остались целы. Путь танкам был открыт. Пехота шла полями, в болотах по пояс, темным лесом, колючими зарослями, появляясь там, где не ждали ее немцы. Она щедро оплатила свой долг артиллерии и танкам. Операция была рассчитана высшим штабом на девять дней, генерал Горбатов взялся провести ее за семь. Человек с винтовкой, в выцветшей от дождя и солнца гимнастерке дал возможность командованию осуществить свой замысел в три дня.

В чем же заключался этот замысел?

Идея его, как все хорошие и большие идеи, была проста. После прорыва немецкой обороны главный удар был намечен на неожиданном для немцев направлении. Танки, войдя в прорыв и устремившись перпендикулярно к Березине, в определенном пункте резко меняли направление движения и, выйдя северней Бобруйска в тыл немцам, должны были превратиться в стальную наковальню, на которой очутятся пять пехотных и одна танковая дивизия противника. Успех операции сулил немцам жестокий "котел", смертное окружение. Сосредоточение танковых и артиллерийских сил на направлении главного удара происходило в величайшей тайне. Огромные переброски боевой техники шли в течение нескольких недель в темные ночные часы. Пятьдесят опытных офицеров руководили движением. Артиллерийские и танковые полки задолго до рассвета бесследно исчезали в лесах на берегу Друти. Немецкие разведчики констатировали изо дня в день одно и то же: "По дорогам обычное движение".

И вот к полудню на третий день после начала наступления танки Бахарева вошли в прорыв. Они ринулись по дорогам, которые пехота не дала немцам заминировать, переправлялись по мостам, которые пехота не дала немцам взорвать. В течение нескольких часов марш танков был закончен - группировка немцев, отступавшая под ударами наших пехотных дивизий на запад от Друти, была отрезана у восточного берега Березины. Этой части 9-й немецко-фашистской армии не удалось вырваться к Березине, как вырвалась к ней когда-то армия Наполеона. Возмездие настигло немцев не на переправе, а на восточном берегу реки. Березине отныне суждено навеки ужасать всех, помышлявших о вторжении в Россию. Березина 1944 года стала рядом с Березиной 1812 года.

4.

Мне удалось видеть, как были сцементированы стены бобруйского "котла" и как, если можно так выразиться, действовали ножом и черпаком наши подразделения внутри самого "котла". Нож рассекал связь и взаимодействие немецких армейских корпусов с дивизиями, дивизий - с полками, полков - с батальонами и ротами. Нож уничтожал тех, кто не складывал оружия. Черпак щедро вычерпывал пленных. Он действовал быстро, легко, неутомимо в руках умелых "кашеваров".

Генерал Урбанович сидел в немецком солдатском блиндаже на опушке соснового леса. Солома на нарах еще сохранила отпечатки тел немцев, лежавших здесь несколько часов тому назад. На земляном полу валялись журналы, пухлые книги немецких романистов... Телефонист упорно твердил: "Резеда, слушай меня. Резеда, Резеда, Резеда. Я Мак, я Мак!" "Виллисы" стремглав, как по шоссе, мчались меж сосновых стволов, останавливались у входа в блиндаж.

Потные от жары и радостного возбуждения, командиры-артиллеристы, пехотинцы, офицеры связи докладывали генералу обстановку. В воздухе стоял грохот наших пушек, ухали разрывы немецких снарядов. Урбанович, худощавый человек с начинающей лысеть головой, сидел за картой, положенной на сосновые нетесаные доски стола. Протирая платочком пенсне, он склонялся над картой и, водя по ней карандашом, отдавал приказания окружавшим его офицерам. Танки, самоходные пушки, стрелковые батальоны, артиллерийские батареи размещались им на дорогах, мостах - всюду, где могли быть попытки прорыва немцев из окружения. Спокойные движения, профессорски неторопливая речь Урбановича были противоположны возбуждению окружавших его людей. Боясь, что приказания его будут неточно выполнены в лихорадочном напряжении этих часов и что "котел" даст течь, он спрашивал:

- Вам понятно? Запишите. Теперь повторите. Повторите еще раз. Так. Можете идти.

Одна за другой перерезались дороги отхода немцев. Стены "котла" становились все плотней и непроницаемей. К вечеру 27 июня немцы поняли постигшую их катастрофу. Два дня, проведенные нами внутри "котла", богаты таким огромным количеством впечатлений, событий, что простой перечень их занял бы много страниц.

Несколько раз немцы в первые часы окружения, когда управление армейского корпуса и дивизий не было окончательно нарушено, пытались, собрав танковый и артиллерийский кулак, прорваться на северо-запад. Они перешли в атаку в три часа утра 26 июня. Огромной крови стоили им эти попытки. И тщетными оказались они. Тогда немецкое командование предложило войскам вырываться из окружения отрядами, применяя тактику обмана и вероломства. Подняв одну руку и держа в другой оружие, фашисты объявляли о сдаче, а затем, подойдя на близкое расстояние, бросались в атаку. Несколько наших парламентеров, среди них майор, вышедшие на переговоры, были убиты. И вновь огромной кровью заплатили фашисты за это вероломство. Июнь 1944 года - это не июнь 1941-го. Страшно выглядели белорусские леса в эти дни. Были места в этих лесах, где не стало видно земли под телами фашистов.

Наступил третий период ликвидации "котла". Немцы потеряли артиллерию. Тысячи огромных, откормленных артиллерийских лошадей бродили среди сосен и в высокой зеленой ржи. Штабеля снарядов одиноко стояли под деревьями. Брошенные пушки смотрели на .восток, на запад, на север и на юг: в последние часы артиллеристы-немцы ждали нас со всех четырех сторон.

Рассыпались корпуса, дивизии, полки и роты. Немецкие генерал-лейтенанты устраивали митинги под высокими соснами и наши одиночки-разведчик и наблюдали из кустарников, как генералы убеждали группки солдат повременить со сдачей в плен. Командиры дивизий, брошенные ординарцами, лишенные кухни и поваров, занялись сбором земляники на лесных полянах. Командиры полков шуршали среди стеблей ржи, выглядывая на дорогу, по которой шли наши танки. Гауптманы, обер-лейтенанты, позванивая орденами, рыли себе берлоги под деревьями.

В "котле" начал работать наш черпак. Пыль поднялась высоко в небо - то зашагали на восток тысячи немецких сапог. По десяткам белорусских дорог задымились желтые столбы пыли, шли немецкие пленники, солдаты и офицеры. Лица их были черны от грязи, мундиры оборваны, головы опущены, глаза смотрели в землю.

Каких только диковинных немцев не пришлось повидать нам за эти часы, когда черпак выбирал их из бобруйского "котла". Командира полка с семью орденами, убийцу с небесно-голубыми глазами и розовыми губками жеманной девицы, в бумажнике которого мы увидели серии страшных фотографий, на одной из них изображен повешенный партизан и женщина, обнимающая его мертвые ноги. "Это было е Польше", - сказал нам немец, как будто разбой в Польше ненаказуем. "Но почему же на дощечке возле тела повешенного сделана русская надпись: "Мера наказания партизану"? - "Это ничего не значит, это было на границе России и Польши", - ответил убийца. Мы говорили с ошалевшими гауптманами и обер-лейтенантами, только что вышедшими из ржи с поднятыми руками. Не успев опустить руки, они тотчас же заявляли, что Германия непобедима. Когда их спрашивали о судьбе их батальонов, уже пыливших на восток, они безмерно равнодушно пожимали плечами и с дрожью волнения в голосе просили возвратить им ножички, бритвы, перламутровые пилки для ногтей и прочие безделки.

не полагающиеся им по должности'военнопленных. Из глубины "котла" были вычерпаны диковинные человеки, которых не встретить среди пленных немцев переднего края. Интенданты, пасторы, каратели, знаменитый дипломированный повар с жирными щеками, услаждавший своим искусством желудок генерал-лейтенанта, командовавшего дивизией, капитан гигантского роста, с плечами такой ширины, что он, пожалуй, не смог бы пройти в широко распахнутые ворота, и с таким маленьким черепом, что он был бы тесен для новорожденного младенца. Этот капитан командовал тыловыми обозами. Короткий разговор с ним убедил нас, что лошади его обоза совершенно не были удовлетворены интеллектуальным уровнем своего шефа. Немцев "вычесывали" из лесов, из рощ, из оврагов, из ржи, из болот, поодиночке, десятками, сотнями, огромными толпами. В последние часы добыванием пленных занимались не только автоматчики, стрелки и танкисты, но и "добровольцы" - киномеханик клубной передвижки, парикмахер штаба дивизии, девушки из политотдела дивизии.

Сто часов нашего наступления понадобилось, чтобы довести отборные, воевавшие три года на Восточном фронте дивизии немцев до состояния полного потрясения, маразма, беспомощности. Сто часов понадобилось, чтобы превратить хорошо организованную, глубоко закопавшуюся в траншеи, 'снабженную мощной артиллерией и танками, бешено сопротивлявшуюся в первые дни группировку немецко-фашистских войск в огромную толпу, шагающую в желтых облаках пыли под конвоем десятков наших автоматчиков. Все это свидетельствует об огромном, решающем превосходстве Красной Армии над силой фашистских войск.

5.

Через три дня мы вернулись в штаб генерала Горбатова, встретили людей, с которыми в серый холодный рассвет слушали артиллерийскую подготовку, видели плавный могучий ход нашей авиации, слушали рокот бахаревских танков, сосредоточившихся для ввода в прорыв. Неужели прошло только три _дня с того часа, когда пехота пошла по смертной пойме *Друти в атаку на немецкие траншеи?

Начальник штаба, генерал Ивашечкин, ближайший помощник Горбатова, сидит за столом, его курчавая голова склонилась над картой. Седеющий высокий человек, генерал Горбатов обратился к войскам с поздравлением, с призывом после славных бобруйских побед еще стремительней бить врага. Его помощники знают закон своего генерала: не жалеть в бою фашистской крови, пуще глаза беречь кровь нашего бойца и командира.

Войска движутся вперед, далекий путь лежит перед ними, велика ждущая их слава. Успеха и счастья, товарищи!

***28 июня** 1944 года*

КОВПАК

Натан РЫБАК

Таинственно и предостерегающе шумит лес.

Уходят в густую чащу тропы. Сизые облака проплывают совсем низко над деревьями. У дороги лежат громады обгорелых танков, меченных свастикой, опрокинутые вверх колесами немецкие грузовые машины и зарывшийся носом в канаву штабной автомобиль. Картину сражения дополняли еще вчера трупы немцев, а сегодня утром по приказу командира партизанского отряда их убрали.

В этом месте подвижная группа одного немецкого соединения попыталась проложить себе дорогу из окружения. Партизаны в свою очередь окружили немцев и истребили их поголовно. Взятые в плен фашистские офицеры недоуменно разводили руками и охотно утверждали, что Гитлеру капут. Теперь они сидят в землянках. Бородатый Вакуленко стоит у входа в землянку, с автоматом наперевес. Ему скучно, как он выражается, от такой работы, но приказ командира есть приказ, и он стережет фрицев.

К слову сказать, Вакуленко вообще не особенно любит на посту стоять. Куда лучше ходить в разведку! В прошлом старик Вакуленко - колхозный пастух; в от-

ряде с первого дня его основания; он уже дважды награжден. Партизаны тепло называют его "папаша", а он их всех - "сынки".

Был случай, когда Вакуленко один пригнал в партизанский лагерь двадцать немцев. И все они покорно шли впереди него, словно скотина, а он весело покрикивал на них, помахивая вместо кнута автоматом.

В лесу тихо, только шумит в соснах неспокойный ветер. Над землянками вьются дымки.

Партизаны отдыхают, фронт передвинулся далеко вперед. От командования соединения еще не поступил приказ. Ходит слух, что будет приказ - по домам, поскольку родные места уже освобождены Красной Армией.

Онуфрий Чумак, разглаживая усы, высказывает свои соображения по этому поводу:

- Оно, конечно, домой охота, повоевали мы. Да, с другой стороны, и повоевать тож охота, вперед пойти не мешает. Нам, конечно, с армией не сравняться, да в помощь ей можем стать иногда.

Ну, то батьке виднее: как наш батько генерал скажет, так и будет.

Батько генерал - это Сидор Артемьевич Ковпак. О нем говорят в отряде все. Его приказа ждут, и этому приказу подчиняются беспрекословно.

Онуфрий Чумак вспоминает:

- Когда осенью 1942 года немцы на нас танки броси ли и всю дивизию "СС", Сидор Артемьевич спросил: "Ну, как, колхозное войско, не одолеет нас немец?" "Как ты думаешь, так и будет", - ответили мы ему. "Я думаю, не

одолеет, - молвил Сидор Артемьевич, - хотя жарковато нам придется".

И, сказать правду, пришлось довольно горячо, да не одолели нас немцы. Вырвались мы из кольца, а их перебили целые горы.

Онуфрий Чумак - в прошлом тракторист. Это ему пригодилось. В нужную минуту он сел в захваченный немецкий танк и неожиданно появился в одном местечке, занятом немцами.

Подъехал к хате, где помещался вражеский штаб, и с ходу ударил из орудия. Обезумевшие немцы бросились кто куда, а танк Чумака "утюжил" по деревне немцев. В отряде об этом случае часто вспоминают. К Чумаку обращаются:

- Расскажи, как ты населенный пункт взял.

Чумак машет рукой и ухмыляется в ус:

- А чего там рассказывать! Приказал батько генерал, ну и было исполнено. Мое дело маленькое.

.. .Шла степью девушка. Видно, издалека шла, еле ногами перебирала, шаталась от усталости. Увидела деда с котомкой. С виду он будто нищий, ветхий, такой немощный. Спросила сразу:

- Дедушка, как партизан мне найти?

Дед глянул подозрительно, пробормотал что-то в ответ и пошел дальше, а она за ним и все просила:

- Скажи, дедушка. Они мне как свет нужны. Ты меня не бойся, я от немцев бежала из самой проклятой Германии.

И молчаливому деду девушка поведала всю свою злосчастную историю о том, как ее в Германию увезли, как на заводе работала она, а потом за сто марок купил ее в Гамбурге кулак и увез к себе в село. И там она, словно скотина, от зари до зари спину на немца гнула. Били ее, ногами пинали. Раз она не выдержала, толкнула хозяйку, которая ее за косы рвала, и тогда рассвирепевший немец топором отрубил ей руку. При этих словах она показала деду забинтованный и скрытый под жакеткой обрубок левой руки.

Тогда дед остановился, глянул ей в глаза и тихо сказал:

- Иди за мной. Приведу, куда хочешь.

Дед Свирид Мирошниченко, связной партизан, как выяснила девушка впоследствии, привел ее в свой отряд. И вот спустя много месяцев стоит перед нами она, Мария Стаскж. Рукав на левой руке высоко подстегнут. Это неизгладимая, печальная память о пребывании в немецком рабстве.

Мария слывет одним из лучших бойцов партизанского отряда. Она выполнила немало смелых заданий, физический недостаток не помешал ей стрелять в ненавистных оккупантов. Конечно, как и все, она скучает по родному дому. Ведь небось в Полтаве ее давно похоронили. Но крепко в ней, очень крепко желание с автоматом в руке дойти

до немецкого села Фрайтгат и появиться на пороге каменного дома Рудольфа Шемберга. Она хотела бы посмотреть, какое тогда выражение лица станет у герра Шемберга и у фрау Амалии. Забавное будет зрелище! Когда Мария говорит об этом, брови сурово сдвигаются и в глубоких карих глазах вспыхивают грозные огоньки.

О прошлых походах, о невзгодах и трудностях партизаны говорят неохотно и скупо.

- Что рассказывать? Война, как война, - спокойно повествует агроном Николюк. - Конечно, не всем приятно было сознавать, что вокруг немцы. Но нам всем пример показывал Сидор Артемьевич. В его соединении быть великая честь. Он, как карающая рука, всюду настигал немецких злодеев.

Земля, по которой мы ходим и ездим, очищена полностью от фашистов. Но еще не так давно они рыскали здесь повсюду, и партизаны вели упорную и жестокую борьбу с оккупантами. Большие и малые отряды Ковпака неожиданно появлялись там, где немцы никогда их не ждали. Среди ночи огонь охватывал здания штабов, взлетали в воздух артиллерийские склады, летели под откос эшелоны, выводились из строя станции и мосты. И везде и всюду оккупанты слышали страшное для них слово - "Ковпак". На стенах домов, на заборах, в селах и городах, на придорожных столбах и на деревьях в лесу чьи-то невидимые руки расклеивали краткие листовки. Из них народ узнавал правду о военных действиях, узнавал о событиях за линией фронта.

.. .Было это в Сорочинцах на базаре в воскресный день сорок второго года. Конечно, базар не такой, как до войны. Ни песен, ни говора, ни смеха не было. Но жить ведь людям надо, и ехали и пешком шли они из окрестных сел в Сорочинцы, чтобы продать то, что осталось утаенного от грабителей, да и людей встретить, новость какую узнать. Ходил среди возов человек в свитке, с кнутом в левой руке. Росту он был среднего, с небольшой седой бородкой; ходит, цыгаркой дымит, улыбается хитровато, посматривает на возы, на людей, будто ищет чего-то. Сел у одного воза возле группки крестьян. Они сразу замолчали, смотрят на непрошенного гостя исподлобья. А он усмехнулся и так прямо сказал:

- А вы не бойтесь - знаю, немцев ругаете. Я человек
свой. Как там у вас люди в Грязевке? Что, немцы много беды натворили?

Люди по сторонам оглянулись, смотрят на человека как-то недоверчиво, но потом постепенно разговорились. Конечно, плохо в Грязевке, мочи больше нет терпеть. Староста - подлец, кулак беглый, с немцами и объявился. Теперь мобилизацию проводит, на будущей неделе отправлять будет в Германию парней и девчат - всего человек двести, пусто станет в селе. А заложников сколько уже взяли - не перечесть!

Человек в свитке слушает внимательно. Лицо его становится суровым.

- К нам бы хотя партизаны заглянули, - говорит один колхозник. - Много б с ними ушло, да и немцев потруси ли бы. А то расходились каины. Хоть бы Ковпак кого при слал.

- Пришлет, а может, и сам появится у вас, - отвечает
человек в свитке.

- А тебе откуда это известно? ~ отмахивается старичок
в домотканой рубахе до колен.

- Мне доподлинно известно, - говорит человек в
свитке, - я Ковпак.

А через два дня среди ночи в Грязевке появляется Ковпак с небольшим отрядом партизан.

Взлетает в воздух немецкая комендатура, бегут фрицы в дикой панике, поднимают руки, сдаются в плен. Окруженный партизанами, стоит на площади перед церковью немецкий прислужник - предатель староста.

Имя народного героя, партизанского водителя Сидора Ковпака благословляется в каждой хате.

Старуха Дарья Сербиченко, у которой три сына в Красной Армии, а сама она с первых дней в одном из партизанских отрядов стряпает еду партизанам, говорит о Ковпаке:

-Герой он такой, что в заморских землях такого не сыщешь, а все потому, что правду народную сердцем чует.

.. Б сияющем огнями Киевском театре оперы шло заседание сессии Верховного Совета Украины. Впервые после двух лет оккупации собрались народные избранники в

освобожденной столице. И когда глава правительства Украины назвал депутатам имя прославленного генерала Ковпака, весь зал поднялся и громовая волна аплодисментов не стихала несколько минут. А генерал Ковпак сидел в боковой ложе, смущенно улыбаясь. Светили юпитеры. Сияли на генеральском кителе ордена.

Большевик Ковпак, верный сын своего народа, поднялся и поклонился залу в знак признательности.

Три года назад, когда мирно цвела наша Родина, в тихом зеленом Путивле Ковпак занимался скромными и будничными исполкомовскими делами. Он любил "Слово о полку Игореве" и гордился своим древним городом. И когда война разразилась, он, Ковпак, знал, что делать. И вскоре имя путивльского гражданина Сидора Ковпака загремело на Украине.

Шумят леса. Теряются в чащах таинственные тропы, по которым идут партизанские отряды. Они ведут по узеньким дорожкам оседланных лошадей с ногами, обмотанными войлоком, и завязанными мордами, тянут орудия, идут через непроходимые топи. А некоторое время спустя уже полнится слухом земля, уже говорят в селах с любовью и надеждой:

- Ковпак пришел!

И несутся по немецким проводам шифровки, и снова диктуются приказы: окружить Ковпака. Назначаются баснословные цены за живого или мертвого. А генерал Ковпак читает немецкие посулы за свою голову и смеется. Он ведет свой счет мести немецким палачам и помогает Красной Армии бить немцев. Многие из его отрядов в походах. А тем, которым приказано возвращаться на родные места, неохота уходить от своего генерала и боевых друзей.

Эти простые, различных профессий люди, ставшие народными мстителями, готовы на любой подвиг во имя счастья своей Родины. Велика их любовь к своему народу, и страшна их всесокрушающая ненависть к немцам.

В этом источник их силы и непобедимости.

Полны степи и города Украины великой славы партизанской.

Июль 1944 года

Наши войска вышли к реке Неман севернее и южнее города Алитус на фронте в 120 километров и, форсировав на ряде участков реку, захватили плацдармы на ее западном берегу.

Из оперативной сводки Совинформбюро 1Б июля 1944 г.

ПЯТЕРО В ЛОДКЕ

Евгений **ВОРОБЬЕВ**

Ладони полные воды твоей небрав, Мы
припадали к ней горящими устами.

Адам Мицкевич, "Неман"

Неман светился в просветах зелени почерневшим серебром, утратившим блеск. Предутренний туман скрывал линию западного берега. Неман казался безбрежно широким, и от этого одного щемило сердце. Хорошо хоть, что в сером небе видны верхушки сосен на том берегу!

Все пятеро торопливо сняли с себя каски, разулись, разделись и аккуратно сложили одежду на берегу. Потом. закинули за спины автоматы. Голый Петраков подпоясался, прихватил поясом ремень автомата, подвесил к поясу гранаты, запасные диски, и, глядя на него, так же подпоясались еще четверо.

Резиновая надувная лодка с округлыми бортами и плоским дном ждала в лозняке на берегу.

- Пора! - приказал командир роты Сапожников, и Петраков первым взялся за причальное кольцо.

Сбежали к реке, держа легкую лодку на руках. Мокрый холодный гравий колол голые ступни.

Лодка закачалась на воде. За весла сел широкоплечий, большерукий Степан Васечко, ему было приказано грести тихо - ни плеска, ни шлепанья. Рядом с Васечко, готовые в случае чего сменить гребца, уселись взволнованный Кожин

и беззаботный, даже веселый Кочеров. Сапер Моисеев, пожилой, молчаливый человек, устроился, свесив ноги, на носу лодки.

Петраков еще раз из-под ладони поглядел вперед и опять ничего не увидел за туманом. Черные тени елей, стоявших на обрыве за его спиной, отражались в реке, как в пыльном зеркале. Дальше, за верхушками елей, на матовой поверхности воды обозначились рябыми пятнами водовороты.

- Поехали, товарищи, - сказал Петраков спокойно, обыденным тоном, будто собрался с приятелями на рыбалку.

Он с силой спихнул корму лодки с песка и залез в нее уже на ходу.

Васечко выгребал против бурного течения, чтобы лодку не слишком сносило. Скоро стали отчетливо видны сосны и крутой берег, к которому они плыли.

Прошло еще несколько минут, немцы заметили лодку и открыли огонь из пулемета. Одна пуля расщепила весло в руке у Васечко, вторая пробила резиновый борт. Лодка угрожающе зашипела. У предусмотрительного Моисеева был привязан к поясу индивидуальный пакет. Он принялся затыкать им пробоину и едва закончил работу, как пуля попала ему в ногу. Кровавая струйка стекала по ноге, но перевязать ее было нечем. Моисеев, кривясь от боли, придерживал бинт, торчащий пробкой из пробоины.

Пули секли воду рядом с утлым суденышком, вздымали фонтанчики, скакали рикошетом по поверхности реки.

К корме лодки был привязан конец троса, свитый в четыре нитки из пунцового трофейного кабеля. Конец этого троса надо было во что бы то ни стало доставить на тот берег. Только держась за этот трос, натянутый над быстрой водой, смогут форсировать реку пехотинцы в намокшей одежде и в сапогах, навьюченные оружием и боеприпасами. От этого троса зависит успех всей переправы. И если в лодке уцелеет хотя бы один из пятерых, он свяжет оба берега этим тросом.

Васечко греб одним веслом, а обломок второго отдал Кочерову. Оба старались изо всех сил, но лодка попала на быстрину и к берегу подвигалась медленно. Тяжелый трос, опущенный в воду, то и дело цеплялся за подводные валуны. Яростная сила течения увлекала лодку за собой.

"Интересно, во сколько же раз Неман шире нашей деревенской речушки Мокши?" - вдруг подумал Петраков.

К счастью, утро было пасмурное, или, как говорил Петраков, "смарное". Немец-пулеметчик то и дело терял цель. Лодку сильно сносило течением. В этом была опасность, потому что троса могло не хватить, но это же могло и спасти. Ниже по течению берег был круче, и лодка попадала под его защиту.

Еще десяток, другой весельных взмахов - и лодка, не дойдя метров сорока до берега, оказалась в мертвом пространстве. Пули шли поверх голов.

- Пулемет считать недействительным! - весело объявил Кочеров и от восторга выругался.

Между тем пробоина давала себя знать все сильнее, бинт не держал воздуха. Борта резиновой лодки стали дряблыми, она все больше погружалась в воду. Петраков боялся утопить трос и приказал добираться до берега вплавь, тащить лодку с Моисеевым за собой.

Первым из воды вылез Кочеров. Не поднимаясь на заросшую сосняком кручу, Петраков с тросом в руках пошел по воде, вверх по течению. Он облюбовал могучую сосну, стоящую на песчаном обрыве, вскарабкался наверх и захлестнул трос вокруг ствола. Все четверо натянули трос потуже - кто уперся голыми пятками в корневища, а кто плечом в шершавый ствол сосны - и закрепили трос накрепко.

Что же касается Моисеева, то он остался лежать за корягой у самой воды.

Петраков понимал, что немцы вскоре обнаружат их. Трос выдавал местопребывание десантников, но он же сообщал своим на тот берег их точные координаты.

Вначале Петраков хотел занять у подножия сосны круговую оборону, но затем рассудил - лучше отойти от нее подальше, чтобы самим не стать мишенью и чтобы простреливать с двух сторон подступы к сосне. А если немцы попробуют подобраться к сосне со стороны реки, прячась за крутым обрывом, их встретит внизу Моисеев. Кроме того, следовало ввести немцев в заблуждение относительно численности десанта - стрелять из лесу, все время менять свои позиции.

.Наши пушки и пулеметы надежно прикрыли десант и дали "окаймление огнем" и, что было не менее важно, подавили огневые точки фашистов на "высоте с крестом", откуда противник простреливал подходы к Неману.

Лес вокруг гудел от разрывов.

Кожин и Петраков забрались в пустые немецкие окопы, а Кочеров и Васечко залегли в куче валежника с другой стороны сосны.

Петраков сидел в окопе спиной к реке. Он всматривался в близкий, полный опасностей лес, но при этом то и дело в тревоге оглядывался, будто краснотелая сосна, на которой алел драгоценный трос, могла уйти с места или ее могло вырвать с корнем, или трос, впившийся в рубчатую кору, мог развязаться сам собой.

Отряд немцев пытался пробиться к сосне, и здесь, у ее подножия, закипела горячая схватка. Десантники пустили в дело свои гранаты и восемь гранат, которые они нашли в покинутом немцами окопе.

Воевали все нагишом, и противное ощущение беззащитности, когда по тебе, по голому, стреляют, не покидало Петракова и его товарищей.

Вскоре отряд немцев отступил в лес, а вокруг сосны остались лежать шестеро убитых врагов и раненый Кожин.

Попытку немцев подойти к сосне со стороны реки отбил раненый Моисеев, лежавший в засаде за корягой.

"Чудно! - подумал Петраков, ежась от холода и оглядывая поле боя. - Живые - нагишом, а мертвые - в одежде".

К этому времени от восточного берега под сильным огневым прикрытием уже отчалил первый плотик. Кожин видел, как бойцы на плотике торопливо перебирали руками трос, но от нетерпения ему казалось, что плотик без толку торчит посередине реки и - ни с места.

Противник тоже обнаружил плотик, бочки, бревна, облепленные пловцами, и зажег в небе три белые ракеты. Но какие-то очень важные минуты были немцами уже потеряны. ..

Плотик подошел к берегу, и Петраков узнал в одном из четверых бойцов, соскочивших на мокрый песок, Куринского, своего друга, тезку и одногодку, постоянного соседа по окопу и на марше.

Куринский, Кочеров, Васечко и Кожин - ученики Петракова. Он обучал их военному делу в запасном полку, ехал с ними на фронт, водил их в первый бой. И командиру и его бойцам - по двадцать лет, все они комсомольцы, но Петракова уже называют в роте Иваном Ильичом. Этот невысокий паренек, не по возрасту солидный в словах и движениях, - бывалый солдат.

- Утонул ваш гардероб. Везли и не довезли. Смыло водой, - успел сообщить Куринский.

Петраков только махнул рукой и приказал Куринскому и другим солдатам открыть огонь из ручных пулеметов вдоль берега, по кромке леса, чтобы отогнать немцев подальше в чащу, лишить их возможности вести прицельный огонь по переправе.

Держась за спасительный трос, солдаты переправлялись на плотиках, плащ-палатках, набитых сеном, на половинках ворот, снятых с петель, на бревнах, связанных парно обмотками и поясными ремнями, на бочках и пустых снарядных ящиках, тоже связанных вместе.

Один немецкий пулемет никак не удавалось заглушить, и время от времени какой-нибудь солдат безжизненно разжимал пальцы, держащие трос. Если солдат был ранен, его подхватывали товарищи и волокли за собой, борясь с течением.

Рыжеволосый Анатолий Рыцарев, парень из Вязьмы, сидел верхом на бревне, за спиной у него висел телефон.

- Имей в виду, что я - "Алтай", - сказал Рыцарев своему соседу, перебирая в это время трос. - У меня к ноге провод привязан. В случае чего - хоть мертвого вытаскивай меня на тот берег.

Но вот уже приплыли на плоту "максимы", причалил на лодке комбат, приплыли санитары. Они перевязали и согрели водкой окоченевшего и ослабевшего от потери крови Моисеева, лежавшего на песке за той же корягой, перевязали Кожина и других.

"Алтай" уже требовал переноса огня вперед, вдогонку за немцами.

Командир батальона капитан Онусайтис переплыл Неман, выбрался на берег, и ему навстречу поспешил командир взвода Петраков.

Стоя по команде "смирно", Петраков доложил о выполнении приказа и сделал это так лихо, будто дело происхо-

дило на учении в лагерях, будто не стоял он в чем мать родила, пытаясь унять дрожь и стуча зубами от холода. Онусайтис чинно козырнул, но тут же обнял Петракова и сказал взволнованно:

- От всего батальона…

Онусайтис был бос, светлый чуб, намокший от крови, прилип ко лбу. Осколок мины разрезал козырек фуражки и слегка оцарапал голову.

Комбат еще раз оглядел Петракова, по-прежнему державшего руки по швам, и покачал головой. Ноги у того были сбиты в кровь, а руки он раскровенил, когда углублял окоп, - ни лопатки, ни каски, ни штыка у Петракова не было.

Он то и дело облизывал сухие, запекшиеся губы, видимо, его мучила жажда

- Герои, а голые. Как в бане!

Комбат указал рукой на пустой плот, привязанный к тросу, и распорядился:

- Езжайте все пятеро. Теперь и без вас управимся. Старшина вас оденет. Согреетесь. Отдохнете. Приказ командира полка Лещенко.

Все пятеро погрузились на плот, доставивший миномет, и отчалили. Моисеев лежал не шевелясь, с забинтованной ногой. Васечко и Кочеров перебирали руками трос.

- Как в раю жили на этом берегу. Чем не Адамы? - сказал Кочеров, кивнув головой на берег.

Кожин с забинтованной головой сидел на краю плота.

- Какую следующую реку будем форсировать, Иван Ильич? - неожиданно спросил он у Петракова.

- Наши реки как будто кончились.

- Значит, теперь за немецкими реками черед?

- Как дважды два.

- Наверно, и вода немецкая какая-нибудь не такая, как у нас, не чистая.

- Вода всюду одинаковая. Только люди ее мутят и пачкают, - подал голос Моисеев, не открывая глаз.

- Вы имейте в виду, я к следующей переправе обязательно поправлюсь, - твердо сказал Кожин. - Так что и
для меня местечко в лодке оставьте.

- У нас лучше, чем на пароходе. Все места плацкартные, - весело откликнулся Кочеров, перебирая руками витой пунцовый трос.

- Так и быть, по знакомству место устроим, - солидно сказал Петраков.

Петраков подтянулся на руках к краю плота, зачерпнул полные ладони воды и с наслаждением выпил ее.

15 июля** 1944 **года

Войска 3-го Белорусского фронта
при содействии войск 1-го Белорусского фронта,
в результате стремительно проведенной
операции с глубоким обходным маневром
с флангов, 3 июля штурмом овладели
столицей Советской Белоруссии
городом Минск…

Из оперативной **сводки** Совинформбюро 3 июля **1944 г.**

18 июля 1944 года

Илья **ЭРЕНБУРГ**

Трудными лесными дорожками понеслись к Минску, обгоняя врага, танкисты-тацинцы. Партизаны им указывали путь, строили мосты. Полковник Лосик говорит: "Шли мы там, где только зайцы ходят". Работали над дорогой все, от бойцов до генерала. В одни сутки прошли 120 километров; вышли в тыл к отступавшим немцам: началось великое побоище. Свыше трех тысяч немецких машин с танками и самоходками шли по дороге в четыре ряда. Они не ушли: ни танки, ни машины, ни солдаты.

Когда наши танкисты ворвались с северо-востока в Минск, немцев было в городе больше, нежели наших, но эти немцы были уже деморализованы: блуждающие солдаты успели заразить паникой минский гарнизон, и город был быстро очищен от врага.

Когда я приехал в Минск, город горел. Взрывались дома. А жители уже выходили из подвалов, приветствуя освободителей. Кажется, нигде я не видел такой радости, как

в Минске. Кто скажет, что значит пережить три года фашистского ига?.. А танкисты уже были далеко на запада Еще не успели убрать у Толочина мешанину из железа и трупов, как началось новое побоище между Минском и Ракувом. Там я видал тысячи и тысячи машин, искромсанных танками и авиацией. Клубы пыли были начинены немецкими приказами, письмами, фотографиями голых женщин - всей той бумажной дрянью, которую таскали с собой недавние завоеватели.

А танкисты неслись дальше, и с трудом я их догнал по дороге в Лиду.

С завистью сказал мне капитан Мюнхарт, старый немецкий штабист: "Взаимодействие всех видов оружья обеспечило вашу победу". Это не был "фриц-капутник", нет, капитан еще пытался себя утешать надеждой если не на победу, то на какой-то "компромиссный исход", но о нашем военном искусстве он говорил, как будто изучил наши передовицы. Он, бесспорно, был прав. Могли ли танкисты пройти от Орши до Немана без нашей авиации? Командиры авиачастей находились в танках. Летчики были глазами наступающей армии. Прекрасные перспективные фотоснимки ежедневно показывали пути отступления немцев. Огромную роль сыграли "ИЛы", они сразу нарушили связь врага, уничтожили его радиостанции. Гитлеровский солдат особенно нуждается в управлении; предоставленный себе, он мгновенно превращается из дисциплинированного солдата в босяка. Немецкие офицеры и генералы, потеряв связь со своим командованием, окончательно растерялись: Минск был давно в наших руках, а они еще пытались прорваться к Минску.

Как всегда, самое трудное выпало на долю пехоты, и справедливо говорит генерал Глаголев, старый русский солдат: "Прославьте нашего пехотинца". Его прославят историки и поэты. Сейчас я коротко скажу, что наша пехота шла по сорок километров в сутки, что протопали солдатские ноги от Днепра до Немана, что пехотинцы выбивали немцев из дзотов, гнали болотами и лесами, штурмовали тюрьму Вильнюса, от стен которой отскакивали снаряды, и, не передохнув, пошли дальше.

Что вело их? Что гонит вперед? Я слышал, как запыленные, измученные люди спрашивали у крестьянок: "Милая, далеко ли отсюда до Германии?" Бойцы говорили мне: "Хорошо бы в армейской газете каждый день печатать, сколько еще километров до немецкой границы". Сколько? Недавно отвечали: двести. Потом полтораста, сто. Потом... И со вздохом облегчения шептал при мне старшина: "Подходим. .." Кроме техники, кроме стратегии, есть сердца, и для сердца не было еще такой неотразимой цели - это главное направление возмущенной совести.

Нужно пройти или проехать по длинной дороге от Москвы до Минска и дальше до Вильнюса, чтобы понять тоску солдатского сердца Мертва земля между Уваровом и Гжатском: ни человека, ни скотины, ни птицы. Потом начинается "зона пустыни": сожженные и взорванные немцами Гжатск, Вязьма, Смоленск. Снова поля боя и могилы, мины, проволока. Потом скелет Орши, развалины Борисова и разоренный, изуродованный Минск. И дальше все то же: пепелища Ракува, Молодечно, Сморгони. Но есть нечто страшнее и развалин, и обугленных камней, и самой пустыни: путь гитлеровцев - это путь страшных злодеяний.

Когда наши вошли в Борисов, они увидели гору обугленных трупов. Это было в лагере СД. Там фашисты держали полторы тысячи жителей - мужчин и женщин, стариков и детей. 28 июня, накануне отступления, палачи сожгли обреченных. Часть они погнали к Березине, на баржу, и баржу, облив бензином, подожгли: преступники еще развлекались накануне своей гибели. Чудом спасся инвалид с деревяшкой вместо ноги Василий Везелев: он выкарабкался из-под трупов. Он рассказал проходящим бойцам о трагедии Борисова. И, слушая, бойцы говорили: "Скорей бы в Германию. . ."

В Борисове бойцы шли мимо Разуваевки, где гитлеровцы в течение трех дней расстреляли десять тысяч евреев - женщин с детьми и старух. Дойдя до Минска, бойцы увидели лагерь для советских военнопленных в Комаровке; там немцы убили четыре тысячи человек. Минчанин, танкист Белькевич узнал в Минске, что фашисты накануне убили его сестру, семнадцатилетнюю Таню. Нужно ли говорить о том, что чувствует Белькевич? Вот деревня Брусы. Была деревня: теперь пепел. Бойцы обступили старика Алексея Петровича Малько. Он рассказывает: "Вчера... Сожгли, проклятые... Двух дочек сожгли - Лену и Глашу". У Ильи

Шкленникова гитлеровцы, убегая, сожгли мать и четырехлетнюю дочь. И снова угрюмо спрашивают бойцы: далеко ли до Германии?

Возле Минска есть страшное место - Большой Тростинец. Там гитлеровцы сожгли трупы свыше ста тысяч удушенных евреев. Их привозили в душегубках. Немцы называют эти машины сокращенно "ге-ваген". Недавно немецкие инженеры усовершенствовали душегубку: "ге-кипваген" - кузов для быстроты опрокидывается, выбрасывая трупы удушенных. Желая скрыть следы преступлений, палачи в Большом Тростинце жгли трупы, вырывали закопанных и жгли. Убегая, они убили последнюю партию, сожгли и, спеша, недожгли. Я видел пол у обугленные тела - голову девочки, женское тело и сотни, сотни трупов, сложенных, как дрова…

Я много видел в жизни, но не скрою - я не мог шелохнуться от горя и гнева. Сказать, о чем думали бойцы в Тростинце? Была здесь справедливость: на Могилевское шоссе прорывались окруженные немцы. Рассвирепев, наши бойцы дрались с особенной яростью. Гитлеровцы не ушли от расплаты: снаряды, мины, авиабомбы, пули настигали палачей. Был жаркий день, и нельзя было дышать от трупного смрада: сотни немцев еще валялись вдоль дороги. Быстро передвигаются танки и мотопехота, но всех быстрее идет Справедливость: это она привела нашу армию к Неману и за Неман - к окрестностям границы.

НЕМЦЫ В МОСКВЕ

Леонид ЛЕОНОВ

Беглый очерк о поучительном московском происшествии станет достоянием не только моих современников. С понятной тоской и проникновенной злобой его прочтут и блатаки из берлинского шалмана. Им тоже захочется узнать о судьбе громил, пущенных на поиск чужого добра, и, таким образом, заглянуть в собственное будущее. Поэтому я и взял на себя труд расширить как географические, так и чисто описательные координаты помянутого события.

Это произошло в Москве, красивейшем из городов нашей эпохи, одетом в мечту героического поколения. Все дороги в его будущее ведут через Москву, и потому все взоры обращены к ее Кремлю, видному сейчас из самых отдаленных захолустий мира

Прекрасна Москва даже в знойном июле, когда пьянят сердце приезжего хмельные ароматы лип и тишина ее вечерних улиц…

...Незабываема она и теперь, в июле четвертого года войны, старшая сестра фронта, забывшая боль и усталость, город внушительного и непоказного величия, у подножия которого прокатилось и потаяло столько завоевательских волн!

В особенности же хороша была Москва 17 июля 1944 года. На сей раз Геббельс и его речистые канальи не прокричали на весь мир об этой знаменательной дате.

В этот день прибыла сюда в несколько облегченном виде еще одна армия, отправленная Гитлером на завоевание Востока. Ее громоздкий багаж остался позади, на полях сражений. По этой причине немцы более походили на "экскурсантов", нежели на покорителей вселенной, и, надо признаться, за восемьсот лет существования Москва еще не видала такого наплыва "интуристов".

Представительные верховые "гиды" на отличных конях и с обнаженными шашками сопровождали эту экскурсию. Пятьдесят семь тысяч мужчин, по двадцать штук в шеренге, проходили мимо нас около трех часов, и жители Москвы вдоволь нагляделись, что за сброд Гитлер пытался посадить им на шею в качестве устроителей всеновейшего порядка. Отвратная зеленая плесень хлынула с ипподрома на чистое, всегда такое праздничное Ленинградское шоссе, и было странно видеть, что у этой пестрой двуногой рвани имеются спины, даже руки по бокам и другие второстепенные признаки человекоподобия.

Оно текло долго по московским улицам, отребье, которому маньяк внушил, что оно и есть лучшая часть человечества, и женщины Москвы присаживались где попало отдохнуть, устав скорее от отвращения, нежели от однообразия зрелища. Несостоявшиеся хозяева планеты, они плелись мимо нас - долговязые и зобатые, с волосами, вздыблен-

ными, как у чертей в летописных сказаниях, в кителях нараспашку, брюхом наружу, но пока еще не на четвереньках, - в трусиках и босиком, а иные в прочных, на медном гвозде, ботинках, которых до Индии хватило бы, если бы не Россия на пути... Шли с ночлежными рогожками под мышкой, имея на головах фуражки без дна или котелки с дырками, пробитыми для проветривания этой части тела, грязные даже изнутри, словно нарочно подбирал их Гитлер, чтоб ужаснуть мир этим стыдным исподним лицом нынешней Германии. Они шли очень разные, но было и что-то общее в них, будто всех их отштамповала пьяная машина из какого-то протухлого животного утиля.

Эти живые механизмы с пружинками вместо душ не раз топали под музыку по столицам распластанной Европы. Старые облезлые вороны с генеральскими погонами принимали зэвоевательский парад на парижской Плас Этуаль, и радио послушно разносило по всей планете эхо чугунной германской поступи. Эти же проходили по Москве уже не церемониальным маршем, и в растерянной улыбке у иных, ожидавших встретить разрушенную Геббельсом Москву или шаманов со стеариновой саечкой в зубах на улице Максима Горького, был приметен проблеск еще неуверенной, неоформившейся мысли. Другие откровенно улыбались, не скрывая животную радость, что удалось вовремя и невредимым вывернуться из-под березового гитлеровского креста: нет ничего глупее, как умереть за обреченного барина Адольфа, защищающего ныне лишь собственную шею от смоленой надежной удавки...

Прищурясь и молча, глядела Москва на этот наглядный пример бесконечного политического падения. Только из гнилой сукровицы первой мировой войны могла зародиться инфекция фашизма - этого гнуснейшего из заболеваний человеческого общества. До какого же непотребства и скотства фашизм довел тебя, Германия, которую мы знавали в ее лучшие годы?

Шествие вурдалаков возглавляли генералы, хорошо побритые, числом около двадцати. Немецкие горе-стратеги шли с золотыми лаврами на выпушках воротников и высоких офицерских картузах, с вышитыми рогульками и опознавательными значками на груди и рукавах, чтоб никто не смешал степеней их превосходительного зверства; они были в больших и малых крестах за людоедство, юдоедство и прочее едство, с орденами Большого Каина или Ирода 1-й степени и с теми дубовыми листками, которые Гитлер раздает своим полководцам для прикрытия воинского срама.

У передних, кроме того, мы отчетливо разглядели большую черно-белую свастику, прикрепленную к кителю близ подвздошной области, - признак принадлежности к уголовно-политической организации, провозгласившей тунеядство и паразитизм основной из их добродетелей. Даже не смирение волка, у которого перебит шейный позвонок, читалось в этих щеголеватых фигурах, ибо есть и у волка своя смертная гордая стать: тупое равнодушие прочла Москва во всем облике этих всемирных бесстыдников.

Народ мой и в запальчивости не переходит границ разума и не теряет сердца. В русской литературе не сыскать слова брани или скалозубства против вражеского воина, плененного в бою. Мы знаем, что такое военнопленный. Мы не жжем пленных, не уродуем их: мы не немцы. Ни заслуженного плевка, ни камня не полетело в сторону врагов, переправляемых с вокзала на вокзал, хотя вдовы, сироты и матери замученных ими стояли на тротуарах, во всю длину шествия. Но даже русское благородство не может уберечь от ядовитого слова презренья эту попавшуюся шпану: убивающий ребенка лишается высокого звания солдата... Это они травили и стреляли наших маленьких десятками тысяч. Еще не истлели детские тельца в киевских, харьковских и витебских ямах, - маловерам Африки, Австралии и обеих Америк еще не поздно вложить пальцы в эти одинаково незаживаемые раны на теле России, Украины или Белоруссии.

Брезгливое молчание стояло на улицах Москвы, насыщенной шарканьем ста с лишком тысяч ног. Лишь изредка спокойные, ровные голоса, раздумье вслух, доносились до нас сзади:

- Ишь, кобели, что удумали: русских под себя подмять!

Но лишь одно, совсем тихое слово, сказанное на ухо кому-то позади, заставило меня обернуться:

- Запомни, Наточка... это те, которые тетю Полю вешали. Смотри на них!

Это произнесла совсем обыкновенная, небольшая женщина своей дочке, девочке лет пяти. Еще трое ребят лесен-

кой стояли возле нее. Соседка пояснила мне, что отца их Гитлер убил в первый год войны, - я пропустил их вперед Склонив голову, большими, не женскими руками придерживая крайних, двух худеньких девочек постарше, мать глядела на пеструю, текучую ленту пленных. Громадный битюг из немецких мясников, в резиновых сапогах и зеленой маскировочной вуальке поверх жесткой, пропыленной гривы, переваливаясь, поравнялся с нами и вдруг, напоровшись глазами на эту женщину, отшатнулся, как от улики. Значит, была какая-то непонятная сила во взгляде этой труженицы и героини, заставившая содрогнуться даже такое животное.

- Поизносились немцы в России, - сказал я ей лишь затем, чтобы она обернулась в мою сторону.

На меня глянули умные, чуть прищуренные и очень строгие глаза, много видевшие и ничему не удивляющиеся... а мне показалось, что я заглянул в самую душу столицы моей, Москвы.

19 июля 1944 года

Войска 1-го Белорусского фронта, развивая успешное наступление, овладели городом и крупным железнодорожным узлом Люблин.

Из оперативной сводки Совинформбюро 24 июля 1944 г.

БОИ В ЛЮБЛИНЕ

Василий ГРОССМАН

Наша машина, обгоняя артиллерийские и пехотнью полки, всячески нарушая правила движения, все ближе подходила к Люблину. Было около восьми часов вечера. На шоссе, ведущем от Ленчны к Люблину, наступавшую на город дивизию застиг проливной дождь. Было тепло. Желтые тяжелые тучи низко нависли над землей, ливень лил совершенно отвесно, с земли подьмался густой туман. Сделалось темно.

точно наступила ночь. Потоки желтой воды бежали по шоссе, вода стекала по каскам гвардейцев, выцветшие белые гимнастерки вдруг потемнели, пропитавшись тяжелой влагой. Люди шли, то и дело стирая с лица и со лба слепившую их воду, на ходу отжимая рукава и полы шинелей и гимнастерок.

В трех километрах от Люблина мы нагнали передовой полк дивизии. Орудия с хода разворачивались, съезжая с шоссе на картофельные поля, и открывали огонь. В смятой, мокрой ржи лежали тела убитых бойцов в железных касках, некоторые мертвецы еще не потерявшими гибкость пальцами прижимали к груди свое оружие. Под черным дымящимся танком лежал убитый в кожаном шлеме, сквозь разодранную одежду белело в сумерках его тело. С поросшего деревьями бугра, прилегавшего с юга к шоссе, трещали сотни автоматных очередей. Пехота заходила цепью в спелую рожь, устанавливала пулеметы и противотанковые ружья, образуя как бы железный коридор, по которому двигались к Люблину войска. В мутном от дождя и черного дыма воздухе мы, наконец, увидели купола костелов и монастырей, остроконечные крыши зданий. Всего лишь восемнадцать часов назад мы так же въезжали солнечным ясным днем в Хелм и издали любовались белыми стенами собора.

Через несколько минут мы поднялись на возвышенность, где находился люблинский мясокомбинат. У длинных приземистых построек головной батальон сосредоточивался для атаки - город лежал внизу.

Огромные склады мясокомбината были захвачены с хода, немцы не смогли ни вывезти, ни уничтожить награбленное ими у польских крестьян добро.

В конторе мясокомбината на полу валялись сотни бумаг, осколки выбитых взрывами стекол, счеты, пишущие машинки. Никогда на войне не приходилось нам слышать такое дикое смешение звуков: разрыв и свист неприятельских мин, пулеметные и автоматные очереди, цоканье осколков, тревожные и настойчивые звонки нескольких конторских телефонов, опрокинутых на письменных столах, пронзительный визг обезумевших от ужаса свиней: они вырвались из каменных хлевов и носились в огромном прямоугольнике двора.

А через несколько мгновений все звуки эти потонули в грохоте нашей артиллерии: пушки, подкатив вслед за пехотой, развернулись тут же, у стен мясокомбината, и открыли огонь по противнику.

Немцы попали в капкан, построенный нашими танками и пехотой. Танки отрезали им одну за другой все дороги отхода на запад, пехотные части генерала Рыжова вышли в этот вечер к Люблину с севера и востока. Сперва немцы пытались вырваться, но, отброшенные нашими частями, перешли к обороне внутри самого Люблина. В самом центре немецкий военный комендант с командой своих головорезов-карателей установил крупнокалиберные пулеметы и открыл шквальный огонь вдоль нескольких перекрещивающихся улиц. Борьба пехоты с противником была особенно жестокой, трудной и сложной в эти первые часы. Сумерки сгустились. Тьма нарушалась лишь вспышками выстрелов и пламенем отдельных пожаров. Командиры передовых подразделений не знали города, ни один из них не имел плана Люблина, и ориентироваться ночью в лабиринте улиц и узких переулков, поваленных столбов и разрушенных зданий было очень трудно. У немцев было в ночном бою несомненное преимущество - четыре с половиной года топтали их сапоги польскую землю, немало разбойничьих ночных облав устраивали они за это время на мирное население Люблина. Они достаточно изучили люблинские улицы.

Утром мы увидели картину уличного боя в густонаселенном городе. Легкие полковые пушки стояли на тротуарах и в подворотнях, артиллерийские наблюдатели, вооруженные биноклями, ползали по крышам, выглядывали из окон, минометчики с городских площадей и пустырей возле костела вели обстрел занятого немцами района города, и широкое желто-красное пламя то и дело вырывалось из жерл тяжелых минометов.

Мы стремительно проехали по одной из центральных улиц Люблина - Любартовской, к месту, где находился полк, очищавший западный район города. Здесь уже никто не ходил по мостовой, бойцы перебегали вдоль стен домов. В бетонном гараже нашли мы командование полка. Тут же перевязывали раненых, а на каменном полу лежал убитый, с лицом, прикрытым куском марли.

Сидя, прислонившись к стене, спал боец-связист. Нам объяснили, что он проработал без сна и отдыха в течение пятидесяти часов. Вскоре мы снова вышли на улицу. Над пустынной площадью стояла легкая завеса дыма и кирпичной пыли. И надолго запомнится нам высокая, сухая фигура седого генерала Рыжова, спокойно идущего через пустую площадь к кирпичным домам, из которых густо полыхал ружейный и пулеметный огонь.

Самое удивительное в боях на улицах Люблина - это то, что сотни людей, жителей города, и не только мужчины, но женщины, дети, старики, не прячась от снарядов и мин, пренебрегая опасностью, выходили на улицы из подвалов, подворотен, собирались вокруг бойцов и офицеров, расспрашивали, рассказывали, приглашали попить воды, отдохнуть на скамеечке, совали в руки угощение. Много трогательных сцен пришлось видеть нам в это утро, много хороших благодарных слов выслушали наши бойцы от люблинцев,

И все это вместе: толпы, приветствовавшие армию на подходе к городу, серьезные, умные политические рассуждения старика-лингвиста, знатока шести европейских языков, и мелочи, быстро мелькнувшие перед нами, - артиллерист, поднявший на руки кудрявую девочку, юноша, вскочивший на ходу на подножку нашей машины и бросивший на колени водителю Мухину две пригоршни конфет, и цветы, которые женщины бросали бойцам из раскрытых окон, - все это создавало атмосферу радостного, праздничного настроения, странно гармонировавшую с суровым громом боевых орудий.

23-24** июля 1944 **года

ЛАГЕРЬ НА МАЙДАНЕКЕ

Борис ГОРБАТОВ

1 .

Когда с Майданека налетал ветер, жители Люблина запирали окна. Ветер приносил в город трупный запах. Нельзя было дышать. Нельзя было есть. Нельзя было жить.

Ветер с Майданека приносил в город ужас. Из высокой трубы крематория в лагере круглые сутки валил черный, смрадный дым. Дым относило ветром в город. Над люблинцами нависал тяжкий смрад мертвечины. К этому нельзя было привыкнуть.

"Печами дьявола" звали поляки печи крематория на Майданеке и "фабрикой смерти" - лагерь.

Немцы не стеснялись в своем генерал-губернаторстве -в Польше. Они даже желали, чтоб поляк повседневно дышал запахом смерти, - ужас усмиряет строптивые души. Весь Люблин знал о фабрике смерти. Весь город знал, что в Крембецком лесу расстреливают русских военнопленных и заключенных поляков из Люблинского замка. Все видели транспорты обреченных, прибывающих из всех стран Европы сюда, в лагерь. Все знали, какая судьба ждет их: газовая камера и печь.

Ветер с Майданека стучал в окна: поляк, помни о печах дьявола, помни о смерти! Помни, что у тебя нет жизни, - есть существование, временное, непрочное, жалкое. Помни, что ты только сырье для печей дьявола. Помни и трепещи!

Трупный запах стоял над Люблином. Трупный запах висел над Польшей. Трупный запах подымался над всей замордованной гитлеровцами Европой.

Трупным запахом хотели оккупанты удушить людей и управлять миром.

2.

"Дахау № 2" - так сначала называли фашисты концентрационный лагерь войск СС под Люблином. Потом они отбросили это название. И по своим размерам, и по размаху "производства смерти" лагерь на Майданеке давно превзошел страшный лагерь в Дахау.

Мы нашли здесь пленников Дахау, Бухенвальда, Освенцима.

- Здесь страшнее! - говорят они. - О, здесь!..

На двадцать пять квадратных километров раскинулась эта фабрика смерти со своими агрегатами: полями заключения, межпольями, газовыми камерами, крематориями, рвами, где расстреливали, виселицами, где вешали, и публичным домом для обслуживания немецкой охраны лагеря.

Лагерь расположен в двух километрах от Люблина, прямо у шоссе Люблин - Хелм. Его сторожевые вышкивидны издалека. Его бараки - все одинаковые - выстроены в ряд с линейной точностью. На каждом - четкая надпись и номер. Все вместе они образуют "поле". Всего в лагере шесть полей, и каждое - особый мир, огражденный проволокой от другого мира В центре каждого поля - аккуратная виселица для публичной казни. Все дорожки в лагере замощены. Трава подстрижена. Подле домов немецкой администрации - цветочные клумбы и кресла из необструганной березы для отдыха на лоне природы.

В лагере есть мастерские, склады - враги называли их магазинами, - водопровод, свет. Есть магазин, где хранился в банках "циклон" для газовых камер. На банках желтые наклейки: "специально для восточных областей" и "вскрывать только обученным лицам". Есть мастерская, где делают вешалки. На них - значок СС. Эти вешалки выдавались заключенным перед "газованием". Обреченный сам должен был повесить свое платье на свою вешалку.

На полях лагеря буйно цветет капуста. Пышная, грудастая. На нее немыслимо смотреть. Ее нельзя есть. Она взращена на крови и пепле. Пепел сожженных в крематориях трупов разбрасывался гитлеровцами по своим полям. Пеплом человеческим удобрялись огороды.

Весь лагерь производит впечатление фабрики или большого пригородного хозяйства. Даже печи крематория кажутся, - если не слышать трупного запаха, - маленькими электропечами для варки стали. Германская фирма, изготовившая эти печи, предполагала в дальнейшем усовершенствовать их: пристроить змеевик к печам для того, чтобы всегда иметь бесплатную горячую воду.

Да, это фабрика, - немыслимая, но реальная, - фабрика смерти. Комбинат смерти. Здесь все - от карантина до крематория - рассчитано на уничтожение людей. Рассчитано с циркулем и линейкою, начертано на кальке, проконсультировано с врачами и инженерами, словно речь шла о бойне для скота.

Гитлеровцам не удалось при отступлении уничтожить лагерь. Они успели только сжечь здание крематория, но

печи сохранились. Уцелел стол, на котором палачи раздевали и рубили жертвы. Сохранились полуобгоревшие скелеты в "складе трупов". До сих пор стоит над крематорием страшный запах мертвечины.

Сохранился весь лагерь. Газовые камеры. Бараки. Склады. Виселицы. Ряды колючей проволоки с сигнализацией и дорожками для собак. Остались в лагере и собаки - немецкие овчарки. Они исподлобья глядят из своих будок и, может быть, скучают без дела. Им не надо теперь никого рвать и хватать.

Спасены уцелевшие в лагере заключенные. Есть свидетели, их много. Схвачены палачи.

Мы говорили и с теми, и с другими, и с третьими.

- Я это пережил! - говорит спасенный и сам удивляется
тому, как он сумел все это пережить.

- Я это видел! - говорит свидетель и сам удивляется:
как же он не сошел с ума, видев то, что он видел?

- Мы это делали, - тупо признаются палачи.

Каждое слово из того, что будет рассказано дальше, можно подтвердить документами, показаниями свидетелей, признаниями самих немцев.

Уже можно приподнять завесу над Майданеком и поведать всему миру страшную повесть о Люблинском лагере - "лагере для уничтожения".

Лагерь для уничтожения. Фернихтунгслагерь.

Международный лагерь смерти.

На воротах его можно было бы высечь надпись: "Входящий сюда, оставь все надежды. Отсюда не выходят".

Из всех стран оккупированной Европы приходили сюда транспорты обреченных на смерть. Из оккупированных районов России и Польши, из Франции, Бельгии и Голландии, из Греции, Югославии и Чехословакии, из Австрии и Италии, из концентрационных лагерей Германии, из гетто Варшавы и Люблина прибывали сюда партии заключенных. Для уничтожения.

То, что фашистам неудобно было делать на Западе или даже в самой Германии, можно было свершать здесь, в далеком восточном углу Польши. Сюда пригоняли на смерть всех, кто выжил, выстоял, вынес каторжные режимы Дахау и Флоссенбурга. Все, что еще жило, дышало, ползало, но уже не могло работать. Все, что боролось и сопротивлялось захватчикам. Все, кого гитлеровцы осудили на смерть. Люди всех национальностей, возрастов, мужчины, женщины и дети. Поляки, русские, евреи, украинцы, белорусы, литовцы, латыши, итальянцы, французы, албанцы, хорваты, сербы, чехи, норвежцы, немцы, греки, голландцы, бельгийцы. Женщины из Греции, остриженные наголо, с номерами, вытатуированными на руке. Слепые мученики подземного лагеря завода "Дора", где производились "ФАУ-Г- самолеты-снаряды. Политические заключенные с красными треугольниками на спине, уголовники с зелеными, "саботажники" с черными, сектанты с фиолетовыми, евреи с желтыми. Дети от грудных до подростков. Те, кому не было еще восьми лет, находились при родителях. Восьмилетние же "преступники" заключались в общие бараки. Совершеннолетие в лагерях смерти наступает очень рано.

Сколько сотен тысяч было уничтожено в этом международном лагере смерти? Трудно сказать. Пепел сожженных развеян по полям.

Но сохранился страшный памятник.

На задворках поля за крематорием есть огромный склад. Он весь доверху заполнен обувью, раздавленной, смятой, спрессованной в кучи. Тут сотни тысяч башмаков, сапог, туфель.

Это - обувь замученных.

Крохотные детские ботиночки с красными и зелеными помпонами. Модные дамские туфли. Грубые простые сапоги. Старушечьи теплые боты. Обувь людей всех возрастов, состояний, сословий, стран. Изящные туфли парижанки рядом с чоботами украинского крестьянина. Смерть уравняла всех. Вот так же, в общий ров - тело к телу - ложились умирать владельцы этой обуви.

Страшно смотреть на эту груду мертвой обуви. Все это носили люди. Они ходили по земле. Мяли траву. Они знали: высокое небо над их головою. Эти люди дышали, трудились, любили, мечтали... Они были рождены для счастья, как птица для полета.

Откуда свалилась на них коричневая беда? За что скосила их смерть? Вот их нет теперь... Их пепел развеян... Только мертвая обувь, раздавленная, растоптанная, кричит, kaK умеют кричать только мертвые вещи.,.

Зачем фашисты сохранили этот страшный памятник? Зачем собирали они и хранили обувь в складе?

В дальнем углу барака мы находим ответ. Здесь лежат груды подметок, каблуков, стелек. Все тщательно рассортировано. Каждая партия - отдельно.

Все это шло в Германию. Как пепел на поля, как тепло их крематория в змеевик. Кровь на подметках не пахнет.

Нет, только фашисты способны на такое!

4.

Заместителем начальника лагеря был эсэсовец Туман. Свидетели рассказывают о нем, что он никогда не расставался с огромной овчаркой.

Фашисты любят собак.

Они любят играть с ними, кормить их и ссориться с ними. С собаками у них быстрее находится общий язык. Шеф крематория Мунфельд имел комнатную собачонку. Начальник поля русских военнопленных играл с большим догом.

Эсэсовец Туман не пропускал ни одного расстрела, ни одной казни. Он любил лично присутствовать на них. Если автомобиль был доверху набит жертвами, он вскакивал на подножку и ехал на казнь.

Шеф крематория Мунфельд даже жил в крематории. Трупный запах, от которого задыхался весь Люблин, не смущал его. Он говорил, что от жареных трупов хорошо пахнет.

Он любил шутить с заключенными.

Встречаясь с ними в лагере, он ласково спрашивал:

- Ну, как, приятель? Скоро ко мне, в печечку? - и, хлопая побледневшую жертву по плечу, обещал: - Ничего, для тебя я хорошо истоплю печечку...

И шел дальше, сопровождаемый своей собачонкой.

- Я видел, - рассказывает свидетель Станислав Гальян, житель соседнего села, мобилизованный со своей подводой на работу в лагерь. - Я сам видел, как обершарфюрер Мунфельд взял четырехлетнего ребенка, положил его на землю, встал ногой на кожку ребенка, а другую ножку взял руками и разорвал, - да, разорвал бедняжку пополам. Я видел это собственными глазами. И как все внутренности ребенка вывалились наружу...

Разорвав малыша, Мунфельд бросил его в печь. Потом стал ласкать свою собачонку.

Впрочем, уезжая из лагеря на новое и более высокое место, Мунфельд не взял с собой собачки. Он нежно простился с ней и бросил ее ... в печь. Он и здесь остался верен своей природе.

Эсэсовец Шоллин, захваченный нами, занимал в лагере скромное место: он был фюрером кладовой. Он принимал одежду новоприбывших заключенных. Он обыскивал голых людей. Заставлял их раскрывать рты. У него были специальные никелированные щипцы, - он вырывал ими золотые зубы.

До войны Шоллин был мясником на бойне. Его призвали в армию, потом отпустили: мясники нужны были в Германии на бойнях. В 42-м году его все-таки снова призвали и направили сюда, в лагерь. Теперь мясники нужны были здесь.

Шоллин стоит сейчас перед нами и плачет. Он пойман. Слезы эсэсовца - какие это отвратительные слезы!

Прежде Шоллин не плакал. Гитлеровцы в лагере на Майданеке любили смеяться и шутить.

Вот одна из их "добрых" шуток.

Эсэсовец подходил к заключенному - любому - и говорил:

- Сейчас я тебя расстреляю!

Заключенный бледнел, но послушно становился под выстрел. Эсэсовец тщательно и долго прицеливался. Наводил пистолет то на лоб, то на сердце, словно выбирал: как лучше убить. Потом отрывисто кричал:

- Пли!

Заключенный вздрагивал и закрывал глаза.

Раздавался выстрел. На голову жертвы обрушивалось что-то тяжелое. Он терял сознание и падал. Когда он через несколько минут приходил в себя, он видел склоненные над ним лица: того, который "расстреливал" его, и того, который незаметно ударил его сзади палкой по голове.

Эсэсовцы хохотали до слез.

- Ты умер! - кричали они своей жертве. - Ты умер и ты теперь на другом свете. Что? Видишь? И на том свете есть мы. Есть **СС.**

5.

Да, они были уверены, эти гитлеровские молодчики, что весь мир земной и весь мир небесный принадлежит им.

Для этого нужно только истребить пол-Европы. Сжечь в крематории.

Они строили лагерь на Майданеке с гигантским размахом, три года. Это была только первая очередь стройки.

Лагерь строили заключенные. Они осушали болото, копали котлованы, рыли канавы.

Они знали, что строят тюрьму для себя. Бараки, чтоб им в них гнить. Проволочные заграждения, чтоб им не убежать. Виселицы, чтоб их там вешали. Крематорий, чтоб их там сжигали. Проклятая гитлеровская система! Приговоренные к смерти сами копают себе могилу.

Лагерь вырос на костях и крови заключенных. Умирали и на работе, и в лагере. Замерзали зимой. Валились от истощения.

Каждый вечер на поверке всех выстраивали и осматривали. Тому, кто с трудом держался на ногах, приказывали: лечь наземь. Несчастные ложились. Они знали: это смерть. Встать они уже не могли.

Так лежали они всю ночь в поле. Утром их - и мертвых и еще живых - уволакивали прочь. Зацепив крючками, тащили к крематорию или жгли на кострах, - индийским способом: ряд бревен - ряд трупов, и снова ряд бревен - ряд трупов.

Волочить трупы товарищей оккупанты приказывали заключенным. Кто не подчинялся, сам тотчас же становился трупом. Здесь были короткие расправы, в этом лагере уничтожения. Человеческая жизнь .здесь стоила дешевле пистолетного патрона. Убивали железными палками.

Заключенные же посылались и на работу в крематорий. Туда выбирали самых отупевших и уже сломанных людей. Их щедро поили водкой, хорошо кормили. Пьяные, одуревшие от смертного смрада, они, ничего не сознавая, копошились у печей дьявола. Они знали, что через месяц сами пойдут в печь. "Неудобные свидетели", - так эсэсовцы официально называли их.

Ну, что ж. Печь, так печь. Они знали, что все равно печь сожрет их поздно или рано. Из этого лагеря нет выхода. Пусть это будет раньше. И они работали у проклятых печей, заливая душу водкой.

Через месяц их всех отправляли в газовую камеру и затем - в печь...

Ненасытные печи пожирали все. Они дымились круглые сутки. Пять печей сжигали в день тысячу четыреста трупов.

Гитлеровцы думали о строительстве второй очереди лагеря. Им мерещился гигантский комбинат смерти. Если б им дать волю, они всю Польшу превратили бы в крематорий. ..

Красная Армия стремительным наступлением положила конец этой адской работе печей дьявола.

Пришло время расчета и ответа...

6.

Человек, попадая в лагерь на Майданеке, переставал быть человеком; он становился предметом, подлежащим уничтожению. У него отбирали личные вещи, ценности, одежду. У него отнимали имя. Ему выдавали жестяной номер на проволоке для постоянного ношения на шее и полосатое арестантское рванье. На куртке масляной краской намазывался красный, черный или желтый треугольник и буква, обозначающая национальность заключенного: П - поляк, Ф - француз. Национальность определяла отношение к нему тюремщиков. Человек мог забыть в этом лагере собственное имя, но палачи никогда не позволяли ему забывать, что он "славянская свинья", "польская скотина", "рус-сише швайн" или "юде" - еврей.

С жестяным номерком на шее, с проволокой, въевшейся в тело, проходил заключенный весь свой крестный путь от карантина до крематория. Этот путь мог быть очень коротким. Мог растянуться на много долгих месяцев медленного умирания, но он всегда

приводил к печам обершарфюрера Мунфельда - к печам дьявола.

Отсюда не выходят.

Из Италии пригнали в лагерь каторжников серных копей. Говорят, эти копи - самое страшное место мира. Но эти итальянцы выжили и в серных копях. Тогда их прислали в лагерь под Люблином. Здесь они стали быстро умирать. Машина комбината смерти на Майданеке действовала безошибочно и беспощадно, с тупым азартом топора.

Она приходила в движение уже в карантине.

Вновь прибывшие должны были отбывать карантин... в бараке для больных туберкулезом в открытой форме. Двадцати дней карантина было достаточно для самых крепких. Туберкулез теперь прочно сидел в них, они несли его дальше, в общие бараки.

В одном только марте 1944 года, по официальным документам администрации лагеря, от туберкулеза умерло 1654 человека. Среди них 67 итальянцев, много поляков, русских, чехов, есть албанцы, югославы, греки, хорваты, словенцы, сербы, литовцы, латыши.

Туберкулез не лечили в лагере. Здесь вообще не лечили. Здесь - убивали. Но лазарет в лагере был, и даже блистающий чистотой, специально для фашистских фотокорреспондентов и все время ожидавшихся, но так ни разу и не приехавших "международных комиссий". В этом лазарете были аккуратные дощечки на дверях: "аптека", "операционная", но не было самых элементарных медикаментов, самого необходимого инструментария. Впрочем, это и не было нужно. Среди заключенных жило стойкое убеждение: в лазарет попадать нельзя. Из лазаретов в барак не возвращаются.

Если человек хотел протянуть свое земное существование, он должен был скрывать, что он болен!

В лазарете были медицинские весы. Иногда заключенных взвешивали. Зачем? фашисты любят порядок. Они аккуратно заносили в книгу: вес заключенного (взрослого) - 32 килограмма.

Тридцать два килограмма - вес взрослого человека! Это вес его костей, обтянутых сухой желтой кожей.

Заключенные получали "суп" из травы, скошенной тут же на поле, у бараков. Эту траву узники Майданека с горьким юмором обреченных называли "витамином СС".

От голода и истощения умирало еще больше, чем от туберкулеза. Люди падали на работе, эсэсовцы добивали их железными палками.

Заключенные-врачи *в* вечерних рапортичках скрывали умерших за день. Мертвых не уносили. Живые лежали рядом на одних нарах с мертвецами. На другой день паек мертвецов доставался живым.

7.

Человека, заключенного в "лагерь уничтожения", мог убить всякий, принадлежавший к лагерной администрации: начальник картофельного поля Мюллер и самый последний капо. Капо - вспомогательная полиция, навербованная из заключенных-уголовников. Капо соревновались в усердии с эсэсовцами. Убийство заключенного не считалось преступлением, оно было доблестью, долгом, службой.

Эсэсовцы хвалились перед гестаповцами своими подвигами в лагере. Гестаповцы не оставались в долгу.

У каждого СС, у каждого капо был свой метод истязаний. Один убивал ударом сапога в глотку, другой любил плясать на животе жертвы. Длинная костлявая эсэсовка из женского поля избивала бичом. Она била женщин по соскам, по половым органам, по ягодицам. Ее бич со сладострастным свистом падал на тело. Она была садистка и психопатка и засекала женщин до смерти.

Были среди СС и любители острых шуток. Одни травили заключенных собаками, другие забавлялись у бассейна. Эти заставляли узников нырять в воду и, дождавшись, когда жертва вынырнет, били палкой по голове. Если заключенный не утопал после этого, ему разрешалось выползать из бассейна и одеваться. Одеться он должен был в три секунды. Нет, - снова ныряй в воду, снова удар палкой по голове, снова три секунды на одевание... И так до тех пор, пока жертвы погибали в бассейне или одевались в три секунды. Чаще погибали.

- Я видел, - рассказывает Владислав Скавронек, возчик, - я на собственные очи видел, как эсэсовка привела в крематорий шестерых детей: двух мальчиков и четырех девочек. Это были крошки: четыре - восемь лет. Начальник

крематория Мунфельд сам раздел их догола, расстрелял из револьвера и отправил в печь. Я видел потому, что привез доски для склада.

- Я видел, - показывает Веслав Стопыва, - что они сде
лали с моим знакомым Чеславом Кшечковским. Ему было сорок два года, он был крепкий человек. Но он неровно стоял в строю, и его стал бить гестаповец. Он ударил его ногой в живот... Потом палкой... Потом прыгал на
его животе... Но Кшечковский все еще жил. Он был крепкий человек. Тогда гестаповец взял палку с заостренным концом, воткнул Кшечковскому в рот и с силой рванул... Он разо рвал ему все лицо, внутренности... Кшечковский был еще жив... Все его тело содрогалось... Его положили на носилки
и унесли в крематорий.

- Я видел, - говорит Петр Денисов, - как СС убил чело
века. Я инженер-люблинец. Работал в лагере по проведению канализации. Этот СС наблюдал за заключенными. Он был совсем мальчик. Девятнадцати-двадцати лет. У него было нежное, женственное лицо. Я бы никогда не подумал, что он СС. Он выбрал среди заключенных одного молодого сильного еврея и сказал ему: нагни голову! Тот нагнул. Тогда СС начал бить его палкой по шее. Еврей упал. "Отта щите его!" - приказал СС. Еврея потащили лицом по земле.
По мерзлым грудам... Был снежок на земле, и он стал
красным. Но еврей еще жил. Тогда СС взял бетонную трубу - шестидесяти килограммов - и бросил ее на спину
еврея. И еще раз и еще... Я услышал страшный хруст ко стей. .. И крик... Я сам закричал... Я не хочу смотреть,
но не смотреть не могу. А этот СС подошел к еврею, поднял палкой веко - мертв... И закурил... У него было
такое женственное лицо, но оно не побледнело даже.

8.

Человека убить легко. Для этого железной палки хватит. Человечество истребить немыслимо.

Но именно этой маниакальной идеей задался Гитлер. Истребить все человечество, не угодное ему, непокорное, одухотворенное, свободолюбивое. Или по крайней мере истребить все человеческое в оккупированной Европе.

Для свершения такой диверсии против человечества фашистам и понадобились гигантские механизированные комбинаты смерти типа Люблинского лагеря.

Миллионы людей нельзя застрелить из автоматов. Нужен комбинат всех известных людям средств уничтожения.

Это и было сделано в лагере на Майданеке - этом комбинате массового производства смерти.

Расстреливали в лесу. Расстреливали во рвах. Засекали бичами. Травили собаками. Убивали палками. Дробили черепа. Топили в воде. Запихивали в "душегубки". - Плотнее! Плотнее! - Чтоб больше вошло. Морили голодом. Убивали туберкулезом. Душили в серных бетонных камерах. Напихивали людей побольше. Двести пятьдесят. Триста. - Плотнее! Плотнее! - Душили циклоном. Отравляли хлором. Через стеклянный глазок смотрели, как корчатся умирающие. Строили новую газовую камеру. Душили газом. Жгли на кострах. Жгли в старом крематории. Пропускали поодиночке через узкие двери. Оглушали ударами железной палки. По черепу. Тащили в печь. Мертвых и живых. Потерявших сознание. Старались набить лечь плотнее. - Плотнее! Плотнее! - Разрубали трупы. Смотрели через синий глазок в печь, как съеживаются и обугливаются люди. Убивали поодиночке. Убивали партиями. Уничтожали целыми транспортами. Сразу восемнадцать тысяч человек. Разом тридцать тысяч человек. Пригоняли партии поляков из Радома, евреев из варшавского гетто. Евреев из Люблина. Гнали через лагерь. Окружали собаками и автоматчиками. Щелкали бичами - быстрее! Быстрее!

Через лагерь на пятое поле приходили бесконечные вереницы евреев. Молча. Рядами, взявшись за руки. Дети прижимались к родителям. Молча. Молча. - "Шнель!" - "Быстрее!" - подгоняли гитлеровцы. Рычали собаки. Хлопали бичи. Ряды убыстряли шаг. Задние догоняли передних. Бежали. Спотыкались. Падали. Задыхались.

Вдруг начинали греметь все репродукторы лагеря. Веселые фокстроты, танго. Лагерь замирал от ужаса Знали: значит, большие расстрелы сегодня. Начинал работать трактор. Фокстрот сменялся румбой.

На пятом поле обреченные раздевались. Догола. До нитки. Все. Мужчины, женщины, дети. Их гнали ко рву. Быстрей! Быстрей! Ложились в рвы. Тело к телу. Покорно.

Безропотно. - Плотнее! Плотнее! - приказывали палачи. Спрессовывались плотнее. Сплетались. Руки, ноги, головы уже не принадлежали человеку. Они существовали отдельно, придавленные, разбитые. Смятые. На первый ряд ложился второй. Потом третий. Гремели фокстроты в репродукторах. Стучал трактор. Весь ров теперь был до краев наполнен живой, трепетной, стонущей и проклинающей убийц человеческой массой. Автоматчики поливали ров огнем из автоматов.

И все пять печей нового крематория разевали свои жадные пасти. Они работали с адской нагрузкой. И днем и ночью. Тысяча четыреста трупов ежесуточно. Мало! Набивали печи плотнее. Вместо шести - семь трупов в печь. Подымали температуру в печах. 1500 градусов. Мало! Убыстряли процесс сжигания: 45 минут. 40, 30, 25. Деформировался кирпич в печах от невероятной жарь; Оплавлялись чугунные шибера. Высокая труба крематория дымила круглые сутки. Черный смрад стоял над лагерем смерти.

Ветер с Майданека разносил трупный запах по всей округе.

9.

Можно ли было уцелеть в этом лагере уничтожения? Отсюда не выходят.

Многие сами искали смерти, чтобы прекратить бесконечные муки. Бросались на электрифицированную проволоку и умирали на ней, почернев и скрючившись.

Инженер Денисов рассказал нам еще и о таком случае добровольной смерти, происшедшей на его глазах.

Двое заключенных, подошли к эсэсовцу и попросили повесить их.

- Повесьте нас!

Эсэсовец удивленно посмотрел на них и усмехнулся.

- Яволь. Пожалуйста.

Он сделал петлю, сам накинул ее на шею желающему умереть, поставил его у рва, бросил концы веревки двум своим помощникам и, крикнув им: "держите крепче", ударил заключенного ногой под колено. Тот упал в ров, подергался в петле и умер.

Второй заключенный немедленно подошел ко рву. Он сам расстегнул свой воротничок, сам надел петлю на шею, оттолкнулся - и последовал за товарищем.

Мы нашли на стене барака две карандашные надписи. Первая: "Ваня Иванов дурак в том, что не может себе ничего сделать" и вторая - словно отвечая на первую: "Умри так, чтобы от смерти твоей была польза".

Можно ли было убежать из лагеря?

Мы слышали о "штурме лопатами" и о "побеге восьмидесяти". В обоих случаях действуют русские пленные. Видно, русскому, советскому человеку наиболее присущ дух борьбы за свободу.

"Штурм лопатами" произошел в Крембецком лесу, где работали военнопленные из лагеря. Семнадцать русских лопатами убили вражескую охрану и убежали.

"Побег 80-ти" произошел позже. Ему предшествовал настоящий митинг в бараке. Обсуждалось: бежать или не бежать. Восемьдесят решили бежать, пятьдесят - остаться.

Решили бежать ночью. Оставшиеся обещали не выдавать. И не выдали. Ночью побег состоялся. Набросив пять одеял на проволоку (тогда еще не электрифицированную), пленные переползли через нее и убежали.

Оставшихся в ту же ночь фашисты вывели из барака и расстреляли.

Я знаю еще один случай побега. Его совершил люблинец Дэвидсон, еврей. Он бежал в тот момент, когда их гнали из лагеря на работу. Он знал, что его застрелят при побеге. Но он знал также, что его и без побега застрелят. Ему не из чего было выбирать. Он побежал, ожидая пули в затылок. Но пуля миновала его. Он спасся.

Его приютила знакомая польская семья. Два года и тринадцать дней - вплоть до прихода наших войск в Люблин - поляки скрывали еврея у себя на чердаке и кормили его. Все эти два года и тринадцать дней он пролежал влежку, чтобы шумом шагов не выдать себя и семью, его приютившую. Все эти два года он никого не видел, ни с кем не разговаривал. Ему забрасывали пищу - и все. Он разучился говорить. Он отвык от солнечного света. Но он сохранил жизнь. Мы видели его.

И так же, как он на своем чердаке, так и тысячи людей в лагере жили смутной надеждой…

Мы видели на стене барака в лагере рисунок синим карандашом. Без подписи. Без текста. Рисунок изображал простой и тихий украинский пейзаж. Сколько горькой тоски по родине, по вольной волюшке было в этом рисунке! Сколько надежды!

Да! Даже здесь, в лагере уничтожения, люди продолжали надеяться. Свои надежды они связывали с наступлением Красной Армии. Красная Армия не обманула их надежд.

10.

Сейчас на Майданек приходят тысячи люблинцев. Приходят увидеть страшный лагерь.

Три года был он их кошмаром. Три года дышали они трупным запахом его печей. Пять лет жили под кнутом оккупанта.

Черным смрадом и тайной был окутан этот лагерь смерти. Теперь нет больше тайн. Вот печи дьявола. Вот рвы, где расстреливали. Вот останки полусожженных трупов в крематории.

Люди смотрят и уже не плачут. Все слезы выплаканы. Слез больше нет. Толпа кричит.

Во рву работают гитлеровцы, захваченные в лагере. Палачей заставили выкопать трупы их жертв.

Глухо звенят лопаты о землю. Палачи работают молча. Они только испуганно вздрагивают, когда слышат яростный рев толпы, и еще ниже склоняются к своим лопатам. Толпа кричит.

Лопаты стучат о землю. С ужасом вскрикивает женщина. Из груды развороченной глины рва выглянула ножка ребенка.

- Убийцы! - стонет толпа. - О! Убийцы!

Мимо проводят пленных фашистов, солдат и офицеров. Их больше восьмисот. Чтоб оградить их от народной ярости, их ведут по другой стороне рва. Конвоиры показывают им дело их рук. Труп ребенка уже весь извлечен из земли и положен рядом с другими трупами. Фашисты молча идут мимо. Одни - отворачиваются. Другие - тупо рассматривают трупы.

- Бандиты! - кричит им толпа. - Убийцы!

Толпа густеет. С дороги из окрестных сел сбегаются люди. Только ров отделяет людей от их палачей. Во рву среди трупов замученных - маленький детский трупик.

Гитлеровцы идут, согнув шеи, уткнув глаза в землю. Руки - за спиной. Толпа неистовствует. Словно хлыст, свистят и падают на спины убийц ее крики:

- Убийцы! Дегенераты! Садисты!

Старик поляк Петр Рожанский подымает палку над головой и кричит:

- Чем, чем вы заплатите мне за моего сына? Чем?

11.

Снова стучит в окна ветер с Майданека: помни о печах дьявола, поляк, помни о лагере смерти! Помни о миллионах замученных, расстрелянных, сожженных! Помни и мсти!

На площадь перед замком Люблинским стекаются огромные толпы. Поклониться праху мучеников.

Хор поет "Богородицу" - молитву, с которой шло Войско Польское на поля Грюнвальда бить врагов.

Рыдает площадь... Девочки в белых платьях несут венки на могилы. Припали к земле женщины в черном - вдовы замученных.

Обнажив головы, стоят солдаты Войска Польского, Взяли винтовки на караул бойцы Красной Армии.

Торжественно-траурную мессу служит ксендз Крушинский. Перед прахом мучеников он призывает соотечественников к единению. Член Польского Комитета Национального Освобождения В. Ржимовский открывает мемориальную доску на стене Люблинского замка. На ней краткая надпись:

"Миллионам жертв, замученных немецкими
преступниками на Майданеке и в Замке.
6 августа 1944 года.
Польский народ".

Бывшие заключенные несут урну. В ней - пепел из крематория Майданека. Урна замуровывается в стену замка. Делегация Красной Армии возлагает венки от армии и правительства СССР.

Двадцать пять тысяч собравшихся на ллощади поют старую антифашистскую песню "Рота".

На крови мучеников, в огне борьбы, в братском союзе с советскими народами встает из пепла новая, свободная Польша.

Август 1944 года

Западнее города Сандомир наши войска
вели успешные бои по расширению плацдарма
на левом берегу реки Висла
и заняли более 60 населенных пунктов...

Из оперативной сводки Совинформбюро
7 августа 1944 г.

Сергей БОРЗЕНКО

С высокого правого берега, куда только достает глаз, виден розовый свет подожженных гитлеровцами пылающих деревень и над ними белый дым горящих лесов. Два цвета - красный с белым - флаг Польши, возрождающейся из пепла.

Невольно задерживаемся на изрытом снарядами берегу Вислы. Вражеская артиллерия бьет по переправам. Осколки, словно косою, режут прутья зеленой ивы, но трудно уйти с берега, с которого так хорошо видна вся великая слава нашей победы.

Впереди много дела: надо осмотреть занятый на той стороне плацдарм, побывать в ротах, первыми форсировавших широкий водный рубеж. Но мы стоим и смотрим, как переправляются наши солдаты на левый берег. В быстрых волнах плывут испуганные водным простором кони, на переполненных паромах - танки, пушки, ящики со снарядами. На самодельных, наспех сколоченных плотах и в узеньких лодочках-душегубках - пехота, которая тут же смывает с себя пыль польских дорог и моет натруженные ноги в воде. Саперы - эти неистовые труженики войны - уже вбивают сваи моста в каменистый грунт реки.

Сходим на скользкий от крови и конского навоза паром и отплываем в шумной, тесной и веселой толпе солдат. Кто-то весело запевает, его подхватывают, и вот уже несется русская песня над широкой польской рекой. В реке плывут, переворачиваясь, трупы вражеских солдат, от которых шарахаются напуганные мертвечиной кони. Темнеет, и пламя пожаров как бы разгорается на той стороне.

- Прилетят еще или нет? - спрашивает старый паромщик-поляк, поглядывая на небо.

- Обязательно сделают последний заход, - отвечает юный разведчик Соболев, с двумя спаренными вишнями, словно серьга, повешенными за ухо. Со своим другом Виктором Марининым он первым ночью вплавь достиг того берега, выбрал место для переправы, вернулся обратно. Им помогали польские партизаны.

Через несколько минут ударили наши зенитки: сверху один за одним пять "мессершмиттов" пошли в пике. Они валились прямо на нас, и все бойцы, находящиеся на пароме, встретили их огнем из винтовок и автоматов. Я стоял возле лошадей, видел, как они прижали уши, приседая на задние ноги, и мне показалось, что, если бы лошади могли стрелять, и они бы стреляли в фашистов - столько злости зажглось в их умных глазах.

Не знаю, то ли вражеский летчик просчитался, то ли в его самолет попал снаряд зенитки - все произошло в какое-то мгновение, - "мессершмитт" врезался перед нами в реку, обдав всех масляными брызгами. Его тотчас поглотила холодная вода.

Долго блуждали мы в темноте за Вислой, перебирались через противотанковые рвы и проволочные заборы в поисках Ф.Барбасова, чье подразделение первым с боя ерорсировало реку. Искали его и не находили, натыкались на артиллерийские и минометные батареи и, наконец, решили идти на звук пулеметных и автоматных очередей, туда, где закипал бой и наши минометы чертили огненные трассы, как бы указывая путь вперед.

Встретили Барбасова в канаве, поросшей крапивой, во время отражения седьмой в этот день контратаки. Гитлеровцы бросили против наших воинов крупные силы и ценою любых потерь пытались сбросить в воду или задержать переправившиеся части, ибо Висла была барьером, на который враг возлагал так много надежд.

На крови мучеников, в огне борьбы, в братском союзе с советскими народами встает из пепла новая, свободная Польша.

Август 1944 года

Западнее города Сандомир наши войска
вели успешные бои по расширению плацдарма
на левом берегу реки Висла
и заняли более 60 населенных пунктов...

Из оперативной сводки Совинформбюро
7 августа 1944 г.

Сергей БОРЗЕНКО

С высокого правого берега, куда только достает глаз, виден розовый свет подожженных гитлеровцами пылающих деревень и над ними белый дым горящих лесов. Два цвета - красный с белым - флаг Польши, возрождающейся из пепла.

Невольно задерживаемся на изрытом снарядами берегу Вислы. Вражеская артиллерия бьет по переправам. Осколки, словно косою, режут прутья зеленой ивы, но трудно уйти с берега, с которого так хорошо видна вся великая слава нашей победы.

Впереди много дела: надо осмотреть занятый на той стороне плацдарм, побывать в ротах, первыми форсировавших широкий водный рубеж. Но мы стоим и смотрим, как переправляются наши солдаты на левый берег. В быстрых волнах плывут испуганные водным простором кони, на переполненных паромах - танки, пушки, ящики со снарядами. На самодельных, наспех сколоченных плотах и в узеньких лодочках-душегубках - пехота, которая тут же смывает с себя пыль польских дорог и моет натруженные ноги в воде. Саперы - эти неистовые труженики войны - уже вбивают сваи моста в каменистый грунт реки.

Сходим на скользкий от крови и конского навоза паром и отплываем в шумной, тесной и веселой толпе солдат. Кто-то весело запевает, его подхватывают, и вот уже несется русская песня над широкой польской рекой. В реке плывут, переворачиваясь, трупы вражеских солдат, от которых шарахаются напуганные мертвечиной кони. Темнеет, и пламя пожаров как бы разгорается на той стороне.

- Прилетят еще или нет? - спрашивает старый паромщик-поляк, поглядывая на небо.

- Обязательно сделают последний заход, - отвечает юный разведчик Соболев, с двумя спаренными вишнями, словно серьга, повешенными за ухо. Со своим другом Виктором Марининым он первым ночью вплавь достиг того берега, выбрал место для переправы, вернулся обратно. Им помогали польские партизаны.

Через несколько минут ударили наши зенитки: сверху один за одним пять "мессершмиттов" пошли в пике. Они валились прямо на нас, и все бойцы, находящиеся на пароме, встретили их огнем из винтовок и автоматов. Я стоял возле лошадей, видел, как они прижали уши, приседая на задние ноги, и мне показалось, что, если бы лошади могли стрелять, и они бы стреляли в фашистов - столько злости зажглось в их умных глазах.

Не знаю, то ли вражеский летчик просчитался, то ли в его самолет попал снаряд зенитки - все произошло в какое-то мгновение, - "мессершмитт" врезался перед нами в реку, обдав всех масляными брызгами. Его тотчас поглотила холодная вода.

Долго блуждали мы в темноте за Вислой, перебирались через противотанковые рвы и проволочные заборы в поисках Ф.Барбасова, чье подразделение первым с боя ерорсировало реку. Искали его и не находили, натыкались на артиллерийские и минометные батареи и, наконец, решили идти на звук пулеметных и автоматных очередей, туда, где закипал бой и наши минометы чертили огненные трассы, как бы указывая путь вперед.

Встретили Барбасова в канаве, поросшей крапивой, во время отражения седьмой в этот день контратаки. Гитлеровцы бросили против наших воинов крупные силы и ценою любых потерь пытались сбросить в воду или задержать переправившиеся части, ибо Висла была барьером, на который враг возлагал так много надежд.

Среди копен ржи черным огнем горели четыре только что подожженных бронетранспортера и один танк. Бой понемногу затихал, и только долго еще с опушки леса бил "максим".

- Никак не может остановиться Авдошкин, - сказал Виктор Якушев.

- Ненависть не остановишь, - ответил ему Гайнулин.

Капитаны Якушев и Гайнулин - командиры батальонов, форсировавшие реку и обеспечивавшие захват плацдарма.

Разгоряченный боем Барбасов сел на землю. Срывая стебли жгучей крапивы и не замечая этого, он начал рассказ. Его дивизия, сделав за сутки пятидесятикилометровый марш по непролазной грязи, с ходу устремилась через реку, опередив отступающего противника, не успевшего занять подготовленную оборону. Гитлеровцы переправлялись через Вислу одновременно с нашими справа и слева, и на реке разгорелось жаркое сражение. Авиация противника бесилась над ней, не в силах разобраться, где свои, где чужие.

С сыновней любовью говорил Барбасов о своем генерале:

- Он меня еще на Сане благословил, сказал: "Можешь, бери Вислу с ходу".

Невдалеке светились жаркие угли догорающего села. В зареве кружились черные тени аистов. Польские крестьяне, потерявшие все добро, смотрели на птиц: они жалели не только сгоревших лошадей и коров, но и аистов, которые всю жизнь жили у них на соломенных крышах.

На рассвете мы пошли на переправу. Навстречу спешили польские крестьяне с серпами в руках.

- Куда вы? Там убьют!

- Что делать, хлеб осыпается!

Поднялись на паром. На нем были четыре гитлеровца, взятых в плен бойцом Шморгуном. Находилась тут и молоденькая санитарка. Она везла с собой в госпиталь польку, у которой преждевременно, от страха, родился ребенок, он лежал сейчас на руках санитарки, завернутый в вату.

Когда паром достиг середины реки, снова налетели самолеты. Крупнокалиберная пуля ранила одного нашего бойца. Кровь из его головы пролилась в реку. Молодая полька поглядела на алые капли, сказала:

- Русская кровь, пролитая в польскую реку, снова породнила нас!

Над Вислой рассеивался густой туман, над дымящейся Польшей всходило радостное солнце нового дня.

7 августа** 1944 **года

ХОЗЯИН НЕБА- АЛЕКСАНДР ПОКРЫШКИН

Андрей МАЛЫШКО,
Александр ВЕРХОЛЕТОВ

Воздух имеет свои законы борьбы. Орел делает крутые повороты правого и левого крыла, когда нападает. Он безукоризненно режет крыльями воздух на вертикалях и делает полет по кругу, защищая себя спереди и сзади. Александр Покрышкин до мельчайших подробностей изучил законы воздуха. Он работает в небе почти инстинктивно. Этот человек - орел, не в пышном, аллегорическом значении этого слова, а в обыкновенном, будничном, деловом.

Сейчас мы все знаем: Александр Покрышкин сбил 59 самолетов, не считая групповых. Это значит, человек 59 раз встречался с врагом лицом к лицу и побеждал его. Враг был вооружен крупнокалиберными пулеметами, пушкой, покрыт броней. Но советский летчик искал слабые места у врага и находил их, и пятьдесят девять раз расстреливал его. В тьких поединках рождается бессмертие. Александр Покрышкин многое видел и пережил. Посмотрите на его лицо - суровое, мало когда улыбающееся, даже жесткое, - и вы скажете то же самое.

Признание Александра Покрышкина началось на Кубани и выросло в яркую славу на Висле. Где-то в полынных кубанских степях, с запахом чебреца и сожженной травы, над обуглившимися белыми хатами и вишнями станиц Крымской, Нибержаевской, Адагума, над "голубой линией" немецкой обороны звенело имя молодого летчика. А над польскими фольварками и замками, над тихими

берегами Вислы оно засветилось грозное, как молния.

.. .Кубань, луга, сады, лиманы, вся земля в предрассветной дымке. Солнце едва поднимается над степью, а самолет Покрышкина уже на старте.

Еще мощнее заревел мотор, и под винтами волнами заметалась трава. Старт дан. Вихрем взмыл вверх Покрышкин. За ним 8 "ястребков", курс на Крымскую, за наш передний край.

А навстречу ему уже шла группа немецких истребителей. Тяжелые были тогда дни на Кубани, большие воздушные бои. Против наших летчиков брошены отборные немецкие эскадрильи - "Удет", "Мельдерс", "Бриллиантовая".

Покрышкина тогда часто забавляли спесь и гонор, с каким они вели себя в воздухе.

Вот и на этот раз ведущий немец бросился на него в атаку.

С первых же минут боя Покрышкин понял, что перед ним опытный фашистский ас.

После серии бешеных атак, которые спокойно и уверенно отразил Покрышкин, немец почувствовал, что не на такого напал. Перед ним был виртуоз воздуха, прирожденный талант - советский ас Александр Покрышкин.

Куда девалась немецкая наглость и уверенность. Немец перешел к обороне. Но Покрышкин тоже не спешил. Его товарищи недоумевали: что Александр надумал?

Немец сделает маневр. Покрышкин его повторит. Немец попытается вести бой на горизонталях. Покрышкин тоже ведет бой на горизонталях. Немец снова сделает маневр. Покрышкин его повторит. Уже более десяти минут прошло, а Покрышкин все продолжал дразнить немца. Фашистский ас начал нервничать. Он, очевидно, понял, что советский летчик изматывает и его самого, и мотор немецкой машины.

Александр Покрышкин до мельчайших подробностей знает недостатки не только в тактике воздушного противника, но и в конструкциях немецких самолетов.

Мотор машины, на которой дрался немец, обычно на высотах перегревается и начинает плохо тянуть.

Немец пошел вверх. Пошел быстро, а потом все медленнее и медленнее. Со страшной силой Покрышкин бросил вдогонку своего истребителя. Взмыл вверх.

"

Немецкий ас пытался было отвалить, но поздно...

Пехота с земли слышала, как гукнула где-то высоко пушка, а потом мелькнул пылающий факел. Это рухнул вниз немецкий ас.

Немцы не раз меняли свою тактику. Ходили парами, а потом четверками; бомбардировщики, например, применяют оборонительный круг, прикрываясь истребителями. Попробуй, подступись к такому огненному ежу! А вот летчики Покрышкина знают подступы, умеют найти слабое место. Они прорываются внутрь и раздирают на части этот круг, ломают оборону и бьют немцев поодиночке.

Когда противник менял тактику, Покрышкин тоже вносил коррективы в свою тактику. Он эшелонирует свои силы и по высоте и в глубину. Он хорошо пользуется резервом в бою, любит хитрить, преподносить немцам "сюрпризы" в воздухе. Он учит своих товарищей воевать без потерь. Покрышкин провел не менее сотни воздушных боев, совершил 600 вылетов - и невредим. Что это - случайность, удача, счастье? Нет. Это воинское мастерство. Так воюют и все его питомцы. Летчики Покрышкина во время Великой Отечественной войны сбили свыше 500 самолетов врага

Каждый одаренный летчик имеет свой, только ему одному присущий почерк боевого полета. Он пишет пулями и снарядами. Боевой почерк Александра Покрышкина знают в воздухе и друзья, и враги.

Утром, на зорьке, загудят моторы, заколышется трава под пропеллерами. Первая тройка выруливает на старт, поднимается в небо.

- Пошли наши голубчики! - скажет тихо кто-нибудь на

посадочной площадке. А немецкая станция наведения уже кричит во все печенки:

- Ахтунг! Ахтунг! (Внимание! Внимание!) В воздухе Покрышкин!

Немцы остерегаются его машины в воздухе. Последний бой произошел несколько дней тому назад в 19 часов 40 минут над Вислой.

Пехота глубже зарывалась в землю. Пыль от разрывов бомб ползла по земле на правом берегу, как густая, темная завеса. Солнце падало за горизонт красное и тяжелое, уставшее за горячий боевой день.

"Юнкерсы" и "хейнкели" шли в пыльном небе ровными четверками. Их было немало. 37 "юнкерсов", 4 "хейнкеля" и 8 "фокке-вульфов". Еще минута, и бомбы полетят на головы нашей пехоты, разрушая переправы, разрывая землю в клочья, обугливая деревья, технику, людей.

Наши самолеты появились из-за леса неожиданно. Четыре. Еще четыре. И еще четыре.

Немцы узнали Покрышкина.

- Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин!

Да, это был он. Но не один. С ним летели его лучшие боевые друзья. Как говорится, кровные друзья: капитан Речкалов, Андрей Труд, Клубов, Федоров, Вахненко и верный "щит" Покрышкина - Голубев. "Юнкерсы" стали в свой традиционный круг.

Истребители ушли выше, в потолок неба над бомбардировщиками, как коршуны, высматривающие свою добычу.

- Речкалов! Бери "юнкерсы" с запада. Я пойду в лоб, - передает по радио командир. И четверка Речкалова обошла "юнкерсы" с запада. Третья четверка взяла на себя потолок, где засели истребители. Начался бой. Заработали крупно калиберные пулеметы речкаловской четверки.

Ударила пушка. Тяжело груженный бомбами "юнкере" неуклюже дал крен на правое крыло и пошел вниз. Взрыв. И еще один взрыв. Дым и пламя поползли Vio земле.

- Давай, Речкалов! Давай!

- Покрышкин? Ты есть? Саша, ты есть?

"Хейнкель", вырвавшись из высоты неба, пошел на самолет Покрышкина. Это заметил Голубев и преградил ему дорогу. И закрутились в смертельном кругу "хейнкель" и Александр Покрышкин.

И на этот раз вся сила огня самолета Покрышкина впилась в мотор "хейнкеля"!

- Готово! - прошептал Покрышкин.

Сбитый самолет запылал и пошел к земле.

- Разве он стреляет? - говорят о нем друзья. - Он нава
ливается всем огнем, сжигает, как доменная печь.

И это правда. Бой над Вислой закончился.

На земле догорали семь "юнкерсов", один "хейнкель". Все наши двенадцать самолетов вышли из боя и ровными четверками поплыли к родному аэродрому.

- Хороший у нас сегодня счет, можно сказать, - круглые двойки, - пошутил на аэродроме Речкалов, встретив Покрышкина

- Ты сбил - два. Клубов - два.

- А себя что, забыл?

- Ну и я - два, - засмеялся Речкалов.

Позавчера в полку был вечер, посвященный Александру Покрышкину в связи с награждением его третьей медалью "Золотая Звезда".

За столом сидели его лучшие друзья: дважды Герой Советского Союза капитан Речкалов, гвардии майор Фигичев, подполковник Крюков, Герой Советского Союза Андрей Труд, Герой Советского Союза Клубов, Герой Советского Союза Федоров. Все молодые, смуглые, крепкие, овеянные горячей боевой славой. Одна семья. Одна когорта воинов. Одно орлиное гнездо. Десятки телеграмм и сердечных приветствий получил в этот день Александр Покрышкин. Перед этим за несколько дней из далекого родного Новосибирска, из домика на улице Лескова, пришла ему посылка от матери Аксиньи Степановны. В посылке баночка варенья и теплые шерстяные носки, вязанные заботливыми материнскими руками.

"Ты, Сашенька, варенье съешь, а носки надевай, когда летишь, в воздухе ведь холодно, я знаю".

Да, в воздухе бывает холодно и жарко, и даже смертельно тяжело приходится. На то война.

Но когда весь народ согревает человека своей любовью, тогда ничего не страшно. Тогда человек расправляет крылья и летит, как птица, в бой, в опасность, в завесу огня и стали, думает только о победе.

Таков и Александр Покрышкин.

23 августа 1944 года

ВЕСНА В ОКТЯБРЕ

Илья ЭРЕНБУРГ

Есть памятники, которые напоминают о зле. Поэт Барбье сказал о Вандомской колонне: "Матери не смотрят на эту

бронзу". Может быть, лицо матери, ребенка которой спасла Красная Армия, будь то белоруска или сербская крестьянка, или женщина заполярного Киркенеса, - лучший памятник историческому событию, потрясшему мир двадцать семь лет тому назад.

Многие тогда не поняли России, измученной, окровавленной, но сильной духом; они сочли родильную горячку за агонию, приняли за бред слова, полные пророческого смысла Когда теперь нас спрашивают, как сможем мы восстановить разрушенные немцами города, мы вправе ответить: труднее было построить Советское государство. На западе и на востоке, на юге и на севере не утихала война; голод и холод душили людей, а за ними шел сыпняк; зарастала травой колея, ржавели поломанные паровозы; по стране бродили беспризорные; улицы Москвы, с огромными сугробами, походили на пустыню, и маленькая электрическая лампочка казалась ослепительным маяком. Как некогда солдаты Вальми, первые красноармейцы, плохо вооруженные, голодные, разутые, одерживали за победой победу. На субботниках воля людей заменяла уголь. Как на приступ крепости, ринулись на азы науки дети землепашцев и пастухов.

Фрегат Колумба не совершал каботажного плавания. Извилист и труден был путь советского корабля. Годы не походили друг на друга. Было больше надежд, чем воспоминаний, больше пота садовника, чем сока спелых плодов, - мы ведь не жили на проценты с прошлого. Неодобрительно поглядывали на нас иные обитатели давно обжитых домов; они брюзжали, что мы строим не по правилам, или в ужасе говорили, что котлованы наших строек - это подкопы под чужое жилье. Те, что подоброе, отсылали нас в детскую, те, что позлее, копили для нас смирительные рубашки. Нас не смутили ни гримасы эстетов, ни бомбы диверсантов: мы отстояли свое.

Может быть, в тех старых, хорошо надышанных домах, где проживали люди, презиравшие нас за грубость и за бедность, царило счастье? О, разумеется, там было много коверкота и много фаянса, но счастья там не было. Для Запада годы между двумя войнами были эпохой томления, мрачных предчувствий, лихорадочной погони за минутными развлечениями. Еще не успели догореть плошки, зажженные в честь мира, как начались репетиции новой войны. Труды дипломатов были прерваны трудами налетчиков. Вскоре мы услышали новое слово: "фашизм".

Наши юноши одолевали арифметику и машиностроение, диалектику и версификацию. В русских деревнях торжественно открывали ясли. Кочевники увидели строителей Турксиба. А по улицам немецких городов уже бродили убийцы; Гитлер уже прославлял арийскую бестию; из яйца выполз паук-крестовик, чтобы поймать в свою паутину и "твердолобых" и мягкотелых. Те немцы, которые потом сожгли города Европы, еще ходили в детских штанишках; дипломаты, похожие на окаменелости, еще толковали о репарациях прошлой войны, а в роскошных кабинетах Тиссена или Феглера, а *в* накуренных "биргалле" Мюнхена или Берлина уже готовились к новым походам.

Запад тогда переживал мучительный кризис; сдавали на лом станки, уничтожали молочных коров и, желая удержать цены на пшеницу, портили ее, примешивали к зерну эозин. Гитлер закричал: "Я нашел для немцев работу" - он уже помышлял о пуске душегубок, о колоссальных "фабриках смерти"; усмехаясь, глядел он, как подмешивали к зерну безвредную красную краску, он знал, что вскоре подмешает к немецким розанчикам и рогаликам настоящую человеческую кровь.

Кончился скрытый период болезни. Стены европейских городов покрылись омерзительной сыпью: призывами к убийствам и знаками свастики. Деньги Тиссена и Феглера не пропали зря: в Берлине вспыхнули факелы будущих "факельщиков". Носители "нового порядка" жгли стихи Гейне; малолетние "сверхчеловеки" гонялись за престарелыми евреями. Люди, проживавшие в старых почтенных домах, ласково журили людоеда, который только-только оттачивал нож. Те же почтенные люди горячо аплодировали последователям людоеда: в Вене Дольфус из пушек стрелял по рабочим домам, в Астурии Хиль Роблес бомбил безоружных горняков, в Париже Ля Рок жег автобусы и убивал женщин.

Мы в те годы обливались потом. Кто видел Кузнецк или Магнитку в пору строительства, знает, что это была

настоящая война, сотворение мира. Люди верили, что они придают плоть идее. Деревцо росло. Дети переходили из класса в класс. На пустырях возникали новые города. Хорошели Киев и Воронеж, Новосибирск и Сталинград. Пшеница двинулась на север. Отрок Осетии узнал теорию относительности, и внуки Платона Каратаева поняли душевные муки Андрея Болконского. На один короткий час челюскинцы отвлекли внимание мира от жестоких замыслов "наци", от аферы Стависского, от "черных пятниц".

Может быть, мы тогда не знали, какая пустыня отделяет нас от обетованной земли; может быть, мы тогда не думали, что строки, написанные чернилами, придется скрепить своей кровью; но мы и тогда понимали, что фашизм покушается на самое ценное - на человека.

Когда итальянские чернорубашечники напали на беззащитную Абиссинию;мы возмутились. А ведь не нам грозили выкормыши дуче: пожирая Эфиопию, они рычали: "Мальту! Корсику! Ниццу!"

Драма протекала далеко от нас, но мы поняли, что черная тень повисла над всеми колыбелями мира. Тем временем на Западе улыбались кровавому дуче и, побранив его для приличия в Женеве, дружески с ним чокались в Риме. Удав понял, что кролики не кусаются. Началась страшная испанская война. Я видел, как три года испанский народ пытался отстоять свою свободу от захватчиков: против него воевали и немецкая авиация, и чернорубашечники. Дома Парижа и Лондона еще дышали уютом, на них еще не падали бомбы; и многие обитатели тех домов лицемерно говорили, будто Франко - этот предтеча всех квислингов - представляет Испанию. Юристы, гордые своими познаниями, доказывали, что когда убийца режет чужого ребенка, судьи должны играть в покер или бридж. Я вспоминаю детские трупы на узеньких улицах Барселоны. Я присутствовал на допросе убийцы: это был летчик германской армии, лейтенант Курт Кетнер. Он нагло рассказывал о планах своего фюрера. Происходило это в барселонской цитадели, и тотчас после допроса к убийце подошел иностранец, назвавший себя представителем Женевы; он не спросил Курта Кетнера, почему тот убил девятнадцать испанских детей; он интересовался другим: дают ли убийце к утреннему кофе достаточно сахара.

Неизвестно, уцелел ли при воздушных бомбардировках тот дом в Мюнхене, где было подписано отречение от Европы. Его стоило бы сохранить в назидание потомству. Газета "Пари суар" после Мюнхена объявила подписку: поднести Чемберлену, "обеспечившему мир на целое поколение", домик в живописном месте. Теперь французы посадили редактора "Пари суар" в острог, как вульгарного изменника. Дома многих жертвователей разгромлены немцами, а "живописные места" Англии узнали, что значила ветка оливы с меткой "мэйд ин Джермени". Не о мире мечтали "умиротворители" - о войне, но о войне за тридевять земель; они восторженно щебетали: "Гитлеру нужна Украина". Они заснули с мечтой о бомбардировке Баку. Их разбудили сирены.

Мы знали, что такое фашизм; мы пели: "Если завтра война"; и все же июньское воскресное утро потрясло нас своей трагической неожиданностью. Только глупцы могут говорить, что наше государство не было подготовлено к отпору. Но как ни готовься, у нападающего всегда преимущество. Человек может знать, что в городе завелись бандиты, он может запастись хорошим револьвером, он может обладать зорким глазом и крепкими нервами, но он не может жить одним - ожиданием нападения: ведь это - мирный человек, он работает, он - врач, или инженер, или токарь; он идет на работу или с работы, он думает о книгах или о детях; и вот в эту минуту раздается выстрел. Так начались страшные дни 1941 года.

Никогда ни одно государство не подвергалось такому испытанию, как молодая Советская Республика. Враг захватил нашу житницу, нашу кочегарку; враг дошел до Кавказа. Треть населения попала под сапог захватчика. Как мы выстояли в такой беде? Наивно объяснять все ошибками германского командования: ведь то же самое командование казалось безошибочным во Фландрии и в Греции. Мы выстояли, потому что наши люди оказались душевно крепче и выше захватчиков, а не будь Октября, не было бы и этих людей. Если спросят, где истоки нашей победы, мы скажем: не только у Сталинграда или у Москвы - даль-

ше - на площади Зимнего дворца, где Революция встретилась с Россией.

Давно ли в сводках Информбюро стояли названия подмосковных дач, пригородов Ленинграда? Теперь диктор называет наименования, не привычные для русского уха. Мы не в Калмыкии, мы в Восточной Пруссии, вместо Можайского направления теперь Будапештское. Красная Армия освобождает Польшу и Югославию, Чехословакию и Норвегию. Наш народ скромен; несвойственно ему кичиться своими делами. Воюет сейчас сержант Павлов; он даже не напомнил о том, чтобы ему дали медаль за оборону Сталинграда; а мир хорошо помнит, что такое Дом Павлова. Мир хорошо помнит, чем он обязан России. Одно дело воевать, когда ты три года готовишься к наступлению, когда у тебя в глубочайшем тылу сотни миллионов рабочих рук, необозримые нивы, огромные заводы, когда есть время подумать о каждой пуговке на солдатской шинели. Не так воевали мы: на нас обрушились лучшие бронечасти Германии; наши эвакуированные заводы расположились на пустырях; женщины заменили мужей и у станка и в поле. Три года мы воевали в Европе одни. Мы превратили победителей Дюнкерка в тех фрицев, которые галопом пронеслись от Тулона до Эльзаса и от Нанта до Голландии. Велика радость жнеца; а мы были пахарями победы. Вот почему Красную Армию приветствуют, как Освободительницу, и Парижский Совет Сопротивления, и король Норвегии, и рыбаки Греции, и епископы Англии. Пусть для многих еще недавно мы были падчерицей Европы, пусть одни глядели на нас свысока, другие искоса, третьи исподлобья; теперь полны признательности просветленные взгляды; и на всех языках мы читаем те же многозначительные слова: "Советская Россия спасла Европу и мир".

Мы не одни теперь в борьбе, и, узнав поближе наших друзей, мы научились их ценить. Наши летчики гордятся своими английскими и американскими товарищами, которые наносят врагу суровые удары. Наши пехотинцы уважают англичан, выдержавших в Голландии тяжелые бои. Вся наша армия горда победами союзников на Западе, и весть о падении Аахена мы приняли радостно, как нашу победу. Нужно ли говорить о том, как близко мы принимаем к сердцу радости и горе наших товарищей по оружию: солдат Тито, партизан Словакии, поляков, французов, норвежцев. Когда восстал Париж, вся Россия возрадовалась. Освобождаемые - это не красавицы из легенд, это живые народы: они не ждут кротко освободителей, вместе с нами они сражак, гея против своих угнетателей. Одни чувства теперь вя>?-./т Советский Союз и мир: добить фашизм.

Да, есть одна страна, где нас не ждут, где люди бледнеют, услышав вдали шаги Красной Армии. Пуще всего страшатся немцы нашего вторжения; не потому, что наши солдаты по природе злее других; даже не потому, что у каждого из наших солдат есть свои личные счеты с захватчиками; немцы особенно страшатся прихода Красной Армии, потому что мы едины в наших помыслах, потому что среди нас нет лицемеров и адвокатов дьявола, потому что мы идем к ним, как суровые судьи, как зрелые мужи, понимающие свою ответственность перед грядущими поколениями, потому что мы твердо решили покончить со злом раз и навсегда.

Я спросил недавно одного летчика из части "Нормандия", отличившегося в боях над Восточной Пруссией, почему он и его товарищи предпочитают сражаться на Восточном фронте; и француз мне ответил: "Меня не интересуют парады, меня интересует суд".

Все народы смотрят на Москву с великой надеждой не только потому, что мы хорошо сражаемся, но и потому, что за нашей спиной нет черных теней "умиротворителей". Мы слишком любим мир, чтобы пощадить Германию. Мы слишком верим в братство народов, чтобы оставить на земле фашистов. За три года мы видали столько подлинных слез, что не растрогать нас никакими эрзац-рыданиями. Мы научились разгадывать военную маскировку врага; нас не обманет и его гражданская маскировка. Не для того мы выиграем войну, чтобы проиграть мир.

Мы знаем, что фашисты, убежав из Франции в Испанию, нашли там применение; может быть, среди них находится и мой старый знакомый, Курт Кетнер... Мы знаем, что в союзных странах возмущенно встретили фотографии, показывавшие упитанных гитлеровцев, поглощающих амери-

канские консервы. Мы знаем, что в разных странах, еще недавно бывших вассалами Гитлера, мучители, отдышавшись после первого страха, примеряют венчики великомучеников. Мы знаем, что есть на свете люди, которые, как и в 1939 году, пуще всего боятся своего народа. Однако теперь иные времена. Красная Армия показала свою силу. Народы Америки, Англии и Франции излечились от многих иллюзий. Они скажут вместе с нами, что нельзя оставить чуму в одном переулке или в одной квартире: чума - зараза. Они скажут вместе с нами, что искупление - это не парикмахерская, где брюнетов перекрашивают в блондинов, а фашистов в демократов. Они скажут вместе с нами, что если есть в мире страна, где люди, приветствуя друг друга, подымают вверх руку, то это руки захватчиков и это страна агрессии. Свободолюбивые народы вместе с нами скажут, что если есть в мире школы, куда не пускают негра, или еврея, или славянина, потому что он негр, еврей или славянин, то из таких школ могут выйти не гуманисты, а народоубийцы. Когда Персей убил Медузу, у нее остались сестры - духи зла. Мы не хотим оставить духовных племянников фюрера или дуче. По-разному живут народы, разное над ними небо, разные у них порядки. Мы радуемся и мощи Соединенных Штатов, и независимости Люксембурга. Но там, где живут люди, нельзя оставлять людоедов, даже таких, которые постятся между двумя сытными трапезами.

Красная Армия воистину Освободительница: она не ищет чужой земли, никому она не навязывает своей воли. Она идет на Запад с одной мыслью, с одним чувством: избавить мир от фашистского зла. Она способна на этот подвиг, потому что двадцать семь лет тому назад наш народ понял, что такое братство.

Осенью 1917 года наш народ переживал душевную смуту. Малодушным тогда казалось, что Россия распадется. И вот холодным, неприветным днем поздней осени огромная надежда родилась в мире: Октябрьская революция. Ее значение теперь поняли все; не только наш народ, но и другие, не только старые друзья, но и былые недоброжелатели: Советская Россия выручила человечество; и вторично мы видим наперекор календарю весну в октябре.

1944 год

Войска Карельского фронта, преследуя немецкие **войска, пересекли государственную границу Норвегии и в трудных условиях Заполярья 25 октября овладели важным портом в Баренцевом море** городом **Киркенес, а также с боями заняли на территории Норвегии** более **30 других населенных пунктов ...**

Из оперативной сводки Совинформбюро
25 октября **1944 г.**

В СЕВЕРНОЙ НОРВЕГИИ

Геннадий ФИШ

Горят деревни, хутора, поселки Северной Норвегии, подожженные фашистами. С высоких вершин скалистых гряд видят советские бойцы пламя пожарищ, отражаемых ровной гладью фиордов, и у всех, кто видит это пламя, одна мысль, одно стремление - вперед!

Казалось бы, люди могли устать от трудных переходов, от ночевок без костров под Полярной звездой, от секущих холодных ветров, от непрерывных боев. Но с каждым днем становятся радостнее лица бойцов, все больший подъем овладевает войсками, растет их наступательный порыв.

По трем дорогам - из Никеля, из Петсамо, с юга -с непрерывными боями спешили вперед советские части, наступая на Киркенес, порт и фабричный город Северной Норвегии, крупнейшую базу и опорный пункт врага.

На дорогах - разбитые машины со знаком горноегерских дивизий. Около шоссе - столбы недостроенной подвесной дороги от Никеля до Киркенеса. По обочинам - трупы фашистов, и всюду запах гари, всюду дым пожарищ, и всюду сквозь дым спокойно и уверенно шагает вперед наша заполярная пехота.

Противник оборонял северную дорогу с помощью береговых батарей Киркенеса. Чтобы зайти с фланга, нашим подразделениям требовалось переправиться через фиорд - 1700 метров. В дело вступили автомобили-амфибии. А вскоре во тьме осенней северной ночи появились два норвежских мотобота. Команды их - норвежские рыбаки - знаками пригласили бойцов к себе на борт. Советские воины не знали норвежского языка, норвежские рыбаки не знали русского, но сердца их бились в унисон, и они отлично поняли друг друга.

На маленьком мотоботе "Фрам" капитан Мортен Генсен - старик; на большом мотоботе "Фиск" капитан Турольф Пало - совсем еще молодой парень. Но старые и молодые рыбаки работали не отдыхая, всю ночь и весь день, доставляя через фиорд наших бойцов. Утром из-за мыса выскочил еще один маленький мотобот и тоже немедля приступил к перевозке.

Рядом рвались снаряды и мины, с горы по фиорду гитлеровцы строчили из станковых пулеметов, но норвежские рыбаки продолжали свое дело. Когда я спросил у рыбака Пера Нильсена и Мортена Генсена, в чем они нуждаются, они в один голос ответили:

- Дайте горючего, чтобы дальше работать!..

- Они почти целиком переправили наш полк, - сказал
капитан Артемьев. - Отличные ребята!

Жестоким был бой у переправы через Эльвеносский фиорд. Гитлеровцы взорвали мосты и минировали подходы к ним. Снова появились амфибии. Ночью подразделения форсировали фиорд и высадились на западном берегу. Рота гвардии капитана Реклицкого немедленно бросилась вперед, к городу. Стремительный рывок ее был поддержан другими ротами батальона. Под огнем, от которого, казалось, закипала вода, амфибии перевезли несколько тысяч человек.

Город горел. В огне - бумажная фабрика, консервный завод, школы, баня, больница. От кварталов жилых домов остались только печи да трубы.

Еще стреляли из-за углов вражеские автоматчики, когда на улице показалось несколько юношей и девушек в гражданской одежде, с повязками Красного Креста на рукавах. Они стали перевязывать наших раненых бойцов. Через час я встретил двоих из них: Гаральда Стаугнера и Одда Антонсена. Они повели нас в бомбоубежище. Пройдя катакомбы, мы вошли в уютную комнату. Здесь было до двадцати юношей и девушек.

- Мы прятались тут во время боев. Ждали русских. Мы решили вам помогать, - говорит Гаральд Стаугнер.

- А где остальные жители Киркенеса?

- Спрятались в большом туннеле в горах. Несколько тысяч человек. Теперь они скоро выйдут!

Эти юноши и девушки хотят сфотографироваться обязательно рядом с нашими танками. К танкам же подходят две женщины в косынках. Обе говорят по-русски, оказывается, наши, угнанные гитлеровцами.

- Фашисты бросили нас в концлагерь, но удалось убежать и спрятаться в бункере. Мы ждали вас и дождались!

27 октября 1944 ***года***

РОВЕСНИК РОДИНЫ

Борис ПОЛЕВОЙ

Мы познакомились с ним в Карпатах в разгар тяжелого боя, который его дивизия вела уже третий день, штурмуя поросший лесом крутой и обрывистый перевал. Я пришел, вернее приполз, на его наблюдательный пункт, помещавшийся на склоне горы, в скалах, в трехстах метрах от немцев, окопавшихся на соседней горе. Вражеские пули поминутно чирикали над головой и сердито взвывали, рикошетируя о камни. Зато поле боя, развертывающееся за небольшой лощиной на соседнем склоне, было видно простым глазом, и командир дивизии, сидя за скалой, мог видеть на только общие контуры боя, но каждого солдата, каждый идущий в атаку танк.

Момент, когда я к нему прибыл, мало подходил для приема представителя прессы. Понимая, что эти скалистые,

поросшие лесом крутые обрывы, за которыми прочно сидела врывшаяся в камни немецкая дивизия, взять не удается, полковник прибег сегодня к излюбленному в русской армии маневру - обходу вражеских сил. Он приказал одному полку с приданными ему самоходными орудиями интенсивно штурмовать перевал в лоб, сковывая и отвлекая силы немцев. Лучшие силы двух других полков получили задание незаметно, без единого выстрела, под шум боя обойти перевал справа и слева, подняться без дороги на казавшиеся неприступными скалы и, сосредоточившись у них за спиной, в 4 часа атаковать врага.

Я прибыл сюда в 3 часа 48 минут.

Полковник на миг оторвался от зрелища боя, коротко отрекомендовался:

- Полковник Воловин, командир дивизии.

До боли пожал мне руку своей маленькой, но очень сильной рукой и снова прижал бинокль к глазам.

Пронзительный ветер, дувший в ущелье, как в печной трубе, и несший целые охапки желтых, вялых листьев, доносил из лощины крики "ура". Это полк, наступавший с фронта, шел в атаку. Мы видели, как внизу в долине, перебегая от скалы к скале, ползли, карабкались на четвереньках, но неустанно двигались вперед серые фигурки солдат, как, стоя за нашей спиной на опушке леса, дергались три советские автоматические пушки и как склон перевала весь сверкал красными огнями немецких выстрелов.

Полковник на миг бросил бинокль и схватился за телефонную трубку. Он вызвал к телефону начальника артиллерии и приказал усилить огонь по врагу.

За эту войну мне десятки раз приходилось быть свидетелем чудесной мощи советской артиллерии, но никогда не устанешь восторгаться ее работой. Батареи, расположенные где-то у нас за спиной, открыли огонь. Снаряды с шуршанием полетели через наши головы и на склоне перевала, под скалами, где оборонялись немцы, запрыгали бурые облачка разрывов, такие частые, что перевал через несколько минут затянуло бурым облаком порохового дыма. Полковник Воловин посмотрел на свои часы: они показывали 3 часа 58 минут. Он отдал по телефону еще одно приказание начальнику артиллерии.

Грохот артиллерии стал оглушающим, как будто в горах сорвалась лавина камней.

Полковник теперь не смотрел в бинокль, он смотрел на часы. Он ждал минуты, когда там, за горой, за седловиной перевала, пойдут в атаку посланные им в обход штурмовые батальоны. Полковник смотрел не на минутную, а на секундную стрелку часов, коротенькими прыжками обходившую циферблат. Он был уверен, что атака с тыла начнется точно в 4 часа.

- Неужели вы верите, что они атакуют ровно минута в минуту? - спросил я полковника.

Он ответил не очень приветливо, даже сердито:

- Я не верю, а знаю. Иначе зачем бы я стал пускать на ветер снаряды. Если они дошли туда живыми, а в этом я не сомневаюсь, то они должны атаковать... - Он сделал
паузу, дождался, когда минутная стрелка, встав на часах вертикально, совпала с секундной стрелкой, и добавил: - Должны атаковать вот сейчас.

И действительно, гром артиллерии прекратился, стало тихо, и эта тишина вдруг нарушилась трескотней автоматов из-за перевала.

- Пошли, - сказал полковник и, сев на камень, вытер
платком вспотевший лоб. Трескотня за перевалом усилилась, атакующие нажимали, и вдруг мы увидели необычайное зрелище: изрытый взрывами скат, где оборонялись немцы, такой пустынный и мертвый, ожил. Враги вылезали из окопов, из скалистых щелей и, как клопы от света, бежали, бросая позиции, назад в лес, в горы. Полк, атакующий с фронта, пошел за ними по пятам. Через час на вершине перевала, на пирамиде топографической вышки уже развевался красный флаг, привязанный кем-то из солдат. Адъютант полковника по телефону передавал в штаб армии донесение о преодолении перевала.

Сейчас, когда закончился бой, полковник Воловин стал любезным хозяином. Он приветливо ответил на все мои вопросы, мило пошутил насчет того, что часы у него и У его командиров ходят точно, а потом радушно пригласил к себе обедать. Здесь, в убогой хижине горного пастуха, за столом, накрытым газетой, на котором стояли блюда с немудреными местными закусками - соленым овечьим

сыром, мочеными дулями, душистым горным медом, я ближе познакомился с этим интересным человеком, в котором прекрасно сочетались молодость лет с огромным боевым опытом. Я попросил его рассказать о своей жизни. Он полез в чемодан и достал оттуда пожелтевшую фотографию. На ней был изображен русский солдат с георгиевским крестом на груди и с красной ленточкой на папахе и молодая красивая женщина в ситцевом платье с буфами на рукавах, с букетом бумажных цветов.

- Это мои родители, - сказал полковник. - Отец сол
дат - гренадер царской службы, а с первых революционных
лет - красногвардеец - Илья Воловин, и мать Мария Воло
вина - ткачиха фабрики Цинделя в Москве.

Он сказал это с гордостью, с какой говорят о своем роде потомки старинных дворянских фамилий. Сказал и добавил:

- Я ровесник нашей страны. Я родился в октябре 1917
года.

У Василия Воловина оказалась очень интересная биография. Он был не только ровесником, но и очень типичным сыном своей страны. От родителей своих он унаследовал любовь к упорному труду. Он отлично учился в средней школе. Учась, занимался спортом. Юношей он был одним из лучших спортсменов Ленинграда, и до сих пор завсегдатаи ленинградских стадионов отлично помнят его как замечательного бегуна, мастера по прыжкам с шестом и велогонщика, не раз бравшего первые места на состязаниях.

Но спорт был для Василия Воловина не самоцелью, а средством физического развития. Он мечтал о военном деле, он стал военным в боях с японцами на озере Халхин-Гол, где получил свой первый орден - Красную Звезду. Он был тогда солдатом. Потом учился и окончил офицерскую школу. В первый день войны он был лейтенантом, командовал взводом у западной границы в Латвии. Под Москвой он командовал ротой, а у Сталинграда - батальоном. Его батальон, входивший в одну из сталинградских дивизий, отличился. Капитан Василий Воловин получил за участие в Сталинградской битве орден Красного Знамени и гвардейский значок.

Когда шли бои за Днепр, он командовал уже полком. Здесь, в Карпатах, гвардии полковник Воловин командует уже дивизией, и я сам только что видел военный талант этого молодого командира дивизии во всем его блеске, ровесник своей великой Родины и типичный сын своего чудесного, мужественного, трудолюбивого, творчески неутомимого народа, он в 27 лет отнюдь не остановился в своем росте и не стал узко военным человеком. Даже сейчас, в труднейших условиях боев, он не бросает спорта. На каждом новом пункте для него строят турник, параллельные брусья, на которых он тренируется в минуту отдыха. Воловин продолжает начатое до войны изучение английского и немецкого языков. И как бы он ни был занят, всегда выкраивает время, чтобы прочесть по десятку страниц английских или немецких книг для практики. А когда мы с ним сидели в пастушьей хижине в Карпатах, он жадно выспрашивал меня о московских литературных и театральных новостях.

Нам постелили прямо на полу, прикрыв плащ-палатками свежую солому. Утомленный за день, полковник сейчас же заснул, богатырски раскинув руки. Я смотрел на освещенный свечой спокойный и красивый его профиль и долго думал об этом ровеснике моей великой страны, типичном сыне нового поколения выросших в ней людей.

28 октября 1944 года

ГЕРОИ "НОРМАНДИИ

Илья ЭРЕНБУРГ

Есть теперь на свете два француза, которью, если их спросят, кто они, смогут ответить: "Мы Герои Советского Союза". Это радость для французов, это радость для нас. Два народа, преданные свободе, народ Вальми и Вердена, народ Перекопа и Сталинграда, равно гордятся отваж-

ными солдатами Марселем Альбером и Роланом де ля Пуапом.

Теперь у нас очень много друзей: тесно за столом победителей. Летчики "Нормандии" приехали к нам осенью 1942 года. Нас тогда не было в Восточной Пруссии, гитлеровцы были тогда у Волги. Мы отчаянно сражались, зная, что дальше отступать нельзя. А за границей гадали: сколько недель мы еще продержимся? И вот в ту темную осень наши друзья, французские летчики, приехали к нам. Они поняли нашу силу и поверили в нашу дружбу. Когда немецкие фашисты еще были на Кавказе, французские патриоты поняли, что битва России - это также битва Франции, что можно в русском небе сражаться за французскую землю. Среди первых были Марсель Альбер и Ролан де ля Пуап. Они пришли к нам до Сталинграда, и этого мы не забудем.

Франция теперь освобождена от захватчиков. И в боях за Эльзас французская армия покрыла себя славой. В 1942 году Франция молчала: ей зажимали рот гитлеровцы. Но и тогда мы верили в звезду Франции, но и тогда с уважением, больше того, с любовью говорили воины Красной Армии об этой прекрасной стране. Теперь Францию признают все. Но мы ее признали, когда она еще была в цепях. И французы этого не забудут.

Марсель Альбер сбил на наших фронтах 23 вражеских самолета. Это первый ас французской армии. Россия ему дала чудесный самоле.т. Франция вложила в него сердце героя. Фашистская Германия родила в нем великую ненависть. И вот этот веселый француз, парижанин из парижан, сын рабочего, стал Героем Советского Союза. Их было трое, боевых друзей: Лефевр, Дюран и Альбер. Втроем они перелетели из Северной Африки, захваченной фашистами, в Гибралтар. Втроем заявили: "Мы хотим сражаться в России". Они были неразлучны, и товарищи шутя называли их "тремя мушкетерами". Дюран, а потом Лефевр погибли в бою. Марсель Альбер продолжает бить врага.

Велико единство французского народа в борьбе против захватчиков: если Марсель Альбер - сын рабочего, то де ля Пуап - представитель старой аристократии, и если бы он хотел, он мог бы кичиться своими титулами. Но это подлинный демократ, влюбленный в свободу, и гордится он одним: сбитыми самолетами. Когда немецкие фашисты захватили Францию, де ля Пузп не задумываясь уехал на суденышке в Англию и там продолжал сражаться против захватчиков. Узнав, что группа летчиков хочет ехать в Советский Союз, де ля Пуап заявил: "Прошу отправить меня на Восток, чтобы сражаться вместе с Красной Армией". Он сбил 16 гитлеровцев.

Искусство летчика трудно поддается описанию. Это поэзия. Кто расскажет, почему большой поэт пишет хорошие стихи? Я не осмелюсь говорить о воздушных победах двух французских героев. Я только напомню, что они принимали участие в тех операциях, из которых каждая открывала новую главу войны: Орел, Смоленск, Орша, Неман, Восточная Пруссия. Эти названия говорят нам больше, чем толстые тома. И во всех этих битвах пролилась кровь французских летчиков, во всех этих битвах разили врага Марсель Альбер и Ролан де ля Пуап.

Они страстно любят Францию. Это понятно без долгих слов. Любят ее виноградники, ее сады, ее седые камни, ее веселых девушек, ее вольности, ее историю. Я скажу сейчас о другом: они полюбили нашу Родину. Они не только научились понимать русский язык, они научились понимать то, о чем не сказано ни в словарях, ни в грамматике: русское сердце. Они увидели пепел наших сожженных городов и горе наших женщин, они увидели мужество Красной Армии, ее путь от Орла до Восточной Пруссии, и каждый из них связан с нами не словами - кровью. И когда-нибудь в Пьюде-Доме, среди зеленых пастбищ и нежной ольхи, Ролан де ля Пуап будет рассказывать детям(о стране больших просторов и большого сердца, о далекой, но близкой России. И когда-нибудь веселый Марсель Альбер среди шума Парижа, который никогда не замолкает, как морской прибой, вдруг вспомнит тишину смоленских лесов и скажет: "Там я узнал меру человеческого горя и крепость человеческого сердца".

Воины Красной Армии приветствуют своих испытанных друзей, героев Франции, ныне Героев Советского Союза. Если дружба проверяется на страшном огне, дружба Советской Республики и французской Республики проверена. Она пережила горе, она переживает и радость. Мы еще чокнемся с французами в Берлине.

29 ноября** 1944 **года

Наши войска, действуя совместно с частями Народно-освободительной армии Югославии, продолжали вести бои по очищению от противника города Белград.

Из оперативной сводки Совинформбюро
19 октября 1944 г.

СТАРШИНА ЕРЕЩЕНКО

Константин СИМОНОВ

Это было здесь же, в Белграде. На четвертый день.

Уже сравнительно близко к концу. Наша рота находилась в театре. Здание сильно разбитое, и из-за стрельбы прохода по улице не было - пробирались по дворам, через крышу соседнего дома по пожарной лестнице и опять вниз.

Утром мы пошли с бойцом за завтраком, только вернулись - приказ: наступать на другой квартал. Пошли в наступление.

По улице бьют два крупнокалиберных пулемета. Мы вдвоем с Абдулаевым перебежали через улицу. Обоих ранило в ноги, его сильно, меня легко и еще немножко по голове царапнуло.

Перебежали. Ворота во двор заперты. Мы спрыгнули в подвал. Там темно. Я засветил фонарь. Было восемь утра.

Абдулаев дальше идти не мог. Совсем ногу перебило. Я его сам стащил в подвал. Его ранило выше колена. Я снял два брючных ремня - с себя и с него - и перетянул ему ляжку. Говорю ему: "Не кричи, тише, здесь немцы. Убьют".

И пошел наверх.

Вижу, проблескивает свет. Дверь на двор. И стоит пулемет, направленный прямо на закрытые ворота, и два немца у пулемета.

Тут у меня мечта, что если я их не убью, то они меня убьют. Убил их с автомата, с расстояния метров пяти и обратно пошел в подвал.

А там Абдулаев просит пить.

"Откуда я тебе возьму? Подожди, полежи, сейчас найду вход в дом, достану тебе воды".

Пошел искать. Верно, это был завод: узкоколейка уходила в подвал. А вверх шли ступеньки. Чисто, пусто. Коридор поворачивает направо, а налево оказываются две комнаты. Зашел в них.

Слышу, кто-то идет по коридору. Скрылся за стену, держу автомат наготове. Подходит женщина, говорит:

"Здесь немцев нет".

Старая женщина, уборщица.

"А где немцы?"

"Сейчас поведу".

И пошли по коридору. Она меня довела до окна. Там, снаружи, перед окном, огражденные камнями, лежат три немца. И опять пулемет. Старуха показала и ушла от греха.

Я бросил гранату в окно и взорвал пулемет и их убил двоих, а третий уполз.

Стал я выходить из комнаты. В это время в коридор по лестнице бросил гранату немец со второго этажа, но она меня не повредила. Я встал за выступ. Она прокатилась по ступенькам мимо меня и разорвалась ниже. Только все дымом заволокло по коридору.

Я пробежал быстро через коридор и открыл крючок на воротах. Когда я открыл их, через улицу видны наши. Командует старший лейтенант Киселев.

Я кричу им:

"Дайте подмогу, я один остался, кругом немцы!"

Ко мне перебежал пулеметчик второй номер и стрелок, но его ранило. Добежал и лег. Мы его подняли и сразу в первый этаж перенесли.

Как они двое перебежали, больше никто не может - сильный огонь. Мы пошли по коридору налево, в те комнаты, откуда виден дом, из которого немцы обстреливали всю улицу. Нам было видно, что на третьем этаже приподнят железный занавес и оттуда бьет ручной пулемет.

Мы дали по ним две короткие очереди, и они замолчали. Но тут же в другое наше окно бросили снизу, с улицы, гранату. В комнате у нас были нары с матрацами. Граната

разорвалась на матрацах, но пулеметчика все-таки ранило в плечо.

Я поверху, не снимая рубашки, перевязал его бинтом.

Потом спустился снова к Абдулаеву. Говорю:

"АбдулаевГ

Он просит:

"Воды мне!"

"Сейчас отнесу тебя наверх. Берись за мои плечи".

Он взялся за мои плечи, обнял меня сзади, но не мог держаться и упал.

"Я, - говорит, - погибаю".

Я бегу наверх и говорю пулеметчику:

"Там человек пропадает, пойдем".

Он говорит:

"Я тоже раненый".

Я ему говорю:

"Это неважно, все мы тут раненые. Пойдем!"

Мы с ним взяли матрац и пошли снова вниз за Абдулаевым. Так мы его и вынесли вверх на матраце. Сказали ему:

"Сейчас мы принесем тебе воды".

И пошли осматривать комнаты.

Всюду тишина. Дошли до последнего окна. Тут из противоположного здания по нас из пулемета. Мы скрылись за стенку. Я выдернул кольцо - и гранату туда, но она не долетела и взорвалась под домом. Я вторую. Она влетела в окно, и больше мы ничего оттуда не слыхали.

Теперь уже свободно прошли мимо окна и в кухню. Там варилась фасоль, грелся чай и было ведро воды.

Я говорю товарищу:

"Смотри кругом, пока я напьюсь воды и налью фляжку".

Потом он также напился.

Вернулись к Абдулаеву, дали ему воды наконец.

Стало смеркаться. На улице мотор слышен - или танк идет, или машина.

Смотрим, подошла немецкая самоходка и стала против нашего окна, - а гранат противотанковых у нас нет.

Я говорю пулеметчику:

"Я сейчас побегу за гранатами и возьму".

А самоходка подошла и начала стрелять вдоль по улице.

Я вернулся к воротам. Пулемет вдоль улицы бьет, и самоходка стреляет. Пройти нельзя. Кричу через улицу нашим:

"Дайте гранату!"

А они не слышат за грохотом.

Потом, как затихло между двумя выстрелами, я опять закричал:

"Киньте мне гранату!"

"Ну ладно, бросим, только, - кричат, - лови. Сначала один запал".

Завернули в бумажку и бросили мне запал. Два метра не докинули.

Я по-пластунски подполз, взял, потом отполз. Тогда они прямо в ворота кинули гранату уже без запала

Я поймал ее и бросился обратно по коридору в ту комнату, против которой стоит немецкая самоходка, вложил запал, дернул кольцо, кинул в переднюю гусеницу, а сам лег под окно.

Получился через три секунды взрыв. Я сразу поднялся. Два немца соскочили с пушки. Я выстрелил - одного убил, другой заполз за пушку. Пушка встала. Поставил пулеметчика наблюдать, а сам вернулся вниз, дал двум раненым воды. Потом выбежал через двор к воротам. Вдоль улицы бьет еще пулемет, но уже в темноте. Даст очередь и молчит. Все-таки легче.

С той стороны улицы, в парадном, наши сидят, но перейти ко мне нельзя. А у меня трое раненых, потому что пулеметчик тоже лег без сил-у него слишком много крови'из плеча вышло.

Тогда я вынес из комнаты, где были нары, три матраца на двор к воротам. И Абдулаева и другого раненого снес вниз и положил на матрацы. Пулеметчик, правда, сам пошел и лег.

Я с кухни взял веревки - там веревок много было - и ковшик, тяжелый, железный.

Пулеметчик меня спрашивает:

"Что ты делаечиь?"

Но я ничего не сказал, времени не было с ним разговаривать.

Взял нож, проткнул в двух местах матрац, где Абдулаев лежал, веревку продел - и на два узла, покрепче. Потом

к другому концу веревки ковшик привязал и к нашим в парадное через улицу кинул.

Они сначала испугались, думали - граната, а потом поняли, взяли ковшик и с ним конец веревки.

Я кричу им:

"Давай теперь быстрей тяни!"

А Абдулаеву говорю:

"Ты хоть зубами за матрац возьмись, если руки не держутся, а то свалишься, пропадешь среди улицы".

Они натянули веревку и в одну секунду перетащили матрац через улицу. Быстро, как на салазках.

Потом отвязали веревку и вместе с ковшиком мне обратно вернули.

Так я всех трех раненых переправил и остался один на весь дом, как хозяин. Когда совсем темно стало, мне через улицу подкрепление подошло, и мы пошли другой дом занимать...

А так на веревке через улицу переправу делать - это я не в первый раз. Мы так и раньше - и боеприпасы, и пищу в термосах переправляли...

На этом обрывается рассказ Ерещенко.

Остается сказать, как и где я встретил самого Ерещенко.

Было раннее утро. За ночь наши и югославские части, очистив район вокзала, наконец, прорвались через реку Саву, и бой шел на той стороне, в Земуне, в последнем, еще не взятом предместье Белграда.

Несмотря на ранний час, разбитые, почерневшие и кое-где еще дымившиеся улицы Белграда были полны народом.

Люди шли по тротуарам и мостовым, наступая на хрустящие осколки стекол, шагая через сорванные провода.

И все-таки город имел праздничный вид: такое количество красно-бело-синих - югославских и красных - наших флагов свешивалось со всех крыш, окон и балконов.

Мое внимание привлекла картина, неожиданная в своем сочетании печального и смешного.

По мостовой медленно двигалась телега. Она была доверху нагружена разнообразным домашним скарбом, покрытым пылью и обсыпанным известкой.

На передке телеги, рядом с равнодушным хмурым возчиком, неловко скорчившись, сидел седой генерал в форме старой югославской армии, в высокой круглой генеральской шапке французского образца.

Все это было такое же выцветшее и пыльное, как вещи, громоздившиеся позади генерала на телеге, - и потертая шапка, и мундир с поперечными складками, видимо, только что вынутый из нафталина, и увядшие позументы на штанах.

Куда он ехал, почему ехал с вещами и на телеге - я не знал. Но одно было ясно при взгляде на этого человека: все эти годы он наверняка сидел в своем углу, равнодушный ко всему, кроме сохранения собственной жизни.

И сейчас он так же равнодушно ехал по освобожденному Белграду со своими вещами, по каким-то своим делам.

Все встречные тоже платили ему равнодушием, окидывая его короткими, то презрительными, то насмешливо-сочувственными взглядами, и шли дальше.

Он не существовал для них. Только какой-то партизан, столкнувшись с телегой, вдруг откозырял генералу. Тот неловко и поспешно ответил на приветствие и зябким движением надвинул на уши шапку, еще больше, словно от холода, съежившись на передке.

В эту самую минуту я и увидел шедшего по тротуару старшину. Он шел, сильно прихрамывая на раненую ногу. На нем была выгоревшая добела гимнастерка с двумя орденами, разбитые кирзовые сапоги и засаленная, выслужившая срок пилотка, из-под которой белели бинты.

Рядом с ним шли двое влюбленно смотревших на него партизан.

Встречные снимали перед ним шапки, хлопали его по плечу, что-то радостно по-своему говорили ему и, долго не выпуская, трясли ему руку.

У старшины было красивое, еще совсем молодое лицо. Он шел смущенный и в то же время гордый вниманием к себе, скромно улыбаясь людям. Вскоре он поравнялся с телегой, везшей генерала, и, не оглянувшись, обогнал ее своей широкой прихрамывающей походкой.

18 декабря 1944 ***года***

1945

Она была в линялой гимнастерке, И ноги были до крови натерты. Она пришла и постучалась в дом. Открыла мать. Был стол накрыт к обеду. "Твой сын служил со мной в полку одном. И я пришла. Меня зовут Победа".

Илья Эренбург

ПРИВЕТ 1945-му -ГОДУ ПОБЕДЫ!

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ

Минул великолепный грозовой 1944 год, ознаменованный десятью разящими ударами Красной Армии - от Северного Ледовитого океана до берегов голубого Дуная - и встречным смелым, грандиозным броском англо-американских и французских войск от Ла-Манша до Рейна.

1944-й начался незабываемым ударом Ленинграда. Девятьсот дней блокады перенес этот город - и силы, поистине львиные, не убавились. И город доказал это, раздробив, размолов в щебень и пыль так называемое "стальное кольцо" немцев. Поход на Ленинград обошелся Гитлеру в один миллион солдат и офицеров. Кровавые неудачи заставили Гитлера снимать командующих группы "Норд" одного за другим.

Славно разделался город Ленина с немцами, протянувшими руку к алому знамени на Смольном, славно!..

Был 1944 год свидетелем славных, победных битв на Украине - и будто по сей день слышится за Днепром, понад Бугом и на Днестре хруст костей сотен тысяч немцев, попавших в русскую мертвую хватку, по-немецки обозначаемую термином "котел".

Видел ушедший 1944-й освобождение Крыма и многострадального и знаменитого Севастополя.

Видел 1944-й и новые подвиги Ленинграда: прорыв четырех сильных линий на подступах к Выборгу и бросок через быструю Нарву - в глубь Прибалтики - до самого Рижского

взморья. Первыми победно прошумели в 1944-м у опустелой **розенберговской резиденции ленинградские** танки.

По всему миру в 1944-м пронеслись вести о грандиозных прорывах и окружениях, свершенных Красной Армией в Белоруссии и Бессарабии. Одних немецких дивизий погребено в этих окружениях более пятидесяти.

Родине возвращены необозримые и ценные территории, где люди приобщаются к общенародному вдохновенному труду во имя победы над фашизмом. На этой земле не должно быть фашистских людоедов и поработителей - и не будет.

О, как трудится наш народ во имя своих великих и светлых целей! Он, как мать, выносил под сердцем победу, которая родится завтра. Он уберег это дорогое дитя в стуже заиндевелого и до беспамятства голодного Ленинграда; он пронес его сквозь холод, муки и огонь великой Московской битвы; он спас это дитя в последних дзотах Сталинграда, у самого обрыва над Волгой... Мы верили в победу, хотя бы были в окружении, хотя бы истекали кровью, хотя бы ночь была так черна, будто все звезды пропали в знак сочувствия и траура по горю России... Но она не сгибалась, наша советская родина, - она выпрямлялась во весь свой исполинский рост - и мир увидел ее в 1944-м шагающей через Карпаты... Альпы уже слышат походный шаг сынов нашей страны - и 1945-й увидит наследников Суворова там, где когда-то проходили его чудо-богатыри.

Ничего не убоялся советский человек. Он был в вечном бою и в вечной работе. Он нес в своей светлой душе, - как бы враг подло и гадко ни уродовал нашу землю, наши города и наши села, - чувство жизни, всегда торжествующей. .. Не черепа "СС", не смрад крематориев гестапо, а возрожденная прекрасная жизнь под синим небом 1944-го - вот что побеждает и победит!

Государство наше полно неисчерпаемых молодых сил, полно неисчислимой энергии. Мы ведем войну, несем на себе всю ее тяжесть **уже** четвертый год. Кто-то ждал, кому-то казалось: советская кривая пойдет вниз. Нет и снова нет!

Так было в прошлом... К концу 1916 года, когда был призван тринадцатый миллион мужчин, начался паралич хозяйственного организма страны. Россия зашаталась. ..

Великий народ наш падать не захотел. Он стряхнул с себя паразитов, порвал путы и пошел смело, семимильными шагами.

Россия шагать умеет!..

И пусть сегодня, в первый день 1945 года, в памяти нашей в ответ на слова вождя - "водрузить над Берлином знамя победы" - вспыхнут славные дела отцов, дедов и прадедов.

Русская армия брала Берлин в Семилетнюю войну. Русская армия начала операцию против Берлина 26 сентября 1760 года. Двинутые силы включали в авангарде 5 казачьих, 3 гусарских, 2 гренадерских полка, 4 гренадерских батальона и 15 орудий. Главные силы включали 7 полков пехоты.

Штурм был назначен на 9 октября... Нервы немцев не выдержали, и в ночь на 9-е берлинский гарнизон начал отступление. Русские мгновенно начали бомбардировку и в 5 часов утра первые русские эскадроны ворвались уже на Королевскую площадь. Дивизия Панина с хода атаковала немецкие колонны, отступавшие к Шпандау, и в жестокой короткой схватке весь немецкий арьергард был разгромлен: 2 000 немцев было убито, 1 000 взята в плен. Захвачен был весь немецкий обоз, орудия и множество лошадей.

Берлин был взят. Захваченный гарнизон по документу о сдаче признавался военнопленным. Город платил 1 500 000 золотых талеров контрибуции. Оружейные, литейные и пушечные заводы Берлина и Шпандау были взорваны.

Известие о взятии Берлина вызвало в России огромное ликование. Ключи от германской столицы были доставлены в Санкт-Петербург и сданы на вечное хранение в Казанский собор. Ключи эти, кстати, по сей день хранит у себя Ленинград. ..

Будем же помнить об этом историческом примере. Родина указывает нам цель в Великой Отечественной войне: водрузить над Берлином знамя победы.

Новый 1945 год да будет свидетелем того, как приказ этот осуществит народ наш и его Красная Армия.

7 января 1945 года

**Войска 1-го Украинского фронта
в результате умелого обходного маневра
в сочетании с атакой с фронта
19 января штурмом овладели древней столицей
и одним из важнейших культурно-политических
центров союзной нам Польши городом
Краков - мощным узлом обороны немцев,
прикрывающим подступы к Домбровскому
угольному району...**

**Из оперативной сводки Совинформбюро
19 января 1945 г.**

В КРАКОВЕ

Борис ПОЛЕВОЙ

Внизу серебристая, слегка припорошенная снегом земля. И первое, что бросается в глаза, когда поднимаешься на самолете, - это пыль над дорогами, настоящая бурая пыль, которая пышным хвостом вьется за машинами и высоким облаком стоит над колоннами танков, пушек, броневиков, непрерывными лентами тянущихся по дорогам наступления на запад, север, юг.

Пролетаем над чертой наших недавних укреплений - знаменитого отныне Завислянского плацдарма - и перед нами открывается картина, которая настолько поражает даже опытный глаз, что летчик не может удержаться, чтобы на миг не выключить мотор и не крикнуть восхищенно в неожиданно наступившей тишине:

- Видали работку?

Работа, действительно, первоклассная. На припудренной снегом равнине четко видны бесконечные зигзаги немецких укреплений, и все это поле, до самого далеко видного в прозрачном морозном воздухе горизонта, густо покрыто темными рябинами разрывов. Окидывая вот так, с самолета, район прорыва, можно с уверенностью сказать, что на всей этой огромной площади не было местечка, над которым не просвистело бы несколько смертоносных осколков. Но дальше, за этой зоной горячей схватки, все цело. Жителям края повезло. Красная Армия наступала с такой стремительностью, что немцы, откатываясь, не успевали разрушить и разграбить города и села.

Мелькают голые, обдутые ветром холмы, а между ними - бесконечная россыпь хуторов и хуторков, маленьких деревянных костелов. На скованных морозом и пыльных дорогах - бесконечные потоки наших войск, растянувшиеся на десятки километров.

Местность становится все более и более всхолмленной, потом открываются седые извилины не замерзшей еще Вислы, на горизонте показываются легкие, как облако, очертания далеких пологих гор. И вот перед нами облитые солнцем, затянутые серой дымкой пожара башни и шпили великолепного огромного города, широко раскинувшегося по обе стороны реки.

Древний замок Вавель, высоко вознесенный крутым обрывистым берегом Вислы и точно парящий над ней со своими зубчатыми стенами, своими массивными башнями, стрельчатым ажуром своих костелов, стоит видением далекого прошлого среди вполне современного, отлично распланированного города.

Покружившись над Краковом, летчик посадил свой неприхотливый самолет прямо на поле городского ипподрома. Мы в Кракове, в этой колыбели польской государственности, в древнем польском городе, который немцы с наглым тупоумием объявляли исконным немецким городом.

На ипподроме, где мы сели, недавно стояла на отдыхе какая-то немецкая часть. В красивом гимнастическом зале под трибунами немецкие господа офицеры держали своих коней. Офицеры бежали в пешем строю, позабыв о своих конях. Берейтор Казимир Буталовский с готовностью закладывает одного из коней в беговую двуколку и в этом несколько странном экипаже он везет меня осматривать город, вырванный Красной Армией из лап немецких захватчиков и возвращенный польскому народу.

По пустынной Университетской улице, по которой холодный ветер гоняет бумаги, растерянные каким-то бежавшим немецким учреждением, мы направляемся к центру. Широкие улицы полны шумной, ликующей толпой. Над городом плывет густой торжественный звон. И вся эта пестрая

краковская толпа, в которой можно увидеть и железнодорожника, с головы до ног украшенного блестящими пуговицами, и старика в котелке и штанах гольф, и бледных девушек с заплатанными локтями и высокой прической, и монаха-капуцина в желтой перевязанной веревкой сутане, и даму с древним пенсне на шнурочке, и худых, оборванных рабочих с бледными, но радостными лицами. Вся эта масса людей, высыпавшая на тротуары, радостно шумит, ликует, рукоплещет двигающейся по улицам батарее сверхтяжелых орудий, кричит "привет!" проезжающему на машине генералу, машет шляпами, котелками, платками.

- Такого праздника, как сегодня, у нас еще не было, - говорит мой возница, искусно направляя наш экипаж среди бесконечного потока идущей через город советской техники и ликующей толпы.

По широкому кольцу бульваров подъезжаем мы к древним стенам Вавеля. На самом высоком его шпиле какой-то смельчак укрепил два флага - наш, советский, красный, в честь героев - освободителей Кракова, и польский, красно-белый, впервые взреявший над этим городом за шесть последних лет. Эти два флага полощутся высоко в голубом холодном небе, как символ тесного союза и дружбы советского и польского народов.

Через тяжелые сводчатые ворота въезжаем во двор крепости. Здесь, где веками польский народ хранил свои национальные реликвии и святыни, была резиденция одного из самых кровавых гитлеровских сатрапов - Франка и его заместителя, так называемого "доктора" Зейс-Инкварта, этих кровавых палачей, на счету которых миллионы загубленных жизней.

По гулким сводчатым коридорам, пахнущим вековой плесенью, по мрачной череде покоев со стенами двухметровой толщины обходим мы замок. Все здесь носит следы поспешного бегства, Перед подъездом жилища генерал-губернатора - растерзанные корзины и тючки. Лестницы и переходы усыпаны бумагами, камины полны бумажного пепла. Воры и убийцы перед побегом старались ликвидировать улики и замести следы преступлений. В кабинете Франка все перевернуто, вырваны ящики стола, на окне валяется форменная фашистская куртка с какой-то бляхой в петлице.

Удирая, Зейс-Инкварт и его сообщники по кровавой шайке приказали взорвать святыню польского народа и ценнейший памятник архитектуры. Были заминированы и дворец, и старинный собор, и усыпальница королей польских, и башни, свидетели многих столетий. Но грохот советской артиллерии под стенами города захватил палачей врасплох. У них не хватило времени зажечь запалы фугасов. Красная Армия вернула польскому народу ценнейший памятник его национальной культуры.

Из Вавеля едем в центр города. На улицах стало еще людней. Теперь на тротуары высыпали и стар и мал - женщины с грудными младенцами, древние старики, опирающиеся на палки. Толпа срывает бланки с немецкими названиями улиц, разбивает немецкие вывески на большой площади, которую немцы назвали площадью Адольфа Гитлера. Шесть лет этот прекрасный польский город должен был терпеть эмалевые дощечки с надписями "только для немцев" и "полякам запрещено"; они висели на дверях магазинов, на колоннах театра, у входа в кафе и бары, на калитке общественного сада, даже на дверях уличной уборной. И вот сейчас жители освобожденного города, срывая со стен остатки немецких плакатов и приказов, стремятся поскорей изжить память об оскорбительных годах немецкого господства, выкурить дух пребывания немцев.

Я видел, как на окраине на стене небольшого каменного домика встал на табуретку какой-то старец в золотом пенсне, с виду учитель или врач, и писал разведенной синькой, путая русские и польские буквы: "Да здравствуют братья-освободители! Привет великой армии российской!" И сколько таких надписей на стенах домов, на тротуарах, на заборах, - надписей простых и искренних, появилось сейчас в Кракове!

В заключение отыскиваем на Почтовой улице редакцию фашистского листка - отвратительной газетенки, которую поляки называли не иначе как гадиной. Сотрудники гадины удрали столь же стремительно, как и их начальство из Вавеля. На столе - оттиск номера, который должен был выйти 16 января. Через всю первую полосу заголовок: "Спокойствие! Советские армии остановлены" и статья под заглавием "Большевикам не быть в Кракове". Этот номер.

помеченный 16 января, так и не увидел света по не зависящим от редакции причинам.

Мы уже в Кракове, не за горами тот день, когда будем и в Берлине.

22 января 1945 года

**Войска 1-го Белорусского фронта,
перейдя в наступление 14 января
на двух плацдармах на западном берегу
реки Вислы южнее Варшавы, при поддержке
массированных ударов артиллерии, несмотря
на плохие условия погоды, исключившие возможность
использования авиации, прорвали сильную,
глубоко эшелонированную оборону противника.
За три дня наступательных боев
войска фронта, наступавшие
на двух плацдармах, соединились
и продвинулись вперед до 60 километров,
расширив прорыв до 120 километров
по фронту.**

Из оперативной сводки Совинформбюро
16 января 1945 г.

СИЛА НАСТУПЛЕНИЯ

Василий ГРОССМАН

1 .

Наступление, начатое утром 14 января с плацдарма на Висле, южнее Варшавы, - одно из крупнейших наступлений Красной Армии за все время войны. Сила, собранная нашим Верховным Командованием на клочке земли, на западном берегу Вислы, была подобна могучей чудесной пружине -быстрый удар ее на глубину в 570 километров оказался смертелен для немецких войск. На плацдарме перед наступлением собралось столь большое количество войск и техники, что там буквально стало трудно ходить и ездить: из-за каждого древесного ствола выглядывал стальной ствол орудия. Командиры батарей ссорились между собой из-за места, словно хлопотливые хозяйки в тесной общей кухне. Иногда казалось: вот прибрежная земля осядет под тяжестью тысяч орудийных стволов, складов боеприпасов, тяжелых танков, самоходных пушек, гвардейских минометов, военной техники и вооружения всех видов. Здесь, точно в огромном арсенале, наш великий рабочий народ собрал оружие, откованное им в дымных и жарких кузницах Урала, на огромных военных заводах, гремящих день и ночь по всему простору Советского Союза. Здесь сконцентрировался весь технический и военный опыт наших передовых людей. Здесь сжалась пружиной наша воля к победе, наша воля вернуться к мирной жизни. Здесь, на этом клочке земли, была собрана вся сила советского солдата - его грамотность, его техническое умение, его государственный и политический разум - все, что дала ему пролетарская революция. Этот плацдарм в миниатюре вобрал в себя все особенности и черты нашего народа и нашей армии, стал выразителем нашей силы.

Немцы ожидали наступления с плацдарма, они догадывались примерно и о сроке и о направлении предполагаемого удара. Их нельзя обвинить в беспечности. Они обложили этот плацдарм тремя линиями укреплений, и каждая из этих трех линий состояла из трех траншей, отлично оборудованных, соединенных между собой ходами сообщений. Они усилили свои укрепления таким количеством артиллерии, минометов, двенадцатиствольных и шестиствольных "скрипух", какое редко концентрировали в одном месте на протяжении войны. Они готовили свои войска к этой борьбе, вколачивая в солдатские головы мысль о том, что удар советских армий будет силен и жесток, требовали от каждого солдата полного напряжения сил.

Словом, с точки зрения фашистской армии, немецкие генералы и полковники, коим Гитлер поручил этот участок фронта, поступили вполне обдуманно, сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать нашему успеху, парализовать грозившую им опасность. Как боящиеся наводнения

возводят мощную дамбу у берега гневной и сильной реки, так они отделили себя от советской силы девятью траншеями, насыпями, рвами. Как боящиеся извержения лавы стараются предугадать путь ее движения и задержать его, так немцы заранее строили мощные рубежи на предполагаемом пути нашего наступления.

И вот пришел день удара - январское утро, тонущее в белом тумане. Стальная пружина разжалась! Белый густой туман не прикрыл немецкую оборону. Удары артиллерии со снайперской точностью пришлись по намеченным целям. Вся оборона противника, все главные узлы ее были изучены не только в своих пространственных координатах, но и во времени. Дело в том, что немецкое командование заставляло в определенные часы суток путешествовать свою пехоту из передних линий траншей во вторые линии, а затем на ночь вновь переводило пехоту в передние траншеи. Артиллерия обрушилась на противника незадолго до начала утреннего перемещения; такого рода удар был наиболее эффективен.

Немецкая пехота очутилась на первой линии своих траншей, точно на наковальне. По этой наковальне со всей яростью и мощью ударил тяжкий молот нашей артиллерии. Следом за огненным валом на штурм пошла советская пехота.

В этом неукротимом, стремительном движении людьми руководили не только смелость, воинское умение, опыт, но и законная жажда завершить победой навязанную нам войну, ускорить день возвращения на родину, вернуть миру мир.

К исходу второго дня, после тридцатичасового жесточайшего боя, все три многотраншейные линии обороны противника были прорваны, его мощная артиллерия изуродована и подавлена. Вечером, в сгущавшемся мраке, в кровавую брешь, прорубленную пехотой, пошли танки.

Этот миг, когда земля и небо дрожат от угрюмого гула моторов, когда все звуки гаснут и тонут, подавленные потрясающим скрежетом и лязгом сотен боевых машин, миг, когда война пехоты и артиллерии точно обретает крылья и стремительно выносится на просторы немецких тылов, бесспорно самый торжественный и радостный в сражении.

В точном определении момента ввода в прорыв танковых масс развития успеха у наших военачальников сказываются и знание, и опыт, и сила разума, проникающего в самую суть событий и явлений.

Танковые бригады, светя сотнями ярких фар, двумя бесконечными, в десятки километров длины, колоннами, ушли во мрак наводить ужас на спящие в тылу немецкие гарнизоны, будить громом своих пушек немецких полковников и генералов, почивавших под перинами в глубоком тылу, косить пулеметными очередями потоки немецких грузовиков, прорываться через линии долговременной обороны, крушить дзоты, захватывать мосты и переправы, рассекать немецкие полки и батальоны, опрокидывать с ходу спешащие на выручку окруженным немцам танки всех видов и мастей, завладевать складами боеприпасов, рвать и резать кровеносную систему, нервную ткань, питательные органы фашистской армии и фашистского государства.

2.

Каждое новое наступление, каждый новый удар, нанесенный Красной Армией противнику, имеет много черт сходства с предшествующими наступательными операциями. Характер нового наступления в большой степени определяется опытом, мудростью предыдущих. Но каждое новое наступление имеет свои характерные черты, присущие только ему одному, черты, отличающие его, подчас очень резко, от предшествующих. Естественно, что особенно интересно отметить, выделить эти черты различия. Я, конечно, не могу в какой-то мере полно перечислить особенности нынешнего наступления, приведшего наши войска на подступы к Берлину. Предварительно можно говорить лишь о некоторых моментах, которые сразу бросаются в глаза человеку, имевшему возможность наблюдать и сравнивать.

Темп наступления от Вислы до Одера оказался выше, чем в известных нам доселе наступательных операциях отечественной войны. Мне запомнилось озабоченное лицо генерал-майора авиации, которого я встретил в начале наступления.

- Моя главная задача - не отстать от пехоты, - сказал он.

Последующие события показали: у генерала авиации были основания беспокоиться, чтобы самолеты и их наземные базы не отставали от движения пехотинцев,

Танкисты ни в одном наступлении не имели такого стремительного, всесокрушающего продвижения. Был день, когда танковая лавина прошла 120 километров. Темп движения стал высшим законом для наступающих войск, все подчинялось этому закону. Выигрыш часа, получаса, нескольких минут рассматривался как победа, как крупнейший вклад в дело успеха. Танкисты наводили переправы через реки со сказочной быстротой. Бывали случаи, когда переправу осуществляли без мостов: саперы взрывали лед, и танки шли по дну, поднимая своими стальными лбами груды льда. Лед с грохотом рушился, дробился, крошился, танки, как слоны, переплывшие реку, выходили на берег, и ледяная вода потоками стекала с них. Такая переправа давала выигрыш в два-три часа времени. Драгоценные часы! А танки вновь шли вперед, обсыхая на ветру.

Можно привести много примеров того, какой стремительности достигло продвижение наших танков. Один из руководителей немецкой авиационной промышленности, предварительно проконсультировавшись у военных властей в Берлине, выехал на автомобиле из фашистской столицы за вещами, оставшимися в городке близ восточного берега Одера. Его уверили, что путешествие это совершенно безопасно, что городок Ландсберг находится в глубоком тылу у немецких войск. Путешествие по отличной дороге заняло меньше трех часов. Лишь в одном месте путешественнику пришлось задержаться: через дорогу проходила большая колонна танков. Он с удовольствием наблюдал великолепные машины, пересекавшие шоссе. Один из танков остановился, несколько человек сошли с него. Это были советские танкисты.

Аналогичный случай произошел с немецким офицером, собравшимся поехать в Познань за сигаретами для своей части. Едва он отъехал несколько километров, как был остановлен нашими танкистами. Это прискорбное происшествие произошло в 120 километрах западней той самой Познани, в которую он ехал за сигаретами. Танкисты говорят, что они двигались на запад значительно быстрей тех немецких эшелонов с подкреплениями, которые под всеми парами шли от Берлина на восток.

Этот поистине молниеносный темп наступления рожден, конечно, не только одной лишь волей к победе. Она всегда была сильна в наших войсках! Молниеносный темп определился материальным богатством, невиданной технической оснащенностью, великолепным техническим полнокровием Красной Армии, характерным для нынешнего наступления. В этом наступлении, как никогда прежде, проявилось чувство материального и духовного превосходства, владевшее сознанием наших войск. Это чувство духовного и материального превосходства дало возможность нашим войскам всегда выделять главную, стержневую задачу, пренебрегая побочными препятствиями и трудностями. Это чувство духовного превосходства помогало танкистам безудержно двигаться вперед, не обращая внимания на крупные силы противника, остающиеся в нашем тылу, не обращая внимания на немецкие крепости и гарнизоны, продолжающие вести огонь, не отвлекаясь главными силами на борьбу с котлами и котелками, неподвижными и блуждающими, а внедряться все глубже, все ближе к главным жизненным артериям немецкой армии и немецко-фашистского государства. И, конечно, вскоре сказались результаты столь стремительного наступления. Котлы, оставшиеся в нашем тылу, выкипели до дна, крепости под ударами пехоты и артиллерии одна за другой пали, и огромная территория глубиной в 570 километров оказалась сегодня полностью очищенной от противника в сказочно короткий срок.

Интересно отметить еще одну характерную для нынешнего наступления черту. Главные операции наших танкистов происходили ночью. Стремительные марши, маневры, внезапные жестокие истребительные налеты по тыловым гарнизонам, смелые обходы крупных сил противника, уничтожающие удары по обороне, расположенной в глубине, - все это происходило большей частью в темные, туманные ночи, под низкими, тяжелыми тучами немецкого неба. Эти ночные операции танков оказались исключительно успешны. Танки несли ничтожные потери. Ночной мрак делал их почти неуязвимыми для вражеской артиллерии и для истребителей танков. Эффект же действия самих танков ночью оказывался еще большим, чем днем. Гром их пушек, разящие

пулеметные очереди, гул моторов и лязг гусениц а ночном мраке ошеломляли немцев, сковывали их волю к сопротивлению, вызывали в них смертельный ужас.

Эти ночные действия больших танковых масс родились не случайно. Они - закономерное порождение заключительного этапа войны, этапа, характеризуемого технической силой и чувством полного духовного и материального превосходства нашей армии над фашистской. Ведь эти ночные бои ведутся на вражеской территории, на ночных вражеских полях, на темных, узких улицах вражеских городов, среди паутины дорог, во мраке вражеских лесов.

Мы помним наступательные бои, которые вели немцы летом 1941 года на нашей земле, помним, какую неуверенность испытывали немцы ночью, всячески избегая не только стычек, но и самых незначительных передвижений после заката солнца. Мы не боимся ночного мрака на вражеской земле. Ночной мрак не спасает немцев, не укрывает их, не дает им отдыха после сражений при жестоком свете дня. Мы научились побеждать и днем и ночью.

У поверхностного и неумного человека может возникнуть мысль, что молниеносное наступление наших .войск стало возможным лишь потому, что немцы не оказывали ожесточенного сопротивления, не оборонялись на подготовленных рубежах, по "доброй воле" отошли за Одер. Мыслить так - это то же, что строить дом от крыши к фундаменту, или полагать, что сперва появляется яблоко, а из него растут ветви, листья, ствол и корни яблони. Прекрасный плод молниеносного успеха созрел, налился и был сорван нами после великих и тяжких трудов этой войны. Глубоко в землю ушли корни, высоко в небо поднялся мощный ствол великого дерева победы. Народ и Красная Армия потом и кровью взрастили плоды, которые мы пожинаем в эти дни. Ведь было время, когда Сталин, призывая к смертной борьбе с немецко-фашистскими войсками в октябрьскую годовщину 1941 года, сказал народу суровые слова о том, что у немцев в ту пору было больше танков и самолетов, чем у нас, что немецкая армия в ту пору была оснащенней нашей. Знал ли мир борьбу напряженней и тяжелей той, что вел советский народ за превосходство в вооружении и в промышленной мощи, за превосходство на полях сражений над фашистской Германией?

Нужно ли перечислять те великие и тяжкие битвы, в которых родилось наше превосходство над немецкой армией? Все мы помним их!

Нашу победу родила Октябрьская революция. Два с половиной десятилетия готовили победу миллионы мирных советских людей. Мы сумели осилить фашистскую Германию, измотать ее, нанести ей глубокие, смертельные раны, истощить ее, и мы победителями добиваем ее сегодня лишь потому, что больше четверти века в нашей стране рабочие и крестьяне были хозяевами жизни. Нашу победу ковал народ, ее ковали те десятки тысяч сельских учительниц, преподавателей рабфаков, вечерних рабочих школ, техникумов и вузов, учивших миллионы детей рабочих и крестьян, сегодняшних танкистов, шоферов, артиллеристов, минометчиков, стахановцев-мастеров, техников, инженеров, сегодняшних офицеров и генералов Красной Армии. Представим себе на минуту, что старая царская армия получила бы великую технику наших войск. Где бы нашлись - при сплошной неграмотности и малограмотности в старой России - миллионы людей, умеющих уверенно, властно и свободно управлять чудесными и сложными механизмами танков, зенитных пушек, штурмовых, истребительных, бомбардировочных самолетов? Свет просвещения был принесен в Россию революцией. Советские рабочие построили огромную промышленность, создали могучую технику для колхозных полей и полей оборонительных битв. Тысячи, десятки тысяч светлых голов, обреченных в дореволюционной России на прозябание в невежестве, познали радость творческого труда на нивах науки, вошли как хозяева в университеты, академии, стали управлять могучими заводами, железными дорогами.

И, может быть, только сейчас, стоя под стенами Берлина, оглядываясь назад, мы можем во всем масштабе оценить колоссальные силы, пробужденные революцией. Вызванные революцией к жизни силы творчества народов Советского Союза решают исход этой войны за свободу нашей земли, войны за судьбы мира. В действии этих сил надо искать решения больших и малых битв отечественной войны. И в действии этих сил объяснение особенностей последнего наступления на Берлинском направлении.

Ошеломляющая мощь удара на глубину в 570 километров, уничтожение армий противника, истребление его техники, проведенные в срок, немногим превышающий две недели, - все это следствие силы советского народа. Красной Армии, а не слабости немцев либо нежелания немцев оборонять свои решающие, последние рубежи. Неверно, что караси любят, когда их жарят в сметане. Еще меньше любят жариться на раскаленной сковороде фашистские щуки. И попали они на эту сковороду не потому, что они слабы, а потому, что мы сильнее их.

Укрепленный район, который является главным поясом обороны Берлина, далеко превосходит по мощи линию Маннергейма. Это железобетонный и стальной комбинат, с подземными железными дорогами, с подземными заводами, с подземными электростанциями, с бетонированными шахтами, уходящими на 30 - 50 метров в глубь земли. Это подземное царство бетона и стали может вместить в себя целую армию. На десятки километров тянется длинная цепь надолб и низких стальных куполов дотов, похожих **на** торчащие каски ушедших в землю сорокаметровых гигантов. Кажется, нет силы, могущей сдвинуть либо подавить эти вкопанные в землю сорокаметровые чудовища. И все же наши танки не только сумели обойти этот стальной пояс, но и прорвались непосредственно через него!

Мне пришлось долго беседовать с двумя танкистами, полковниками Бабаджаняном и Русаковским, осуществившими прорыв этой полосы стратегического прикрытия Берлина. Их рассказ о тактике действия танков объяснил мне "чудо" этого прорыва. В могучей стремительности, в беззаветной смелости экипажей, в гордой, спокойной уверенности в силе и правоте советского оружия, в боевых качествах великолепных машин, в мудром опыте войны разгадка этого победоносного прорыва. Немцы были смяты, дезорганизованы, ошеломлены. Немцы не сумели и не успели привести в действие свою артиллерию. Немцы почувствовали себя беззащитными за полутораметровыми стенами. Немцы не сумели закрыть узкий проход в обороне, по-видимому, оставленный для контратаки немецкими танками. И по этому проходу для несостоявшейся контратаки состоялась молниеносная, точная и смелая атака танков Русаковского.

Немцы не успели ахнуть, как танки Русаковского оказались западней знаменитой стратегической обороны - обороны, на строительство которой ушли долгие годы работы десятков тысяч рабочих, огромные количества бетона и стали. Немцы попытались отрезать передовые танки Русаковского, но в это время тяжелое грохотанье, лязг и гудение, потрясавшие небо и землю, оповестили их о подходе главных танковых сил соединения. То шел Бабаджанян.

Надо сказать, не только в рассказе о тактике танков мы нашли объяснение этого успеха. Мы познакомились с биографиями, характерами людей, осуществлявших прорыв. Их ясная простота, их трогательная дружба, их поистине прекрасная скромность, их трудолюбие, самоотверженность, выносливость, их мудрая, трезвая рассудительность, соединенная с безумной смелостью, - все эти духовные черты сыновей советского народа - реальные элементы нашей боевой мощи.

Войска фронта прошли от Вислы до Одера.

Немецкая 9-я армия, оборонявшая Вислу, перестала существовать. В третий раз уничтожили эту пресловутую армию войска 1-го Белорусского фронта. Летом 1943 года она была разгромлена на Курско-Орловском направлении. Летом 1944 года ее захлестнуло петлей окружения на Березине. Зимой 1945 года она была рассечена, раздроблена на Висле, и наши танковые соединения прошли сквозь нее, как нож проходит через кусок воска. В четвертый раз немецкое командование собрало свои резервы, на этот раз, по-видимому, последние, спешно перебросило горноегерский корпус из Югославии, выдвинуло запасный берлинский армейский корпус.и вновь созданному соединению, в четвертый раз, по-видимому, в последний, присвоило название - 9-я армия.

В четвертый раз назначен новый командующий этой армией - по-видимому, это будет последний ее командующий, барон фон Люттвиц.

Мы помним ее злополучных командующих - Моделя, фон Бока, Фромана. Фон Люттвиц торжественно объявил по армии, чуо его девизом является:

"Всегда впереди своих войск. Я руковожу только тогда, когда нахожусь впереди".

Девиз хорош, но беда для немцев в том, что армии их стремительно движутся не на восток, а на запад, и, по-видимому, Люттвиц хотел предупредить своих офицеров и солдат, что он будет передовым в этом движении с востока на запад.

Есть все основания думать, что предстоящие бои будут последними боями этой войны. Мы стоим на Одере, на подступах к Берлину. Мощные оборонительные сооружения остались на восток от нас. Судя по старцам из берлинского фольксштурма, захваченным в плен, Гитлер мобилизовал без остатка все свои резервы. Судя по десяткам и сотням самолетов, захваченных на аэродромах без горючего, дела с бензином обстоят катастрофически плохо. Красную Армию отделяют от союзников всего лишь пятьсот с лишним километров. Взаимодействие армий, идущих на Германию с востока и запада, стало реальностью. Я видел, как высоко в небе разворачивались над Одером десятки "летающих крепостей", заходя на Берлин с востока. В деревнях и городах по берегу Одера слышен глухой, низкий гул, когда союзная авиация сбрасывает бомбовый груз на фашистскую столицу...

Да, по всему судя, это последние бои. Но эти бои не будут легкими боями. Немцы стянули и стягивают на восточный фронт свои главные силы. Они мобилизовали в пехоту моряков, летчиков, офицерские и юнкерские школы, отряды СС, отряды нацистов. Они перебрасывают одну за другой пехотные и танковые дивизии с западного фронта. Они стянут на восток все что могут из Норвегии и Италии. Наряду с унынием, охватившим широкие массы Германии, пробудилось последнее исступление нацистских кругов. Палаческая дисциплина Генриха Гиммлера, ставшего во главе армии на узловом участке фронта, заставит всех недовольных и отчаявшихся слепо подчиняться приказам гитлеровской ставки. Гитлер пойдет на любые, самые вероломные средства борьбы.

Эти бои будут нелегкими боями. Но есть ли человек в мире, сомневающийся в их исходе?

Эти последние, решительные бои принесут победу, мир и счастье советскому народу и народам всего мира!

1945 год

В течение 24 января в Восточной Пруссии южнее и юго-западнее города Инстербург наши войска с боем овладели городами Ангербург, **Видминнен, а также заняли более 250 населенных пунктов...**

Из оперативной сводки Совинформбюро 24 января **1945 г.**

24 января 1945 года

Илья ЭРЕНБУРГ

Трудно говорить о битве во время битвы. Будущий историк изучит освобождение Польши и сражение за Восточную Пруссию. Если нашим детям повезет, будущий Толстой покажет и душу молодого советского офицера, который сейчас умирает под зимними звездами. События разворачиваются настолько быстро, что от передовых частей отстают не только обозы, но и военные сводки. Московские зенитчики еще не знали такой страды: по пять салютов за день. Люди в тылу восторженно прислушиваются к названиям немецких городов, которые с трудом выговаривают русские дикторы, а люди на фронте, не задумываясь над названиями, преодолевая усталость, идут вперед с той стремительностью, которая присуща человеку, когда после долгого путешествия он подходит к дому. Это может показаться парадоксальным, но для каждого бойца "Берлин" звучит как "домой".

Когда летом Красная Армия нанесла немцам тяжелое поражение в Белоруссии, некоторые американские обозреватели объясняли победу русских слабостью немцев. Вряд ли эти обозреватели после арденнского интермеццо вернутся к старым мелодиям. Но что-нибудь они придумают. Прежде чем сказать о характере нашего нового наступления, я должен остановиться на характере наших старых недоброжелателей. Говорят, что американцы - реалисты. Читая статьи в некоторых американских газетах о Красной Армии, я начинаю в этом сомневаться. Забыли ли американские читатели, что мы - это "колосс на глиняных ногах"? Если не забыли, пусть спросят своих обозревателей, почему "тигры" бессильны перед глиной и как на глиняных ногах Россия

дошагала от Волги до Одера. Вполне вероятно, что американские читатели помнят также о том, что Москва должна была пасть осенью 1941 года. Как случилось, что обозреватели, писавшие о неизбежном падении Москвы, не переменив даже для приличия своих подписей, стали писать о неизбежном падении Берлина. Почему, говоря о победе русских в Белоруссии, обозреватели уверяли, что германская армия разложилась, а говоря о ничтожном продвижении немцев *в* Бельгии, те же обозреватели уверяли, что германская армия весьма боеспособна? Почему, когда союзники в течение трех лет готовились к высадке в Европе, обозреватели объясняли это исключительно военными обстоятельствами, а когда Красная Армия, после трех с половиной лет ожесточенных боев, в течение трех месяцев готовилась к прорыву мощной германской обороны, это было, по словам обозревателей, "политикой"? Почему обозреватели, уверявшие в 1939 году, что мы якобы хотим завоевать мир, в 1944 году стали уверять, что мы из-за злостных побуждений не перейдем нашей государственной границы? Почему они обижаются, когда мы идем, обижаются, когда мы останавливаемся, и обижаются, когда мы снова идем? Можно подумать, что Красная Армия занята не разгромом Германии, а оскорблением некоторых американских обозревателей. На самом деле Красную Армию это мало интересует. Никакие статьи не помогут нам взять Кенигсберг на день раньше, чем мы сможем его взять, и не помешают нам прийти в Берлин именно тогда, когда мы туда придем. Если я остановился на американских обозревателях, то в интересах американских читателей: чтобы понять вздорность многих рассуждений о Красной Армии, не нужно нового Толстого, достаточно крупицы здравого смысла.

Немцы уверяют, что мы продвигаемся только благодаря численному превосходству. Это неправда. Мы превосходим теперь противника и в боевых качествах наших солдат, и в умении командования, и в технике. Мы теперь воюем лучше немцев, и, если взять одну нашу дивизию против одной немецкой, мы побьем немцев. А так как у нас против одной немецкой дивизии во многих местах две, то мы их бьем на редкость быстро.

Всем известно, какую роль сыграла и продолжает играть в этом наступлении наша артиллерия. О качествах русских артиллеристов написано немало. Я хочу только еще раз подчеркнуть наше трезвое понимание войны. Немцы надеются на психологические эффекты, на театральные номера, они блефуют. Что такое различные "фау", как не отчаянная попытка психологической атаки? Мы не хотим ошеломить берлинских хозяек, мы предпочитаем уничтожить захватчиков. Энергию[7], силу, выдумку мы положили на создание мощной артиллерии, новых превосходных танков, добротной авиации. В небе мы тоже не жаждем эффектов, наши скромные штурмовики удивительно хороши при наступлении. У немцев была сильна оборона. Они знали, что наше наступление неминуемо, и если на том или ином участке мы обманули их бдительность, то все же германское командование сделало все, чтобы нас не пропустить. Однако мы прошли.

Некоторые американцы интересуются "степенью разложения" немецкой армии. Праздное занятие. Можно устраивать в Америке анкеты института общественного мнения: что делать с Гитлером или кто более верные жены -брюнетки или блондинки? Чтобы ответить даже на самый глупый вопрос, нужно подумать. А немецкие солдаты не думают. Они единодушно восклицают: "Хайль Гитлер!" -и столь же единодушно, попав в плен, кричат: "Гитлер капут!" Куда полезнее штурмовать немецкие города, чем иллюзорную немецкую душу. Германская армия, разумеется, не та, что в 1942 году. Мы видим среди пленных пожилых немцев и подростков. Но немцы отчаянно защищаются. Нужно их добить.

Я надеюсь, что американцы с присущей им любознательностью начнут изучать нашу страну. Пора оставить разговоры о том, что русские только потому побеждают, что русский солдат всегда бывал храбрым. Мы сейчас заняли в Восточной Пруссии места, где царская армия потерпела поражение. Прежде уверяли, будто русские умеют сражаться только на своей земле. Может быть, это и было верно по отношению к солдатам царской России. Теперь мы превосходно воюем за тридевять земель от родных лесов, в Карпатах, в городах Силезии, в Восточной Пруссии. Красная Армия не только хорошо оснащена, это современная армия, обогащенная опытом, с инициативой команди-

ров и бойцов, с разумной дисциплиной, которая равно ее предохраняет от рыхлости и от фашистского механического кретинизма. Наши генералы стали большими полководцами, сохранив демократичность и органическую связь с народом. Американский читатель спросит: "Почему вы расхваливаете себя?" Разумеется, у нас много недостатков, и мы их стараемся исправить. Если я говорю о достоинствах Красной Армии американским друзьям, то только из любви к ним: я хочу, чтобы они поняли законность наших побед. Чем раньше американцы усвоят, что мы сильная и вполне современная страна, что наши победы не случайные выигрыши, а плоды дерзаний и трудов, тем лучше будет и для нас, и для Америки, и для мирз.

Бесспорно, у немцев еще имеются сильные оборонительные линии. Есть у них и резервы. Так что сидя в Нью-Йорке, незачем считать, сколько миль осталось пройти русским до Берлина: это не прогулка. Однако можно сказать, что наступление развивается достаточно хорошо. Я не знаю, что сейчас делает гаулейтер Восточной Пруссии, бывший наместник Украины Эрих Кох, но думаю, что его треплет сквозняк от Черняховского и Рокоссовского. Вторжение танков и пехоты в немецкую Силезию, может быть, еще более волнует Гитлера. Здесь Германия поражена в ее чувствительнейшем месте: это не конечности, а внутренности. Я приберег под конец направление Жукова, его танкистов и кавалерию. Может быть, это направление и менее тревожит немок, поскольку войска Жукова еще не вторглись в Германию, но оно должно особенно тревожить немецких генералов.

Четвертый год войны - это именно четвертый год, и я со всей прямотой писал в одной из последних статей, что нацисты нам осточертели. Именно поэтому наши бойцы сейчас настроены хорошо: усталость придает им энергию. Я видел офицеров, которые накануне наступления молили выписать их'из госпиталя. Американцы должны понять, что война для нас не спортивное состязание, мы очень много горя пережили от фашистов и не можем относиться к ним, как Дороти Томпсон. Мы идем на Берлин с твердой решимостью покарать злодеев. Будь то в Силезии, или в Восточной Пруссии, или в Чехословакии - повсюду нас гонит на запад оскорбленная совесть. И это позволяет артиллеристам с боем проходить в день двадцать миль. Гитлер перебрасывает войска с запада. Это необходимо учесть. Гитлер объявил своим войскам: "Вы должны драться только на востоке, на западе наступления не будет - мы его сорвали". Это тоже необходимо учесть. Конечно, не мое дело обсуждать вопросы, которые должны обсуждать руководители союзных армий. Но так как я пишу это для американской газеты, а в американских газетах обсуждают военные вопросы такие же непосвященные, как я, то я хочу высказать мое простое мнение: если удар с запада дополнит удар с востока, война может кончиться куда раньше, чем это намечают различные почтенные комиссии. А я думаю, что американские женщины и мужчины ничего не будут иметь против этого.

В течение 4 февраля севернее и северо-западнее Кенигсберга наши войска вели бои по очищению от противника Земландского полуострова и овладели при этом городом и железнодорожной станцией Гранц, а также заняли более 30 других населенных пунктов...

Из оперативной сводки Совинформбюро
4 февраля **1945 г.**

ГЛУБИНА ФРОНТА

Евгений КРИГЕР

Через несколько часов после тяжелого боя, когда танкисты и пехотинцы передохнули от многодневных атак, один боец постучал кулаком в броню танка и закричал:

- Подымайся, народ! Поедем дальше!

Он сказал это очень просто, **понимая,** что надо поторапливаться. Но и сам улыбнулся своим словам, и особенно слову "поедем". Оно рассмешило всех, кто стоял, сидел или лежал рядом, отдыхая от непрерывного и трудного

движения последних дней. Дремавшие проснулись, удивляясь спросонья общему веселью. Тишина схлынула. Люди зашевелились, смех пошел гулять по всем закоулкам, хотя причина его еще не каждому была ясна, и многие смеялись просто оттого, что рядом кто-то очень громко и _заразительно хохочет.

- Так ты говоришь, ехать? - спросил один из танкистов пехотинца, стучавшего кулаком по броне. - Ты посмотри, кому ты говоришь! Это же не вол и не лошадь, милый ты человек. Это же танк - двигатель внутреннего сгорания, главный механизм наступления!..

Всем ужасно понравился прыткий пехотинец, и уже многие на все лады повторяли его слова, обращаясь к танкистам. Люди оживились, забыли об усталости, о пяти или шести днях долгого боя в глубине Восточной Пруссии, о бесконечных линиях обороны, которые они прогрызали. Простодушное слово "поедем" потому и развеселило всех, и в первую очередь танкистов, что под "ездой" пехотинец подразумевал не простое движение, а наступление, и спрашивал он, когда же танки снова поведут за собой пехоту. В том, как просто и весело боец выразил свое нетерпение, и в том, как охотно его товарищи, еще недавно придавленные к земле тяжелой усталостью, присоединились к нему и стали с хохотом донимать танкистов, - во всем этом сказалось общее для всей нашей армии в эти дни бодрое и счастливое чувство победы.

Война стала не легче, а тяжелее оттого, что мы перешли на землю врага. Не только Кенигсберг, вся Восточная Пруссия - это крепость, замаскированная на картах господскими дворами и фольварками. Ее приходится брать метр за метром, камень за камнем. Но войска не думают об усталости и тянутся к бою. Те же танкисты, потешавшиеся над молодым пареньком, торопившим "ехать", знали, что значит такая "езда". Танкисты начинали бой в Пруссии не так, как бывает, когда их вводят в уже пробитые щели в полосе вражеской обороны. Границы Восточной Пруссии они прогрызли вместе с артиллерией и пехотой -траншею за траншеей, в дьявольском лабиринте укреплений, дотов, врытых в землю стальных бастионов, связанных в одну систему губительного, смертоносного огня. Лабиринт смерти уходил далеко в глубь Пруссии и врастал в густую, как Млечный Путь, толщу прусских каменных дворов и поместий, способных выдержать удары артиллерийских снарядов.

Немцы справедливо считали Восточную Пруссию районом сплошной, ничем не пробиваемой обороны. И разае могли они предполагать, что на четвертом году самой изнурительной и небывало жестокой войны на них двинется здесь такая исполинская, не истраченная, а возросшая в испытаниях мощь, как Красная Армия 1945 года? Здесь на штурм сотнями тысяч снарядов наступала ненависть Урала. Здесь Волга шла на великое мщение. Здесь народ наш рушил германскую оборону оружием, какого у немцев не было и не будет, широкой, смелой мыслью своих полководцев, неутомимой яростью своих солдат, организационным опытом всей страны, бросавшей в Пруссию через огромные пространства России сотни и тысячи поездов с орудиями, танками, снарядами, самолетами, бомбами, от которых трещал прусский лабиринт смерти.

И там же, под Кенигсбергом, поднимается с мокрой земли сморенный солдатским сном пехотинец и стучит в броню танка, и торопит: "Поедем дальше, танкисты!"

Русский человек не любит пышных слов перед боем. Он сдобрит свою речь шуткой, но он знает, что означает такая "езда". Он видел танк Митрофана Варибока после одной из многих атак на этой земле.

Старший лейтенант Варибок вел свой танк на немецкую батарею, преграждавшую путь нашей пехоте. Танк его был подожжен снарядом. Экипаж задыхался в дыму. Пламя рвалось внутрь кабины. Обожженные люди знали, что, может быть, с ними через две-три минуты будет покончено, но они видели - впереди батарея, которая бьет наших, которую нужно разбить, раздавить. Варибок продолжал вести танк вперед. Издали было видно, как из люка выскользнул один из танкистов. Стоя на мчавшемся танке, он сбивал пламя шинелью. Огонь приближался к запасным бакам с горючим. Как ангел мщения с огненными крыльями, танк Варибока летел к фольварку. Задыхавшиеся, полуслепые танкисты ворвались в каменное гнездо фольварка. Немцы еще метались у пушки, когда, перегрызая зубьями гусениц немецкую орудийную сталь, пылающий танк подминал под себя стволы орудий, кузова автомобилей, снарядные ящики

и тех, кто еще минуту назад стрелял в нашу штурмующую пехоту.

Когда черный, страшный, покрытый ржавой опалиной танк Варибока вырвался из вражеского гнезда, путь для пехоты был открыт. Еще били с соседних фольварков пулеметы, но ядро немецкой обороны на этом километре рухнуло. Такие же черные, как танк, люди Варибока вышли наружу. Одежда тлела на них. Судорожно глотая воздух и грязный от пепла снег, они сбивали пламя и сбили. Варибок пытался подать голосом команду. Но из горла, разъеденного горячим дымом, вырвался невнятный хрип.

Он не мог говорить. Он ткнул рукой вперед и стал забираться в люк. Танк Варибока, обожженный, закопченный, не остывший от пламени, остался в бою и влился в грохочущий вал наступления. Следом за танками шла пехота. Со свистом и шелестом проносились тысячи наших снарядов, и это был как бы шелест крыльев победы, летящей над войсками великого штурма

Немцы в Восточной Пруссии еще пытаются вырваться из кольца. Февральская ростепель нагнала воду на балтийский лед. У немцев нет выхода - только в контратаку. На смерть их гонят - они идут. Их офицеры до сих пор не могут поверить в реальность грандиозного по размаху и смелости маневра Красной Армии, одним рывком вышедшей к морю и забравшей в кольцо всю Восточную Пруссию, с сотнями ее городов и поместий.

- Мы уверены были, что прорвемся, - угрюмо твердил на допросе один из них. - В военной истории не было примеров такого невероятного окружения. За короткий срок немыслимо сомкнуть кольцо вокруг большой германской провинции. При этом должны были пострадать плотность и глубина вашего фронта, и я верил, что мы прорвемся. Да, еще вчера я верил...

Он говорит о глубине советского фронта. Но разве способен этот выутюженный немецким шаблоном механический человек судить о подлинной глубине нашего фронта? Она создается движением громадных масс - людей, танков, орудий, направленных вдохновенной и в то же время строгой мыслью полководцев.

Я проезжал через взятый не так уж давно прусский город. На железнодорожных путях свистели советские паровозы. Путейцы быстро и деловито монтировали разбитые семафоры, восстанавливали стрелки, как будто на память знали все схемы восточнопрусских железнодорожных узлов. Сотни людей трудились на станциях, службах и в мастерских. Взорванная, разбитая гитлеровцами станция уже принимала с запада поезда, набитые пленными немцами. Старенький машинист, сняв замасленную фуражку, вытирал платком лысину и бурчал, кивая на вереницу красных товарных вагонов, из которых высовывались головы пленных:

- Немцы из-под Кенигсберга, свежие... А я из Смоленска. Вот какие, значит, дела.

Через несколько часов мы прибыли на передний край, проехав всю глубину фронта - от возникающего из пепла железнодорожного узла до того края, где прогрызается очередной пояс вражеской обороны. Глубина советского фронта измеряется не только пространством и количеством войск, но и мыслями, чувствами воинов, их поведением. Здесь, в огне непрерывного тяжелого штурма, я видел воронку от снаряда. Края ее были отшлифованы телами людей, сидевших и работавших в ней по двое суток. Воронка находилась тогда впереди расположения наших войск - неглубокая яма на так называемой ничейной земле, лежавшей между нашими и неприятельскими позициями. Трудно сказать, как заползли сюда наши люди по земле, вздымаемой роем снарядов и пуль. Они считали это необходимым, и они это сделали.

Им было очень холодно. Они сидели в талой воде. Перед рассветом мокрые шинели покрылись коростой льда. Размяться, согреться не было возможности: лежали, плотно прижавшись к земле, и если бы кто-нибудь неловко высунул руку за край тесной ямы, пальцы и кисть раздробило бы пулями.

Они работали в своей яме, направляя залпы батарей дальнобойных орудий на препятствия, которые надлежало разбить силами артиллерии.

Сорок восемь часов провели эти люди под огнем на "ничейной земле". Когда кто-нибудь начинал замерзать и, теряя власть над собой, поднимался, чтобы размять оне-

мевшее тело, его стаскивали вниз и силой прижимали к земле. У радиста руки окоченели. Когда он работал, пальцы стучали, как деревянные. Но он передал все, что было нужно. Потом у людей, окруженных с трех сторон врагами, хватило воли и силы, чтобы на исходе вторых суток выползти из ямы и выгнать из ближнего хутора последних застрявших там врагов. Связисты Комаров, Новиков, Валихмедов забрались на крышу крайнего дома, сбросили вниз немецкого пулеметчика и из его же пулемета били по окнам, дверям, амбразурам соседних домов.

.. .Глубина советского фронта на германской земле определяется не только пространством, но и волей наших людей. Гитлеровцам этого не понять. Они твердят: "Это невозможно. Такого не было в истории войн". Да, такого не было. Красная Армия сделала это возможным силой народного гнева, велением сердца, пламенной мыслью своих солдат и полководцев.

"От Москвы 1670 километров", - читает боец на дорожном столбе.

Так вот какой путь прошел он в огне!

В сорок первом году он был тяжело ранен в сражении под Москвой, врачи с трудом выходили его, он вернулся в строй. Три года провел он в невиданных битвах, бок о бок со смертью, и вот теперь идет по дорогам Восточной Пруссии. В его памяти глубина советского фронта уходит к предместьям Москвы, где он пролил свою кровь, где томила его жгучая боль отступления, где глубокий след оставило в сердце зрелище разоренной врагом русской земли, осиротевших детей, раздавленных фашистскими танками женщин, сожженных в колхозных домах стариков. В его простых мыслях это и есть глубина советского фронта: вся война, вся страна, весь народ - от Москвы 1670 километров!

Он говорит:

- Моя дорога! Всю прошел!

Разве он отдаст контратакующим смертникам Гитлера хоть один метр этой дороги великого возмездия?

Ему встречается русская женщина. За плечами у нее узел с вещами. Она идет из плена.

- Пройду я здесь на Смоленск? - спрашивает женщина.

Солдат отвечает:

- Далеко, дорогая гражданочка, но теперь доберешься, дорога тебе свободная.

Из глубины Восточной Пруссии он показал ей путь на родину, к Смоленску. Это право он завоевал подобно миллионам таких же, как он, солдат нашей наступающей армии.

Февраль 1945 года

АРМИЯ-ОСВОБОДИТЕЛЬНИЦА

Николай ТИХОНОВ

Темное зимнее небо, обледенелые холмы с высокими ржавыми соснами, пустынные, сожженные города, колючая проволока бывших загонов для рабов, мрачные дома рабовладельцев с накраденными со всей Европы вещами - проклятая земля черной Германии. Восточная Пруссия - гнездо прусских юнкеров и помещиков, притон фашистских сиятельных гангстеров - она слышит грохот наших пушек, шум моторов наших танков и самоходных орудий. Она видит бесконечный поток наших войск. Это Красная Армия - Армия справедливости и возмездия идет по ее дорогам, уничтожает очаги фашизма, гитлеровскую вооруженную машину истребления, уничтожает навсегда.

И навстречу славным полкам идет человеческий поток, идет день и ночь шествие освобожденных, вырванных нашим победным оружием из рук смерти. Мужчины, женщины, дети. Они идут и едут, они радостно приветствуют на всех языках своих освободителей - великую Красную Армию.

Идут все народы Европы навстречу новым частям, движущимся на запад. Гитлеровская тюрьма соединила людей всех наций в одно сборище угнетенных, одетых в лохмотья людей. Они несут бирки, которые им дал рабовладелец нового порядка Этот проклятый новый порядок они запомнят на всю жизнь. Он написан у них на спине, на плечах, на груди и на шее

кровавыми полосами бичей и кнутов. На руках у них следы кандалов, в сердце непреходящая ненависть.

Это идут не только усталые, измученные люди. Это идут спасенные для жизни. И спасла их Красная Армия - Армия-освободительница. Во все углы Европы разнесут они весть о том, как пасмурным зимним днем им блеснуло солнце весны. Как упали стены их тюрем, как разорвались цепи. Как понесли наказание их палачи. В рощах Италии, в виноградниках Франции, под оливами Греции, в полях Польши, в скалах Норвегии, в городах Бельгии и Голландии, в горах Югославии эти люди будут рассказывать близким и друзьям о своей страшной жизни в проклятой Германии.

И еще они расскажут о тех замечательных людях, о тех непобедимых воинах, которые принесли им свободу. О Красной Армии сложат они песни и о ее маршалах, каких не видел мир. Они сломали все укрепленные линии, взяли все крепости, разбили все гитлеровские силы, стоявшие в полной уверенности в своей непобедимости на рубежах разбойничьей страны.

Никакие преграды не могут остановить могучий натиск Красной Армии. Она перешла зимние Карпаты, чтобы чехи и словаки могли плакать слезами радости впервые за семь лет каторжной жизни, похожей на черный сон. Она форсировала Вислу, чтобы поляки Варшавы могли выйти из подвалов к солнечному свету.Она освободила всю польскую землю, чтобы никогда больше не смел топтать эти многострадальные поля сапог немецкого насильника. Она прошла по скалам и льдам Севера, чтобы в Киркенесе норвежцы обняли друг друга, поздравляя с наступлением дня посреди немецкой ночи, перед которой полярная ночь кажется радостным видением.

Красная Армия освободила всю родную землю, истребив и сокрушив силу Гитлера, которая всем народам казалась несокрушимой.

Она сокрушила предателей, продавших Гитлеру свои народы. Она вывела из войны Румынию, Финляндию, Венгрию и дала возможность их народам направить свое оружие против немецких наймитов, против Гитлера.

Еще пять лет назад никто не сомневался в Европе, что Красная Армия - сильная Армия. Но когда сравнивали ее с германской армией, то самые опытные военные наблюдатели относились скептически к силе Красной Армии. Гитлер знал, что его блицкриг только тогда имеет шансы на успех, если он один на один бросит силы всей своей Германии и всей подвластной Европы против Красной Армии. И он бросил. Это были титанические битвы, когда мир содрогался перед ужасным ожесточением и небывалым масштабом происходящего.

И вот пришло время - и рассеялся дым гигантского столкновения. И весь мир увидел с радостью, что не Гитлер победил Красную Армию, а Красная Армия вдребезги разнесла его черные легионы и остатки их отбросила за свой рубеж. А отбросив, пошла штурмовать самое его логово. То логово, которое гордилось своей неприступностью, где каждый метр был приспособлен для сопротивления по последнему слову техники, где немцы сражались, как обреченные, как смертники. И здесь Красная Армия сокрушила и продолжает сокрушать это отчаянное сопротивление палачей, боящихся справедливого суда.

Одер не мог остановить натиск наших полков, сплошная крепость Восточной Пруссии доживает последние дни. В Дрездене и Штеттине паника охватила тех, ктоеще недавно осмеливался изображать красноармейца как отсталого человека, которому до современной техники, как до неба. А сегодня эти же немцы завопили о превосходстве русской техники, о превосходстве русской стратегии.

Да, приходит последний час гитлеризма Приходит час суда и возмездия. По земле, где родились чудовищнью преступные замыслы, по земле, рождавшей так долго палачей и убийц, идет Армия Правды - Армия Справедливости - Красная Армия.

16** февраля 1945 **года

ИМЕНИ СССР

Борис **ПОЛЕВОЙ**

Капитан саперов Алексей Кустов, человек, участвовавший в форсировании тринадцати больших и малых рек, и майор танковых войск Сергей Наумов, трижды раненный и четырежды награжденный, рассказали мне об этой не-

обычайной встрече с русскими людьми за очередной форсированной ими рекой.

- Вы понимаете, обстановочка, - начал капитан простуженным голосом. - Обстановочка, можно сказать, самая острая... Ночью я кое-как на лодках, на бревнах своих хлопцев на ту сторону переправил. Ну, захватили с ладонь земли. Тут и его - майора Наумова - мотопехота к нам по доспела. Хотели уж мы паромный трос крепить, а вражеская оборона за рекой, сами знаете, как насажена. Пушек, пуле метов и этих, как бойцы наши называют, "скрипух" везде понатыкано, так что каждая былиночка трехслойным огнем перекрывается.[0] Ну, и начали они наш пятачок обрабатывать. Аж земля на дыбы подскакивает! Но у меня народ крепкий, на тринадцати реках науку проходил, стрельбой его не испугаешь. Зубами вцепились в "пятачок" этот и держат. Майор своими танками и самоходками с той стороны их поддерживает. Ну, контратаки отбиваем. Однако слышу - все жиже и жиже у меня огонь. Несу, стало быть, потери. Только бы, думаю, до ночи продержаться, а там подойдут подкрепления. И вдруг слышу...

- Вы в земле под берегом сидели и только слышали, а я с той стороны с горки из танка все видел. Дайте уж я продолжу, - вмешался в разговор майор Наумов. - Вижу я - над артиллерийскими позициями противника мины вдруг стали рваться. Откуда? У меня минометов нет. Что, думаю, за оказия? И гитлеровцы, должно быть, тоже заметили, что кто-то из тыла минами их угощает.

- А обстреливать нас уже перестали, - перебил капитан. - Что бы там ни происходило, приказываю саперам тянуть канат. Сам вскочил на бугорок и вижу: бегут к нам от леска через болото люди не военные, гражданские, кто в чем одет, кто в синих комбинезонах, кто в каких-то полосатых костюмах. Бегут, винтовками машут и кричат "ура". Не понимаю, кто такие, откуда? Командую моим не стрелять. Да уж какая тут стрельба! Видим, свои, видим, они-то нас и выручили. А уж передние до моих саперов добежали и ну обниматься. Кричат: "Родные, вот где встретились!" Тут я вижу, у всех на рукавах красные повязки и на них написано "СССР". На шапках тоже красные ленточки. Спрашиваю: "Кто такие?" Выходит один из них - большой, рыжий, рекомендуется: "Старшина партизанского отряда "СССР". Спрашиваю: "Чьи вы? Откуда взялись?" Отвечает: "Советские люди. Были увезены гитлеровцами из разных мест, работали в Дрездене на тамошних химических заводах. А прослышав о наступлении Красной Армии, перебили охрану, бежали и организовали отряд. Так, с боем, и прорвались к фронту". И первое, что он меня спросил: "Всем отрядом хотим вступить в Красную Армию. Примут?" Говорю: "Примут". И он своим хлопцам кричит: "Примут!" Как услышали они это, что только поднялось! Кричат "ура", винтовками машут, обнимаются. Ведь вот советский человек - в десяти щелочах его вари, он советским и останется.

Историю партизанского отряда "СССР", действовавшего около месяца во вражеском тылу, я вскоре услышал от самого, как он себя назвал, старшины этого отряда Серафима Андреевича Шумилина. Он прежде работал в транспортном цехе на Мариупольском металлургическом комбинате, потом был рабом под номером 816-бис на химическом заводе "ИГ Фарбениндустри" около Дрездена. Этому огромному, сильному человеку фашистские палачи разбили грудную клетку, и, разговаривая, он то и дело захлебывается в приступе кашля и сплевывает в платок сгустки крови.

- Не буду много говорить о том, как нам жилось в проклятой неволе, - рассказывал Шумилин. - Жилось не лучше, чем другим невольникам, работавшим по 16 часов в сутки. Надсмотрщики, ежедневные избиения, литр бура-кового пойла в день, голодные смерти. Жилось так, что каждый жалел, что он жив. За клочок газеты, найденный в кармане при обыске, человек попадал в Дахау или Освенцим. И все же мы знали о том, что Красная Армия наступает, ждали, надеялись и понемногу готовились. Уже в январе стало заметно, что у фашистов неладно. Через город мимо нашего завода двигались на вокзал тысячные потоки беженцев. Мы поняли, что дела у гитлеровцев плохи. Поняли: пора! И когда однажды английские самолеты налетели на город, мы, русские, воспользовавшись суматохой, с камнями и кирпичами бросились на охрану и за каких-нибудь полчаса перебили ее. Потом выбежали за проволоку и все, сколько нас было - больше тысячи человек, - бежали в дрезденский лес.

.. .Ночью в лесу под Дрезденом восставшие рабочие приняли решение организовать партизанский отряд. Они

назвали его именем своей Родины - "СССР". И почти безоружные люди, сильные только своей ненавистью к врагу и любовью к Отчизне, решили пробиваться через густонаселенные районы Саксонии и Нижней Силезии навстречу наступающей Красной Армии.

Отряд организовался 29 января 1945 года и в первый же день совершил нападение на маленькую товарную станцию восточнее Дрездена. С криками "ура" отряд, вооруженный всего лишь 18 винтовками и тремя автоматами, отбитыми у охраны, ворвался на станцию. Боевая сила отряда была ничтожна, а станция охранялась специальным батальоном железнодорожных войск. Но громовое русское "ура", возникшее тут в ночи, так потрясло охранников, что те бежали, не оказав почти никакого сопротивления, оставив в караульных помещениях оружие.

Отряд "СССР" стал с боями двигаться через леса на восток. Он вооружался и рос, как снежный ком, - в него вливались советские люди, освобождаемые по пути партизанами.

Бесконечные потоки беженцев двигались по всем дорогам, по железнодорожным насыпям, заполняли деревни и городки... Это помогало партизанскому отряду быть неуловимым. Он шел, отмечая свой путь боевыми делами. Подожженные под Калау артиллерийские склады, взорванный шоссейный мост через Шпрее, разгромленная автоколонна, в которой эвакуировали особо точную аппаратуру с химических заводов, крушения на железной дороге Дрезден - Котбус, десятки больших и малых дел - вот вехи продвижения партизан.

К линии фронта отряд вышел уже хорошо вооруженным. Он имел не только личное оружие и гранаты, но и минометы. И когда партизаны услышали наконец шум боя и гром родных русских пушек, они были вознаграждены и за годы мучения на фашистской каторге, и за лишения, перенесенные в походе по вражеским тылам. Выбрав минуту, они ударили с тыла по контратакующей группе гитлеровцев и помогли саперам капитана Кустоаа укрепиться на одном из плацдармов на реке.

Рассказав все это, Серафим Андреевич вновь захлебнулся приступом кашля, с хрипом исторгавшегося из его разбитой груди. Горлом у него пошла кровь. Он был совершенно искалечен на гитлеровской каторге, этот большой и сильный человек. Но сейчас он не думал об этом, он был полон надежд. Его людей приняли в Красную Армию, сбылась их мечта.

И мне вспомнились слова капитана Кустова: - Советский человек, хоть в десяти щелочах его вари, советским останется.

4 марта 1945 года

Войска 2-го Белорусского фронта, продолжая наступление на Данцигском направлении, овладели городом Цоппот и вышли на побережье Данцигской бухты между Гдыней и Данцигом, разрезав тем самым группировку немцев на две части...

Из оперативной сводки Совинформбюро
23 марта 1945 г.

ДЕНЬ В ЦОППОТЕ

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ

Более недели под Данцигом стояли дождливые мутные дни. Дороги развезло настолько, что застревали надежные тягачи и транспортеры. И тем не менее удар наших войск не ослабевал.

Войска врезались в Данцигский королевский лес. Он хорошо был подготовлен к обороне. Это посаженный лес, деревья стоят ровными рядами, кустов и подлеска нет, стволы снизу оголены, ветви на одном уровне, словом, истинно немецкий, аккуратный лес, где все отмерено, размерено, оплетено проволокой, окопано и пристреляно.

Над лесом и берегом Данцигской бухты весь день работали наши штурмовики и бомбардировщики. Лес задымился. Когда противник счел, что подготовка кончена и атаки не

будет, двинулись наши штурмовые войска. Молодой месяц освещал этот тяжелый, ожесточенный бой...

В Данциге 21 марта объявлена мобилизация молодежи 1929 года рождения. Призыв подписан "фюрером" молодежи Германии Аксманом и данцигским "гебитсфюрером" Хен-келем. 20 марта Гитлер принял в своей ставке двадцать представителей этой молодежи - "верных помощников немецких солдат". Данцигские газеты в возбужденном тоне повествуют о том, что самым младшим среди этой "надежды Германии" был 12-летний Альфред, вынесший двенадцать раненых.

И вот они перед нами, взятые в ночном прорыве к Цоппоту, тихие, подавленно-угрюмые. Нет, Данцигу мальчики шестнадцати лет не помогут!..

Вчера в 6.30 утра части офицеров Зокандина и Кузьмина ворвались в Цоппот. Будем еще точнее, ночью здесь были разведчики с радиостанцией.

Вот он, первый ворвавшийся в этот европейский знаменитый курорт Цоппот, казах Поленов из Алма-Аты. Он легко одет, кинжал на поясе, автомат на ремне. Ему 22 года, и под его ударом не устоят ни 16-летние немцы, ни 22-летние, ни 60-летние...

Еще стелется утренний туман, мешающий разглядеть немецкие крейсеры и миноносцы, бороздящие Данцигскую бухту. Связист сержант Петренко тянет к переднему краю первые провода.

Ведут снова пленных. Среди них тип, обращающий на себя внимание. Угрюмый взгляд гнойных глаз, грязная шинель. Солдат, инвалид, арестант. Был призван в 1944 году, указал на свои болезни и тут же за уклонение от воинской службы был посажен на девять месяцев.

- Вся тюрьма была внезапно эвакуирована из Восточной Пруссии в Данциг, но на пути попала под удар русских танков. Мне посчастливилось, я уцелел. Решил снова явиться в тюрьму, там спокойнее, - откровенно докладывает этот тип. - Но в данцигской тюрьме покоя не было. Явилась комиссия. Тяжелобольных и вовсе негодных расстреляли, ибо в осажденном городе дорог каждый паек. Нам задали вопрос - годитесь на фронт? Я поспешил ответить - да. Генерал нам сказал потом: "И фюрер надеется, что вы совершите чудо и спасете Германию". Все ответили: "Так точно!" - и сдались русским…

Бьют наши танки и осадные орудия. Бьют немецкие крейсеры и миноносцы, ясно различимые на рейде... Идем по центральной улице Цоппота.

Отделение данцигской газеты "Данцигер Форпостен". Брошенный тираж газеты, фото, рукописи. Передовица гласит: "Большое наступление наших врагов на востоке и на западе развивается все сильнее, и мы не имеем передышки и покоя". Вы его и не получите до последнего дня войны!..

На Маккензеналлее, № 27 - мобилизационный пункт для новейших сверхтотальников. Явке подлежат все мужчины с 1884 года рождения по 1929-й.

Мы вытаскиваем немцев из подвалов. Один твердит, что он - старый трубочист и абсолютно не участвовал, не участвует и не будет участвовать в войне. Другой протягивает паспорт и говорит, что он купец и скорее поляк, чем немец. Третий заявляет, что он хотел бы пообедать.

Элегантный проспект ресторанов, кафе, салонов, парикмахерских, кондитерских, цветочных магазинов. В витринах - розовые манекены, которым наши пехотинцы уже подняли руки. Они так и стоят с застывшими улыбками и с поднятыми руками.

Серия зеркальных витрин, отделанных бронзой и никелем, и бумажные наклейки: "Сегодня товаров нет". Ресторан "Имперский орел" и меню на 23 марта. В день нашего появления для немецких курортников рекомендуется хлеб с пикантной рыбной пастой, овощи, тильзитский сыр и пиво. Это небогато. Наша штурмовая пехота предпочитает сегодня съесть мясные щи и кашу со свининой.

Немецкие корабли продолжают бить по Цоппоту. Летит черепица с блистающего казино, летят зеркальные стекла игорного зала. На тротуар со звоном летит последняя афиша: мужчина во фраке танцует с голой женщиной. Кабачки, дансинги - все притихло, замерло…

Спускаемся в подвал. Слабый свет свечи, вода под ногами. Человеческий дух, шепот, плач.

- Здравствуйте, не бойтесь, пришла Красная Армия!

И в ответ - смешанный гул восклицаний наших русских, рыдания, и во тьме кто-то нас обнимает, целует. Передать эту встречу, эти минуты немыслимо. Здесь русские жен-

щины, цоппотские рабыни - поломойки, судомойки, уборщицы. Те, над которыми издевались немецкие курортники.

- Товарищи, что же вы сидите в этой тьме и грязи? Выходите на свет, к своим.

И опять взволнованные вперебив голоса и рыдания:

- Господи, неужели наши?

Одна ленинградка рассказывает нам:

- Меня захватили в Володарском 17 сентября 1941 года,
потом угнали в Германию...

Перед взором - великий Ленинград. В памяти и на сердце - его мука и его боль, - родимый город, за все ответят тебе города Германии!

День абсолютно весенний. Разбитые стекла сверкают, как драгоценные камни, и хрустят под ногами.

Подбираем в школе тетрадь ученицы 3-го класса Гильды Вольк. Диктант. "Воспоминания о 9 ноября". "В ноябре 1918 года мировая война пришла к несчастному концу. В ноябре 1944 года это не повторится. То?да мы проиграли войну. Теперь мы выиграем войну..." Поднимаю с пола школьную сберкнижку Ирены Штрак, - аккуратные взносы и исчисление процентов - до 3 пфеннигов в год. Учебник для 5, 6, 7 и 8-х классов - гимн "Германия, Германия превыше всего". Вся хрестоматия насквозь, все 368 страниц полны гнусными фашистскими текстами.

Входим в одно из административных помещений. Берем телефонную трубку. Телефон в порядке. Вызываем Данциг. Слышно чье-то дыхание и выжидательное молчание. Передаем несколько простых и жестких слов и, так как собеседник не решается ответить, кладем трубку.

Из подвалов осторожно вылезают немцы - местные бюргеры, солдаты, бросившие оружие, женщины. Вытягиваясь по-военному, пузатые дяди докладывают, что они "беженцы" из Восточной Пруссии и ждут приказаний. Приказываем им тушить дом, в который попал снаряд с немецкого крейсера. Они снимают пиджаки и берутся за ведра

Опрашиваем нескольких данцигцев, которые были в Данциге два-три дня тому назад. Город забит людьми, может быть, в нем сейчас до *900 тысяч, считая беглецов и из Восточной Пруссии, и из Померании. Все надеялись на эвакуацию, но после того как были потоплены подряд три парохода, надежды рухнули, - русские блокируют город и море. Тревоги следовали за тревогами, и потом обстрелы. В городе виселицы для тех, кто отступает, плохо с продовольствием. Населению рекомендовали делать из картофеля... картофельный сыр.

В сизой дымке лежит перед нами Данциг. Хорошая оптика позволяет увидеть башню ратуши, начатой постройкой в 1378 году. Колокола этой башни отбивают время. "Поют поколениям песнь отечества", - как выражается данцигская газета... Песенка гитлеровцев спета.

На Цоппот спускаются сумерки... Шоссе полно движущихся войск. Под звездами плывет сильная, удалая русская песнь. Танкисты идут в бой под переливы гармоники. Десантники поют молодо и горячо. Притихшая немецкая земля слушает раскаты этих голосов. Нетерпеливо фыркают кони. Вспыхивают фары в огромной колонне машин. Бесцельно бьют по Цоппоту немецкие корабли, разворачивая ресторанно-витринную мишуру.

Регулировщица-девушка повелительно кричит:

- На Данциг давай сюда! Ну, не задерживай!

25 марта** 1945 **года

ВСТРЕЧА В КУМАНЧЕ

Константин СИМОНОВ

Это произошло не так давно в отрогах Карпат, в словацком селе Куманча.

Село, в котором сходились две дороги, имело вид, какой обычно имеют прифронтовые села в разгар наступления. Грязно-серые дороги были изборождены следами колес, порыжелые сугробы перемежались с ямами, наполненными бурой водой. У домов впритык стояли грузовики и повозки, скрипели подводы, ржали лошади, протяжно гудели застрявшие машины, и мимо охрипшего усталого регулировщика, тяжело меся сапогами грязный снег, шла через село пехота, таща за собой подпрыгивавшие на колдобинах станковые пулеметы.

Через село двигались части чехословацкой бригады, в ушанках с бронзовыми чехословацкими орлами, ехали обозы русской пехотной дивизии, и среди солдат то там, то здесь мелькали люди в штатских куртках и пиджаках, перетянутых ремнями, в шапках и шляпах с красными ленточками.

В этот и предыдущие дни словацкие партизанские отряды, действовавшие в окрестном районе, пробиваясь через фронт, выходили на соединение с частями Красной Армии и чехословацкого корпуса. В селе был один из сборных пунктов партизан. Они толкались среди солдат по всему селу, отыскивая друг друга, на ходу узнавая, кто жив, кто убит, кто вышел и кто еще остался в тылу у немцев.

Недалеко от перекрестка, где стоял регулировщик, в длинной хате со стенами, иссеченными осколками, и с выбитыми, заткнутыми чем попало стеклами, помещался обогревательный пункт и столовая.

Двое бойцов-дорожников и три помогавшие им женщины-словачки беспрерывно варили на большой плите в нескольких котлах и кастрюлях универсальную солдатскую еду, заменявшую и первое, и второе, и вообще все на свете. Это был суп, в котором варилось много картошки и мяса. Его разливали по тарелкам и снова доливали в котлы и кастрюли воду, и снова бросали туда куски мяса и картошку, и снова бесконечно варили.

Кроме двух столов, нашедшихся в хате, был устроен еще и третий - сложенный из нескольких десятков пустых снарядных ящиков. Те же самые снарядные ящики, поставленные на попа, служили скамейками.

За столами сидели различные люди: легкораненые, завернувшие сюда перекусить по дороге в госпиталь, бойцы с дорожно-комендантского участка, два молоденьких лейтенанта в новеньком обмундировании, видимо, только что назначенные в часть и догонявшие ее, и человек десять чехословацких автоматчиков, сидевших тут уже целый час в ожидании, когда шофер исправит отчаянно ревевший, но не двигавшийся с места грузовик.

Из-за того, что выбитые стекла были заменены фанерой и подушками, в хате было полутемно. Те, кто уже давно сидел здесь, привыкли к этой полутьме, но те, кто только что входил со света, жмурились и пробирались между столами, как слепые, шаря впереди себя вытянутыми руками.

Вдруг дверь распахнулась, и в полосе уличного дневного света появилась маленькая странная фигурка. Это был, несомненно, ребенок, мальчик на вид лет тринадцати, от силы четырнадцати, - узкоплечий, с худым остроносым лицом. И в то же время в этой фигурке было трудно признать ребенка: так не соответствовало его лицу и росту все то, что было на нем надето и навешано.

На голову его, низко спускаясь на глаза, была нахлобучена черная мохнатая шапка с пересекавшей ее красной лентой. На ногах у него были высокие сапоги с заправленными в них домотканными латаными штанами. Наряд его довершал серо-зеленый немецкий френч с подвернутыми вдвое, почти до локтей, рукавами. Френч был перепоясан широким холщовым поясом с нашитыми на нем карманами, которые, оттопыриваясь, обнаруживали засунутые в них несколько гранат-лимонок. Поверх этого пояса френч был перепоясан еще вторым, кожаным поясом, на котором висел большой немецкий парабеллум в треугольной кобуре. Ручка второго револьвера запросто торчала прямо из кармана френча.

- Ты откуда взялся? - обратился к мальчику пораженный его видом сержант-регулировщик, сидевший у самой двери.

Мальчик молчал.

- Откуда взялся, говорю, - повторил сержант, поднимаясь ему навстречу. - Откуда оружие взял? Кто такой?

Сержант стоял вплотную перед мальчиком и, глядя сверху вниз, внимательно рассматривал все его вооружение.

- Я - партизан, - не смущаясь, ответил мальчик и гордо заложил руки за спину.

- А по какому праву ты два револьвера носишь, если даже офицерскому составу один револьвер полагается? - спросил сержант, разглядывая оба револьвера, один, висевший на поясе, и другой, засунутый в карман.

- Мне выдали. Я - партизан, - с быстрым и мягким словацким выговором повторил мальчик.

- А документ у тебя есть? - не унимался сержант.

- Есть, - задорно сказал мальчик и разнял руки, которые он до того держал за спиной, чтобы вынуть из нагрудного кармана френча документы.

- Вот документы.

- Так, - сказал сержант. Близко поднеся в полутьме бу-

мажку к глазам, он прочитал там, что Андрей Гога, ефрейтор, является партизаном отряда имени Суворова.

- А откуда ты родом?

- Из Радваны, - сказал мальчик.

При словах "из РадваньГ сидевший до этого за столом чехословацкий подофицер с двумя ленточками чешского "Боевого креста" и "Красной звезды" на френче поднялся и, вглядываясь в полутьму, спросил:

- Из Радваны?

- Из Радваны, - повторил мальчик.

- Слушай-ка, - сказал подофицер, - ты там с какой сто
роны?

- С той, что за дорогой, - ответил мальчик.

- Ты там Гогу Штепана не знал?

- Знал.

- А где он?

- В Россию ушел.

- А откуда ты знаешь?

- А он мой отец.

В хате на несколько секунд наступило молчание. Подофицер вглядывался в мальчика Тот, немного привыкнув к полутьме, смотрел на подофицера.

Подофицер стоял не двигаясь у стены. Мальчик тоже стоял не двигаясь, а потом вдруг сделал несколько шагов вперед, и только тут все заметили, что он сильно хромает, волоча правую ногу.

Мальчик порывисто сделал еще два шага вперед, споткнулся на хромавшую правую ногу и чуть не упал.

И только в эту секунду остолбенело стоявший до этого подофицер сделал первое, тоже порывистое движение, шагнул к мальчику и, схватив за локти, не дал ему упасть.

Так они простояли секунду или две, а потом отец отступил назад к стене и повел сына, держа его за локти и глядя ему в лицо. Он его довел до скамейки, на которой сидел сам, и так же молча посадил его, а сам сел рядом. Повернувшись к сыну вполоборота, отец долго молча смотрел на него.

Трудно сказать, что означал этот взгляд: то ли он смотрел и все еще не верил, что это его сын; то ли подбирал слова, какие можно сказать в такую минуту.

- Ну что ж, здравствуй, - сказал наконец отец, пожав руку
мальчика.

Он не обнял его, не поцеловал, а именно подал ему руку, как солдат солдату. Если бы его потом спросили, почему он тогда не обнял и не поцеловал сына, он, может быть, даже и не объяснил бы, почему так вышло, но тогда его потянуло именно пожать руку сыну.

- Здравствуй, - сказал сын.

- Ну как мать? - спросил отец.

- Не знаю, - ответил сын, - давно не был.

- А брат?

- Не знаю, - повторил сын, - полтора года не был дома.

Они оба снова замолчали.

- А я тебя не сразу узнал, - нарушил молчание отец. -
Шесть лет прошло.

- И я тебя не узнал, - сказал сын. - Здесь темно.

- Да, со свету почти ничего не видно, - согласился отец
и, помолчав минуту, спросил:

- Ты что же, в партизанах?

- В партизанах, - сказал сын.

- В каком отряде?

- Суворовском, - ответил сын.

- Когда вышли из тыла? - спросил отец.

- Сегодня ночью.

- Что хромаешь?

- Ранен.

- А-а! - протянул отец. - Сильно ранен?

-Нет.

- Куда идешь?

- В госпиталь.

- А где госпиталь?

- Тут в деревне, говорят.

- Ну, идем, я тебя сведу.

- Идем.

Они поднялись и, молча обходя столпившихся за эти минуты вокруг них людей, пошли к дверям. Отец обнял сына за пояс и незаметно поддерживал его.

Они прошли десяток шагов, сын - сильно хромая, отец - поддерживая его. Вдруг отец покосился на пояс сына, который оттягивали три гранаты и парабеллум,

- Может, снять? Легче будет идти.

- Ничего, - сказал сын, - я все время так хожу.

-Где госпиталь? - спросил подофицер, когда они подошли к регулировщику, стоявшему на перекрестке.

- Налево восьмой дом, - буркнул регулировщик, кото рому, видно, уже в сотый раз за день задавали этот вопрос.

Сын повернулся, сделал два шага и, застонав, припал на ногу. Лицо его стало бледным как бумага.

- Больно? - спросил отец.

- Ничего.

- Больно? - настойчиво повторил отец.

И, вдруг, уже не спрашивая, после многих лет разлуки впервые ощутив свои отцовские непререкаемые права, подхватил сына правой рукой под мышки, левой рукой под колени, легко поднял его на воздух и, широко шагая, понес к тому восьмому дому с левой стороны, в котором, по словам регулировщика, должен был помещаться госпиталь.

- Я сам дойду, - пробовал спорить сын, но отец ничего
не отвечал.

Он донес сына до здания госпиталя, который помещался в одноэтажном каменном доме с надписью "Колониальная торговля". Он поднялся по затоптанной грязными ногами лестнице, все еще держа сына на руках, внес его в приемный покой и, все так же не спуская с рук, ждал, пока сестра зарегистрирует поступление нового раненого. И потом вслед за санитаркой пошел по коридору в предоперационную палату, куда должны были положить сына.

Он пихнул ногой дверь и вошел в палату и, только здесь спустив его с рук, положил на свободную койку.

Сын лежал на койке по-прежнему бледный, зажмурив глаза. Должно быть, ему было очень больно. Он притерпелся к боли и ходил, а потом, когда отец взял его на руки, вдруг почувствовал боль. И сейчас, положенный на эту койку, из маленького человека, старавшегося быть солдатом, стал тем, кем и был на самом деле, - смертельно усталым, да к тому ж еще и раненьм ребенком.

Сначала отец стоял рядом и смотрел на него сверху, потом опустился на колени рядом с койкой и приблизил свое лицо к лицу сына. Он забыл о том, что стоит на коленях, и когда пришла молоденькая женщина-хирург, он отвечал на ее вопросы, все так же стоя на коленях.

Вслед за женщиной-врачом подошла курносая, толстая, рябоватая сестра. Она сняла с мальчика сначала левый сапог, потом взялась за правый.

Мальчик застонал, открыл глаза и снова закрыл их.

- Отойдите, - сказала женщина-врач, - я сама.

Вытащив из кармана халата большие хирургические ножницы, тем резким спокойным движением, которым она, наверное, оперировала людей, лежавших на операционном столе, она разрезала сверху донизу правое голенище и, придерживая ногу за колено, резким рывком сняла сапог.

Мальчик только глухо и коротко вскрикнул и замолчал. Пальцы на ноге у него побелели от потери крови, а пятка, куда попала пуля, вспухла и стала лиловой.

- Будете оперировать? - спросил отец у врача.

- Будем, - сказала врач, - но только не сейчас, попозже.

Она смочила ватку каким-то дезинфицирующим средством, обтерла вокруг рану, перевязала ее белым бинтом и отошла, сказав, что через час вернется старший хирург, который сделает операцию.

Отец и сын остались снова вдвоем.

- Больно было? - спросил отец.

- Больно, - ответил сын.

- Что же не заплакал? - первый раз за все время улыб нувшись, спросил отец.

- Нельзя, - серьезно сказал сын и не улыбнулся.

- Когда ранен? - спросил отец.

- Ночью, когда выходили на соединение.

- Пешком шел?

- Нет, сначала на лошади ехал, а немцы стали стрелять.

- А ты стрелял?

- Стрелял. Но они были далеко, и я не мог попасть, у меня пистолет. У меня лошадь ранило. И меня - тоже.
Я соскочил, пошел пешком.

- А лошадь что?

- Лошади моей попало в глаз. Она упала и сразу подохла

- Хорошая была лошадь? - спросил отец.

- Хорошая.

- Как ее звали?

- Дюри. Сивая. Грива стриженая, а хвост черный.

- Седло у тебя было?

- Было. Настоящее, военное.

- Как же ты шел, раненный, много?

- Восемь километров.
- Больно было?
- На морозе было не так больно, а как в хату вошел, стало больнее. И крови много. Как в хату по дороге зашел, так заболело.
- Заплакал? - спросил отец.
- Заплакал.
- А потом перестал?
- Перестал.
- Ты сейчас уйдешь? - вдруг спросил сын после паузы.
- Уйду.
- А какая твоя полевая почта?
- Сейчас еще не знаю, мы передвигаемся.
- Как же так не знаешь? - удивился сын.
- Не знаю, - ответил отец. - Да мне и писать некому было.
- Плохо, - сказал сын. - Ну ничего, я узнаю, напишу тебе.
- Хорошо, - согласился отец.

В дверях палаты показался один из чехословацких автоматчиков, сидевших в столовой вместе с подофицером.

- Штепан! - крикнул он. - Пойдем, машина готова!

Отец оглянулся, посмотрел на него и, сказав: "Сейчас, подождите", - снова повернулся к сыну.

- Уезжаешь? - спросил сын.
-Да.
- Ну что же, хорошо, - сказал сын серьезно, почти по-старчески, словно благословляя собственного отца. - Я тоже скоро пойду.

Отец наклонился над ним. На секунду в его глазах мелькнула нежность, но в следующее мгновение он просто протянул сыну большую руку и сказал:

- Ну, ладно, до свидания.
- До свидания, - ответил сын, открье глаза, посмотрел на него и сразу же снова зажмурился от боли. - До свидания

Неуклюже ступая по узкому проходу между двумя рядами коек и больше не оглядываясь, отец прошел к дверям и скрылся за ними.

Сын, открьв глаза, посмотрел ему в спину, следя за ним. Вот он миновал одну, вторую, третью, четвертую койку, повернул и вышел за дверь. И дверь за ним закрылась.

Мальчик снова зажмурил глаза, и две крупные, должно быть, неожиданные для него самого слезы выкатились из-под его век. Он вытащил из-под одеяла руку, поднес к лицу закатанный бязевый рукав непомерно длинной рубашки и, аккуратно вытерев сначала один глаз, потом другой, так, чтобы никакого следа слез там не оставалось, снова спрятал руку под одеяло и зажмурил глаза от непрекращающейся боли в ноге.

Я увиделся со старым партизаном Андреем Гогой примерно через месяц после этой встречи его с отцом, которая, как часто водится на войне, была одновременно и разлукой.

Называя его "старым партизаном", я говорю это без улыбки. В самом деле, несмотря на свои еще не исполнившиеся четырнадцать лет, он - один из старых партизан Словакии. Впервые он стал помогать партизанам в конце сентября 1943 года.

- Год и пять месяцев в партизанах, - гордо сказал он мне.
- Как же ты попал в партизаны? - спросил я.
- Шесть лет назад, когда к нам пришли немцы, отец бежал в Россию. Я тогда еще был маленький, - солидно добавил он. - Но потом мать мне все рассказала, и я был против немцев.

Он сказал это с убежденностью и твердостью старшего в семье мужчины.

- Когда же ты в первый раз увидел партизан?
- Я ходил в лес за грибами и встретил там разведку партизан. Они мне дали денег и сказали, чтобы я им принес покушать и сигарет. Я взял деньги, пошел в село, купил покушать и сигарет и принес им. Они сказали, чтобы я пришел через три дня снова в лес и снова помог им.
- А дома ты ничего не сказал матери? - спросил я.
- Нет, ничего.
- Почему?
- Я боялся, что она меня больше не пустит в лес.
- И часто ты носил кушать партизанам?
-Через каждые два-три дня. Четыре месяца ходил. А потом совсем ушел к ним.
- Почему?
- Они уходили от нашего села в другое место, а я хотел быть с ними. Когда я пришел в лес и в последний раз принес им кушать, командир отряда Василь-он был молодой, лет

двадцати пяти, - сказал мне: "Мы уходим, Андрей. Пойдешь с нами?" Я молчал. Тогда он сказал: "Давай пойдем с нами". - "Давай пойдем", - сказал я и пошел с ними.

- Что же ты делал у партизан? - спросил я.

- Больше всего я ходил в разведку. Я надевал граждан скую одежду и ходил по селам, продавал яйца. Партизаны давали мне полную кошелку яиц. Они покупали яйца по одной кроне за штуку, а я ходил и продавал по три кроны за штуку и меньше не хотел брать. А немцы не хотели покупать по три кроны за штуку, и никто не хотел покупать. Я спокойно ходил со своей корзинкой.

- Что же ты разведывал?

- Я смотрел, где стоят немцы, где у них орудия и пуле меты.

- А тебя никогда не задерживали немцы?

- Нет. Только один раз. А то я ходил всегда спокойно. У меня спрашивали, куда я иду. Я отвечал, что иду к бабушке. Бабушка жила в Волике, а мама - в Радване. И все мне верили.

- А на самом деле ты бывал у бабушки?

- Бывал несколько раз. Кушал там у нее.

- Рассказывал что-нибудь?

- Нет, ничего не рассказывал. Она мне только давала покушать, и я уходил.

- А домой не заходил ни разу?

-Нет.

- Почему?

- Я боялся, что мама меня не пустит опять уйти. А потом мы далеко отошли оттуда, и я совсем ничего не знал, как у меня дома. А потом, уже недавно, когда наше село освободили, я узнал, что маму и брата немцы аресто вали и увели.

- А почему?

- Они узнали, что отец бежал в Россию, а я ушел в партизаны. И они увели маму и брата. Я еще не знал даже этого, когда видел отца.

При этом воспоминании лицо его стало печальным. Я не нарушал молчания, а он минут пять сидел и ничего не говорил.

- Значит, ты всегда в разведку благополучно ходил? - спросил я, желая перевести разговор на другую тему.

- Только один раз я попался к немцам, и то это было не *в* разведке.

- А как же это было?

- Это было около Банско-Бистрицы. Партизаны вышли на окраину, и немцы незаметно окружили их. И взяли десять человек в плен. И меня тоже.

- А у тебя было оружие?

- Было. Когда немцы нас окружили, я опустил револьвер в сапог. Нас взяли в плен и посадили на машины, И в каждой машине ехал немецкий автоматчик. В кузове машины я стоял около немца. Он отвернулся, чтобы закурить, а я вынул у него из автомата обойму и спрыгнул через борт машины. Он схватил автомат, а стрелять не мог: у него не было обоймы. А я убежал с дороги в лес, и потом шел *к* партизанам по карте. Я знал, где они находятся.

- А ты умеешь разбираться по карте?

- Конечно, - просто сказал Андрей Гога. - Меня учили.

- А пистолет так и остался у тебя в сапоге?

- Да, - сказал он, - пистолет остался у меня в сапоге.

Мне пистолет подарил командир отряда Василь, Я его берег.

- А стрелять тебе приходилось из твоего пистолета?

- Приходилось, - вдруг застенчиво улыбнувшись, сказал

Гога. - Сегодня утром мишень повесили на двери и стреляли.

- А по немцам?

- По немцам я стрелял, но в них не попал. Я далеко тогда стрелял. Я их тогда не мог убить. Я их убил, когда в прошлом году бросил в них гранату.

- Как это случилось? - спросил я.

- Мы шли в разведку с партизанами. Только подошли к дороге, а по дороге ехали немцы. Мы стояли за скалой над самой дорогой. У меня была противотанковая граната. Я ее взял и бросил вниз, когда проезжала немецкая машина. Она взорвалась. Мы вышли на дорогу. Партизаны нашли трех убитых немцев. Взяли у них документы и взяли писто леты.

- А тебе они не дали?

- Чего?

- Пистолета.

- Нет. У меня же был пистолет, вот этот, - Гога внуши тельно похлопал себя по висевшему у него на поясе пара беллуму. - Мне не нужен был пистолет, я им отдал.

Он тихо сидел передо мной, этот худенький мальчик с внимательными глазами, гладко зачесанными назад волосами и усталым лицом. Кроме висевшего у пояса парабеллума, в нем не было ничего воинственного и необычного.

- Что же ты теперь будешь делать? - спросил я его, когда почувствовал, что наш разговор подходит к концу.

- Теперь поеду до Берлина, - сказал он просто и убежденно, как что-то само собой разумеющееся.

- А в Москву хочешь попасть? - спросил я его, зная, что мечта попасть хоть на неделю в Москву - мечта огромного числа людей в любой из славянских стран, которые я объехал за этот год.

- Сначала поеду до Берлина, а потом до Москвы, - все так же серьезно сказал он.

И вдруг, сжав губы, пристально посмотрев на меня, добавил как что-то самое заветное и давно решенное:

- А потом я хочу быть летчиком.

- А вдруг тебя не примут, вдруг у тебя глаза плохие.

- Все равно я буду летчиком, - повторил он. - Все равно я буду летчиком, летчиком! - три раза повторил он.

И я понял по его лицу, что пробовать шутить над этим или пробовать возражать ему было бы не только жестоко, но и бесполезно, - все равно он будет летчиком. Если у него будут слабые глаза, он будет летать в очках, но все равно будет летать. Если у него будет один глаз, он все равно будет летать с одним глазом, как Вилли Пост. Он будет летчиком! Все равно будет! Он все равно добьется в жизни всего, чего захочет, он, этот старый партизан 1931 года рождения.

50 *марта 1945 года*

ТРУБКА СНАЙПЕРА

Евгений ВОРОБЬЕВ

С трубкой Номоконов был неразлучен всю войну. Даже в засаде он всегда лежал, держа трубку в зубах. Там нельзя зажечь трубку, тем более подымить вволю, можно только лежать, посасывая холодный и все-таки желанный, аппетитный мундштук.

Номоконов умело маскировал свою позицию. Его не находили немцы и теряли свои.

Он прикидывался валуном, обросшим мхом, когда воевал на Карельском перешейке.

Он выдавал себя за сноп пшеницы под Житомиром.

Он подделывался под кряжистый пень в лесах Валдая.

Он притворялся трубой сгоревшего дома на окраине прусского городка Гольдан.

Война бросала Номоконова на разные фронты, и всюду он оказывался за тридевять земель от родных мест. Иногда письмо шло из дому месяца два, и тут не было большой вины почтарей. Далеки родные места, и не скоро дойдет нз фронт письмо из поселка, затерянного в глухой тайге Забайкалья.

- Песню про славное море, священный Байкал помните? - спрашивает Номоконов. - Там наши места упоминаются. "Шилка и Нерчинск не страшны теперь..."

В мирное время Семен Данилович Номоконов плотничал, а все свободные дни занимался охотой. В родных местах Номоконов славился искусством выслеживать и бить в тайге дикого кабана, сохатого, медведя. В улусе Делюн, где он провел детство, тайга подступала чуть ли не к порогу дома. С девяти лет он начал охотиться. Отец и соседи брали мальчика с собой на промысел. Партии уходили в тайгу на полтора-два месяца, за триста - четыреста километров от дома, к Олекме и Алдану. Семен учился сызмальства экономить патроны: у бедного охотника каждый патрон был на счету. Как знать, не эта ли таежная бережливость положила начало меткости маленького охотника?

Когда началась война, Семен Данилович впервые взялся за трехлинейку.

Сначала он попал в санитары. Затем Номоконову дали автомат ППШ и послали в разведку. Ему не раз довелось охотиться за "языком". Он до сих пор помнит, как они захватили в плен фашиста с ручным пулеметом и по снежным сугробам волокли его на плащ-палатке, оглушенного и связанного.

Вскоре Номоконова, который отличался сверхметкой стрельбой, перевели из разведки в снайперы. Ему вручили

винтовку № 2753, и Номоконов прежде всего решил ее пристрелять. Чтобы не тратить даром патронов, он проверил винтовку на фашисте. Тот шел пригнувшись по лесистому берегу озера, разделявшего наши и немецкие позиции. Было это на Валдае 12 марта 1942 года.

- На том берегу много фашистов водилось, - вспоминает Номоконов, попыхивая трубкой. - Только нужно было помнить, что вода к себе пулю притягивает. Так что прицел приходилось брать чуть выше, а стрелять тяжелой пулей. ..

Номоконов так и сказал о фашистах: "водились", будто речь шла о дичи или звере.

27 марта 1943 года в вечернем сообщении Советского Информбюро было сказано, что снайпер Номоконов истребил двести шестьдесят три фашиста.

Вот и получается, что усилиями Семена Даниловича Номоконова численность армии Гитлера почти каждый день уменьшалась на одного солдата.

- Цена фашисту - одна пуля, - любит повторять Номоконов.

Среди "крестников" Номоконова были не только солдаты. Снайпер особенно терпеливо выслеживал офицеров.

Был случай, когда он взял на мушку и сразил какого-то солидного немца, окруженного целой группой офицеров; они пробирались кустарником по лощине, блестели стекла их биноклей. Какой на переднем крае поднялся переполох! Немцы открыли ураганный огонь из всех видов оружия, но Номоконов и его напарник бурят Тагон Санжиев остались невредимы. Захваченный ночью "язык" рассказал, что русский снайпер подстрелил представителя ставки Гитлера.

В другой раз Номоконов обнаружил на высотке наблюдательный пункт немцев, они корректировали оттуда огонь. Неподалеку от тропы, которая вела к наблюдательному пункту, он приметил на ничейной земле валун, а перед валуном - кустарник. Всю ночь Номоконов отрывал под валуном окоп, а землю оттаскивал в своем "сидоре" к дальним кустам. Днем два офицера стали добычей снайпера, засевшего под валуном. Третий наблюдатель, хотя он уже не шел по тропе в рост, а полз, тоже не добрался до наблюдательного пункта. Немцам не трудно было догадаться о соседстве искусного снайпера. Они перепахали снарядами все вокруг, смешали кустарник с землей. А Номоконов сидел под валуном в своей благословенной земляной норе. Он вышел из засады следующей ночью, когда наши артиллеристы уже свели свои счеты с немецким НП на высоте.

Не всякий отличный стрелок становится снайпером. Одно дело поражать цели на стрельбище или в тире, а другое - вести опасные поединки с вражескими стрелками. Жертвой такого поединка стал земляк Номоконова и его друг Тагон Санжиев. Искусство снайпера требует одновременно смелости и терпения, прямо-таки сверхъестественного терпения, наблюдательности и спокойствия, упорства и сообразительности. Снайпер должен умело решать маленькие тактические задачи.

- Предположим, фашисты идут в атаку, - говорит Номоконов, прищурив глаз и попыхивая трубкой. - Фашисты не знают, что мы хорошо укрепили рубеж. В кого должен прежде всего целиться снайпер - в передних или в задних?

Я беспомощно пожимаю плечами.

- Конечно, в задних, - говорит Номоконов таким тоном, будто ведет занятие в школе снайперов, - Во-первых, фашисты не сразу узнают, что действуют снайперы. Во-вторых, если бить по задним, меньше фашистов уйдет от пуль, когда начнут пятиться обратно... Ну, а если нужно помочь стрелкам отбить атаку?

Я не хочу отвечать наугад и вновь пожимаю плечами.

Номоконов опять прищуривает левый глаз - то ли от дыма, то ли он мысленно целится в фашистов.

- В этом случае нужно в первую очередь бить по передним. А почему? Устроить панику. Пусть любуются, как передние будут валиться! Но тут надо бить с разбором, чтобы не упустить из виду офицеров. Та-ак... Ну, а вот, например, два фашиста вышли из лесу, несут бревно. Они на краю полянки блиндаж строят. Когда огонь открыть?

- Как только цель появилась, немедленно.

- Ошибка, - строго поправляет меня Номоконов. - Зачем же цель пугать? А вдруг несчастный случай? (Так Номоконов называет промах). Тогда фашисты сразу в лесу спрячутся. Лучше всего открыть огонь, когда они со своим бревном на полдороге. От леса уже ушли, а к блиндажу, за которым можно спрятаться, еще не подошли.

- Теперь понятно.

- Ну, а какого фашиста следует снять сперва?

Номоконов, примирившийся с моей непонятливостью, не оставляет мне времени для ответа и тут же объясняет:

- Сперва нужно целить в заднего. А почему? Если снять переднего - тот, кто идет сзади, сразу испугается и может
убежать. Лучше пусть тот, кто впереди, подумает, что то варищ сзади споткнулся и уронил бревно...

В месяцы обороны долгими часами выслеживал Номоконов фашистов. И подчас нужны были исключительная изобретательность и упорство, чтобы добиться успеха.

На одном участке фронта появился злой, глазастый и прилежный немецкий снайпер. Дело дошло до того, что он разбил пулей стекло стереотрубы, хотя ее неплохо замаркировали наши артиллеристы.

Обратились к Номоконову за помощью. Он приехал в полк со всем своим снайперским имуществом - две винтовки, запасная каска, уже помятая, исчирканная пулями, большой осколок зеркала.

Наутро он начал слежку. Номоконов лежал на огневой позиции, замаскированный так, будто надел на себя не каску с зеленой вуалью, а шапку-невидимку. Когда можно было, он попыхивал своей старенькой трубкой, а когда нельзя - посасывал ее холодный мундштук. Вся трубка была в черных отметинках: Номоконов раскаленной иголкой выжигал на ней точки - по числу убитых фашистов.

Трое суток не прекращал Номоконов слежку. Он подозревал, что фашист сидит на чердаке дома, стоящего слева, на краю деревни. Но пока это была только догадка.

Номоконов укрылся за камнями, а заряженную винтовку закрепил на брустверe необитаемого окопа. От винтовки, прихваченной для этого случая, он протянул к себе веревку и в подходящий момент дернул за нее.

Фашист ответил выстрелом на выстрел. Пуля попала в бруствер, и по облачку пыли Номоконов установил направление ее полета, убедился, что фашист сидит именно на том чердаке.

Теперь он уже не спускал с чердака зорких, ред'ко мигающих глаз, не слезящихся ни от усталости, ни от ветра. Глаза его, и без того узкие, тем больше суживаются, чем пристальнее он вглядывается.

Вечернее закатное солнце осветило сзади крышу дома, и Номоконов разглядел, что одной планки в дощатой обивке чердака недостает. Он еще раз дернул за веревку, привязанную к винтовке, а когда в щели на чердаке что-то блеснуло - выстрелил сам по черному пятну, подсвеченному сзади солнцем. Фашист, который сидел на стропилах, рухнул вниз.

Конец снайперской дуэли видел генерал. Он пригласил Семена Даниловича в гости и, прослышав о его пристрастии к трубкам, подарил ему свою трубку слоновой кости, перехваченную у мундштука золотыми колечками.

- Курите, Семен Данилович, на здоровье, - сказал генерал, торжественно вручая трубку. - Курите да почаще давайте прикуривать немцам.

Эта трубка прожила у генерала тридцать лет без малого, и провоевал генерал с нею четыре войны.

Номоконов очень гордился подарком и даже написал об этом жене Марье Васильевне, сыну Владимиру, восемнадцатилетнему снайперу, который воевал на соседнем фронте, и двум младшим сыновьям.

Известность Номоконова быстро росла. Поэт Лебедев-Кумач посвятил ему стихотворение "Какие золотые руки, какие острые глаза!"

Где только ни довелось отрывать окопы, маскироваться, высматривать цели и ловить их в оптический прицел Номоконову! Под Старой Руссой и Выборгом, на рубежах демянского котла и в новгородских лесах, под Белой Церковью и Киевом, в предгорьях Карпат и в Восточной Пруссии.

Ему писали начинающие снайперы, его ученики, земляки и совсем незнакомые. Девушки, освобожденные из немецкой неволи, просили отомстить за их страдания, слезы, морщины и седые волосы. Виктор Якушин, горняк из Черемхово, просил земляка отомстить за трех его братьев, погибших на войне.

И только письма из далекого дома приходили редко и шли подолгу.

2 сентября 1944 года Номоконов, по обыкновению, охотился. Ему удалось в тот день подстрелить трех офицеров, и взбешенные фашисты открыли минометный огонь по ивняку, где прятался Номоконов. Один осколок просвистел у самого уха и попал в трубку. Номоконов с обломком мундштука, крепко зажатым в зубах, остался невредим.

Он долго сокрушался о трубке слоновой кости и никак не мог простить фашистам такой пакости. Он был зол и огорчен так, будто его самого ранили в девятый по счету раз.

Семен-'Данилович вырезал себе из корневища молодого дуба нбвую трубку и приделал к ней старый мундштук, перехваченный золотыми колечками.

/6 новой, впрочем, давно уже обкуренной, трубкой, словно приклеенной к углу рта, я и увидел впервые Номоконова ,Мы уселись на крыльце помещичьего дома. Это было в прусском фольварке с трудно запоминаемым названием, ₍на Земландском полуострове, за Кенигсбергом.

- Давно меня писатели из газеты не беспокоили, - мягко усмехнулся Номоконов. - Бывало - отбоя от вопросов не было. А теперь у них заботы поважнее. Теперь танков на каждый полк приходится больше, чем тогда - винтовок с оптикой. Снайперы не в моде...

8 словах его не было горечи.

Низко над островерхой крышей помещичьего дома шли штурмовики. Они держали путь на Гданьск. Номоконов запрокинул голову и сказал:

- Даже в небо снайперы поднялись. Вот они летают, воздушные стрелки!. .

Он проводил штурмовиков долгим взглядом. Те скрылись из виду, а Номоконов еще долго продолжал смотреть в одну точку и думал о чем-то своем.

Я сидел рядом и пытался представить себе всю исполинскую меру труда и подвига, совершенного Семеном Даниловичем Номокомовым. Триста шестьдесят фашистов сразил он за годы войны. Один Номоконов лишил Гитлера двух рот солдат! А кто подсчитает, сколько фашистов уничтожили его ученики?

Помянем же добрым словом снайперов, прилежных и наблюдательных, дальнозорких и настороженных, трудолюбивых и беспощадных героев времен обороны на Днепре, Угре, Паре, Ламе, Жиздре, в лесах Подмосковья, Смоленщины и Орловщины!

Сколько зорких глаз, прищуренных и широко раскрытых; карих, голубых, серых, зеленоватых, черных, васильковых; юношеских, почти стариковских и девичьих; широко расставленных и раскосых, вглядывалось ежедневно в сторону немецких позиций.

Трудно лежать часами не шелохнувшись в снегу, в грязи, сидеть на суку дерева и всматриваться вдаль. Глаз начинает моргать, затекает слезой, дергается веко. Но еще больше устает не тот глаз, которым смотришь, а который зажмурен. Так что иногда этот второй, безработный, глаз даже лучше завязать платком.

Это они, всевидящие мстители, запретили фашистам ходить по нашей земле зо весь рост, заставили их бегать, опасливо пригнувшись, ползать.

- Немец тогда сделался торопкий, боязливый, - вспоминает Номоконов и прищуривается. - Не хотел ждать, пока ты его возьмешь на мушку.

Но все равно сотни и сотни фашистов оказывались ежедневно пойманными в перекрестия оптических прицелов, сотни пальцев плавно нажимали на спусковые крючки, и далекие фигурки шлепались на землю - иные суматошно вскинув перед тем руки, иные уже безжизненно.

В те дни Родина только накапливала силы для ответного удара, и за надежной спиной солдат, сидящих в глубокой обороне, монтажники собирали танки на уральском новоселье, летчики испытывали новые марки истребителей, на полигонах производили контрольные стрельбы из новой пушки, сталевары варили бронебойную сталь для будущих танков, чертежники, копировщики где-то за Волгой готовили карты для будущего наступления, наносили на эти карты названия немецких городов, фольварков, господских дворов.

Я развертываю лист карты, который вмещает в себя Кенигсберг, Фишхаузен, Пиллау и тот фольварк, где мы с Номоконовым встретились. В уголке карты значится: "Составлено в 1942 г. Выпуск - декабрь 1942 г."

- А где вы, Семен Данилович, воевали в декабре 1942 года?

Номоконов прищуривается, долго попыхивает трубкой и говорит:

- Под Новгородом. Леса там, между прочим, стоящие.

Во фронтовые подробности при этом Номоконов не вдается и задумчиво смотрит куда-то на восток.

- Соскучился я по настоящему лесу. Все мое здоровье

на хвое настояно. А в этих немецких лесах и заболеть недолго. Душу воротит! Каждая тропинка подметена, валежник собран в кучи, деревья все одного роста и стоят по линейке, как солдаты в строю. В таком лесу и зверь жить откажется…

Номоконов мечтает как можно скорей добраться до дому и вдосталь поохотиться в тайге вместе с сыновьями.

- Трубку в зубы, двухстволку за плечи, патронташ за пояс - и пошел!

Никогда еще за последние четыре года дорога на далекую Шилку не представлялась Номоконову такой короткой, хотя никогда прежде он не заезжал так далеко от родных мест.

Апрель 1945 года

В течение 21 апреля Центральная группа наших войск продолжала вести наступательные бои западнее реки Одер и реки Нейсе.

Из оперативной сводки Совинформбюро **21** апреля 1945 г.

ВЕЛИКАЯ БИТВА

Всеволод ИВАНОВ

1

К югу от Франкфурта, по обе стороны Одера, тянется невысокая, метров в десять, дамба, предохраняющая поля от разливов и регулирующая течение реки. Дамба - давней работы: нависшие угловатые ветлы, растущие у ее подошвы, достигают иногда двух обхватов. Тонкие, молодые их листья - в голубой игре ветра, и смиренные тени их скользят по нашей машине, когда мы пробираемся вдоль дамбы к лодочной переправе, чтобы попасть на западный берег, в район нашего плацдарма.

Течение Одера быстрое. Гребцы налегают на весла. Мелькает мимо крошечный островок, покрытый пушисто-синими лозами. Посредине островка - яма: в полдень сюда попал снаряд, но мокрая земля уже осела, и ямы почти не видно. Только изломанные, искромсанные ветки чертят путь взрыва.

- "Он" часто подбрасывает сюда, - говорит гребец, - да ведь лодка увертлива. В лодке жить легко: и ехать не путем, а кормить не бензином, и гнать не кнутом…

Гребец, как и все встречные, разговорчив. Но люди здесь разговорчивы по-особому. Это не бесплодная, скверная болтливость, а стремление передать вам свои хорошие качества, глубокие думы. Мне кажется, что люди здесь хотят передать вам о человеческом подвиге такое, чего вы не знаете и о чем слабо догадываетесь.

И пока мы плывем в лодке, вглядываясь в противоположный берег, в изрытую дамбу, где расположилась дивизия, где рядом с орудием - землянка политотдела, а с землянкой - стойло для коня или укрытие автомашины, где дамба поделена на некое подобие клетей, - пока мы рассматриваем эти каракули войны, сопровождающие нас гребцы рассказывают о форсировании Одера.

День был холодный, лохматый, в надменно-серых тучах. Земля была мерзлая, холодная, грязная, и, однако, пришлось покинуть ее, чтоб под пулями и снарядами немцев перебираться на тот берег.

Горька война, но горечь ее преодолевается и побеждается упорством и знанием. Так был побежден Одер.

В числе других на самодельном плотике форсировал Одер старший сержант Абатуров. Он переплыл реку, выскочил на берег и увидал глубокий канал. За каналом - насыпь, и оттуда бьет немецкий пулемет, и поблескивают огоньки его выстрелов, как чешуя. Но, как у рыбы не мясо, так и чешуя - не перья, и не улететь тебе от нашего гнева, фашист!

Абатуров бросился в ледяную воду, глотнул ее горечи, победил ее, переплыл канал и пополз вдоль скользкой насыпи. Он подкрался к немецкому пулемету, навалился телом на его ствол. Наступила короткая тишина: короткий и бессмертный миг жизни, который осталось прожить Аба-

турову, потому что тело его было пронзено пулями. Что вспомнил он? О чем он подумал? Он вспомнил свою прекрасную родину. Он как бы встал перед ней во весь свой рост, - и он крикнул бойцам, которые ползли за ним, слова, священные для нашей родины, являющиеся воплощением ее творческих сил. Он крикнул:

- Вперед, за родину, ребята!..

Будь же бессмертно-цветуща жизнь народа, породившего и воспитавшего такого сына!..

Переплыли на лодках, на плотах. Начали наводить переправу. Тем временем артиллерия долбила вражеский берег. Немцы отвечали довольно усердно. Укладывая доски штурмового мостика, командир взвода лейтенант Агафонов торопил:

- Попробуем-ка еще быстрей, друзья! Что касается "его", так "он" бьет с натугой теперь; ему теперь через тын да в яму! У него жизнь, как бутылка, теперь: головы нет, а горло цело. Клади доски быстрей, друзья. Кладем верную дорогу на Берлин!

Так стояли они, подбадриваемые шутками лейтенанта, долгие часы в воде, ползуче-ледяной, под промозглым и пасмурным ветром. Стояли с писаными мертвенно-серыми лицами, вбивали колья, стлали доски под разрывами снарядов, стояли, думая о тепле, которого, казалось, откусили бы и от камня. Стояли - не подумали уйти. Мало того, переправа была готова раньше срока.

Будь же бессмертно-цветуща жизнь народа, породившего и воспитавшего таких детей!

Рванули к дамбе. Немцы укрылись на ней.

- Ну что ж? Река за нами, - сказал парторг младший
лейтенант Жаров. - Остается, выходит, только один верный путь: на Берлин,

А к дамбе прибывают новые группы немцев.

Пулемет противника заработал на фланге. Он может помешать нашему движению к дамбе. Под пулями немцев командир Рябцев бросился к пулемету. За ним автоматчики - Кукушкин и Котлун. Они подползли сзади к дзоту. Рябцев бросил туда гранату. Немецкий пулемет умолк.

- На дамбу, друзья! Отсюда видней Берлин,

Ворвались. Дамба косматa от боя, от взрывов, от криков. Бой таков, что оставшихся в живых немцев вытаскивают из окопов за шиворот.

Звенящим от волнения голосом говорит о завоевании плацдарма за Одером младший сержант Моревин:

- Мы прошли вперед через множество вражеских трупов! Мы шли на Берлин.

... Видна дорога, обсаженная деревьями, обширный луг и дальше - опять вода. Километрах в полутора отсюда немцы взорвали плотину. Вода хлынула на луг. Наш плацдарм, завоеванный с таким трудом, мог быть затоплен.

И тогда отдан был приказ - выбить немцев из района взорванной плотины. Выбить, заделать брешь.

После ожесточенного боя немцев выбили, а брешь начали заделывать. Подвозили на лодках бетон в мешках. Бутили два дня. Забутили. Вода остановилась и начала сбывать. Однако передний край проходил по воде, и там, в легкой бархатистой дымке, впереди, среди разлившихся вод, сидит наша передовая рота.

Вскоре после того, как пролом был заделан, на плацдарм доставили фильм "Сердца четырех". Наступили сумерки. Пора бы смотреть фильм. Но как раз в это время немцы начали обстрел наших позиций. Бойцов от взрывов закрывала и защищала плотина. Воды разлившегося Одера плескались у подножья ее. За плотиной, по направлению к западу, расстилался луг. Как бы превосходно было растянуть над этим лугом экран и смотреть фильм! Но луг не только обстреливается - он и виден немцам! Ни "движок", который дает электричество, ни тем более экран нельзя вынести за плотину, в это обстреливаемое пространство. Неужели же отправить фильм обратно? Неужели же махнуть на искусство?

- Нет, фильм надо посмотреть. Придумаем.

И придумали. Так как расстояние между экраном и зрителем, расположившимся на плотине, было слишком коротким, то экран укрепили среди лоз, на воде, на самом Одере. "Движок" втиснули в углубление. Смотрели. Правда, текст фильма заглушался порой звуками стрельбы, но его восполняли воображением...

Я стою из плотине, где смотрели фильм. Воды уходят. Луг обнажается.

2,

Горят леса. Собственно, горят не леса - деревья еще в весенней влаге и не загораются, а горит мох, сухая, прошлогодняя трава, сучья, все, что скопилось у подножья деревьев. Однако дыму много, и часто в глубине леса видишь бойко ползущие ручьи пламени. От дыма придорожная трава кажется особенно четко зеленой. Небо во мгле, а солнце -огромное и какое-то холодно-оранжевое.

Мы возвратились с плацдарма и стоим теперь на террасе сельского дома, выходящего в сад. По тропинке, возле куста сирени, бегает ручной ежик. Три генерала - командующий армией, командующий артиллерией и член Военного совета армии - вышли сюда, к нам, на минутку отдохнуть после длинного совещания. Завтра - штурм укрепленных позиций противника на западном берегу Одера. Наводятся переправы, подвозятся войска, стягивается артиллерия. Завтрашний день начнется артиллерийской симфонией, где лейтмотивом будет: "К Берлину, товарищи! К Берлину! В Берлин!"

Командарм - седой и стройный, с чеховским лицом, с застенчивыми движениями. Командующий артиллерией - широкоплечий, грузный, в молодости бывший бурлаком и грузчиком на Волге, с массивным лицом, словно двумя взмахами резца вырезанным из гранита. Член Военного совета - темноусый украинец с бархатными глазами. Все они одинаково бледны от волнения, все они погружены в напряженные думы.

И вдруг, видимо, уловив общие мысли, командарм говорит:

- А знаете, я видел Льва Толстого. Мой отец был начальником железнодорожной станции неподалеку от Ясной Поляны. Толстой почти каждый день приезжал на станцию верхом за газетами. И каждый день я, мальчишка, выбегал на крыльцо, чтоб встретить его. Он ездил на маленькой лошаденке. Я не успею сказать: "Здравствуйте, Лев Николаевич", - как он уже снимает шляпу и легкими, быстрыми шагами идет к станции...

И командарм смотрит в сад. И всем нам кажется упоминание о Льве Толстом таким уместным, таким понятным и таким трогательным, словно где-то здесь, за кустами воздушной сирени, прошла его тень. Нынче все - от командарма до бойца - под впечатлением огромной ответственности приближающейся битвы, в которой сыны великой отчизны будут защищать от фашизма культуру не только нашей страны, но и жизнь и культуру всего человечества, а кто лучше Льва Толстого мог понять и воспеть величие битвы за счастье человечества?..

3.

Вчера я встретил полковника Аралова. Это-высокий, слегка сутулый человек с мягкими манерами и тихим голосом. Перед войной он был заместителем заведующего Литературным музеем в Москве. В 1941 году этот старый революционер пошел добровольцем в ополченскую дивизию. Улыбаясь, он говорит:

- Я проделал блестящий путь: от Москвы-реки до Одера, и в' одной и той же армии. - И он добавляет, относясь с мягкой иронией к своему возрасту: - А также не менее блестящую карьеру: от рядового до полковника.

Сейчас он начальник трофейного отдела армии. Он с гордостью говорит, что армия, где он служит, за время войны собрала и отправила тылу свыше ста тысяч тонн металлолома.

Окно его узкой и длинной комнаты выходит во двор помещичьего дома. За сараями и деревьями блестит капризно вода: не то речка, не то озерко. Окно открыто. Ласковый и пахучий запах молодой травы доносится сюда.

Вокруг - на столе, диване и просто на полу - книги, картины, китайская резьба по слоновой кости. Все это было награблено гитлеровцами, и все это найдено нашими бойцами. Аралов показывает нам собрание гравюр из Павловского дворца. Затем он бережно достает небольшую книгу в кожаном переплете, темно-коричневом, жирном на ощупь. С особым, игольчато-колющим чувством берешь эту книгу.

Очарование времени, очарование гения охватывает вас.

Это - первое издание труда Коперника. Это - первый удар в великий колокол Возрождения, удар мощный, удар, сделанный рукою славянина.

Гений Коперника, гений Герцена, гений всего того, что освещало мир, хотел растоптать немецко-фашистский сапог. И здесь, на берегу Одера, советский воин, отбросив прочь фашистов, нашел, встретился и с гением Коперника, и с гением Герцена.

Полковник говорит;

- Собирать запрятанные немцами наши предметы ис кусства оказалось не так легко. Бойцы привыкли собирать танки, орудия, машины. Увидит, сейчас же сообщит своему командиру. А увидит статую, картину или книги, пройдет мимо, поделившись мнением только среди своих. Но стоило лишь провести небольшую разъяснительную работу, как люди мгновенно переключились. Теперь сообщают обо всем. У людей обнаружился вкус к отысканию наших картин и вещей.

- Пожалуй, это и не так трудно, - говорит кто-то из
нас. - Живопись у немцев ужасная, аляповатая. В любую
квартиру войди: одни и те же цветные репродукции в золо тых рамах, одни и те же изречения насчет того, что жена должна почитать мужа и блюсти дом.

- Да, - говорит, улыбаясь, полковник, - на этом унылом
коленкоровом фоне бархатом выделяется наше искусство. И мы постараемся вернуть его нашей стране, куда б его ни запрятали...

Неусыпно священным чувством ненависти к врагу, умением воплощать это чувство в дело, то есть полностью уничтожать и громить врага, полны, как никогда, эти дни яркой сечи, великой битвы, гигантского наступления на Берлин, на мутно-мглистое, душное и несносное, как ядовитый туман, логово фашистского зверя.

4.

Он пришел, этот день наступления. Пятый час утра. Скоро начнется артиллерийская подготовка. Но пока тишина такая, что кажется, пролети мошка, и ту услышишь. К тому же над рекой и ее окрестностями разлит, как масло, липкий туман: смесь речных испарений и дыма, нанесенного ветром из лесов.

7945 год

**Войска 1-го Белорусского фронта,
перейдя в наступление с плацдармов
на западном берегу Одера при поддержке
массированных ударов артиллерии
и авиации, прорвали сильно укрепленную,
глубоко эшелонированную оборону** немцев,
**прикрывавшую Берлин с востока,
продвинулись вперед от 60 до 100 километров,
овладели городами Франкфурт-на-Одере,
Вандлитц, Ораниенбург, Биркенвердер,
Геннигсдорф, Панков, Фридрихсфельде,
Карлсхорст, Кепеник и ворвались
в столицу Германии Берлин.**

Из оперативной сводки Совинформбюро
23 апреля 1945 г.

УЛИЧНЫЕ БОИ В БЕРЛИНЕ

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ

Это была ночь с 20 на 21 апреля. Войска, совершившие в пять дней длинный, почти 100-километровый поход с непрерывными боями, готовились к последнему рывку - в самый Берлин. Надо видеть эти последние 100 километров перед Берлином! Здесь изрыта вся почва. Безобразно-серый слой земли начинается сразу за Одером. Сплошные ямы, кротовые ходы, воронки, зияющие дыры и щели. Отсюда с насквозь просматриваемых и простреливаемых плацдармов, с сырой и гиблой низины, и ринулись наши войска,

проломали четыре тяжелейших пояса немецкой обороны и подошли к столице "третьем империи".

С особым порывом шли части, тренированные в калининских и прибалтийских лесных боях, части, воспитавшие в себе навыки ночного боя. Эти навыки сослужили в битве за Берлин неоценимую службу.

Немцы, скованные могучим натиском наших войск, пытались по ночам приводить свои части в порядок, подвозить резервы, перегруппировывать дивизии и так называемые "боевые группы" - остатки битых дивизий и полков; пытались по ночам кормить свои измотанные части и давать им хотя бы недолгий сон. Вот тут-то и вступали в дело наши закаленные полки, для которых боевые действия в лесу и ночью привычны... "Днем его, дьявола, выкуриваешь - километра на три, четыре.. Траншей нарыли немцы - сами видите сколько - ну и упираются. А ночью мы двигаем и все семь, а то и десять километров. Ходоки у нас проворные - ориентируются, хоть глаза завяжи, и огонь такой ведут, что немец не выдерживает. Тьмы боится, и огня, и обхода". Достаточно сказать, что в канун решающего удара части, О которых речь, сделали умелый бросок километров на двадцать. Бойцы буквально наступали немцам на пятки. Если встречались упорные очаги сопротивления, их обходили, обтекали и гнали немцев неустанно, идя тропами, лесными дорогами, просеками... Так русский боевой опыт лесных боев и поломал немецкую оборону в Бранденбург-ских лесах…

Было еще темно, когда на шоссе стали вытягиваться тяжелые машины с просмоленными челноками. Не сразу можно было разобрать, что за предметы на машинах. Бойцы строили догадки. Потом сомнения были разрешены простым сообщением: "Это лодки поданы, чтобы форсировать реку Шпрее в Берлине, когда вы, товарищи, ворветесь в город".

Тьма, приглушенный говор, полусекундное мерцание фонариков, кое-где лязг оружия. И тяжелый шаг советской пехоты... Ночь была сырая, дождливая. В дивизиях и полках главной была мысль: не только ворваться в Берлин, но ворваться первыми. В батареях ясное решение - не отстать от пехоты ни на шаг... В одном из ленинградских артполков бойцам напоминают: "Действовать, как при штурме немецкой границы, - и еще решительнее!" А при штурме этот полк в нужную минуту на полном ходу повел свои могучие гаубицы впереди пехоты, развернулся и расхлестал немцев прямой наводкой... На лицах людей - абсолютная решимость. И - волнующий, жгучий вопрос: кто ворвется в Берлин первым, кто первым откроет огонь по Берлину? На шоссе - столбы и желтые дорожные немецкие указатели, освещаемые короткими вспышками фонариков. Город во тьме, вот тут, близко; на фоне пожаров уже видна гряда тяжелых архитектурных силуэтов… Это ты, Берлин!

Пехота идет по мостам и виадукам... Ага, кольцевая Берлинская автострада. Граница Большого Берлина... Тягачи батарей делают новый рывок - и первые русские батареи втягиваются в город... Пригород Аренсфельде... Каждые 20 секунд ложится немецкий залп. Артиллеристы, как на ученье, - молча, с глазами, вперенными вдаль, едут вперед. Руки сжимают скобы сидений. Часть развертывается вправо и влево от шоссе. Лопаты врезаются в берлинскую землю - тут рыжий песок с галькой.

Пехота идет по полям и садам пригорода…

В рассветной мгле звучит необычайно ясно и вибрирующе-трепетно голос офицера: "По столице фашистской Германии - батарею зарядить!" Лязг замков... Командир батареи старший лейтенант Царуковский стоит неподвижно, устремив глаза на город... Вот ты, долгожданный час, вот ты, день, которого ждал весь советский народ!.. "Батарея, огонь!" Сернисто-желтые огромные вспышки; орудия тяжело откатываются... 6 часов утра 21 апреля 1945 года.

2-я батарея открывает огонь. Нам оказывают честь и мы стреляем по Берлину - по огневым позициям противника в восточной части города... Пехота идет на Мальхов. Правее могуче-стремительным клином, опережая всех, врезается в Берлин гвардейская дивизия. Она идет на Панков.

На стенах мы читаем нервно-аляповатые, белой краской наляпанные лозунги гитлеровцев: "Соблюдать спокойствие! Берлин не будет сдан". Нет, спокойствия в городе не будет. Берлин будет взят!..

При свете утра видишь в сырой пелене панораму города, черные колоссальные столбы дыма, ряды по-солдатски вытянутых в шеренгу огромных заводских труб, столбы электропередачи... В домах свет, действует телефон. Но, когда мы спрашиваем у обывателей газету, нам отвечают, что уже четырнадцать дней, как нет газет. На стенах последняя афиша, помеченная 20 апреля. Это последняя мобилизация из всех объявленных Гитлером. Призываются все солдаты-отпускники и все отпускники с заводов. Вот один из таких: без фуражки, в цветном кашне, лохматый... "Там был такой беспорядок, все смешалось, - офицеры перепугались. .." "Фокке-вульфы" пикируют на наши передовые подразделения и позиции батарей. Зенитчики сшибают в минуту-две четырех немцев - и налет исчерпан... Нахлестывая коней, в город мчатся первые обозники, усатые дядьки. Они подают боезапас. И по берлинскому асфальту бешено стучат копыта русских коней и сыплются яркие искры. "Эй, милые!.."

Штурмующие части вгрызаются в город. Около батареи - она укомплектована сплошь ленинградской молодежью - рвутся немецкие снаряды; звенят щиты, валятся ветви, резко ударяются в землю осколки. На батарею идет пехотный офицер: "Товарищи артиллеристы, вот из того двухэтажного дома работают два немецких пулемета, губят наших". И расчеты под свист и вой осколков становятся к орудиям. Старший лейтенант Патрикеев командует: "По пулеметам наводить!" И пехотный офицер говорит: "Если вы, братцы, уничтожите эти расчеты пулеметные, которые, видно, слишком любят фашизм, я лично буду ходатайствовать, чтобы вас представили к высшей награде. Вы только поймите - они мешают в Берлин войти!" И это было сказано так чисто и просто, что не понять, не ответить было нельзя. И Патрикеев ответил: "Не для того мы прошли от Ленинграда до Берлина, чтобы сплошать". И сам пошел в пехоту, чтобы в упор определить, где, в каких окнах эти два пулемета. Идет и говорит: "В дом попаду сразу, но мне надо попасть в пулеметы". Тогда вскакивают два бойца: "Сейчас покажем", - идут вперед и вызывают на себя огонь пулеметов. Патрикеев говорит: "Теперь вижу". Подал команду. Первый разрыв лег влево 25 и перелет - ясно, что артиллеристы боялись за свою пехоту и прицел взяли чуть больше. Второй дал недолет, третий лег в дом. Потом дали налет шестнадцатью снарядами, из них три легли как раз в пулеметы.

Таким-то вот родом и был взят один квартал Берлина.

По улице, по проулкам, вдоль заборов, пригибаясь, идут навстречу бегущие из берлинской каторги советские граждане. Проходит старушка: "Родненькие, как тут на Орел пройтить-то?" Бабушку с улыбкой провожают к ближайшей идущей в тыл машине.

Сплошные массивные дома и местами руины - следы англо-американских бомбардировок 1943-1944 годов. Неубранные, слипшиеся кучи щебня, кирпича... Берлин грязен. ..

Бой принимает специфический характер: немцы сидят на чердаках, в подвалах, в сараях, на задних дворах и стремятся, пропустив наши штурмовые группы, бить их в затылок. Некоторые немецкие группы перебегают по подземным ходам или по подвалам, которые тянутся в иных местах на длину всего квартала.

Бойцы, имеющие опыт Ленинграда и Сталинграда, опыт штурма Познани и других городов, быстро раскусывают эту тактику. Артиллерия, танки и самоходки бьют прямой наводкой по чердакам - и немецкие снайперы летят к чертям вместе с раскрошенной черепицей, а в подвалы, откуда стреляют, наши аккуратно бросают ручные гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Это сразу успокаивает любителей засад.

Вот выскакивают какие-то типы: в пиджаках, но в серо-зеленых штанах и кованых ботинках. "Солдат?" - "Нет". Морды нагло-пьяные, из ртов несет кислым спиртным перегаром. Это мальчишки из дивизии Титлерюгенд". Один икает и плачет. Стреляли по нашим частям в затылок. Потом, попавшись, стали переодеваться и удирать.

Из другого подвала вылезают полицейские в прекрасных голубых шинелях. Они козыряют, они спешно сообщают фамилии всего полицейского начальства.

Высоко проходят наши бомбардировщики. Они обрабатывают западные районы - казармы, аэродромы и прочее. Постукивают очереди из автомата. У булочной стоит немецкая очередь за хлебом - домохозяйки и старички

жмутся к стенке, кланяются. Наши бойцы, испытующе глядя, тут же на бульваре роют окопы. Стоят белые трамваи, на которых кто-то не успел уехать в центр. Опять надпись: "Спокойствие! Берлин не будет сдан!" Два хозяйчика-сапожника спрашивают, выглядывая из дверей, что им делать.

На улицу падает залп: четыре тяжелых немецких снаряда. Летят витрины, золотые буквы названий фирм, падают зеленые ветки вековых лип. Группа немецких ребятишек тащит из магазина игрушки, коробки оловянных солдатиков. Проносятся машины, водитель, притормозив, спрашивает: "Куда тут к рейхстагу?" - "Не взят пока". - "Так заберем!" -и нажимает педаль. С окон свисают белые флаги, но из этих же домов опять стреляют. Танк, урча, всаживает в эти дома несколько снарядов.

Берем резко к северу, чтобы выйти на соседние участки - к району Панков. Часть пути делаем по кольцевой автостраде. Здесь уже стоят регулировщицы, флажки направляют потоки машин, вливающихся с радиально расходящихся шоссе. Движение так густо и так непринужденно, будто все эти водители ездили тут, по крайней мере, полжизни. Местами танки проложили свои собственные варианты поворотов и объездов. Берем по танковому следу круто влево и устремляемся в северные районы города.

Высится прямоугольная башня Панков. Над ней реет алое знамя. Башня вся изрешечена снарядами - немцы бьют упорно и методически, чтобы сбить это знамя, но им не удается это сделать. Горят огромные артиллерийские склады, подожженные противником. Железнодорожный путь здесь изуродован совершенно: немцы подорвали каждый стык рельсов и шпалы взломали тяжелым резаком, который буксировался паровозом. Путь тут нужно настилать заново, рельс за рельсом. Огромное здание, судя по колоссальному красному кресту, - госпиталь. Подъезжаем ближе: в концах этого красного креста... аккуратно сделанные бойницы дотов - четыре дота. Огромное садоводство - гряды клумб, тюльпаны всех оттенков, длинные ряды кустов: смородинник, малинник. Под кустами огневые точки, развороченные нашей артиллерией. Садоводство, как и госпиталь, было рассчитано на создание огневой ловушки.

Выходы из метро - оттуда тянет кисло-гнилым запахом. Выходы наблюдаются. Открытая пивная, персонал которой, напряженно улыбаясь, наливает пиво. Каким-то стандартным движением, напоказ, пробует его: "Не отравлено", -и предлагает нашей проходящей пехоте. Стоят брошенные немецкие автомашины.

3 одном из домов - командный пункт части. Передний край в 30 метрах: дом напротив, там сидят немцы. Вблизи наши зажали батальон фольксштурма; немцы сгрудились во дворе, выходы заперты. Являются два парламентера, им вручают ультиматум. Немцы его читают и перечитывают, кивают головами и деревянным шагом уходят к своим. Проходит назначенный срок, и немцы отвечают, что предлагают сдаться нашим. Командир, усталый от бессонницы, осипший от многодневных телефонных и радиопереговоров и команд, отпускает несколько слов. Артиллерия обрушивает шквал. "Если враг не сдается - его уничтожают".

Какой-то господин пробует доказать, что нельзя обстреливать дома, в частности его собственный дом. Кладем перед господином германский журнал "Ди Вермахт" ("Вооруженные силы") номер 18-й от 27 августа 1941 года. "Ваш журнал?" Господин перелистывает журнал, смотрит дату, штамп официального издания, адрес издания: "Берлин, Шарлоттенбург, 2 Уландштрассе, 7-8". Тогда мы показываем господину снимки на 6-й и 7-й страницах, разворот на две полосы: "Бомбы над Москвой". Снимки ночных пожаров. Подпись: "Снимок показывает, насколько уничтожающа сила немецкой авиации". Мы говорим, возможно сжатее, и о том, что было в других наших городах - в Ленинграде, в Сталинграде, в Севастополе и прочих. Мы добавляем: "Теперь мы пришли с ответом".

Штурмовые группы вгрызаются в город все глубже... Тебе не будет ни часа спокойствия, Берлин. Мы говорили 22 июня 1941 года о том, что русские бывали в Берлине дважды: в 1760-м и 1813-м, - и о том, что мы придем и в третий раз. И мы пришли.

27 апреля 1945 года

Войска 1-го Белорусского фронта, продолжая наступление, 27 апреля овладели городами **Ратенов, Шпандау, Потсдам - важными узлами дорог и** мощными **опорными пунктами обороны немцев в центральной Германии. Одновременно войска фронта продолжали уличные бои в Берлине...**

Из оперативной сводки Совинформбюро 27 апреля **1945 г.**

27 апрели 1945 года

Илья **ЭРЕНБУРГ**

Легко сейчас писать, легче, чем в октябре сорок первого; ведь если горе молчаливо, то радость не скупится на слова. А в наших сердцах великая радость - трагедия XX века подходит к концу: мы в Берлине!

Это началось с маленького: горел рейхстаг, подожженным фашистами. Это кончается на том же месте - пожаром Берлина.

Медленно шагает справедливость, извилисты ее пути. Нужны были годы жестоких испытаний, пепел Варшавы, Роттердама, Смоленска, чтобы поджигатели наконец-то узнали возмездие.

Есть нечто тупое и отвратительное в конце третьего рейха: чванливые надписи на стенах и белые тряпки, истошные вопли гаулейтеров и подобострастные улыбки, волки-оборотни с ножами и волки в овечьих шкурах. Напрасно гангстеры, недавно правившие чуть ли не всей Европой, именовали себя "министрами" или "фельдмаршалами", они оставались и остаются гангстерами. Не о сохранении немецких городов они думают, а о своей шкуре: каждый час их жизни оплачивается жизнями тысяч их соотечественников. Но ничто уже не в силах отодвинуть развязку. Гитлеровская Германия расползается, как гнилая ткань. Союзники стремительно продвигаются по Баварии к Берхтесгадену, к убежищу отшельника-людоеда. Тем временем Красная Армия в Саксонии и на улицах Берлина уничтожает последние армии Гитлера. Если Германия не капитулирует. то только потому, что некому капитулировать: главари озабочены своим спасением, а обыватели, брошенные на произвол судьбы, способны сдать лишь свой дом, в-лучшем случае свой переулок.

Справедливо, закономерно, человечно, что именно Красная Армия укрощает Берлин: мы начали разгром гитлеровской Германии - мы его кончаем. Мы начали на Волге, и мы кончаем на Шпрее. Может быть, когда бои шли в Неведомых иностранцам местах - в Касторном или в Кор-суни, или в Сиявине, мир еще не понимал, чем он обязан Красной Армии. Теперь и слепые видят, чьи ноги прошли от Сальских степей до Эльбы, чьи руки разбили броню Германии.

На улицы Берлина пришли воины, много испытавшие. Иные уже пролили свою кровь на родной земле; как Антей, они приподнялись и пришли в Берлин. С ними пришли и тени павших героев. Вспомним все: зной первого лета, лязг вражеских танков и скрип крестьянских телег. Вспомним степи сорок второго, горький дух полыни и сжатые зубы. Вспомним клятву тех лет: выстоять! Мы пришли в Берлин, потому что крепкие советские люди, когда судьба искушала их малодушным спасением, умирали, но не сдавались. Мир теперь видит сияющее лицо победы, но пусть мир помнит, как рождалась эта победа: в русской крови, на русской земле.

Красная Армия идет по улицам Берлина. Уже недалеко до Бранденбургских ворот и "Аллеи побед". Возвысимся на минуту над событиями часа, задумаемся над значением происходящего. С тех пор как Берлин стал столицей хищной империи, ни один чужестранный солдат не проходил по его улицам. Расчет был прост: немцы воевали на чужой земле. Они сжали горло крохотной Дании. Они повалили Австро-Венгрию. Потом они затеяли первую мировую войну и, проиграв ее, но не уплатив проигрыша, стали готовиться ко второй. Если в Нюрнберге, в Веймаре, в Дрездене есть старые памятники подлинного величия немецкого духа, то Берлин - это памятник заносчивости прусских генералов...

Мы в Берлине: конец прусской военщине, конец разбойным набегам! Если все свободолюбивые народы могут теперь за длинным столом Сан-Франциско в безопасности говорить о международной безопасности, то это потому, что русский

пехотинец, хлебнувший горя где-нибудь на Дону или у Великих Лук, углем пометил под укрощенной валькирией: "Я в Берлине. Сидоров".

Мы в Берлине: конец фашизму! Я помню, как много лет назад на улицах вокруг Александерплац упражнялись в стрельбе молодые людоеды: они стреляли тогда в строптивых сограждан. Потом они прошли по Праге, по Парижу, по Киеву. Теперь они расстреливают свои последние патроны на тех же улицах. Один английский журналист пишет: "Когда нам говорили о немецких зверствах, мы считали это преувеличением, в Бухенвальде, в Орадуре мы поняли, на что способны нацисты..." Что к этому добавить? Да, может быть, одно: что Бухенаальд или Орадур - это миниатюрные макеты Майданека, Треблинки, Освенцима. Я знаю, что горе нельзя измерить цифрами, и все же я приведу одну цифру -в Освенциме заснят кинооператорами склад: шесть тонн женских волос, срезанных с замученных. Мир видит, от какой судьбы мы спасли женщин всех стран, наших далеких сестер из Гаскони, Шотландии, Огайо.

Страшная цепь! Мирный Берлин наслаждался невинными забавами: бюргер, покупая ботинки, требовал, чтобы предварительно поглядели с помощью радиоскопии, хорошо ли сидит на нем обувь. Потом он шел в ресторан и, прежде чем проглотить бифштекс, справлялся, сколько в нем калорий - четыреста или пятьсот. А в соседнем доме специалисты чертили планы печей Майданека, Освенцима, Бухенвальда. И вот цифра: шесть тонн женских волос... Что было бы с детьми канадского фермера и австралийского пастуха, если бы товарищ Сидоров не дошел до Берлина?

Мы никогда не были расистами. Руководитель нашего государства сказал миру: не за то бьют волка, что он сер, а за то, что он овцу съел. Победители, мы не говорим о масти волка. Но об овцах мы говорим и будем говорить: это - длиннее, чем жизнь, это - горе каждого из нас.

Я еще раз хочу напомнить, что никогда и не думал о низкой мести. В самые страшные дни, когда враг топтал нашу землю, я знал, что не опустится наш боец до расправы. "Мы не мечтаем о мести. Ведь никогда советские люди не уподобятся фашистам, не станут пытать детей или мучить раненых. Мы ищем другого: только справедливость способна смягчить нашу боль. Мы хотим уничтожить фашистов: этого требует справедливость... Если немецкий солдат опустит оружие и сдастся в плен, мы его не тронем, он будет жить. Может быть, грядущая Германия его перевоспитает, сделает из тупого убийцы труженика и человека. Пускай об этом думают немецкие педагоги. Мы думаем о другом: о нашей земле, о нашем труде, о наших семьях. Мы научились ненавидеть, потому что мы научились любить".

Когда я писал это, немцы были в Ржеве. Я повторю это и теперь, когда мы в Берлине. Много говорили о ключах страшного города. Мы вошли в него без ключей. А может быть, был ключ у каждого бойца в сердце: большая любовь и большая ненависть. Издавна говорят, что победители великодушны. Если можно в чем-то попрекнуть наш народ, то только не в недостатке великодушия. Мы не воюем с безоружными, не мстим неповинным. Но мы помним обо всем, и не остыла и не остынет наша ненависть к палачам Майданека, к вешателям и поджигателям. Скорее отрублю свою руку, чем напишу о прощении злодеев, которые закапывали в землю живых детей, и я знаю, что так думают, так чувствуют все граждане нашей Родины, все честные люди мира.

Мы в Берлине: конец затемнению века, затемнению стран, совести, сознания. Берлин был символом зла, гнездом смерти, питомником насилия. Из Берлина налетали хищники на Гернику, на Мадрид, на Барселону. Из Берлина двинулись колонны, растоптавшие сады Франции, искалечившие древности Греции, терзавшие Норвегию и Югославию, Польшу и Голландию. Придя в Берлин, мы спасли не только нашу страну, мы спасли культуру. Если суждено Англии породить нового Шекспира, если будет во Франции новый Делакруа, если воплотятся мечты лучших умов человечества о золотом веке, то это потому, что Сидоров сейчас ступает по улицам Берлина мимо пивнушек и казарм, мимо застенков, мимо тех мастерских, где плели из волос мучениц усовершенствованные гамаки.

Прислушиваясь к грому орудий, который каждый вечер наполняет улицы нашей столицы, вспомним тишину трудного июньского утра. Отступая среди пылавших сел Белоруссии и Смоленщины, мы знали, что будем в Берлине. Как много можно об этом говорить, а может быть, и не нужны здесь

слова, кроме одного: Берлин, Берлин! Это было самое темное слово, и оно сейчас для нас прекраснее всех: там, среди развалин и пожаров города, откуда пришла война, рождается счастье - Родины, ребенка, мира.

В РАЙОНАХ БЕРЛИНА

Борис **ГОРБАТОВ**

В Берлине наши войска захватили кинокопировальную фабрику. Мы были на ней. В ваннах с проявителем еще мокла пленка, на контрольном столе лежал ролик последней ленты. Это был последний выпуск кинохроники "Новости недели". Но самой главной "новости" этой исторической недели в нем не было: советские войска ворвались в Берлин и положили конец гитлеровской мрачной хронике.

Берлин окружен. Взят за глотку. Шаг за шагом, от дома к дому пробиваются к центру города наши бойцы. За Шпрее. К рейхстагу. К Тиргартену. С боем берутся дома, вокзалы, фабрики. Как водные рубежи, форсируются многочисленные городские каналы. Ожесточенный бой идет на улицах и в переулках, в воздухе, на земле и под землей -в берлинском метро.

Берлин основательно разрушен. Гигантские воронки на каждом шагу. Обугленный камень, развороченный бетон, сплющенная арматура, битое стекло. И над всем этим - облака кирпичной пыли и дыма.

В кварталах, охваченных боем, жителей, естественно, не видно. Только кое-где из окна уже высунулся робкий белый флаг. Из окон - белый флаг, а с чердаков - беглый огонь. Но противоречия здесь часто нет. Еще сопротивляются фашистские дивизии. Бессмысленно, упорно, ожесточенно. Это агония загнанного в яму волка. Но мысль о бесполезности борьбы уже проникает в сознание многих немцев.

Мы хотим видеть жителей Берлина. Где они? Кто вывешивал белые флаги?

В подворотне большого дома стоят женщины. Пожилые немки, они испуганно смотрят на нас.

- Что вы здесь делаете?

- Дышим, - отвечают они, - дышим воздухом.

Есть два Берлина, мы это увидели теперь своими глазами. Один - нанесенный на карту, вот этот, в котором мы деремся сейчас, разбитый американскими бомбами и русскими снарядами, другой - подземный, пещерный Берлин, в котором многие месяцы жили, спасаясь от бомбардировок, обыватели столицы. Мы побывали и в этом Берлине.

Подвалы. Бункера. Подземелья. Пещеры. Темно. Сыро. Душно. Тесно. Как сельди в бочке - люди, они сидят, скорчившись, поджав ноги, прикорнув на табуретке, прижавшись плечами друг к другу. Пожилые бюргеры и бюргерши, молодые женщины, дети, грудные младенцы и престарелые бабушки, которые все еще хотят жить.

- Это нам дал Гитлер, - усмехнувшись, сказал Вилли Вестфаль, ресторатор, - он обещал нам весь мир, а дал эту пещеру...

В этих подземельях и жил обыватель Берлина в долгие часы частых бомбардировок. Постепенно с верхних этажей перекочевывали сюда подушки, матрацы, детские кроватки, примусь!, сковородки, кастрюли. Постели с пуховиками сменились узкими нарами, паркетные полы - сырым цементом, люстры - коптилкой. Так сложился пещерный быт берлинского немца.

Несколько месяцев назад томми разбомбили в этом районе водокачку и электростанцию. Исчез свет, нет газа, нет воды, нет отопления.

Мы - не жестокие люди, но сознаемся: мы смотрели на этот пещерный быт без жалости и сочувствия. Мы вспоминали Ленинград в блокаде и Сталинград.

Это они, а не мы хотели войны, и они ее получили. Теперь они начинают понимать, что такое война. Война пришла на их землю. Война разворотила их быт, их квартиры, обжитые отцами и дедами, целыми поколениями приобретателей и стяжателей. Этот культ двухспальной постели, дешевых картинок в вишневых рамочках, гобеленов, люстр. Этот культ кухни, где на белых фарфоровых банках аккуратно написано: "соль", "перец", "кофе". Эти пригородные

дачи с бетонными дорожками, с яблонями в цвету, с ваннами в саду, с птичниками и крольчатниками.

Ограбив всю Европу, они жили хорошо. Они были довольны, пока война обогащала их. Они жили в чаду и дурмане побед. Они называли себя нацией солдат. В каждой квартире на почетном месте вы увидите две большие фотографии. На одной - глава фамилии с будущей женой в подвенечном платье, на другой - глава фамилии в солдатском мундире - кайзеровском, рейхсверовском или эсэсовском. В золоченых рамках висят снимки парадов, смотров, учений. В них обязательно присутствует глава фамилии.

Они разожгли войну. Теперь война жжет их - их землю, их города, их дачи и квартиры. И теперь они не хотят войны. Они вывесили детские пеленки, белые простыни и скатерти: сдаемся!

Обыкновенный берлинец - обыватель, лавочник, рабочий - действительно больше не хочет войны. Война проиграна, гитлеровская армия разгромлена, русские - в Берлине.

На переднем крае к нашей мощной звукоустановке подбегает взволнованная немка. Она слышит, как советский майор по радио обращается к немецким солдатам с требованием прекратить бессмысленное сопротивление. Она кричит;

- Позвольте мне сказать. Я хочу говорить с ними.

Ей разрешают, и она горячо, взволнованно кричит в микрофон:

- Солдаты! Если меня слышит мой муж или мой брат, путь он сейчас же прекратит войну. Это неправда, что русские убивают мирных жителей. Я немка, и это я вам говорю.

Мы говорили с ней и еще с десятком других берлинцев. Чего они хотят? Жить. Жить. Просто жить. Пусть будет скорее конец ужаса, порядок, покой.

Советские снаряды и англо-американские бомбы хорошо озонировали воздух. Пусть медленно, но уже начинает рассеиваться гитлеровский дурман. Горечь разочарования, позор поражения, ненависть к зло обманувшему их Гитлеру и страх за свою жизнь, за свое будущее - вот что испытывает сейчас средний немец.

- Обман! Обман! Много лет обман! - горько говорит
старик Эмиль Мюллер - шофер берлинского омнибуса.

Теперь они клянут Гитлера. Клянут громко, яростно, на все лады. Их не смущает близость переднего края. Борьба за Берлин еще не кончена, гитлеровские солдаты еще ожесточенно дерутся, переходят в контратаки, иногда отвоевывают отдельные дома, но и Эмиль Мюллер, и тысячи других уже знают, что все равно - капут, конец гитлеризму. Они открыто клянут Гитлера и охотно называют нам свои имена.

Было бы неверно представлять себе всех немцев как нечто единое и одинаковое. Единства нет. Одни еще сопротивляются, другие поднимают белые флаги. Одни сдаются в плен, другие переодеваются в штатское платье и стреляют в нас из-за угла. Только что на одной улице выстрелом в спину убит наш майор. Кто стрелял? Немец. Фашист. Но вот подходит к нам старик и поднимает над головой сжатый кулак: "Рот фронт!" Его зовут Карл Вентцель, и он только что освободился из тюрьмы, где сидел за попытку "ниспровергнуть нацистский строй". Он показывает нам документы. И он тоже - немец.

Подходит шестнадцатилетний парень Гарри Хикс.

- Я ненавижу Гитлера, - говорит он, блистая глазами, -
он погубил Германию.

Этот мальчик - тоже немец. А другие мальчишки по подпольному телефону сообщают гитлеровским офицерам данные о наших КП. Все перемешалось сейчас в немецком народе, в сознании и в душе каждого немца. Он потрясен, раздавлен, перепуган, взбудоражен. Он понимает, что гитлеровская Германия кончилась, что начинается какое-то новое существование. Он хочет знать какое. И больше всего он хочет, чтобы скорее кончилась стрельба в Берлине и были объявлены приказы победителей о том, что будет дальше.

Эльза Хаугарт сказала нам:

- Немец состоит из мяса, костей и дисциплины. Немец любит приказы

Когда в отвоеванных районах Берлина появились первые советские военные коменданты, а на стенах - первые ярко-зеленые объявления комендатуры и листовки к населению, - весь подземный Берлин выполз на улицы, немцы

огромными толпами грудились около объявлений. Толкались. Читали и перечитывали. Пересказывали соседям, обсуждали и еще раз читали:

"В связи с ложными утверждениями гитлеровской пропаганды о том, что Красная Армия имеет целью истребить весь немецкий народ, разъясняем: Красная Армия не ставит себе задачей уничтожение или порабощение немецкого народа, у нас нет и не может быть таких идиотских целей..."

Они читают это с удовлетворением.

"Призываем население поддерживать установленный режим и порядок, беспрекословно выполнять все указания властей".

Эти приказы и листовки внесли большое успокоение. Порядок устанавливается. Теперь немцы целыми днями толпятся в комендатуре. Они приходят сюда за справками, спрашивают, что можно и чего нельзя: можно ли запирать двери, переезжать из подвалов на верхние этажи, торговать? Все суют коменданту какие-то справки, паспорта, документы.

Приходят врачи из больницы. Открываются магазины, пекарни.

Берлинские немцы знают теперь, что будет суд над военными преступниками. Берлинские немцы знают, что Германия должна ответить за разрушения, причиненные фашистскими войсками нашей стране. Они знают, что будет порядок. Они видят, как по улицам Берлина ходят комендантские патрули с красной повязкой на рукаве - власть; у предприятий стоят часовые - порядок; по улицам идут бойцы, танки, пушки - сила. Они знают, что Берлин в кольце, что Штеттин пал, что англичане, американцы и русские на Эльбе. Они знают также, что исход борьбы решен.

Да, исход борьбы решен! Правда, в центре города яростно и ожесточенно сопротивляются эсэсовские головорезы, нацистские преступники, которым нечего больше терять, и экзальтированные немки из женских батальонов Геббельса Но часы их сочтены. Штурм цитадели гитлеровского мракобесия и разбоя близится к концу.

*Апрель **1945** года*

Войска 1-го Белорусского фронта перерезали все пути, идущие из Берлина на запад, и 25 апреля соединились северо-западнее Потсдама с войсками 1-го Украинского фронта, завершив, таким образом, полное окружение Берлина.

Из оперативной сводки Соаинформбюро 25 апреля 1945 г.

БЕРЛИН В ОГНЕ

Павел ТРОЯНОВСКИЙ

В четвертом часу дня 21 апреля 1945 года генерал Пере-верткин перешел на новый наблюдательный пункт, выбранный на окраине берлинского пригорода Вейсензее.

- Ну вот и Берлин, любуйтесь, - сказал генерал своим помощникам, открывая окно маленькой комнаты на чердаке.

Уже не нужно было бинокля, чтобы увидеть широкую бескрайнюю панораму германской столицы. От горизонта до горизонта громоздились дома, сады, корпуса и трубы заводов, многочисленные кирхи вздымали свои высокие и острые шпили, в нескольких местах блестела на солнце узкая лента Шпрее,

Огромный Берлин лежал перед наступающей Красной Армией - город, где была задумана и подготовлена война, город, который осенью 1941 года с часу на час ждал сообщения о взятии Москвы, а до этого ликовал по поводу падения Вены, Праги, Варшавы, Парижа, Брюсселя, Амстердама, Афин, Киева...

Клубы черного дыма поднимались отовсюду и собирались над Берлином в громадное тяжелое облако. Немецкая столица горела. Гром артиллерийской канонады сотрясал воздух, землю, дома. По Берлину били многие тысячи пушек, и Берлин отвечал тысячами снарядов и мин.

Через тридцать минут генерал Переверткин вынужден был покинуть чердак. Два неприятельских снаряда один за другим ударили в крышу дома, три снаряда пробили стену второго этажа.

- Огрызается, - заметил генерал.

Дом закачался. Две минуты продолжался вражеский артиллерийский налет.

А когда генерал спустился в подвальное помещение, ему доложили сообщения из частей:

"Вступили на Берлинераллею. Движение прекратили. Стреляет каждый дом, каждое окно. Подтягиваем артиллерию".

"Роты залегли. Продвигаться вперед невозможно, сильный огонь со всех строи. Ждем танки и самоходные орудия..."

К ночи артиллерийские разведчики и звукобатарея корпусного артиллерийского полка только на участке наступления одной дивизии засекли четырнадцать вражеских батарей, в том числе три батареи зенитной артиллерии, два тяжелых полевых дивизиона и подразделение шестиствольных минометов.

За ночь соединение продвинулось вперед на восемьсот метров. И это было совсем немало!

Так шли дела не только на северной окраине, куда вступили полки генерала Переверткина. Так встретил Берлин наши войска на восточной, юго-восточной, на южной окраинах.

Немецкая столица отчаянно сопротивлялась.

Казалось, перед нашими бойцами и офицерами был не просто город, а чудовище, начиненное огнем и сталью, что дома в нем сложены не из кирпича, а из динамитных плит, что нет в нем площадей и скверов, а есть одни огневые позиции артиллерии и минометов.

Удары по районам немецкой столицы наносились строго по плану. Прежде всего они нацеливались на такие места, потеря которых расшатывала систему обороны противника. В первые же дни боев был занят район Тегель, где расположены главные станции водоснабжения Берлина. Наши войска быстро овладели аэропортами Адлерсхоф и Тельтов, лишив остатки немецкой авиации возможности базироваться у Берлина. Были заняты все радиостанции, все электростанции и главные газовые заводы в Сименсштадте.

В разгар уличных боев Берлин остался без воды, без света, без посадочных площадок для самолетов, без радиостанций. 25 апреля германская столица была полностью окружена и отрезана от всей страны.

На улицах Берлина замерли трамваи, остановились поезда метро, потухли лампочки; берлинцы спешно копали колодцы, ходили за водой на Шпрее.

Аэропорт Темпельхоф, оставшийся в руках врага, нейтрализовала наша артиллерия. Это была замечательная работа. Однажды вечером артиллеристы одного советского соединения подняли в воздух аэростат. Корректировщик майор Филиппов увидел в бинокль взлетные площадки центрального берлинского аэропорта, ангары, много самолетов самых различных систем.

- Прошу огня! - сказал Филиппов по телефону в штаб.

Ударили пушки. Филиппов наблюдал разрывы снарядов и сообщал по телефону поправки.

Немцы на аэродроме засуетились. Многие самолеты начали рулить к старту. Вражеские зенитки открыли огонь по аэростату.

- Спустите меня ниже! - скомандовал Филиппов.

Немецкие снаряды начали рваться высоко над ним, а наши пушки, пристрелявшись, перешли на поражение. Филиппов сообщал:

- Горят три самолета.
- Подбит истребитель!
- Вспыхнули две автоцистерны...

За два часа непрерывного огня наша артиллерия сожгла и подбила двадцать два немецких самолета, из них четыре загорелись на взлете.

Ночью советская артиллерия обрушила на Темпельхоф новый удар. После него, вплоть до занятия аэропорта нашей пехотой, ни один немецкий самолет не поднимался отсюда в воздух и не садился здесь.

Все время боев неослабную и неоценимую помощь наземным войскам оказывала советская авиация. Сотни, тысячи самолетов день и ночь кружились над немецкой столицей. Немцы встречали наши самолеты неистовым зенитным огнем. Но это не снижало активности авиации.

Мы были свидетелями удивительного случая. Часть подполковника Утихеева вела бой за банк на Гамбургераллее. Со двора банка злобно и часто били неприятельские шестиствольные минометы. Обработка двора артиллерией

ничего не дала, и подполковник Утихеее обратился к представителю авиационного штаба за помощью. Вскоре над банком появилась пятерка наших штурмовиков. Банк загорелся, окутался дымом. Один наш самолет был подбит немецкой зениткой. Летчик и стрелок выбросились с парашютами.

Вот они плавно стали опускаться на землю. Но ветер дул в сторону немцев и, к горечи всех нас, наблюдавших с земли, летчиков стало относить к противнику.

И вдруг у банка раздалось "ура". Пехота бросилась вперед. Рванулись вперед танки.

Через несколько минут подполковнику Утихееву донесли из первого батальона:

- Летчики приземлились на территории второй роты. Сержанты Батюков и Смолин вынесли их из-под огня.

Выяснилось, что пехота бросилась в атаку, чтобы спасти летчиков - лейтенанта Иволгина и старшину Возницина.

Так герои земли соревновались в отваге и смелости с героями воздуха.

Разве мог сдержать напор этих героев старый, надломленный и окруженный Берлин!

Днем 30 апреля и в ночь на 1 мая бои за Берлин достигли наивысшего напряжения. Наши части вонзили глубокие клинья в центр немецкой столицы. От рейхстага советские подразделения проникли к Бранденбургским воротам и через трехметровую баррикаду, сооруженную немцами, стали простреливать Унтер-ден-Линден. Шпрее перешли танки. Они с ходу вступили в огневой бой с вражеской артиллерией, расположенной в парке Тиргартен. Пехота подходила к Зоологическому саду. Бои гремели на Виль-гельмштрассе, у Потсдамского вокзала.

Берлин стал тесен для наших войск. Улицы были забиты танками, самоходными орудиями, автомашинами, обозами; площади, пустыри и развалины не вмещали артиллерию. Срочно растаскивались завалы кирпича и железа; на улицах делались проходы; дорожные батальоны устанавливали маршруты одностороннего движения. Убиралась разбитая вражеская техника - изуродованные "тигры" и "пантеры", длинноствольные зенитки, неуклюжие бронетранспортеры, минометы, машины.

Жители Берлина с тревогой и удивлением смотрели на нескончаемые массы русских войск. Наиболее смелые и любопытные берлинцы подходили к огромным серым советским танкам и спрашивали:

- Из Америки?

Танкисты не без удовольствия отвечали:

- Нет, это из России, с Урала...

Немцы качали головами и обращались к артиллеристам:

- Английские?

Командир тяжелого орудия, которое тащили два мощных трактора, строго говорил:

- Нам таких красавиц Урал присылает...

Особенно удивляла немцев "катюша". Три года с лишним в письмах и рассказах фронтовиков они слышали жалобы на этот странный и страшный вид оружия. Сейчас они его увидели и далеко обходили каждую машину, шепотом передавая друг другу пугающее слово "катюша".

Штурм последних очагов сопротивления врага продолжался всю ночь. По темным дымным улицам Берлина потянулись колонны пленных немецких солдат и офицеров. Пленные показывали, что оборона иссякает, ощущается недостаток в снарядах и патронах, что нет сил выдержать напряжение боя, которое росло с каждой минутой. Среди ста тридцати немцев, взятых в плен, в подвалах и убежищах министерства авиации советские военные врачи обнаружили семнадцать сумасшедших.

Окруженный гарнизон станции метрополитена против Потсдамского вокзала в четвертом часу утра побросал оружие и поднял руки вверх.

В эти критические для Берлина минуты на участке части полковника Смолина вдруг появился немецкий автомобиль с большим белым'флагом на радиаторе. Наши бойцы прекратили огонь. Из машины вышел немецкий офицер и сказал одно слово:

- Капитуляция...

Его поняли, приняли и проводили в штаб. Офицер заявил, что вновь назначенный начальник германского генерального штаба генерал Кребс готов явиться к советскому командованию, чтобы договориться о капитуляции берлинского гарнизона немецких войск.

Советское командование согласилось принять Кребса, и он вскоре приехал к генерал-полковнику Чуйкову. Тут

же был представитель Ставки генерал армии Соколовский.

Высокий, с утомленным бледным лицом, Кребс громко стукнул каблуками, поклонился нашим генералам и сказал:

- Я уполномочен известить советское командование и через него Советское правительство, что вчера, тридцатого апреля, германский фюрер Адольф Гитлер добровольно покинул этот свет…

Кребс помолчал, на секунду опустил голову, потом выпрямился и продолжал:

- Своим преемником в завещании Гитлер оставил гросс-адмирала Деница, а руководителем нового германского правительства назначил доктора Геббельса... Я имею честь
быть представителем этого нового правительства и явился к вам с личным поручением Геббельса...

- Что вы еще имеете сказать советскому командова нию? - спросил Чуйков.

Кребс продолжал;

- Новое германское правительство и высшее военное командование считают бесполезным дальнейшее сопроти вление в Берлине и просят советское командование объ явить на одни сутки перемирие, чтобы в течение их сформу лировать условия капитуляции и выяснить отношение Со ветского правительства и правительств ваших союзников к новому германскому правительству.

На это генералу Кребсу было отвечено:

- Советское правительство не может и не будет вести какие-либо переговоры с любым фашистским правитель ством Германии. Никакого перемирия на сутки или на час советское командование объявлять не будет и вырабатывать условия капитуляции остатков берлинского гарнизона не желает. Дальнейшее ваше сопротивление бессмысленно и приведет к полному истреблению ваших солдат и офицеров. Поэтому советское командование предлагает вам отдать приказ о немедленной, полной и безоговорочной капитуля ции остатков немецкого гарнизона в Берлине.

Кребс попросил разрешения съездить на доклад к Геббельсу и спросил, не сумеет ли советское командование установить со штабом обороны Берлина телефонную связь.

Эти просьбы начальника немецкого генерального штаба были удовлетворены.

До линии фронта генерала Кребса сопровождали представители нашего командования, а потом в его машину сел советский связист с телефонным аппаратом и двумя катушками кабеля.

Через некоторое время в нашем штабе раздался телефонный звонок:

- Говорит штаб обороны'Берлина. Генерал Кребс сделал доклад Геббельсу и просит снова его принять.

Во второй свой приезд Кребс был более многословен и настойчив. И приехал он не один, а с адъютантом, советниками, помощниками. Он заявил:

- На капитуляцию мы согласны, но мы просим Советское правительство и советское командование признать новое правительство Германии и оставить в его распоряжении ту часть Берлина, которая в настоящую минуту находится в руках немецких войск.

Ему ответили:

- Никаких условий, генерал Кребс. Безоговорочная и полная капитуляция - вот чего мы от вас ждем.

Кребс снова принялся излагать свои соображения. Между прочим, он сказал:

- Поймите, мы не можем остаться без территории. Наше правительство без территории будет похоже на польское правительство в Лондоне. Это же смешно и невозможно...

Ему опять ответили:

- Генерал Кребс, ни о каком вашем правительстве не может быть и речи. Вы должны немедленно безоговорочно капитулировать…

После этого Кре,бс еще раз попросил разрешения поехать в штаб обороны Берлина для доклада и консультации. Стало явным, что он стремится выиграть время и как можно дольше оттянуть сроки капитуляции. Его отпустили, но заявили:

- Если вы немедленно не отдадите приказа о полной капитуляции остатков немецкого гарнизона, мы начинаем последний штурм.

Кребс уехал.

Тут случилось одно событие, которое с новой силой зажгло ненависть к фашистам в сердцах наших воинов. Генерала Кребса, как и всех немцев, сопровождали в

целях безопасности советские офицеры. Машины подъехали к боевому охранению наших войск. Советские офицеры отдали распоряжение пропустить немцев дальше. Вот скрылась за поворотом последняя машина. И вдруг с немецкой стороны раздалась пулеметная очередь, потом вторая, третья. Немцы стреляли по офицерам, которые проводили генерала Кребса!

Майор Белоусов схватился за грудь. Лицо его покрылось мертвенной бледностью. Он зашатался и упал на мокрые камни. К майору бросились бойцы, офицеры.

- Вот гады… Никогда не верьте им…

Его положили на плащ-палатку и понесли в укрытие. Кровь капала на мостовую.

По смертельно раненному майору гитлеровцы дали еще несколько очередей из пулемета, и новая пуля раздробила его левую ногу.

С нашей стороны ответная стрельба возникла стихийно и мгновенно. С каждой минутой она разрасталась, усиливалась. Штаб обороны Берлина и генерал Кребс молчали.

Наш штаб отдал общий приказ:

- Огонь!

Берлин задрожал. Он уже познакомился за дни боев с мощью и силой русской артиллерии, минометов, авиации. Но то, что он услышал и пережил в минуты последнего штурма, - превзошло все. Можно себе представить, что творилось на позициях врага, если, например, только на одном километре фронта у Унтер-ден-Линден стояло свыше пятисот советских орудий!

День почернел. Дым, пыль и гарь закрыли солнце.

Через сорок пять минут наша пехота на всех участках фронта бросилась в атаку. В одном месте сержанты Иванов и Стариков увидели вдруг крадущегося вдоль каменной стены согнувшегося немецкого генерала.

- Стой, руки вверх! - закричали они ему.

Генерал выпрямился. Сержанты увидели на его груди железные кресты, а в правой руке белый флаг.

- Капитуляция! - сказал генерал.

Сержант Иванов проводил генерала в штаб полка, и там узнали, что это Вейдлинг, начальник немецкого гарнизона Берлина. Вейдлинг пожаловался командиру полка на страшный огонь советской артиллерии.

- Тридцать минут я не мог сделать ни одного шага, - заявил он. - У меня заболели уши, и я плохо слышу…

Спустя несколько минут Вейдлинг сидел уже в штабе генерала Чуйкова. Он сообщил, что Геббельс и генерал Кребс покончили с собой, и добавил:

- А я и мои войска готовы капитулировать...

В ожидании машинистки генерал Вейдлинг молча ходил взад и вперед по просторному и светлому кабинету нашего командующего. Чуйков стоял у окна и тоже молчал. Вейдлинг вдруг остановился и сказал:

- Вы знаете, генерал, в чьем доме размещен штаб вашей дивизии, куда я доставлен был сегодня утром?

- Не знаю, - ответил Чуйков, - не интересовался.

- 8 моем родовом доме. Ваш полковник сидит в моем кабинете, за моим столом...

Вейдлинг снова помолчал, а потом добавил:

- Это настоящий крах… Судьба…

В кабинет вошла машинистка. Вейдлинг подошел к ней и спросил Чуйкова:

- Разрешите?

- Пожалуйста, - ответил Чуйков.

- Приказ по войскам берлинского гарнизона... - начал
диктовать Вейдлинг.

- Солдаты, офицеры, генералы!

Тридцатого апреля фюрер покончил с собой, предоставив нас, давших ему присягу, самим себе.

Вы думаете, что согласно приказу фюрера все еще должны сражаться за Берлин, несмотря на то, что недостаток тяжелого оружия, боеприпасов и общее положение делают дальнейшую борьбу бессмысленной.

Каждый час нашей борьбы увеличивает ужасные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых. Каждый, кто гибнет сейчас за Берлин, приносит напрасную жертву.

Поэтому, в согласии с Верховным Командованием советских войск, я призываю вас немедленно прекратить сопротивление.

Подпись: Вейдлинг - генерал артиллерии и командующий обороной Берлина. 2 мая 1945 года

В центре Берлина в это время уже шла массовая капитуляция немецких частей и подразделений. Некоторые из

них приняли решение о капитуляции самостоятельно, многие подчинились устному приказу Вейдлинга, переданному из штаба обороны Берлина по телефону и радио, а иные части складывали оружие по примеру соседей.

В места, где немцы продолжали сопротивляться, поехали на мощных радиомашинах офицеры германского генерального штаба и штаба обороны Берлина с письменным приказом Вейдлинга.

Стрельба в Берлине начала стихать.

Из подвалов, из развалин домов, из тоннелей метрополитена, из окопов и траншей Тиргартена и Зоологического сада выходили немецкие офицеры с белыми флагами и спрашивали у наших офицеров, где сдавать оружие.

Около приемных пунктов образовались длинные очереди. Штабеля винтовок, автоматов, пулеметов, кучи патронов, лент росли с каждой минутой.

- Двадцатая тысяча, - устало говорил старшина Ведерников соседу, но внимательно и придирчиво осматривал двадцати тысячный автомат, который подал ему рыжеватый, с очками, немецкий ефрейтор.

- Глазу за вами не было, - продолжал Ведерников, - сколько грязи... А ну-ка почистить его здесь, вот тряпки возьми...

Немецкий ефрейтор без переводчика понял старшину и опустился на землю, чтобы почистить автомат.

Артиллеристы сдавали пушки, танкисты - танки, минометчики - минометы, связисты - средства связи, шоферы - машины. Сдавали продовольственные, артиллерийские, санитарные и другие склады, госпитали, оружейные мастерские, гауптвахты.

Приемщики - артиллеристы дивизии полковника Смолина обратили внимание на одну немецкую гаубицу. На ее стальном зеленом щите была нарисована карта с датами и надписями.

- Музейная? - спросил лейтенант Перегудов у командира немецкой батареи.

- Историческая, - ответил немец.

Наши артиллеристы рассмотрели карту. Она отмечала путь этой немецкой гаубицы: вышла она из Берлина и побывала в Париже, в Афинах, под Москвой, на Кавказе.

- Обер-лейтенант, -обратился к немцу Перегудов, - мы вам дадим краску и кисточку. Напишите последний пункт, где стреляла ваша гаубица: Берлин. Мы ее в Москву на выставку отправим.

Немец с неохотой, но все-таки написал: "Берлин. 20 апреля - 2 мая 1945 г."

По улицам немецкой столицы потянулись длинные колонны капитулировавших фашистских войск. Пленные шли по Унтер-ден-Линден, по Фридрихштрассе, по улице Вильгельма, по улице Геринга. Впереди каждой дивизионной колонны шагали генералы и офицеры.

Толпы женщин, стариков и детей выстроились у домов, на площадях, у мостов. Тысячи глаз были устремлены на капитулировавшее войско Гитлера. Часто раздавались крики:

- Герман!

- Пауль!

~- Генрих!

Это женщины узнавали своих мужей, сыновей, отцов.

Берлин никогда не забудет своеобразного и последнего "парада" германских войск.

Дымились дома. На мостовых валялись камни, стекла, арматура. Маленькие, большие и совсем огромные воронки чернели на асфальте. В дырявых стенах свистел ветер. С неба падал не по-весеннему холодный и мелкий дождь.

По улицам шли кривые шатающиеся ряды черных, грязных, закопченных и ободранных немецких солдат. Лица худые, изможденные, ноги еле двигаются; руки или заложены за согнутую спину, или устало болтаются у карманов. Ни один солдат не смотрел в глаза берлинцам.

Заслуженный позор немецкой фашистской армии, позор поверженной германской столицы! С гордостью победителей смотрели советские воины на врагов, сокрушенных в бою, на черную силу фашизма, сломленную и раздавленную нашей Красной Армией. И не было жалости к этим вереницам согбенных скелетов в мутно-зеленых мундирах, к дымящимся развалинам вражеской столицы. Слишком много зла принесли они в мир. Но вот теперь довоевались, "завоеватели" вселенной, "покорители" Европы, Азии,. Африки!

1945 год

Леонид ЛЕОНОВ

Германия рассечена. Зло локализовано. Война подыхает.

Она подыхает в том самом немецком рейхе, который выпустил ее на погибель мира. Она корчится и в муках грызет чрево, ее породившее. Нет зрелища срамней и поучительней: дочь пожирает родную мать. Это - возмездие.

Почти полтора десятка лет сряду германские империалисты растили гигантскую человеко-жабу - фашизм. Над ней шептали тысячелетние заклинанья, ей холили когти, поили до отвала соками прусской души. Когда жаба подросла, ее вывели из норы на белый вольный свет. В полной тишине она обвела мутным зраком затихшие пространства Центральной Европы. О, у ада взор человечней и мягче! Было и тогда еще не поздно придушить гаденка: четыре миллиарда людских рук и горы расплющат, объединясь. Случилось иначе. Вдовы и сироты до гроба будут помнить имя проклятого баварского города, где малодушные пали на колени перед скотской гордыней фашизма.

Сытый, лоснящийся после первых удач зверь стоял посреди сплошной кровавой лужи, что растекалась на месте нарядных, благоустроенных государств. Он высматривал очередную жертву. Вдруг он обернулся на восток и ринулся во глубину России - оплота добра и правды на земле… Как бы привиденья с Брокена двинулись по нашей равнине, не щадя ни красоты наших городов, ни древности святынь, ни даже невинности малюток, - избы, цветы и рощи наши казнили они огнем лишь за то, что это славянское, русское, советское добро. Плохо пришлось бы нам, кабы не песенная живая вода нашей веры в свои силы и в свое историческое призвание.

Перед последней атакой, когда в орудийные прицелы с обеих сторон уже видно содрогающееся сердце фашистской Германии, полезно припомнить и весь ход войны. Мои современники помнят первый истошный вопль зверя, когда наши смельчаки вырвали из него пробный клок мяса под Москвой. Они не забыли также и легендарный бой на Волге, о каждом дне которого будет написана книга, подобная Илиаде. Эта священная русская река стала тогда заветной жилочкой человечества, перекусив которую, зверь стал бы почти непобедимым. С дырой в боку, он был еще свеж, нахрапист, прочен; боль удесятеряла его ярость, он скакал и бесновался; когда он поднялся на дыбки для решающего прыжка - через оазисы Казахстана в райские дебри Индии, -Россия вогнала ему под вздох, туго, как в ножны, рогатину своей старинной доблести и непревзойденной военной техники. Хотя до рассвета было еще далеко, человечество впервые улыбнулось сквозь слезы... О дальнейшем, как мы преследовали и клочили подбитую гадину, пространно доскажет история.

Нам было тяжко. Наши братья качались в петлях над Одером; наши сестры и невесты горше Ярославен плакали в немецком полоне, - мы дрались в полную ярость. Мы не смели умирать; весь народ, от маршала до бойца, от наркома до курьерши, понимал, какая ночь наступит на земле, если мы не устоим. Даже на обычную честную усталость, какую знает и железо, не имели мы права. О, неизвестно, в каком из океанов - или во всех четырех сразу! - отражалась бы сейчас морда зверя с квадратными усиками и юркими рысьими ноздрями, если бы хоть на мгновение мы усомнились в победе. Все это не похвальба. Никто не сможет отнять величие подвига у наших бескорыстных героев, ничего не требующих за свой неоплатный смертный труд - кроме справедливости. Мы поднимаем голос лишь потому, что, к стыду человеческой породы, кое-кто в зарубежных подворотнях уже высовывает шершавый свой язык на защиту палачей.

Из безопасных убежищ они смотрят в предсмертные потемки Германии и в каждой мелочи с содроганием видят приближение собственного скорого и неизбежного конца. Грабленое золото - горючее для будущих злодейств - уже перекачивается в надежные нейтральные тайники; уже гаулейтеры примеряют на себя перед зеркалом вдовьи рожи; вчерашние упыри репетируют вполголоса лебединые арии под названием "гитлеркапут". Наверно, в эту самую минуту где-нибудь в стерильном подземелье придворные мастера пластических операций перекраивают под местной анестезией личности Адольфа Гитлера, и его портативной говорильной обезьянки - душки Риббентропа, и долговязого

трупоеда Гиммлера. Мы отлично понимаем, что обозначает "сердечное заболевание" Германа Геринга, но трудновато будет выкроить из этого борова даже среднего качества мадонну! Им очень желательно ускользнуть неузнанными от судей... Вряд ли все эти эрзац-человеки, ненавидимые даже в собственной стране, сами и добровольно уйдут из жизни. Нет, этим далеко даже до ихнего Фридриха, который после успехов конфедерации лишь пытался наложить на себя руки. Этих придется вешать... Но до самой удавки они будут рассчитывать, что найдется бесчестный или ротозей, который выронит из своих уст слово "пощада", если поскулить поплачевней. Вот ход их мыслей: "Ну и побьют немножко для приличия, даже посекут публично на глазах у Германии, крепко - до вывихов шеи, дадут разок-другой по сусалам, даже могут непоправимо попортить внешность... и отпустят. Э, дескать, нам с лица не воду пить, а при наличии капиталов можно существовать и с несколько несимметричной наружностью..."

Здесь требуется грубое слово, суровое и разящее, как взгляд солдата, что дерется сейчас за разум, честь и красоту на пылающих развалинах Унтер-ден-Линден. Неудивительно видеть в кучке непрошенных добряков и плакальщиков такое лающее четвероногое, как журналист Ялчин. Есть такие преданные псы, что скулят и грызутся, когда секут их хозяина: помнит собачья душонка сладкий кусок мясца!.. Понятны также причины, по каким забыл про Ковентри и Лондон семидесятилетний Брейлсфорд, предлагавший лечить гестаповцев настоем из маргариток и путешествиями по святым местам. И вообще-то слаб человек, а этот вдобавок женился недавно на молодой, сочной фрау, служебные номер и кличка которой нам пока неизвестны. Немудрено, равным образом, найти объяснение знаменитому милосердию некоторых пожилых великосветских дам, вчерашних патронесс общества "противников вивисекции" - сегодняшних опекунш в отношении безусых элегантных садистов, этих выродков с пузырчатыми водянистыми капсулами вместо глаз. Бессильные сами бороться со злом или в надежде на будущие услуги от него, они вышибают честный штык из рук солдата, хватают за ноги бегущего в последнюю атаку, и вот он падает с дыркой во лбу, защитник угнетенных и гордость своей родины. Пожалуй, не стоило бы упоминать об этих сомнительных *друзьях* культуры. Она для них лишь бизнес, и как бизнес она процветает. И если бы Гитлеру удалось наконец истребить полностью весь род людской, они скорбели бы лишь об утрате столь обширного покупательского контингента. Пусть! Даже когда отомрет звериный хвост у человечества, все же останутся в порах земли микробы и алчности, и недоумия, и похоти... Планету не вскипятишь! Но в этой толпе доброхотных пахарей милосердия выделяется своей патриархальной сединой сам римский первосвященник... только этот работает втихую! Видимо, какая-то малоизвестная заповедь или догмат руководят поступками святейшего отца Ввиду того, что, по слову Григория Великого, папа есть не только "консул всетворца", но и "раб рабов божьих", мы обращаемся к нему с простодушной просьбой: рассказать вслух, на виду всего христианского мира, как он вступился за наших братьев и сестер, когда их пришивали пулеметными очередями к мерзлой земле, травили "циклоном", оскопляли в застенках, пластовали и выкачивали кровь на мраморных столах, закапывали живьем, распинали, истребляли голодом и сумасшествием, изготовляли из них удобрение для мавританских лужаек, кроили абажуры и подтяжки из их еще неостылой кожи! Пусть он покажет детям земли гневные буллы к своему подопечному в Берлин, чтобы тот пощадил хотя бы крошек, которых так любил Иисус!

Их нет, мы не нашли таких посланий в гестаповских канцеляриях, где еще не просохла безвинная кровь. Зачем же вы так нехорошо молчите, ваше святейшество? Может быть, вы не верите в злодеяния нацистов на православной Украине и в католической Польше? Ведь чужие слезы всегда такие неслышные, и вдобавок - пройдя через тончайшие фильтры просвещенного скептицизма, - достигают, наверно, вашей совести в виде дистиллированной воды. Конечно, вы пребываете в безмолвии мудрости, и самая осиротевшая мать не докричится до вашего горнего уединения. Тогда посетите места, где свирепствовала гитлеровская орда. Я сам, как Вергилий, проведу вас по кругам Мэйданека и Бабьего Яра, у которых плачут и бывалые солдаты, поправшие смерть под Сталинградом и у Киева. Вложите апостолические персты в раны моего народа, и если только с приятием чина ангельского вы не утратили облика челове-

ческого, то - подобно Петру, подъявшему свой меч на негодяев, пришедших за Иисусом, - вы поднимите свой посох, как палку, на злодеев, худших, чем даже ваши предшественники: хотя бы мрачный убийца Балтазар Косса, осрамивший лик человеческий в качестве Иоанна XXIII, или тот Иоанн Xi I, что пил в своем гареме за здоровье дьявола, или знаменитый дон Родриго Борджиа, которого прокляли Рим и мир под именем Александра VI.

Ах, папа, папа, загадочный пастырь, охраняющий волков от овец! Не бойтесь за Германию. Мы могли бы считать, что после содеянного ею на Востоке - нам позволено все; но мы пришли туда не за тем, чтобы убивать женщин и детей, а чтобы уничтожить воинствующую хамскую мечту о порабощении народов чужого языка и расы. Даже не ради мщенья, а в целях санитарной профилактики мы обойдем с оружием эту преступную страну. Нам нет нужды истреблять всех немецких дураков, поверивших своему ефрейтору, будто германская кровь дороже французской, негритянской или еврейской... Утешьте же обреченных фашистских главарей, ваше святейшество, обещанием райского блаженства после петли, а потом, когда свершится правосудие, молитесь за них - сообразно вашему досугу -за смирных и безопасных, навеки сомкнувших свои вурдалачьи окровавленные уста!

Нет, не помилуем, не отпустим, не простим. Не предадим наших великих мертвецов. Гадкий спектакль фашизма кончается, и освистанным балаганщикам не помогут теперь ни молитвенные воздыхания, ни дамское заступничество, ни купеческая доброта ко всемогущему злу, доставляющему дивиденды. Мы распознаем их в любом обличье, обшарим горы, подымем каждую песчинку в захолустьях далеких материков. И если только былое отчаянье не выжгло чувство чести у людей, они не помилуют ни дворца, ни хижины, где застигнут притихших, перелицованных беглецов - обуглят самую землю, давшую им пристанище. Только так возможно обезвредить все, чем они еще грозятся будущим поколениям, испуская дух. Только беспощадностью к злодейству измеряется степень любви к людям. Да здравствует жалость, жалость неподкупных судей, - жалость к тем, которые еще не родились!

Наступает желанная минута, ради которой мы четыре года бестрепетно принимали лишения, тревоги, горечи неминуемых потерь. Борьба продолжается, предстоит еще добить врага, но уже неправедная немецкая земля под сапогами нашими. Это утро - и скоро день... Завтра, впервые за много лет, воины без опаски разведут костры на привалах. Грянул громовой кзпут тысячелетней бредовой немецкой мечте о надмирном владычестве... Потом пепел, смрад и вздыбленный прах медленно осядут на остывающие камни Германии, и тогда для человечества наступит ослепительный полдень, который пусть никогда уже не сменится ночью! Какое отличное утро смотрит нам в лицо; как красивы и праздничны даже эти дымящиеся, с красными флагами пламени берлинские развалины - в час, когда в них вступает Свобода!

Совесть в нас чиста. Потомки не упрекнут нас в равнодушии к их жребию. Вы хорошо поработали, труженики добра и правды, которых фашизм хотел обратить не в данников, не в рабов, даже не в безгласный человеко-скот, но в навозный компост для нацистского огорода.. . Слава вам, повелители боя, сколько бы звезд ни украшало ваши плечи; слава матерям, вас родившим; слава избам, которые огласил ваш первый детский крик; слава лесным тропкам, по которым бегали в детстве ваши босые ножки; слава бескрайним нивам, взрастившим ваш честный хлеб; слава чистому небу, что свободно неслось в юности над головами вашими!.. Живи вечно, мой исполинский народ, ликуй в близкий теперь день торжества великой правды, о которой в кандалах, задолго до Октября, мечтали твои отцы и деды.

Мы победили потому, что добра мы хотели еще сильней, чем враги наши хотели зла. Германия расплачивается за черный грех алчности, в который вовлекли ее фюрер и его орава. Они сделали ее своим стойлом, харчевней для жратвы, притоном для демагогического блуда, станком для экзекуций, плац-парадом для маньякэльных шествий... Злую судьбу на многие века готовили они Европе и миру. Тогда мы хлынули на эту страну, как море, - и вот она лежит на боку, битая, раскорякая, обезумевшая.

Мы расплачиваемся с ней вполгнева, иначе один лишь ветер ночной плакал бы теперь на ее голых отмелях. Громадна сила наша - по широте нашей страны, по глубине наших социальных стремлений, по могуществу индустрии нашей, по величию нашего духа. История не могла поступить

иначе. Наше дело правое. Мы сказали. Слово наше крепко. Аминь.

30 апреля 1945 года

КАПИТУЛЯЦИЯ

Борис ГОРБАТОВ

Восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого года человечество вздохнуло свободно.

Гитлеровская Германия поставлена на колени.

Война окончена.

Победа.

Что может быть сильнее, проще и человечнее этих слов!

Шли к этому дню долгой дорогой. Дорогой борьбы, крови и побед. Мы ничего не жалели.

И вот он, вот этот день. Берлин в дымке, солнце над Темпельхофским аэродромом и высокое небо над головою - ждем появления самолетов в нем. Амфитеатром расположился огромный аэропорт. Его ангары разбомблены, здания сожжены. На бетонированном поле еще валяются разбитые "юнкерсы", под ногами - холодные, мертвые осколки бомб. Это поле - поле боя. Оно, как весь наш путь, - путь боев и побед. Сегодня оно будет полем встречи с друзьями и союзниками для того, чтобы вместе продиктовать свою волю побежденному врагу.

- Что же, Темпельхофский аэродром будет Компьенским лесом? - говорит кто-то.

Нет, это не Компьен. Компьена не будет. И Версаля не будет. И гитлеровского кошмара больше не будет никогда.

Ровно в двенадцать часов пятьдесят минут один за другим стремительно, красиво, словно линия, подымаются в небо наши истребители. Они делают круг над аэродромом и уходят на запад, навстречу самолетам союзников. Спустя полчаса с аэродрома в городе Штендаль подымаются пять "дугласов" и берут курс на восток. Почетным эскортом сопровождают их наши истребители. Два из них впереди.

В 14 часов на Темпельхофский аэродром в Берлине прибывают представители командования Красной Армии во главе с генералом армии Соколовским. Затем в небе появляются "дугласы" с американскими и английскими опознавательными знаками. Самолеты слетаются и вот уже бегут по бетонной дороге.

Из самолетов выходят глава делегации верховного командования экспедиционных сил союзников главный маршал авиации сэр Артур В.Теддер, за ним генерал Карл Спаатс, адмирал сэр Гарольд Бэрроу, офицеры английской и американской армии и флота, корреспонденты газет и кинооператоры.

Генерал армии Соколовский здоровается с главой делегации и представляет ему начальника гарнизона и коменданта Берлина, генерал-полковника Берзарина, генерал-лейтенанта Бокова. Американские и английские генералы и офицеры сердечно пожимают руки советских генералов и офицеров. Крепкое рукопожатие. Встреча союзников и победителей.

Из другого самолета выходят представители гитлеровского командования во главе с генерал-фельдмаршалом Кейтелем. Они идут молча и хмуро. Они в своих генеральских мундирах, при орденах и крестах. Высокий худой Кейтель изредка поворачивает голову в сторону - там, в дымке, Берлин. Они проходят к машинам, ожидающим их. Сев в машину, фельдмаршал Кейтель тотчас же раскрыл папку и стал читать какой-то документ.

А по бетонным дорожкам аэропорта, мимо молодцеватого почетного караула советских воинов, идут победители - советские, американские, английские генералы и офицеры. Развеваются флаги союзных держав. Оркестр играет гимны. Церемониальным маршем, крепко вколачивая шаги в бетон, проходят русские воины. До чего же солнечно сейчас на душе у каждого!

Все чувствуют величие момента. Каждый понимает, что присутствует при акте, определяющем судьбу поколений. Глава делегации верховного командования экспедиционных сил союзников главный маршал авиации сэр Артур Теддер произносит перед микрофоном речь:

- Я являюсь представителем верховного главнокоман-

дующего Эйзенхауэра. Он уполномочил меня работать на предстоящей конференции. Я очень рад приветствовать советских маршалов и генералов, а также войска Красной Армии. Особенно рад, потому что я приветствую их в Берлине. Союзники на западе и востоке в результате блестящего сотрудничества проделали колоссальную работу. Мне оказана большая честь передать самое теплое приветствие с Запада - Востоку.

Начальник почетного караула полковник Лебедев сообщает эти слова воинам караула и провозглашает:

- За нашу победу - "УР[3]"

Могучее "ура" победителей гремит в поверженном Берлине.

Затем члены делегаций и все присутствующие на аэродроме отправляются в Карлсхорст - пригород Берлина, где должен быть подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Путь лежит через весь Берлин - через разрушенный, побежденный Берлин, через Берлин, штурмом взятый нашими войсками.

Поток машин несется по улицам германской столицы. Дорога расчищена, но на тротуарах лежат груды битого кирпича и мусора. Развалины - следы работы союзных летчиков и советских артиллеристов. Победители едут по Берлину. На перекрестках молча стоят жители города. Победители мчатся по Берлину, и вслед за ними следуют побежденные гитлеровские генералы, принесшие капитуляцию. О чем думают они сейчас, проезжая по улицам Берлина? Вспоминают ли плац-парады или последние дни крушения? Они посеяли ветер и теперь пожинают бурю.

Машины проходят под воздвигнутой нашими бойцами аркой победы. Над ней гордо развеваются три флага и надпись: "Красной Армии - слава!" Поток машин проносится под аркой. Мелькают улицы, развалины, люди.

Вот, наконец, Карлсхорст. Карлсхорст - этот берлинский пригород - сегодня на наших глазах вошел в историю. Здесь могила гитлеровской Германии, здесь конец войне. Все здесь принадлежит истории. И это здание бывшего немецкого военно-инженерного училища, в котором состоялось подписание акта капитуляции. И этот зал офицерской столовой, эти четыре флага на стене - советский, американский, английский и французский - символ боевого содружества. И эти столы, покрытые серо-зеленым сукном, и все минуты этого короткого, но преисполненного глубокого волнения и смысла заседания - все это принадлежит истории. Хочется запечатлеть каждую минуту.

В зал входят Маршал Советского Союза Жуков, главный маршал британской авиации сэр Артур В.Теддер, генерал Спаатс, адмирал сэр Гарольд Бэрроу, генерал Делатр де Тассиньи и члены советской, американской, английской и французской делегаций.

Историческое заседание начинается. Оно очень недолго продолжалось. Немного людей присутствует в зале, немного слов произносится. Но за этими словами - долгие годы войны. Маршал Жуков на русском языке, а затем главный маршал авиации Теддер объявляют, что для принятия условий безоговорочной капитуляции пришли уполномоченные германского верховного командования.

- Пригласите сюда представителей германского верховного командования, - говорит маршал Жуков дежурному офицеру.

В зал входят немецкие генералы. Впереди идет генерал-фельдмаршал Кейтель. Он идет, стараясь сохранить достоинство и даже гордость. Поднимает перед собой свой фельдмаршальский жезл и тут же опускает его. Он хочет быть картинным в своем позоре, но дрожащие пятна проступают на его лице. Здесь, в Берлине, сегодня его последний "плац-парад". Вслед за ним входят генерал-адмирал фон Фридебург и генерал-полковник Штумпф. Они садятся за отведенный им в стороне стол. Сзади их адъютанты.

Маршал Жуков и главный маршал авиации Теддер объявляют:

- Сейчас предстоит подписание акта о безоговорочной капитуляции.

Немцам переводят эти слова. Кейтель кивает головой: - Да, да, капитуляция.

Имеют ли они полномочия немецкого верховного командования для подписания акта капитуляции?

Кейтель предъявил полномочия. Документ подписан гроссадмиралом Деницем, уполномочивающим генерал-фельдмаршала Кейтеля подписать акт безусловной капитуляции.

- Имеют ли они на руках акт капитуляции, познакомились ли с ним, согласны ли его подписать? - спрашивают маршал Жуков и маршал Теддер.

О капитуляции, только о капитуляции - полной, безоговорочной, безусловной, идет речь в этом зале сегодня.

- Да, согласны, - отвечает Кейтель.

Он разворачивает папку с документами, вставляет монокль в глаз, берет перо и собирается подписать акт. Его останавливает маршал Жуков.

- Я предлагаю представителям главного немецкого командования, - медленно произносит маршал Жуков, - подойти сюда к столу и здесь подписать акт.

Он показывает рукой, куда надо подойти фельдмаршалу.

Кейтель встает и идет к столу. На его лице багровые пятна. Но его глаза слезятся. Он садится за стол и подписывает акт о капитуляции. Кейтель подписывает все экземпляры акта.Это длится несколько минут. Все молчат, только трещат киноаппараты. В этом зале сейчас нет равнодушных людей, нет равнодушных и во всем человечестве и тем более - в Советском Союзе. Это на нас обрушилась войной гитлеровская военная машина. Наши города жгли, наши поля топтали, наших людей убивали, у наших детей хотели украсть будущее.

Сейчас в этом зале гитлеровцев поставили на колени. Это победитель диктует свою волю побежденному. Это человечество разоружает зверя.

фельдмаршал Кейтель подписал капитуляцию. Он встает, обводит взглядом зал. Ему нечего сказать, он ничего и не ждет. Он вдруг улыбается жалким подобием улыбки, вынимает монокль и возвращается к своему месту за столом немецкой делегации. Но прежде чем сесть, он снова вытягивает перед собой свой фельдмаршальский жезл, затем кладет его на стол. Акт о капитуляции подписывают генерал-адмирал фон Фридебург, генерал-полковник Штумпф.

Все это происходит молча, без слов. Слов уже не надо. Все нужные слова сказали Красная Армия и армии наших союзников. Теперь это только безусловная, безоговорочная капитуляция. Больше от гитлеровцев ничего не требуется. Немецкие уполномоченные молча подписывают акт. Затем акт подписывают маршал Жуков и главный маршал авиации сэр Артур Теддер. Вот подписывают акт также свидетели - генерал Спаатс и представитель французской делегации генерал Делатр де Тассиньи.

Члены немецкой делегации могут покинуть зал.

Немецкие генералы встают и уходят из зала - из истории. Все присутствующие на этом историческом заседании радостно поздравляют друг друга с победой. Война окончена. Маршал Советского Союза Жуков жмет руку маршалу английской авиации Теддеру, генералу американской армии Спаатсу и другим генералам.

Победа! Сегодня человечество может свободно вздохнуть. Сегодня пушки не стреляют.

В ночь на 9 мая 1945 года

Войска 1-го Украинского фронта,
в результате стремительного ночного маневра танковых соединений и пехоты, сломили сопротивление противника и 9 мая в 4 часа утра освободили от немецких захватчиков столицу союзной нам Чехословакии город Прагу...

Из оперативной сводки Совинформбюро 9 мая 1945 г.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАГИ

Борис ПОЛЕВОЙ

Прага освобождена от немецко-фашистских банд! Эти слова, переданные вчера полевой рацией прославленного генерала танковых войск Лелюшенко, были приняты военными радиостанциями под утро, когда фронтовой народ, ликуя, праздновал долгожданную победу.

Освобождение Праги означало не только изгнание немецких оккупантов из столицы Чехословакии. С военной точки зрения оно означало ликвидацию последнего крупнейшего очага сопротивления немцев, где вопреки подписанному акту о капитуляции они еще пытались продолжать войну.

Вопреки этому документу большая группа немецких войск, так называемая "Митль-группа", руководимая фельдмаршалом Шернером, все еще вела активные бои.

Теснимая нашими наступающими частями, она прикрывалась сильными арьергардами и, оказывая сопротивление на каждом рубеже, начала откатываться на юг, в Чехословакию, чтобы закрепиться за высокой грядой Рудных гор. Эти отпетые гитлеровцы имели, по-видимому, своей целью соединиться с немецкими войсками, оккупировавшими Чехословакию, и развернуть бой в районе Праги.

Тогда наше командование отдало приказ преследовать и неотступно уничтожать нарушившие условия капитуляции войска "Митль-группы". Чтобы не дать им соединиться с оккупационными немецкими частями Чехословакии и предупредить занятие ими Праги, что неминуемо вызвало бы разрушение города, танкисты генералов Лелюшенко и Рыбалко получили приказ прорваться сквозь фронт отступающих неприятельских войск, оставить их в тылу и, стремительно продвигаясь на юг, освободить от оккупантов столицу Чехословакии, прежде чем в нее успеет ворваться Шернер со своими бандами.

Вот этот-то поистине молниеносный удар и был совершен нашими танкистами в историческую ночь, когда весь советский народ, а с ним вместе свободолюбивые народы всего мира праздновали победу над гитлеровской Германией. Танкистам предстояло за ночь пройти с боями почти сто километров. Но главная трудность состояла не в этом: путь наступающим преграждали высокие гряды гор, тянущихся с запада на восток несколькими параллельными хребтами. Эти горы невысоки, но очень круты.

Дороги через них местами висят над пропастями, перевалы узки и извилисты.

И вот танковые части 1-го Украинского фронта начали эту историческую операцию.

Пока еще трудно воспроизвести ее во всех подробностях, но по отрывочным сведениям, уже поступившим по радио, и по рассказам самих танкистов, слышанным мною в Праге, картина этого ночного перехода танковых соединений через горы рисуется так. Танки рвались вперед, сметая на пути вражеские заслоны. Подчас на горных речках танкисты вылезали из машин и вместе с мотопехотинцами, которые ехали на броне, превращались в саперов, наводя мосты и выкладывая деревянные гати.

В топких лощинах, на перевалах и узких горных дорогах немцы успели устроить труднопреодолимые завалы. Огромные срубленные сосны были опутаны проволокой и заминированы. Каждая минута стоила выигранного боя, и танкисты разметывали эти завалы сокрушающим огнем своих пушек и шли дальше по узким, витым дорогам, пробираясь там, где обычно ездили только всадники.

Ночью, отбросив в бою последние вражеские заслоны, стальная лавина перевалила через хребты и сразу хлынула вниз, в долину. Внезапное появление наших танков ночью, за горными хребтами, было настолько неожиданным для командования "Митль-группы", что в долине немецкие засады порой даже не оказывали сопротивления и разбегались, бросая противотанковые пушки и не успевая убрать предупреждающие таблички с минных полей.

Под утро наши танки, еще раз опрокинув немецкие заслоны в предместьях Праги, ворвались в чехословацкую столицу и освободили ее.

Мы летим в освобожденную столицу Чехословакии, и под крылом самолета видны следы последнего нашего удара. По всем дорогам тянутся на север бесконечные, длинные вереницы пленных. Мы видим четко обозначенные на зелени нив зигзаги окопов, вокруг деревень и городков - дзоты, огневые точки, а в городах - баррикады на перекрестках. Танковые завалы, бетонные массивные шлагбаумы на въездах.

Вереница брошенных орудий, танков, тягачей. Пролетели над большим военным аэродромом, на котором в неприкосновенности в шахматном порядке стояли "хейнкели" и "фокке-вульфы". Все это оставлено, брошено, позабыто. Минуем город, еще дымящийся своими заводскими трубами, переваливаем через зеленые, лохматые хребты гор. И вот в сиянии великолепного весеннего дня, на фоне чистого синего южного неба по берегам извилистой и быстрой Влтавы зубцами своих башен, острыми кинжалами шпилей костелов и церквей встает чудесная, зеленая красавица - Прага.

Мы делаем над ней несколько кругов, ища место посадки, и, пока под нами, как в кино, проплывает этот великолепный город, я вспоминаю слова чешского патриота Дороша, старого пражского инженера из корпуса генерала Свободы, сказанные им далеко отсюда, в Карпатах, в первый день, когда чехословацкие солдаты вместе с Красной Армией освободили первые километры чехословацкой земли.

- Каждый из нас готов трижды умереть в бою, чтобы только дойти до Праги, поцеловать ее мостовую, выпить воду из светлой Влтавы.

И вот сбылась эта мечта. Красная Армия освободила и вернула своим славянским собратьям их чудесную столицу. Даже с самолета видны на улицах и на бульварах праздничные толпы и масса чехословацких трехцветных государственных флагов, бог весть кем сохраненных в течение шести лет немецкой оккупации и вот сегодня снова вывешенных на башнях, на балконах, на окнах.

Приземление немудреного нашего самолета на аэродроме неожиданно вызывает триумф. Это первый самолет Красной Армии, севший здесь, и нам, как представителям Красной Армии, приходится принять адресованные ей восторги и уважение праздничной шумной пражской толпы, в несколько минут сбежавшейся сюда.

И уже тут, на Пражском аэродроме, ощущаешь во всей мощи и полноте то чудесное, восторженное отношение, которое питают к Красной Армии народы, освобожденные ею от немецкой оккупации, и чувством невольной гордости наполняется сердце за свое советское гражданство, за свой русский офицерский мундир. Девушки протягивают нам букеты цветов, какие-то очень солидные и радостно оживленные люди протягивают записные книжки, требуя автографов.

Нам долго, вероятно, не вырваться из окружения этой толпы, если бы не патруль из местных партизан с трехцветными повязками на рукавах. Они остановили первую же проходившую легковую машину и, объяснив ее владельцу доктору Надену, кто мы, попросили его провезти нас по городу. От них мы узнали, что, прослышав о приближении наших танков, население во многих районах столицы подняло восстание, вооружилось спрятанным до поры до времени оружием и завязало бои с немецким гарнизоном. А сейчас повстанцы взяли на себя роль охранителей порядка и, нужно сказать, справляются с этим отлично.

На стареньком докторском "фордике", построенном, вероятно, на заре автомобилестроения, объезжаем мы залитые солнцем, полные ликующей толпой улицы Праги.

Открыто и шумно, со славянской сердечностью и непосредственностью празднует Прага день своего освобождения.

У группы наших танков на улице Масарика такая большая толпа, что по ней прекратилось движение. Огромные стальные машины, как потом, покрытые маслом и пылью, украшены венками, лентами. Смущенные, улыбающиеся танкисты едва успевают отвечать на рукопожатия и принимать новые и новые букеты цветов. И тут же на гусеницах, отполированных долгими переходами, целая выставка съестного - корзиночки с яблоками и солеными помидорами, бутылками с молоком, кругленькие какие-то пирожки и зеленые сырки.

- Вот попали в окружение-то! - скалит белые зубы гвардии младший лейтенант Олег Еременко. - Говорим им:
не надо, сыты мы вот так. Нет, несут и несут. Этак постоим еще здесь... Целый "гастроном" образуется.

Механик-водитель гвардии сержант Сережников говорит:

- Или вот цветы, венки эти самые, алые ленты, так нешто танк невеста, чтоб его убирать. А их девчата, знай себе, нацепляют. Хороший народ. Такого душевного народа давно не видел.

Командиры танков рассказывали мне, что, когда передовые машины подошли к предместьям города, юноши и девушки из повстанческих отрядов с трехцветными повязками, вскочив на броню, показывали дорогу в обход немецким засадам, заминированным улицам, волчьим ямам и западням...

- Я хочу сказать, что мгновение, когда я увидела на дороге у Влтааы колонну ваших танков, было самым сча стливым за все годы моей жизни, - заявила студентка Пражского университета, участница восстания Анжелика Петрашел.

-... Если бы это было можно, я перецеловала бы всех солдат и офицеров Красной Армии за то, что они освободили мою Прагу, - под общий дружный и одобрительный смех сказала Женевьева Прохаска, работница пражского трамвая... Не хочется расставаться с веселой и солнечной Прагой.

Но пора. Ведь до телеграфа добрых 300 километров. И, сделав прощальный круг над городом, мы улетаем на север, унося с собой теплоту этих пражских встреч.

11 мая 1945 года

ИМЯ РАДОСТИ

Леонид ЛЕОНОВ

Убийца на коленях. Оружие выбито из его рук. Он у ног ваших, победители. Ему хочется покоя и милосердия. Палач с вековым стажем оказывается вдобавок бесстыдником. .. Судите его, люди, по всем статьям своего высокого закона!

Никто не спал в эту ночь. В рассветном небе летают самолеты с фонариками. Старуха, солдатская мать, обнимает смущенного милиционера. Две девушки идут и плачут, обнявшись. Еще неизведанным волнением до отказа переполнена вселенная, и кажется, что даже солнцу тесно в ней. Трудно дышать, как на вершине горы... Так выглядел первый день Победы. Две весны слились в одну, и поэтам не дано найти слова для ее обозначенья. Мы вообще еще не способны сегодня охватить разумом весь смысл происшедшего события. Мы были храбры и справедливы в прошлом, эти битвы принесли нам зрелость для будущего. Мало прийти в землю обетованную - надо еще распахать целину, построить дом на ней и оградить себя от зверя. Мы совершили все это, первые поселенцы в стране немеркнущего счастья. Лишь с годами возможно будет постигнуть суровое величие прожитых дней, смертельность отгремевших боев, всю глубину вашего трудового подвига, незаметные труженики Советского Союза, не уместившиеся ни в песнях, ни в обширных наградных списках: так много вас! Если доныне празднуются Полтава и поле Куликово, на сколько же веков хватит нынешней нашей радости? Только она выразитсялпотом не в торжественных сверканьях оркестров, не в радугах салютов, а в спокойном вещественном преображенье страны, в цветенье духовной жизни, в долголетии старости, в красоте быта, в творчестве инженеров и художников, садоводов и зодчих. Немыслимо в одно поколенье собрать урожай такой победы.

Советские люди сеяли ее долго, каждое зернышко было опущено в почву заботливой и терпеливой рукой. В зимние ночи они своей улыбкой грели ее первые всходы, они берегли их от плевела и летучего гада, и вот под сенью первого ветвистого и плодоносного дерева собираются на пиршество воины и кузнецы оружия. Они запевают песню новой, мирной эры. И если только человечество сохранит мудрость, приобретенную в войне, как оно стремится сберечь боевую дружбу, этой величавой запевке подтянут все... а песня - как братский кубок, она сроднит народы на века! Какой нескончаемый праздник предстоит людям, если они не позволят подлым изгадить его в самом зародыше. Давайте мечтать и сообща глядеть за горизонты грядущего столетия - отныне это тоже становится умной и действенной работой. Мечтой мы победили тех, у кого ее не было вовсе: было бы кощунством считать за мечту их замысел всеобщего скотства.

Итак, пусть это будет гордый и честный, благоустроенный и строгий мир, в котором новые святыни воздвигнутся по лицу земли взамен разрушенных варварством, потому что святыня - постоянное горение живого человеческого духа. Молодые люди, созревшие для творчества жизни, отныне не будут корчиться на колючей проволоке концлагерей. На планете станут жить только мастера вещей и мысли, подмастерья и их ученики; многообразен труд, и только руки мертвеца не умеют ничего. Стихии станут служанками человека, а недра гор - его кладовыми, а ночное небо - упоительной книгой самопознания, которую он будет читать с листа и без опаски получить за это нож между лопаток. Красота придет в мир - та самая красота, за которую бились герои и которую люди иногда стыдятся называть, ибо наивно звучит всякая вслух высказанная мечта. Но теперь эта мечта гением Ленина возведена в степень точной науки и, кроме того, если не этой, то какой иною путеводной звездой руководиться всечеловеческому кораблю в его великих океанских странствиях?! Только безумец или наследственный тунеядец, питающийся людским горем, посмеет утверждать, что люди не доросли до такого счастья, что им приличней начинать свою жизнь в бомбо-

убежищах и кончать ее в братских могилах, что кровавое рубище и рабская мука совершенствуют добродетели и умственные способности человечества.

Люди хотят жить иначе, их воля переходит в действие. Новая пора уже настает, и это так же верно, как то, что мы живем и побеждаем. Мы родились не для войны, и когда мы беремся за меч, то не для упражнения в человекоубийстве, не ради веселой игры в Аттилу, какою сделали войну германские фашисты. Мы люди простые, рабочие. Освободительная война для нас - почетный, но тяжкий и опасный труд, неразделимый с другой, не менее сложной и нужной работой - возмездием. Иначе к чему была бы такая свирепая трагедия, где каждый акт длился по году, где боль и ужас были настоящие, где принимало участие все население земного шара? Мы приступаем к делу воздаяния без злорадства и с полной ответственностью перед потомками. Наш народ сльвет образцом великодушия и доброты, но великодушие добрых он полагает сегодня в непримиримости к злым... Пусть невинные отойдут к сторонке. Благословенна рука, подъятая покарать преступление.

Мысленно мы проходим по осквернённой Европе. Нет в ней ни одного уцелевшего селения, где не ликовал бы сейчас народ, даже среди свежих могил и незатушенных костров. Нельзя не петь в такое утро. Радость застилает нам очи, и порой пропадают из поля зрения дымящиеся руины, которые надлежало бы сохранить навеки в качестве улик последнего фашистского дикарства. Уже начинает действовать спасительная привычка забвенья, но история не хочет, чтобы мы забывали об этом. Едва стали блекнуть в памяти подробности Майданека и Бабьего Яра, она Освенцимом напомнила нам об опасности даже и поверженного злодейства. Этот документ написан человеческой кровью, и каждой буквы в нем хватило бы омрачить самый волшебный полдень.

О, эти полтораста тысяч чьих-то матерей и невест, обритых перед сожженьем! Детские локоны и девичьи косы, которые прижимали к губам любимые, которые нежно и бережно перебирал ветер, с прядками которых на сердце дрались на фронтах сыновья, отцы и женихи. Костный суперфосфат, окровавленные лохмотья, прессованная людская зола, упакованная в тонны и ставшая сырьем для промышленности и земледелия прусских... А ведь *каждая* кричала и тоже молила о пощаде, и единственным просветом в ее черной тьме была надежда на воздаяние убийцам. Нет, пусть слезы радости не затуманят ясного взора судей.

Итак, это фашистское чудовище, замахнувшееся на человечество, сгрызло в своих пещерах, может быть, двадцать миллионов жизней. Никто не удивится, если при окончательном подсчете эта цифра вдвое возрастет. Можно исчислить сожженные деревни, даже рубли, потраченные на порох и танки, - нельзя устроить перекличку мертвым. Сколько их, о которых некому не только плакать, но и вспомнить. Суд свободолюбивых народов разберется, кто повинен в содеянных мерзостях: не все, но многие. Они хотели обратить нас всех в бессловесных доноров костной муки и человеческого волоса. Но мир не пал, как Рим, который всегда любил класть свою тиару к ногам очередного Гензериха... Что ж, пришла очередь расплаты. Выходите вперед, оборотни и упыри, кладбищенские весельчаки и экзекуторы, не прячьтесь в недрах нации. Согласно параграфам германской юстиции, кара преступнику назначается за каждое преступление в отдельности: убивший троих приговаривается к смерти трижды. Всякий из вас должен был бы умереть по тысяче, по сто тысяч, по миллиону раз подряд - вы умрете по разу. Никто не упрекнет победителя в отсутствии милости. Уйдите же, перестаньте быть,- истайте вместе с пороховою гарью, закройте гробовою крышкой свое поганое лицо, дайте нам улыбаться такой весне!

Пушки одеваются в чехлы. Милые лесные пичуги недоверчиво обсуждают наступившее безмолвие. Оно громадно и розово сейчас, как самый воздух утра над Европой... А еще недавно, когда истекали последние минуты войны, казалось - никакого человеческого ликования не хватит насытить его до конца. Нет, радость наша больше горя, а жизнь сильнее смерти, и громче любой тишины людская песня. Ей аплодируют молодые листочки в рощах, ей вторят басовитые прибои наших морей и подголоски вешних родников. Ее содержанье в том, о чем думали в годы войны все вы - наши женщины у заводских станков, вы - осиротелые на целых четыре года ребятишки, вы - солдаты, в зябкий рассветный, перед штурмом, час!.. Только в песне все уложено плотней, заключено в едином слове - Победа, - как

отдельные росинки и дождинки слиты в могучий таран океанской волны. Это песня о великой осуществленной сказке, которая однажды пройдет по земле прекрасным, в венчике из полевых цветов, ребенком... Отдайтесь же своей радости - современники, товарищи, друзья. Вы прошагали от Октября до Победы, от Сталинграда до Берлина, но вы прошли бы и вдесятеро больший путь. Всмотритесь друг в друга - как вы красивы сегодня, и не только мускулистая ваша сила, но и передовая ваша человечность отразилась в зеркале победы. Не стыдитесь: поздравьте соседа, обнимите встречного, улыбнитесь незнакомому - они, так же, как и вы, не спали в эти героические ночи - машинист или врач, милиционер или академик. Нет предела нашему ликованью.

Да и отдаленные правнуки наши, отойдя на века, еще не увидят нас в полный исполинский рост. Слава наша будет жить, пока живет человеческое слово. И если всю историю земли написать на одной странице - и там будут помянуты наши великие дела. Потому что мы защитили не только наши жизни и достояние, но и само звание человека, которое хотел отнять у нас фашизм.

11 мая 1945 года

Прием пленных немецких солдат
на всех фронтах закончен.

Из оперативной сводки Совинформбюро **15** мая **1945 г.1**

ВЕРШИНА

Константин ФЕДИН

Путь истории есть путь горный.

Через ущелья, от утеса к утесу, по теснинам, на дне которых клокочут реки и гремят водопады, сквозь туманы и снеговые бури вьется дорога с высоты на высоту, чтобы подняться к наивысшей вершине.

Советское необъятное государство народов-братьев в своем историческом пути, подымаясь выше и выше, достигло вершины, откуда раскрываются просторы, осиянные славой.

[1] Последняя сводка Совинформбюро.

Враг пал ниц перед оружием Красной Армии и наших союзников. Отечественная война советского народа завершена полной победой. Гитлеровская Германия не существует.

Мир вздохнул освобожденной грудью. Разорению культур положен конец.

С вершины, на которую мы вступили, видно, как веют флаги торжества ликующих народов. Гул голосов объял землю - гул победных песен, гул славословия героям-воинам, людям подвига и отваги.

Навечно пали оковы, которыми силился заковать человечество его повергнутый враг. И взоры благодарных наций обращаются прежде всего к великому воинству Советского Союза.

Красная Армия разгромила противника исключительной мощи - вооруженную силу, подготовленную к разрушительным ударам.

Германская армия выращивалась гитлеровцами на основе исторической враждебности к русскому соседу. Захват земель на Востоке был девизом немецкого рыцарства и вошел в программу гитлеровцев. Они вышколили для универсального молниеносного налета на Россию миллионные кадры головорезов, прививая им злобу ко всему советскому, научив коварству в военной тактике, беспощадности в обращении с женщинами и детьми. Они раздули нетерпимую мысль об "избранности" немецкого народа, разожгли ненависть ко всем иным нациям и старательно воспитали присущую характеру немца бездумную способность повиновения.

Как странно теперь вспомнить наглую орду, вооруженную бронированными машинами и брошенную на наши земли в 1941 году!

Через три недели после нападения Германии на Советский Союз я был в лагере военнопленных и видел летчиков, сбитых нами в самых первых боях, - немецких ефрейторов, унтер-офицеров и лейтенантов. Все они были похожи друг на друга - с заносчивым огоньком в глазах, с высокомерно, глуповато вздернутыми физиономиями. Кое-кто из них насчитывал с полсотни налетов на Лондон, кое-кто успел покидать бомбы в Польше, в Греции, над Парижем. Все были награждены за свой разбой "пряжками" и Железными крестами. Им казалось - они отправились в развлекатель-

ную прогулку покорения России, и они очутились в лагере, явно к великому своему удивлению. Нельзя сказать, чтобы у них не было страха перед непохожей на победную обстановкой. Но они маскировали страх дутым самодовольством. Один такой недоросль явился на допрос в расстегнутой рубашке, в подтяжках. Майор Красной Армии, ведший допрос, спросил его, почему он не одет.

- Жарко, - ответил он развязно.

- Одеться по форме! Кругом - марш!

Мальчишка распрямился, как пружина, сделал поворот по уставу и помчался в барак. Назад он вернулся одетым 8 форму унтер-офицера, застегнутым на все пуговицы, автоматически точным в движениях и отвечал не задумываясь на все вопросы. С ним говорил командир, с ним не шутили. Этого было довольно, чтобы в нем ожил механизм беспрекословного послушания.

Я спросил его, долго ли, по его мнению, придется ему посидеть в лагере.

- О, не слишком, - ответил он. - К осени все будет кончено.

- Отдаете ли вы себе отчет, против кого вы пошли воевать?

- О, конечно! Россия - страна огромных территорий.

- И это - все?

- А что же еще? - спросил он с наивностью и опасливо скрытым вызовом.

И вот мы показали немцам "что еще": в Берлине Верховным Главнокомандованием Красной Армии, совместно с командованием союзников, принята безоговорочная капитуляция разбитой, поверженной наземь германской армии.

Наша победа является плодом всенародных усилий. Лучшие качества, воспитанные в нас на протяжении почти трех десятилетий после Октябрьской революции, наше сознательное уважение к труду, наша самоотверженность во имя интересов отечества были собраны воедино и устремлены к единой цели.

На протяжении войны советский воин явил всему миру пример неповторимой доблести. Он приобрел в закалке огнем такую школу военного знания и умения владеть любым оружием, какой не было никогда прежде.

В то же время советские военачальники обогатились совершенным искусством вождения грандиозных воинских соединений, по количеству превзошедших собою все примеры прошлых массовых воинских организаций.

В руководстве титаническими боями, которые, начиная со Сталинграда, неизменно выигрывались советским оружием, участвовало не только приобретенное на полях сражений знание современных условий боя. Великий опыт славного русского оружия в прошлом помогал нашему восхождению на вершину победы. Тени Румянцева, Суворова, Кутузова, Ушакова сопутствовали советским генералам и морякам в их трудном деле борьбы с озлобленным и опытным противником.

Никогда прежде ни один военный союз не мог реализовать с такой железной последовательностью наступление на врага и его разгром, как великое содружество свободолюбивых наций - СССР, США и Англии. Колоссальное наступательное движение, начатое в горах Кавказа и у берегов Волги - с востока, из пустынь Египта и просторов Марокко -с юга, от Британских островов - с запада, через Карпаты, Апеннины, Альпы, через реки, озера, моря, привело войска демократических держав в страну главного врага и виновника войны и раздавило его, подняв над ним свои победные знамена.

В конце концов германская армия перестала существовать. Ее генеральный штаб, ее главнокомандование сдались вместе с ней. Остатки гитлеровцев будут вылавливаться из щелей. Виновники войны предстанут перед судом во всех странах. Справедливость осуществляется. Справедливость не может умереть, как бы этого ни хотели ее ненавистники.

Новый Гомер воспоет величие Красной Армии, пронесшей на своих плечах самый тяжелый груз испытаний тогда, когда германская армия, еще в полной своей силе, бросала на Советский Союз неисчислимые стада железных чудовищ истребления. Солдат, шедший под красным знаменем на защиту своего отечества, будет не только героем военных историков, но любимым героем сказаний и поэм. Много славных книг будет написано об Отечественной войне Советского Союза. И самая великая из них запечатлеет на своих страницах наш народ в счастливый день достижения им вершины славы - в День Победы.

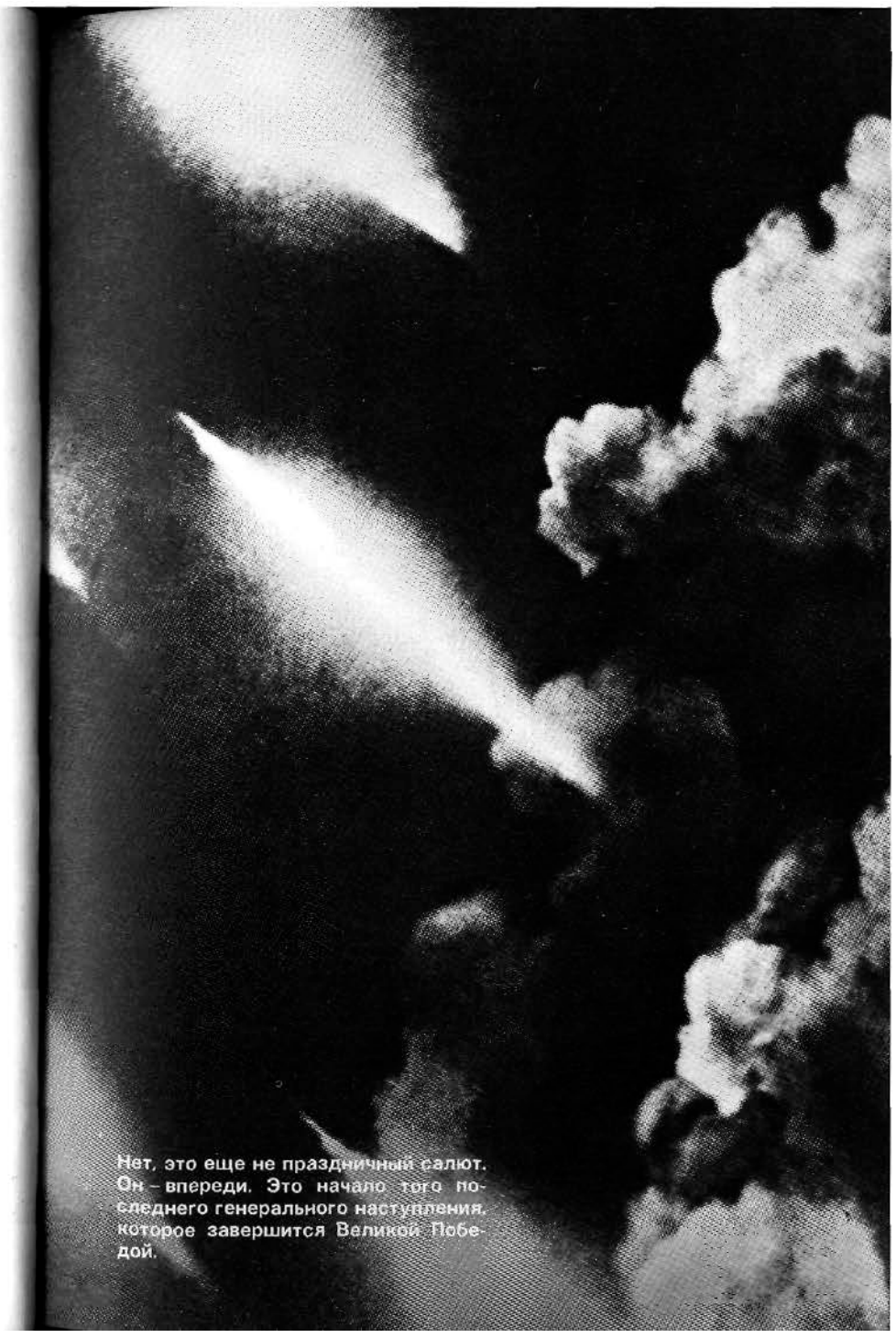
1945 год

Кампании,
проведенные Красной Армией,
сыграли решающую роль
в поражении Германии.

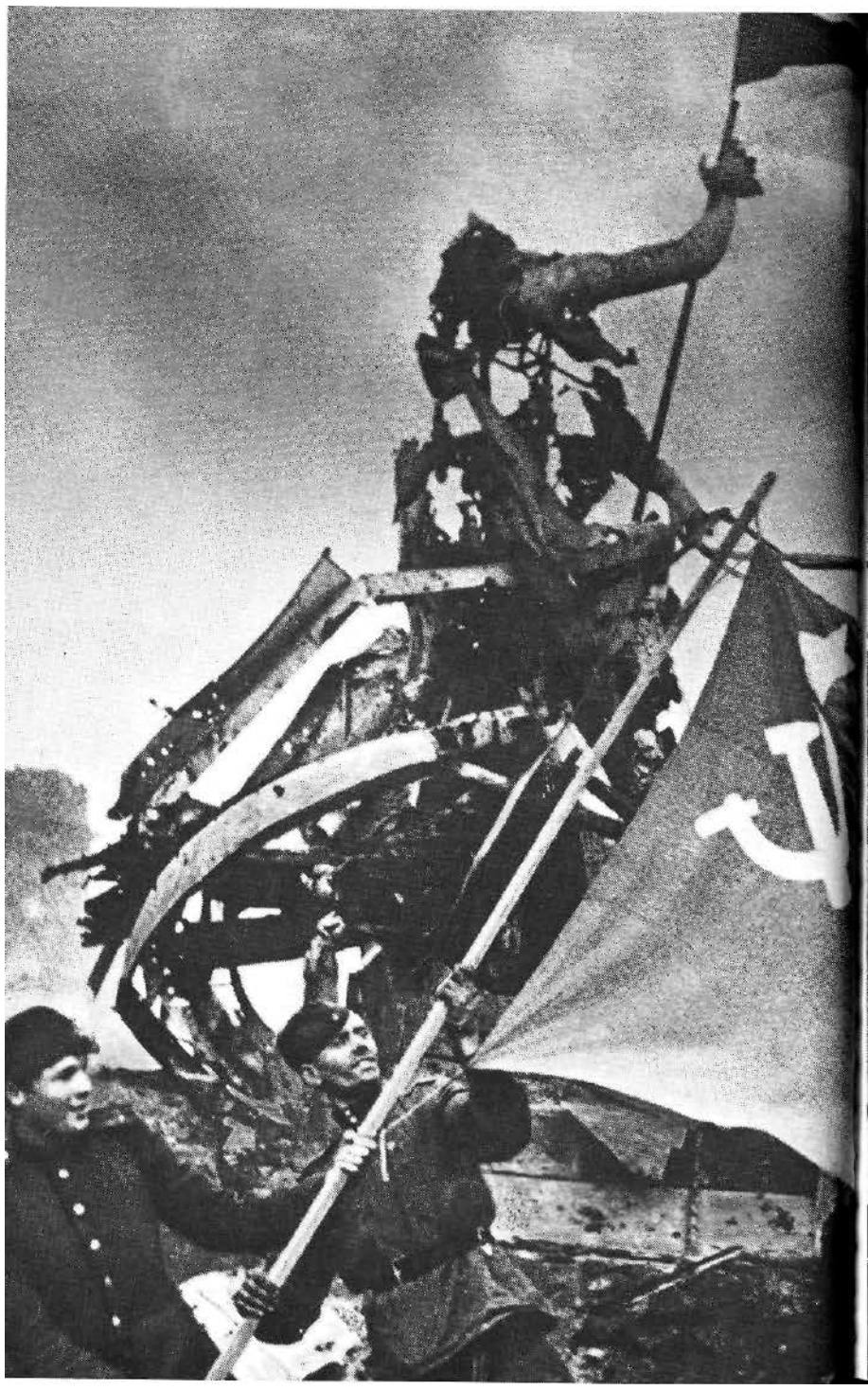
Дуайт Эйзенхауэр,
главнокомандующий
вооруженными экспедиционными
силами союзников в Европе

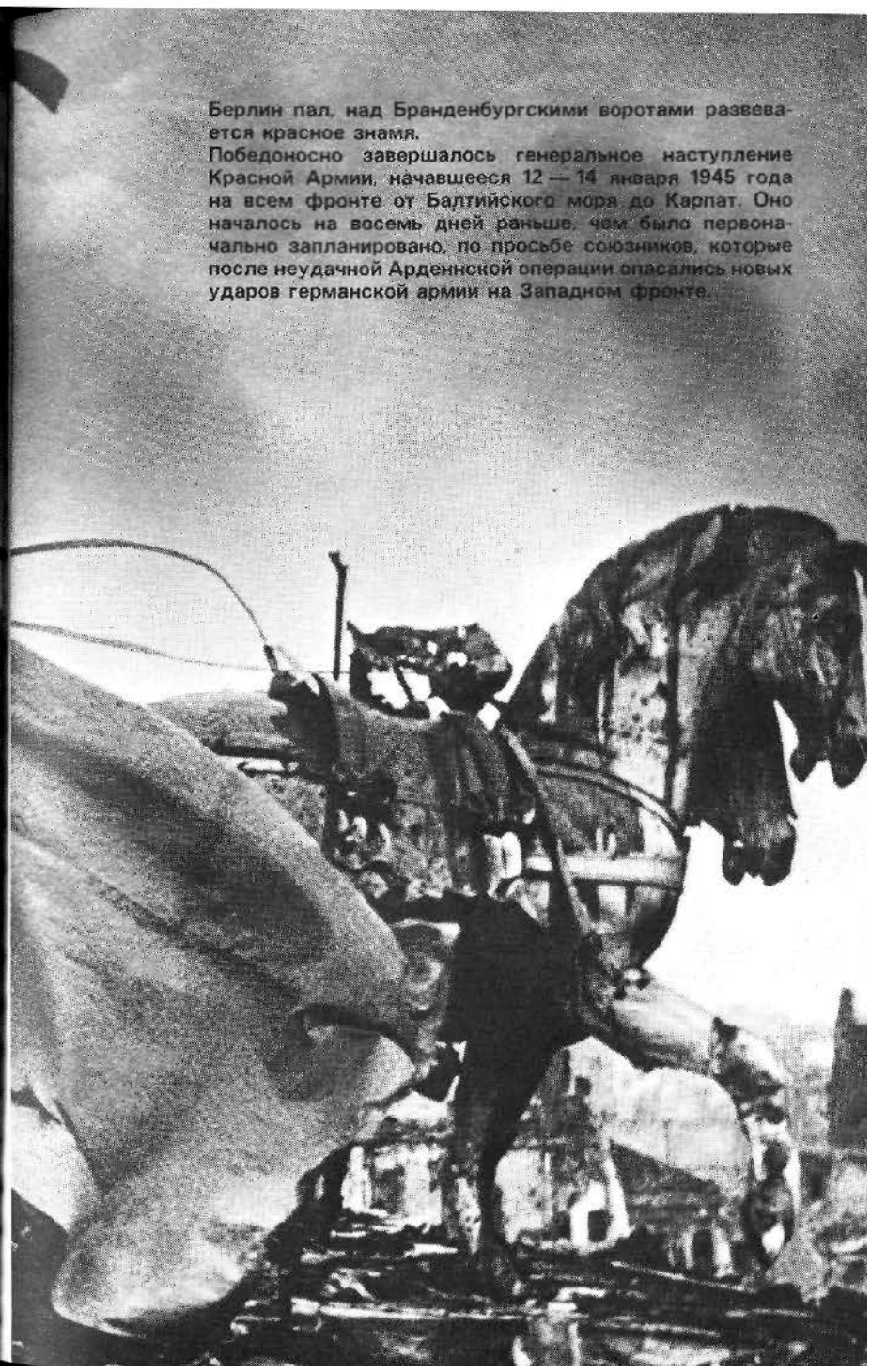
Россия совершила
великий военный подвиг...
Россия в тяжелом единоборстве
почти один на один с наступающими
гитлеровскими армиями приняла
на себя всю силу германского
удара и выстояла. Мы, англичане,
никогда не забудем подвига России.

Бернард Монтгомери,
фельдмаршал Великобритании



Нет, это еще не праздничный салют. Он – впереди. Это начало того последнего генерального наступления, которое завершится Великой Победой.

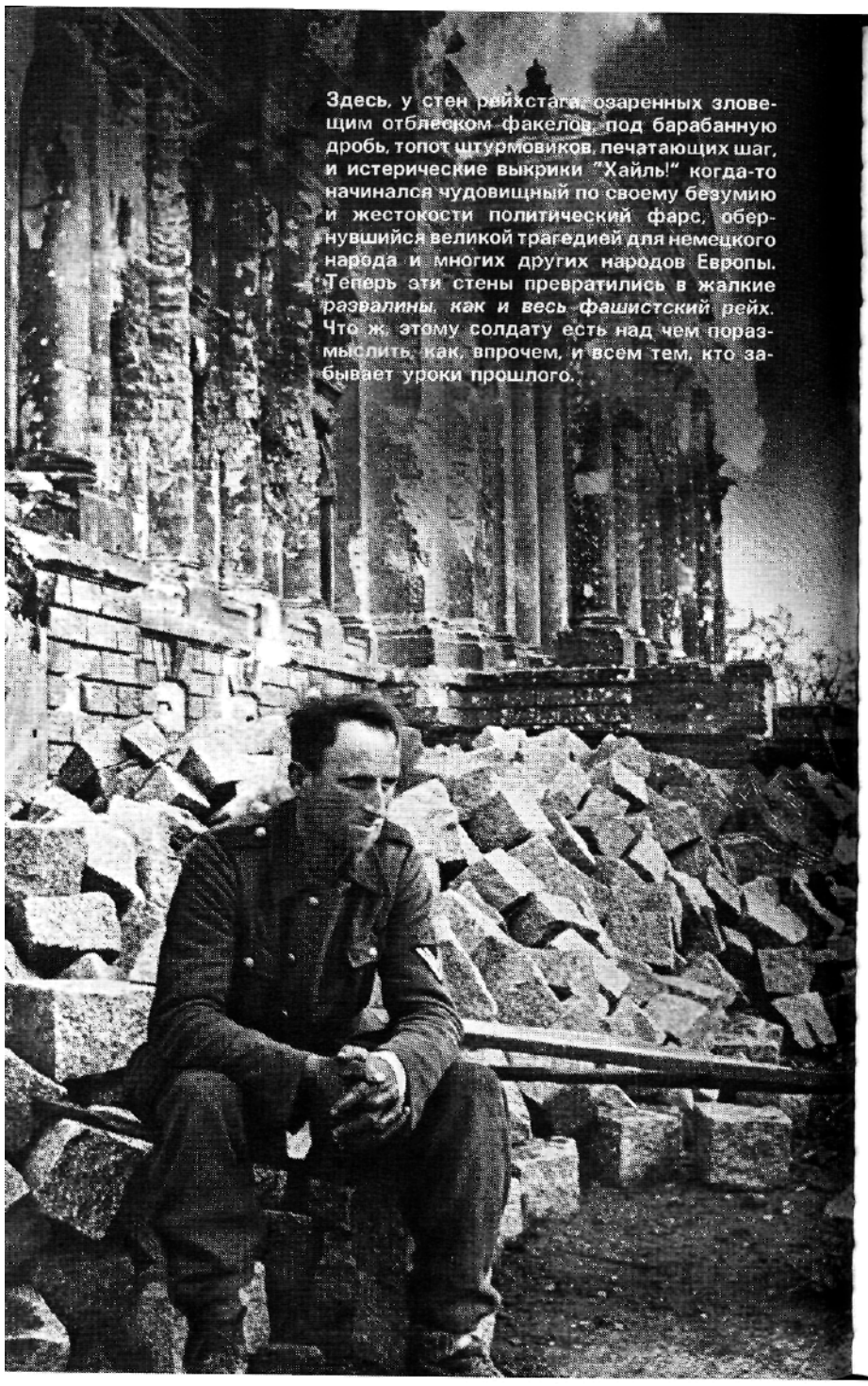




Берлин пал, над Бранденбургскими воротами развевается красное знамя.
Победоносно завершалось генеральное наступление Красной Армии, начавшееся 12 — 14 января 1945 года на всем фронте от Балтийского моря до Карпат. Оно началось на восемь дней раньше, чем было первоначально запланировано, по просьбе союзников, которые после неудачной Арденнской операции опасались новых ударов германской армии на Западном фронте.

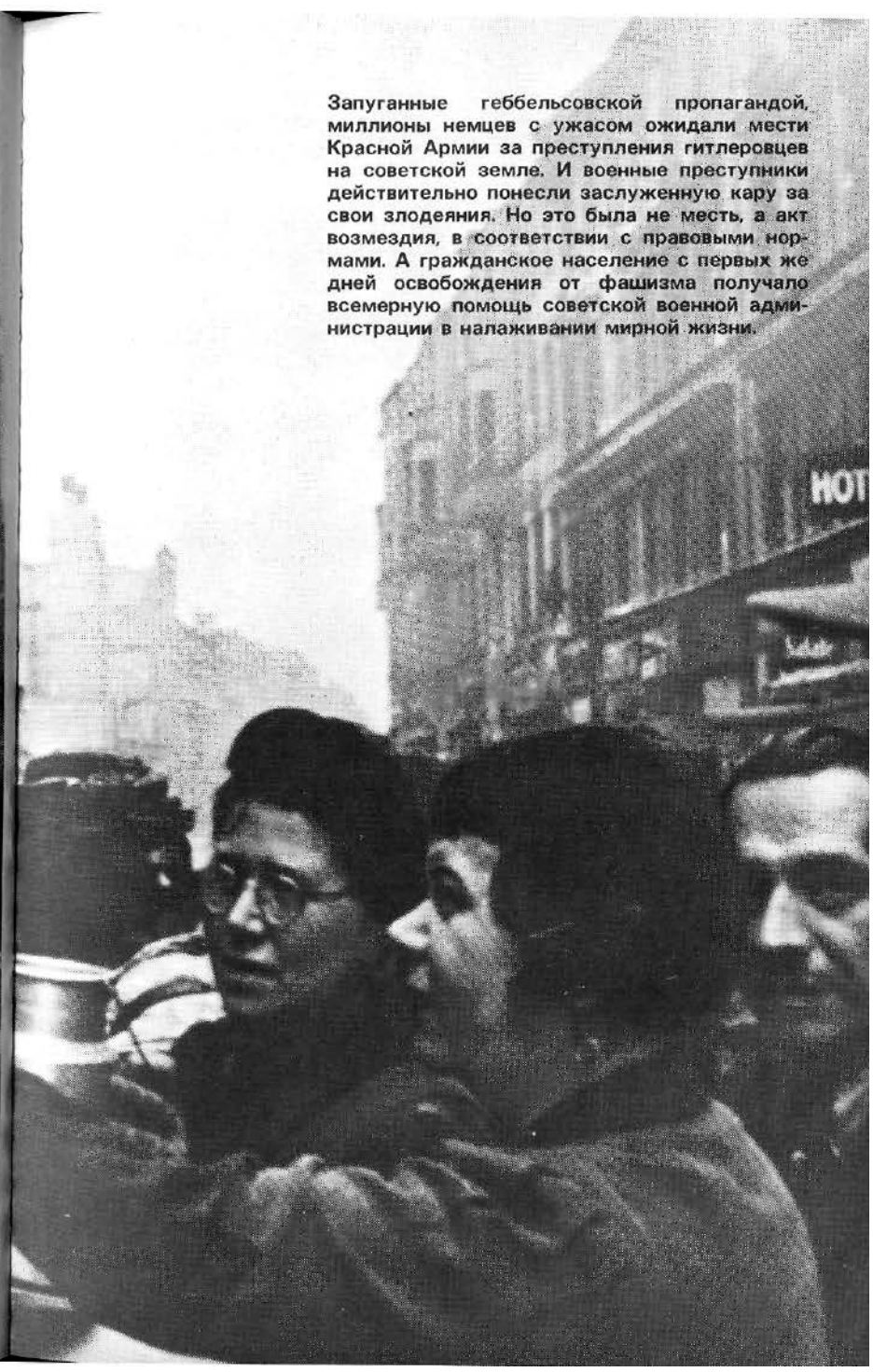
Битва за Берлин – самая крупная стратегическая наступательная операция Великой Отечественной войны. В ходе нее была уничтожена почти миллионная группировка немецко-фашистских войск. 2 мая берлинский гарнизон капитулировал.

Это – радость победы и торжество победителей, чей великий подвиг навеки останется в памяти потомков.



Здесь, у стен рейхстага, озаренных зловещим отблеском факелов, под барабанную дробь, топот штурмовиков, печатающих шаг, и истерические выкрики "Хайль!" когда-то начинался чудовищный по своему безумию и жестокости политический фарс, обернувшийся великой трагедией для немецкого народа и многих других народов Европы. Теперь эти стены превратились в жалкие *развалины, как и весь фашистский рейх*. Что ж, этому солдату есть над чем поразмыслить, как, впрочем, и всем тем, кто забывает уроки прошлого.

Очистить бывшую рейхсканцелярию от Железных крестов и прочих фашистских регалий, вероятно, было гораздо легче, чем целую страну от тех, кто и по сей день хранит эти регалии, тщетно надеясь повернуть вспять колесо истории.



Запуганные геббельсовской пропагандой, миллионы немцев с ужасом ожидали мести Красной Армии за преступления гитлеровцев на советской земле. И военные преступники действительно понесли заслуженную кару за свои злодеяния. Но это была не месть, а акт возмездия, в соответствии с правовыми нормами. А гражданское население с первых же дней освобождения от фашизма получало всемерную помощь советской военной администрации в налаживании мирной жизни.

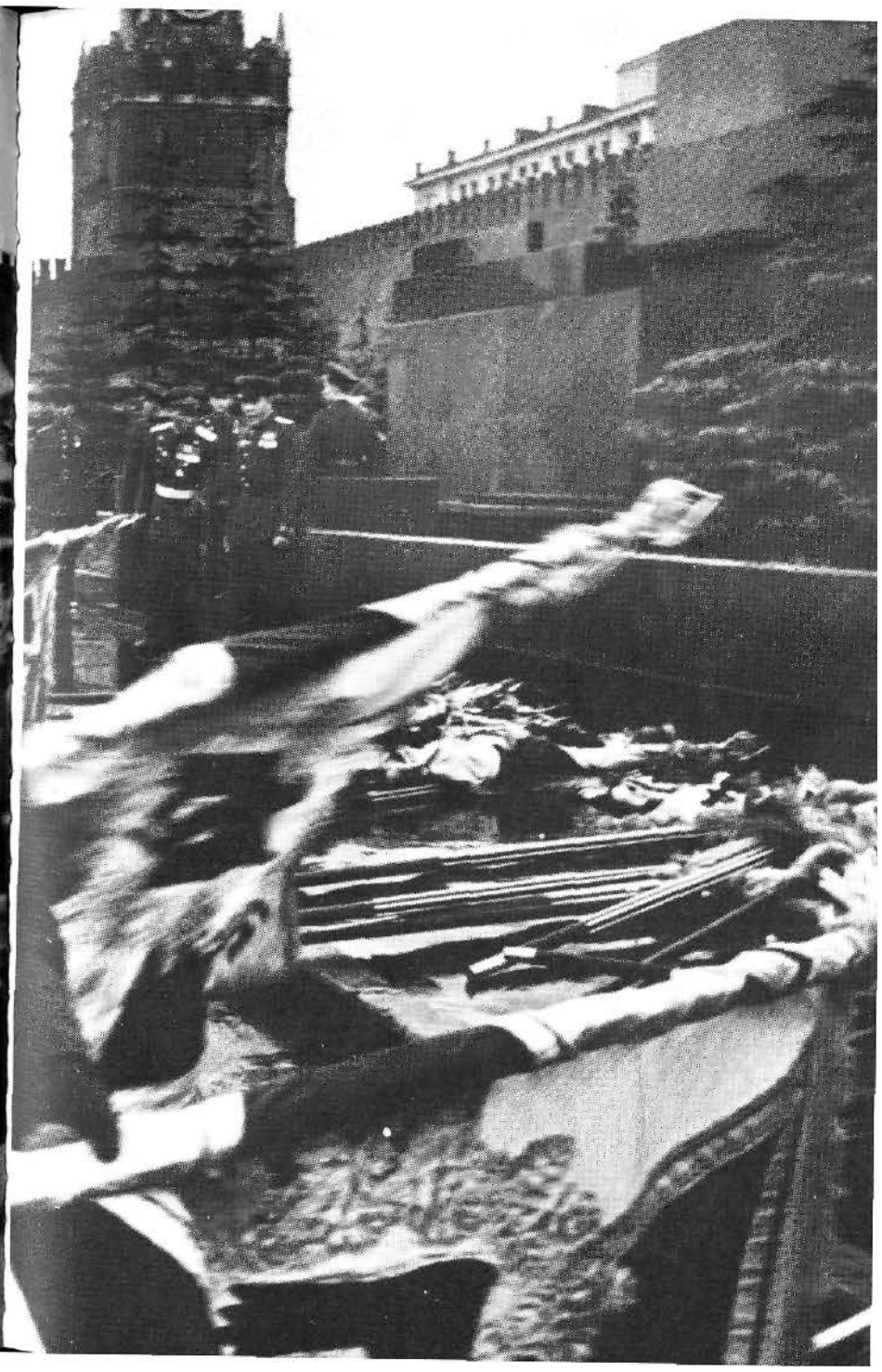
Итак, фашистская Германия признала себя побежденной и согласилась на безоговорочную капитуляцию. 8 мая представители немецко-фашистского командования подписали в Берлине акт о капитуляции, последний акт той великой трагедии, которая постигла народы Европы и, если бы не стойкость и героизм Красной Армии, могла бы стать катастрофой для народов всей земли. От Советского Верховного Главнокомандования капитуляцию принял Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

«Раздольный и размашистый барабанный бой звучит особенно победно и огненно. Двести бойцов, двести героев под этот звонкий и голосистый бой несут, склоненно, знамена. По шелку и атласу их — мрачные знаки, знаки насилия, высокомерия и тупости. Это — эмблемы фашизма, свастика, эмблемы гитлеровской Германии. Среди этих знамен — знамя людоеда, тупого крикуна, личный штандарт Гитлера.

И ныне эти знамена, волочась по камням Красной площади, руками наших бойцов брошены к подножию Мавзолея.

Прекрасная, светлая и пылкая Победа принесла их сюда, бросила их к ногам советского народа, бросила с такой мощью, что никогда отныне не поднимутся они, как никогда не поднимется фашистская Германия».

Вс. Иванов. «Парад бессмертной славы».



Наверное, ни один праздник не был отмечен таким подлинно всенародным ликованием, как этот, потому что это была Победа. И, наверное, ни в один праздник люди так не плакали, потому что это были не только слезы радости, но и слезы о тех, кто не дожил до этого великого дня. Это действительно был "праздник со слезами на глазах, радость с сединою на висках". И еще это праздник мира на земле, мира, который наш советский народ завоевал ценой 20 миллионов жизней.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

Об об'явлении 9 мая ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ

В ознаменование победоносного завершения Великой ... войны советского народа против немецко- ... захватчиков и одержанных исторически ...

ПАРАД БЕССМЕРТНОЙ СЛАВЫ

Всеволод ИВАНОВ

Осталось несколько мгновений до начала парада, несколько мгновений ожидания, ожидания яркого, пышного и сладостно-задумчивого. Нет мгновения лучше, чем ожидание этого парада, и нет счастья больше, чем видеть этот парад, великий парад бессмертной славы советского народа!

А внимание ко всему происходящему такое, что громко произносимые слова кажутся шепотом, и звуки мешаются, и звон часов на Спасской башне почти однозначим со звуком каскада, устроенного на Лобном месте. Припоминается, бежит мимо многое, и с мягкой сыновьей любовью осматриваешь нашу русскую Красную площадь, ее седовласую и в то же время вечно юную древность. И рядом с прошлым встает настоящее, то, которое никак еще не ушло в исторические книги, встают золотые картины Великой Отечественной войны, участники которой построились ныне на изжелта-красном клинкере площади. И взметываешься ты, нахмуренная сталинградская пурга, и сердитые топи под Корсунь-Шевченковским, и глубокие серебристые струи Днепра, и неистово холодные скалы Заполярья, и жаркие берега Черного моря, и тягостные леса Белоруссии, и угрюмые дамбы возле Одера, и злобные хутора Восточной Пруссии, каждый из которых - дот!..

Долго, бесконечно долго будет царить слава наших дней. Каждый человек во Вселенной отныне будет явственно видеть и осязать - как бы далеко он ни находился, на каких бы расстояниях ни жил от Советского Союза, - он будет чувствовать близость благородного, высокого мира, способного жертвовать всем, чем только может пожертвовать человек ради творчества, прогресса, цивилизации, высших устремлений гуманизма, науки и искусства. Безнадежности отныне не существует! Никому не придется душить в себе любовь к светлому, ибо существуют и могут существовать иные отношения между людьми - вечно молодые, обаятельные и совершенно необыкновенные, отношения небывалой дружбы, героизма, взаимоуважения. Именно эти отношения осуществлены в необычайной степени, и люди, осуществившие их, стоят ныне на Красной площади.

Построены войска. Недвижно замерли знамена возле каждого сводного полка. Деловито, в своих парадных мундирах, с боевыми орденами - знаками торжества и победы -ходят вдоль рядов генералы, вглядываясь в лица солдат. Фуражки, шлемы летчиков, каски с висячими каплями легкого дождя отбрасывают фосфорический отблеск на серебристо-золотые дорожки песка, пересекающие поле площади. Небо облачно, наполнено влагой, она льется на священные наши поля, торопя урожай... ну что поделаешь, если дождь! И примирение глядишь на рассыпчатое серебро в лужицах, по которому шагают люди, и глядишь не наглядишься в ласковые, мягкие лица вокруг, в загорелые лица солдат, прямо глядящих на Кремлевскую стену, на Мавзолей, на глубокое любимое слово, пересекающее его, - Ленин, - на багрянец нашего флага, что расплеснулся за стенами Кремля.

Жарко круглятся трубы оркестров, громкий и невыразимо знакомый марш мерещится, как эхо, которое никто не видит, но каждый слышит. И находящийся здесь, на площади, мнит себя эхом, которого не увидят потомки, но жизнь которого, подобно маршу победы, непременно услышат.

- Спасибо тебе. Отчизна, родившая меня и сохранившая до этих огненных и неописуемо прекрасных дней! - так думает каждый из нас…

- Равнение на средину-у!..

Оркестры вскидывают долгожданный марш. Круглый, красиво выгнутый, катится он по Красной площади, и под звуки его белый конь под синим чепраком скачет от Спасской башни. Маршал Г. К. Жуков, трижды Герой Советского Союза, едет принимать парад. Вороной конь под пунцовым чепраком скачет к нему навстречу. Маршал К. К. Рокоссовский, дважды Герой Советского Союза, командующий парадом, едет с рапортом.

Они объезжают войска, и пышное, стройное, залихватское русское "ура" сопровождает их. Казалось, войска только и ждали возможности закричать это "ура", выразить в нем тот острый восторг, который они испытывают, ту любовь, святую и белую, что заполняет их сердца, ту мучительно-сладкую радость, которой светятся их глаза. Излучистое, как река, могучее и мощное, как мысль, многозвучное и многорадостное, как жизнь, и неизбежное, как наша победа, несется это "ура" над Красной площадью, над прилегающими улицами, несется над всем миром, несется, как блестящий символ нашего счастья и торжества. С восхищением слушают это "ура" трибуны. Мавзолей; все, кто слышит его, слушают и видят что-то далекое и вместе с тем близкое, что-то горячее и творчески неожиданное: видят свою жизнь, видят воссоздание, видят новые города, заводы, дороги, машины, видят лучистые и мерцающие зарницы необыкновенного! ..

И хотя "ура" уже затихло, но кажется, что оно гремит даже тогда, когда маршал Жуков произносит свою речь о победе, о том, как создавалась она, как строилась и как осуществлялась...

Словно камни какого-то грандиозного здания, ложатся один за другим залпы торжественного артиллерийского салюта, и жгущей, жаркой молнией прорезают эти салюты свободный и сильный Гимн Советского Союза. 1400 человек оркестра исполняют его. А затем беспокойный, молодой звук трубы дает сигнал к торжественному маршу.

И под жемчужную трель барабана, под голубые звуки литавр двинулись сводные полки героев. Идет Победа.

Вы все помните эти тягостные, как мрак, слова: "На всем протяжении фронта от Баренцева до Черного моря идут ожесточенные бои". Вы помните невыносимые страдания, с которыми мы читали эти слова. Враг был силен, коварен, беспощадно жесток и вооружен могучей и современной техникой, на врага работала вся порабощенная им Европа.

Народ наш не жаловался. Живой и бурный, как море, он гранитным морем застыл, встал против врага, вдохновенно и величаво опрокинул его и бил до тех пор, пока в доме врага не наступило мертвое, гробовое молчание... "На всем протяжении фронта от Баренцева моря..." И вот теперь великое событие, парад Победы, открывается шествием войск Карельского фронта.

Это те, кто бился у Баренцева моря, кто сквозь жестокий и леденящий мороз проносил свою горячую любовь к родине, кто бился насмерть в тускло-сизом мраке пурги, возле глухих и ненасытных безмолвием скал, возле бездонных морей и рек.

Упорные и властительные, как мысль, вытянуты штыки. Певуче и гармонично шагают в марше бойцы. Какое дивное наслаждение - шагать по площади... Какое приподнятое и радужное настроение, раздольное и чистое, как поле! Ибо волею, жизнью и подвигами этих бойцов снято со сводки Баренцево море.

За сводным полком Карельского фронта идут ленинградцы. Великий город России, Октябрьская столица, бурный и вдохновенный, как порыв, вечно мощный и молодой, певучий и стремительный, как поток, город-поэт, он показал нам истинную правду жизни, истинный героизм, истинную и никогда не забываемую историю. Он всегда был историчен и высоко благороден. История его защиты - это защита всей нашей страны от ига немецких захватчиков, и Ленинград показал себя как силу бурного и вечно шумного прибоя, отбросившего неистовые, грабительские полчища гитлеровцев.

Идут герои Первого Прибалтийского фронта. Бледно-лазурное, мечтательное море, песчаные дюны, сосны под не-

умолчным ветром. Здесь родились подвиги бойцов, освобождавших Прибалтику, здесь закладывались, как прочнейший фундамент эпоса, те песни, которые поют о них. Мерно и уверенно шагают они на первом параде мирного времени, того времени, которое они завоевали для Прибалтики.

Идут ветераны и молодежь Третьего Белорусского фронта. Они первыми перешагнули границу Германии, той фашистской Германии, которую они перед тем заботливо и густо били под Орлом, под Минском, под Каунасом и добивали, превращая германскую хвастливость в серую пыль, под Кенигсбергом, взяв яростным, безмерным по дерзости штурмом столицу Восточной Пруссии - Кенигсберг.

Раздольный и размашистый барабанный бой звучит особенно победно и огненно. Двести бойцов, двести героев под этот звонкий и голосистый бой несут, склоненно, знамена. По шелку и атласу их - мрачные знаки, знаки насилия, высокомерия и тупости. Это - эмблемы фашизма, свастика, эмблемы гитлеровской Германии. Среди этих знамен -знамя людоеда, тупого крикуна, личный штандарт Гитлера.

И ныне эти знамена, волочась по камням Красной площади, руками наших бойцов брошены к подножию Мавзолея.

Прекрасная, светлая и пылкая Победа принесла их сюда, бросила их к ногам советского народа, бросила с такой мощью, что никогда отныне не поднимутся они, как никогда не поднимется фашистская Германия.

Идут и идут сводные полки, идут неудержимым, размашистым и в то же время степенным шагом, шагом победителей. Алые и пылающие, как розы, веют над ними знамена; высоко и светло поет оркестр, и горящая алмазная роса дождя лежит на их оружии. Идет сводный полк Второго Белорусского фронта, идет слава взятия Гдыни, Гданьска, Штеттина и многих городов. Идет Первый Украинский фронт. Сводный полк Четвертого Украинского фронта. Второго Украинского. Третьего Украинского... Никакой буйной и вдохновенной речи не хватит для того, чтоб описать их подвиги, то, что они сделали для славы и процветания нашей Родины, и много лет скромные художники и писатели нашей страны будут говорить о их деяниях, о их жизни.

о том, что мы сейчас еще так кратко называем подвигом. Подвиг их раскрыт нашими сердцами, нашими думами и, несомненно, будет раскрыт красками, чтобы все человечество узнало героев полностью, со всеми их думами, заботами, чтобы полностью была раскрыта их любовь к Родине, создавшей их, любовь, благодаря которой родился их подвиг.

26 июня 1945 года

ЛЕТОПИСЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

Писатели в Совинформбюро (1941 -1945 гг.)

"От Советского Информбюро". Этими словами в годы войны начинались передачи по радио. Застыв у репродукторов - на работе, на улицах, дома, - миллионы людей по всей-стране, затаив дыхание, слушали сводки о положении на фронте, о мужестве и героизме советских воинов. Созданное на третий день после начала войны по решению ЦК партии и правительства новое агентство выполняло поставленную перед ним задачу: "... освещать в печати и по радио международные события, военные действия на фронтах и жизнь страны".

В составе Советского Информбюро была образована литературная группа. В ее работе участвовали многие известные советские писатели и журналисты. Среди них Н. Вирта, Вс. Иванов, В. Инбер, В. Катаев, Б. Лавренев, Я Леонов, Н. Никитин, А. Новиков-Прибой, П. Павленко, Е. Петров, Б. Полевой, О. Савич, Л. Сейфуллина, С. Сергеев-Ценский, К. Симонов, В. Ставский, Н. Тихонов, А. Толстой, К. Тренев, П. Тычина, А. Фадеев, К. Федин, К. Финн, К. Чуковский, М. Шагинян, М. Шолохов, И. Оренбург и многие другие. В Совинформбюро также сотрудничали немецкие писатели-антифашисты В. Бредель, Ф. Вольф.

Но у Совинформбюро была еще одна в высшей степени важная задача - об этом известно меньше, - в годы войны оно готовило и направляло во многие зарубежные органы

печати и радио статьи, очерки, репортажи, рассказывавшие о борьбе Красной Армии и всего советского народа против гитлеровского нашествия.

На совещании писателей, состоявшемся в Совинформбюро в марте 1942 года, Илья Эренбург говорил о том, что зарубежные газеты отличаются от наших и что для них надо писать иначе. Между тем за рубеж иногда посылаются статьи без учета того, что действительно может быть интересно иностранному читателю. Важно, считал Эренбург, связать писателей и журналистов с газетами и агентствами, с которыми они будут сотрудничать: "У нас есть ряд военных корреспондентов, которые часто бывают на фронте или там находятся. Необходимо бы было им объяснить, что они должны раз в неделю давать специальные сообщения с фронта для иностранной печати. Таких корреспондентов шесть - восемь. Их можно прикрепить к определенным газетам и агентствам". В качестве примера хорошей работы для зарубежной печати он привел очерки известного советского писателя, военного корреспондента Совинформбюро Евгения Петрова. Петров, говорил Эренбург, пишет с глубоким оптимизмом, он оптимист по природе, это в его характере, таким он вошел в литературу.

Трудно без волнения читать наклеенные на листы пожелтевшие от времени телеграфные ленты. Вот одна из страниц: "29 ноября. Передаю для "НАНА". Сегодня под Москвой. Величайшее сражение идет четырнадцатый день. Далеко впереди горят оставленные нами деревни... Немец должен выдохнуться и остановиться. А остановка его в поле будет равносильна проигрышу генерального сражения. И это будет началом конца. Евгений Петров. Действующая армия".

НАНА - сокращенное название газетного объединения "Норд американ ньюспейпер аллайэ"нс", для которого Петров писал с начала войны. В далекой от советско-германского фронта Америке его статьи читались с огромным интересом. "Когда можно ожидать фронтовых корреспонденции Петрова" - такая телеграмма была отправлена из Нью-Йорка 3 сентября 1941 года. А спустя два дня еще одна: "Москва Евгению Петрову. Поздравляем превосходным фронтовым очерком. Ждем дальнейших ярких эпизодов". Когда писатель погиб, американское агентство прислало телеграмму: "Опечалены смертью Петрова. Его работа была великолепна".

Илья Эренбург в то время писал: "Весь год войны он посылал свои очерки в Америку, они печатались в сотнях крупнейших газет. Они рассказывали американцам о доблести Красной Армии. Петров знал Америку и находил слова, которые доходили до самого сердца его заатлантических читателей. Своими телеграфными очерками он подбодрял рабочих, которые изготовляли самолеты и танки, он придавал бодрости американским солдатам, которые готовились к трудному европейскому походу. Петров много сделал, чтобы открыть Америке правду нашей войны. Петров много сделал для нашей победы".

Немало в этой характеристике того, что можно отнести к работе самого Эренбурга. Через много лет после войны, когда впервые на русском языке были опубликованы статьи и корреспонденции Эренбурга, писавшиеся для зарубежной прессы, Константин Симонов так определял их пафос: "Корреспонденции, которые посылал за рубеж Эренбург, не только были полны глубочайшей веры в свою страну, в свой народ, в свою армию, они не только дышали гордостью за советских людей, сделавших на этой войне, казалось бы, невозможное. Корреспонденции Эренбурга были одновременно с этим непримиримы по отношению ко всем тем, кто на Западе не желал воевать в полную силу. Ко всем, кто отсиживался, оттягивал открытие второго фронта, надеялся загрести жар чужими руками. Корреспонденции Эренбурга полны полемики, имеющей не только исторический, но самый живой современный интерес".

Вспоминая о первых днях войны, И. Эренбург писал: "Никогда в жизни я так много не работал, писал по три-четыре статьи в день; сидел в Лаврушенском и стучал на машинке, вечером шел в "Красную звезду", писал статью в номер, читал немецкие документы, радиоперехваты, редактировал переводы, сочинял подписи под фотографиями. .. Начали приходить телеграммы из-за границы; различные газеты предлагали мне писать для них: "Дейли геральд", "Нью-Йорк пост", "Ля Франс", шведские газеты, американское агентство Юнайтед Пресс. Приходилось менять не только словарь - для красноармейцев и для нейтральных шведов требовались различные доводы".

Более трехсот материалов написал в годы войны для Совинформбюро Оренбург - кроме тысячи с лишним статей, очерков, заметок, фельетонов, опубликованных в советской печати.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР), где хранятся материалы Советского Информбюро (фонд 8581), нами обнаружены статьи Эренбурга, а также телеграфная переписка писателя с зарубежными газетными агентствами и редакциями. В номер гостиницы "Москва", где Эренбург жил почти все годы войны, шли телеграммы из многих стран мира.

"Благодарим за первоклассный очерк. Лучшие пожелания. "Ивнинг стандарт". Агентство Юнайтед Пресс телеграфировало: "Ваша статья очень хороша для наших целей. Ценим старания включить насколько возможно описание конкретных военных действий"; "Благодарим за ваши слова; "Эти люди - не французы". Ваша статья превосходна. Пьер Комер, "Франс" (в статье Эренбурга шла речь о французских коллаборационистах). Тот же П. Комер сообщал: "Использовали и используем Ваши телеграммы, за которые еще раз благодарим Вас. Будем счастливы получить Ваши статьи на различные темы". Главный орган правительства генерала де Голля "Марсельез", выходивший в освобожденном Париже, регулярно,- 'каждом номере печатал статьи Эренбурга.

Только американское агентство Юнайтед Пресс передавало статьи Эренбурга в 1600 газет. Радио Уругвая "Эль Эспектадор" сообщало, что три раза в неделю транслирует специальный выпуск "Русских очерков" и очень хотело бы получать комментарии Эренбурга, для которых, по словам директора этой радиостанции, "постараемся найти специальное место в нашей информационной программе".

Много откликов зарубежных читателей на статьи Эренбурга получала, например, редакция газеты "Совьет уор ньюс", издававшейся в Англии Совинформбюро. Г. Хэмпшир из Шеффилда писал в январе 1944 года; "Спасибо за то, что вы меня познакомили с мастером военных корреспонденции Ильей Эренбургом. Я жалею, что не сохранил всех его статей, так как я готовился к бою. Он не знает об одном поклоннике, который восхищается его пламенными словами. Его перо - это настоящий меч. Его внимание к мело-'чам, критическое и безжалостное остроумие делиет наших так называемых корреспондентов бледными, но высокопарными призраками... Он отбрасывает официально принятую, плавно скользящую манеру письма ("все хорошо" - в стиле "нашего спецкора"). Это журналист - боец боевой нации".

Или вот письмо другого англичанина, Р. Маршалла: "Из всех корреспондентов "Совьет уор ньюс" первое место принадлежит Илье Эренбургу, и мы все набрасываемся на газету, если помещена его статья".

Читая эти письма, вспоминаешь слова К. Симонова: "С первых же дней войны сражаясь на страницах наших газет с фашизмом, Эренбург открыл свой собственный счет. Так во время войны мы обычно говорили не о писателях, а о снайперах, о людях прямого и смертельного действия. Но это с достаточной точностью применимо и к Эренбургу. И метафора, что Илья Эренбург - снайпер пера, - не новая и не моя. А старая, солдатская, времен войны".

И Евгений Петров и Илья Эренбург были блестящими представителями целой плеяды талантливых советских писателей, которые заслужили высокое право зваться воинами. Их яркая злободневная публицистика привлекала внимание читателей газет и журналов, радиослушателей во многих странах. Один и тот же вопрос занимал миллионы людей за пределами нашей страны, имевших о Советском Союзе скудную или, хуже того, недоброжелательную информацию: в чем источник силы Красной Армии и советского народа? На него отвечали многие статьи, подготовленные авторами Совинформбюро.

В1943 году, обращаясь к американцам, Михаил Шолохов писал: "Вот уже скоро два года,. как мы ведем войну -войну жестокую и тяжелую. О том, что нам удалось остановить и отбросить врага, вы знаете. Вы, может быть, недостаточно знаете, с какими трудностями для каждого из нас связана эта война. А мне хотелось бы, чтобы наши друзья знали об этом". М. Шолохов еще в 1941 году написал для Совинформбюро свои первые фронтовые очерки.

"Люди Красной Армии" - так назывался написанный в начале октября 1941 года очерк, в котором М. Шолохов рассказывал о поездке в действующую армию, о встречах на фронтовых дорогах, об увиденном и пережитом. Под-

линник этого и двух других очерков М. Шолохова ("По пути к фронту" и "Первые встречи"), написанных специально для Совинформбюро, хранится в ЦГАОР. Они явились результатом поездки 1\Л. Шолохова, А. Фадеева и Е. Петрова в августе-сентябре 1941 г. на фронт, где они побывали в войсках 19-й армии под Духовщиной. Командующий армией генерал-лейтенант И. С. Конев, вспоминая об этом, впоследствии писал: "Наша встреча в эти очень тяжелые дни была, как я считаю, полезной и для меня и для них. Для них она была полезна тем, что они увидели кусочек войны, а для меня тем, что я почувствовал: страна правильно понимает, как нелегко нам приходится, и вот лучшие ее писатели приходят к нам, солдатам, идут на передовую, в боевые порядки. Не скрою, в те дни это было для меня большой моральной поддержкой. Кроме всего прочего, это создавало уверенность, что передовая наша, интеллигенция готова до конца разделить нашу участь и, ееря в окончательную победу, выдержать тот страшный натиск немцев, который уже привел их на дальние подступы к Москве".

Многие фронтовые наблюдения Шолохова отозвались затем в романе "Они сражались за Родину", рассказах "Наука ненависти" и "Судьба человека".

Героизм воинов Красной Армии на фронте, работа тыла, культурная жизнь Советского Союза в военные годы - все это вызывало живейший интерес среди широких масс в странах - союзниках по антигитлеровской коалиции, в нейтральных государствах. Советское Информбюро снабжало материалами наши посольства, миссии и консульства в разных частях света. Зарубежные советские представительства использовали их в издаваемых ими бюллетенях, передавали для публикации в редакции газет и журналов.

В адрес Совинформбюро приходили письма из многих стран мира, в которых выражалось чувство признательности Красной Армии и советскому народу, преградившим дорогу гитлеровской чуме. Из Англии: "Привет храброй Красной Армии и всему советскому народу. Вместе мы добьемся победы над фашистскими поработителями, обеспечим всем народам мир, свободу, счастье". Из индийского города К6-чина в начале 1942 года, после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, пришло послание, в котором говорилось: "Мы приветствуем вас, свободных рабочих, крестьян и интеллигенцию советской земли, за воодушевляющие действия, которыми вы в настоящее время начали контрнаступление после храброго шестимесячного сопротивления зверской атаке германских фашистов".

В августе 1942 года, когда фашистские полчища подошли к Сталинграду, Леонид Леонов написал письмо "Неизвестному американскому другу". "Мой добрый друг, - говорилось в конце этого замечательного публицистического выступления, - подумай о происходящем вокруг. Вот сыновья героев 1914-1918 годов ложатся на кости своих отцов, не успевшие истлеть на полях сражений. Какие гарантии у тебя, что и твой голубоглазый мальчик, соскользнув с злодейского штыка, не упадет на кости деда?

Цивилизации гибнут, как и люди. Бездне нет предела. Помни, потухают и звезды.

Мы, Россия, произнесли свое слово: Освобождение. Мы отдаем все, что имеем, делу победы. Еще не родилось искусство, чтобы соразмерно рассказать об отваге наших армий. Они отдают жизнь за самое главное, чему и ты себя считаешь другом.

Но... amicus cognoscitur amore, more, ore, re[1].

Я опускаю это письмо в почтовый ящик мира.

Дойдет ли оно?"

Страстное слово советского писателя достигло адресата. По подсчетам американских радиокомпаний, письмо Леонова, прочитанное по радио, услышали не меньше 10 миллионов человек. Редакции газет, в которых оно было опубликовано, получили около тысячи писем американцев, поддержавших призыв писателя к скорейшему открытию второго фронта.

Спустя год Леонов написал второе письмо "Неизвестному американскому другу", также имевшее большой успех.

Горячим призывом к открытию второго фронта в Европе были проникнуты многие статьи Ильи Эренбурга, с гневом он писал о тех политических и военных кругах Запада, которые не торопились разделить с Советским Союзом всю тяжесть борьбы с гитлеровскими полчищами. В его

[1] **Друг** познается по любви, **по** нраву, по лицу, по делу (лат,).

обращении к выдающемуся чилийскому поэту Пабло Неруде, написанном в середине сентября 1942 года, говорилось: "Мы встретились в обреченной Испании. Мы расстались в обреченном Париже. Мы многое потеряли. Расставаясь, мы говорили о верности: мы сохранили веру. Я хочу теперь сказать Вам, что на русской земле идет грозная битва: за нас, за вас, за Париж, за Америку, за нашу любимицу Испанию, за гуманизм, за искусство, за жизнь. Я хочу Вам сказать, что мы сражаемся одни против страшной силы, что все народы и все люди должны услышать бурю над Волгой и вступить в бой... Вы слышали запах коричневой смерти. Скажите Вашим друзьям, скажите Вашему народу, скажите всем народам Америки, что наступил двенадцатый час. Если Америка не пойдет походом на Германию, Германия пойдет походом на Америку".

Нельзя сказать, что прямые и острые выступления советского писателя вызывали восторг буржуазной прессы. Эренбурга обвиняли в том, что его статьи носят пропагандистский характер, призывали к "объективности", т. е. к отказу от постановки вопросов, волновавших не только советский народ, но и всех честных людей, стремившихся к скорейшей победе над фашизмом. Но Эренбург твердо отстаивал свою точку зрения.

К публицистическим выступлениям Л. Леонова и И. Эренбурга примыкает статья Константина Федина "Волга - Миссисипи", отправленная Советским Информбюро в США в августе 1942 года. В ней Федин писал: "Мы отдаем драгоценнейшие силы, чтобы остановить лавину танков Гитлера, чтобы перебить ненавистных фашистских солдат, брошенных наперерез Волге.

Волгу отдавать нельзя. Мы ее не отдадим.

Но, дорогой друг американец, не забывай, что Волга - это Миссисипи и что Гитлер стоит где-то в ста километрах от нее. А для того, чтобы отстоять такие реки, как Волга и" Миссисипи, нельзя терять времени".

В марте 1943 года, после окончания победоносного сражения на Волге у Сталинграда, К. Федин отправил через Советское Информбюро в США "Письма русского". Во вступлении к ним автор писал: "Мир с изумлением следит за героической борьбой Красной Армии, показавшей образцы отваги, мужества, военно-технической мощи и стратегического искусства. Изумление вызывают повсюду за границей не только результаты наступления Красной Армии, но и вопрос, из каких источников черпает силу русский народ для своего наступательного порыва, каким характером обладает человек, сумевший устоять под чудовищным напором на него германской военной машины и - в единоборстве - нанести ей невиданный урон. Вопросу о характере русского человека я и хочу посвятить свои корреспонденции, назвав их "Письмами русского".

Подводя кзк бы итог своим размышлениям о русском характере, Федин пишет: "Есть две черты, которые проявляют русские особенно в моменты опасности: приспособляемость и решимость". И далее: "Приспособляемость, то есть способность трудиться в самых изменчивых условиях, быстро приноравливаться к ним, и решимость, то есть готовность без колебаний пожертвовать любыми плодами своего труда, если это нужно для важной цели".

Как эти, так и другие статьи Федина вызывали большой интерес у читателей. В отчете о работе группы литературы и искусства Совинформбюро за первый год войны отмечается: "В США за последнее время особый успех имели фронтовые очерки Константина Федина. Они были посланы в агентство НАНА и получили прекрасный отзыв агентства, которое просило продолжить эти очерки".

НАНА просило Совинформбюро присылать новые статьи Федина, и он стал постоянным корреспондентом этого агентства после гибели на боевом посту летом 1942 года корреспондента Совинформбюро Е,'Петрова. Для НАНА писали также В. Лидии, Вс. Иванов, К. Симонов. Большой резонанс имели, например, пять очерков Симонова об Орловско-Курской битве.

Через Совинформбюро шли письма с прямым обращением советских писателей к своим зарубежным коллегам-литераторам. 22 августа 1942 года секретарь президиума Союза советских писателей СССР Александр Фадеев телеграфировал в Лондон: "От имени советских писателей приношу глубокую благодарность за братское, приветствие английских писателей... Вся работа нашей всесоюзной творческой организации писателей - Союза советских писателей подчинена интересам войны против кровавого гитлеровского бандитизма... Крепкая боевая действенная

дружба соратников в борьбе против гитлеризма нужна особенно теперь, когда для сохранения миллионов человеческих жизней и ценнейших достижений культуры необходимо скорее разорвать гитлеровские полчища и разгромить их. Горячий братский привет писателям Англии".

В августе 1941 года Алексей Толстой адресовал письмо в редакцию журнала "Хоризон мэгэзин", в котором благодарил издателей этого журнала за дружеское приветствие советским писателям. "Мы, советские писатели, - говорилось в письме, - так же, как наша Красная Армия и все единодушно и братски сплоченные народы Советского Союза, полны оптимизма. Борьба тяжела и упорна. Враг, как раненое чудовище, напрягает все свои силы, но мощь сопротивления нашей армии растет с каждым днем... Передайте от имени советской литературы дружеский, братский привет писателям Англии и Америки - всем, кто отдает свои силы для уничтожения на нашей земле кровавого и зверского фашизма. От всех нас зависит, чтобы скорее миновала эта черная ночь".

Месяцем раньше Толстой направил в Совинформбюро свой "Рассказ связиста". За этим последовали его статьи "Почему Гитлер должен потерпеть поражение", "Поправка к сообщениям фашистской прессы о бомбардировках Москвы" и др. О том, какое важное значение писатель придавал своему сотрудничеству в Совинформбюро, свидетельствует приписка, сделанная им 23 июля 1941 года к статье "Почему Гитлер должен потерпеть поражение": "Прошу извинения, что непредвиденная случайность заставила задержать эту статью на один день". Статья предназначалась автором для английской газеты "Ньюс кроникл".

А. Толстой был членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Не случайно он часто рассказывал зарубежным читателям о злодеяниях гитлеровцев на советской земле.

Через Советское Информбюро а зарубежную печать была передана в декабре 1942 года речь академика А. Толстого на сессии Академии наук СССР. В разгар небывалой в истории войны писатель говорил: "В этой войне не счастье, не случай и не только талант полководца принесут победу: победит та сторона, у которой больше моторов и тверже нравственный дух народа... Вот почему особенно уместно в наши дни говорить о литературе, о каменщиках крепости невидимой, крепости души народной".

Толстой говорил о том, что война открыла новый этап развития советской литературы. "Мы присутствуем при удивительном явлении. Казалось бы, грохот войны должен заглушить голос поэта, должен огрублять, упрощать литературу, укладывать ее в узкую щель окопа. Но воюющий народ, находя в себе все больше и больше нравственных сил в кровавой и беспощадной борьбе, где только победа или смерть, - все настоятельнее требует от своей литературы больших слов. И советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа. Она находит слова правды, высокохудожественной формы и ту божественную меру, которая свойственна народному искусству. Пусть это только начало. Но это начало великого".

Писатель с гордостью отметил, что в рядах действующей армии, среди воюющего советского народа, находятся девятьсот советских писателей - романистов, драматургов, поэтов, очеркистов, что, помимо непосредственных задач борьбы, они проходят высокую школу художественного опыта. Высказанные А. Толстым мысли имели непосредственное отношение к творческой деятельности писателей и журналистов в Советском Информбюро. Очерки и рассказы, созданные на документальной основе, репортажи вошли в золотой фонд советской литературы периода Великой Отечественной войны.

В этом смысле представляют интерес высказывания Петра Лидова - автора известных очерков о Тане - Зое Космодемьянской: "Я считаю, что триумф "Тани" - это триумф чудесной русской девушки Зои Космодемьянской, моя же роль - это скромная роль репортера, протоколиста событий, который по рассказам очевидцев добросовестно и пунктуально записал все, что связано с подвигом и гибелью нашей героини. Успех очерков о Тане в том, что они от начала до конца документальны, протокольны, и в них нет ни вымысла, ни пустой и звонкой фразы, так часто спасающей очеркиста, не запасшегося достаточным количеством добротных фактов. Мой жанр - не очерк, не репортаж, а злободневная корреспонденция, построенная на факте. И еще:

"Информация - это черный хлеб газеты. Трудный, но необходимый".

Конечно, эти слова нельзя понимать так, что их автор ратует за простое фртографирование событий. Если бы очерк Лидова "Таня" не имел силы художественного произведения, он не произвел бы такое сильное впечатление ни на советских, ни на зарубежных его читателей. На имя П. Лидова пришло очень много взволнованных писем. Вот что писала ему группа фронтовиков: "Сейчас ночь, темная и грозная. Нас пятеро, командиров Красной Армии. Сидим мы в землянке. Бой давно стих, а с рассветом он начнется заново. Нам бы поспать, но спать невозможно. Все мысли о прочитанном. Никогда ничего не читали мы так страстно, так горячо".

О месте факта в литературе говорилось на писательском совещании в Совинформбюро, состоявшемся 9 мая 1942 года. На нем выступали А. Сурков, В. Инбер, К. Финн. А. Сурков говорил об умении пропагандировать фактами, взятыми из действительности. "Если люди пишут о партизанах, не видя их, - сказала В. Инбер, - это не годится, но добиваться точной фотографичности, может быть, не стоит, - должно быть подлинное правдоподобие, и тут нужно соблюдать определенный такт и соблюдать чувство ответственности".

К. Финн заявил: "Факт - это вовсе не есть величина постоянная, факт - это величина переменная. По-моему, для писателя являются фактом и представляют интерес для заграницы следующие обстоятельства. Например, завод переехал в очень трудные условия, но он выполняет... план, установленный в московских условиях/И вот если мы об этом запасе прочности, который имеется в советском человеке, который, вообще говоря, является тем прекрасным, что рождено на нашей земле... об этом напишем, напишем так, как нужно, и покажем эту мощность - это будет факт, факт описанный. В этом вся суть вопроса".

И. Эренбург в 1944 году в статье "Сила слова" писал, что "миллионы людей жадно ищут в газетах статью, помеченную: "От военного корреспондента". Они хотят найти подтекст к скупым словам сводок. Да и фронтовик хочет взглянуть на себя, понять характер этой войны, причину успеха или неуспеха, природу врага, его нисхождение, подъем нашей армии. Военные корреспонденты - это глаза страны, и это скромные люди, капитаны, майоры или подполковники, которые делят с армией все трудности походной жизни".

Эти слова в полной мере относятся и к военным корреспондентам, писавшим для зарубежной печати.

В одном из отчетов Совинформбюро отмечается, что наибольшим успехом в английской печати пользуются статьи Е. Кригера, Б. Полевого, Б. Горбатова, В. Гроссмана. Далее в отчете говорилось: "Яркая статья Кригера с актуальным боевым репортажем с 1-го Украинского фронта, посланная нами в Лондон и опубликованная в "Дейли экспресс" 30 марта 1944 года, привела к тому, что эта чуть ли не самая крупная газета в мире, несмотря на наличие у нее специального корреспондента в Москве, обратилась к нам с просьбой прикрепить к ней Кригера как постоянного корреспондента. В день третьей годовщины Великой Отечественной войны "Дейли экспресс" поместила под крупной шапкой на видном месте статью Е. Кригера, посвященную этой дате".

В другом отчете отмечалось, что канадская газета "Стар уикли" "регулярно печатает статьи майора Б. Полевого, которых лишь за первые месяцы 1944 года опубликовано 16". Та же газета охотно печатала статьи о жизни советских детей во время войны и о судьбе сирот, если их писали такие авторы, как Е. Кононенко или Т. Тэсс.

Активно сотрудничал в Советском Информбюро О. Савич. В мае 1942 года на его имя поступила телеграмма из американского агентства Оверсис Ньюс: "Корреспонденции обычно превосходны. Они помещаются в "Нью-Йорк пост", "Бостон глоб", "Монреаль газетт", "Торонто стар" и во многих других газетах... Советую посылать больше корреспонденции с фронта. Мы особенно интересуемся действиями партизан, а также беседами с выдающимися руководителями". Писатель быстро откликнулся на это пожелание, и в Оверсис Ньюс были посланы статьи о советских партизанах. На войне не просто взять интервью у видного военачальника. К. Финн чуть ли не первым написал о генерал-лейтенанте, будущем Маршале Советского Союза К. Рокоссовском. Писатель нарисовал выразительный портрет полководца, который сказал: "Я бью немцев. И буду бить. Они проиграют войну. Это бесспорно. Они проиграют

войну нам. Вопрос во времени. Только". Это было сказано, и записано в октябре сорок первого года, когда на Западе кое-кто уже списал Красную Армию со счета...

Совинформбюро провело несколько совещаний своего авторского актива В архиве хранится стенограмма одного из таких совещаний, состоявшегося 14 марта 1942 года. Заместитель начальника Совинформбюро С. Лозовский говорил: "Мы получили такую мировую аудиторию, при которой от каждого из нас требуется взвешивать каждую фразу, каждое слово. От этого зависит воздействие, влияние, правильная информация о Советском Союзе... Нам нужно не только большое количество разнообразных статей, нам нужны статьи высокого качества... Отдельные факты, обобщения должны показать боевые качества нашей армии, единство фронта и тыла... Если исходить из того, что подготовку хороших статей, очерков считать политическим делом, то каждый должен считать заказ Информбюро боевым заданием... У нас есть тенденция изображать фронт в виде идиллии... Но ведь это же война... И то, что мы эти трудности войны преодолеваем и через кровь и смерть идем вперед, - все это надо показать. Не в том сила нашей страны, что мы легко все делаем, а в том, что, несмотря на огромные трудности, огромные жертвы, мы идем вперед при непоколебимом моральном единстве. Это значит по-настоящему изображать, что такое Советский Союз и в чем сила Советского Союза".

"Опыт этой войны показал, - сказал Е. Петров, - что у нас есть много журналистов, которые блестяще себя показали и с литературной стороны. Многие статьи наших журналистов, например Кригера, Курганова, Лидова, которые пишут с фронта, шли бы нарасхват в той же Америке".

"Мне кажется очень важным, - поддержал его А. Сурков, - чтобы Информбюро завязало регулярные хорошие, плотные связи с корреспондентским корпусом, которым располагает наша печать на всех фронтах. Там есть люди, выросшие на войне".

В результате Е. Кригер, П. Лидов, а также О. Курганов и многие другие фронтовые корреспонденты были привлечены в качестве авторов Совинформбюро.

Следует остановиться на одной, мало освещенной в печати стороне деятельности Совинформбюро, такой, как издание книг и брошюр. Старейший советский писатель Н. Михайлов в своей книге "Черствые именины" вспоминает: "Как-то само собой выпала в жизни дополнительная должность - писать книги особо для зарубежного читателя. Их заказывали мне, а сами заключали договоры с иностранными издателями - сначала "Международная книга", потом книжный отдел Совинформбюро, потом, в наши дни. Издательство АПН".

Еще до войны, в 1935 году, в Лондоне вышла первая такая книга Н. Михайлова - "Новое лицо России". С тех пор на 48 языках народов мира вышли 279 изданий его книг. В годы Великой Отечественной войны Н. Михайловым была написана книга "Борьба и труд русского народа". По неполным данным, она была издана в семи странах под разными названиями - "Русская история", "Русская слава", "Русский фронт" и т. д.

В 1944 году Совинформбюро снабжало материалами 32 телеграфных и газетных агентства, 18 радиостанций во многих странах - США, Англии, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Индии, Китае, Мексике, Уругвае, на Кубе. В том же году за границу было направлено около 60 тысяч статей, многие из них были взяты из советской печати. Всего же за годы войны Совинформбюро выслало зарубежным газетам, журналам, радиостанциям, в бюллетени советских посольств и миссий около 135 тысяч статей. Цифра поистине колоссальная!

С начала Великой Отечественной войны советское посольство в Англии выпускало ежедневный бюллетень "Совьет уор ньюс" ("Советские военные новости"). В январе 1942 года бюллетень был преобразован в еженедельную газету. Адмирал Николай Харламов, руководивший в годы войны советской военной миссией в Лондоне, вспоминает: "Хорошо помню,когда редактор газеты Семен Ростовский - Эрнст Генри принес мне тот первый, еще пахнувший типографской краской номер восьмиполосной "Совьет уор ньюс уикли". Для нас это было радостное событие. Ведь издание "Совьет уор ньюс уикли" стало своего рода символом крепнущих союзнических связей между Советским Союзом и Англией. К тому же мы понимали, что через нашу газету британцы будут узнавать правду о борьбе советских людей против фашистских захватчиков, о героизме Красной Армии*.

Широкое проникновение материалов советских авторов в печать капиталистических стран объяснялось в первую очередь тем, что победы Красной Армии и героическое сопротивление советского народа вызвали во всем мире небывалый интерес к нашей стране. В этой войне Страна Советов не только отстаивала и отстояла свою свободу и независимость, но и спасла от фашистского порабощения народы всего мира

Увлекательно перелистывать и изучать архивные дела. Материалы Советского Информбюро создают широкую картину войны, в ходе которой решалась судьба человечества. Собранные вместе, эти документы становятся летописью огненных лет, написанной советскими писателями и журналистами.

С. КРАСИЛЬЩИК

СОДЕРЖАНИЕ

1943

7 В. ВИШНЕВСКИЙ
Битва на Неве

11 Е. КРИГЕР
Ответ Сталинграда

20 К. СИМОНОВ
Краснодар

27 Л. СОБОЛЕВ
Зубковская батарея

31 Л. СЛАВИН
Дороги идут на запад

36 В. ИНБЕР
Так надо

40 О. КУРГАНОВ
Три километра на запад

49 К. ЧУКОВСКИЙ
Фундамент победы

52 Ф. ПАНФЕРОВ
Уральцы

57 И. ЭРЕНБУРГ
Возвращение Прозерпины

62 М. ШОЛОХОВ
Письмо американским друзьям

66 Е. ГАБРИЛОВИЧ
Охотники за "языками"

72 И. ЭРЕНБУРГ
Их наступление

74 Е. ВОРОБЬЕВ
Кладбище танков

79 А. ПЛАТОНОВ
Никодим Максимов

86 В. ГРОССМАН
Орел

91 Ю. ЖУКОВ
Конец Белгородского направления

96 А. ТОЛСТОЙ
Русская сила

98 К. СИМОНОВ
Песня

105 И. ЭРЕНБУРГ
2 сентября 1943 года

109 Б. ГОРБАТОВ
Мариуполь

112 А. ФАДЕЕВ
Бессмертие

119 С. БОРЗЕНКО
"Малая земля"

125 В. ВИШНЕВСКИЙ
Балтика – Новороссийску

127 Б. ПОЛЕВОЙ
Вторая Полтавская битва

131 Е. ВОРОБЬЕВ
Утро Смоленска

136 Л. ЛЕОНОВ
Неизвестному американскому другу.
Письмо второе

145 А. ПЛАТОНОВ
Девушка Роза

151 В. ГРОССМАН
Первый день на Днепре

160 Л. ПЕРВОМАЙСКИЙ
Днепровская быль

164 Е. КРИГЕР
Чуден Днепр...

1944

175 И. ЭРЕНБУРГ
Победа человека

179 Н. ТИХОНОВ
Победа!

187 К. ФЕДИН
Ленинградка

194 Б. ГОРБАТОВ
Чувство движения

197 А. ВЕНЦЛОВА
Мария Мельникайте

200 Я. КОЛАС
Лагерь смерти

205 А. ПЛАТОНОВ
Сын народа

213 К. СИМОНОВ
Задержано доставкой...

217 Б. ГОРБАТОВ
Весна на юге

223 Е. КРИГЕР
Штурм Севастополя

234 В. КОЖЕВНИКОВ
На берегу Черного моря

240 Б. ПОЛЕВОЙ
Дочери Молдавии

244 И. ЭРЕНБУРГ
Три года

250 В. ГРОССМАН
Бобруйский "котел"

261 Н. РЫБАК
Ковпак

267 Е. ВОРОБЬЕВ
Пятеро в лодке

273 И. ЭРЕНБУРГ
18 июля 1944 года

276 Л. ЛЕОНОВ
Немцы в Москве

280 В. ГРОССМАН
Бои в Люблине

283 Б. ГОРБАТОВ
Лагерь на Майданеке

300 С. БОРЗЕНКО
На том берегу

303 А. МАЛЫШКО, А. ВЕРХОЛЕТОВ
Хозяин неба – Александр Покрышкин

307 И. ЭРЕНБУРГ
Весна в октябре

315 Г. ФИШ
В Северной Норвегии

317 Б. ПОЛЕВОЙ
Ровесник Родины

321 И. ЭРЕНБУРГ
Герои "Нормандии"

324 К. СИМОНОВ
Старшина Ерещенко

1945

333 В. ВИШНЕВСКИЙ
Привет 1945-му – году Победы!

336 Б. ПОЛЕВОЙ
В Кракове

340 В. ГРОССМАН
Сила наступления

351 И. ЭРЕНБУРГ
24 января 1945 года

355 Е. КРИГЕР
Глубина фронта

361 Н. ТИХОНОВ
Армия-освободительница

363 Б. ПОЛЕВОЙ
Имени СССР

367 В. ВИШНЕВСКИЙ
День в Цоппоте

371 К. СИМОНОВ
Встреча в Куманче

382 Е. ВОРОБЬЕВ
Трубка снайпера

390 Вс. ИВАНОВ
Великая битва

397 В. ВИШНЕВСКИЙ
Уличные бои в Берлине

404 И. ЭРЕНБУРГ
27 апреля 1945 года

408 Б. ГОРБАТОВ
В районах Берлина

413 П. ТРОЯНОВСКИЙ
Берлин в огне

424 Л. ЛЕОНОВ
Утро Победы

430 Б. ГОРБАТОВ
Капитуляция

435 Б. ПОЛЕВОЙ
Освобождение Праги

Л. ЛЕОНОВ
440 Имя радости

К. ФЕДИН
444 Вершина

Вс. ИВАНОВ
450 Парад бессмертной славы

С. КРАСИЛЬЩИК
Летопись огненных лет.
Писатели в Совинформбюро
457 (1941 – 1945 гг.)

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО...
Публицистика и очерки военных лет
1941—1945, том 2

ЦБ № 7797

Редактор Е. Кузнецова, Младший редактор З. Машкова Художники В. Анохин, В. Прохоров. Художественный редактор И. Кирсанова
Составитель иллюстраций З- Микоша. Фоторедактор Л. Дегтярева Технический редактор Л. Колесова. Корректор О. Зурабишвили. Технолог Л. Пчельникова

Сдано в набор 8.02.84 г. Подписано в печать 22.06.84 г.
Формат 84x108/32. Объем 15,0 п. л. текста-*-1,5 п. л. илл., 27.72 усл. л., 28,8 уч.-изд. л.
Тираж 100 000 экз. Зак. 2309. Изд. № 6721. Цена в обложке—1 р. 40 к. (70000 экз.)
цена в тканевом переплете 1 р. 50 к. (30000 экз.)

Издательство Агентства печати Новости
Типография Издательства Агентства печати Новости
Москва, ул. Ф. Энгельса, 46

ПУБЛИЦИСТИКА И ОЧЕРКИ ВОЕННЫХ ЛЕТ 1941-1945

1р. 40к.

Писатели и публицисты:

С. Борзенко
А. Венцлова
А. Верхолетов
В. Вишневский
Б. Войтехов
Е. Воробьев
Е. Габрилович
Б. Горбатов
В. Гроссман
А. Довженко
Ю. Жуков
Вс. Иванов
В. Инбер
А. Каплер
В. Кожевников
Я. Колас
А. Кривицкий
Е. Кригер
П. Крылов
О. Курганов
Б. Лавренев
Б. Лапин
Г. Леонидзе
Л. Леонов
П. Лидов
А. Малышко
Л. Никулин
П. Нилин
П. Павленко
Ф. Панферов
Л. Первомайский
Е. Петров
А. Платонов
Б. Полевой
Н. Рыбак
М. Рыльский
Л. Сейфуллина
К. Симонов
Л. Славин
Л. Соболев
В. Ставский
Н. Тихонов
А. Толстой
П. Трояновский
А. Фадеев
К. Федин
К. Финн
Г. Фиш
А. Хамадан
З. Хацревин
К. Чуковский
М. Шолохов
И. Эренбург

Фотокорреспонденты:

М. Альперт
А. Архипов
А. Бродский
Н. Вихирев
В. Гребнев
А. Григорьев
Э. Евзерихин
В. Доброницкий
Г. Зельма
А. Капустянский
В. Кинеловский
Б. Кудояров
Ф. Левшин
М. Марков-Гринберг
А. Межуев
А. Морозов
Г. Петрусов
М. Редькин
Я. Рюмкин
М. Трахман
А. Устинов
Е. Халдей
И. Шагин
А. Шайхет
В. Юдин
Б. Ярославцев

Издательство АПН выражает благодарность всем,
кто принял участие в подготовке этой книги